

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Н О Я В Р Ъ

1867.

РЯЗАНСКИЙ ГОСПЕДУНИВЕРСИТЕТЪ (ЧЕТВЕРТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.)
им. С. А. ЕСЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЧАСТЬ СХХХVI.

НИКОЛАЕВСКОЙ
АКАДЕМИИ
ГЕНЕРАЛЬНАГО
ШТАБА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ печати В. Головина, у Владимірской церкви, домъ № 15.

Фонд 1867.
редких книг

Проверено

20 64 год

г. Рязань ул. Свободы, 48
БИБЛИОТЕКА
Института

СОДЕРЖАНИЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

- Греко-Вактрійское царство . . . . . В. В. Григорьева.
- Ульрихъ фонъ-Лихтенштейнъ (Рыцарское служе-
ніе женщинъ въ средніе вѣка). . . . . М. Н. Петрова.
- Лейбницъ и его вѣкъ (Гл. VI. Взглядъ Лейбница
на религію и старанія его о соединеніи церквей). В. И. Герье.
- Политическія теоріи XIX столѣтія (I. Бюшезъ.
Статья первая). . . . . А. Д. Градовскаго.
- Опытъ исторіи состоянія городскихъ обывате-
лей въ Россіи при Петрѣ Великомъ. III. . А. П. Шигары.
- Замѣтка о топонимическихъ названіяхъ вообще. Я. К. Грота.
- Новый иконографическій словарь — Кайзъ . . . К. В. Герца.
- Обозрѣніе русскихъ журналовъ. (V. Географія). . . . .
- Обозрѣніе иностранныхъ журналовъ. (VI. Эстетика и исторія искусства). . . . .
- Наша учебная литература (Первоначальный курсъ
латинскаго языка). . . . . А. А. Радонежскаго.
- СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. (См. на 3-й стр. обѣртви).

О ПОДПИСКѢ
НА
ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
НА 1868 ГОДЪ.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія будетъ издаваться въ 1868 году по той же программѣ, какъ и въ истекающемъ году. Книжки его будутъ выходить въ свѣтъ въ концѣ каждаго мѣсяца. Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ безъ пересылки или доставки **двѣнадцать рублей**, съ пересылкой или доставкой **тринадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ**. Лица служащія, выписывающія журналъ при посредствѣ своего начальства, могутъ вносить эту плату по третямъ года. Иногородныхъ подписчиковъ редакція имѣетъ честь покорнѣйше просить, по возможности, адресовать ихъ требованія прямо въ редакцію (въ С.-Петербургѣ, на Николаевской улицѣ, въ домѣ Губиныхъ). Тамъ же принимается подписка и отъ проживающихъ въ С.-Петербургѣ по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ отъ 10 до 12 часовъ утра.

Вслѣдствіе неоднократно постунавшихъ, въ теченіе этого года, заявленій подписчиковъ о недоставленіи имъ или о позднемъ полученіи ими нѣкоторыхъ книжекъ журнала, редакція имѣетъ честь увѣдомить, что всѣ вновь выходящія книжки журнала сдаются ей, **по большей мѣрѣ**, въ теченіе недѣли со дня объявленія о выходѣ въ свѣтъ книжки, въ Газетную Экспедицію

С.-Петербургскаго Почтамта въ соотвѣтствующемъ наличному числу подписчиковъ количествѣ экземпляровъ, съ приложеніемъ печатныхъ ихъ адресовъ, а потому, независимо отъ увѣдомленія редакціи о несвоевременной доставкѣ или и о совершенномъ неполученіи той или другой книжки журнала, подписчики благоволятъ прямо обращаться отъ себя въ газетную экспедицію; впрочемъ, съ своей стороны редакція приметъ всѣ зависящія отъ нея мѣры къ совершенному, по возможности, устраненію подобныхъ случаевъ.

По примѣру второй половины нынѣшняго года, редакція и въ наступающемъ году будетъ охотно помѣщать въ концѣ каждой книжки *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* **книгопродавческія и издательскія объявленія** о книгахъ ученаго и учебнаго содержанія, но не иначе какъ за плату по 5 рублей со страницы журнала, и разсылать уже напечатанные **книгопродавческія объявленія и каталоги на листахъ**, въ видѣ особаго приложенія, за плату по 5 руб. за каждую тысячу экземпляровъ. Публикаціи о книгахъ или изданіяхъ, отвергаемыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія и прямо запрещаемыхъ имъ для подвѣдомыхъ ему заведеній, не будутъ вовсе принимаемы редакціей; но съ другой стороны само собою разумѣется, что помѣщеніе книги или изданія въ книгопродавческомъ или издательскомъ объявленіи, напечатанномъ въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, отнюдь не можетъ почитаться равносильнымъ одобренію или рекомендаціи этой книги министерствомъ просвѣщенія.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ СXXXVI

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Печатня В. Головина, Владимірская, № 15
1867

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

10. (30-го октября 1867 года). *Объ открытіи въ городъ Красноярскъ гимназіи.*

Высочайше утвержденнымъ мѣбніемъ государственнаго совѣта повелѣно:

1) Для облегченія жителямъ Енисейской губерніи способовъ къ доставленію дѣтямъ гимназическаго образованія и по вниманію къ сдѣланному ими жителями пожертвованію на учрежденіе въ городѣ Красноярскѣ гимназіи, образовать тамъ такое заведеніе, на основаніяхъ устава и штатовъ гимназій и прогимназій, Высочайше утвержденныхъ 19-го ноября 1864 года.

2) Открытіе гимназіи производить постепенно, начиная съ 1-го іюля 1868 г., по мѣрѣ отпуска на эту гимназію суммъ, которыя будутъ вносимы въ смѣты министерства народнаго просвѣщенія, съ тѣмъ чтобы съ открытіемъ въ 1872 г. высшаго класса, Красноярская гимназія могла получать уже всю слѣдующую на ея содержаніе сумму, по 21.880 руб. въ годъ.

3) Причитающіеся, по исчисленію министра народнаго просвѣщенія, на первый годъ существованія гимназіи 9.580 р. ассигновать къ отпуску изъ государственнаго казначейства, съ тѣмъ чтобы въ 1868 году была отпущена лишь половина этой суммы, за время съ 1-го іюля, то-есть, 4.790 рублей.

4) На директора Красноярской гимназіи возложить завѣдываніе низшими училищами Енисейской губерніи, и производить ему изъ суммъ государственнаго казначейства, наравнѣ съ прочими губернскими директорами училищъ, разѣздныхъ денегъ по 250 рублей въ годъ, независимо отъ содержанія по должности директора гимназіи.

5) На будущее, съ 1868 года, время заносить въ подлежащія подраздѣленія расходныхъ министерства народнаго просвѣщенія смѣты, назначаемыя на содержаніе Красноярской гимназіи и на разѣзды ея директору суммы, по приведенному въ предшествовавшихъ пунктахъ разчету, то-есть, съ 1-го іюля 1868 г.

6) Воспитывающихся пинѣ въ пансіонѣ Иркутской гимназіи 14 казенныхъ пансіонеровъ, обязанныхъ службою въ Енисейской губерніи, оставить въ этой гимназіи на прежнемъ основаніи, впредь до устройства пансіона при гимназіи Красноярской.

7) Всѣ распоряженія по образованію Красноярской гимназіи и опредѣленіе порядка постепеннаго открытія оной, съ соотвѣтственнымъ увеличеніемъ суммы на ея содержаніе, предоставитъ генералъ-губернатору Восточной Сибири, съ утвержденія министра народнаго просвѣщенія,

и 8) Существующее въ городѣ Красноярскѣ уѣздное училище оставить на прежнемъ основаніи, предоставивъ министерству народнаго просвѣщенія, въ случаѣ, если бы съ учрежденіемъ гимназіи потребовался какія-либо въ устройствѣ сего училища измѣненія, войти съ особымъ о томъ представленіемъ.

II. ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ.

13-го октября 1867 года (№ 20). *Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлью: лектору Императорскаго С.-Петербургскаго университета Пинто — на двадцать одинъ день, и причисленному къ министерству народнаго просвѣ-*

щенія, доктору медицины *Дьяконову* — по 1-е іюля 1868 года. Увольняется въ отпускъ за границу: почетный смотритель Лебедянского уѣзднаго училища, коллежскій секретарь *Капнистъ* — на шесть мѣсяцевъ, по болѣзни.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

6. (31-го октября 1867 года). *Положеніе о сберегательно-ссудной кассѣ при Новгородской гимназій.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Сберегательно-ссудная касса при Новгородской гимназій учреждается съ двойною цѣлію: 1) чтобы въ случаѣ необходимости членамъ кассы можно было дѣлать заемъ и 2) чтобы сберечь изъ получаемаго содержанія небольшую сумму.

§ 2. Членами кассы могутъ быть только служащіе по министерству народнаго просвѣщенія и проживающіе въ г. Новгородѣ.

§ 3. Касса составляетъ неприкосновенную собственность всѣхъ членовъ ея.

§ 4. Каждый служащій по министерству народнаго просвѣщенія и проживающій въ Новгородѣ, желая быть членомъ кассы, обязанъ внести первоначально не менѣе десяти руб. и за тѣмъ ежемѣсячно 3^о/_о получаемаго содержанія, если эти 3^о/_о не превышаютъ трехъ рублей; въ противномъ случаѣ, взносъ ежемѣсячный ограничивается тремя рублями.

§ 5. Одинъ изъ членовъ кассы избирается большинствомъ голосовъ кассиромъ, а другой кандидатомъ. Выборы производятся ежегодно въ началѣ января, при чемъ повѣряются книги и свидѣтельствуется касса.

§ 6. Кассиръ ведетъ шнуровую книгу, гдѣ на имя каждаго члена вписываются всѣ его вклады.

§ 7. Всякій членъ имѣетъ право дѣлать заемъ въ кассѣ сро-

комъ не болѣе, какъ на полгода, и уплачивая за это по $\frac{1}{2}$ 0/0 съ занятой суммы ежемѣсячно.

§ 8. Заемъ не долженъ превышать съ одной стороны ежемѣсячнаго жалованья члена, и съ другой — всей суммы кассы, раздѣленной на число членовъ; на примѣръ, если въ кассѣ будетъ 1000 рублей и членовъ будетъ 15 человекъ, то заемъ не можетъ превышать $\frac{1000}{15}$ руб., то-есть, 66 руб.; но членъ, получающій содержанія 50 руб. въ мѣсяцъ, не можетъ занять болѣе 50 руб. Подобное ограниченіе будетъ излишне, когда съ теченіемъ времени сумма кассы увеличится и вкладъ cadaго будетъ превышать его жалованье.

§ 9. Всякій заемъ, превышающій сумму и жалованья и вклада, можетъ быть разрѣшаемъ въ общемъ собраніи членовъ большинствомъ $\frac{2}{3}$ голосовъ.

§ 10. Кассиръ ведетъ книгу займовъ, гдѣ записывается: 1) занятая сумма, 2) время займа, 3) срокъ уплаты и 4) причитающіеся по займу проценты. Все это скрѣпится подписью члена, дѣлающаго заемъ.

Примѣчаніе. Для облегченія расчетовъ, заемъ дѣлается только цѣлыми рублями, и причитающіеся по займу проценты взимаются кассиромъ изъ самаго займа.

§ 11. Ежемѣсячно, предъ выдачей жалованья, кассиръ составляетъ вѣдомость о томъ, сколько слѣдуетъ удержать изъ жалованья cadaго члена въ кассу, и передаетъ ее, кому слѣдуетъ, для исполненія. Въ то же время составляется вѣдомость вкладовъ и займовъ, которая провѣряется членами.

§ 12. Въ концѣ года, то-есть, 31-го декабря, всѣ накопившіеся проценты раздѣляются между членами кассы поровну и приписываются на имя cadaго члена къ его вкладамъ.

§ 13. Членъ, не желающій болѣе участвовать въ кассѣ, заявляетъ о томъ заблаговременно, и въ концѣ мѣсяца получаетъ всѣ свои вклады вмѣстѣ съ процентами, причитающимися ему по день заявленія. Если же въ кассѣ есть свободныя наличныя деньги, то онъ удовлетворяется немедленно.

§ 14. Въ случаѣ смерти члена, всѣ числящіеся на немъ вклады передаются наслѣдникамъ его, а если наслѣдниковъ нѣтъ, то вклады его поступаютъ въ пользу бѣдныхъ учениковъ гимназіи.

§ 15. При накопленіи суммъ въ кассѣ, часть свободныхъ суммъ изъ вкладовъ и изъ процентовъ можетъ быть обращена въ государственныя процентныя бумаги не иначе, какъ съ согласія большинства членовъ, именно $\frac{2}{3}$ голосовъ. Такія процентныя бумаги составляютъ принадлежность всѣхъ членовъ кассы, когда бы эти бумаги ни были приобрѣтены. Всѣ проценты по такимъ бумагамъ дѣлятся тоже поровну между членами.

§ 16. Всѣ суммы, не идущія въ обращеніе, и процентныя бумаги передаются для храненія въ городской общественный банкъ.

§ 17. Повѣрка книгъ и суммъ можетъ быть производима во всякое время членами числомъ не менѣе трехъ.

§ 18. Въ случаѣ прекращенія существованія кассы, всѣ суммы съ процентами раздѣляются между членами кассы.

§ 19. Уставъ въ настоящемъ его видѣ остается въ видѣ опыта на три года, по истеченіи которыхъ члены кассы въ общемъ собраніи могутъ измѣнить и дополнить уставъ, если это окажется нужнымъ, и просить объ окончательномъ утвержденіи его вмѣстѣ съ измѣненіями и дополненіями, какія окажутся нужными и полезными.

§ 20. Сохранность кассы гарантируется только всеобщимъ довѣріемъ всѣхъ членовъ ея къ избранному ими распорядителю кассы. Всякая растрата и пропажа суммъ кассы взыскивается съ виновнаго, на основаніи общихъ постановленій о взысканіяхъ по долговымъ обязательствамъ.

7. (11-го ноября 1867 года). *Циркулярное предложеніе начальствамъ учебныхъ округовъ объ учрежденіи при гимназіяхъ «Библиотеки о мѣстномъ краѣ».*

Въ циркулярѣ по Казанскому учебному округу за октябрь сего года, № 19, между прочимъ, напечатано, что почетный гражданинъ Смышляевъ пожертвовалъ Пермской гимназіи справочную

о Пермскомъ краѣ свою бібліотеку, въ которой заключаются нѣкоторыя, рѣдкія нынѣ, относящіяся къ этому предмету книги.

Объявляя объ этомъ въ приведенномъ циркулярѣ, г. попечитель Казанскаго округа предложилъ директорамъ подвѣдомственныхъ ему гимназій обратить особенное вниманіе на учрежденіе при этихъ учебныхъ заведеніяхъ «*Бібліотеки о мѣстномъ краѣ*».

Признавая учрежденіе такихъ бібліотекъ въ высшей степени полезнымъ, министръ народнаго просвѣщенія покорнѣйше просить гг. попечителей прочихъ учебныхъ округовъ обратить вниманіе директоровъ гимназій и инспекторовъ прогимназій вѣренныхъ имъ округовъ на вышеизложенную мѣру и предложить оную къ исполненію, на сколько это окажется возможнымъ.

IV. ПРИКАЗЪ УПРАВЛЯВШАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІА, ТОВАРИЩА МИНИСТРА.

18-го октября 1867 года (№ 18). *Утверждаются:* заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Срезневскій* — деканомъ историко-филологическаго факультета сего университета, на три года, съ 25-го сентября 1867 года; ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Чернай* — деканомъ физико-математическаго факультета сего университета, на три года, съ 1-го октября 1867 года; бывший экстраординарный профессоръ Московской духовной академіи, магистръ богословія *Соколовъ* — экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Московскаго университета, по кафедрѣ церковнаго права, съ 13-го октября 1867 года; доцентъ Императорскаго Казанскаго университета, бакалавръ *Павловъ* — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ каноническаго права, съ 29-го августа 1867 года; причисленный къ министерству народнаго просвѣще-

нія, коллежскій ассесоръ, докторъ философіи *Троимкій* — экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Казанскаго университета по кафедрѣ философіи, съ 1-го сентября 1867 года, съ отчисленіемъ отъ министерства; доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, докторъ правъ *Михайловъ* — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ исторіи русскаго права, съ 25-го сентября 1867 года; доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, докторъ ботаники *Фаминцынъ* — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ анатоміи и физиологіи растений, съ 25-го сентября 1867 года. *Перемѣщается*: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета по кафедрѣ технической химіи *Менделѣевъ* — тѣмъ же званіемъ на кафедре химіи. *Оставляются на службѣ на пять лѣтъ*: заслуженный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Щуровскій* — съ 31-го марта 1867 года; ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Чернай* — съ 1-го октября 1867 года; окружный инспекторъ Виленскаго учебнаго округа, коллежскій совѣтникъ *Кулинъ* — съ 10-го апрѣля 1867 года. *Назначается*: преподаватель Псковской гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Ивановъ* — директоромъ училищъ Томской губерніи. *Отчисляются отъ министерства народнаго просвѣщенія*: причисленные къ сему министерству: коллежскіе секретари *Морковниковъ* и *Лебедевъ*, магистръ *Соколовъ* и лѣкарь *Владиміровъ*, изъ нихъ: *Морковниковъ*, по случаю опредѣленія его доцентомъ въ Императорскій Казанскій университетъ, съ 21-го августа 1867 года; *Лебедевъ* и *Соколовъ* со дня допущенія къ чтенію лекцій въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, съ званіемъ приватъ-доцента, и *Владиміровъ* со времени допущенія къ занятію должности ординатора хирургической клиники Императорскаго Казанскаго университета. *Увольняются въ отпускъ, за границу, — на двадцать восемь дней*: учитель 2-й Кіевской гимназіи *Сильманъ*; *на четыре мѣсяца*: окружный ин-

спекторъ Одесскаго учебнаго округа, въ званіи камергера, дѣйствительный статскій совѣтникъ князь *Дабиза*, преподаватель Кронштадтской гимназіи, коллежскій ассесоръ *Вондаловскій* и почетные смотрители: Одесскаго уѣзднаго училища графъ *Толстой* и Кишиневскаго 1-го уѣзднаго училища титулярный совѣтникъ *Донигъ*; изъ нихъ *Вондаловскій* и графъ *Толстой* по болѣзни. *Увольняется въ отпускъ въ Подольскую губернію*: дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, губернскій секретарь князь *Долгоруковъ*—на двадцать восемь дней. *Увольняется отъ службы по прошенію*: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ *Бухгеймъ*.

V. ПРИКАЗЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

11-го ноября 1867 года (№ 19). *Утверждаются*: членъ государственнаго совѣта, дѣйствительный тайный совѣтникъ *Иитовъ*—членомъ археографической комиссіи, съ 27-го сентября 1867 года; ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, надворный совѣтникъ *Бекетовъ*—деканомъ физико-математическаго факультета сего университета, на три года, съ 9-го октября 1867 года; ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, надворный совѣтникъ *Щелковъ*—деканомъ медицинскаго факультета сего университета на три года; экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, докторъ физики *Авсенаріусъ*—ординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ физики; агрономъ *Кошевскій*—исправляющимъ должность профессора технологий, сельскаго хозяйства, лѣсоводства и землемѣрія въ Демидовскомъ лицѣ; исправляющій должность директора Ровенской гимназіи, надворный совѣтникъ *Кривоносовъ*—въ сей должности. *Опредѣляется*: докторъ философіи Берлинскаго университета *Кнорре*—вычислителемъ Николаевской главной астрономической

обсерваторіи, съ 11-го августа 1867 года. *Переводится на службу въ министерство народнаго просвѣщенія*: переводчикъ VI класса при азіатскомъ департаментѣ, докторъ греческой словесности, коллежскій совѣтникъ *Дестунисъ* — экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета по кафедрѣ греческой словесности, съ 9-го октября 1867 года. *Назначаются*: причисленный въ министерству народнаго просвѣщенія, надворный совѣтникъ *Кочетовъ* — чинovníкомъ особыхъ порученій VI класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, съ 1-го ноября 1867 года; секретарь канцеляріи министерства Императорскаго двора, коллежскій совѣтникъ *Ланге* — совѣтникомъ комитета правленія Императорской Академіи Наукъ, съ оставленіемъ въ настоящей должности. *Оставляются на службѣ на пять лѣтъ*; исправляющій должность профессора Демидовскаго лица, статскій совѣтникъ *Федоровъ* — со дня выслуги 35-лѣтняго срока; инспекторъ Демидовскаго лица, коллежскій совѣтникъ *Кубли*, съ 28-го сентября 1867 года. *Увольняется по прошенію*: деканъ медицинскаго факультета Императорскаго Харьковскаго университета, ординарный профессоръ сего университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Демонси* — отъ должности декана. *Увольняется въ отпускъ за границу*: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ *фонъ-Эттингенъ* — на зимнее вакаціонное время и двадцать девять дней.

VI. РАСПОРЯЖЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Въ засѣданіи ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, 9-го октября 1867 года, на основаніи мнѣнія члена *Ходнева* о книгѣ, подъ заглавіемъ: «Первые разказы изъ естественной исторіи для семьи, дѣтскаго сада, приотовъ и народ-

ныхъ школь», соч. Германа Вагнера, перев. В. Висковатова (С.-Петербургъ, 1847 г.), представленной переводчицею въ ученый комитетъ для разсмотрѣнія съ тою цѣлію, чтобы, въ случаѣ одобренія, она могла быть допущена къ употребленію въ низшихъ классахъ учебныхъ заведеній министерства въ видѣ книги для чтенія, *Опредѣлено*: 1) одобрить означенную книгу для пріобрѣтенія въ бібліотеки при начальныхъ народныхъ училищахъ, о чемъ представить на благоусмотрѣніе г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія

и 2) на основаніи мнѣнія того же члена, допустить переведенный *Навленковымъ* на русскій языкъ «Полный курсъ физики» Гано, къ употребленію въ гимназіяхъ въ видѣ учебнаго пособия.

Опредѣленія сіи утверждены управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія.

ГРЕКО-БАКТРИЙСКОЕ ЦАРСТВО.

(Изъ лекцій по кафедрѣ Исторіи Востока въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ).

Менѣе чѣмъ черезъ столѣтіе послѣ покоренія Бактріи македонскимъ оружіемъ, страна эта сдѣлалась средоточіемъ сильнаго государства съ греческими царями во главѣ.

Современныхъ историческихъ извѣстій о царствѣ этомъ не имѣется; да крайне скудны и тѣ отрывочныя сказанія о немъ, которыя встрѣчаются у дошедшихъ до насъ позднѣйшихъ классическихъ историковъ. Что же касается до мусульманскихъ писателей, сообщающихъ, въ стихотворной или прозаической рѣчи, историческія преданія Восточной Персіи, у нихъ не находимъ мы объ этомъ царствѣ ни единого слова.

По завоеваніи Бактріи, Александръ Великій, отправляясь въ походъ на Индію, поставилъ управлять Бактрійцами полководца своего *Аминту*, давъ ему 10.000 пѣшаго и 3.050 человекъ коннаго войска (Арріанъ: „Анабасисъ“, кн. IV, гл. XXIII, § 3). По кончинѣ Александра, при первомъ передѣлѣ азійскихъ областей Пердиккою, Бактріана (такъ стали называть Бактрію Греки), если вѣрить Юстину (XIII, 4), осталась по-прежнему за Аминтою, по Арріану же („О наслѣдн. Александра“, § 34) досталась, вмѣстѣ съ Согдіаною, на долю военачальника македонскаго *Стасанора*, а по Діодору Сицилійскому (XVIII, 3) — на долю такого же военачальника, *Филитта* по имени. Въ послѣдствіи, когда преемники власти Александровой подняли оружіе одни противъ другихъ, Бактрійцы, вмѣстѣ съ прочими народами Верхней Азіи, приняли сторону *Эвмена*, а послѣ пораженія его, перешли на сторону *Антигона*, и затѣмъ, когда усилился *Селевкъ Никаторъ*, подчинились этому послѣднему, подъ властію преемниковъ котораго и оставались до временъ Антиоха II. При этомъ государѣ, правитель Бактріаны, *Теодотъ* по имени, отложился, и самъ при-

нялъ царскій титулъ (Юстинъ, XV, 4 и XLI, 4). Таково было начало особаго, независимаго государства, которое принято между учеными новаго времени называть „Греко-Бактрійскимъ“.

Далѣе, узнаемъ отъ Юстина что Арсагъ, вслѣдъ за *Теодотомъ* или *Диодотомъ*, какъ у Страбона (XI, 9, § 3) и Трога Помпелія (въ сохранившемся оглавленіи его исторіи), положившій начало новому, Пароянскому, царству, собирався воевать противъ этого, опаснаго ему, сосѣда, но смерть Теодота остановила войну, а съ сыномъ его, тоже *Теодотомъ* по имени, заключилъ онъ даже союзъ (*ibidem*).

Позже, какъ читаемъ у Поливія, верховною властью въ царствѣ Бактрійскомъ овладѣлъ нѣкто *Эвндемъ*, родомъ изъ Магнезіи. Антіохъ Великій, собирая отторгнувшіяся владѣнія предковъ, послѣ успѣховъ, одержанныхъ имъ надъ Пароянами, обратилъ оружіе свое и противъ этого Эвндема. Изъ сохранившихся отрывковъ Поливія (X, 49 и XI, 34) видно, что Эвндемъ рѣшился сопротивляться Антіоху, двинувшемуся противъ него изъ Гиркании, и съ большею частію войска своего расположился около Тапурии; для того же чтобы воспрепятствовать переправѣ непріятеля черезъ рѣку Арію, оставилъ для обороны ея 10.000 конницы. Узнавъ объ этихъ распоряженіяхъ Эвндема, Антіохъ направился къ Арію, и, пользуясь оплошностію Бактрианцевъ, удалявшихся на ночь въ городъ, отстоявшій отъ рѣки на 20 стадій, успѣлъ переправиться черезъ нее безпрепятственно. Но лишь только свѣдали объ этомъ Бактрианцы, какъ носившіи атаковать переправившихся, и стали биться съ такимъ упорствомъ, что одолѣть ихъ удалось Антіоху лишь съ большимъ трудомъ и большою потерей въ людяхъ: лошадь подъ нимъ была убита, и самому ему, ударомъ по рту, вышибено нѣсколько зубовъ. Послѣдствіемъ успѣха Антіохова въ переправѣ черезъ Арію, и пораженія нанесеннаго имъ Бактрианцамъ, было то, что Эвндемъ оставилъ Тапурию и удалился въ Заріаспу. Этимъ извѣстіемъ оканчивается десятая книга Поливіевой исторіи. Дальнѣйшій разказъ, въ одиннадцатой книгѣ, не дошедшей до насъ вполнѣ, открывається бесѣдою Эвндема съ Телсей, по видимому посломъ Антіоховымъ. Царь Бактрійскій старается втолковать послу, что несправедливо и противно выгодамъ своимъ поступаетъ Антіохъ, стремясь лишить его царства; что не онъ, Эвндемъ, виною отложенія Бактрии отъ Селевкидовъ: „отложились другіе, а ему престолъ достался уже вслѣдствіе того, что онъ истребилъ потомство (*βυζύουρος*) этихъ первыхъ бунтовщиковъ“; что преслѣдуя его, Эвндема, Антіохъ самому себѣ вредитъ, ибо многочисленныя кочевники

Скинов, которых онъ теперь сдерживаетъ, опасны одинаково имъ обоямъ: съ ослабленіемъ его, ринутся они и опустошатъ несомнѣнно какъ Бактрію, такъ и Антиоховы владѣнія. — Рѣчи эти, переданныя Телеемъ Антиоху, подѣйствовали на послѣдняго: самъ желая окончанія войны, онъ охотно принялъ условія мира предложеннаго Эввидемомъ, и когда тотъ, для заключенія договора, прислалъ сына своего *Димитрія*, Антиохъ такъ плѣнился наружностію и важною осанкою этого молодого человѣка, что просваталъ за него одну изъ собственныхъ дочерей, призналъ за Эввидемомъ царскій его санъ, и вступилъ съ нимъ въ дружественный союзъ. Только всѣхъ слоновъ, какіе находились у Эввидема, долженъ былъ послѣдній выдать Антиоху. По полученіи ихъ, Антиохъ оставилъ его владѣнія, и направился черезъ Кавказъ (Гинду-Кушъ) въ предѣлы Индіи. — По Страбону (XI, 9, § 2), Бактріану, которою управлялъ, а затѣмъ и сосѣднія страны, заставилъ отложиться отъ Селевкидовъ *Эввидемъ* — тотъ ли же Эввидемъ о которомъ говоритъ Поливій, или другой, неизвѣстно. Должно замѣтить, впрочемъ, что иными это мѣсто Страбона понимается и такъ, будто Эввидемъ отторгъ отъ Селевкидовъ не самую Бактріану, а только сосѣднія съ нею страны, и такое пониманіе нельзя не признать сообразнѣйшимъ съ другими о томъ же свидѣтельствами, если не предположить только что у Страбона въ означенномъ мѣстѣ *Эввидемъ* есть описка вмѣсто *Діодотъ*, такъ какъ черезъ нѣсколько строкъ Страбонъ самъ упоминаетъ о Діодотѣ, какъ о лицѣ въ Бактріанѣ захватившемъ власть въ свои руки¹⁾.

О помянутомъ *Димитріи*, сынѣ Эввидеомовомъ, извѣстно изъ Страбона (кн. XI, глава XI, § 1), что имъ сдѣланы были большія завое-

¹⁾ Вотъ это темное мѣсто Страбона: «Νεωτερισθέντων δὲ τῶν ἔξω τοῦ Ταύρου διὰ τὸ πρὸς ἀλλήλοις εἶναι τοὺς τῆς Συρίας καὶ τῆς Μηδίας βασιλεῖας τοὺς ἔχοντας καὶ ταῦτα πρώτον μὲν τὴν Βακτριανὴν ἀπέστησαν οἱ πεπιστευμένοι καὶ τὴν ἑγγύς αὐτῆς πᾶσαν οἱ περὶ Εὐβόδεμον. Ἐπειτ' Ἀρσάκης ἀνὴρ Σκύθης τῶν Δαῶν τινας ἔχων τοὺς Πάρνους καλουμένους νομάδας παρεκώστας τὸν ὄχλον ἐπῆλθεν ἐπὶ τὴν Παρθαίαν καὶ ἐκράτησεν αὐτῆς. Одни толкуютъ это по-латыни такимъ образомъ: Ceterum rebus extra Taurum novatis, quod Syriae et Mediae reges aliis rebus intenti erant, quibus istae regiones parebant: primum Bactrianam ad defectionem pertraxit Euthydemus, cui ejus custodia demandata fuerat, et vicinas regiones. Post Arsaces Scytha.... Parthiam invasit et occupavit. Другіе переводятъ такъ: Rebus extra Taurum novatis, quod sibi mutuo adversarentur Syriae Mediaeque reges, qui ista quoque loca tenebant, primum quidem Bactrianam illi, quorum fidei tradita fuit, ad defectionem inclinarunt (tum etiam regionem omnem vicinam Euthydemus), postea Arsaces Scytha.... Parthiam invasit et occupavit.

ваніи въ Индіи. О „царѣ индѣйскомъ“ Димитріи упоминаеть также и Юстинъ (XLI, 6).

Но когда Димитрій властвовалъ въ Индіи, царемъ въ Бактріанѣ былъ, по Юстину, *Эвкратидъ*, вступившій тамъ на престолъ почти въ то же самое время какъ надъ Парянами воцарился Митридатъ, сынъ Арсаковъ. Объ Эвкратидѣ этомъ Юстинъ отзывается какъ о великомъ человѣкѣ. Хотя, говоритъ онъ (XLI, 6), Бактрійцы и обезсильли подъ напоромъ враждебныхъ имъ сосѣдей, однакоже Эвкратидъ многія выдержалъ войны съ великимъ мужествомъ. Когда царь индѣйскій Димитрій осадилъ его, ослабленнаго этими войнами, Эвкратидъ, всего съ 300 воиновъ, умѣлъ, дѣлая постоянно вылазки, разбить 60.000-ную армію своего врага, заставить его снять продолжавшуюся пять мѣсяцевъ осаду, и овладѣлъ затѣмъ Индіею. — Владѣльцемъ тысячи городовъ въ Индіи называетъ Эвкратидида и Аполлодоръ Артамитскій (у Страбона, кн. XV, гл. I § 3). На возвратномъ пути изъ Индіи, узнаемъ опять отъ Юстина (l. c.), великій мужъ этотъ убить былъ собственнымъ сыномъ, котораго сдѣлалъ онъ передъ тѣмъ соправителемъ, и убійца, не довольствуясь совершеннымъ преступленіемъ, проѣхалъ еще въ колесницѣ по крови отца, и тѣло его велѣлъ бросить безъ погребенія. — Въ Бактріанѣ, разказываетъ Страбонъ (кн. XI, гл. XI, § 2), основанъ былъ Эвкратидомъ городъ, по имени его названный: объ *Эвкратидии* этой упоминается и у Птолемея (Географія, кн. VI, гл. 11). Отъ Страбона же узнаемъ, кромѣ того, что изъ числа областей, на которыя раздѣлили Греки Бактріану, *Аспіоніи* и *Турива* отняты были у Эвкратиди Парянами (кн. XI, гл. 9, § 2, и гл. 11, § 2). Какіе государи властвовали въ Бактріанѣ послѣ Эвкратиди и его сына, и властвовали ли какіе, не находимъ о томъ ни полъ-слова въ греческихъ и римскихъ источникахъ. О самомъ паденіи Греко-Бактрійскаго царства узнаемъ лишь изъ двухъ, мимоходомъ сказанныхъ, фразъ Юстина и Страбона. Юстинъ, ведя рѣчь о Парянахъ, замѣчаетъ что тогда какъ ихъ могущество продолжало все увеличиваться, „Бактрійцы, напротивъ, подвергшись нападеніямъ съ разныхъ сторонъ, утратили не только царство свое, но и самую свободу: войны съ Согдійцами, Дрангами, Индѣйцами истожили и обезсилили ихъ до такой степени что подъ конецъ были они подавлены гораздо слабѣйшими ихъ дотолѣ Парянами“ (XLI, 6). Страбонъ, ведя рѣчь о Скинскихъ народахъ по Каспійскому побережью, замѣчаетъ что „наиболѣе извѣстными изъ нихъ сдѣлались тѣ которые отняли у Грековъ Бактріану, каковы Асійцы, Пасіанцы, Тохарцы и Сакарау-

лѣйцы, обитавшіе передъ тѣмъ за Яксартомъ, по сосѣдству съ Саками и Согдійцами“ (кн. XI, гл. 8, § 2).

Относительно же могущества греческихъ царей Бактріаны въ періодъ ихъ силы, читаемъ у Страбона что, „благодаря производительности этой страны, овладѣли они и Аріаною, и Индіею, гдѣ, по словамъ Аполлодора изъ Артамиты, покорили большее число народовъ, нежели самъ Александръ — въ особенности Менаандръ, проникавшій за Гипанію къ востоку и доходившій до Имая, и отчасти Димитрій, сынъ царя бактрійскаго Эвандема: не только Паталену заняли они здѣсь, но и все побережье морское, что зовется Сараостой, и все царство Сигердидское... (съ другой же стороны) простерли власть свою до Серовъ и Фриновъ. Кромѣ того, владѣли и Согдіаною“ (кн. XI, гл. 11, § 1-2).

Наконецъ, неизвѣстный авторъ „Перипла Эриерейскаго Моря“, жившій въ половинѣ I-го вѣка по Р. Х., замѣтилъ что въ Баригаѣ (городъ на восточномъ берегу нынѣшняго Камбайскаго Залива), и въ его еще время находились въ обращеніи старинныя драхмы съ греческими надписями во имя, царствовавшихъ послѣ Александра, *Аполлодота* и *Менандра* (§ 47). Въ сохранившемся же оглавленіи потерянной „Исторіи“ Трога-Помпея читаемъ (орл. кн. XLI): *Deinde, quo rege pugnante, Scythicae gentes, Sarancae et Asiani Bactra occupavere et Sogdianos. Indicae quoque res additae, gestae per Apollodotum et Menandrum, reges eorum.* На основаніи этого *eorum*, и того что Страбонъ, какъ мы сейчасъ видѣли, называетъ Менандра государемъ бактрійскимъ, можно, пожалуй, причислить къ этимъ государямъ и Аполлодота упоминаемаго Трогомъ-Помпеемъ и авторомъ „Перипла“. О Менандрѣ, какъ о царствовавшемъ въ Бактріи, упоминаетъ еще и Плутархъ, разказывая что кроткимъ управленіемъ приобрѣлъ онъ любовь народную до такой степени, что по смерти его, городъ, бывшіе ему подвластными, перессорились между собою, желая каждый имѣть прахъ его у себя, и лишь съ трудомъ помирились на томъ условіи чтобы раздѣлить останки его между собою по ровну, и каждому городу воздвигнуть у себя надъ своею ихъ частію по особому памятнику („Объ управл. государствомъ“, гл. XXVIII).

Вотъ все, что оставила намъ классическая древность касательно судебъ Греко-Бактрійскаго царства.

Первая въ новое время попытка свести эти сказанія классическихъ историковъ и географовъ, разъяснить ихъ, связать между собою, и опредѣлить хронологически, сдѣлана была у насъ, на берегахъ Невы.

Обязаны мы сего академику палему О. З. Байеру, трудъ котораго вышелъ въ Петербургѣ, въ 1738 году, подъ заглавіемъ *Historia regni Graecorum Bactriani*. Вышеприведенныя отрывочныя сказанія нужно было, прежде всего, панизать на хронологическую нить. Этимъ по преимуществу и занялся Байеръ. По его размысканіямъ и соображеніямъ, отложеніе Оеодота отъ Селевкидовъ, и основаніе имъ въ Бактріаніи особаго, независимаго царства, произошло въ 255-254 году до Р. X.; восшествіе на престоль Оеодота II, и заключеніе имъ союза съ Пароянами — въ 243-242; начало владычества Эвондема, который, полагаетъ онъ, отнялъ престоль у Оеодота II — въ 220-219; начало похода Антиохова противъ Эвондема — въ 209-208; заключеніе мира между ними — въ 206-205; овладѣніе Бактрією, по смерти Эвондема, Менаандромъ, дотолѣ царившимъ въ Индіи — около 196-195 (сынъ Эвондемовъ Димитрій царствовалъ, по Байеру, не въ Бактріи, а въ Индіи); воцареніе Эвкратида, вслѣдъ за смертію Менаандра — въ 182-181 (Аполлодотъ, полагаетъ Байеръ, властвовалъ лишь въ Индіи); убіеніе Эвкратида сыномъ его, который, по Байеру, тоже долженъ былъ носить имя Эвкратида — въ 146-145; паденіе Греко-Бактрійскаго царства, вслѣдствіе пораженія нанесеннаго этому Эвкратиду II-му Пароянами — лѣтъ черезъ десять по его воцареніи¹⁾.

Изъ монетъ, которыя, какъ ниже увидимъ, чеканились греческими царями Бактрин, Байеру извѣстна была всего одна — тетрадрахма *Эвкратидова*, принадлежавшая графу Я. В. Брюсу. Монета эта, какъ заключалъ Байеръ изъ вязи на ней буквъ Н и Р, признавая ихъ за хронограмму, бита была въ 108 году Бактріанской эры, началомъ которой полагалъ онъ первый годъ Оеодотова царствованія, соответствовавшій, по его изслѣдованіямъ, второму году СXXXI-й олимпіады, или 255-254 до Р. X.²⁾ Черезъ сорокъ лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ, превосходнаго по тогдашнему состоянію науки, труда Байерова, сдѣлалась извѣстною и монета другаго греко-бактрійскаго государя — *Эвондема*, описанная нумизматомъ французскимъ Пеллереномъ³⁾. Къ концу столѣтія нашлась въ Европѣ монета съ именемъ царя *Гемокла*⁴⁾, котораго, основываясь единственно на типѣ этой монеты,

¹⁾ *Historia regni Graecorum Bactriani*, pp. 38 — 44.

²⁾ Тамъ же, стр. 99 — 100.

³⁾ *Additions aux neuf volumes de recueils de médailles de rois, de villes etc.* (à la Haye, 1778), p. 95.

⁴⁾ *Catalogue des médailles du cabinet de Mr. d'Ennery* (Paris, 1788), p. 40, № 253.

сходномъ съ Эвкратидовою и Эвндемовою, Мionè, а за нимъ и Висконти, причислили къ греко-бактрійскимъ государямъ¹⁾, хотя, какъ мы видѣли, о царѣ этого имени въ Бактріи не упоминается ни у кого изъ древнихъ историковъ и географовъ. Догадка эта подтвердилась въ послѣдствіи другими, монетными же памятниками. Никакихъ монетъ греко-бактрійскихъ, кромѣ битыхъ тремя помянутыми государями, не имѣлось въ нумизматическихъ кабинетахъ Европы, какъ свидѣлствуютъ и Classes generales Сестини, до самыхъ двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, вслѣдствіе чего, по части греко-бактрійской нумизматики, только для трехъ помянутыхъ монетъ сдѣланы были штемпеля и знаменитымъ фабрикантомъ фальшивыхъ монетъ, Бекеромъ²⁾.

Совершенно измѣнилось это положеніе вещей съ наступленіемъ третьяго десятилѣтія текущаго вѣка: тутъ число вновь открывающихся монетныхъ памятниковъ греческаго владычества въ Бактріи и сосѣднихъ съ нею странахъ стало возрастать съ каждымъ годомъ. Въ 1822 году, академикъ нашъ Келеръ призналъ за греко-бактрійскую и описалъ тетрадрахму съ именемъ царя *Антимаха-Теооса*³⁾, принадлежавшую князю М. Голицыну въ Москвѣ. Въ слѣдующемъ, 1823 году, описана имъ же первая сдѣланная извѣстною тетрадрахма царя *Дмитрія* (сына Эвндемова), добытая въ Бухарѣ ѣздившимъ туда полковникомъ русской службы, барономъ Мейендорфомъ⁴⁾. Въ 1825 году, полковникъ англо-индѣйской службы Джемсъ Тодъ сдѣлалъ извѣстными добытыя имъ въ Индіи монеты *Менандра* и *Аполлодота*⁵⁾. Августу Шлегелю открытіе это подало поводъ войти въ новыя, послѣ Байера, соображенія о Греко-Бактрійскомъ царствѣ⁶⁾. Обѣ по-

¹⁾ Висконти — Iconographie, III, 176; Mionè — Description de médailles ant., V, 705.

²⁾ Штейнбюхель: Die Beckerschen falschen Münzstempel (Wien, 1836), p. 32 и слѣд. — Сестини: Sopra i moderni falsificatori di medagl. gr. ant. (Firenze, 1826), p. 36.

³⁾ Médailles grecques de rois de la Bactriane, du Bosphore etc. (St. Pétersbourg, 1822), p. 4, № 10.

⁴⁾ Н. К. Е. Köhlers Gesammelte Schriften, herausgegeben von I. Stephani (St.-Petersburg, 1850), T. II, S. 1-3. Одновременно тетрадрахма эта описана была, по слѣзку, и Т. Х. Тиксепомъ — въ *Commentationes Soc. reg. scient. Gottingensis*, t. VI, pp. 3-16.

⁵⁾ *Transactions of the Royal Asiatic Society of Great-Britain and Ireland*. Vol. I (London, 1827), p. 313 и слѣд.

⁶⁾ Observations sur quelques médailles bactriennes et indo-scythiques nouvellement découvertes — въ *Journal Asiatique* за 1828 годъ, ноябрьская книжка, и въ

слѣднія монеты призналъ онъ „безцѣнными“, какъ въ качествѣ историческихъ документовъ, такъ и по ихъ тогда единственности. Ничто лучше не свидѣтельствуетъ о быстротѣ съ какою стали накапливаться въ Европѣ нумизматическіе памятники Бактріи, какъ то что въ началѣ сороковыхъ годовъ, монеты Менандра и Аполлодота, вмѣсто этихъ двухъ, бывшихъ въ 1825 году единственными, насчитывалось въ нумизматическихъ коллекціяхъ Парижа и Лондона уже около двухъ тысячъ экземпляровъ¹⁾. Накопленіемъ этимъ наука обязана какъ проживавшимъ въ Индіи французскимъ генераламъ на службѣ Ренджитъ-Синга и чиновникамъ Англо-Индійской Компаніи, пошедшимъ по слѣдамъ Тода, такъ и путешественникамъ посѣтившимъ, въ 1830-хъ годахъ, Афганистанъ и сосѣднія среднеазиатскія владѣнія: Гонигберггеру, Борнсу, Джерарду и въ особенности Массону. Часть сокровищъ этого рода скоро переслана была въ Европу. Разработкою добычи, доставшейся на долю Франціи, занялся преимущественно Рауль Рошетъ²⁾, а за нимъ — рано покинутый смертію Жакъ³⁾. Описаніе монетъ привезенныхъ Борнсомъ въ Англію, составленное Вильсономъ, напечатано особымъ приложеніемъ къ Борнсову „Путешествію въ Бухару“ (London, 1834). Въ Индіи, между тѣмъ, съ особымъ рвеніемъ и успѣхомъ обратилъ проникательность свою на эту отрасль нумизматики даровитѣйшій Джемсъ Принсипъ⁴⁾. Массонъ, въ нѣсколькихъ статьяхъ, самъ указалъ на важнѣйшія изъ своихъ открытій⁵⁾; замѣчательнѣйшія монеты его коллекціи описалъ потомъ Вильсонъ⁶⁾.

Oeuvres de M. Auguste-Guillaume de Schlegel, publiées par E. Böcking (Leipzig, 1846), vol. III, pp. 311 — 337.

¹⁾ Вильсонъ, въ *Ariana Antiqua*, p. 5.

²⁾ Notice sur quelques médailles grecques inédites appartenant à des rois inconnus de la Bactriane et de l'Inde, и три дополненія къ этому Notice, въ *Journal des Savants*, за 1834, 1835, 1836, 1838 и 1839 годы.

³⁾ Notice de la collection des médailles bactriennes et indo-scythiques rapportées par M. le général Allard — въ *Journal Asiatique* за 1836, 1837, 1838 и 1839 годы. См. также статью А. де-Донперье въ *Revue Numismatique* за 1839 годъ, p. 81, и 8-й томъ дополненій Мюне къ его *Description des médailles antiques*, изданный въ Парижѣ, въ 1837 году.

⁴⁾ Статьи его о греко-бактрійскихъ монетахъ печатались, одна вслѣдъ за другою, въ *Journal of the Asiatic Society of Bengal*, за 1833, 1834 и слѣдующіе годы. Вмѣстѣ съ другими трудами того же автора вошли они въ составъ его *Essays on Indian antiquities*, изданныхъ въ 1858 году, въ Лондонѣ, Э. Томасомъ.

⁵⁾ Въ *Journal of the Asiatic Society of Bengal*, vol. III, pp. 153-175; vol. V, pp. 1-28 и 537-548.

⁶⁾ Въ *Numismatic Journal* за 1837 годъ, vol. I, p. 144 и др.

Германская ученость не могла остаться равнодушною къ такой массѣ свѣжаго матеріала по отдѣлу знанія соприкасающагося съ древнимъ классическимъ міромъ. Этимъ, большою частію сырымъ еще, матеріаломъ воспользовалась она овладѣть, чтобы разобрать его, подвергнуть критикѣ, и обратить по возможности въ плоть и кровь исторіи. Въ Вѣнѣ занялся этимъ Арнетъ ¹⁾, въ Гёттингенѣ — К. О. Мюллеръ ²⁾, въ Боннѣ — Лассенъ ³⁾, въ Ганноверѣ — К. Л. Гротенендъ ⁴⁾. Періодъ горячей разработки предмета въ теченіе 1830-хъ годовъ завершился, съ началомъ 1840-хъ, великолѣпнымъ трудомъ знаменитаго санскритиста Вильсона, подъ заглавіемъ *Agiana Antiqua* (London, 1841), важнымъ одинаково какъ по обилію матеріала въ немъ заключающагося, такъ по основательности соображеній и трезвости заключеній автора, сравнительно съ другими писавшими о предметѣ.

Изъ монетъ государей греко-бактрійскихъ, упоминающихся у классическихъ историковъ, извѣстны были въ началѣ 1840-хъ годовъ: золотая монета съ именемъ *Диодота*, по всей вѣроятности отца, а не сына; одна золотая, 9 видовъ серебряныхъ, и 6 видовъ мѣдныхъ монетъ *Эвидема*; 4 вида серебряныхъ, и 2 вида мѣдныхъ монетъ *Димитріевыхъ*; 10 видовъ серебряныхъ, и 8 видовъ мѣдныхъ монетъ съ именемъ *Эвкратида*; 6 видовъ серебряныхъ, и 10 видовъ мѣдныхъ монетъ *Менандра*; 3 вида серебряныхъ, и 7 видовъ мѣдныхъ монетъ *Аполлодота*. Кромѣ того, по сходству типа съ этими греко-бактрійскими, признаны за несомнѣнно таковыя же множество другихъ, на которыхъ изображены имена: цари *Агаокла* (три вида серебряныхъ, два вида мѣдныхъ), царицы *Агаоклеи* (одна мѣдная), и царей: *Аминты* (одна мѣдная), *Антиалкида* (4 вида серебряныхъ, 3 вида мѣдныхъ), *Антимаха* (3 вида серебр., 1 мѣдная), *Архебія* (2 вида серебр., 1 мѣдная), *Геліокла* (3 вида серебр., 2 вида мѣдныхъ), *Гермея* (3 вида серебр., 6 видовъ мѣдныхъ), *Диомеда* (одна мѣдная), *Лисии*

¹⁾ Статья его: *Numi graeci regni Bactriani et Indici* помѣщена въ *Wiener Jahrbücher*, Bd. LXXVII (январь — мартъ 1837).

²⁾ Статья его о предметѣ печаталась въ *Göttinger Gelehrte Anzeigen* за 1835 (Stück 177 и слѣд.), 1838 (Stück 21 и слѣд.) и 1839 (Stück 29 и слѣд.) годы.

³⁾ *Zur Geschichte der Griechischen u. Indoskytischen Könige in Baktrien, Kabul u. Indien*. Bonn, 1838.

⁴⁾ *Die Münzen der griechischen, parthischen u. indoskythischen Könige von Baktrien u. den Ländern am Indus*. Hannover, 1839.

(1 серебр., 1 мѣдная), *Панталсона* (одна мѣдная) и *Филоксена* (2 вида серебр., 1 мѣдная)¹⁾.

Уже до тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, когда въ ряду несомнѣнно греко-бактрійскихъ государей предстояло размѣстить лишь проблематическихъ Менандра и Аполлодота съ новооткрытыми, сначала — Гелиокломъ, потомъ — Антимахомъ, изслѣдователи не могли согласиться, ни въ хронологическомъ, ни въ хорографическомъ ихъ распредѣленіи. Такъ, *Аполлодота*, который, по Байеру, царствовалъ исключительно въ Индіи, Висконти, Годъ и Шлегель отнесли единогласно къ числу государей греко-бактрійскихъ. Такъ, *Гелиоклъ*, котораго Міонэ считалъ за преемника Эвкратидова въ Бактрии, за его сына-отцеубійцу, былъ, напротивъ, по Висконти, предшественникомъ Эвкратиды, чуть-ли не отцомъ его, тогда какъ, по мнѣнію Шлегеля, властвовалъ онъ скорѣе гдѣ-нибудь въ Малой Азій, и вовсе къ числу греко-бактрійскихъ государей не принадлежитъ. Когда же, съ 1830-хъ годовъ, монеты бактрійскаго тина стали, постепенно, обнаруживать существованіе, не двухъ, а шести уже, и потому цѣлой дюжины царей, про которыхъ нѣтъ ни слова у древнихъ писателей, произошла, относительно размѣщенія ихъ, разногласица между изслѣдователями, крайне, по нашимъ понятіямъ, соблазнительная, и, во всякомъ случаѣ, едва ли не безиримѣрная дотолѣ въ лѣтоисчехъ науки. Иначе, впрочемъ, и быть не могло при отсутствіи на означенныхъ монетахъ какихъ-либо положительныхъ данныхъ къ ихъ хронологическому и хорографическому приуроченію. Монограммы на многихъ изъ монетъ, принятія было Байеромъ, а потомъ Пеллереномъ и Годомъ, за хронограммы, оказались не могущими имѣть этого значенія, вслѣдствіе чего и „бактрійская эра“, придуманная Байеромъ, объявлена была никогда не существовавшей, и приговоръ этотъ, съ тѣхъ поръ какъ былъ онъ произнесенъ знаменитымъ организаторомъ классической нумизматики, Экселемъ²⁾, не подвергся и до сего дня ни малѣйшему возраженію. Обнаружилось, такимъ образомъ, позорнѣе для нумизматовъ чѣмъ въ какомъ-либо другомъ случаѣ, что, за отсутствіемъ поманутыхъ данныхъ, соображенія и выводы основывающіеся единственно на типѣ монетъ и монетныхъ изображеніяхъ — несостоятельны въ высшей степени³⁾, и ведутъ не къ разъ-

¹⁾ Исчисленіе сдѣлано по видамъ описаннымъ Вильсономъ въ *Ariana Antiqua*, pp. 218 - 242 и 262 - 300.

²⁾ *Doctrina nummorum veterum*, III, 538.

³⁾ Die Erfahrung sich herausgestellt hat, говорятъ самъ Лассенъ по отношенію

ясненію прошлаго, а къ путаницѣ, къ наполненію исторіи, вмѣсто фактовъ, небылицами. И какою тѣмъ явныхъ недѣльностей и противорѣчій позволили себѣ поговорить при этомъ, чтобы поддержать придуманныя ими небылицы, люди съ самыми громкими въ ученомъ мѣрѣ репутаціями, каковы Лассенъ ¹⁾ и Рауль-Рошетъ! Иначе, конечно уже, и могло бы, и должно было быть, если бы со стороны изслѣдователей имѣлось пободѣ любви къ истинѣ, и поменѣе мелочнаго тщеславія отличиться чѣмъ-нибудь отъ другихъ, и поставить на своемъ. Главной своей цѣли — опредѣлить въ какомъ порядкѣ слѣдовали другъ за другомъ государи существованіе которыхъ открылось изъ монетъ, и гдѣ именно они царствовали, если не всѣхъ ихъ слѣдуетъ помѣщать въ Бактріанѣ — писавшіе о предметѣ, кажется намъ, нѣсколько не достигли, не смотря на все потраченное для того ученое остроуміе. Выяснилось несомнѣнно одно только обстоятельство — что, кромѣ Бактріаны, монетные государи эти должны были властвовать, какъ въ сосѣднихъ съ нею, такъ и въ индскихъ странахъ — результатъ для пріобрѣтенія котораго все не требовалось такихъ трудовъ какіе положены были на дѣло, такъ какъ означенное обстоятельство выводилось уже изъ однихъ историческихъ свидѣтельствъ оставленныхъ древностію. Сошлись, правда, всѣ изслѣдователи и въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ; но изъ единогласія этого нѣсколько еще не слѣдуетъ чтобы то, въ чемъ сошлись они, было непремѣнно истиною: новѣйшія нумизматическія открытія показали уже что часть этихъ единогласныхъ выводовъ несостоятельна; дальнѣйшія находки подвергнуть, вѣроятно, одинаковой участи и остальную часть работы.

Вмѣстѣ съ греческими легендами обаялись, на большей части монетъ бактрійскаго типа, и легенды письменами дотолѣ неизвѣстны изъ ученыхъ невиданными. Сначала письма эти стали называть „бактрійскими“, иначе „перлевійскими“; Лассенъ предложилъ потомъ дать имъ имя „кабульскаго монетнаго письма“; въ настоящее время

къ трудамъ о греко-бактрійской исторіи, dass die zuverlässigsten Behauptungen der erfahrensten Numismatiker durch neu entdeckte Münzen widergelegt worden sind (Indische Alterthumskunde, II, 312).

¹⁾ There is undoubtedly in Professor Lassen's method something very national and German — писалъ въ 1844 году г. Принсипъ —: he launches boldly into the wide ocean of conjecture to supply deficiencies in his information, and builds theories regarding his dynasties, nations, and races, without any very substantial stratum of authoritative facts for a foundation, and with materials quarried often in the imagination (Note on the historical results etc. pp. 43 - 44).

принято звать ихъ „аріано-пеглевійскими“. Въ загадочныхъ легендахъ этими письменами могли заключаться указанія самаго драгоценнаго свойства. Понятно что разрѣшеніе загадки стало сильно интересовать ученую республику. Первые шаги къ дешифровкѣ этихъ „бактрійскихъ“ письменъ сдѣланы были, еще въ 1822 году, знаменитымъ тогда армянистомъ, Сенъ-Мартеномъ¹⁾. Затѣмъ, въ началѣ 1830-хъ годовъ, почти одновременно, занялись этимъ Джемсъ Принсипъ въ Индіи, и Карлъ Гротефендъ въ Германіи²⁾. Къ 1835 году Принсипу удалось уже достигнуть нѣкоторыхъ важныхъ результатовъ, а въ 1838 году открытіе было имъ докончено³⁾. Лассенъ и Вильсонъ, съ своей стороны, пошедши по слѣдамъ Принсипа, кое въ чемъ измѣнили, кое въ чемъ дополнили открытое имъ⁴⁾. Съ дешифровкой письменъ разобраны были и легенды ими изображенныя: найдено что написаны онѣ на особомъ нарѣчій палійскаго языка, которое принято называть нынѣ „аріано-палійскимъ“. Но, увы, по отношенію къ исторической классификаціи монетныхъ царей греко-бактрійскихъ не выработалось ничего твердаго даже и по прочтеніи бактрійскихъ легендъ на ихъ монетахъ: легенды эти, кромѣ немногихъ случаевъ, оказались букввальнымъ переводомъ греческихъ своихъ соутницъ.

Чтобы показать до какой степени расходились послѣдователи въ результатахъ ихъ работы по предмету, изложимъ, въ главныхъ чертахъ, заключенія къ которымъ пришли Лассенъ, Гротефендъ и Вильсонъ, работавшіе при большемъ обиліи памятниковъ чѣмъ ихъ предшественники.

По Лассену, отложеніе *Θεοδοτα* отъ Антиоха II имѣло мѣсто не задолго передъ 256 годомъ до Р. Х., и *Θεοдоту* этому, а не *Агаоклу*, какъ усиливался доказать Рауль-Рошетъ⁵⁾, должно быть приписываемо основаніе независимаго Греко-Бактрійскаго царства. Власть *Θεοδοτα*, кромѣ Бактріаны собственно, должна была простираться еще и на Согдіану. Дальнѣйшее распространеніе Греко-Бактрійскаго царства произошло не ранѣе какъ при *Эвидемъ*, который свергъ съ престола родъ *Θεοдотовъ*, быть можетъ въ лицѣ сына его, *Θεοδοτα II*, быть можетъ въ лицѣ преемника этого послѣдняго, о

¹⁾ Въ *Journal Asiatique* за 1822 годъ, мартовская книжка.

²⁾ *Blätter für Münzkunde*, Bd. II, № 26: Die unbekannte Schrift der baktrischen Münzen, von Dr. C. L. Grottefend.

³⁾ *Journal of the Bengal Asiatic Society*, vol. VII, pp. 636 - 658.

⁴⁾ Лассенъ — въ *Zur Geschichte u. s. w.* Ss. 17 - 92; Вильсонъ — въ *Arjana Antiqua*, pp. 242 - 262.

⁵⁾ *Journal des Savants*, 1834, p. 334.

которомъ историки не упоминаютъ. Овладевъ престоломъ, Эвондемъ присоединилъ къ владѣніямъ Θεодотова рода Аріану и Маргіану (Гирганією владѣли Паряяне), воевалъ передъ тѣмъ съ кочевниками на сѣверѣ, и если, до войны съ Антиохомъ Великимъ, не предпринималъ походовъ за Гинду-Кушъ къ югу, то, во всякомъ случаѣ, завелъ связи съ Индією: распространить въ эту сторону владычество свое могли цари греко-бактрійскіе лишь позже означенной войны, и Эвондемъ, когда миръ съ Антиохомъ развязалъ ему руки, самъ лично, или черезъ сына своего Димитрія, не упустилъ овладѣть странами къ югу отъ Гинду-Куша, именно Землю Наропамисадовъ (Западнымъ Кабулистаномъ), Арахосією и Дрангіаню, которыя причислялись древними къ Индіи. Достаточно и этого чтобы объяснить титулъ „царя индѣйскаго“, даваемый *Димитрію* Юстиномъ; но Димитрій долженъ былъ сдѣлать завоеванія и въ собственной Индіи. Сидѣлъ ли онъ сколько-нибудь времени на бактрійскомъ престолѣ по смерти отца, и Эвкратидъ или другой кто лишилъ его отцовскаго наслѣдія, неизвѣстно; вѣроятнѣе что сидѣлъ, и былъ вытѣсненъ изъ Бактріи именемъ Эвкратидомъ. Во всякомъ случаѣ, ни *Менандръ*, ни *Аполлодонъ*, преемниками Эвондема не были, и въ Бактріанѣ не царствовали. *Гелиокла* можно помѣщать въ Бактріанѣ и до, и послѣ *Эвкратида*. Этотъ послѣдній, одолѣвъ Димитрія, который оспаривалъ у него престолъ, завладѣлъ вслѣдъ затѣмъ и его индѣйскими пріобрѣтеніями, и проникалъ до Гидаспа. Полагать что преемникъ его тоже носилъ имя Эвкратида, то-есть, принимать существованіе *Эвкратида II*, нѣтъ никакой надобности. Какъ бы этотъ преемникъ ни звался, распаденіе царства Греко-Бактрійскаго послѣдовало при немъ, а не при жизни самого Эвкратида, у котораго Паряяне отняли, вѣроятно, только его турганскія сатрапіи (Аспіонію и Туривію), въ то время какъ былъ онъ осажденъ Димитріемъ. По смерти Эвкратида, или ранѣе, какъ въ Индіи, такъ въ Арахосіи и Дрангіанѣ, сатрапы тамошніе возмутились, и образовали независимыя владѣнія. Въ войнахъ съ этими мятежниками, при преемникѣ или преемникахъ Эвкратида, и истощились силы Бактрійскаго царства до того, что, по Юстину, не могло оно уже болѣе противостоять окружавшимъ его отовсюду врагамъ, и пало подъ напоромъ Паряянъ съ запада, и скиѣскихъ кочевниковъ съ сѣвера. Одновременно съ тѣмъ какъ Димитрій распространялъ владычество отца своего на часть западнаго индѣйскаго побережья, въ Восточномъ Кабулистанѣ образовалъ себѣ независимое владѣніе *Алавокъ*, находившійся или нѣтъ въ какихъ-либо родственныхъ отношеніяхъ къ Эв-

ондему. Преемникомъ Агаоохла въ этомъ владѣніи былъ *Панталеонъ*. Въ походъ Эвкратида къ Гидаспу должно оно было ему покориться. По убіеніи Эвкратида, въ индѣйскихъ его владѣніяхъ воцарился *Менандръ*, имѣвшій преемниками своими *Аполлодота*, *Диомеда*, *Агаоохла* и *Гермея*, при которомъ изъ обширныхъ владѣній менаандровыхъ, не подвергавшихся и пароянскому игу, оставалась подъ властію этого потомка его лишь одна область беграмская (въ сѣверной части Западнаго Кабулистана), да и па ту начали уже папирать Скионы. Одновременно съ Менандромъ, отложившись отъ преемника Эвкратидова въ Бактріи, образовалъ себѣ особое царство въ южной части Западнаго Кабулистана, и въ Арахосіи, извѣстный изъ монетъ *Антиалкидъ*, преемникомъ своимъ имѣвшій *Лисію*. Еще ранѣе, именно вслѣдъ за гибелью Димитрія, воцарился въ Дрангіанѣ *Антимагъ*, а ему наследовалъ тамъ *Филоксенъ*. Въ томъ или другомъ изъ этихъ владѣній, сдѣлавшихся скоро добычею Паряня, слѣдуетъ помѣстить и *Аминту* съ *Архебіемъ*. — Хронологически означенныя лица и событія опредѣлилъ Лассенъ такимъ образомъ:

	до Р. X.
Отложеніе Осодота I, до	256
Воцареніе Эвандема, до	209
Заключеніе имъ мира съ Антиохомъ Великимъ, въ	205
Завоеванія Эвандемовы въ Аріанѣ и Индіи, послѣ	200
Основаніе Агаоохломъ особаго царства въ Восточномъ Кабулистанѣ, около	190
Димитрій наследуетъ отцу своему въ Бактріи, около	185
Эвкратидъ овладѣваетъ Бактрією, а Димитрій утверждаетъ въ Арахосіи, въ	175
Панталеонъ наследуетъ Агаоохлу, около	170
Эвкратидъ свергаетъ Димитрія, и завоевываетъ царство Панталеона, около	165
Основаніе новаго царства въ Дрангіанѣ Антиохомъ, около	165
Убіеніе Эвкратида сыномъ его, около	160
Сынъ Эвкратида (Гелиоклъ?) наследуетъ ему въ Бактріи, Антиалкидъ основываетъ царство въ Арахосіи и Западномъ Кабулистанѣ, а Менандръ другое, обширнѣйшее, въ Индіи, послѣ	160
Филоксенъ властвуетъ въ Дрангіанѣ, Лисія — въ Арахосіи; позже, Аполлодотъ — въ Индіи. Затѣмъ Архебій и Аминта — въ Арахосіи или Дрангіанѣ.	
Митридатъ I, царь пароянскій, завоевываетъ Дрангіану, около	145
Разрушаетъ Греко-Бактрійское царство, въ	139
Диомедъ, Агаоохлея и Гермей царствуютъ въ Индіи и Кабулистанѣ, до 120 ¹⁾ .	

¹⁾ Zur Geschichte der Griechischen u. Indoskythischen Könige in Baktrien etc. Ss. 220 - 243, 259 - 267 u. 282 - 283.

Гротенфендъ, какъ и Лассенъ, признаетъ что независимыя одно отъ другаго греческія владѣнія существовали, кромѣ Бактріи, и въ другихъ болѣе или менѣе близкихъ къ ней странахъ; но, во первыхъ — владѣнія эти у него не совсѣмъ тѣ что у Лассена: однимъ (въ Дрангианѣ) меньше, и однимъ (въ Восточномъ Кабулистанѣ) больше; вторыхъ — одно изъ этихъ владѣній возникло, по его мнѣнію, не послѣ Эвкратиды, и не современно съ нимъ, а еще во времена Діодота; третьихъ — иначе и въ другомъ порядкѣ распредѣляетъ онъ по этимъ владѣніямъ монетныхъ царей. Въ Восточномъ Кабулистанѣ, *Агаокля* и за нимъ *Панталсонъ* властвовали современно съ обоими *Теодотами* и *Эвндемомъ*. Выѣтъ съ другими при-индскими странами, овладѣлъ *Димитрій* и этимъ царствомъ. Затѣмъ, царствомъ Димитрія овладѣлъ *Эвкратидъ*, по смерти котораго въ Бактріи наследовалъ ему сынъ его, *Эвкратидъ II*, послѣдній государь этой страны; изъ остальныхъ же областей принадлежавшихъ Эвкратиду I, въ Западномъ Кабулистанѣ воцарился *Антиалкидъ*, имѣвшій послѣдовательно преемниками *Лисію*, *Диомеда* и *Гермея*; въ Восточномъ Кабулистанѣ — *Гелиокля*, за которымъ слѣдовали тамъ *Архебій*, *Аминта* и *Агаокля*; въ Арахосіи — *Антимахъ*, послѣ него *Филоксенъ*, затѣмъ *Менандръ* и *Аполлодотъ*, выѣтъ съ тѣмъ владѣвшіе Индію¹⁾.

По Вильсону, основатель Греко-Бактрийскаго царства *Теодотъ I* отложился отъ селевкида Антиоха-Осеса въ 256 году до Р. Х., умеръ — около 240. *Эвндемъ* властвовалъ съ 220 по 190; война съ нимъ и переговоры Антиоха Великаго имѣли мѣсто около 211 или 210. Сынъ Эвндемовъ *Димитрій* наследовалъ ему въ Бактріи, и царствовалъ тамъ лѣтъ около десяти прежде чѣмъ вытѣсненъ былъ Эвкратидомъ въ страны на югъ отъ Гинду-Куша. Эвкратидово царствованіе продолжалось отъ 181 до 155, или около того. Пастыщей Индіи онъ не завоевывалъ, да и на страны по правому берегу Инда сдѣлалъ лишь набѣги. *Эвкратидъ II* придумали напрасно: непосредственный преемникъ Эвкратиды, его сынъ-отцеубійца, звался *Гелиокломъ*; это доказывается несомнѣнно новооткрытою монетою, на одной сторонѣ которой изображенъ Эвкратидъ съ титуломъ „великаго царя“, а на другой — два портрета съ надписью „Гелиокля и Лаодикея“, при чемъ Гелиокля безъ царской повязки, значитъ представленъ въ видѣ

¹⁾ Die Münzen der Könige von Bactrien und den Ländern am Indus. Ss. 94-109 u. 112.

соправителя, какимъ и былъ по Юстину. Вторженія Паряня при Геліоклѣ, вмѣстѣ съ другими обстоятельствами, произвели всеобщее смятеніе въ его государствѣ, пользуясь которымъ разные члены царствующей династіи, или просто честолюбивые полководцы, отложились и образовали нѣсколько мелкихъ независимыхъ владѣній: только такимъ образомъ и можно объяснить существованіе значительнаго числа греческихъ государей имена которыхъ сохранены для насъ ихъ монетами бактрійскаго типа. Царствовали они, должно полагать, въ короткій промежутокъ отъ смерти Эвкратида, около 155 года передъ Р. Х., до совершеннаго разрушенія Греко-Бактрійскаго царства сѣверными варварами, около 127 года; индѣйскія же вѣтви бактрійскаго ствола пережили эту катастрофу, и продолжали существовать, по всей вѣроятности, до половины послѣдняго вѣка передъ Р. Х. Въ частности, о государяхъ этихъ можно сдѣлать слѣдующіе выводы: а) нѣтъ никакого прямого свидѣтельства чтобы Димитрій былъ убитъ Эвкратидомъ; потомство Димитрія могло удержаться въ части Арахосіи или въ долинѣ рѣки Гомала: однимъ изъ числа потомковъ этихъ можно считать *Лисію*, послѣ котораго, около 135 года до Р. Х., властвовалъ тамъ *Аминта*, а потомъ *Агаооклѣ*; б) *Антималъ*, около 140 года, устроилъ себѣ особое владѣніе въ краю къ западу отъ Балха; преемникомъ его здѣсь, въ 130-125 годахъ, былъ *Филоксенъ*; в) *Антиалкидъ* былъ однимъ изъ преемниковъ Геліокла, около 135 года, и, повидимому, присоединилъ къ своимъ и владѣнія Лисіевы или его преемниковъ; послѣ Антиалкида, въ 125 — 120 годахъ, властвовалъ *Архебѣй*, повидимому уже въ зависимости отъ Менандра; г) *Менандръ* никакъ не можетъ быть причисленъ къ государямъ властвовавшимъ въ Бактріи ранѣе или позже; но и не въ Индіи собственно былъ корень его владѣній, а въ окрестностяхъ Кабула: здѣсь владычество его началось не многимъ ранѣе 126 г. до Р. Х., и отсюда уже распространилось оно на Индію. Преемниками его были: около 110 г. до Р. Х. — *Аполлодотъ*; около 100 — *Диомедъ*; около 98 — *Гермей*; д) *Агаооклѣ*, котораго Рауль-Рошетъ, а за нимъ и Міопѣ, считали старѣе самаго Феодота, былъ современенъ Геліоклу, и царство свое основалъ, около 135 г. до Р. Х., гдѣ-нибудь въ горахъ въ пространствѣ отъ Кафиристана до Малаго Тибета. Преемникъ его *Панталсонъ*, около 120 г. до Р. Х., лишенъ былъ владѣній своихъ, можно полагать, Менандромъ¹⁾.

¹⁾ *Ariana Antiqua*, pp. 215 - 242 и 262 - 300.

Указывать на громадную противоположность въ изложенныхъ выводахъ нѣтъ надобности: она и безъ того бросается въ глаза.

Посмотримъ теперь, на сколько разъяснился предметъ въ послѣднее двадцатилѣтіе.

Толчокъ данный успѣхомъ Тода въ дѣлѣ собиранія древнихъ монетъ на протяженіи индо-британскихъ владѣній и всюду въ окрестной Азій, куда только могли проникнуть Англичане, продолжалъ дѣйствовать съ прежнею силою и послѣ огромныхъ пріобрѣтеній добытыхъ въ теченіе 1830-хъ годовъ. Открывались и описывались постоянно, между прочими, и новыя греко-бактрійскія монеты. Продолжалась, въ прежнемъ направленіи, и перестройка фантазій о судьбахъ лицъ которымъ монеты эти обязаны были существованіемъ. Важнѣйшіе труды по предмету, явившіеся со времени выхода въ свѣтъ Вильсоновой *Ariana Antiqua* (въ 1841) до изданія второго тома Лассеновой *Indische Alterthumskunde* (въ 1849), принимаемаго нами за новый опорный пунктъ, принадлежали двумъ молодымъ ученымъ военнаго званія, пріобрѣтшимъ въ послѣдствіи заслуженную ученую репутацію, русскому—Бартоломею, и англійскому—Кониингэму; брату умершаго Джемса, Генри Принсицу, и вѣнскому ученому, помянутому выше Арнету.

Арнетъ описалъ греко-бактрійскія монеты Императорскаго Вѣнскаго Миникабинета, и, по распаденіи Бактрійскаго царства послѣ Эвкратіда, разсадилъ: *Гелюкла* — въ Балхъ, *Алаоокла* — въ Дегли, *Менандра* — въ Джелалъабадъ, признавая ихъ за современниковъ¹⁾. Генри Принсицъ, сдѣлавъ нѣсколько критическихъ замѣтокъ на хронологическое и хорографическое распредѣленіе греко-бактрійскихъ царей по Лассену и Вильсону, предложилъ свою систему размѣщенія ихъ — по сходству въ титулахъ, то-есть, титуловавшихся „спасителями“ (*soterz*) предложилъ отнести къ одной группѣ, титуловавшихся „побѣдоносцами“ и „непобѣдимыми“ — къ другой, и т. д. Такимъ образомъ, преемниками *Антимаха* являются у него, одинъ за другимъ, *Архебій*, *Антиалкидъ*, *Лисія*, *Филоксенъ* и *Аминта*, преемниками *Менандра* — *Аполлодотъ*, *Диомедъ* и проч. и проч.²⁾.

¹⁾ Ueber die Sammlung baktrischer Münzen im K. K. Münz- und Antiken-Kabinete (въ приложеніяхъ къ IV тому Гюгелевой книги: *Kaschmir und das Reich der Siek* (Stuttgart, 1842), S. 325.

²⁾ Note on the historical results deducible from recent discoveries in Afghanistan (London, 1844), pp. 45—74.

Бартоломею поводомъ къ его статьѣ о предметѣ послужила привезенная изъ Бухары, ученымъ путешественникомъ нашимъ и ориенталистомъ, Н. В. Ханьковымъ, монета съ именемъ и изображеніемъ Діодота на одной сторонѣ, и съ надписью „царствующу Агаооклу правосудному“—на другой. Изъ этой монеты Бартоломей успѣшилъ вывести что *Агаоокла*, которому до тѣхъ поръ нумизматы не могли мѣста найти, царствовалъ въ самой Бактріанѣ, и былъ непосредственнымъ преемникомъ *Діодота (Теодота)*, именно сыномъ его (объясняя что Юстинъ даетъ сыну этому имя Теодота не какъ личное, а какъ династическое); что именно этого Агаоокла и лишилъ престола *Эвидема*, а когда это случилось, то *Панталейонъ*, вѣроятно одинъ изъ князей Діодотова рода, сталъ оспаривать престолъ у похитителя, держась гдѣ-нибудь въ южной гористой части Бактріаны, но былъ имъ побѣжденъ и лишенъ жизни, чѣмъ и объясняется множественное число у Поливія въ словѣ ἐχούνοος (кн. XI, гл. 34). Мало того: изъ мѣстонахожденія монетъ Агаоокла и Панталейона въ Кабулистанѣ, заключилъ Бартоломей что въ ихъ время страна эта принадлежала уже къ Греко-Бактрійскому Царству¹⁾. Еще большимъ числомъ фантазій обогатилъ исторію Греко-Бактрійскаго Царства неутомимый Кюнингъ. Описавъ, въ нѣсколькихъ статьяхъ²⁾, значительное число неизвѣстныхъ дотоле греко-бактрійскихъ монетъ, и открывъ нѣсколько новыхъ монетныхъ царей (*Гипострата, Діонисія, Зоила, Никію, Стратона* и *Телефа*), предпринялъ онъ разгадать значеніе монограммъ встрѣчаемыхъ, какъ сказано выше, на большинствѣ монетъ этого рода, монограммъ которыя, какъ видѣли мы, Байеръ съ Пеллереномъ въ прошломъ столѣтіи, а вслѣдъ за ними Тиксенъ съ Тодомъ и Арнетомъ³⁾ уже въ настоящемъ, принимали за хронограммы. Разгадка сказанныхъ монограммъ, конечно, разъяснила бы судьбы Греко-Бактрійскаго царства несравненно болѣе чѣмъ всѣ предшествовавшія попытки къ тому со стороны нумизматовъ-археологовъ; но разрѣшили ли Кюнингъ задачу — онъ утверж-

¹⁾ Notice sur les médailles de Diodotes, rois de la Bactriane — въ *Zeitschrift für Münz-, Siegel- und Wappenkunde*, издававшемся докторомъ Кенѣ, Bd. III (Berlin, 1843), Ss. 65—77.

²⁾ Помѣщены въ *Journal of the Asiatic Society of Bengale*: vol. IX, pp. 393-397, 531 - 545, 867 - 889, 1008 и 1217 - 1230; vol. XI, pp. 130 - 137.

³⁾ Тиксенъ монограмму РКА на монетѣ Димитрія принималъ за 121 годъ селевкидской эры; за 128 годъ той же эры принималъ Арнетъ монограмму НКР на монетѣ Гелиокла.

даетъ что въ монограммахъ заключаются имена мѣстностей гдѣ биты монеты ¹⁾ — это еще вопросъ. Но пусть и отысканъ ключъ къ разгадкѣ монограммъ — на топографическое ихъ значеніе намекали уже и прежде Конингэма, какъ Массонъ ²⁾, такъ и Вильсонъ ³⁾ — спрашивается еще, какъ дѣйствовалъ Конингэмъ этимъ ключомъ? Намъ кажется что полагаться на вѣрность его дешифровки, когда, напримѣръ, одну и ту же монограмму считаетъ онъ возможнымъ читать и *Базарія*, и *Андра*, и *Бана*, и *Пеуклазъ*, и *Демет-рия*, было бы довольно опрометчиво и неблагонадежно. Не затрудняясь такими пустяками, Конингэмъ объяснилъ въ топографическомъ смыслѣ чуть не всѣ монограммы на бывшихъ извѣстныхъ до 1842 года греко-бактрійскихъ монетахъ, и, на основаніи этого „открытія“ своего и другихъ соображеній, произвелъ новую перестановку въ рядахъ греческихъ властителей бактрійскаго происхожденія. Современны съ *Диодотами*, I и II, въ Бактріи (то-есть, въ Бактріанѣ, Согдіанѣ и Маргіанѣ), царствовавшими съ 256 по 220 г. до Р. Х., являются у него въ Западномъ и Среднемъ Кабулистанѣ, въ 247 - 220 годахъ, *Агаоклъ* съ *Панталеономъ*. Съ 220 года, владѣнія тѣхъ и другихъ прибираетъ къ рукамъ своимъ *Эвондема*, въ послѣдствіи, послѣ 200 года, распространяющій власть свою какъ на Восточный Кабулистанъ и на противоположное ему индѣйское зарѣчье, такъ на Арію, Дрангіану и Арахосію. *Димитрій*, около 196 года, наследуетъ Эвондему во всѣхъ этихъ странахъ, но не надолго: со 190-хъ годовъ, въ Бактріи и Западномъ Кабулистанѣ утверждается *Гелиоклъ*, въ средней и восточной части послѣдней страны, вмѣстѣ съ прилежащимъ къ ней индѣйскимъ зарѣчьемъ — *Антимахъ-Θεοςъ*: Димитрій удерживается только въ Аріи, Дрангіанѣ, Арахосіи и приобрѣтенныхъ имъ, около 195 года, низовьяхъ р. Инда. Гелиоклу, около 185 г., наследуетъ сынъ его *Эвкратидъ* (такое родственное отношеніе между ними, а не наоборотъ, доказываетъ Конингэмъ весьма основательно), послѣ 180 г. приобрѣтающій владѣнія Димитрія и Антимаха-Θεоса, но, около 176 года, теряющій Согдіану, занимаемую Саками, позже — Средній и Западный Кабулистанъ, гдѣ утверждается *Антимахъ-Никифоръ* (лицо

¹⁾ Исслѣдованія его объ этомъ помѣщены въ *Numismatic Chronicle*, edit. by I. J. Akerman, vol. VIII (London, 1846), pp. 175—197, подъ заглавіемъ: An attempt to explain some of the monograms found upon the Grecian coins of Ariana and India.

²⁾ *Journ. of the Bengal Asiat. Soc.* Vol. V, p. 545.

³⁾ *Ariana Antiqua*, p. 223.

отдѣльное отъ *Антимаха - Θεοσα*), еще позже — Маргіану и самую Бактріану, подпадающія подъ власть Митридата I, царя парейянскаго. Въ остальныхъ затѣмъ владѣніяхъ Эвкратида наследуетъ ему, около 166 года, сынъ его *Аполлодотъ* (на такое отношеніе между Эвкратидомъ и Аполлодотомъ представляются Кониингэмомъ, велѣдъ за Рауль-Рошетомъ, тоже весьма убѣдительныя доказательства), которому, въ Ариі, Дрангіанѣ, Арахосіи и Западномъ Кабулистанѣ, наследуютъ, въ свою очередь, около 159 года, оспаривая престолъ другъ у друга, *Зоилъ, Диомедъ и Дионисій*. Антимаху-Никифору наследуетъ, между тѣмъ, *Филоксенъ*, Филоксену — *Никия, Никій* — *Лисія*, около 154 г. присоединяющій къ наследію своему и Западный Кабулистанъ. Арію, Дрангіану и Арахосію отнимаетъ, въ то же время, у Аполлодотовыхъ преемниковъ продолжающій царствовать со славою надъ Парейянами Митридатъ I-й. Лисіи, въ Кабулистанѣ наследуетъ, около 150 года, *Антиалкидъ*, Антиалкиду, черезъ пять лѣтъ — *Аминта*, Аминтѣ — *Арахсій*. Около 140 года, овладѣваетъ страной этою *Менандръ*, задолго передъ тѣмъ, еще со 165-хъ годовъ, устроившій себѣ на счетъ туземныхъ индѣйскихъ государей, особое владѣніе въ Пенджабѣ, и около 160-хъ, по смерти Аполлодота, наследовавшій ему въ индскомъ низовьѣ. Со 140-хъ годовъ, Менандръ, такимъ образомъ, является единственнымъ греческимъ царемъ во всей Восточной Азіи. По кончинѣ его, около 130-хъ годовъ, низовьями Инда овладѣваютъ Саки, такъ что преемникъ его, *Стратонъ*, властвуетъ уже только въ Кабулистанѣ и Пенджабѣ. Стратону наследуютъ здѣсь *Гиппостратъ* и *Телефъ*. Около 126 года, Саки овладѣваютъ и Пенджабомъ. Последній изъ преемниковъ Менандра, *Гермей*, ограничивается съ этого времени однимъ Кабулистаномъ. Около 105 года до Р. X. страна эта дѣлается добычею скинскихъ кочевниковъ, извѣстныхъ Китайцамъ подъ именемъ Юечжи, и такимъ образомъ греческое владычество по ту и другую сторону Гинду-Куша уничтожается окончательно¹⁾.

Вотъ въ какомъ видѣ нашли передѣланными прежнія работы свои о Греко-Бактрійскомъ царствѣ знаменитый индіанистъ Лассенъ, когда долженъ былъ снова взяться за тотъ же предметъ въ колоссальномъ трудѣ своемъ „Объ Индѣйскихъ Древностяхъ“. Обнаружившаяся несостоятельность большей части предположеній высказанныхъ имъ въ 1838 году, не утратила неутомимаго изслѣдователя; смѣло при-

¹⁾ См. въ приложеніяхъ къ VIII тому *Numismatic Chronicle* — Chronological and Geographical table of Alexander's successors in the East, въ которой резюмированы Кониингэмомъ результаты его изслѣдованій.

нялся онъ за перестройку ихъ, и въ 1849 году представилъ намъ греко-бактрійскую исторію опять въ новомъ, слѣдующемъ изложеніи ¹⁾:

Основателемъ Греко-Бактрійскаго царства былъ *Діодотъ*. Отложеніе его отъ Селевкидовъ произошло ранѣе чѣмъ послѣдовавшее за 250 лѣтъ до Р. Х. отпаденіе Парѣянъ, но сколькими годами ранѣе— нельзя сказать опредѣлительно. Современо съ Діодотомъ, вѣроятно около 245 года, взбунтовался противъ Селевкидовъ и *Эввидемъ*, бывшій сатрапомъ въ Согдіанѣ. Когда Селевкъ-Каллиникъ, помирившись, около 239 года, съ братомъ своимъ Антиохомъ-Тіераксомъ, обратился противъ Парѣянъ, Діодотъ заключилъ съ нимъ союзъ противъ послѣднихъ. Когда же царь парѣянской противосталъ Селевку съ помощію Аспасіаковъ, народа обитавшаго за Оксомъ, а Діодотъ умеръ въ это время, то сынъ его, тоже носившій имя *Діодота*, примирился съ Парѣянами, и даже вступилъ съ ними въ союзъ противъ Селевка. Кончина Діодота I должна была послѣдовать, такимъ образомъ, вскорѣ послѣ 239 года, именно около 237 г. по Р. Х. Діодотъ II, должно полагать, царствовалъ не долго. Что касается до извѣстнаго изъ монетъ *Агаоокла*, то онъ, будучи правителемъ одной изъ областей Бактрійскаго царства при Діодотѣ I, отложился отъ него, и образовалъ себѣ особое владѣніе въ верхней части долины Окса (Бадахшанъ) и къ югу отъ окаймляющаго ее Гиндукушскаго хребта, и оттуда, вѣроятно, распространилъ власть свою и на страны въ верховьяхъ Инда. *Панталеонъ*, преемникъ Агаоокловъ, царствовалъ не долго, и, безъ сомнѣнія, былъ послѣднимъ владѣльцемъ Агаоокловой династіи. Въ Бактрии, между тѣмъ, были у Діодота II одинъ или даже нѣсколько преемниковъ, по уничтоженіи которыхъ, царствомъ ихъ овладѣлъ, изъ Согдіаны, *Эввидемъ*, присоединившій потомъ къ владѣніямъ своимъ, какъ Панталеоновы, такъ и Маргіану съ Аріей. По кончинѣ Эввидема, въ послѣднихъ годахъ III вѣка до Р. Х., послѣдовалъ ему сынъ его *Димитрій*, еще при жизни отца завоевавшій Кабулистанъ, а потомъ Арахосію (быть можетъ также Дрангіану), Патталену и Пенджабъ до Гидаспа. *Эвкратиду*, который воцарился въ Бактрии около 181 г. до Р. Х., вѣроятно, воспользовавшись походомъ Димитрія въ Индію, должно быть приписано распространеніе греческаго владычества на востокъ до земель Серовъ и Фриновъ (въ нынѣшнемъ Китайскомъ Туркестанѣ). Митридатъ I, царь парѣянской, отнялъ у Эвкратида сѣверныя его области (Аспіонію и Туривію), вѣроятно, во время войны послѣдняго съ Димитріемъ. Пользуясь тѣмъ

¹⁾ Indische Alterthumskunde. II, 283—337.

же обстоятельствомъ, *Антимахъ*, сатрапъ правившій Согдіаною, отложился отъ Эвкратида, и основалъ тамъ, около 170 года, независимое владѣніе. Эвкратидъ отнялъ, между тѣмъ, у Димитрія его индѣйскія владѣнія, и распространилъ ихъ къ востоку до Гифазиса. По смерти Эвкратида, около 160 года, примѣру Антимаха послѣдовали правители другихъ областей Бактрійскаго царства, которое и распалось вслѣдствіе того на нѣсколько независимыхъ одно отъ другаго государствъ. Въ Бактріанѣ и части Индіи наследовалъ Эвкратиду сынъ его *Гелиоклъ*, царствовавшій, вѣроятно, около десяти лѣтъ, между 160—150 годами до Р. Х. Современнo съ нимъ въ Согдіанѣ властвовала *Филоксенъ*, преемникъ Антимаховъ. Въ Арахосіи и Дрангіанѣ наследникомъ Димитрія является, послѣ 165-го года, *Лисія*. Царствомъ Лисіи овладѣваетъ позже *Антиалкидъ*, преемникъ Гелиокловъ, повидимому, присоединившій къ владѣніямъ своимъ и Филоксеновы, такъ что царство Греко-Бактрійское получило подъ Антиалкидомъ какъ бы прежніе предѣлы. Наслѣдникомъ Антиалкида былъ, можетъ статься, *Аминта*. Последнимъ же государемъ Греко-Бактрійскаго царства, окончательно подавленнаго Парянами, около 140 года до Р. Х., представляется *Арсебій*, современникъ и, быть можетъ, уже подручникъ Менандра, могущественнаго властителя Греко-Индѣйскаго царства. Это же царство основано было, по смерти Эвкратида, сыномъ его, братомъ Гелиокловымъ, *Аполлодотомъ*, который, лишивъ Гелиокла Кабулистана и Индіи, властвовалъ тамъ почти до 148 года до Р. Х., и оставилъ царство свое въ наследіе Зонлу. *Зонлъ*, быть можетъ сынъ Аполлодотовъ, царствовалъ не долго, этакъ до 144 года, послѣ чего вступилъ *Менандръ*, знаменитѣйшій изъ индѣйскихъ царей греческаго происхожденія, распространившій предѣлы царства Аполлодотова на востокъ до Ямупы, на югъ — по обѣ стороны Патталены. Менандру, царствовавшему лѣтъ двадцать, наследовалъ *Стратонъ*, женатый на *Агаоокленъ*, дочери кого-либо изъ потомковъ Панталеона, и отнявшій Арахосію у Паряна (послѣ 126 г. до Р. Х.). Преемниками Стратона были *Гипостратъ*, *Дионисій*, *Диомедъ*, *Никія*, *Телефъ*, властвовавшіе въ разныхъ частяхъ обширнаго Менандрова царства отъ 114 приблизительно по 100 годъ до Р. Х., около котораго времени слѣдуетъ помѣстить *Гермея*, послѣдняго въ ряду греко-индѣйскихъ государей: около 85 года до Р. Х., владѣнія Гермея, ограничавшіяся однимъ Кабулистаномъ, сдѣлались добычею предводителя Юечжійцевъ Козуло-Кадфиса, тогда какъ Пенджабъ и низовье Инда, еще ранѣе, подпали подъ власть другихъ среднеазійскихъ выходцевъ.

Такова послѣдняя пока система Лассена, который, при построении ея, не зналъ еще, какъ видимъ, о Коннигэмовой, основанной на дешифровкѣ монограммъ. Что же такое эта система, какое значеніе имѣетъ она въ исторической наукѣ? Къ подобному товару, подъ какими бы громкими и уважительными флагами ни шелъ онъ, нельзя, по мнѣнію нашему, относиться серіознымъ образомъ. Это — не только не „исторія“, а даже не можетъ быть названо „историческими изслѣдованіями“. Это — просто-на-просто болтовня или, еще хуже того, ученый бредъ. Инаго названія, кажется намъ, не могутъ заслуживать упражненія состоящія въ пересовываніи историческихъ лицъ изъ страны въ страну, и въ хронологической перетасовкѣ ихъ такимъ образомъ, что одни и тѣ же лица являются сегодня сыновьями и внуками своихъ отцовъ и дѣдовъ, а завтра становятся ихъ предками, или наоборотъ. Нельзя придавать серіознаго значенія подобнымъ упражненіямъ и по крайней несостоятельности доказательствъ принимаемыхъ въ основаніе для такихъ перемѣщеній. Можно потерять всякое уваженіе, если не къ наукѣ, то къ учености, перечитывая, напримѣръ, доводы, какіе приводятся одними изъ свѣтилъ науки (Висконти и Рауль-Рошетомъ) въ подтвержденіе того что *Гелиоклъ* былъ старше *Эвкратиды*¹⁾, другими же, напротивъ (Мюнне, Отфридомъ Мюллеромъ, К. Д. Гротендомъ), что жилъ онъ позже²⁾. Одна и та же монета, на которой изображены совмѣстно имена Гелиокла и Эвкратиды, служить въ 1841 году (по Вильсону) неопровержимымъ доказательствомъ что *Гелиоклъ* былъ сыномъ *Эвкратиды*³⁾, а въ 1846 году (по Коннигэму) является такимъ же неопровержимымъ доказательствомъ, что *Эвкратидъ* былъ сыномъ *Гелиокла*⁴⁾. Чего, чего не было наговорено въ защиту и въ опроверженіе существованія *Эвкратиды II*, которому знаменитый нашъ Кёлеръ нашелъ возможнымъ даже приписать славу преобразователя бактрійской кавалеріи⁵⁾! Изображеніе Нептуна и Викторіи на монетахъ съ именемъ Антимаха было для Лассена, въ 1838 году, несомнѣннымъ свидѣтельствомъ того что Анти-

¹⁾ Висконти: *Iconographie*. III, 253; Рауль-Рошетъ: *Deuxième Supplem.* etc. p. 20.

²⁾ Мюнне: *Descr. des méd. ant.* VIII, 470; О. Мюллеръ — въ *Gött. gel. Anzeigen*, für 1839, S. 306; Гротендъ: *Die Münzen d. Könige v. Baktrien*, S. 100 seq.

³⁾ *Ariana Antiqua*, p. 264—265.

⁴⁾ *Numismatic Chronicle*, edit. by Akermann. Vol. VIII, p. 187.

⁵⁾ Н. К. Е. Köhler's *Gesammelte Schriften* (S.-Petersburg, 1850). B. I, S. 7—8.

махъ властвовалъ въ Дрангіанѣ¹⁾: въ 1849 году то же самое обстоятельство служитъ для него убѣдительнымъ доводомъ къ перемѣщенію того же Антимаха въ Согдіану²⁾. Когда Антимахъ этотъ царствовалъ, по мнѣнію Лассена, въ Дрангіанѣ, Лассенъ доказывалъ, что аріано-пеглевійскія письма, встрѣчающіяся и на его монетахъ, были въ употребленіи лишь по южную сторону Гиндукушкаго хребта³⁾; а когда тотъ же Антимахъ перемѣщенъ былъ Лассеномъ въ Согдіану, это же самое обстоятельство стало означать что аріано-пеглевійскія письма распространены были и на сѣверъ отъ Гинду-Куша⁴⁾. Между тѣмъ, видѣли мы, Вильсонъ, на основаніи монетъ Антимаха, не считалъ возможнымъ помѣстить его гдѣ-либо вромѣ Гезарейской Земли, на западъ отъ Балха⁵⁾, тогда какъ Копингэмъ, на основаніи тѣхъ же монетъ, отводитъ ему мѣсто на берегахъ Инда, въ Пенджабѣ и Восточномъ Кабулистанѣ⁶⁾. Діонисій, видѣли мы, причисляетъ Лассенъ къ періоду преемниковъ *Стратона*, властвовавшихъ между 114 и 100 годами до Р. Х.: такого мнѣнія дѣйствительно былъ патриархъ современныхъ индианистовъ, когда писалъ главу *Indische Alterthumskunde* о греко-индѣйскихъ царяхъ⁷⁾; когда же сталъ онъ писать главу того же сочиненія о царяхъ династіи Синга, Діонисій оказался уже у него царствовавшимъ непосредственно послѣ *Аполлодота*, современно съ *Зоиломъ*⁸⁾.

Когда основанія, на которыхъ приходится строить зданіе, шатки до такой степени что могутъ служить одинаково опоркою для выводовъ самыхъ разнорѣчивыхъ, не только на взглядъ разныхъ изслѣдователей, но и въ глазахъ одного и того же ученаго, какое довѣріе, спрашивается, могутъ заслуживать, противоположныя одна другой, системы на такихъ основаніяхъ воздвигаемыя, и какую пользу дѣлу исторіи могутъ приносить такого рода работы? По нашему крайнему разумѣнію, нисколько не подвигаютъ онѣ этого дѣла, а скорѣе тормозятъ правильный его ходъ, не расчищаютъ, а скорѣе засоряютъ поле дѣйствительно историческаго знанія. Вся масса работъ провз-

¹⁾ Zur Geschichte u. s. w. S. 237.

²⁾ Indische Alterthumskunde. II, 309.

³⁾ Zur Geschichte u. s. w. S. 161—162.

⁴⁾ Ind. Alterthumskunde. II, 309—310.

⁵⁾ Ariana Antiqua, p. 274.

⁶⁾ *Numismatic Chronicle*, edit. by Akerman. VIII, 194, и *Chronological and Geographical table of Alexander's Successors*.

⁷⁾ Стр. 335.

⁸⁾ Стр. 795.

веденныхъ по исторіи Греко-Бактрійскаго Царства до 1850-хъ годовъ, если всмотрѣться въ нее ближе, не ослѣпяясь блескомъ именъ, почти нисколько не разъяснила этой исторіи: находимыя монеты, вмѣсто того чтобы служить пособіемъ къ тому, служили поводомъ лишь къ обнаруженію со стороны работавшихъ надъ ними большей или меньшей начитанности, которая, при отсутствіи достаточнаго количества логической смазки, разрѣшалась — ни къ чему не ведущими фантазіями.

Чѣмъ безславно и бесполезно тратить трудъ надъ разрѣшеніемъ задачъ не возможнымъ по самому существу памятниковъ надъ которыми приходилось работать, благоразумнѣе и сообразнѣе съ истинными интересами науки было бы ожидать терпѣливо что время откроетъ новые матеріалы болѣе способные къ разъясненію этихъ задачъ.

И начали уже, мало-по-малу, выходить на свѣтъ матеріалы такого свойства. Разумѣемъ двуименныя монеты въ родѣ Агаоокло-Діодотовской, описанной впервые Бартоломеемъ. Такія двуименныя монеты, если и не указываютъ ясно на отношенія между лицами имена которыхъ читаемъ на нихъ, то, во всякомъ случаѣ, служатъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ синхронистической связи между этими лицами, и даютъ тѣмъ возможность къ хронологической группировкѣ монетныхъ государей на основаніи положительныхъ данныхъ, а не по произволу нумизматовъ и археологовъ.

Описаніемъ новыхъ монетныхъ памятниковъ такого рода обязаны мы заслуженнѣйшему изъ современныхъ нумизматовъ-оріенталистовъ, Эдуарду Томасу. Въ 1858 году издалъ онъ полный каталогъ извѣстныхъ тогда греко-бактрійскимъ монетамъ ¹⁾, ознакомившій насъ, впервыхъ — съ существованіемъ такой же двуименной монеты *Антимаха-Θεοσα*, какая имѣлась Агаооклова, то-есть, что одна сторона монеты представляетъ надпись: „царствующу Антимаху-Θεосу“, тогда какъ на другой ея сторонѣ читаемъ: „(при) Діодотѣ-Избавителѣ“ ²⁾, и, ввторыхъ — съ существованіемъ монеты, въ греческой легендѣ которой читается имя царя *Λυσίη*, а въ легендѣ аріано-пеглевійскіяи псѣмюмъ — имя царя *Αντιάλκιδα* ³⁾. Затѣмъ, въ статьѣ о бактрійскихъ монетахъ, напечатанной въ 1862 году ⁴⁾, описалъ онъ новую

¹⁾ Въ *Numismatic Chronicle*, Vol. XIX, и въ приложеніяхъ къ J. Prinsep's *Essays on Indian Antiquities*, имъ изданнымъ, vol. II, pp. 178—200.

²⁾ Prinsep's *Essays*. II, p. 183.

³⁾ Тамъ же. II, p. 192.

⁴⁾ Въ *Numismatic Chronicle* (new series), vol. II, p. 178—188 и 259—267.

двуименную монету *Агаокла*, но уже не съ именемъ Діодота на передней сторонѣ, а съ именемъ *Эвандема-Θεοσα* ¹⁾.

Важнѣйшимъ результатомъ этихъ новыхъ находокъ является то, что часть монетныхъ государей, которыхъ относили обыкновенно къ періоду распадениа Греко-Бактрійскаго царства послѣ Эвкратида, оказывается принадлежащею, напротивъ, къ періоду основанія этого царства. Оказывается, что отложился отъ Селевкидовъ не одинъ Діодотъ, а вмѣстѣ съ нимъ, или вслѣдъ за нимъ, и греческіе эпархи другихъ, кромѣ Бактріаны, областей Верхней Азии; что эти эпархи, оставаясь болѣе или менѣе независимыми въ отторженныхъ ими отъ Селевкидовъ областяхъ, признавали однако же надъ собою главенство Діодота и его преемниковъ; и что правъ былъ Поливій употребляя ἐκυόνους во множественномъ числѣ, и не слѣдовало поправлять его, понимая это выраженіе въ смыслѣ „потомство“, *soboles*, какъ придумалъ это Байеръ ²⁾, ибо Эвандемъ могъ, какъ видимъ теперь, хвалиться уничтоженіемъ преемниковъ не одного Діодота I, а и другихъ эпарховъ, по примѣру этого послѣдняго взбунтовавшихся противу Селевкидовъ. Къ этому, несомнѣнной достовѣрности, выводимъ Томасъ прибавляетъ еще одинъ — что судя по монетѣ Агаокла съ именемъ Эвандема, этотъ послѣдній, истребляя преемниковъ однихъ изъ возмущившихся съ Діодотомъ эпарховъ, могъ оставить на мѣстахъ своихъ другихъ, которые согласились подчиниться ему, будучи въ то же время такъ сильны что ему не представлялось возможности одолѣть ихъ ³⁾. Выводъ этотъ не совсѣмъ правиленъ: означенная монета могла быть бита въ первое время Эвандемова правленія; въ послѣдствіи же, но еще до войны съ Антиохомъ Великимъ, Эвандемъ могъ сбѣжать съ рукъ Агаокла, или преемника его, точно такъ же какъ сбѣжалъ онъ съ рукъ другихъ виновниковъ отложенія отъ Селевкидовъ, или потомство ихъ.

Позволительно надѣяться что постоянное стремленіе множества образованныхъ Британцевъ, находящихся на службѣ въ Индіи, отыскивать и скупать тамъ древнія деньги, приведетъ къ открытію новыхъ двуименныхъ монетъ, которыя бросятъ новый свѣтъ на судьбы Верхней Азии подъ владычествомъ Александровыхъ преемниковъ, подобно тому какъ стремленіе это обогатило насъ въ послѣднее время открытіемъ монетъ еще трехъ новыхъ государей греко-бактрійскихъ или

¹⁾ L. c. ö. 185.

²⁾ Hist. regni Graec. Bactriani, p. 67.

³⁾ Numismatic Chronicle (new series). II, 188.

греко-индийских: *Артемидора, Эпандра и Теофила* ¹⁾). Но, пока надежды эти осуществятся, нельзя сказать, повторяемъ, чтобы известные доселѣ нумизматическіе памятники Греко-Бактрийскаго царства разъяснили многое въ политическихъ судьбахъ его.

Немного новыхъ данныхъ извлекли археологи изъ изученія ихъ и по отношенію къ внутреннему быту этого царства. Въ высшей степени интересно и важно было бы знать какъ встрѣтились здѣсь, въ какія отношенія одна къ другой стали, и какое взаимодѣйствіе обнаружили другъ на друга, двѣ столь установившіяся и упорныя цивилизаціи, какова съ одной стороны была древне-бактрийская, съ другой — эллинская. Но объ этомъ можемъ мы лишь гадать, а положительнаго знаемъ весьма мало. Ничто въ мірѣ не проходитъ безслѣдно: тѣмъ менѣе позволительно предполагать чтобы могло остаться безъ вліянія на Бактриану и сосѣднія страны двухвѣковое политическое господство греческаго элемента, и чтобы это политическое господство не внесло чего-нибудь и въ другія стороны жизни мѣстнаго населенія. Ознакомленіе съ процессомъ этого вліянія было бы поучительно въ высшей степени, не только для разъясненія одного изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ въ прошлой жизни человѣчества, но и по отношенію къ настоящему господству европейскихъ народовъ въ Азіи, и будущности этого господства. Къ сожалѣнію, не только о процессѣ, но и о послѣдствіяхъ эллинскаго вліянія въ Средней Азіи, не выяснено изслѣдователями еще ровно ничего, и все высказанное по этому предмету ограничивается голыми предположеніями. Вотъ, въ главныхъ чертахъ, что, по отношенію къ внутренней исторіи Греко-Бактрийскаго Царства, извлечено до сихъ поръ, и можетъ быть извлечено еще, изъ сравнительнаго изученія монетныхъ его памятниковъ съ сохранившимися сказаніями историковъ и географовъ древности.

Прежде всего, царство основанное Діодотомъ I-мъ представляется не монархіею, а скорѣе союзомъ государствъ, въ которомъ одно изъ нихъ, именно занимавшее Бактриану собственно, первенствовало передъ прочими по силѣ и богатству, и признавалось ими главенствующимъ. Этотъ выводъ изъ двуименныхъ монетъ Агаоока и Антипахы съ именами Діодота и Эввидема подтверждается общою историческою характеристикою странъ гдѣ возникло бактрианское и подручныя ему греческія государства. Страны эти, заключающіяся въ бассейнахъ Аму и Сыра, постоянно почти являются въ исторіи, вѣ-

¹⁾ *Numismatic Chronicle* (new series). IV, pp. 201 и 207.

роятно вслѣдствіе ихъ географическихъ условій, раздѣленными на нѣсколько болѣе или менѣе значительныхъ владѣній, слабѣйшія изъ которыхъ подчиняются въ извѣстной мѣрѣ сильнѣйшимъ. Разливается на страны эти какой-либо завоевательный потокъ извнѣ, съ юго-запада или съ сѣверо-востока, помянутыя единицы потопляются имъ, и какъ бы исчезаютъ; но лишь только силы завоевателей начинаютъ слабѣть и падаетъ ихъ могущество, тотчасъ же воспріимается краемъ прежній политическій его строй, и опять всплываютъ наверхъ тѣ же мелкія государства съ двумя, тремя преобладающими надъ ними. Такой порядокъ вещей, есть основаніе думать, существовалъ въ означенныхъ странахъ и до обращенія ихъ въ области Персидскаго царства при Ахеменидахъ. При преемникахъ Александра, персидскихъ сатраповъ замѣнили здѣсь греческіе. Въ областяхъ своихъ, далекихъ отъ центральной власти, подчинялись они ей, должно полагать, въ весьма слабой степени, и, какъ видимъ, не преминули воспользоваться первыми затрудненіями Селевкидовъ, чтобъ освободить себя и отъ этой слабой зависимости. Но независимость греческихъ эпарховъ приняла здѣсь мѣстную форму: слабѣйшіе изъ нихъ признали себя подручниками сильнѣйшаго. Бактріана, по природнымъ богатствамъ, промышленной дѣятельности и, можетъ-быть, даже по духовному развитію, издревле первенствовала между странами въ долинѣ Аму-Дарьи: правитель этой страны, Діодотъ, и сдѣлался, естественно, главою отпавшихъ, кромѣ того что былъ онъ и зачинщикомъ отпаденія, по прямому свидѣтельству Страбона и Юстина. Сколько другихъ эпарховъ послѣдовали его примѣру, и гдѣ именно сидѣли они, мы не знаемъ пока, но разлѣститься имъ на протяженіи долины Аму было гдѣ, а именно: по двумъ центрамъ Зерафшанской долины (то-есть въ Самаркандѣ и Бухарѣ) и по правому берегу Аму, въ Шегри-себзѣ, Хисарѣ, Дервазѣ, не говоря уже о Бадахшанѣ и Ваханѣ въ верховьяхъ этой рѣки, или о нѣлѣйшей Ташкиніи по среднему теченію Сыра, и о долинѣ Ферганской въ его верховьяхъ. Можемъ причислять эти двѣ послѣднія страны къ числу селевкидскихъ областей, основываясь на извѣстіи Плинія-Натуралиста о походѣ за Сыръ, который совершенъ былъ Деодамомъ, полководцемъ Селевка и Антиоха, оставившимъ даже записки свои о томъ краѣ, которыми еще пользовался Плиній ¹⁾, но которыя до насъ не дошли. Отсюда же, изъ Ферганы, разъ здѣсь утвердившись, ничего не стоило греческому царьку

¹⁾ Hist. Nat. Lib. VI, cap. XVIII.

этой области распространить власть свою, через горы, и на Кашгаръ, то-есть „до Серовъ“, по выраженію Страбона: арабскіе наместники сирійскихъ халифовъ въ VIII вѣкѣ по Р. Х. сидѣли здѣсь едва-ли прочнѣе помянутыхъ царьковъ, а Кашгаръ несомнѣнно подчинился ихъ вліянію, какъ до послѣдняго времени подчинился онъ и вліянію коканскихъ хановъ, не смотря на то что состоялъ въ подданствѣ такой могущественной державы какъ Китай. Въ то же время, за два вѣка до Р. Х., Кашгарское Владѣніе, по тѣмъ свѣдѣніямъ которыя имѣемъ отъ Китайцевъ столѣтіемъ позже, не могло похвалиться значительностію ¹⁾. Заставлять Эвндема проносить оружіе свое въ эту сторону, нѣтъ никакой надобности: распространено сюда греческое господство могло быть, скорѣе и вѣрнѣе, какъ сказано, кѣмъ-либо изъ подручниковъ его или Діодота. На долю Эвндема, чтобъ удовлетворить Страбону о немъ свидѣтельству, достаточно предоставить присоединеніе къ Бактріанѣ сосѣднихъ ей Маргіаны, Аріи и Земли Паропамисадовъ съ Восточнымъ Кабулистаномъ, который причислялся древними уже къ Индіи. Вообще, по значительности странъ на правой сторонѣ Аму и въ верховьяхъ Сыра, здѣсь, полагаемъ мы, могли размѣщаться многіе изъ тѣхъ монетныхъ греко-бактрійскихъ государей, которыхъ относятъ до сихъ поръ совсѣмъ въ другую сторону.

Исторія изобилуетъ примѣрами что иноземной династіи, для того чтобъ утвердиться въ странѣ, потребны усилія только вначалѣ, а тамъ, чтобъ держаться на престолѣ, не нужно уже никакихъ: покоренный народъ скоро привыкаетъ смотрѣть на побѣдителей какъ на законныхъ и природныхъ своихъ владѣльцевъ, особенно если побѣдители сливаются болѣе или менѣе съ туземцами. Покореніе Бактріаны и Заоксусины стоило Александру Великому большаго напряженія силъ и потребовало болѣе времени, чѣмъ завоеваніе Персіи или Индіи; но разъ Бактрійцы и Согдійцы освоились съ мыслию что ими правятъ Македоняне, какъ эпархамъ селевкидскимъ, а тамъ и отложившимся отъ Селевкидовъ царямъ и царькамъ греческаго происхожденія не нужно уже было внѣшней поддержки чтобъ сидѣть крѣпко на своихъ мѣстахъ. Потому, полагаемъ, хотя они и охотно могли принимать къ себѣ единоплеменниковъ военнаго ремесла, искавшихъ въ то время наживы гдѣ только представлялся къ тому случай ²⁾, единопле-

¹⁾ См. «Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи въ древнія времена» соч. монаха Іакинѣа (Спб. 1851 г.). Часть III, стр. 63.

²⁾ См. объ этомъ у Дройзена, въ его *Geschichte des Hellenismus* (Hamburg, 1843), II, 33.

менники эти составляли въ войскахъ ихъ не болѣе какъ ядро или закваску, далеко уступая въ числѣ туземнымъ ратникамъ, подобно нынѣшнимъ британскимъ войскамъ въ Индіи сравнительно съ туземными сипаями. Другою опорой греческаго владычества въ Верхней Азіи считаются колоніи основанныя тамъ Александромъ Великимъ, и городъ послѣ него построенные тамъ же селевкидскими намѣстниками или греко-бактрійскими государями — въ предположеніи что населеніе этихъ городовъ должно было быть по преимуществу греческое. Но, во первыхъ, предположеніе это основывается лишь на греческихъ именахъ означенныхъ городовъ, и во вторыхъ, такихъ городовъ на все огромное пространство Греко-Бактрійскаго Союза насчитываютъ только два: *Антиохію* въ Согдіанѣ, о которой упоминается въ словарѣ Стефана Византійскаго ¹⁾, и *Эвкратидію* въ Бактріанѣ, о существованіи которой узнаемъ отъ Страбона и Птолемея Александрійскаго ²⁾. Что касается до колоній Александровыхъ, которыхъ основалъ онъ въ Согдіанѣ и Бактріанѣ, по Страбону, восемь ³⁾, а по Юстину — двѣнадцать ⁴⁾, то едва-ли и эти колоніи могли служить, по составу народонаселенія своего, надежною опорой греческому владычеству. Сколько извѣстно, ядромъ такихъ колоній были тяжелораненные и вообще негодные къ продолженію военной службы ветераны, то-есть, холостые солдаты, съ прибавкою къ нимъ кого-попало изъ окрестныхъ туземцевъ ⁵⁾. Холостяки эти должны были жениться на туземкахъ, а вслѣдствіе того дѣти ихъ оставаясь, по смерти отцовъ, въ исключительномъ сообществѣ однихъ туземцевъ, должны были быстро сливаться съ послѣдними, и въ третьемъ поколѣніи ветерановъ едва-ли оставались уже какіе-либо слѣды эллинизма. Это въ колоніяхъ существованіе которыхъ упрочивалось; но такихъ было немного: иначе имена ихъ встрѣчались бы въ памятникахъ; а то мы не видимъ никакого слѣда большей части возведенныхъ Александромъ городовъ. Да иначе и быть не могло, если всмотрѣться въ то какъ основывались его колоніи. Происходило это обыкновенно на походѣ, много-еще если въ продолженіе зимовки,

¹⁾ Sub voce.

²⁾ Страбонъ, кн. XI, гл. 11, § 2; Птоломей (Географія) кн. VI, гл. 11.

³⁾ Кн. XI, гл. 11, § 4.

⁴⁾ Кн. XII, гл. 5.

⁵⁾ См. напримѣръ у Діодора Сицилійскаго (въ кн. XVII, гл. 83) о составѣ населенія городовъ построенныхъ Александромъ на дорогѣ черезъ Гинду-Кушъ изъ Земли Паропамисадовъ въ Бактріану, и у Арріана (Анабасисъ, кн. IV, гл. 4) о составѣ населенія въ Александріи на Яксартѣ.

въ теченіе нѣсколькихъ недѣль; а въ такой срокъ нельзя было сдѣлать ничего иного, какъ вырыть наскоро ровъ, землю изъ него насыпать валъ, и внутри вала, такъ же наскоро, возвести кое-какія мазанки: въ эти мазанки и помѣщали колонистовъ, то-есть, раненыхъ и слабосильныхъ изъ солдатъ, снабдивъ ихъ, вѣроятно, женщинами изъ плѣнницъ и окрестностей — и вотъ готова „Александрія“. Такіе, не городъ, а скорѣе укрѣпленные лагери возводились до того не прочно, что Ницею и Букефалось, напримѣръ, построенные Александромъ на Гидасиѣ, размыло дождями, пока двигался онъ далѣе, до такой степени, что на возвратномъ пути отъ Гифазиса, нашелся онъ въ необходимости отстраивать ихъ снова ¹⁾. Ну, а когда, какъ въ Бактрианѣ и Согдианѣ, не было подъ рукою Александра чтобы починивать Александриі разваливавшіяся вслѣдствіе подобныхъ обстоятельствъ, колонисты въ нихъ поселенные должны были разбредаться по другимъ жилымъ мѣстамъ, и колоніи исчезали безслѣдно. Другою причиною неживучести ихъ могъ быть поспѣшный выборъ мѣстоположенія, имѣвшаго значеніе въ стратегическомъ отношеніи, но нисколько или мало обезпечивающаго жителямъ средства къ существованію городскими промыслами.

Такимъ образомъ, ни первоначальныя македонскія колоніи въ Средней Азій, ни городъ которые были въ послѣдствіи основаны тамъ Греками, едва-ли могли служить опорой для греческихъ династій; да они, какъ замѣчено, и не нуждались въ этой опорѣ чтобы держаться на престолѣ. Уже самого Александра обвиняли, какъ извѣстно, въ измѣнѣ роднымъ обычаямъ, и усвоеніи азіатской обстановки. Нѣтъ сомнѣнія что эпархи селевкидскіе, а потомъ и цари греко-бактрийскіе, находясь постоянно вдалекѣ отъ Греціи, принимали мало по малу обычай и образъ жизни своихъ подданныхъ. И чѣмъ тѣснѣе сближались они съ послѣдними въ этомъ отношеніи, тѣмъ, разумѣется, были для нихъ любезнѣе, тѣмъ болѣе могли разчитывать на ихъ преданность. Есть основаніе полагать что отложеніе Діодота и товарищей его отъ Селевкидовъ представлялось въ глазахъ Бактрийцевъ и Согдійцевъ ихъ національнымъ дѣломъ, и видѣли они въ отложившихся эпархахъ не столько честолюбцевъ, думавшихъ о личномъ возвышеніи, сколько людей интересы которыхъ связаны были съ ихъ собственными, которые въ интересахъ этихъ и дѣйствовали. И чѣмъ продолжительнѣе становилось греческое владычество, тѣмъ сильнѣе, по естествен-

¹⁾ Аррианъ: Анабасисъ, кн. V, гл. 29.

ному ходу вещей, должны были обзавиваться греческіе династы. На монетахъ Діодота, Агаокла, Эвондема, Антимаха-Θεоса, Панталеона, Геліокла, царствуетъ еще греческая трезвость въ титулахъ: зовутъ они себя просто „царями“, и много-много если позволяютъ принимать себѣ прозваніе „правосудныхъ“. Эвкратидъ первый начинаетъ титуловать себя „великимъ царемъ“, а тамъ азіатская напыщенность постоянно уже проявляется въ принятіи греческими династами хвастливыхъ эпитетовъ „побѣдоносцевъ“ и „непобѣдимыхъ“. Другой признакъ постепеннаго слиянія съ туземцами и уступокъ со стороны эллинизма видимъ въ томъ что Діодотъ, Эвондсмъ, Димитрій, Антимахъ-Θεосъ употребляютъ на монетахъ своихъ эллинскія письма, тогда какъ на монетахъ позднѣйшихъ государей, а изъ раннихъ у Агаокла, Панталеона и Геліокла, о-божь съ греческими легендами получаютъ уже право гражданства и легенды на мѣстномъ аріано-палійскомъ языкѣ, изображенныя мѣстными аріано-пеглевійскими и индѣйскими письменами. Утрачиваетъ постепенно изличность свою и чисто греческій сначала типъ бактрійскихъ монетъ. Менѣе чѣмъ черезъ столѣтіе послѣ Діодота, эллинскаго въ царяхъ бактрійскихъ оставалось уже, по всей вѣроятности, весьма немного, да и этихъ немногихъ обзаваны были они, можно думать, лишь сохранявшемуся обычаю не вступать въ бракъ иначе какъ съ единоплеменниками, о чемъ можно заключать изъ греческихъ именъ: *Лаодикеи*, жены Геліокловой, и *Агаоклеи*, жены Стратоновой, именъ изображенныхъ на монетахъ Эвкратиды и Стратона¹⁾. До самаго паденія царства — свидѣтельствуютъ также монеты, — сохранялся при греческихъ дворахъ въ Средней Азійи и національный эллинскій политеизмъ. Различныя божества изображенныя на греко-бактрійскихъ монетахъ (чаще другихъ встрѣчаются изображенія и атрибуты Юпитера, Минервы Фессалійской, Аполлона, Димитры, Диоскуровъ, Геркулеса и Вакха) принадлежать всѣ, за единственнымъ бытъ-можетъ, исключеніемъ, къ греческому пантеону. Этимъ единственнымъ исключеніемъ являются какія-то изображенія на монетѣ царя Телефа, принимаемыя за божества солнца и луны²⁾. Но весьма не излишне замѣтить что означенной монеты не видѣлъ никто кромѣ описывавшаго ее Конингэма³⁾, а почтенный археологъ этотъ, не разъ уже оказывалось, способенъ видѣть въ памятникахъ не то что на нихъ есть, а то что ему мерещится. Кромѣ того, въ женской фигурѣ

¹⁾ *Prinsep's Essays*, by E. Thomas. II, p. 184 и 196.

²⁾ Лассенъ: *Ind. Alterthumskunde*, II, 341.

³⁾ Въ *Journ. of the Bengal Asiat. Soc.* Vol. XI, p. 133.

съ двумя факелами, которую держитъ Юпитеръ на одной изъ монетъ Агаокла, признавалъ Рауль-Рошетъ изображеніе персидской Артемиды (Зариты, по Гезихію), въ чемъ соглашались съ нимъ и другіе археологи¹⁾; но это едва-ли такъ, и въ каталогъ бактрійскихъ монетъ Э. Томаса читаемъ уже, при описаніи упомянутой монеты, что Юпитеръ держитъ въ рукъ греческую *Diana Lucifera*²⁾.

Божествамъ особенно ими чтившимся греческіе государи Средней Азии, и даже предшествовавшіе имъ здѣсь эархи селевкідскіе, воздвигали, безъ сомнѣнія, жертвенники и храмы. О Демодамъ имѣемъ положительное свидѣтельство Плинія, что военачальникъ этотъ соорудилъ тамъ жертвенники (ага) Аполлону Дидимійскому³⁾. Храмы богамъ, равно какъ дворцы царскіе и, быть можетъ, нѣкоторые общественныя зданія строились, по всей вѣроятности, греческими зодчими, или хотя по ихъ планамъ, въ національномъ эллинскомъ вкусѣ. Ни одной такой постройки неизвѣстно, правда, до сихъ поръ на пространствѣ бывшихъ греческихъ владѣній въ Средней Азии, если не считать за произведенія греческой архитектуры „древніе огромные памятники и портики“, видѣнные въ Ферганской долинѣ (именно въ городѣ Маргиланѣ) переводчикомъ нашимъ Назаровымъ, когда проѣзжалъ онъ тамъ въ 1814 году⁴⁾. Но странъ въ верховьяхъ Сыра и Аму такъ еще мало извѣданы Европейцами, что тамъ весьма могутъ найтись архитектурныя памятники греческаго стиля, подобно тому какъ открыты въ недавнее время зданія съ украшеніями отзывающимися сильнѣйшимъ греческимъ вліяніемъ — въ захолустьяхъ Кабулистана⁵⁾.

Какъ на велико было давленіе окружающаго азиатизма на греческихъ эарховъ и государей въ Средней Азии, дворы ихъ все-таки служили тамъ, вѣроятно, средоточіями эленизму, и особенности его хранились въ царскихъ акрополяхъ крѣпче чѣмъ по жилищамъ другихъ Грековъ въ краю. При дворахъ этихъ преимущественно должны были находить себѣ притонъ философы, поэты, художники и дру-

¹⁾ *Journ. des Savants*, 1834. p. 339 и слѣд.

²⁾ *Prinsep's Essays*, II, 179.

³⁾ *Hist. Nat. Lib.* VI, cap. 18.

⁴⁾ Записки о нѣкоторыхъ народахъ и земляхъ средней части Азии (С.-Пб. 1821), стр. 68.

⁵⁾ Bayley: Note on some sculptures in the district of Peshawar — въ *Journ. of the Bengal Asiat. Soc.* Vol. XXI, p. 612; и Ритгеровъ «Кабулистанъ» въ русскомъ переводѣ (С.-Пб. 1867), стр. 668.

гіе высшіе представители греческой національности, когда забирались они въ такую даль. Нельзя думать, однако же, чтобы наука и литература Греціи могли укорениться при какомъ-либо изъ этихъ дворовъ, какъ укоренились они въ Египтѣ, въ Сиріи, въ Малой Азіи: неизвѣстно, по крайней мѣрѣ, ни единого писателя греческаго который бы проживалъ въ Бактрійскихъ владѣніяхъ, или хотя былъ оттуда родомъ. Что же касается до греческаго тамъ населенія, то, какъ уже замѣтили мы, едва-ли вѣроятно чтобъ оно составляло собою значительныя массы даже въ городахъ съ греческими именами. Вездѣ по городамъ, въ которыхъ жили Греки, помѣщались они, можно полагать, въ особыхъ кварталахъ, гдѣ и управлялись между собою по-своему, тогда какъ общественная и семейная жизнь остальныхъ горожанъ-туземцевъ продолжала себѣ течь по прежней, тысячелѣтними пробитой колеѣ, нисколько не сливаясь съ греческою, и ничѣмъ отъ нея не заимствуясь. Люди греческаго происхожденія, какъ осѣвшие въ Средней Азіи со временъ Александра, такъ и продолжавшіе прибывать туда въ послѣдствіи, были, должно думать, большею частію, какъ и въ сирійскихъ городахъ¹⁾, странствующіе солдаты, торговцы, ремесленники, все народъ не принадлежавшій къ образованнѣйшимъ классамъ своей націи, заботившійся лишь объ эксплуатаціи страны въ свою личную пользу, и способный къ тому несравненно болѣе чѣмъ къ распространенію между туземцами высшихъ началъ эллинской цивилизаціи. Потому, полагаетъ Лассенъ²⁾, и мы вполне раздѣляемъ это его мнѣніе, невѣроятно чтобъ эленизмъ имѣлъ на Бактрійцевъ какое-либо вліяніе въ нравственномъ или религіозномъ отношеніи. И самимъ-то среднеазійскимъ Грекамъ образцами эленизма служили ихъ сирійскіе соплеменники, уже тронутые азійскимъ вліяніемъ (усматриваемъ это обстоятельство изъ типа греко-бактрійскихъ монетъ и прозвищъ государей на этихъ монетахъ): какою же претворяющею силою могъ обладать такой эленизмъ изъ вторыхъ рукъ—на берегахъ Аму, въ самой колыбели древне-арійской цивилизаціи, опиравшейся на своеобразную письменность, на прочное религіозное законодательство, быть можетъ даже на обширный научный капиталъ? Какъ духовная сила, эленизмъ могъ еще скорѣе подѣйствовать на туземцевъ Средней Азіи своею эстетическою стороною, проивить вліяніе свое въ сферѣ искусствъ; но и объ этомъ нельзя сказать ничего положительнаго, такъ какъ изъ

¹⁾ Дройзенъ: *Gesch. d. Hellenismus*, II, 32.

²⁾ *Ind. Alterthumskunde*, II, 341.

художественныхъ произведеній греко-бактрійскаго періода найдены до сихъ поръ къ сѣверу отъ Гинду-Куша, кромѣ монетъ, только рѣзные камни да одна серебряная патера ¹⁾, о которыхъ неизвѣстно притомъ, мѣстной ли они работы, или фабрикатъ ввезенный туда торговлею.

Изъ всѣхъ плодовъ греческой жизни могли быть сообщены Средне-азійцамъ, по нашему мнѣнію, скорѣе всего нѣкоторыя гражданскія учрежденія, правительственною властію пересаженныя на азіатскую почву, вслѣдствіе особаго политическаго значенія ихъ для Востока. Къ числу таковыхъ принадлежитъ, напримѣръ, официальная система времечисленія. Зная какое политическое значеніе имѣлъ на Востокѣ календарь, можно было бы а priori утверждать что въ Бактріанѣ и сосѣднихъ съ нею областяхъ, при Селевкидахъ еще, введенъ былъ съ употребленіемъ — календарь Македонскій. Что календарь этотъ, введенный въ Кабулистанъ и Пенджабъ, держался тамъ еще во времена скиоскихъ царей, положившихъ конецъ греческому господству — фактъ несомнѣнно уже приобрѣтенный для исторіи, такъ какъ въ аріано-шалійскихъ надписяхъ, дошедшихъ до насъ изъ помянутыхъ временъ, прочтены имена македонскихъ мѣсяцевъ: *артемизіосъ* ²⁾, *панэмосъ*, *апеллаіосъ*. А если македонскій календарь находился въ употребленіи къ югу отъ Гинду-Куша, такъ въ старныя къ сѣверу отъ этого хребта введеніе его должно было послѣдовать еще ранѣе.

Къ чему несомнѣнно, равнымъ образомъ, должно было привести греческое владычество въ Бактріанѣ и на сѣверъ отъ нея, это — къ расширенію торговыхъ связей между востокомъ Азіи и югомъ Европы, и къ ознакомленію греко-римскаго міра со странами и народами міра китайскаго. До Александра Великаго, какъ видимъ изъ Геродота и Ктесіевыхъ отрывковъ у Діодора, Греки не имѣли никакаго понятія о странахъ на востокъ отъ Бактріаны и Согдіаны. Извѣстія о Серахъ и Серикѣ (Китайскомъ Туркестанѣ и Тибетѣ), встрѣчаемыя позже у Страбона (кн. XV, гл. I, § 34 и 37), у Помпонія-Мелы (кн. III, гл. 7), у Плинія-Натуралиста (VI, 20) и въ особенности у Птолемея (Географія, кн. VI, гл. 15 и 16), приобрѣтены были явно въ теченіе греко-бактрійскаго періода. Въ тотъ же промежутокъ времени, если не ранѣе, должно было установиться и торговое движеніе между Индіей и Черноморьемъ (по теченію Аму-Дарьи, черезъ Каспій и Закавказье),

¹⁾ Coins and relics from Bactria — въ *Journ. of the Bengal Asiat. Soc.* Vol. VII, pp. 1047--1052.

²⁾ См. дополненія къ русскому переводу Риттерова «Кабулистана» (С.-Пб. 1867), стр. 721.

о существованіи котораго въ древности узнаёмъ отъ Плинія, разсказывающаго о томъ со словъ М. Варрона (Hist. Nat. VI, 19).

Владычество надъ странами къ сѣверу отъ Гинду-Куша утратили греческіе государи, по свидѣтельству Страбона и Юстина, вслѣдствіе усиленія Пароянъ на западъ, и напора кочевыхъ народовъ съ сѣвера. Понятно какимъ образомъ могло это произойти. Такой конецъ этому владычеству предсказанъ былъ еще Эвандеомъ. Но когда именно и какими частями Бактрійскаго царства овладѣли, съ одной стороны, Скионы, съ другой Парояне, объ этомъ изъ греческихъ и римскихъ источниковъ нельзя вывести ничего положительнаго. Около 125 года до Р. Х., слѣдовательно около того самаго времени когда должно было, повидимому, произойти окончательное паденіе греческаго владычества въ Бактрію, познакомились съ нею впервые отдаленные Китайцы, у которыхъ и находимъ нѣкоторыя извѣстія о тогдашнемъ политическомъ положеніи странъ на сѣверъ отъ Гинду-Куша. Нельзя ли почерпнуть изъ этихъ китайскихъ извѣстій какихъ-либо указаній на судьбу греческаго владычества въ этихъ странахъ за послѣднее его время? Посмотримъ.

Кочевниковъ, которые вторглись изъ-за Сыра въ Согдіану и Бактріану, а тамъ простерли завосанія свои и за хребетъ Гиндукушскій, именуютъ китайскіе писатели *Сэ* и *Юечжи*. Юечжи, двигавшіеся съ востока, занявъ земли *Сэ* при Сыръ-Дарьѣ, принудили послѣднихъ вторгнуться въ Согдіану, а затѣмъ вытѣснили ихъ и изъ Согдіаны, откуда *Сэ* пробрались въ *Гибинь* (Арахосію). О занятіи Юечжитами Согдіаны современникъ этого событія, китаецъ Чжань-Цянь, выражается такимъ образомъ: „Юечжи перешли отъ *Давани* (Ферганская долина) на западъ, ударили на *Дахя*, покорили это владѣніе, и вслѣдствіе того утвердили свое мѣстопробываніе на сѣверной сторонѣ рѣки *Гуй-шуй* (Охус, Аму-Дарья)“. Изъ дальнѣйшаго разказа Чжань-Цяневя видно однако что Юечжи покорили сначала не все владѣніе *Дахя*, а только сѣверную его часть, такъ какъ вслѣдъ за сказаннымъ описываетъ онъ это владѣніе особо отъ Юечжійскаго, и говоритъ что находится оно „слишкомъ въ 2.000 *ли* (1/2 версты) отъ *Давани* на юго-западъ, по южную сторону рѣки *Гуй-шуй*“¹⁾. Помянутое сейчасъ занятіе Согдіаны Юечжитами имѣло мѣсто, по китайскимъ извѣстіямъ, около 130-хъ годовъ до Р. Х. Ясно что подъ *Дахя*, отъ чего бы ни

¹⁾ Собраніе свидѣній о народахъ обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена. III, 7.

происходило это название, нельзя разумѣть ничего кромѣ *Бактрианы*, и выходитъ что въ означенное время Бактриана оставалась еще независимой или находилась въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Юечжійцамъ, но никакъ не была подъ властію Парянъ, которыхъ Китайцы узнали подъ именемъ *Аниси*, и помѣщаютъ далѣе на западъ. Какими же чертами описываетъ Чжанъ-Цянъ владѣніе Даха? „Тамъ—говоритъ онъ¹⁾—ведутъ осѣдлую жизнь; имѣютъ города и дома; въ обыкновеніяхъ сходствуютъ въ Даваньцами. Не имѣютъ верховнаго главы, а почти каждый городъ поставляетъ своего правителя. Войска ихъ слабы, робки въ сраженіяхъ. Жители искусны въ торговлѣ. Народонаселеніе въ Даха простирается до милліона. Столица называется Лань-ши. Въ этомъ городѣ есть рынокъ съ различными товарами. Отъ Даха на юго-востокъ лежитъ владѣніе Шеньду, иначе Инь-ду (Индія)“. Чжанъ-Цянъ хвастался что онъ самъ былъ въ Даха, и видѣлъ тамъ бамбуковые посохи и холсты изъ Югозападнаго Китая, которые получались черезъ Индію²⁾. Можно думать что „правители“, о которыхъ говоритъ этотъ китайскій Колумбъ, были мелкіе князьки греческіе раздробившіе между собою наслѣдіе Діодота, и, не смотря на незначительность свою, продолжавшіе титуловаться „царями“, и бить каждый свою монету. Въ 105 году до Р. Х., читасмъ у историка китайскаго Сымацяня, въ числѣ другихъ посольствъ изъ Китая въ „западные страны“ отправлено было одно и въ Даха, особо отъ посольства къ Юечжійцамъ³⁾, слѣдовательно до означеннаго времени Бактриана пользовалась еще, если не полною, то относительною независимостію подъ управленіемъ множества князьковъ своихъ. Позже, въ извѣстіяхъ о „западныхъ странахъ“ заключающихся въ „Исторіи старшихъ Ханей“, извѣстіяхъ собранныхъ въ 74—39 годахъ до Р. Х., о владѣніи Даха не упоминается болѣе; Юечжійцы, въ этихъ извѣстіяхъ, являются владѣющими уже не только Бактрианою и Землею Гезарейцевъ къ юго-западу отъ нея, но и Кабулистаномъ⁴⁾: сквенская дикость окончательно одолѣла греческую образованность.

Но *Давань*, то-есть Ферганская долина, продолжала составлять независимое владѣніе, въ нѣкоторомъ, впрочемъ, подчиненіи Китайцамъ, если только не хвастаютъ они. Вопросъ въ томъ, однако, подчинялись ли они когда прочнымъ образомъ греческому владѣтельству, и

¹⁾ Тамъ же, III, 8.

²⁾ Тамъ же, III, 9.

³⁾ Тамъ же, III, 15.

⁴⁾ Тамъ же, III, 55.

какая династія властвовала въ ней со 130-хъ годовъ до Р. X. (когда узнали впервые Китайцы о существованіи этой страны), туземная или греческаго происхожденія, то-есть, другими словами, имѣетъ ли какое отношеніе къ судьбамъ Греко-Бактрійскаго царства независимое существованіе Давани въ концѣ второго и въ теченіе перваго вѣка до Р. X. (послѣ чего прекращаются китайскія извѣстія и объ этой послѣдней странѣ)?

Можно думать, впрочемъ, что и съ окончательнымъ переходомъ Бактріаны подъ власть Юечжійцевъ, греческіе князьки, сидѣвшіе по городамъ ея, не были истреблены, а удалились въ окрестныя горы, гдѣ потомство ихъ, совершенно отуземнившееся, существуетъ, быть можетъ, и до нашихъ дней. Уже Марко Поло разказывалъ что владѣлецъ Бадахшанскій въ его время производилъ родословную свою отъ македонскаго завоевателя¹⁾. Затѣмъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, Эльфинстонъ сообщилъ что владѣлецъ дервазскій, въ верховьяхъ Аму-Дарьи, считаетъ себя потомкомъ Александра Великаго, и признается въ этомъ качествѣ всѣми своими сосѣдами²⁾. Борнсъ, на пути въ Бухару, въ началѣ 1830-хъ годовъ, узналъ что такія же претензіи обнаруживаютъ и горные владѣльцы въ Гулабѣ, Шегнанѣ, Ваханѣ, къ сѣверу отъ Аму, и въ Читралѣ, Гильгитѣ, Искардо, къ востоку отъ Бадахшана³⁾. Вудъ, черезъ нѣсколько лѣтъ позже проникшій до истока Аму-Дарьи, подтверждаетъ то же самое, но замѣчаетъ что, по собраннымъ имъ извѣстіямъ, происхожденіе отъ Александра Великаго считается неоспоримою принадлежностію только владѣльцевъ Читралскихъ и Ваханскихъ, Бадахшанскіе же, Держазскіе, Шегнанскіе и другіе объявляютъ притязаніе на такое происхожденіе лишь вслѣдствіе брачныхъ связей съ двумя первыми домами⁴⁾.

При такомъ положеніи свѣдѣній относительно слѣдовъ греческаго владычества въ Бактріи, нельзя было не изумиться, когда одинъ изъ профессоровъ нашихъ, оказавшій важныя услуги наукѣ, высказалъ во всеуслышаніе будто „сподвижники македонскаго завоевателя являлись подъ стѣнами Китая“; будто „еще въ VIII столѣтіи нашей эры, Грекъ Александръ, переименованный Китайцами въ *Ань-лу-шаня*, поколебалъ тронъ китайскаго императора, и возсѣдалъ на немъ кратковре-

¹⁾ Travels of Marco Polo, ed. by Marsden, p. 129.

²⁾ An account of the Kingdom of Caubul (London, 1815), p. 628.

³⁾ Travels into Bokhara, въ французскомъ переводѣ Эйриэ (Paris, 1835), vol. III, pp. 169—171.

⁴⁾ Journey to the source of the river Oxus (London, 184), pp. 241 и 371—372.

менно", и будто „имена Грековъ и Македонинъ сохранились въ Средней Азии въ названіяхъ народовъ *Хихи* и *Киданъ*"¹⁾). Утвержденія эти, никакими доказательствами не подтвержденныя, до такой степени противорѣчатъ всему чему привыкла вѣрить ученая Европа на основаніи извѣстныхъ памятниковъ, что даже и упомянуть о подобныхъ парадоксахъ сочли мы позволительнымъ для себя только вслѣдствіе глубокаго уваженія которое питаемъ къ ученымъ заслугамъ ихъ автора.

В. Григорьевъ.

---

¹⁾ См. Годичный торжественный актъ въ Императ. С.-Петербург. университетѣ, бывшій 2-го декабря 1866 года: статья о движеніи магометанства въ Китаѣ, стр. 24.

УЛЬРИХЪ ФОНЪ-ЛИХТЕНШТЕЙНЪ.

Рыцарское служеніе женщинъ въ средніе вѣка.

I.

Говорить о средневѣковой культурѣ значитъ имѣть въ виду по преимуществу XII и XIII столѣтія, такъ какъ въ это время западно-европейская жизнь отлилась въ тѣ своеобразныя формы, съ которыми потомство привыкло соединять понятіе о „среднихъ вѣкахъ“. Тогда только, къ эпохѣ Крестовыхъ походовъ, общественные элементы, бывшіе такъ долго въ броженіи, окрѣпли и организовались на столько, чтобы заслужить названіе цивилизаціи. И хотя каждое поколѣніе живетъ, конечно, для себя, не подозрѣвая и не думая, что оно вмѣстѣ строятъ ступень и для будущаго, но намъ, вдали, теперь кажется, что вся предшествующая Крестовымъ войнахъ эпоха была лишь подготовленіемъ настоящаго, въ тѣсномъ смыслѣ средневѣковаго быта, а вся послѣдующая, до самаго XVI вѣка, — его упадкомъ и разложеніемъ.

Намъ не для чего напоминать здѣсь черты этого оригинальнаго быта. Онъ живъ у каждаго въ памяти. Благодаря исторіи и историческому роману, особенно нашему общему наставнику Вальтеръ-Скотту, при имени среднихъ вѣковъ, въ воображеніи возникаетъ рядъ самыхъ опредѣленныхъ представленій о ленныхъ и корпоративныхъ отношеніяхъ, бывшихъ тогда единственными общественными связями между людьми, о могуществѣ и первенствующей роли церковной іерархіи, объ общей набожности вѣка, переходившей по временамъ въ порывы фанатическаго аскетизма, но умѣвшей создать удивительныя памятники религіознаго зодчества и вызвать плодотворные споры богослововъ-философовъ, о силѣ и богатствѣ городовъ съ ихъ крѣпкими стѣнами и массивными мунстерами, съ ихъ промышленнымъ духомъ, веселыми празднествами и воинственнымъ одушевленіемъ юпо-

сти, но въ особности — о блескѣ и славѣ рыцарства, какъ избраннаго, передоваго сословія общества. Замки, турниры, феды, миннезенгеры и трубадуры, поклоненіе женщинѣ и этикетальная жизнь дворовъ, — кому не знакомы эти картины?

Но, со временъ Вальтеръ-Скотта и романтиковъ, Сентъ-Шале и Бюшинга, Гизо, Тьерри и Эйхгорна, положившихъ начало научной разработкѣ средневѣковой исторіи, представленія эти измѣнились во многомъ. Утративъ нѣсколько прежней идеальности и поэтического обаянія, они за то выиграли въ отношеніи достовѣрности и правды. Не говоря уже о политической сторонѣ эпохи, даже культурныя ея краски начинаютъ являться теперь уже въ иномъ видѣ. Труды и изслѣдованія Вейнгольда, Фальке, Шерра, Риля и другихъ, преимущественно нѣмецкихъ ученыхъ, и въ этомъ отношеніи пролили въ послѣднее время много новаго свѣту, представивъ въ болѣе истинномъ видѣ внутренній и частный бытъ тѣхъ временъ, семейную жизнь, юридическое и нравственное положеніе женщины и то пресловутое поклоненіе или служеніе дамамъ, которое составляетъ характернѣйшую особенность тогдашняго общества. Впереди другихъ стоятъ здѣсь ученыя заслуги Карла Вейнгольда, сочиненіе котораго — «Die deutschen Frauen in dem Mittelalter», по основательности и полнотѣ документальнаго изслѣдованія, далеко превосходитъ все, что было писано прежде объ этомъ предметѣ. Для русской публики, можетъ-быть, не безынтересно будетъ познакомиться ближе съ результатами новыхъ приобрѣтеній науки, тѣмъ болѣе, что эти чужія и повидному далеки для насъ учрежденія и порядки не совѣтъ однакожь прошли безъ вліянія и для насъ, оставивъ и въ нашей жизни нѣкоторые, хотя слабые, отголоски съ того времени, какъ мы стали участниками обще-европейскаго образованія.

Что касается насъ лично, то только выяснивъ себѣ надлежащимъ образомъ общій соціальный фонъ времени, надѣмся мы сдѣлать исторически понятнымъ лицо, составляющее предметъ настоящаго очерка. Прежде всего — нѣсколько словъ о положеніи женщины въ средѣ средневѣковаго рыцарства и о происхожденіи самого обычая „дамской службы“.

II.

Представленіе, будто бы высокое понятіе о правахъ и значеніи женщины было принесено Германцами на почву классическаго міра, объяснено своимъ происхожденіемъ съ одной стороны авторитету Тацита, а

съ другой — вліянію романтиковъ начала нынѣшняго вѣка. Историческая литература тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ относилась къ нему еще довольно довѣрчиво, поѣа въ наше время болѣе близкое знакомство съ памятниками, особенно юридическими, не доказало, какъ много было идеализаціи въ отрывочныхъ свидѣтельствахъ знаменитаго автора „Германіи“, а тѣмъ болѣе въ поэтическихъ образахъ романтиковъ. Пересмотрѣвъ и сличивъ „варварскіе законы“ Франковъ, Готовъ, Бургундовъ, Саксовъ, Лонгобардовъ, Исландцевъ и другихъ германскихъ племенъ, какъ переселившихся на римскія земли, такъ и тѣхъ, которыя остались внѣ этого движенія, Вейнгольдъ пришелъ къ заключенію, далеко не оправдывающему прѣжняго преувеличеннаго мнѣнія о высокой общественной роли германской женщины.

Не говоря уже о древнѣйшемъ времени, когда отцу семейства предоставлено было право непризнанія и даже умерщвленія больныхъ, уродливыхъ и лишнихъ дѣтей, — право, чаще всего тяготѣвшее надъ дѣвочками, какъ менѣе полезными членами семейства, — даже въ сравнительно позднѣйшихъ вѣкахъ, въ VII, VIII и даже IX столѣтіи, положеніе и права германской женщины слабо обезпечивались закономъ. Основной принципъ древне-германскаго законодательства, что только тотъ пользуется гражданскою и политическою полноправностью, кто въ состояніи нести всѣ обязанности въ отношеніи къ общинѣ, прямо исключалъ женщину, какъ лицо, не могущее владѣть оружіемъ, изъ преимуществъ этой полноправности, а слѣдовательно, и изъ права владѣть поземельною собственностью. Она является участницей только въ движимомъ наслѣдствѣ послѣ родителей; но даже и этимъ имуществомъ не можетъ располагать произвольно. Какъ неполноправный членъ общины, въ теченіе всей своей жизни она подчинена безвыходной опецѣ, сначала отца, въ случаѣ смерти отца — брата или старшаго родственника въ отцовскомъ колѣнѣ, а потомъ — мужа. Даже въ случаѣ вдовства не пользуется она свободой, состоитъ до новаго замужества, или до смерти, въ опецѣ мужскихъ родственниковъ покойнаго. Только съ теченіемъ времени, вліяніе церкви и римскаго права мало по малу измѣнило эти зависимыя отношенія и подняло женщину въ гражданскомъ смыслѣ по крайней мѣрѣ на столько, что подлѣ извѣстными условіями и ограниченіями ей было предоставлено право владѣнія землей въ случаѣ недостатка прямыхъ мужскихъ наслѣдниковъ. Попятно, что при такомъ незавидномъ юридическомъ положеніи не могло быть и рѣчи о какой-либо свободѣ выбора при замужествѣ. Какъ и въ нашемъ древне-русскомъ быту, переговоры о бракѣ мо-

лодыхъ людей шли исключительно между ихъ семействами; какъ и у насъ, дѣвушку „отдавали“ замужъ. Соображенія взаимной симпатіи, склонности или привязанности рѣдко входили въ расчетъ договаривающихся, не всегда занимали даже и вступающихъ въ бракъ. Мужчина просто пріобрѣталъ жену и хозяйку, дѣвушка — покровителя и большую степень самостоятельности въ домашнемъ хозяйствѣ. Были, конечно, исключенія, какъ бываютъ они всездѣ, но мы беремъ здѣсь среднюю норму, или господствующій порядокъ. Въ виду такихъ условій, бракъ является чисто гражданскимъ актомъ. Самая дѣйствительность его обуславливается тѣмъ, совершенъ ли онъ законными опекунами повобрачныхъ. Молодыхъ, правда, спрашивали при совершеніи брака, согласны ли они принадлежать другъ другу, но это была одна пустая форма, такъ какъ въ случаѣ отказа со стороны невесты, отецъ, или кто заступалъ его мѣсто, имѣлъ законное право ее принудить... Вся довольно сложная процедура сватовства, при помощи разныхъ посредниковъ, состояла почти исключительно въ опредѣленіи имущественныхъ условій. Сколько женихъ долженъ заплатить выкупа родственникамъ невесты (Brautkauf), какъ велико будетъ ея приданое, въ чемъ должны состоять подарки повобрачной (Morgengabe) и си роднымъ — вотъ о чемъ думали и говорили при сватовствѣ. Самый актъ женитьбы долгое время, даже въ юридическомъ языкѣ, обозначался грубымъ терминомъ „sich eine Frau kaufen“.

Таковы были порядки древнѣйшаго времени. Но не многимъ стало лучше положеніе женщины и позже, когда, съ IX вѣка, развилась и вошла въ силу, въ Германіи и въ западной Европѣ, система ленныхъ отношеній. Вся разница состояла въ томъ, что теперь право располагать рукою женщины пріобрѣтаютъ большею частію ссноры, или поземельные владѣльцы (maritagium). А къ какимъ злоупотребленіямъ подавало поводъ это право въ рукахъ полудикихъ династовъ — объ этомъ исторія слишкомъ полна отвратительныхъ воспоминаній.

Матеріальный, или по крайней мѣрѣ, чисто гражданскій характеръ супружескаго союза выражался и въ самыхъ обрядахъ, сопровождавшихъ его заключеніе. Мы напомнимъ здѣсь только извѣстный обычай восхожденія на свадебное ложе въ присутствіи родныхъ и свидѣтелей, считавшійся неотъемлемою принадлежностію всякаго законнаго брака.

Человѣческое чувство, свободный голосъ сердца, вѣчно присущій нашей природѣ, по временамъ возмущались и тутъ противъ насилья. Протестъ выражался въ похищеніяхъ невестъ, такъ часто случавшихся въ средніе вѣка; но законъ, вѣрный своему основному

возврѣнію на женщину, какъ на собственность рода или семейства, неумолимо преслѣдовалъ преступленіе, одинаково угрожая смертію какъ похитителю, такъ и похищенной, и только въ немногихъ случаяхъ замѣняя казнь окупомъ или вирой.

Но вотъ дѣвушка становится женой и вступаетъ въ чужую семью. Черезъ это она не пріобрѣтаетъ однако же ни большей самостоятельности, ни новыхъ правъ. Напротивъ, древне-германскій законъ отдаетъ ее почти въ безотвѣтственную собственность мужа, что, впрочемъ, и совершенно логично, такъ какъ человѣкъ, купившій себѣ жену, имѣетъ полное право смотрѣть на нее, какъ на собственность. Въ полуварварскія до-христіанскія времена мужъ дѣйствительно и пользовался такимъ правомъ. Онъ могъ подарить, продать свою жену, отказать ее кому-нибудь въ наслѣдство, совершенно такъ же, какъ и всякое другое имущество. Законъ и общій обычай признавалъ его полнымъ повелителемъ и господиномъ ея личности и достоинства. Не только бить и наказывать, но даже убить жену, въ чемъ-нибудь провинившуюся, считалось дѣломъ совершенно законнымъ. Убійца отвѣчалъ только передъ своею совѣстію, да передъ родственниками своей жертвы, въ случаѣ несправедливаго или слишкомъ жестокаго наказанія. Общественная власть въ это дѣло не входила и не вмѣшивалась. Прежде всего, конечно, мужъ имѣлъ право требовать отъ жены повиновенія и вѣрности супружескому долгу, нарушеніе котораго сопровождалось для виновной самыми гибельными послѣдствіями. Самое меньшее, что ее ожидало, это — позорное изгнаніе изъ дому и лишеніе имущества. Но, караемая такъ строго за всякое уклоненіе отъ семейныхъ обязанностей, жена однако же не имѣла обратнаго права — требовать вѣрности и отъ мужа. Послѣдній могъ открыто держать въ домѣ наложницъ; богатые же позволяли себѣ просто многоженство. Въ виду такихъ ужасныхъ фактовъ, засвидѣтельствованныхъ законодательными и другими памятниками времени, какъ сильно должны поблѣднѣть идиллическіе разказы Тацита о чистотѣ семейныхъ правъ германскихъ!

Такъ было въ древнія, языческія времена. Христіанство, болѣе человѣчный духъ римскаго права, вообще успѣхи образованія, съ теченіемъ времени, смягчили, конечно, во многомъ эти дикія отношенія. Но какъ глубоко коренились они въ крови и понятіяхъ народа, доказываетъ вся послѣдующая исторія. Мало того, отголоски ихъ слышны даже въ вышней организациі семейнаго быта въ Германіи, гдѣ женщина, при всей полнотѣ своихъ гражданскихъ правъ, при всѣхъ выш-

нихъ знакахъ уваженія общественнаго, и теперь еще не достигла моральнаго равенства съ женщиной, слишкомъ склоннымъ смотрѣть на жену не какъ на друга, помощника и спутника жизни, а просто, какъ на хозяйку своего дома. Тысячу лѣтъ назадъ, въ до-феодалной и феодальной Германіи женщина играла почти такую же роль. Только законъ менѣе обезпечивалъ ея личность и гражданское положеніе, да формы общежитія были грубѣе; но и тогда такъ же точно управляла она домашнимъ хозяйствомъ и завѣдывала дворовыми и полевыми работами, тогда какъ мужъ проводилъ время на войнѣ и охотѣ, или же въ праздномъ домашнемъ покоѣ за кружкой вина, да за игрой въ кости. Интересы, его занимавшіе, были совершенно чужды и недоступны женѣ, такъ точно и наоборотъ. Оставалась одна физическая и экономическая связь, которая дѣйствительно и была единственнымъ основаніемъ брачной четы. Грубый, полупьяный, невѣжественный, не признававшій надъ собою почти никакой власти, выросшій среди лошадей и оружія, владѣлецъ бурга, конечно, не отличался кротостью нрава и мягкостью обращенія. „Mein eheliches Gemahel, meine liebe Husfrowe“, — моя законная жена, моя милая хозяйка — были, быть-можетъ, единственными вѣжными словами, единственными ласками, на которыя онъ былъ способенъ въ веселыя и счастливыя минуты. Но спрашивается, что могло сдерживать порывы неукротимаго гнѣва и дикаго произвола подобнаго человѣка въ его домашнемъ быту, гдѣ и право и сила — все было на его сторонѣ? А если мы прибавимъ къ этому совершенное отсутствіе общества, потому что при недостаткѣ или небезопасности дорогъ, никто не выѣзжалъ изъ дому безъ крайней нужды, то это дополнитъ намъ ту печальную обстановку, среди которой протекала жизнь германской женщины въ до-рыцарскіе вѣка. Гдѣ же то высокое развитіе семейной жизни, будто бы совершившееся въ западной Европѣ, благодаря феодальнымъ замкамъ и ихъ порядкамъ, о которомъ когда-то такъ краснорѣчиво проповѣдывалъ Гизо и другіе историки прошлыхъ десятилѣтій?

Конечно, представленная здѣсь картина, можетъ-быть, слишкомъ мрачна и односторонна, и жестокость законодательныхъ постановленій относительно женщины не всегда служитъ доказательствомъ, что и въ самой жизни господствовала такая же жестокость и грубость. Нѣмецкіе историки, не исключая и наиболѣе безпристрастнаго Вейнгольда, любятъ говорить о томъ, что здравый народный смыслъ и свойственное германской натурѣ гуманное чувство дѣлали семейныя узы гораздо болѣе пріятными и легкими, нежели какъ это можетъ ка-

заться, судя по юридическимъ кодексамъ эпохи. Однако масса страшныхъ легендъ, и теперь еще гнѣздящихся въ безчисленныхъ развалинахъ бурговъ и замковъ феодальнаго вѣка, служатъ отголоскомъ другой, болѣе грустной дѣйствительности. Въ одномъ мѣстѣ покажутъ вамъ башню, гдѣ какой-то баронъ заморилъ жену свою голодомъ, въ другомъ — подземелье, въ которомъ онъ приковалъ ее къ цѣпи. А Фридрихъ фонъ-Дитцъ, въ своихъ извѣстныхъ „Жизнеописаніяхъ провансальскихъ трубадуровъ“, рассказываетъ много о несомнѣнныхъ случаяхъ этого рода. И когда мы читаемъ, напримѣръ, какъ Раймундъ, графъ Руссильона, заставилъ жену съѣсть сердце убитаго имъ любовника, послѣ чего несчастная бросилась съ высокаго балкона и разбилась до смерти, то невольно возникаетъ вопросъ, что же дѣлалось въ другихъ болѣе глухихъ и темныхъ закоулкахъ, когда такія вещи безнаказанно совершались посреди сравнительно образованной Франціи?

Допустимъ, наконецъ, что въ житейской практикѣ взаимныя отношенія половъ сложились и справедливіе и мягче, чѣмъ какъ ихъ представляютъ законодательные памятники,— все же и половины вышеприведенныхъ данныхъ достаточно, чтобъ убѣдиться, что древніе Германцы въ своихъ юридическихъ и социальныхъ воззрѣніяхъ на женщину ничѣмъ не опередили Грековъ и положительно стояли ниже Римлянъ, и что идея рыцарскаго „служенія женщины“, вскорѣ затѣмъ возникшая на Западѣ и повлекшая за собой необозримый рядъ нравственныхъ послѣдствій и переменъ для европейскаго общества, ни въ какомъ случаѣ не могла принадлежать имъ. Для подобнаго обычая не было въ исконныхъ нравахъ германскихъ никакой сочувственной почвы. Да и гдѣ было одинокой, безправной и затертой Нѣмкѣ, въ дѣвичество робко заискивающей и склонявшейся передъ превосходствомъ мужчины, а потомъ вѣчно занятой нянченьемъ дѣтей, да заботами по кладовой и кухнѣ, разыгрывать роль царицы преклопеннаго у ногъ ея общества! И однакожь мы видимъ, что спустя два столѣтія послѣ установленія ленныхъ порядковъ, во всей западной Европѣ происходитъ какая-то волшебная социальная переменна. Новый духъ овладѣваетъ даже самою Германіей, этою преимущественною страной женскаго рабства, и въ короткое время неузнаваемо измѣняетъ общественное положеніе нѣмецкой женщины. Заброшенная и почти презираемая *Husfrowe* какимъ-то чудомъ превращается въ великолѣпную, изящную даму, окруженную блестящею толпою подобострастныхъ поклонниковъ. Знаменитѣйшіе рыцари вѣка ломаютъ въ честь ея копья,

для славы ея имени подвергая жизнь свою опасности. Безчисленные пѣсни звучатъ хвалою ея красотѣ и достоинствамъ. Она — царица любви и счастья, она — владычица міра. Откуда же этотъ новый духъ, новые обычаи и идеи?

III.

Отечествомъ рыцарства со всѣми его законами и обычаями была, какъ извѣстно, южная Франція, или точнѣе, вся область провансальскаго языка и образованія, въ которую входили не только собственно Провансъ, но и смежныя съ нимъ сѣверныя части Испаніи и Италіи. Здѣсь возникла и развилась большая часть рыцарскихъ учрежденій — турниры, куртуазія, суды любви и служеніе избранной дамѣ. Отсюда же распространились они на сѣверъ и востокъ западной Европы, постепенно слабѣя въ своей внутренней силѣ и вліяніи на общество, чѣмъ далѣе удалялись они отъ этого центра рыцарской жизни.

Къ началу XII вѣка много разнородныхъ причинъ стеклось въ этомъ пунктѣ, чтобы сдѣлать изъ Прованса образцовую страну европейскаго рыцарства, и въ частности — чтобы породить въ ней такое высокое уваженіе и поклоненіе женщинѣ, какого до тѣхъ поръ не знала римско-германская Европа. Естественное и промышленное богатство этого прелестнаго южнаго края, рано развившееся образованіе и утонченность формъ общежитія, прекрасный звучный языкъ, столь способный къ поэзіи, болѣе сильное чѣмъ гдѣ-либо вліяніе уцѣлѣвшихъ здѣсь остатковъ классической культуры, особенно римскаго права съ его болѣе гуманнымъ и справедливымъ воззрѣніемъ на женщину, наконецъ, близкое знакомство съ очень развитою по тому времени мавританскою цивилизаціей сосѣдняго испанскаго калифата — составили, безъ сомнѣнія, тотъ общій фонъ или почву, на которой сдѣлались возможны явленія, подобныя рыцарской жизни. Последнее обстоятельство, то-есть, вліяніе аравійской культуры на происшедшія вскорѣ за тѣмъ перемѣны въ общественномъ положеніи женщины, чрезвычайно важно, и еслибъ европейскіе изслѣдователи, специально занимавшіеся этимъ вопросомъ, были ближе знакомы съ исторіей мусульманской Испаніи, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ много выигралъ бы въ полнотѣ и ясности, тогда какъ теперь мы можемъ только сказать, что едва-ли не арабскимъ представленіямъ обязана южно-французская женщина тѣмъ поэтическимъ обаяніемъ, съ какимъ является она въ канцонахъ и альбахъ трубадуровъ. Поэзія же успѣла идеализировать, или по крайней мѣрѣ облагородить и самую распущенность нравовъ,

которою отличался край этотъ еще со времени римскаго владычества. Опоэтизированной такимъ образомъ женщиной, даже во всѣхъ ея слабостяхъ, недоставало только какого-нибудь нравственнаго ореола, чтобы сдѣлаться кумиромъ общества. Такой ореолъ могла ей дать только церковь. Но церковь, подъ вліяніемъ аскетическихъ идей эпохи, учила смотрѣть на женщину, какъ на низшее, по преимуществу грѣховное, почти нечистое существо, какъ на источникъ соблазна и паденія. Однако, по странному стеченію противорѣчій, именно въ XII столѣтіи, въ вѣкъ самаго напряженнаго и фанатическаго аскетизма, само духовенство проложило женщинѣ путь даже къ моральному владычеству надъ обществомъ, какъ ей принадлежало уже господство эстетическое. Въ это время достигаетъ полнаго своего развитія ученіе латинской церкви о Богоматери, поклоненіе которой быстро дѣлается господствующимъ, предпочтительно предъ всѣми другими культурами святыхъ и угодниковъ. Пресвятая Дѣва на престолѣ предвѣчной славы, окруженная сонмами небесныхъ силъ, дѣлается общей заступницей молящихся и вмѣстѣ идеаломъ женственной чистоты и непорочности. Инстинктивное уваженіе къ дѣвственности, присущее еще древне-германскимъ понятіямъ, находитъ теперь новое оправданіе въ божественныхъ совершенствахъ Небесной Дѣвы.

Вотъ главные элементы, изъ которыхъ сама собою создалась новая роль и новое положеніе средневѣковой женщины. Но мы не можемъ упустить изъ виду еще одного вліянія, болѣе, впрочемъ, гадательнаго: это — вліянія кельтскихъ преданій. Древне-гальскій бытъ, къ сожалѣнію, не на столько знакомъ намъ въ своихъ подробностяхъ, чтобы точно опредѣлить, какое мѣсто занимала въ немъ женщина; но всѣ сохранившіяся извѣстія у классическихъ писателей несомнѣнно указываютъ на значительную степень общественной и моральной свободы, какую она пользовалась, — свободы, такъ легко могшей перейти въ послѣдствіи въ легкомысліе и даже развратъ при столкновеніи съ разлагающею римскою культурой. Извѣстно, какую роль играли кельтскія саги въ эпической поэзіи среднихъ вѣковъ, и съ другой стороны, какъ сильно дѣйствовалъ этотъ эносъ на признанное за женщиной положеніе въ свѣтѣ и на самое ея образованіе. Но въ сагахъ этого рода, напримѣръ, во всемъ циклѣ преданій о королѣ Артуесѣ и рыцаряхъ круглаго стола, его сподвижникахъ, женщина постоянно является съ характеромъ безопаснымъ и легкомысленнымъ, съ полною свободой располагать своимъ влеченіями и поступками и съ сильно развитыми инстинктами чувственности, со всѣми тѣми чертами, кото-

рыми въ послѣдствіи стали отличатся дамы рыцарскаго общества во Франціи. Вотъ путь, какииъ кельтскіе образцы могли незамѣтно воспринимать и измѣнять французскую женщину, независимо отъ того, что и среди самаго сельскаго населенія, по преимуществу гальской крови, довольно живо еще могли сохраниться стародавніе обычаи и порядки. То же обстоятельство, что новое, болѣе свободное общественное положеніе женщины возникло и успѣшно развилось именно въ южной Франціи, странѣ съ живо сохранившимися кельтскими воспоминаніями и характеромъ, дѣластъ высказанную выше догадку еще болѣе вѣроятною.

Впрочемъ, перемѣны, исподоволь развившіяся въ Провансѣ, остались бы, можетъ-быть, изолированнымъ явленіемъ, если бы начавшіеся съ конца XI вѣка Крестовые походы не расширили круга ихъ вліянія почти на всю романскую и германскую Европу, и на первую преимущественно, такъ какъ для подобной перемѣны въ ней было болѣе сочувственныхъ элементовъ. Но не однимъ только распространеніемъ новыхъ понятій за предѣлы Прованса повліяли Крестовыя войны на измѣнившееся значеніе женщины. Онѣ во многомъ способствовали и самому ихъ дальнѣйшему развитію. Ближайшее знакомство съ византійскою и азіатско-арабскою культурой, болѣе близкое дѣйствіе, болѣе знакомство съ людьми и свѣтомъ, съ того времени какъ западное рыцарство пришло въ движеніе ради общихъ войнъ противъ невѣрныхъ, когда возникли общіе интересы и завязались новыя связи между людьми, вообще масса новыхъ идей, принесенныхъ крестоносцами изъ далекихъ и трудныхъ странствованій, — все это постепенно измѣняло общія отношенія жизни, и въ томъ числѣ положеніе и роль женщины. Нужно прибавить впрочемъ, что послѣдняя перемѣна коснулась Германіи менѣе, чѣмъ другихъ частей Европы, и что въ этой странѣ рыцарство со всѣми его учрежденіями и со всѣмъ кругомъ своихъ особыхъ понятій, никогда не достигало полнаго развитія и блеска. Идея о новыхъ правахъ и общественной роли женщины проникли, правда, и сюда, но встрѣтившись здѣсь съ укоренившимися издревле понятіями о женщинахъ, уже намъ знакомыми, составили довольно странную смѣсь свободы и рабства, поклоненія и деспотизма, какія мы видимъ въ отношеніяхъ между полами въ вѣкъ рыцарской Германіи. Но объ этомъ мы еще будемъ говорить подробнѣе. Теперь же мы должны составить по возможности опредѣлительное понятіе о томъ, въ чемъ состояло это пресловутое „служеніе дамамъ“, составлявшее неизбѣжную принадлежность каждаго истиннаго рыцаря.

„Служеніе женщинѣ“ (Culte des femmes, Frauendienst), прежде всего, было обычаемъ и модою вѣка. Никто изъ рыцарскаго круга не могъ отъ него уклониться, не рискуя прослыть невѣждой, чудачкомъ или человѣкомъ отсталымъ. Каждый, по достиженіи юношескаго возраста и приобрѣтеніи установленнымъ порядкомъ рыцарскаго достоинства, долженъ былъ избрать себѣ даму, знакомую или незнакомую, замужнюю или дѣвушку, и добиться у ней дозволенія „служить ей“, то-есть, носить ея цѣпъ, сражаться въ честь ея на войнѣ или на турнирахъ, защищать ея славу и имя противъ всѣхъ и каждого и быть готовымъ исполнить малѣйшія ея желанія. Не нужно воображать при этомъ, что выборомъ рыцаря руководила непременно любовь или привязанность. Большею частью онъ просто исполнялъ принятый обычай и удовлетворялъ своему самолюбію, стараясь попасть въ рыцари какой-нибудь знатной дамы или же извѣстной красавицы. Красота, впрочемъ, рѣже входила въ расчетъ, больше же всего — порода, связи и знатность. Затѣмъ, молодой рыцарь могъ быть женатъ или холостъ — все равно, это не освобождало его отъ дамской службы; но собственная супруга никогда почти не дѣлалась его избранною дамою и повелительницей. Разумѣется, что званіе рыцаря этой избранницы надо было сначала заслужить цѣлымъ рядомъ подвиговъ и испытаній, иногда довольно продолжительныхъ. И когда ищущій (rouge-suivant) совершилъ ихъ довольно, чтобы поднять славу своей дамы и заслужить ея милость, наступалъ желанный обрядъ формальнаго принятія въ ея рыцари, — обрядъ, совершенно напоминающій церемонію средневѣковой инфеодаціи. И тутъ точно также, какъ при ленной присягѣ, гдѣ вассалъ на колѣняхъ, со сложенными на груди руками, проносилъ клятву вѣрности передъ своимъ сюзереномъ, рыцарь, на колѣняхъ же, получалъ отъ дамы въ ленъ свою жизнь, при чемъ тотъ же поцѣлуй и тотъ же перстень, какъ и при ленномъ обрядѣ, скрѣпляли заключенное условіе. Согласно съ такимъ феодальнымъ характеромъ принятаго на себя „служенія“, рыцарь, какъ и всякій лееникъ, прежде и выше всего обязанъ былъ своей дамѣ „вѣрностію“. Она же, какъ это бывало и съ патронами, не принимала на себя никакихъ опредѣленныхъ обязанностей, обѣщая только вообще благоволеніе и милость. Такая чисто моральная связь, во избѣжаніе толковъ и злыхъ языковъ, должна была однако же оставаться тайной; но разумѣется, это удавалось довольно рѣдко, и бывали случаи, когда рыцарь „служилъ“ своей дамѣ прямо съ согласія ея мужа. Провансальскіе трубадуры успѣли потомъ создать цѣлую регламентацію этихъ отношеній, отли-

чить множество степеней дамской службы — таящіяся, ищущіе, выслушанные и достигшіе — съ ихъ привилегіями и правами, и вообще подчинить даму и рыцаря цѣлому кодексу условныхъ законовъ и правилъ; но это было уже вырожденіемъ сначала чистаго и въ сущности идеальнаго культа, — идеальнаго въ томъ смыслѣ, что чувствениыя побужденія и цѣли стояли здѣсь далеко не на первомъ планѣ, хотя съ другой стороны, и безкорыстными отношенія эти тоже назвать нельзя. Трицеславіе стояло въ нихъ, большею частію, на первомъ планѣ. Ухаживая за знатной дамой, обыкновеннымъ путемъ и сватовства и брака для него недоступной, рыцарь находилъ въ этомъ нѣкоторое вознагражденіе за тѣ ограниченія и лишенія, которыя налагала на него строгая классификація феодалнаго общества. И если всегда и вездѣ браки ботѣ или менѣе условливались равенствомъ общественнаго положенія и богатства, то нигдѣ, быть можетъ, это не соблюдалось такъ строго, какъ въ рыцарскомъ сословіи. Не говоря уже о томъ, что союзъ, или даже простая привязанность къ женщинѣ низшаго, недворянскаго рода были для рыцаря совершенно немислимы, даже въ предѣлахъ своего собственнаго круга онъ встрѣчалъ множество перегородовъ, которыя переступить было очень трудно. Служившій рыцарь, напримѣръ, не смѣлъ думать о дочери своего знаменоснаго патрона, простой баронъ — о родствѣ съ владѣтельнымъ княземъ и т. д. А между тѣмъ, по теоріи и древнимъ воспоминаніямъ, всѣ рыцари, какъ рыцари, то-есть, какъ члены корпораціи, отъ бѣднаго вассала до короля, считались равными. И вотъ личное достоинство, затертое гордостью сильныхъ и предразсудками общества, ищетъ себѣ удовлетворенія въ этихъ тайныхъ знатныхъ связяхъ. Вотъ почему, быть можетъ, обычай „служенія дамѣ“ распространился такъ быстро и повсемѣстно, такъ какъ развитію его вездѣ способствовали одинаковыя условія общественныя. Вотъ почему также, ранѣе чѣмъ гдѣ-либо, возникъ онъ въ Провансѣ, самой образованной, передовой странѣ тогдашней Европы, гдѣ очень рано проснулся свободный духъ сомнѣнія и критики и гдѣ общественное мнѣніе, устами національных поэтовъ и религіозныхъ новаторовъ, уже въ XII вѣкѣ, протестовало какъ противъ злоупотребленій іерархіи, такъ и противъ несправедливостей ленной организаціи. Но, выставляя на видъ этотъ соціальный мотивъ происхожденія дамской службы, мы вовсе не думаемъ утверждать, что увлеченіе и истинное чувство были совершенно ей чужды. Общество, о которомъ мы говоримъ, было бы какимъ-то страннымъ исключеніемъ, еслибъ ему были недоступны и эти побужденія. Мы хотѣли сказать только,

что любовь не была здѣсь непремѣннымъ условіемъ и стояла часто на второмъ планѣ, такъ какъ случалось, что рыцарь посвящалъ свою жизнь служенію дамѣ, которую никогда не видѣлъ въ глаза и о которой только слышался отъ другихъ, — однимъ словомъ, что обычай этотъ былъ происхожденія и характера, но преимуществу, соціальнаго.

Если мы постоянно будемъ имѣть въ виду такую точку зрѣнія, то намъ многое станетъ понятно въ „служеніи“, что такъ дико и странно поражаетъ въ немъ на первый взглядъ. И прежде всего — какая-то внѣшняя обрядность, какой-то формализмъ, замѣтный во всемъ.... Рыцарь, въ честь и въ угоду своей дамѣ, нерѣдко и по ея требованію, произноситъ разныя, иногда очень оригинальныя обѣты — молчать въ пзвѣстные дни, сражаться безъ забрала, отправиться за море въ крестовый походъ. Онъ одѣвается въ ея цвѣта и носитъ постоянно ея эмблему. Подаренный ею шарфъ или поясъ украшаютъ его сѣдло; рукавички ея платья, привязанный къ древку кося, служатъ ему почетнымъ знаменемъ и источникомъ мужества въ бою. Ихъ личныя, конечно, официальные, сношенія обставлены безконечными и скучными формальностями — поклонами, прижатіемъ рукъ къ сердцу, коленнопреклоненіями. Рѣчь усѣяна приторными комплиментами и избитыми, условными эпитетами и фразами. Даже пѣсни, въ которыхъ рыцарь считалъ долгомъ прославлять свою даму, поражаютъ однообразіемъ и отсутствіемъ огня. Шиллеръ когда-то сказалъ о нихъ, что если бы воробьи, сидя на своей крышѣ, вздумали издавать журналъ или альманахъ любви, то ихъ литературное чириканье походило бы на пѣсни миннезенгеровъ.

Но самымъ разительнымъ образомъ внѣшній формализмъ рыцарской любви выразился въ учрежденіи такъ-называемыхъ „судилищъ любви“ (*seigns d'amour*), которое мы встрѣчаемъ во Франціи. Знатныя дамы эпохи, какая-нибудь Элеонора Аквитанская, бывшая замужемъ за Людовикомъ VII, а потомъ за Генрихомъ II англійскимъ, Эрменгарда, вилкоитесса Нарбонская, Марія, графиня Шампанская, Сибиλλα, графиня Фландрская, эти законодательницы нравовъ и моды своего времени, открывали при дворахъ своихъ полусеріозныя, полупушточныя судилища, со всей обстановкой и процедурой обыкновенныхъ настоящихъ судовъ, гдѣ дебатировались и рѣшались разныя спорныя вопросы, столкновенія и тонкости, возникавшія въ практикѣ рыцарской галантеріи. Рѣшенія постановлялись не только на основаніи принятыхъ обычаевъ и совѣсти судей, болышею частію — галантныхъ дамъ, но

и формальныхъ законовъ, существовавшихъ для подобныхъ случаевъ и шедшихъ, по преданію, отъ короля Артуса, этого древнѣйшаго идеала всѣхъ рыцарскихъ качествъ и доблестей. До насъ дошли отрывки характернаго законодательства, сохраненные Марціаломъ и Андреемъ Капелланомъ, а равно и множество приговоровъ, состоявшихся на этихъ судахъ. И тутъ-то мы видимъ всю шаткость и скользкость морали, порожденной обычаемъ дамскаго культа и руководившей обществомъ, среди котораго возможны были такія явленія. Вотъ нѣкоторые образчики этихъ странныхъ законовъ:

I. *Causa conjugii non est excusatio recta.*

II. *Qui non celat, amare non potest.*

XVII. *Novus amor veterem compellit abire.*

XXVI. *Amor nihil posset amori denegare.*

XXXI. *Unam feminam nihil prohibet a duobus amari, et a duobus mulieribus unum.*

Мы не скроемъ, что въ наукѣ есть нѣкоторые сомнѣнія въ достовѣрности памятника. Самъ Вейнгольдъ допускаетъ существованіе судилищъ любви только въ сѣверной Франціи. Но анонимный авторъ изслѣдованія „*Minnehöfe des Mittelalters*“, кажется, слишкомъ основательно доказалъ ихъ подлинность. Какъ бы то ни было, мы очень хорошо знаемъ, что вышеприведенныя правила дѣйствительно примѣнялись на практикѣ. Одна дама отказала рыцарю въ любви, потому что вышла замужъ за другаго. Графиня Эрменгарда приговорила ее къ продолженію прежней связи на основаніи статьи 1-й. Та же Эрменгарда рѣшила возникшій вопросъ — гдѣ больше преданности и любви, между супругами или между любовниками, — такимъ образомъ, что эти два рода отношеній, по своей природѣ и по принятымъ обычаямъ, совершенно различны. Одна дама обѣщала рыцарю любовь въ случаѣ, если прекратится связь съ прежнимъ ея поклонникомъ; но вскорѣ она вышла замужъ за этого послѣдняго и доказывала, что такимъ образомъ связь ея не прекратилась. Элеонора, къ которой апеллировала обиженная сторона, рѣшила, что напротивъ, прекратилась, такъ какъ между супругами не можетъ быть истинной рыцарской любви.

Сколько оскорбительнаго и безстыднаго должна была, по нашимъ понятіямъ, заключать въ себѣ уже одна гласность подобныхъ процессовъ, самое существованіе какихъ-то законовъ и правилъ, регламентирующихъ любовь, эту святую тайну людскаго сердца. Не слу-

жить ли это одно уже доказательствомъ, что рыцарское поклоненіе женщинѣ было какою-то выѣшною игрою тщеславія, заключавшею въ себѣ всѣ условія холоднаго разврата? Высокое и свободное чувство, превратившееся въ схоластически-тонкое искусство, которое можно было преподавать и которое дѣйствительно и преподавалось дамами ихъ пажамъ (*Galanterie, Minnekunst*), обставленное цѣлымъ цереміальномъ обрядности, парада и показа, основанное сначала на самолюбіи, а потомъ просто на чувственныхъ мотивахъ и цѣляхъ, — вотъ что такое былъ этотъ пресловутый „культъ женщины“ среднихъ вѣковъ, о которомъ когда-то кричали такъ много. Нельзя не удивляться поэтому, что и теперь еще находятся люди, говорящіе о немъ съ увлеченіемъ. Даже такой основательный знатокъ средневѣковаго быта, какъ Фальке (*Ritterliche Gesellschaft des Mittelalters*) еще очень недавно славилъ поэзію, весну и юность тѣхъ поколѣній.

Мы отнюдь не хотимъ быть несправедливыми къ рыцарству и охотно признаемъ за нимъ извѣстную степень цивилизующаго вліянія на грубые и жесткіе нравы средневѣковыхъ народовъ и германскихъ особенно. Мы допускаемъ также, какъ мы уже и оговорились выше, возможность и дѣйствительность множества случаевъ и безкорыстнаго, идеальнаго увлеченія, даже множества славныхъ подвиговъ, совершенныхъ во имя высокой идеи. Но принципъ, лежавшій въ основаніи взаимнаго отношенія между полами, былъ все-таки безправственъ и ложенъ; а онъ-то и условливалъ поведеніе большинства. Безправственность его, дѣйствительно, вскорѣ и обнаружилась самыми печальными, самыми разлагающими послѣдствіями для общества. Бракъ превратился въ одну формальность, такъ какъ рыцарскій кодексъ открыто признавалъ, что въ супружествѣ невозможна любовь. *Minne-dienst*, служеніе любви, по натурѣ своей, иѣкогда чистое по крайней мѣрѣ отъ грубыхъ побужденій, превратилось въ пошлое ухаживаніе. Развратные *fabliaux* и сладострастные романы, въ родѣ Амадиса, или Ланселота, сдѣлались любимымъ чтеніемъ общества. Большіе города наполнились притонами разврата. Пилигримы и крестоносцы приносили съ Востока множество новыхъ, утонченно чувственныхъ обычаевъ и наслажденій. Къ концу XIII вѣка публичная мораль была уже въ полномъ разложеніи, и западная Европа съ высоты идеальныхъ порывовъ, проявившихся было въ первый вѣкъ крестоносныхъ движеній, ринулась въ такую возмутительную грязь, о какой въ наше время мы не имѣемъ и слабого понятія.

IV.

Какъ ни осторожно мы высказали наше заключеніе о характерѣ рыцарскаго служенія женщинѣ, все же насъ могутъ обвинить въ излишней строгости, или по крайней мѣрѣ, поспѣшности приговора, стоящаго въ замѣтномъ противорѣчій съ холоднымъ нѣкогда, традиціоннымъ мнѣніемъ о платонизмѣ средневѣковой любви. Поэтому мы приобѣгаемъ еще къ одного рода аргументаціи. Мы попросимъ читателя оставить пока историческую почву, область дѣйствительности, засвидѣтельствованной памятниками, и обратить вмѣстѣ съ нами вниманіе на идеальныя представленія вѣка, высказавшіяся въ его литературѣ, и именно въ поэзіи, такъ какъ извѣстно, что высотой и совершенствомъ этихъ идеаловъ измѣряется отчасти уровень моральной развитости общества. Мы считаемъ это тѣмъ болѣе не лишнимъ, что Фальке, стараясь выставить картину тогдашней жизни въ поэтическомъ блескѣ, напираетъ именно на чистоту рыцарскихъ идеаловъ.

Мы беремъ для нашей цѣли знаменитѣйшаго эпическаго поэта средневѣковой Германіи, Вольфрама фонъ-Эшенбаха, въ которомъ, по общему признанію всѣхъ историковъ нѣмецкой литературы, самымъ полнымъ и вѣрнымъ образомъ отразился его вѣкъ и котораго Зимроуэ, его издатель и переводчикъ, называетъ Гёте XIII столѣтія. Вольфрамъ былъ рыцарь до мозга костей своихъ, только рыцарствомъ мечталъ добыть себѣ славу и любовь женщины, щитъ и оружіе считалъ какимъ-то призваніемъ свыше, и какъ слѣдуетъ истинному рыцарю, былъ неграмотенъ. Достаточное состояніе, отличныя связи и общее уваженіе позволяли ему жить и держать себя независимо, сохранить все достоинство своего таланта и убѣжденій и подняться въ своихъ воззрѣніяхъ на рыцарство до такой высоты, какой не достигалъ ни одинъ изъ его современниковъ. Согласимся послѣ этого, что идеи такого поэта могутъ считаться тою послѣднею чертой, дальше которой не пошелъ рыцарскій идеалъ.

Образъ истиннаго рыцаря начерталъ Эшенбахъ въ своей знаменитой поэмѣ „Парсиваль“, гдѣ не только исчерпанъ и сгруппированъ весь кругъ мнѣній, вѣрованій, обычаевъ, нравовъ и внѣшнихъ формъ и особенностей цвѣтущаго Гогенштауфенскаго вѣка, этого апогея рыцарской жизни въ Германіи, но представлено даже внутреннее развитіе самой личности рыцаря, процессъ ея духовнаго роста.

Въ данномъ случаѣ для насъ въ высшей степени интересно, какъ понималъ Парсиваль, этотъ цвѣтъ всякаго рыцарства — „Die Blüthe

aller Ritterschaft“, свои обязанности и отношенія къ женщинѣ. А для этого намъ надо прослѣдить всю поэму.

Вѣра въ силу породы и крови, столь сильная въ средніе вѣка вообще, была, конечно, еще сильнѣе въ высшихъ кругахъ того времени. Особенная прирожденная доблесть предполагалась въ благородномъ происхожденіи, и рыцарь считался тѣмъ знаменитѣе, чѣмъ длиннѣе и славнѣе былъ рядъ его рыцарскихъ предковъ. Вотъ почему Вольфрамъ фонъ-Эшенбахъ начинаеть свою поэму изображеніемъ подвиговъ отца Парсивалева, Гамурста, въ которомъ мы видимъ уже образецъ рыцарскихъ талантовъ и качествъ, унаслѣдованныхъ потомъ и доведенныхъ до высшаго развитія его сыномъ. Рано отправляется онъ искать подвиговъ и приключеній, и прощается съ матерью, говорить ей: „Я ѣду, ради высшей славы, искать рыцарства въ чужой землѣ, и если счастье сохранить меня, заслужу себѣ награду женской любви“. И дѣйствительно, поступивъ на службу къ латышской королевѣ Белаканѣ, онъ побѣждаетъ ея враговъ и получаетъ въ награду ея руку. Но такъ какъ въ томъ краю не было ни войны, ни турнировъ, то Гамурстъ скоро стосковался въ бездѣйствіи и тайно уѣхалъ оттуда, оставивъ свое новое царство и беременную жену. Вслѣдъ за тѣмъ мы видимъ нашего рыцаря на одномъ блестящемъ турнирѣ, куда съѣхалось множество князей, королей и герцоговъ и гдѣ наградю побѣдителя назначена рука королевы Герцелейды. Счастливый Гамурстъ и на этотъ разъ одолеваетъ всѣхъ своихъ противниковъ и женится на этой второй, добытой оружіемъ невѣстѣ, но съ условіемъ однако, чтобы каждый мѣсяцъ былъ для него непременно турниръ. Но по видимому и это не можетъ удовлетворить неутомимаго искателя приключеній, и уже нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ опять отправляется за море на помощь къ какому-то королю Баруху, гдѣ и находитъ смерть. Герцелейда же, тоже оставленная мужемъ беременною, уже послѣ его кончины, рождаетъ на свѣтъ Парсивала. Вотъ вся карьера Гамурста. Изъ нея видимъ, что для славнаго рыцаря существуетъ на свѣтѣ только одно — это рыцарство со всѣми его обязанностями. Внѣ и выше его онъ не знаетъ надъ собой никакого инаго долга. Семейство, отечество, даже религія стоятъ на второмъ планѣ, такъ какъ онъ не задумывается покинуть родину, жену и дѣтей и отдать свой мечъ на службу врагамъ христіанства каждый разъ, какъ его увлекаетъ слава военныхъ подвиговъ и надежда заслужить награду женской любви (Minnelohn). Что же касается самой женщины, ради которой онъ творить чудеса храбрости и приносить такіа жертвы,

то повидимому она до тѣхъ только поръ имѣеть для него цѣну, пока не принадлежитъ ему. Но какъ только становится его женой, энтузіазмъ его совершенно исчезаетъ и начинаетъ искать себѣ новой пищи. Правда, Гамурстъ говоритъ Бславанѣ: „Крестись — и тогда ты, можетъ-быть, меня и удержишь“. Но какъ мало эти религіозные мотивы владѣли его душой, видно изъ того, что онъ точно также покидаетъ потомъ и христіанку Герцелейду, дѣлавшую для него „каждый мѣсяцъ турниръ“, и снова пускается туда, куда зоветъ его рыцарство.

Но Гамурстъ еще не главное лицо поэмы. Настоящій герой ея — Парсиваль. Познакомимся же ближе съ его личностью, имѣя все-таки въ виду нашу цѣль.

Парсиваль выросъ въ совершенной простотѣ мыслей и нравовъ. Нѣжно любящая мать, желая удержать его дома, сберегла его въ полномъ невѣдѣніи прелестей рыцарства. Мальчикъ проводилъ время въ полѣ, охотясь за дичью. Даже о Богѣ имѣеть онъ такое слабое понятіе, что случайно встрѣтивъ въ лѣсу нѣсколько вооруженныхъ всадниковъ, принялъ ихъ за боговъ. Тѣ объясняютъ ему наконецъ, что они рыцари круглаго стола и что король Артуръ можетъ сдѣлать и его членомъ этой почетной коллегіи. Встрѣчи этой было довольно, чтобы разомъ измѣнить кругъ мыслей и весь жизненный путь Парсивала. Въ немъ неожиданно обнаруживается удивительная рыцарская доблесть отца; молодая душа просыпается и рвется въ свѣтъ. Мать должна уступить этому неудержимому порыву, и хотя потомъ умираетъ, убитая горемъ, но отпускаетъ изъ дому сына. Все, что она можетъ посовѣтовать ему на дорогу, это — привѣтствовать встрѣчныхъ, почтительно учиться у старшихъ рыцарскому обычаю, да ухаживать за дамами. Юноша такимъ образомъ является въ свѣтъ круглымъ невѣждой, но скоро попадаетъ въ руки стараго опытнаго рыцаря Гурнемана, который посвящаетъ его во всѣ тайны военного искусства и куртуазіи. Онъ учитъ его быть скромнымъ, умѣреннымъ и милостивымъ, щедрымъ, любезнымъ, но въ особенности „приличнымъ“, такъ какъ приличіе во всемъ и составляетъ отличительное качество рыцаря. Надо избѣгать лишнихъ и праздныхъ словъ, не докучать распросами и быть чистоплотнымъ. Надо удаляться сомнѣній и любить безъ хитрости и обмана. Кромѣ того, его выучиваютъ молиться, слушать обѣдню и исповѣдываться, и когда его познакомили вмѣстѣ съ тѣмъ съ правилами верховой ѣзды, съ „тыстомъ, бугурдомъ“ и другими боевыми приѣмами и упражненіями, — то этимъ кругъ его ры-

царскаго воспитанія былъ завершёнъ. Теперь не доставало только какого-нибудь подвига, для того чтобъ явиться къ Артуру и искать у него формальнаго посвященія въ сагъ. Парсиваль защищаетъ угнетенную Иешуту отъ жестокаго и подозрительнаго мужа ея Орилла и возвращаетъ ей права жены. Затѣмъ, пущенный безъ поводовъ конь приноситъ его въ Вальранерь, осажденный врагами, гдѣ юная и прекрасная Кондвирамуръ предлагаетъ ему свою руку и свои владѣнія, если онъ поможетъ ей отбиться отъ непріятеля. Парсиваль освобождаетъ городъ и получаетъ обѣщанную награду. Кондвирамуръ становится его женой. Но счастливецъ скоро однакожь оставляетъ молодую супругу и снова пускается въ свѣтъ искать приключеній. И тутъ-то случается съ нимъ то необычайное происшествіе, которое рѣшаетъ всю его жизнь. Парсиваль попадаетъ въ Менсальважъ, чертоги святаго Граля. Но чтобъ понять значеніе этого событія, надо напомнить читателю смыслъ знаменитой саги о Гралѣ.

Граль — это драгоценная чаша, принадлежавшая Іосифу Аримаеѣскому и по преданію служившая Спасителю за Тайной Вечерей. Въ нее же пролилась и святая кровь Его въ минуту крестной смерти. Чудодѣйственная сила осталась съ тѣхъ поръ на вѣки въ безцѣнномъ сосудѣ. Это — податель всякаго изобилія, довольства и счастья, источникъ не увядающей юности, красоты и безсмертія. Обладатель такого сокровища наслаждается невозмутимымъ блаженствомъ уже здѣсь на землѣ. Среди людей, волнующихъ страстями и угнетаемыхъ нуждами, это единственный человѣкъ, живущій безъ желаній и безъ надеждъ, такъ какъ всѣ желанія его достигнуты и всѣ надежды исполнены. Но приблизиться къ чудотворной чашѣ, а тѣмъ болѣе сдѣлаться ея обладателемъ, можетъ лишь тотъ, кто соединитъ въ себѣ высшія достоинства человѣка съ глубочайшимъ христіанскимъ смиреніемъ. Никакими заслугами, никакими личными подвигами, какъ бы они ни были велики и славны, нельзя достигнуть этого счастья, пока само Небо не укажетъ своихъ избранниковъ. На краяхъ чаши мгновенно появляются написанными ихъ имена, и вслѣдъ затѣмъ столь же мгновенно исчезаютъ. И тогда только избранные могутъ проникнуть въ чертоги Граля и увидѣть совершающееся чудо. Чертоги эти выстроены, говорила сага, доблестнымъ Титурелемъ Анжуйскимъ, сподобившимся сдѣлаться первымъ обладателемъ и королемъ Граля и передавшимъ затѣмъ свое достоинство славнѣйшему представителю своего рода Ансортасу, родному дядѣ Парсивала. Но Ансортасъ не устоялъ противъ обольщеній земной любви, отъ которой долженъ от-

казаться всякій хранитель святаго Граля, и за это былъ наказанъ смертельной раной, полученной въ поединкѣ за славу его возлюбленной. Съ тѣхъ поръ волшебный замокъ, служившій ему резиденціей и хранилищемъ самого Граля, омрачился уныніемъ. Страдающій король не могъ ни выздоровѣть, ни умереть, такъ какъ лицезрѣніе Граля каждый день возобновляло его угасавшія силы. Исцѣленіе этихъ вѣчныхъ мученій было предвозвѣщено лишь тогда, если явится пришелецъ-рыцарь и спроситъ о значеніи всего, что здѣсь творится. И этимъ пришельцемъ-избавителемъ предназначалось быть Парсивало. И вотъ, во время его рыцарскихъ странствованій по Бискайскимъ горамъ, довелось ему однажды подѣхать, поздно вечеромъ, къ берегу незнакомаго озера. Рыбаки, которыхъ засталъ онъ тутъ, указываютъ ему ночлегъ въ единственномъ замкѣ, лежавшемъ по близости. Непроходимый лѣсъ начинался за озеромъ, подымаясь все выше и выше по склонамъ горъ. Но, пробравшись съвозъ эту дремучую чащу, герой нашъ очутился вдругъ передъ зданіемъ неописанной красоты и великолѣпія. Тридцать шесть многоэтажныхъ башенъ стояло по круглой вѣшной стѣнѣ какого-то храма, выстроеннаго на площади зеркально-гладкаго оникса. На каждой башнѣ бѣлый, хрустальный крестъ, и на каждомъ крестѣ золотой орелъ съ распушенными крыльями. Смарагды, сапфиры, бериллы и всѣ возможные цѣнные камни украшаютъ своды, карнизы и окна. А со средины возвышается громадный куполь, весь изъ листаго золота, на вершинѣ котораго огромный граенный карбункулъ, мечущій во всѣ стороны потоки натурального блеска. По, вошедши въ зданіе, пришелецъ поражается еще болѣе. Передъ нимъ залъ, освѣщенный цѣлою сотнею люстръ. Сто столовъ стоятъ по стѣнамъ и за каждымъ столомъ по четыре почтенныхъ рыцаря. Въ среднѣ же этого блестящаго круга сидитъ король на богато убранномъ ложѣ, но сидитъ онъ неподвижно и мрачно, разливая печаль на собесѣдниковъ. Вотъ открывается настежь кованая серебрянная дверь, и въ залъ являются четыре принцессы въ темныхъ длинныхъ парчевыхъ платьяхъ съ золотыми свѣтильниками въ рукахъ. За ними слѣдуютъ восемь благородныхъ дѣвицъ, одѣтыхъ въ зеленый бархатъ и несущихъ драгоценный гранатовый подносъ; затѣмъ шесть другихъ въ яркихъ шелковыхъ одеждахъ и съ разной серебрянной и золотой посудой. Наконецъ, окруженная шестью избранныйшими красавицами, появляется царица этихъ чертоговъ, перлъ земной красоты и женственной прелести, юная Репансъ-де-Жуа. Въ рукахъ у нея чаша изъ какого-то ослѣпительно-блестящаго камня. Медленно подходит она

къ королю, и поставивъ передъ нимъ чудный сосудъ, удаляется. Вслѣдъ затѣмъ является оруженосецъ съ окровавленнымъ копьемъ въ правой рукѣ, и когда онъ проноситъ его по залу, со всѣхъ сторонъ поднимаются вопли и плачъ. Парсиваль, занявъ мѣсто возлѣ короля, видитъ всѣ эти странныя сцены, но по юношеской робости и простотѣ, не рѣшается спросить, что онѣ значатъ. Начинается вечерній пиръ, окруженный баснословною роскошью, и затѣмъ всѣ отходятъ ко сну. Но, проснувшись на другой день утромъ, гость нашъ не узналъ уже вчерашнихъ чертоговъ. Все показалось ему очень обыкновеннымъ и будничнымъ, ни живой души не было видно кругомъ, только осѣдланый конь его стоялъ у воротъ, да какой-то рыцарь со сторожевой башни проводилъ его насмѣшками и проклятіями. Изумленный и униженный, въ раздумьи и отчаяніи, герой ѣдетъ оттуда прочь, и выдержавъ на пути нѣсколько славныхъ поединковъ, является къ Артуру, который, вмѣстѣ съ прекрасной женой своей Жановрой, держитъ веселый, блестящій дворъ свой въ Диангедронѣ. Артуръ встрѣчаетъ Парсивала уже какъ знаменитаго рыцаря и принимаетъ его въ члены круглаго стола. Но, посреди этого новаго почета и блеска, вдругъ является посланница Граля, волшебница Кондрія, и публично срамитъ Парсивала, называя его позоромъ честныхъ людей и проклятымъ нечадіемъ ада. Тогда только начинаетъ онъ понимать свою простоту и подозрѣвать страшную вину, невольно имъ совершенную. Въ глубокое уныніе и скорби о легкомысленно потерянномъ счастьи покидаетъ онъ дворъ короля и ѣдетъ, куда глаза глядятъ, упося въ своемъ сердцѣ сѣмена кореннаго нравственнаго переворота.

До сихъ поръ мы видѣли Парсивала идущаго избитымъ путемъ обыкновенной рыцарской карьеры. Какъ и всѣ, онъ жаждетъ только славы подвиговъ, вниманія и любви знатныхъ дамъ. Ради этихъ пустыхъ приманокъ, безжалостно убиваетъ мать, умирающую съ тоски по немъ, и покидаетъ прекрасную любящую жену въ ту минуту, какъ она готова подарить его новымъ счастьемъ — отеческаго долга. А очутившись лицомъ къ лицу съ величайшимъ чудомъ христіанской легенды, онъ остается безмолвнымъ и безучастнымъ зрителемъ, и мысль его не просыпается даже на столько, чтобы спросить о смыслѣ совершающейся передъ его глазами мистеріи. Но, когда позоръ и униженіе нежданно обрушились на его голову, когда его осрамили въ глазахъ свѣта, мнѣніемъ котораго онъ такъ дорожитъ, первое, что пробудилось въ немъ, это — уязвленная гордость. „Какъ, — восклицаетъ онъ въ порывѣ отчаянія и злобы, — я сражался, гдѣ только могъ, и рука

мой часто касалась высшей награды. Чтò же такое Богъ? Я ему вѣрно служилъ, — и еслибъ Онъ былъ благъ и могущественъ, то не допустилъ бы такой несправедливости. Теперь я отъ Него отказываюсь“. И Парсиваль снова ѣдетъ странствовать по свѣту, но уже не затѣмъ, чтобы рыцарскими подвигами добыть себѣ славу и милость благородныхъ красавицъ. Въ сердцѣ его поселились двѣ мысли, два желанія овладѣли его душой: отыскать вѣрную, хоть и повинутую жену, о которой онъ опять вспомнилъ, когда счастье ему измѣнилось и люди его оставили, и всѣми возможными усиліями проникнуть снова въ чертоги Граля и тѣмъ смыть тяготѣвшій надъ нимъ позоръ. Того и другаго думаетъ онъ достигнуть собственными силами, такъ какъ въ помощь и правду Божію онъ не вѣритъ. Проходитъ пять лѣтъ въ безплодныхъ исканіяхъ, а завѣтныя цѣли отъ него далѣе, чѣмъ когда-нибудь. Случай, или вѣрнѣе незримая рука Промысла, наталкиваетъ его наконецъ на одну знаменательную встрѣчу. Разъ — то было въ страстную пятницу — видитъ онъ почтеннаго старика съ двумя молодыми дѣвушками и съ огромной свитой позади, но босаго и въ рубищѣ, идущаго на поклоненіе въ близъ лежащій монастырь. Изъ разговора узнаетъ онъ, что это герцогъ съ своими дочерьми. Путники удивляются, что встрѣчный рыцарь въ такой великій день ведетъ себя, какъ язычникъ. Но Парсиваль, пять лѣтъ уже не бывшій въ церкви, отвѣчаетъ, что онъ отказался отъ Бога, потому что Онъ несправедливъ. Но потомъ его беретъ раздумье и раскаяніе, и мысль его въ первый разъ обращается къ Тому, Кого онъ такъ долго не признавалъ. „Въ нынѣшній день Онъ особенно милостивъ, думаетъ онъ, дай цущу поводья, — и посмотримъ, чтò будетъ“. Свободный конь приноситъ его въ одно дикое мѣсто — Фонтенъ-Соважъ, гдѣ въ скалистой пещерѣ живетъ и спасается отшельникъ Треврецентъ. „Сынъ мой, говоритъ аскетъ, выслушавъ его жалобы, я также былъ рыцаремъ, какъ ты, и сражался ради женской любви и вѣрности, но теперь я сталъ служить Богу. Въ Немъ одною безконечная любовь и несокрушимая вѣрность. Молись и уповай на Него“. „Но вѣдь Онъ же меня оставилъ, возражаетъ ему Парсиваль. Какихъ только подвиговъ не совершилъ я, и если Богъ только въ состояніи оцѣнить рыцарскую доблесть, — Онъ долженъ избрать меня въ хранители Граля“. Въ отвѣтъ на такія высокоумныя рѣчи, Треврецентъ указываетъ ему на смиреніе, какъ на единственный путь къ тому, чего онъ ищетъ. Грали никто не достигалъ силою; только милость Божія можетъ привести къ нему. Затѣмъ, герой нашъ узнаетъ въ отшель-

никѣ роднаго своего дядю и слышитъ отъ него подробную исторію Ансортаса, другаго брата своей матери. Внушающая мистерія Монсальважа становится для него ясною, но за то тѣмъ сильнѣе чувствуетъ онъ угрызенія совѣсти. Мало по малу раскаяніе и смиреніе наполняютъ его очерствѣлую душу, нитавшуюся до сихъ поръ только гордостью и тщеславіемъ. Просвѣтленнымъ и смягчившимся ѣдетъ онъ оттуда ко двору Артуса, но на дорогѣ выдерживаетъ борьбу съ такимъ сильнымъ и отважнымъ противникомъ, какого еще не встрѣчалъ никогда. То былъ Фейрбрисъ, сынъ Галурста и Белаканы, старшій братъ Парсивала, знаменитѣйшій рыцарь Востока. Долго сражались братья, равные мужествомъ и великодушіемъ, не зная другъ друга. Перевѣса не было ни на чьей сторонѣ. Наконецъ, объяснившееся кровное родство противниковъ положило конецъ ихъ борьбѣ. Примиренные ѣдутъ они ко двору, гдѣ Артусъ, видѣвшій издали ихъ отчаянный бой въ свое магическое стекло, принимаетъ ихъ обоихъ съ радостію и почетомъ въ рыцари и члены своего Круглаго стола. Послѣ этого единоборства, въ которомъ поэтъ символически выразилъ вѣковую борьбу восточнаго и западнаго рыцарства, Парсиваль достигъ высшей мірской славы, какой только можно было желать, а вслѣдъ за тѣмъ ему досталось и то нравственное величіе, котораго онъ такъ долго и тщетно искалъ. Та же волшебная посланница Граля, которая нѣкогда обезславилла его въ этомъ самомъ мѣстѣ, явилась теперь возвѣстить ему, что по опредѣленію Неба, онъ избранъ въ короли Граля съ женою и сыномъ. Славнѣйшую изъ земныхъ коронъ, „вѣнецъ людскаго спасенія“, могъ теперь предложить онъ своей вѣрной, нѣкогда имъ оставленной Кондвирамуръ. Безконечная радость и великое торжество сопровождало ихъ шествіе до Монсальважа, гдѣ ихъ приняли уже съ королевскими почестями. Трижды повергшись въ прахъ передъ святыней, которую ангелы держали нѣкогда на рукахъ своихъ и на которую голубь нисходитъ ежегодно съ небесъ, принося жизнеобильную *оплатку*, — Парсиваль предлагаетъ, наконецъ, знаменитый вопросъ: „дядя, чтѣ съ тобой?“ — и въ ту же минуту, какъ только произнесены были эти простые слова, измозженный долгими страданіями Ансортасъ становится вдругъ бодръ, здоровъ, юнъ и невыразимо прекрасенъ.

Этимъ оканчивается поэтическая исторія Парсивала. Многіе хотятъ видѣть въ немъ какого-то Фауста XII вѣка, и Нѣмцы любятъ называть его автора, Эшенбаха, средневѣковымъ Гете. Вильмаръ, напримеръ, въ своей „Исторіи нѣмецкой національной литературы“, не

далѣе какъ въ прошломъ году, отзывался о немъ такимъ образомъ. Но сходство здѣсь, по нашему мнѣнію, довольно поверхностное и далекое. Оба они, правда, люди стремящіеся и ищущіе: одинъ — послѣднихъ предѣловъ человѣческаго знанія, другой — высочайшей ступени нравственнаго величія. Оба идутъ къ своей цѣли посреди борьбы и сомнѣній. Но Фауста преображаетъ и спасаетъ всемогущая сила любви, тогда какъ Парсиваль обязанъ своимъ перерожденіемъ непосредственно благодати Божіей, имъ лично даже мало заслуженной. Ему стоило только покаяться, да смирить свою гордость, — и вотъ уже на него сыплется всѣ милости Неба. Но допустимъ, наконецъ, что онъ заслужилъ ихъ своими долгими страданіями, искренностію своего покаянія. Все же его обращеніе къ оставленной женѣ и вѣрность, ей сохраненная, являются чѣмъ-то особеннымъ, исключительнымъ, выходящимъ изъ ряда установившихся отношеній. Нуженъ былъ глубокий нравственный переворотъ и почти сверхъестественное просвѣтленіе, чтобы направить его мысли на этотъ путь. А началъ вѣдь и онъ съ кореннаго рыцарскаго убѣжденія, что женщина есть предметъ тщеславія и источникъ наслажденія. Сама же сага о Гралѣ показываетъ, что рыцари, посвящавшіе себя служенію этой святости, руководились какимъ-то не свѣтскимъ, почти монашескимъ взглядомъ на женщину. Они давали обѣтъ безбрачія и отказывались отъ прелестей земной любви. Исключеніе допускалось только въ пользу короля, который могъ быть женатымъ. Никто безнаказанно не нарушалъ этой заповѣди, и мы видѣли, какую страшную кару понесъ за это Ансортасъ и какимъ глубокимъ покаяніемъ искупалъ свою вину Треврецентъ. Вотъ почему и отношенія Парсиваля къ Кондвирамуръ можно считать не столько нормальнымъ образцомъ для цѣлаго общества, сколько высокимъ и труднымъ идеаломъ для немногихъ рыцарей-подвижниковъ.

Лучшимъ доказательствомъ того, что идеи Вольфрама были далеки отъ общаго направленія вѣка, можетъ служить уже то, что не смотря на всю его славу и дѣйствительно значительную силу художественнаго дарованія, современники мало увлекались его поэмой. Ея проповѣдническій тонъ, темныя аллегоріи и самая возвышенность идеала возбуждали сочувствіе лишь въ весьма необширномъ кругу людей, шедшихъ за аскетическимъ теченіемъ эпохи, которое началось въ Германіи съ половины XI вѣка и главными проводниками котораго были Клювийскіе монастыри. Большинство же относилось къ нимъ холодно, называя „Парсиваля“ „дикюю сказкой“ (Wilde Mähre), въ которой

авторъ усиливается „сухою вѣткой произвести роскошную гѣнь“. „Намъ нѣкогда подбирать глоссы къ темнымъ книгамъ“, говоритъ о немъ Готфридъ Страсбургскій, — и веселая, ликующая, счастливая Гогенштауфенская Германія думала точно также. У нея былъ другой любимый поэтъ, не уступавшій Вольфраму талантомъ, но болѣе подходившій къ ея вкусамъ и направленіямъ, изображавшій жизнь, какъ она есть, не чуждый, можетъ-быть, ея слабостей и пороковъ, но имѣвшій довольно мужества и нравственнаго чувства, чтобы порою поднятъ противъ нихъ и голосъ энергическаго протеста. Это тотъ же Готфридъ Страсбургскій, авторъ „Тристана и Изольды“, социально-психологическаго романа, составлявшаго любящимъѣе чтеніе всего средневѣковаго общества. Его идеи о любви, о бракѣ, и вообще объ отношеніяхъ половъ между собою, для нашей цѣли важнѣе и интереснѣе, такъ какъ онѣ представляютъ собою мнѣніе и направленіе огромнаго большинства.

V.

Кто былъ Готфридъ, какія обстоятельства воспитали его характеръ и кругъ убѣжденій, съ точностію неизвѣстно. Можно только догадываться, что онъ не принадлежалъ къ рыцарскому сословію, и такъ какъ современники называютъ его обыкновенно «Meister Gotfried», то это обозначеніе даетъ право предполагать, что онъ происходитъ, вѣроятно, изъ класса горожанъ. Впрочемъ, и безъ этого указанія, его постоянно холодное и почти пренебрежительное отношеніе къ рыцарству наводило бы само собою на такое заключеніе. Такъ, въ одномъ мѣстѣ, гдѣ ему приходится описывать турниръ, онъ шуточно отказывается отъ этой задачи, ссылаясь на то, что онъ не мастеръ этого дѣла и что объ этихъ вещахъ писано уже и такъ слишкомъ много. „Я пресыщенъ подобными разказами, да еслибъ я и призвалъ всѣ мои силы для изображенія рыцарства, то едва-ли усилю бы въ этомъ. Оттого я и не стану описывать, какъ они тамъ сражались и сколько переломали копьевъ. Пусть ихъ считаютъ оруженосцы, подбиравшіе съ поля эти обломки“. Какой-то новый духъ, враждебный рыцарскимъ забавамъ и интересамъ, вѣетъ уже въ этихъ словахъ. «Das mögen die Garzune zählen». „Оставьте мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ“, какъ будто звучитъ въ этомъ презрительномъ замѣчаніи. Да, новый духъ и новое время дѣйствительно чувствуются въ поэмѣ Готфрида Страсбургскаго, новый взглядъ на женщину, новое отношеніе къ семейному вопросу и вмѣстѣ краснорѣчивый протестъ противъ рыцар-

скихъ обычаевъ и порядковъ, переполненныхъ формализмомъ и ложью. Но вотъ самое содержаніе романа.

Юный Ривалинъ, король Парменіи, одолевъ враждебныхъ сосѣдей, ѣдетъ въ Англію и Корнуолль, чтобы при дворѣ тамошняго короля Марке поучиться утонченнымъ свѣтскимъ обычаямъ. На свадьбѣ Марке, онъ влюбляется въ его сестру, прекрасную Бланшефлуръ; но, во время одной стычки, раненъ и полуживой привезенъ въ Тинтайоль, столицу короля. Увлеченная дѣвушка начинаетъ за нимъ ухаживать и часто посѣщаетъ его комнату, переодѣтая нищей. Задобренная гувернантка, по тогдашнему «Meisterin», допускаетъ между ними связь въ надеждѣ, что больной умретъ и что дѣло канетъ безо всякихъ слѣдовъ. Между тѣмъ, вопреки всѣмъ расчетамъ, Бланшефлуръ дѣлается беременною, а Ривалинъ выздоравливаетъ, и получивъ извѣстіе о новомъ нападеніи враговъ на Парменію, собирается ѣхать домой. Тайно увозитъ онъ съ собой тоскующую по немъ принцессу, и воротившись на родину, на ней женится; но скоро затѣмъ погибаетъ въ начавшейся войнѣ. Немногимъ переживаетъ его и королева, и послѣ рожденія сына, слѣдуетъ за любимымъ мужемъ въ могилу. Поворожденный является на свѣтъ круглымъ сиротой и среди такихъ печальныхъ обстоятельствъ, что это и заставило его опекуновъ дать ему имя Тристана.

И здѣсь, стало быть, какъ въ поэмѣ Вольфрама, исторія отца служить прологомъ и какъ бы предсказаніемъ жизненной карьеры сына. Но уже это начало обѣщаетъ читателю совсѣмъ иное, болѣе натуральное, правдивое отношеніе къ жизни, чѣмъ возвышенное пареніе „Парсивала“. Мы, конечно, очень далеки отъ того, чтобы оправдывать, какъ вину молодыхъ людей, такъ и способъ, какимъ они старались ее загладить. Но тутъ есть, по крайней мѣрѣ, свои смягчающія обстоятельства. Это искренность юнаго увлеченія, не измѣнившая своему характеру и въ послѣдствіи. Но важнѣе всего то, что Ривалинъ не могъ искать прямымъ путемъ руки сестры короля Марке. Можетъ-быть, покажется на первый взглядъ страннымъ, что владѣтельный князь не смѣетъ мечтать о родствѣ съ такимъ же владѣтельнымъ княземъ. Но эта темная Парменія, постоянно стоящая въ романѣ на дальнемъ фонѣ картины, составляетъ повидимому такое смудное и незавидное достоинствѣ, что въ кругу богатыхъ и сильныхъ властителей феодальнаго міра, король ея является почти пролетаріемъ. Это обстоятельство надо непременно имѣть въ виду, чтобы понять роль, какую приходится Тристану разыгрывать въ большомъ свѣтѣ.

Далѣе, такъ какъ дѣло коснулось комментаріевъ, мы должны замѣтить, что многіе считаютъ Готфрида и его романъ образцемъ глубочайшей безнравственности, какъ по основнымъ идеямъ, такъ и по внѣшнимъ формамъ. Что касается идей, то онѣ именно и есть то искомое неизвѣстное, ради котораго мы предприняли разборъ цѣлаго произведенія. Слѣдовательно, о нихъ рѣчь — впереди. А относительно формы, дѣйствительно, не смотря на всю ся наивную грацію и обольстительную прелесть образовъ и живыхъ красокъ, Тристана и Изольду ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать назидательнымъ чтеніемъ. Но справедливость требуетъ замѣтить, что и Парсиваля мы не пожелаемъ бы также видѣть въ рукахъ слишкомъ юнаго читателя. Не смотря на героическій тонъ поэмы, въ ней встрѣчаются сцены до того оскорбительныя для нравственнаго чувства человѣка нашего времени, что невольно приходишь къ мысли, до чего должна была простираться простота и грубость тогдашнихъ нравовъ, если даже такое возвышенное произведеніе не можетъ быть передано вполне, безъ нарушенія приличій. Готфридъ, конечно, еще болѣе не стѣснялся въ этомъ отношеніи, какъ онъ вездѣ и во всемъ служилъ болѣе естественнымъ и правдивымъ отраженіемъ своего вѣка. Но мы здѣсь имѣемъ дѣло съ идеями, а не съ формой, и пока еще не видимъ, чѣмъ Ривалинъ безнравственнѣе Гамурста, бросающаго своихъ женъ, ради рыцарскихъ поисковъ за славой и значными красавицами.

Но мы переходимъ къ исторіи Тристана. По смерти родителей, сирота-мальчикъ остается на рукахъ маршала Руаля, прозваннаго за свою ленную вѣрность и преданность королевскому дому li Foistenant. Сосѣдній владѣтель Моргаль, въ борьбѣ съ которымъ погибъ Ривалинъ, подчиняетъ его царство своей власти. Колыбель ребенка окружена такими опасностями, что Руаль не рѣшается даже объявить о его существованіи. Онъ распускаетъ слухъ, что покойная королева разрѣшилась отъ бремени мертвымъ ребенкомъ, а жена его Флорета разыгрываетъ притворные роды и выдаетъ Тристана за своего поворожденнаго. Проходятъ годы ранняго дѣтства, въ теченіе которыхъ малютка остается на попеченіи своей мнимой матери; но когда ему исполнилось семь лѣтъ, начинается его воспитаніе. Замѣчательно, какъ даже здѣсь отклоняется Готфридъ отъ принятыхъ въ его время обычаевъ и порядковъ. Въмѣсто того, чтобъ отдать мальчика пажемъ ко двору какого-нибудь знатнаго владѣльца, гдѣ бы его выучили свѣтскому обращенію, да рыцарскому искусству, какъ это водилось обыкновенно въ феодальномъ обществѣ, Руаль представляетъ

къ нему одного мудраго чловѣка, который везетъ его въ чужіе края для изученія языковъ и пріобрѣтенія наглядныхъ свѣдѣній о жизни. Но болѣе всего рекомендуется Тристану „книжная наука“, которую всѣми силами долженъ изучать онъ „прежде всѣхъ другихъ знаній“. Не забыто и художественное образованіе: игра на разныхъ инструментахъ и пѣніе. Послѣ того уже какъ бы на второмъ планѣ являются упражненія въ верховой ѣздѣ и оружіи, въ охотѣ и гимнастикѣ, во всѣхъ тонкостяхъ тогдашней куртуазіи. Главное — это развитіе умственныхъ и эстетическихъ способностей. Въ четырнадцать лѣтъ Тристанъ уже задумывается надъ своими и чужими общественными порядками и умѣетъ слогать и исполнять всѣ роды пѣсень. Во всѣхъ отношеніяхъ, это чловѣкъ новаго времени, не похожій на представителей современнаго ему рыцарства и менѣе всего — на Шарсивала съ его прирожденными и односторонними рыцарскими доблестями. Мы увидимъ сейчасъ, что и своими успѣхами въ жизни онъ обязанъ не рыцарству и предызбранію свыше, а собственнымъ усиліямъ — уму, ловкости и талантамъ. И какъ бы въ довершеніе всего развитія, добытаго этимъ путемъ, случай посылаетъ ему еще одного учителя, едва-ли не самаго дѣйствительнаго — нужду и горе. Заѣзжіе купцы обманомъ увозятъ его изъ дому, и когда поднимается на морѣ буря, показавшаяся имъ наказаніемъ за похищеніе, въ ужасѣ высаживаютъ его на первый попавшійся берегъ. Съ этой минуты начинается самостоятельная жизнь нашего героя.

По странному стеченію случайностей, земля, на которой очутился Тристанъ, была Кориваллисъ, владѣніе дяди его, уже знакомаго намъ короля Марке. Онъ узнаетъ объ этомъ, повстрѣчавъ въ лѣсу королевскую охоту, хотя, конечно, не подозрѣваетъ, что Марке съ нимъ въ такомъ близкомъ родствѣ. Выдавъ себя за купческаго сына, занесеннаго бурей на этотъ берегъ, онъ скоро обращаетъ на себя вниманіе охотниковъ своею ловкостію, знаніемъ охотничьяго дѣла и особенно своимъ удивительнымъ искусствомъ трубить въ рогъ. Съ торжествомъ ведутъ они его въ Гинтайоль и представляютъ королю, который совершенно имъ очарованъ. Въ короткое время Тристанъ дѣлается любимцемъ Марке, его неотлучнымъ собесѣдникомъ и получаетъ званіе сго великаго ловчаго.

Между тѣмъ вѣрный Руаль не можетъ простить себѣ оплошности, вслѣдствіе которой его питомецъ и будущій государь похищенъ купцами-разбойниками. Онъ самъ отиравается негать сго по свѣту, и протраствовавъ нѣсколько лѣтъ среди нищеты и лишеній, находитъ

его, наконецъ, въ Корнваллисѣ, и разумѣется, открываетъ Марке тайну его рожденія. Неожиданнымъ образомъ, неизвѣстный и безродный пришлецъ, какимъ его считали при дворѣ, становится принцемъ и наслѣдникомъ своего бездѣтнаго дяди. Первою своею обязанностію считаетъ онъ теперь вознаградить рѣдкую преданность Руаля. Съ нимъ вмѣстѣ отправляется онъ на родину, и одолевъ Моргана, возстановляетъ тамъ свои законныя права. Парменія отдана имъ затѣмъ въ лень сыновьямъ Руаля, а самъ онъ снова отправляется на чужбину искать и добывать себѣ счастья.

Воротившись ко двору дяди, Тристанъ застаётъ здѣсь общее уныніе и печаль. Англія и Корнваллисъ издавна платятъ дань ирландской коронѣ. Страшный вѣтязь Морольдъ, сынъ тамошняго короля, каждый годъ является для сбора этой дани, и теперь именно ожидали его прибытія. Тристанъ предлагаетъ рѣшить дѣло единоборствомъ, и въ состоявшемся поединкѣ убиваетъ Морольда; но въ то же время самъ получаетъ отъ него рану отравленнымъ мечомъ. Къ счастью, однако, побѣжденный имъ врагъ находитъ довольно великодушія, чтобъ открыть ему секретъ исцѣленія. Передъ смертію онъ говоритъ ему, что никакіе врачи ему не помогутъ, и только сестра Изольда можетъ его вылѣчить. А для этого ему надо ѣхать въ Девелинъ, что очень трудно сдѣлать, потому что въ Ирландіи, въ отмщеніе за смерть Морольда, стали убивать всѣхъ Англичанъ. Но Тристанъ не унываетъ, и въ надеждѣ на свою ловкость и находчивость, рѣшается идти на встрѣчу опасностямъ. Подъѣхавъ къ ирландскому берегу, онъ приказываетъ пересадить себя въ небольшую лодку, а корабль плыветъ обратно домой. Здѣсь остается онъ одинъ полуживой и израненный. При немъ только его любимая арфа. Но услышавъ съ моря ея чудные звуки, очарованные прибрежные жители принимаютъ страннаго артиста и начинаютъ съ участіемъ спрашивать. Тристанъ объясняетъ имъ, что онъ былъ когда-то придворнымъ музыкантомъ, а потомъ пустился торговать. Морскіе разбойники ограбили его теперь и изувѣченнаго бросили въ этой лодкѣ. Какъ водится, его представляютъ ко двору, гдѣ королева и прекрасная дочь ея Изольда до такой степени восхищены его пѣніемъ и игрой, что берутся лѣчить его.

Такъ Тристанъ достигаетъ своей цѣли, и подъ именемъ Тантриса, проводитъ нѣсколько счастливыхъ мѣсяцевъ при Девелинскомъ дворѣ. Выздоровленіе его подвигается впередъ, а между тѣмъ, въ благодарность за оказанное ему участіе и милости, онъ посвящаетъ юную

принцессу во всё тайны своихъ удивительныхъ талантовъ. Онъ учитъ ее языкамъ, музыкѣ, разнымъ играмъ, искусству слагать канцоны и письма, и наконецъ, такъ-называемому моралитету. Подъ этимъ именемъ разумѣли въ средніе вѣка науку свѣтскихъ приемовъ и приличій, и если мы вспомнимъ, до какой степени средневѣковая жизнь заключена была въ неизмѣнныя условныя формы и какую важность приписывали тогда этой обрядной сторонѣ общественныхъ отношеній, то мы поймемъ роль, которую играли моралитеты особенно въ воспитаніи женщины. Тѣлодвиженія, походка, разговоръ, манера носить платье, встрѣчи и поклоны — для всего этого существовалъ цѣлый кодексъ общепринятыхъ правилъ, уклоненіе отъ которыхъ считалось признакомъ неблаговоспитанности. Франція и тогда уже давала тонъ этой свѣтской жизни для всей Европы и считалась образцомъ моды и утонченныхъ обичаевъ. Средневѣковой моралитетъ перешелъ разными путями и къ намъ, и тѣ стереотипныя наставленія, какъ держать руки, голову, спину, какіе дѣлать шаги въ гостинной или на улицѣ, какъ и сколько съ кѣмъ говорить, которыя и теперь еще внушаютъ наши гувернантки своимъ воспитанницамъ, безъ сомнѣнія, берутъ свое начало отсюда.

Изоolda лѣчитъ Тристана, Тристанъ учитъ Изоолду. Не трудно предвидѣть, что при такихъ близкихъ отношеніяхъ, молодые люди сошлись и поправились другъ другу. Умный, ловкій, образованный, вооруженный всѣми прелестями художественной натуры юноша неизбежно долженъ былъ овладѣть вниманіемъ даровитой и впечатлительной дѣвушки. Но, разумѣется, о какомъ-нибудь дальнѣйшемъ сближеніи не могло быть и рѣчи. Непроходимая бездна, въ общественномъ отношеніи, отдѣляетъ бездомнаго авантюриста отъ царской дочери. И она только со вздохомъ можетъ сказать себѣ: „Боже мой, какъ странно устроенъ свѣтъ! Этотъ талантливый человѣкъ бѣденъ и не знатенъ, тогда какъ столькими царствами управляютъ бездарные“.

Но вотъ Тристанъ здоровъ и ѣдетъ домой, отпросившись подъ тѣмъ предлогомъ, что у него на родинѣ осталась жена. Появленіе его при дворѣ Марке привело всѣхъ въ изумленіе, а во многихъ возбудило даже злобу. Надо замѣтить, что великіе бароны Корнваллиса, окружающіе престолъ короля, вообще не жалуютъ Тристана и смотрятъ на него какъ на выскочку. Только милость и любовь дяди составляетъ всю его силу, ей только онъ обязанъ своимъ положеніемъ. Но внутренно родовая знать не считаетъ его даже равнымъ себѣ и

приходитъ въ ужасъ при мысли, что этотъ пролетарій будетъ современемъ ихъ королемъ. Она никакъ не разчитывала на его возвращеніе, въ полной увѣренности, что онъ погибнетъ или отъ ранъ или отъ непріятели, и была имъ теперь озадачена. Начинаются интриги и подкормы противъ Тристана. Распускаютъ молву, что онъ самозванецъ, что онъ околдовалъ короля, да и Мерольда побѣдилъ только чарами. Рутинная аристократія ни за что не можетъ простить ему его превосходства, и чтобы такъ или иначе устранить его отъ престола, настаиваетъ, чтобы старикъ Марке вступилъ въ новый бракъ. И такъ какъ Тристанъ, въ своихъ разказахъ, постоянно превозносилъ Изольду, ея красоту и достоинства, то рѣшено было, что онъ снова поѣдетъ въ Девелинъ во главѣ свадебнаго посольства отъ короля. На этотъ разъ, думали бароны, онъ уже навѣрное погибнетъ. Но вѣроятность быть убитымъ была не единственнымъ несчастіемъ, грозившимъ теперь Тристану. Было еще другое, не менѣе чувствительное. Для старика диди ему приходилось сватать любимую женщину. Или смерть, или потеря лучшей въ жизни надежды: такъ ловко и страшно была придумана его врагами роковая дилемма. И если выпутывался изъ нея, герой нашъ долженъ былъ опрокинуть установившійся нравственный и социальный законъ, то согласимся по крайней мѣрѣ, что не вся вина въ этомъ должна пасть на него одного.

На этотъ разъ Тристанъ является въ Ирландію подъ видомъ иноземнаго купца, что ему легко было сдѣлать при знаніи чужихъ языковъ, и въ этомъ качествѣ получаетъ доступъ въ страну. Первое, что слышитъ онъ здѣсь, это разказы о страшномъ драконѣ, опустошающемъ окрестности, и о томъ, что король обѣщаетъ руку своей дочери тому, кто избавитъ край отъ недоступнаго, изрыгающаго пламя чудовища. Принявъ разныя предосторожности и хитрыя мѣры, Тристанъ идетъ на борьбу съ нимъ и избиваетъ его; но самъ до того обезсиленъ ядовитыми испареніями отъ его крови, что падаетъ полумертвый въ близъ текущій ручей. Здѣсь находитъ его королева и ея дочь, и плѣнившись его юною красотой, велитъ перенести во дворецъ. Герой нашъ вторично пользуется плѣнными попеченіями прекрасной Изольды, и въ награду за совершенный имъ подвигъ, проситъ только одного—безопасности для себя и своихъ людей. Торжественное обѣщаніе, данное ему въ этомъ отношеніи, пришлось какъ нельзя болѣе кстати, потому что въ это самое время, по обломку меча Мерольда, узнаютъ, что онъ его убійца, и только этимъ дальновиднымъ разчетомъ спасается онъ отъ мести его родныхъ. Выѣстъ съ тѣмъ открывається

также, что онъ тотъ самый Тантрисъ, который нѣкогда разыгрывалъ роль музыканта и учителя принцессы.

Но когда прошли первые порывы негодованія на цѣлый рядъ обмановъ, жертвою которыхъ такъ долго былъ Девелинскій дворъ, Тристанъ находитъ возможнымъ не скрывать долѣ настоящей цѣли своего прибытія, и вытребовавъ свою посольскую свиту, скрывавшуюся на корабль, дѣлаетъ Изольдѣ торжественное предложеніе отъ имени короля Марке. Созванный по этому случаю придворный совѣтъ рѣшаетъ, что какъ побѣдитель-дракона, онъ имѣетъ на то полное право. Родители также соглашаются на этотъ бракъ, походя его выгоднымъ и почетнымъ. Одна Изольда, противъ воли и не безъ внутренняго ужаса, уступаетъ общему желанію. Заботливая мать снабжаетъ ее на дорогу магическимъ любовнымъ напитокомъ для нея и ожидающаго ее супруга, и счастливый Тристанъ увозитъ прекрасную принцессу въ Корнваллисъ. Во время плаванія, онъ, конечно, расточаетъ передъ ней всю нѣжную заботливость родственника и тайнаго поклонника; но на всѣ его ласки Изольда холодно и гордо отвѣчаетъ одно, что онъ выманилъ ее хитростями и что она безчестнымъ образомъ продана. Между тѣмъ, по неосторожности или невѣдѣнію, Тристанъ выпиваетъ часть случайно попавшагося ему волшебнаго питья, приготовленнаго королевой для Марке, а остальное, также неосторожно и случайно выпиваетъ Изольда, и какъ только молодые люди вкусили роковаго балзама, тотчасъ же воспламенились непобѣдимой взаимною страстью. Борьба между долгомъ и чувствомъ, длившаяся нѣкоторое время, оканчивается полнымъ паденіемъ Изольды, и старый король получаетъ жену, безъ памяти влюбленную въ его молодого племянника.

Загѣмъ въ супружеской жизни новобрачныхъ развивается цѣлая система обмановъ противъ бѣднаго Марке, слишкомъ соблазнительныхъ по формѣ и содержанію, для передачи хотя бы отчасти нынѣшней печатью. Да это было бы и излишне, такъ какъ на этихъ сценахъ собственно прерывается неоконченный романъ Готфрида Страсбургскаго, и онѣ ничего не прибавляютъ существеннаго къ извѣстному намъ его сюжету. Главная идея, впрочемъ, усгѣбла уже обозначиться довольно ясно, и на ней-то именно мы остановимъ теперь наше вниманіе.

Даже при томъ короткомъ изложеніи, какое мы представили выше, можно видѣть, что „Тристанъ и Изольда“ изображаетъ какой-то иной, новый міръ, мало похожій на рыцарскую сферу, гдѣ вращается и дѣйствуетъ Парсиваль. Нужды нѣтъ, что авторъ водитъ читателя по дво-

рамъ королей, что герой его тоже рыцарь самаго благороднаго происхождения и что въ повѣсти его выступаютъ на сцену сверхъестественныя явленія и силы. То была невольная дань, заплаченная вѣку. Только среди этого избраннаго рыцарскаго круга привыкло средневѣковое человѣчество видѣть настоящую жизнь со всеми ея прелестьями — свободой, почетомъ и поэзіей. За предѣлами этой привилегированной, но тѣсно замкнутой области никакая заслуга или талантъ не могли найти себѣ ни нищи, ни признанія, ни награды. Готфридъ тоже долженъ былъ применить къ ней. Но эти удивительныя поединки, великаны, драконы и разныя волшебныя зелья, которые мелькаютъ въ его поэмѣ, не болѣе, какъ условная, общепринятая въ то время литературная форма. Въ сущности же весь строй идей и взглядовъ на жизнь до того чуждъ и даже противоположенъ всемъ основнымъ элементамъ рыцарства, что удивляешься, какъ такой человѣкъ могъ быть современникомъ Вольфрама фонъ-Эшенбаха. вмѣсто породы, силы, отваги, чести, самоотверженія, тщеславія, фанатизма и набожности, — всего того, что составляло сущность идеальнаго рыцарства въ Парсивалевомъ смыслѣ, у Готфрида дѣйствующими пружиными въ жизни является умъ, образованіе, практическая ловкость, полная человѣческая любовь, не платоническая, конечно, но за то простая и искренняя, и — собственный интересъ каждаго. Его герой не чуждъ ни великодушія, ни мужества, ни поэзіи, но главное его оружіе — это глубокое знаніе человѣческаго сердца. И еслибъ мы позволили себѣ такое же преувеличеніе, какое допускаютъ поклонники Вольфрама, называли его предтечею Гёте, то мы бы назвали Готфрида Страсбургскаго Шекспиромъ XIII вѣка. Но мы будемъ осторожнѣе въ сближеніяхъ и повторимъ только, что Тристанъ — человѣкъ новаго времени и понимаетъ любовь и женщину вовсе не такъ, какъ понимаетъ ихъ рыцарь Парсиваль.

Вотъ то замѣчательное мѣсто „Тристана и Изольды“, гдѣ авторъ противопоставляетъ рыцарскую любовь тому идеалу, какой носился въ его собственномъ воображеніи.

„Когда я подумаю, какія чудеса дѣлаетъ любовь, сколько въ ней радостей и счастья, если къ ней относятся искренно, то сердце мое подымается и дѣлается шире, чѣмъ широкій свѣтъ.

„Всѣ мы, живущіе на землѣ, ищемъ и стремимся къ любви, на которой зиждется жизнь, — и однакожь никто не хочетъ признать ея истинныхъ правъ.

„Нѣтъ, любовь не создана такою, какою мы ее сдѣлали, примѣ-

шивая къ ней лживыя побужденія. Съ обманомъ и фальшею въ груди приступаемъ мы къ ней въ надеждѣ найти отраду душѣ и тѣлу. Но она приноситъ намъ только горечи. Мы сѣмъ бурьянъ, а думаемъ собирать розы и лиліи. Такъ въ наши дни обращаемся мы съ любовью, и ничего не находимъ въ ней, кромѣ неудачъ, несчастій и легкомыслія.

„Отъ любви у насъ осталось только слово и имя. Изношенная и поруганная выходитъ она на торжище съ нищенской сумой и съ краденымъ добромъ. Царица людскихъ сердецъ, одно чтò въ нихъ есть чистаго и прекраснаго, она становится обычнымъ товаромъ. Фальшивые монетчины любви, мы, вмѣсто искренняго чувства, носимъ лишь одну его наглую поддѣлку“.

Въ такихъ краскахъ по крайней мѣрѣ, если не въ тѣхъ же самыхъ словахъ является въ устахъ негодующаго поэта знаменитая рыцарская „Minne“, эта любовь самолюбія, тщеславія и парада. Все ея несчастіе, все зло состоитъ въ томъ, что она совершенно лишена всякой правды. Только во взаимной искренности состоитъ истинная любовь, а ея-то и недостаетъ модному рыцарскому культу. При искренности, продолжаетъ Готфридъ, не пужно никакихъ величавыхъ обрядовъ, пышныхъ словъ и вышнихъ эмблемъ и отличій. „Одного взгляда, одной улыбки, посланной отъ любящаго сердца, довольно, чтобъ унять всѣ сомнѣнія и боли“.

И вотъ такую-то простую, естественную, искреннюю любовь рисуетъ намъ поэтъ въ граціозной четѣ Тристана и Изольды. Люди эти принадлежатъ другъ другу по равенству развитія и дарованій, по взаимной симпатіи и влеченію, по никѣмъ непризнанному натуральному праву, тогда какъ социальный законъ раздѣляетъ ихъ неодолимыми преградами. Вѣчная борьба этихъ двухъ силъ, и теперь еще наполняющая общество своими явленіями и жертвами, точно также и тогда волновала грудь человѣка. Готфридъ имѣлъ довольно мужества, чтобы среди XIII вѣка, въ эпоху полнаго господства родовыхъ привилегій и имущественной ленной классификаціи, поднять голосъ въ защиту свободныхъ правъ каждаго человѣческаго сердца.

Средневѣковая Германія, подавленная ленной іерархіей и косвенно протестовавшая противъ нея уже самымъ обычаемъ „дамской службы“, нашла въ этихъ идеяхъ много сочувственнаго и почтила смѣлаго поэта тѣмъ вниманіемъ, о которомъ мы говорили выше.

Нѣмецкіе историки, какъ, на примѣръ, Вильмаръ и Курцъ, не ходятъ довольно негодованія, чтобы заклеить Готфрида Страсбург-

скаго позоромъ, какъ наглаго похитателя священнаго учрежденія брака. Но мы опять повторяемъ, что нисколько не оправдывая цинизма, съ какимъ онъ осмѣиваетъ супружескую жизнь несчастнаго Марке, мы все-таки не должны забывать, что бракъ былъ почти разрушенъ самимъ же рыцарствомъ вслѣдствіе повсемѣстно распространившагося обычая служенія избранной женщинѣ. Готфридъ запятналъ насмѣшкой только уродливую и пустую форму, оставшуюся въ его время отъ брака.

Къ сожалѣнію, не одинъ только смѣлый протестъ Готфрида противъ безобразныхъ супружескихъ отношеній его вѣка доставилъ ему такую широкую популярность. Современники его увлекались, правда, тою исторіей свободнаго сердца, какая олицетворена имъ въ Тристанѣ; но еще болѣе увлекались они заманчивымъ и опоэтизированнымъ материализмомъ, проникающимъ насквозь знаменитое произведеніе. Чувственная страсть достигла здѣсь такой апотеозы и одѣлась въ такія раздражающія краски, что только нынѣшній французскій романъ, во вкусѣ Федо и ему подобныхъ, можетъ стать наравнѣ съ „Тристаномъ“. Рыцарскій міръ заключалъ въ себѣ слишкомъ много элементовъ, причинъ и побужденій къ безнравственности, чтобы не бросаться съ жадностію на подобную поэзію. Общая порча нравовъ, дѣлавшаяся годъ отъ году грубѣе и ярче, находила въ ней желанную пищу и очень скоро переступила за тотъ предѣлъ, на которомъ удержался Готфридъ Страсбургскій. Не далѣе, какъ въ слѣдующемъ за нимъ поколѣніи, мы уже не встрѣчаемъ ни человѣческихъ идей, ни поэтическаго блеска, которыми этотъ писатель умѣлъ возвысить и облагородить чувственность. Даже отъ „дамской службы“, вообще крайне бѣдной нравственнымъ содержаніемъ, но все же возвращавшейся въ приличныхъ и благородныхъ формахъ, въ половинѣ XIII вѣка осталась одна только карриатура. Самый грубый материализмъ беззавѣтно овладѣлъ обществомъ.

Къ этой-то эпохѣ стремглавъ падающаго рыцарства, какъ лучший его образчикъ и представитель, относится образъ Ульриха фонъ-Лихтенштейна.

VI.

Штирійскій рыцарь Ульрихъ фонъ-Лихтенштейнъ жилъ въ половинѣ XIII вѣка и въ свое время хорошо былъ извѣстенъ въ юго-восточной полу-славянскій Германіи. Потомство знаетъ его по очень куріознымъ мемуарамъ, которые онъ оставилъ о своей жизни, или что все равно, о своихъ любовныхъ похожденияхъ, такъ какъ вся жизнь

его протекла почти только въ этихъ занятіяхъ. „Frauendienst“ или дамская служба—такъ называлъ Лихтенштейнъ свою біографію—весьма интересный памятникъ въ своемъ родѣ. Онъ бросаетъ такъ много свѣта на знаменитое рыцарское служеніе дамамъ и заключаетъ столько живописныхъ подробностей вообще о жизни тогдашняго нѣмецкаго рыцарства, что со временъ Бюшинга, его не обходили ни одинъ культурный историкъ средневѣковой Германіи. Конечно, здѣсь живо представлено уже падающее, вырождающееся рыцарство, но все же его картины даютъ возможность дѣлать возвратныя заключенія и о прежнихъ лучшихъ рыцарскихъ поколѣніяхъ, какъ каррикатура часто позволяетъ догадываться объ истинныхъ чертахъ оригинала. Записки Ульриха получаютъ поэтому болѣе общее и важное историческое значеніе, тѣмъ болѣе, что рыцари добрыхъ старыхъ временъ не умѣли намъ ничего передать о своихъ подвигахъ и жизни, и „Frauendienst“ остается единственнымъ полнымъ документомъ подобнаго содержанія. Слѣдимъ, впрочемъ, оговориться и на счетъ Лихтенштейновыхъ „Записокъ“. Называя этимъ именемъ сочиненіе Лихтенштейна, мы не думали сказать, что онъ самъ и „написалъ“ его. Ульрихъ, какъ и всѣ добрые рыцари, незнакомъ былъ съ грамотой и диктовалъ свои воспоминанія такъ же, какъ будучи вмѣстѣ и миннезенгеромъ, диктовалъ онъ и свои пѣсни. То были вѣка, когда такое лицо, какъ Карлъ Великій, уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ безуспѣшно училось писать—tentabat et scribere, какъ говоритъ Эгингардъ,—и когда величайшій эпическій поэтъ средневѣковой Германіи, Вольфрамъ фонъ-Эшенбахъ, былъ, какъ извѣстно, вовсе неграмотенъ. Не смотря на то, Лихтенштейнъ умѣлъ передать намъ свои мемуары съ такою живостію и съ такою неподражаемой наивностію, что нѣтъ никакой возможности заподозрить ни ихъ подлинности, ни ихъ чистосердечія. Мы постараемся какъ можно ближе держаться отличнаго переложенія, сдѣланнаго Тикомъ, и этимъ путемъ познакомить читателя со всеми характернѣйшими ихъ чертами.

Съ первыхъ же строкъ мы слышимъ страстнаго поклонника прекраснаго пола.

„Хоть меня и мало награждали женщины за мою службу,—такъ начинается Ульрихъ свой „Frauendienst“,—все же долженъ сказать я, что въ нихъ все благо и счастье міра. Богъ не создалъ ничего лучше хорошей женщины, и кто опредѣлитъ бы, гдѣ конецъ свѣта, тотъ развѣ указалъ бы предѣлъ ихъ хвалѣ. Чистая, добрая и прекрасная женщина душою и тѣломъ подобна ангеламъ“.

Послѣ такого дифирамба женскимъ прелестямъ, начинается самая исторія.

„Еще мальчикомъ слышалъ я, какъ безпрестанно вокругъ меня говорили о женщинахъ и расточали имъ похвалы, и тогда же рѣшился служить имъ, такъ какъ только ихъ вниманіе можетъ дать человѣку достоинство, отраду и счастье“...

„Сталъ я спрашивать о дамахъ въ нашей сторонѣ; но никого такъ не превозносили, какъ одну. Она была высокорожденная особа, украшенная всѣми достоинствами, хороша, добра, скромна и чиста. Ей рѣшился служить я и служилъ совершенно по-дѣтски. Я цѣловалъ цвѣты, къ которымъ она прикасалась, и украдкой вышпывалъ воду, гдѣ она умывала руки. Я пробылъ при ней пажемъ съ пяти до двѣнадцати лѣтъ“.

„Затѣмъ отецъ отдалъ меня къ Генриху, маркграфу Австрійскому, куда я поступилъ оруженосцемъ. То былъ кроткій, великодушный, умный и отважный государь. Ни о комъ не говорилъ онъ дурно и съ каждымъ прилично умѣлъ обойтись, носилъ Бога въ сердцѣ и былъ вѣренъ въ дружбѣ и любви, а женщинамъ служилъ такъ преданно, какъ только слѣдуетъ рыцарю. Онъ часто говорилъ мнѣ: кто хочетъ жить достойно, долженъ отдать себя женщинѣ. У него выучился я хорошо говорить о дамахъ, ѣздить верхомъ и въ пѣсняхъ слагать сладкія слова“.

Вотъ и все воспитаніе Ульриха. Это, впрочемъ, обыкновенное воспитаніе тогдашняго юношества. Семилѣтняго отрока отдають въ чужой знатный домъ, гдѣ онъ совершенно отвыкаетъ отъ родителей, а родители отъ него. Прекращаются всѣ связи съ семьей, и съ первыхъ же дней жизни вырастаютъ уже будущій поспиратель семейныхъ правъ и семейнаго долга. Какую же цѣну имѣетъ послѣ того вѣжкогда ходячее мнѣніе, что общественный строй среднихъ вѣковъ способствовалъ развитію семейной жизни? „Дворы знатныхъ — говорилъ еще Сентъ-Пале, и съ голоса его повторяли многіе — были прекрасными школами для юношества и вмѣстѣ благотворными заведеніями для бѣднаго рыцарства. Здѣсь получало оно прекрасное наглядное воспитаніе посредствомъ живыхъ примѣровъ, бывшихъ постоянно передъ глазами; здѣсь, въ тѣсномъ домашнемъ кругу, знакомились будущіе супруги, и устанавливалась гармонія связей“. По изъ разказа нашего Лихтенштейна мы уже знаемъ, какіе примѣры были у дѣтей на глазахъ, какими разговорами питалась ихъ любознательность и какого рода связи устанавливались въ замкахъ тогдашней знати. Мальчикъ прово-

днль время въ „вемнатѣ“, по нынѣшнему — въ будуарѣ прекрасной дамы, голова его съ раннихъ поръ наполнялась романтическими бреднями, а когда, съ двѣнадцати, четырнадцати лѣтъ, дѣлался оруженосцемъ (écuyer, Кларре), то кромѣ верховой ѣзды, да рыцарской гимнастики, ни чему не выучивался. А примѣры и разговоры все были тѣ же. Только еще ближе и еще вреднѣе дѣйствовали они на юное воображеніе. Дворъ какого-нибудь всельможи обыкновенно наполнила толпа бѣдныхъ служилыхъ рыцарей-дармоѣдовъ, людей, рѣдко отличавшихся хорошими свойствами рыцарства и чаще всего дурными, и юноша-оруженосецъ, завѣдывая, по обычаю времени, то копышкой, то столомъ, то оружіемъ или другими отдѣлами хозяйства, большею частію вращался въ ихъ кругу. И счастливѣе другихъ былъ тотъ, какъ это, повидимому, случилось и съ Лихтенштейномъ, кто, по крайней мѣрѣ, состоялъ при особѣ самого хозяина замка.

„Умеръ отецъ“, продолжаетъ далѣе нашъ Ульрихъ свой разказъ, коротко и холодно упоминая объ этомъ событіи, и потомъ нигдѣ уже не поминая ни отца, ни матери, а о женѣ и дѣтяхъ говори только вскользь, нѣсколько словъ — „умеръ отецъ, и пріѣхавъ домой, я засталъ въ Штиріи много турнировъ, гдѣ молодые оруженосцы упражнялись въ рыцарствѣ, и я сталъ учиться, подобно имъ. Я думалъ, что если мнѣ суждено заслужить милость моей дамы, то это можетъ случиться только посредствомъ рыцарства, и потому учился много и ревностно. Такъ прошли три года. Наконецъ меня сдѣлали рыцаремъ. Это произошло въ Вѣнѣ, гдѣ, по случаю свадьбы дочери Австрійскаго герцога Леопольда, этотъ благородный князь роздалъ рыцарское достоинство двумъстамъ пятидесяти молодымъ людямъ. Я былъ въ ихъ числѣ. Графы, бароны, служилые рыцари, всѣхъ болѣе тысячи, получили подарки — золотомъ, серебромъ, конями, оружіемъ и платьемъ. Пять тысячъ рыцарей сидѣло за столомъ. Много танцевали, тѣстировали и бугурдировали. Было много дамъ. Была и моя, но я не посмѣлъ сказать ей ни слова, и хотъ мнѣ было это грустно, но я поступилъ такъ для того, чтобъ избѣжать смѣтень. Только одному изъ моихъ друзей сказала она, что рада видѣть меня рыцаремъ. Чтѣ еслибъ она позволила мнѣ служить ей? и эта глупая мечта нравилась мнѣ и внушала мнѣ много гордости“.

По приблизительному разчету, Ульриху должно было быть въ это время около двадцати лѣтъ, а его дамѣ, по крайней мѣрѣ, тридцать пять. При такомъ отношеніи возрастовъ, увлеченія со стороны юноши бывають довольно рѣдки. Но если допустить даже такую возможность,

то нельзя не согласиться, что въ самомъ процессѣ „избранія“ себѣ дамы есть уже что-то напускное и искусственное. Почти очевидно, да въ этомъ мы дальше и убѣдимся, что тутъ главную роль играетъ подражаніе общепринятому обычаю или просто — модѣ. Дама была знатна и высоко поставлена, — и этого было довольно, чтобъ именно на нее обратить виды. Но замѣчательнѣе всего то, что мало по малу Лихтенштейнъ до такой степени успѣлъ убѣдить себя самого въ искренности своихъ чувствъ, что сталъ серьезно разыгрывать влюбленнаго и дѣлать разныя сумасбродства. Посмотримъ теперь, какъ принялся онъ преслѣдовать свою цѣль.

„Пришла зима, говорить онъ, кончились турниры, и я былъ печаленъ. Мои дама была такъ берегаема, что не только нельзя было ее видѣть, но даже не было у меня никого, черезъ кого бы можно было передать ей отъ меня слово. Она и не знала, какъ я горю желаніемъ служить ей. Вотъ поѣхалъ я однажды къ моей двоюродной сестрѣ, бывшей замужемъ въ одномъ сосѣднемъ бургѣ. Та угадала мою страсть, обѣщала хранить мою тайну, помогать сколько можно и если можно, но замѣтила, что она слишкомъ знатна для меня и будетъ сердиться, когда узнаетъ о моей смѣлости. Тогда же сложилъ я, въ честь ея, мою первую пѣсню“.

„Пять недѣль ѣздилъ я потомъ и высматривалъ женщинъ, наконецъ, заѣхалъ къ сестрѣ. Оказалось, что она уже говорила съ ней. Отвѣтъ былъ не изъ поощрительныхъ. — Онъ порядочный человекъ, сказала благородная дама, и былъ у меня пажемъ. Но эту глупость онъ долженъ оставить. Я никогда не приму его услугъ. Это было бы для него слишкомъ много. Да еслибъ онъ даже украшенъ былъ всевозможными доблестями, то ужъ одинъ его отвратительный ротъ способенъ изгнать любовь изъ всякаго женскаго сердца. — Я тутъ же отвѣчала, что велю себѣ обрѣзать губу“.

Герой нашъ, какъ видно, далеко не былъ красавецъ и вдобавокъ на верхней губѣ имѣлъ какой-то наростъ. Но эти природные недостатки не останавливаютъ его искательствъ. Слѣдующей же весной ѣдетъ онъ въ Грацъ, находить тамъ какого-то хирурга и мужественно выдерживаетъ операцію, стоявшую ему шестинедѣльной болѣзни. „Знакомые крестились отъ изумленія, узнавъ о моей рѣшимости“, прибавляетъ онъ наивно.

„Выздоровѣвъ, поѣхалъ я къ сестрѣ и чрезъ нее послалъ моей дамѣ письмо и пѣсню, которую я сложилъ въ честь ея въ Грацѣ. Она отвѣчала, что слѣдующую недѣлю ѣдетъ въ гости и тамъ же-

лаетъ меня увидѣть, чтобы посмотрѣть мой новый ротъ. И, разумѣется, тотчасъ поѣхалъ; но она была такъ окружена, что я не могъ и подойти къ ней. На другой день, однако, я видѣлъ ее въ церкви, гдѣ ея капелланъ служилъ обѣдню. Она мнѣ поклонилась, но не сказала ни слова. На слѣдующій день сестра говоритъ мнѣ: — Ты счастливецъ, она позволила тебѣ говорить съ ней сегодня. — она поѣдетъ верхомъ. — Пять разъ подъѣзжалъ я къ ней, чтобы начать разговоръ, но отъ волненія и страха не могъ говорить. Поблѣднѣю, сконфужусь, и языкъ не ворочается. Наконецъ пріѣхали. Стали снимать дамъ съ лошадей. Подхожу я къ ней. — Вы слишкомъ слабы и нездоровы, чтобы снять меня, сказала она смѣясь, — но когда я помогалъ ей сойти на землю, она выпиннула у меня клочекъ волосъ изъ головы, чего, впрочемъ, никто не видѣлъ. — Это вамъ за то, что вы такой трусъ, — тихо проговорила она, уходя. Только на другой день, когда она опять ѣхала верхомъ, я, больной и убитый, рѣшился сказать ей, сколько ее люблю и какъ желалъ бы быть ея рыцаремъ. — Позвольте мнѣ служить вамъ, никогда въ жизни не пріобрѣту я ничего прекраснѣе вашей милой особы. — Молчите и уѣзжайте прочь, отвѣчала она, — видите, какъ за мной наблюдаютъ. Плохо пришлось бы вамъ, если бы кто услышалъ ваши слова. — И затѣмъ, подзвавши къ себѣ другихъ вавалеровъ, она поѣхала рядомъ съ ними“.

Слѣшимъ замѣтить, что мы значительно смягчили послѣднюю сцену, и что въ подлинникѣ она гораздо грубѣе и выразительнѣе. Но даже и въ такомъ видѣ разговоръ, приведенный выше, позволяетъ ясно догадываться, какой характеръ имѣло искательство нашего героя и что разумѣли въ то время подъ именемъ служенія дамъ. Ульрихъ цѣлые годы добивается случая объясниться съ владычицей своего сердца, и когда, наконецъ, его находятъ, то первыя слова, обращенныя къ ней, суть слова оскорбленія ея женственности и чести. А то обстоятельство, что дама, не питавшая къ нему никакого расположенія, не только не раздражается противъ него перодованіемъ, но еще заботится о его безопасности, не доказываетъ ли также, что подобныя объясненія были тогда слишкомъ знакомымъ и привычнымъ явленіемъ даже для аристократовъ самаго высокаго помета?

„Все лѣто я турнировалъ очень удачно; продолжаетъ нашъ авторъ, и мнѣ удалось свалить съ коня очень извѣстнаго рыцаря. Но я не стану себя хвалить. Когда же пришла зима, я сочинилъ книжечку и переслалъ ее черезъ сестру моей дамѣ. Посланному велѣно было сказать ей, что это молитва, которую она должна прочесть ночью. На

другой день она отдала книжечку посланцу, сказавши, что не желаетъ ее удерживать. Но сестра тотчасъ же нашла тамъ отвѣтъ и передала мнѣ. Къ несчастію, моего писца не было дома, и цѣлые десять дней письмо оставалось нечитаннымъ. Наконецъ, онъ явился. Смысль отвѣта былъ тотъ, что кто желаетъ, чего не долженъ, тотъ только себѣ вредить. Что жь, сказала я себѣ, я долженъ съ благодарностію принимать все отъ моей дамы, и пусть только пройдетъ зима, я опять чѣмъ-нибудь стану служить ей“.

Все это такія интересныя черты времени, которыя не требуютъ комментаріевъ. Но мы не можемъ не обратить вниманія читателя на то, что въ интригу введено третье лицо, вѣроятно, одинъ изъ тѣхъ грамотѣвъ-жонглѣровъ, которые обыкновенно служили довѣренными посредниками между рыцарями и ихъ красавицами, писали для нихъ письма и речитировали передъ дамами, при звукахъ какого-нибудь струннаго инструмента, пѣсни, сложенныя ихъ обожателями. То былъ, конечно, общій обычай, условливавшійся неграмотностію самихъ героев. Но тѣмъ не менѣе, вторженіе подобныхъ лицъ, часто сомнительнаго поведенія и продажной честности, въ сферу интимныхъ и сердечныхъ отношеній должно было сообщать имъ еще болѣе грубый и нѣсколько площадной характеръ. Съ другой стороны, читатель, безъ сомнѣнія, замѣтитъ также, какова была грамотность времени, когда сторающій истерпѣніемъ любовникъ, въ теченіе десяти дней не можетъ найти никого, кто бы сумѣлъ прочесть ему письмо обожаемой женщины.

Слѣдуетъ затѣмъ тоже весьма любопытное описаніе Фризахскаго турнира, куда съѣхалось множество князей, бароновъ и служилыхъ рыцарей, всего шестьсотъ человекъ подъ щитомъ. Явилось и духовенство, такъ какъ настоящею цѣлью собранія было примиреніе маркграфа Австрійскаго Генриха съ герцогомъ Каринтійскимъ. Посредникомъ явился герцогъ Австрійскій Леопольдъ. При каждомъ изъ князей, разумѣется, громадная свита. Такъ составилъ великолѣпный турниръ, гдѣ переломали четыре тысячи коневъ и гдѣ сто пятьдесятъ рыцарей лишились своихъ коней. Прелаты, однако, стали роптать, что они тратятъ здѣсь время на пустыя и проживаются бесполезно; поэтому забава продолжалась только три дня, и рыцари, которые всю ночь проводили безъ сна, какъ соколы, ожидая наступающаго утра, чтобы выѣхать въ поле, очень жаловались на такое короткое наслажденіе. А въ чемъ именно состояло это наслажденіе, это лучше всего разкажетъ самъ Лихтенштейнъ, съ величайшими подробностями и съ видимымъ восторгомъ описывающій всѣ турниры, гдѣ ему приходи-

лось участвовать. Разумѣется, что наибольшимъ его сочувствіемъ пользуются тѣ, кто сражался „ради женщинъ“, въ честь своихъ дамъ, тогда какъ турнировавшіе съ тѣмъ, чтобы завладѣть конемъ побѣжденнаго противника, или, взявъ его въ плѣнъ, потребовать выкупъ, въ его глазахъ, какъ и въ общественномъ уваженіи, стоятъ на второмъ планѣ.

„Подъ моимъ щитомъ, разказываетъ онъ съ гордостью, стояло тридцать шесть рыцарей, и всѣ они сражались ради дамъ. Но было много и такихъ, которые искали наживы; другіе дрались просто изъ рыцарской охоты, или для того, чтобы учиться. Уже лежали многіе безъ чувствъ на землѣ, кто потерялъ коня, кто оружіе, и каждый порывилъ какъ бы свалить своего противника, когда и я показался въ полѣ въ сопровожденіи моихъ двѣнадцати оруженосцевъ. Мы всѣ были въ зеленомъ, и насъ никто не узналъ. Тридцать копьевъ переломилъ я въ тотъ день съ разными рыцарями. Но съ однимъ былъ по истинѣ славный тѣстоъ. Я взялъ коня въ шпоры, и мы слетѣлись, колынами задѣли другъ друга, копыла наши растрескались въ щепы, наши щиты свернулись. *Spreere, spreere her!* Намъ подали новыя копыла, и мы опять помчались на ветрѣчу, и я сбилъ ему шлемъ съ головы“.

Не забудемъ, что записки свои Лихтенштейнъ писалъ уже въ позднихъ лѣтахъ, и судя по одушевленію и живости, съ какими разказываетъ онъ о своихъ рыцарскихъ походахъ, можно судить, какъ дороги были для него эти воспоминанія. Видно, что въ этомъ весь интересъ жизни человѣка. Мы продолжаемъ.

„Сестра послала сказать ей, что во Фризахъ я былъ первымъ и переломалъ сто копьевъ для славы ея имени. И когда она не повѣрила, я снова сталъ ѣздить по турнирамъ, тратилъ мое состояніе и рисковалъ моею жизнью, только бы заслужить ея вниманіе, — и такъ протурнировалъ я все лѣто, какъ слѣдуетъ доброму рыцарю, добивающемуся высокой награды отъ своей дамы“.

„Вотъ и опять зима, а успѣха все никакого. Сестра отказалась отъ посредничества, потому что возникли уже подозрѣнія. Я долженъ былъ искать другаго посланца, но долго не могъ найти. На весну опять турниры, — въ Триестѣ, въ Бриксенѣ, въ Воценѣ. Я отличался вездѣ, но въ Мурре мнѣ отпибли палецъ копьемъ. Врачъ дурно пользовалъ, рана сдѣлалась черною, и я сильно страдалъ, но еще больше мучился изъ-за нея“.

„Наконецъ, нашелъ я вѣрнаго оруженосца и послалъ его къ ней. Тотъ сталъ говорить ей: — Ваши милыя прелести для него рай и небесная часть сxxxvi.

ное царство. Изъ-за нихъ отказался бы онъ и отъ Граля, который Парсиваль добылъ такими великими рыцарскими трудами. — А она въ отвѣтъ: — Пусть онъ оставитъ эти глупости. Я буду старуха, а все-таки никогда не узнаю, что они тамъ называютъ тайной любовью. Такого сумасбродства я никогда не сдѣлаю, чтобы принять его услуги и уронить мою честь. — Затѣмъ, прочла мои новыя пѣсни и сказала: — Онъ глупъ. Чего онъ добивается, того и королю было бы слишкомъ много. Еще не родился тотъ человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ знатенъ и знаменитъ, который оскорбилъ бы меня такими притязаніями“.

„Нечего было дѣлать, поѣхалъ я на зиму въ Римъ и пробылъ тамъ два мѣсяца. Когда же весной воротился въ Штирію, то засталъ тамъ много турнировъ и снова надѣлъ шлемъ въ честь моей дамы. Палець зажилъ, но остался кривой. Разъ она сказала моему посланцу: — Онъ жжетъ, будто потерялъ палець ради меня. — Тогда я попросилъ одного товарища отрубить мнѣ этотъ палець, и вмѣстѣ съ прекрасной книжечкой, сочиненной по этому случаю, отослалъ его моей дамѣ. Когда она увидѣла посылку, то сказала: — Такой глупости я еще не предполагала въ немъ. Чтобы разумный человѣкъ могъ сдѣлать что-нибудь подобное! Мнѣ жаль пальца не изъ любви къ нему, а только потому, что онъ увѣряетъ, будто потерялъ его изъ-за меня. Но это все-таки ни къ чему не ведетъ, и его дѣла оттого не подвинулись ни на волосъ. Еслибъ онъ мнѣ служилъ и тысячу лѣтъ, все-таки его труды были бы потеряны. Но палець я сохраню въ моей шкатулкѣ. — Я очень обрадовался узнавъ, что она сберегла мой палець. Все-таки она должна теперь обо мнѣ думать“.

Вотъ до какого дикаго сумасбродства дошло уже рыцарское служеніе въ лицѣ Лихтенштейна. Провансальскіе трубадуры, какъ извѣстно, виртуозы этого искусства. Они тоже удивили міръ разными куріозами галантерейной практики. Фанатики, подобныя Пьеръ-Видалю, одѣвались въ волчьи шкуры въ честь своихъ дамъ и творили тоже подобныя глупости. Но до самоистязанія дѣло тамъ не доходило. Лихтенштейнъ превзошелъ всѣхъ своихъ современниковъ и достигъ той черты, дальше которой любовная служба не пошла въ своемъ развитіи. Въ уродливомъ порожденіи вѣка онъ дошелъ до послѣдняго предѣла уродливости, и въ этомъ смыслѣ, какъ типъ цѣлаго порядка неизмѣнныхъ явленій, имѣетъ право на мѣсто въ исторіи.

Что касается самого разказа, приведеннаго выше, то не знаешь, чему болѣе удивляться въ немъ — наивности ли, съ какою онъ самъ разказываетъ о своихъ дурачествахъ, или той необыкновенной важ-

ности, какую онъ имъ приписываетъ. И это очень замѣчательная черта, что герой нашъ продѣлываетъ всѣ свои подвиги въ этомъ родѣ съ такою серіозностію и съ такимъ искреннимъ убѣжденіемъ, какъ будто бы совершаетъ великое дѣло жизни. Но еще характеристичнѣе поведение его дамы. Мы не знаемъ, кто она: хотя Ульрихъ былъ уже съ ней въ открытой ссорѣ, когда писалъ свои мемуары, но, какъ подобаетъ рыцарю, нигдѣ не упоминаетъ ея имени. Но очевидно, что это какая-то очень разумная женщина. Она отлично понимаетъ и сумасбродство своего поклонника и даже нелѣпность самого обычая любовнаго служенія. Знатная, богатая, почти уже пожилая и замужняя, она, очевидно, слишкомъ цѣнитъ свой семейный долгъ и свое высокое положеніе общественное, чтобы спуститься къ какому-то пошлomu искательству. Лично Лихтенштейна она не только не любитъ, но даже не питаетъ къ нему и простаго расположенія. Она просто смотритъ на него снисходительно, сначала — какъ на ребенка, бывшаго когда-то на ея попеченіи, а потомъ — какъ на потерявшаго голову безумца. И однакожь, не смотря на все это, она съ нимъ кокетничаетъ, дразнить его, допускаетъ отъ него тайныя посольства и письма и даже удостоиваетъ ихъ отвѣтами. Ей какъ будто нравится вся эта процедура рыцарскаго ухаживанья, или по крайней мѣрѣ, она не можетъ, не считаетъ себя въ правѣ не допустить того, чего требуетъ повсемѣстный обычай вѣка, — лучшее доказательство, какъ трудно было, при подобномъ порядкѣ вещей и среди такого общества, даже для самыхъ лучшихъ женщинъ сохранить свою нравственную и семейную чистоту. Но дальше это будетъ видно еще яснѣе.

Но, можетъ-быть, намъ скажутъ, что по Лихтенштейну нельзя еще дѣлать общихъ заключеній, что это былъ чужакъ и оригиналь, какихъ всегда и вездѣ было много, и что несправедливо было бы приписывать цѣлому обществу его личные странности. Нѣтъ, человекъ этотъ пользовался сочувствіемъ огромнаго большинства и составлялъ предметъ удивленія для своихъ современниковъ. Въ томъ-то и вся важность, весь интересъ исторіи Ульриха, что онъ не былъ одиноко стоящимъ явленіемъ и что вѣкъ былъ очевидно на его сторонѣ. Ни изъ чего это такъ ясно не замѣтно, какъ изъ знаменитаго аллегорическаго путешествія, которое онъ вскорѣ предпринялъ по Германіи въ честь своей дамы. Надо читать въ его запискахъ, съ какими симпатіями и почестями повсюду его встрѣчали, чтобъ убѣдиться, что это былъ дѣйствительно герой своего времени. Вотъ его разказъ.

„Я рѣшилъ слѣдующей весной предпринять рыцарское путешествіе

отъ береговъ Адриатическаго моря до Богеміи въ костюмѣ богини Венеры, съ тѣмъ что каждый рыцарь, который со мною сразится въ честь своей красавицы, получить отъ меня золотое кольцо. Послалъ спросить ее, и она нашла, что путешествіе хорошо придумано и можетъ принести мнѣ славу. Тогда, подъ видомъ пилигрима, отправился я тайно въ Венецію, и здѣсь стали мнѣ готовить женскіе наряды: двѣнадцать платьевъ, тридцать рубашекъ и рукавичковъ, двѣ косы съ жемчугомъ, три бѣлыхъ бархатныхъ плаща, серебряное сѣдло и сбрую. Двѣнадцать оруженосцевъ были одѣты столь же роскошно. Затѣмъ, ко дню св. Георгія, разослалъ я съ герольдами пригласительную грамоту, гдѣ говорилось, что славная царица Венера призываетъ всѣхъ рыцарей Ломбардіи, Фріуля, Каринтіи, Штирії, Австріи и Богеміи помѣриться съ ней въ честномъ бою. Кто свалитъ ее на землю, тотъ получитъ всѣхъ ея боевыхъ коней, а кого — она, тотъ долженъ поклониться на всѣ четыре стороны въ честь дамъ. Къ грамотѣ приложенъ былъ подробный маршрутъ, гдѣ въ какой день я буду. Все путешествіе должно продолжаться три недѣли, по истеченіи которыхъ — большой турниръ въ Нейенбургѣ. Тронулся я въ путь съ блестящимъ церемоніаломъ. Впереди ѣхалъ маршалъ съ поварами и прислугой. Затѣмъ слѣдовало мое знамя и при немъ трубачи. Далѣе вели моихъ боевыхъ коней въ бѣлыхъ чепракахъ и серебряной сбруѣ. Множество оруженосцевъ и конюховъ находились при нихъ. Шли музыканты съ бубнами, ѣхали скрипачи и двѣ нарядныя дѣвушки, одѣтыя въ бѣломъ. Наконецъ, ѣхалъ я самъ въ бѣломъ бархатномъ плащѣ съ двумя черными косами съ перьями и жемчугомъ. За мною — толпа любопытныхъ“.

„Первый мой дебютъ былъ въ Тревизѣ, куда съѣхалось до пятидесяти рыцарей. Но мѣстный подеста запретилъ намъ забаву. Я не такъ глупъ, говорилъ онъ, чтобы дозволить нелѣпость. Однако, дамы стали его упрашивать, и въ угоду имъ, онъ разрѣшилъ только два копыя. Около двухъ сотъ дамъ явилось у моей гостиницы узнать, когда я пойду въ церковь, чтобы посмотрѣть на меня. Въ церковь вела меня одна графиня, почтительно поддерживая мою мантию. Мнѣ принесли подъ ноги богатый коверъ, и всѣ усердно просили Бога благословить мое предпріятіе. Оттого вѣрно оно и удалось такъ успѣшно, потому что Богъ ни въ чемъ не можетъ отказать хорошей женщинѣ. Когда же кончилась месса, та же графиня публично поцѣловала меня, сказавши, что это мнѣ привѣтствіе отъ всѣхъ дамъ. Разумѣется, я очень былъ гордъ всѣмъ этимъ вниманіемъ“.

„На дорогѣ въ Фельдкирхенъ меня встрѣтила очень красивая дѣвушка верхомъ и въ рыцарскомъ костюмѣ. Баронъ Матіе выслалъ ее мнѣ на встрѣчу съ любезнымъ привѣтствіемъ и приглашеніями. А прибывъ въ городъ, послѣ обычныхъ тѣстовъ, я смотрѣлъ изъ гостиницы, какъ въ честь мою рыцари бугурдировали передъ моими окнами“.

„Были и завистники. Такъ, одинъ рыцарь, въ костюмѣ монаха, непременно хотѣлъ свалить меня съ лошади. Но меня предупредили, и я такъ ловко угостилъ его, что онъ безъ чувствъ полетѣлъ на земь. Надъ нимъ много потомъ смѣялись. Это случилось во Фризахѣ“.

„Въ Нейштадтѣ, послѣ турнира отправился я туда, гдѣ была моя милая жена. Она встрѣтила меня очень дружески и радовалась, что я къ ней пріѣхалъ. Съ ней я пробылъ три дня“.

Тутъ только съ изумленіемъ узнаемъ мы, что герой нашъ женатъ. Но изумленіе дѣлается еще большимъ, когда мы видимъ, что рыцарскіе подвиги, предпріятыя мужемъ въ честь чужой обожаемой имъ дамы, повидимому нисколько не оскорбляютъ жену. Супруги встрѣчаются дружески какъ ни въ чемъ не бывало, и никакая тѣнь не нарушаетъ ихъ добраго согласія. Въ одномъ мѣстѣ мемуаровъ Ульрихъ говоритъ даже, что онъ очень любилъ жену, хотъ и посвятилъ себя служенію другой женщинѣ. И такъ какъ жена тоже находила это служеніе совершенно естественнымъ и обыкновеннымъ, то теперь уже вполне очевидно, что весь этотъ Frauendienst былъ просто какой-то напускной чадъ, установившаяся мода, которой одинаково покорялись мужчины и женщины, мужья и жены, и которая иногда не нарушала даже обыкновенныхъ супружескихъ отношеній. Все же нельзя не видѣть, что бракъ и семейныя обязанности отодвигались ею далеко на задній планъ. Семья была для сибарита-рыцаря слишкомъ мелкая и скучная сфера домашнихъ дразгъ и житейскихъ хлопотъ, а онъ искалъ болѣе высокихъ и болѣе трудныхъ наслажденій. Какой грубый эгоизмъ лежалъ, послѣ этого, въ основаніи всего рыцарскаго воззрѣнія на жизнь и на женщину въ особенности! Какой-нибудь Лихтенштейнъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ совѣсти тратитъ дѣдовское состояніе и разоряетъ своихъ дѣтей, — потому что вѣдь эти турниры, путешествія и наряды стоили большихъ денегъ, — не подозрѣвая даже, что тутъ есть что-нибудь противное долгу. Пренебреженная жена, обнищавшее семейство, единственно ради личнаго тщеславія и удовлетворенной прихоти — все это, въ его глазахъ, совершенно натуральныя порядки вещей. Да и какъ ему не убѣдиться въ томъ, когда обще-

ство встрѣчаетъ его съ такими оваціями. И чѣмъ дальше ѣдетъ онъ по Германіи въ своемъ дорогомъ театральномъ костюмѣ, тѣмъ все сильнѣе и больше обнаруживается общее къ нему сочувствіе. Въ Тревизиѣ, правда, нашелся одинъ умный Итальянецъ, посмотрѣвшій на всю эту затѣю, какъ на нелѣпость, въ другихъ городахъ кое-кто посмѣивается изподтишка. Но это одинокіе голоса, теряющіеся въ хорѣ общаго удивленія.

Нашъ путешественникъ описываетъ далѣе свои триумфы.

„Въ Нейштадтѣ, когда я, послѣ турнира, сидѣлъ въ ваннѣ одинъ, вошелъ ко мнѣ въ комнату незнакомый оруженосецъ, разостлалъ передъ ванной коверъ и положилъ на немъ богатый и красивый женскій нарядъ, письмо и золотое кольцо съ рубинами. Напрасно я сердился и говорилъ, что не приму ничего этого. вмѣсто отвѣта, явились еще два оруженосца съ корзинками свѣжихъ розъ, и уснававъ меня всего пахучими листьями, молча, ушли. Въ безыменномъ письмѣ были очень лестные для меня стихи“.

„Въ томъ же городѣ славный рыцарь Вольфнеръ фонъ-Горсъ просилъ у меня чести занять должность моего камергера, а благородный Регенбургскій домфогтъ Готфридъ фонъ-Доценбахъ — маршала, что было для меня чрезвычайно лестно. Знатные люди эти потому сопровождали меня всюду“.

„Подъ Вѣной встрѣтилъ меня мой посланецъ, заплѣлъ, подѣзжая, условную шѣнку, и отозвавъ меня въ сторону, сказалъ: Становитесь скорѣй на колѣни. Я повиновался. Ваша дама, продолжалъ онъ, приказала сказать вамъ, что она рада вашимъ успѣхамъ и считаетъ ихъ за великую для себя честь. Она присылаетъ вамъ кольцо, которое десять лѣтъ носила на своемъ пальцѣ. И я съ восторгомъ цѣловалъ этотъ клейнодъ“.

„Въ Вѣну въѣхалъ я въ сопровожденіи восьмидесяти рыцарей и огромной, блестящей свиты. Торжественная встрѣча ожидала меня въ городѣ. Играла музыка, народъ толпился по улицамъ, изъ оконъ вездѣ смотрѣли дамы въ нарядныхъ платьяхъ. Передъ гостинницей, гдѣ я помѣстился, пріѣхавъ, бугурдировало въ тотъ вечеръ множество рыцарей“.

„Я такъ былъ радъ, что она, наконецъ, приняла меня въ свои рыцари, что только и мечталъ о томъ, что бы еще сдѣлать въ угоду ей. Въ Нейенбургѣ турниръ будетъ парадный, пятьдесятъ рыцарей должны сражаться тамъ подъ моимъ щитомъ. Это стоитъ очень дорого, но я мало объ этомъ думаю“.

„Утромъ, на другой день, какъ водится, я отправился къ обѣднѣ. Сто шестьдесятъ рыцарей, пышно разряженныхъ, сопровождали меня и пѣли пѣсни. Громадная толпа валила за нами, когда мы медленно ѣхали по улицамъ, а изъ оконъ вездѣ смотрѣли разодѣтыя дамы. Въ тотъ день я израсходовалъ на турниръ тридцать четыре копья“.

„Въ Нейенбургѣ за Дунаемъ меня опять ожидали въ полѣ двѣсти шестьдесятъ рыцарей. Я тѣостировалъ до вечера и переломалъ опять сорокъ копьевъ“.

„Всего, въ теченіе этого путешествія, я переломалъ триста семь копьевъ, роздалъ сто семьдесятъ одно золотое кольцо и свалилъ четырехъ рыцарей. Никогда еще не бывало такихъ знаменитыхъ рыцарскихъ подвиговъ. Широкая слава уже идетъ о нихъ по свѣту, многіе мнѣ завидуютъ. Даже въ будущія времена станутъ говорить о нихъ“.

Такъ герой нашъ добился, наконецъ, формальнаго принятія въ рыцари обожаемой дамы. Полученное кольцо было принятымъ въ то время условнымъ знакомъ признаннаго и дозволеннаго служенія. Какъ ни противенъ, повидимому, былъ ей этотъ рыцарь своею личностію, но противъ такихъ жертвъ и подвиговъ, совершенныхъ въ честь ея имени, она устоять не могла. Свѣтъ прокричалъ бы ее безчувственной и несправедливой, еслибъ она отказала ему въ такъ тяжко заслуженной наградѣ. Уступая, такъ-сказать, этому давленію, она „формально“ дѣлаетъ его своимъ рыцаремъ. Сердце ея не лежитъ къ нему, но, повинувшись обычаю, она разыгрываетъ даже любовь. Ульрихъ получаетъ всѣ вышніе ея знаки, за исключеніемъ того, чего онъ больше всего добивается, то-есть, обладанія своею дамою. Комедія начинается со сцены искусственной ревности. Вскорѣ послѣ Нейенбургскаго турнира получаетъ нашъ Лихтенштейнъ приказаніе отъ своей дамы возвратить ей кольцо, такъ какъ она слышала, будто онъ измѣнилъ ей. При такомъ извѣстіи съ несчастнымъ происходитъ цѣлый припадокъ отчаянія. Онъ рветъ на себѣ волосы, онъ рыдаетъ, какъ дитя, кровь бросается у него изъ носу и изъ горла. Домфогтъ, видя его горе, тоже начинаетъ плакать, а какой-то рыцарь фонъ-Вассербергъ, тутъ случившійся, становится даже на колѣни и благодаритъ Пибеса, что они позволили ему хоть разъ въ жизни видѣть такую любовь. Наконецъ, друзья успѣваютъ нѣсколько успокоить Ульриха тѣмъ, что вѣроятно она хотѣла только испытать его. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней оказывается, что это было точно испытаніе. Дама не только на него не сердится, но даже назначаетъ ему свиданіе. Въ

слѣдующее воскресеніе онъ долженъ явиться подъ видомъ нищаго къ воротамъ ея замка и ждать тамъ ея приказаній. „Только скажите ему, прибавляла дама, пусть онъ не воображаетъ, что его тутъ ожидаетъ любовь. Я просто хочу дружески просить его, чтобъ онъ меня оставилъ въ покоѣ“. Но герой нашъ, повидимому, считаетъ эту оговорку пустою формальностію и загоняетъ нѣсколько лучшихъ своихъ лошадей, чтобъ успѣть къ назначенному времени.

„Со мной, разказываетъ онъ, былъ только мой вѣрный оруженосецъ. Въ воскресеніе мы пересѣлись нищими и рано явились передъ воротами бурга, гдѣ уже до тридцати оборванныхъ и голодныхъ калѣкъ ожидали обычнаго подаанія. Мы сѣли между этой сволочью на травѣ и стали ждать. Вотъ нищіе разказываютъ, что госпожа больна, и какъ слышно, сама не выйдетъ, но намъ совѣтуютъ все-таки постучать въ ворота, какъ это всегда дѣлаютъ бѣдные люди. Я постучался и жалобнымъ голосомъ сталъ просить хлѣба. На голосъ мой, вышла горничная дѣвушка, начала раздавать нищимъ нищу и пфениги и, проходя мимо насъ, потихоньку сказала: Приходите поздно вечеромъ, а теперь скройтесь; вы не похожи на того, кто ломаетъ копы въ честь своихъ дамъ. И точно, я былъ неузнаваемъ. Я вымалазала себѣ лицо, натеръ опухоль на щекѣ, а волосы сдѣлать сѣдыми. Теперь это было бы не нужно; я и безъ того сѣдъ, хоть и не такъ еще старъ. Но неблагодарная мина и вѣроломство друзей прежде времени состарили меня. Вечеромъ намъ сказали, что сегодня нельзя и чтобъ мы приходили завтра. Ночь я провелъ во ржи. Былъ страшный холодъ и дождь, и я страшно продрогъ. На другое утро — та же исторія. Намъ велеть придти вечеромъ, и скрывшись во рву, наблюдать, когда въ окнѣ появится свѣтъ“.

Мы не рѣшаемся далѣе передавать до-словно разказъ Лихтенштейна. Въ немъ столько смѣшнаго въ фактѣ и гомерически грубаго въ выраженіяхъ, что буквальная передача дѣлается почти невозможною. Скажемъ только, что очутившись въ „кеменатѣ“ своей богини, Ульрихъ засталъ ее окруженною множествомъ придверныхъ дамъ и женской прислуги. Сто свѣтильниковъ горѣло по стѣнамъ. У ногъ ея стояли два великолѣпные канделябра. „Я позволила вамъ сюда явиться, сказала она, чтобы сдѣлать вамъ честь за вашу службу. Вы не должны ожидать ничего болѣе. Вы видите, какъ я васъ принимаю. Мой мужъ и господинъ можетъ быть совершенно покоенъ. Мой собственный долгъ лучшая мнѣ охрана, и я не пожертвую имъ ни для кого“. Другихъ рѣчей не могъ онъ отъ нея добиться въ тотъ вечеръ. И

когда его отчаяніе стало переходить границы, герои нашего хитростию спустили по тѣмъ же самымъ веревкамъ, по которымъ онъ взобрался въ завѣтное окно.

Что значитъ вся эта сцена? Насмѣшка, или шутка? — Не можетъ быть. Женщина не станетъ такъ рисковать собой ради какой-нибудь фантастической прихоти посмѣяться, особенно женщина ея лѣтъ и ея положенія. Очевидно, это — формальное исполненіе одной изъ тѣхъ безправственныхъ привилегій, изъ которыхъ состояла вся „дамская служба“. Чувствуя себя не въ силахъ, по своимъ убѣжденіямъ, или по направленію своего сердца, предаться своему рыцарю, какъ того требовалъ обычай времени, его дама сочла однакожь себя обязанною вознаградить его труды и жертвы, исполнивъ, въ отношеніи къ нему, всѣ внѣшнія формы и ступени тогдашней галантеріи. Но много ли было такихъ дамъ, какъ Лихтенштейнова Неггин? Мы слишкомъ хорошо знаемъ, къ сожалѣнію, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ дѣло не ограничивалось однѣми формальностями. Но, еслибы даже предположить, что противорѣчило бы всякой исторической истинѣ, что отношенія между рыцаремъ и дамой носили обыкновенно только такой обрядный характеръ, сколько щекотливаго для женственности и оскорбительнаго для нравственнаго чувства заключали бы они даже и въ такомъ видѣ?

Дальнѣйшая исторія Лихтенштейна представляетъ уже мало поучительнаго и интереснаго. Это безконечныя варіаціи все одного и того же мотива любовной службы, и новаго мы встрѣчаемъ тутъ очень немного. Мы ограничимся поэтому только немногими чертами, тѣмъ болѣе, что и самъ авторъ уже не такъ подробно распространяется о своихъ послѣдующихъ отношеніяхъ къ дамѣ своего сердца. Ясно только одно, что ей, наконецъ, надоѣло это непрошенное поклоненіе назойливаго сумасброда, и она стала серьезно думать, какъ бы отъ него отдѣлаться разъ на всегда. Такъ, она сначала предложила ему отправиться въ крестовый походъ, обѣщая, въ случаѣ счастливаго возвращенія, свою полную любовь. Къ такому средству часто прибѣгали дамы того времени, чтобъ избавиться отъ слишкомъ докучливыхъ обожателей, и надо читать дошедшія до насъ писма крестовыхъ рыцарей, чтобы видѣть, съ какой неохотой и грустью шли они за море. Большая часть смотрѣла на дѣло, считавшесся святымъ, какъ на тяжкое лишеніе и эпитимію, и только немногіе были проникнуты тѣмъ религіознымъ энтузіазмомъ, какой мы привыкли обыкновенно представлять себѣ при имени Крестовыхъ походовъ. Что ка-

сается Лихтенштейна, то сначала онъ горячо схватился за эту идею. „Богъ не оставитъ и защититъ меня, восклицалъ онъ, воспламеняясь своимъ легкимъ восторгомъ, — вѣдь это Его воля, чтобъ мы всей душой служили и угождали женщинамъ!“ Но потомъ сталъ, по своему обыкновенію, шляться по турнирамъ, чтобы высматривать дамъ, по совѣтовался, поговорилъ съ друзьями, — и дѣло о поѣздкѣ за море какъ-то замялось. Тогда, видя неудачу такого манѣвра, дама попросила его какъ можно рѣже присылать къ ней гонцевъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что возникли подозрѣнія. Но когда и это не помогло, и Ульрихъ все-таки продолжалъ свои домогательства, она вышла, видно, изъ себя, потеряла всякое терпѣніе и сдѣлала съ нимъ что-то такое ужасное, что онъ не рѣшается даже сказать, что именно. „Я и теперь еще не могу вспомнить объ этомъ безъ скорби, шепчетъ онъ, но приличіе не позволяетъ мнѣ даже назвать такой поступокъ“. Хороша, видно, была продѣлка, если и Лихтенштейнъ, нисколько не стѣсняясь въ выраженіяхъ, отказывается разказать ее. Все это было какъ нельзя болѣе въ нравахъ вѣка. По средству, на этотъ разъ, должно быть, радикальное, помогло: герой нашъ сталъ писать противъ своей дамы злобные стихи, и наконецъ, отказалъ ей въ своей службѣ. Долго, однако, безъ дѣла оставаться онъ не могъ. Для такого человѣка жизнь была не въ жизнь безъ дамской службы. „Мнѣ скучно стало безъ дамы, шепчетъ онъ, — человѣкъ, который не служитъ дамѣ, не имѣетъ никакого достоинства, — я сталъ оглядываться, и наконецъ, нашелъ одну, украшенную многими достоинствами. Я предложилъ ей свои услуги, и она приняла ихъ“. На этотъ разъ искатель нашъ былъ, кажется, счастливѣе. „Я умолчу о томъ, что она для меня сдѣлала, говорить онъ таинственно, скажу только, что вѣчно ей буду признателенъ и никогда не перестану прославлять ея имя“. Ради нея предпринялъ онъ даже новое рыцарское путешествіе по Германіи, на этотъ разъ уже въ образѣ короля Артуса, въ сопровожденіи Ланселота, Ивейна, Гавана, Тристана, Парсиваля и всѣхъ рыцарей Круглаго стола; но это, конечно, была уже копія прескнаго триумфальнаго шествія царицы Венеры, хотя встрѣчали его и теперь съ такимъ же энтузіазмомъ.

Неизвѣстно, какъ долго продолжались бы эти похождения неугоднаго Ульриха, если бы неожиданныя событія не измѣнили разомъ положенія всего края и не отразились также и на его собственной судьбѣ. Въ 1246 году убитъ былъ герцогъ австрійскій Фридрихъ Браунлобный въ сраженіи съ Венграми на Лейтѣ. Съ нимъ кончилось блестящее время миннезенгерства и миннерыцарства въ юго-восточ-

ной Германіи. Утонченныя жизнь и придворный обычай, находившіе пріютъ при дворѣ этого роскошнаго государя, упали. Большіе безпорядки въ Австріи и Штирії возникли послѣ его смерти. Богатые и сильные грабили бѣдныхъ, разбойники загнѣздились по лѣсамъ и недоступнымъ горнымъ вершинамъ, управы не было. День и ночь слышались вопли раззоренныхъ крестьянъ; даже въ крѣпкихъ бургахъ не было безопасности, и самъ Лихтенштейнъ сдѣлался жертвою грабежа и разбоя. Два вѣроломныхъ пріятеля напали ночью на его замокъ Фрауенбургъ, расхитили все имущество, двухъ сыновей его взяли въ заложники, а самого его изранили и заковали въ цѣпи. Потомъ онъ кое-какъ выпутался изъ бѣды, благодаря заступничеству императорскаго намѣстника и великодушной помощи своей дамы, но однако потерялъ большую часть своего состоянія.

Но не въ одной Австріи происходили такія грустныя перемѣны. Въ другихъ частяхъ Германіи и Европы, почти одновременно, совершился рядъ событій, неблагоприятныхъ для рыцарства и клонившихъ къ упадку его обычай и учрежденія. Умеръ ландграфъ Тюрингенскій Германъ, Вартбургскій замокъ котораго долгое время для сѣверной Германіи былъ такой же академіей изящнаго вкуса и поэзіи, какою былъ дворецъ Фридриха Австрійскаго для южной. Наконецъ, сама Гогенштауфенская фамилія, главная покровительница блестящей рыцарской жизни, сошла съ историческаго поприща. Настали тѣ смутныя и тяжкія времена, когда, въ теченіе цѣлаго поколѣнія, не было въ странѣ ни закона, ни порядка, ни государя, это — такъ-называемая эпоха великаго междуцарствія.

Посреди общаго смятенія и ужаса разомъ замолкли безчисленные голоса пѣвцовъ любви съ ихъ вѣчно праздничными мелодіями. Какъ переполошенная грозою птица, разлетѣлась вся эта беззаботная и чужедная стая миннезенгеровъ, жонглѣровъ и мейстерзенгеровъ. Не до пѣсень было и не до провансальскаго ухаживанія за дамами, когда жизнь каждаго висѣла на волосѣ, и никто не могъ поручиться за завтрашній день, когда грозная невзгода бушевала надъ краемъ, сметая слѣды празднаго веселья и театральныхъ подвиговъ рыцарства. Нравы быстро грубѣли, и дикая сила снова царила надъ обществомъ. „Берегитесь, милыя дамы, умоляетъ нашъ Ульрихъ въ заключеніе своего „Фрауэндинста“, — мушкетеры стали уже не тѣ, забыли рыцарскую доблесть и вѣрность и норовятъ только, какъ бы обмануть васъ“. Но дамы не ждали этого совѣта. Поднятыя унынія и страха, запираются онѣ въ своихъ опустѣвшихъ комнатахъ, замѣнивъ Ланселота молитвен-

никомъ и роскошныя вырѣзныя платья — полумонашескимъ чернымъ уборомъ.

А изъ Франціи давно уже нѣтъ ни новыхъ модъ, ни новыхъ пѣсень и танцевъ, ни новыхъ сладострастныхъ романовъ. Тамъ тоже не лучше. На самой родинѣ и въ гнѣздилищѣ рыцарской жизни — Провансѣ, со времени Альбигенской войны, лежитъ одно мрачное запустѣніе. Замо́лкли трубадуры, турниры и празднества, не слышно веселыхъ приговоровъ любовныхъ судилищъ. Только уголья тлѣютъ еще отъ недавнихъ костровъ инквизиціи, да торчатъ обгорѣлыя стѣны роскошныхъ замковъ.

Куда ни помотришь, вездѣ конецъ рыцарству, его славы, похвѣденіямъ и любви. Только Лихтенштейнъ не сдается, и какъ бы на зло всѣмъ невзгодамъ времени, усиливается донѣтъ еще свою старую пѣсню.

„Прошла зима, — поетъ онъ уже дряхлымъ слабѣющимъ голосомъ, — всѣ тоскуютъ и охаютъ, а я веселъ и счастливъ, потому что завишу не отъ помощи, а отъ милости моей дамы“.

„Я оплакалъ смерть моего добраго государя, которому вѣрно служилъ, и всѣ частные люди его оплакали. Но, не смотря на душевную скорбь, я все же пою о моей дамѣ“.

„Времена настали тяжелыя, вездѣ рѣзня и грабежъ, моей собственной жизни грозили злодѣи. Но я все пѣлъ мою даму и не замѣчалъ общаго бѣдствія“.

Какъ-то странно и грустно звучитъ этотъ одинокій старческій голосъ посреди всеобщаго разгрома эпохи. Это послѣдняя пѣсня умирающаго рыцарства.

VII.

Парсиваль, Тристанъ, Лихтенштейнъ — идеальность, доступная только немногимъ, опоэтизированный материализмъ, бывшій удѣломъ большинства, и грубая чувственность, прикрытая лоскомъ благородныхъ формъ, сдѣлавшаяся, наконецъ, достояніемъ всѣхъ — вотъ три ступени, по которымъ рыцарскій культъ средневѣковой женщины нисходилъ постепенно до того дикаго разврата, какой мы видимъ въ XIV и XV столѣтіяхъ. Зародыши этого быстрого паденія лежали какъ въ самомъ принципѣ „дамскаго служенія“, такъ и въ его соблазнительныхъ формахъ, и мы старались одинаково разоблачить то и другое. Но мы судили и разбирали эти явленія по нашимъ современнымъ понятіямъ. На наши глаза „дамская служба“ представляется

дѣйствительно чѣмъ-то уродливымъ и безобразнымъ: этотъ аристократическій характеръ любви, ея обрядность и формализмъ, ея схоластическая софистика и вялая, скучная поэзія, но что важнѣе всего, ея разрушительное вліяніе на супружескія и семейныя связи — все это не можетъ пользоваться сочувствіемъ позднѣйшихъ поколѣній. Но мы были бы все-таки несправедливы, еслибы ограничились только однимъ этимъ взглядомъ. Кромѣ такого сужда о минувшихъ житейскихъ порядкахъ, есть еще историческое къ нимъ отношеніе. И сравнивая положеніе женщины въ рыцарское время съ тѣмъ, какое она занимала въ обществѣ прежде и послѣ этой эпохи, оно явится намъ въ нѣсколько иномъ свѣтѣ.

О до-рыцарскихъ вѣкахъ было сказано выше, и читатель знаетъ уже, какое зависимое, подчиненное мѣсто занимала нѣмецкая женщина въ своемъ домашнемъ быту. Въ обществѣ же и вовсе не играла никакой роли, за исключеніемъ развѣ какихъ-нибудь коронованныхъ особъ или владѣтельныхъ принцессъ, пользовавшихся особыми правами. Къ такому же почти положенію возвратилась она, и когда кончилась рыцарская эпоха въ Германіи. Боготворимая «*Heerrin*» рыцарскихъ сердець, царица турнировъ и праздниковъ, вдохновительница поэзіи и искусства, опять превратилась въ прозаическую *Putzfröwe*, и рыцарскій вѣкъ прошелъ для нея, какъ сонъ. Въ романской Европѣ онъ оставилъ, конечно, больше слѣдовъ, да и самое рыцарство уцѣлѣло тамъ долѣе, влѣдствіе особыхъ политическихъ обстоятельствъ тѣхъ земель — вѣковыхъ войнъ между Англичанами и Французами и борьбы христіанской Испаніи съ Маврами, наконецъ потому еще, что рыцарскія учрежденія и обычаи были здѣсь своимъ, природнымъ, а не заимствованнымъ явленіемъ. Но и тамъ даже сохранились въ это позднѣйшее время больше искусственно поддерживаемыя формы, духъ которыхъ давно уже отлетѣлъ. Не то было въ Германіи, гдѣ рыцарство, со всей ея обстановкой, было изъ чужа занесеннымъ, пересаженнымъ на мало воспримчивую почву растеніемъ. Коренныя и болѣе отдаленныя нѣмецкія земли, напримѣръ Скандинавія, съ своимъ обособленнымъ и безпримѣснымъ германизмомъ, вовсе не знали рыцарскаго обычая. Да и въ самой центральной Германіи, даже въ лучшее свое время, а тѣмъ болѣе, въ вѣкъ Лихтенштейна, является онъ чѣмъ-то напускнымъ и театральнымъ. Его разыгрываютъ болѣе, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ живутъ имъ, и рыцарская дама въ Германіи XII столѣтія въ одно и то же время — и раба своего мужа, и владительница чужихъ сердець и жизни. Это — сценическое представленіе, закулисная

сфера котораго вовсе не похожа на то, что видятъ издали зрители. Но западѣсъ падаетъ, мода проходитъ, — и настоящія жизненныя отношенія опять выступаютъ наружу и входятъ въ свои права.

Но неужели весь этотъ рыцарскій праздникъ, продолжавшійся два столѣтія, прошелъ безслѣдно для Германіи и Европы, а чрезъ нихъ, косвенно — и для насъ, и неужели общественное значеніе женщины ничего не выиграло и не вынесло изъ него, кромѣ безплодныхъ воспоминаній? Такое заключеніе было бы по меньшей мѣрѣ односторонно. Мы не будемъ говорить здѣсь обо всѣхъ заслугахъ и благодѣяніяхъ, принесенныхъ рыцарствомъ для европейской культуры, — о чувствѣ личнаго достоинства и чести, объ облагороженіи военнаго дѣла, о болѣе изящныхъ и утонченыхъ формахъ общежитія, завѣщанныхъ намъ этими далекими европейскими праотцами, — и укажемъ только на одну великую пережѣну, совершенную, или правильнѣе, начатую рыцарствомъ въ положеніи женщины. Она касалась не ея юридическихъ или домашнихъ правъ, а тѣмъ менѣе улучшенія ея нравственнаго состоянія. Все это осталось почти попрежнему, а моральная сторона стала даже и хуже. Она коснулась того, что есть въ женщинѣ самаго дорогаго и властительнаго, это — присущаго ей эстетическаго элемента.

Никогда еще, со временъ, быть-можетъ, Перикловой Греціи, не окружена была женщина такимъ высокимъ обаяніемъ изящнаго, какъ въ вѣкъ рыцарской славы. Все ея воспитаніе, вся обстановка и цѣлый складъ жизни направлены были какъ нельзя болѣе благопріятно къ развитію этихъ преимуществъ ея натуры. Начать съ того, что женщины того времени были вообще гораздо образованнѣе мужчинъ. Многія изъ нихъ были грамотны, а нѣкоторыя даже начитаны въ тогдашней литературѣ. Конечно, литература эта, наполненная волшебствомъ и чудесами, способна была скорѣе развить воображеніе нежели умъ и сердце. Легенды о святыхъ мученикахъ, безконечныя пѣсни любви, эпическія произведенія своихъ и чужихъ поэтовъ, съ ихъ очарованными замками, великанами и драконами, слишкомъ далеки были отъ міра дѣйствительности, чтобы воспитать въ читателѣ сколько-нибудь правильный взглядъ на жизнь. Но именно это преобладаніе фантазіи надъ разсудкомъ и составляло чрезвычайно симпатичную почву для поэзіи тѣмъ болѣе, что средневѣковая сага, по формѣ и смыслу, большею частію, заключала такъ много граціознаго и изящнаго. Беремъ для примѣра преданіе объ Александрѣ, записанное Лампрехтомъ въ его поэтической исторіи Македонскаго героя. Въ одномъ изъ многочисленныхъ странствованій по свѣту случилось однажды

Александрю, превратившемуся въ воображеніи средневѣковыхъ поэтовъ въ совершеннаго рыцаря феодальныхъ временъ, подъѣхать, вмѣстѣ съ своими сподвижниками, къ незнакомому лѣсу. Свѣжіе звонкіе голоса, звуки арфъ, хохотъ и пѣсни неслись оттуда хоромъ, на встрѣчу усталымъ путникамъ. И каково было ихъ изумленіе, когда, въѣхавъ въ густую чащу, они увидѣли безчисленный рой прелестнѣйшихъ дѣвупекъ, играющихъ въ прохладѣ душистой зелени. Блаженные дни настали для нашихъ героевъ. Цѣлыхъ три мѣсяца прожили они здѣсь среди беззаботныхъ, веселыхъ юныхъ подругъ, среди ихъ пѣсень, танцевъ и ласокъ. Но радостямъ этимъ скоро наступилъ грустный конецъ. Чудныя красавицы лѣса, и рѣчью, и смысломъ, и чувствомъ во всемъ похожія на людей, были, однакожъ, существами особаго рода. Когда, послѣ зимняго ненастья, весеннее солнце проникало въ лѣсную чащу и деревья одѣвались листвою, во влажной тѣни ихъ выростало безчисленное множество бѣлыхъ, съ алымъ румянцемъ цвѣтовъ, и когда распускались ихъ круглыя замкнутыя чашечки, то изъ нихъ выходили эти милыя созданья, наполнявшія тотчасъ весь лѣсъ своими пѣснями и весельемъ. Но когда проходило лѣто, блекли цвѣты, падали листья и птицы смолкали надолго, одна за другой умирали также и эти странныя дѣти скоропреходящихъ цвѣтовъ, — умирали до слѣдующей весны. Спутники Александра, дождавшись этого грустнаго времени, съ горемъ уѣхали прочь.

Подобная сказка, разказанная у каминнаго огня, въ долгій осенній вечеръ, какимъ-нибудь заѣзжимъ странствующимъ пѣвцомъ, или прочитанная въ старинной, дорого купленной рукописи, не могла, конечно, обогатить голову никакими полезными свѣдѣніями, но она уносила мысль въ такой удивительный, фантастическій міръ и ласкала воображеніе такими граціозными образами, что трудно усомниться въ ея образовательно-художественномъ вліяніи на воспримчивую женскую душу.

Монастырское воспитаніе женщины, бывшее въ обычаѣ въ предшествующемъ періодѣ, дѣлается въ рыцарскую эпоху совершенно свѣтскимъ. Если родители не на столько богаты, чтобы дать своей дочери такое воспитаніе дома, то съ раннихъ лѣтъ ее отдаютъ ко двору какого-нибудь знатнаго владѣльца, гдѣ дѣвочка, въ качествѣ подруги, растетъ и учится вмѣстѣ съ его собственными дочерьми и большею частію остается при нихъ до замужества. Всѣ тѣ образовательныя средства, которыми можетъ располагать какая-нибудь принцесса или княжна, дѣлаются такимъ образомъ доступными и для са-

мой бѣдной дворянской дѣвушки. А средства эти все почти направлены къ развитію изящнаго вкуса и усвоенію утонченныхъ придворныхъ обычаевъ. Это — пѣніе, танцы, игра на лютнѣ и арфѣ, благородныя женскія рукодѣлы и уже извѣстный намъ моралитетъ. Умѣлыя въ этихъ искусствахъ гувернантки и придворные рыцари, а нерѣдко и странствующие пѣвцы и артисты разнаго рода, обыкновенно толпившіеся при богатыхъ дворахъ, были въ нихъ наставниками и наставницами. А большіе приемы гостей, безпрестанныя празднества, охоты и игры, преимущественно въ лѣтніе мѣсяцы, представляли молодымъ особамъ, воспитывавшимся въ подобныхъ замкахъ, тысячи случаевъ половчиться практически въ наукѣ свѣтскаго обращенія и изящныхъ манеръ. Самый костюмъ эпохи, слѣдовавшій, какъ и теперь, французскимъ образцамъ и модамъ, чрезвычайно благоприятствовалъ возвышенію природной женской граціи и красоты. Съ XII вѣка, почти вездѣ въ Европѣ безобразная и мѣшковатая туника, по наслѣдію уцѣлѣвшая отъ римскихъ временъ, уступала мѣсто двойному платью: верхнему покороче и нижнему, падающему до самыхъ ногъ. Оба, начиная отъ пояса, плотно обхватываютъ талію, обозначая формы роскошнаго бюста и плечъ, тогда какъ обѣ юбки разсыпаются обильными, волнистыми складками, и нижняя обанчивается шлейфомъ. Красивый поясъ ловко стягиваетъ талію. А поверхъ всего костюма накидывается на плечи длинная широкая мантия, считавшаяся необходимою принадлежностью всякаго благороднаго туалета. Въ такомъ кокетливо-живописномъ и однакожь недоступномъ нарядѣ, съ открытыми волосами, въ большихъ кудряхъ падающими на плечи, лаская одной рукой аграфъ своей мантии, а другой слегка прищипывая длинное переднее платье, медленно и плавно выступаетъ рыцарская дама на встрѣчу своему гостю.

А что же, если еще и природа надѣлила ее всеми тѣми совершенствами и прелестями, какихъ искало въ женщинѣ германское чувство красоты, если это была стройная, изящно развитая блондинка съ ослѣпительной бѣлизной лица и нѣжнымъ румянцемъ на щекахъ, съ голубыми глазами, окаймленными тонкой линіей темныхъ бровей, съ прямымъ умѣреннымъ носомъ и алыми, горделиво приподнятыми губами, — если ея движенія, взгляды и рѣчи дышали достоинствомъ, привѣтливостію и граціей, — если вкругъ нея вѣяло той нравственной чистотой, искренней, или искусно разыгранной, которою такъ прельщалось воображеніе рыцаря, искавшее труднаго и жаждавшее недоступнаго?

Такъ составилъ въ воображеніи средневѣковыхъ поэтовъ идеаль женской красоты и безпредѣльнаго ей поклоненія,—идеаль, воспѣтый въ безчисленныхъ пѣсняхъ современниковъ и увѣковѣченный, въ наши дни, бессмертными фресками Каульбаха. На картинѣ, изображающей штурмъ взятаго крестоносцами Иерусалима, на переднемъ планѣ, мы видимъ эту знаменитую германскую „Минне“, носимую въ послкахъ на плечахъ мусульманскихъ рабовъ. Молодому рыцарю, идущему подлѣ, она указываетъ на стѣны дымящагося города; другая рука ея покоится въ его рукѣ, между тѣмъ какъ юноша, съ поднятымъ къ небу мечомъ и съ выраженіемъ энтузіазма на загорѣломъ, мужественномъ лицѣ, влечется отдать всю кровь свою за одинъ ея взглядъ. И вѣдь эта идеальная сцена бывала нѣкогда дѣйствительностію и правдой. Рыцарь дѣйствительно отваживалъ свою жизнь ради избранной дамы и на служеніе ей посвящалъ всего себя. Жаль только, что при этомъ помиралась семейная связь и что слѣдующимъ уродливымъ понятіемъ вѣка, рыцарь не столько подчинялся, при выборѣ, голосу своего сердца, сколько аристократическимъ соображеніямъ знатности и породы.

Какъ бы то ни было, но несомнѣнно то, что ни прежде, ни послѣ, не бывало такого восторженнаго уваженія къ цѣлому полу и что при этихъ условіяхъ женщина впервые почувствовала свою силу и стала постигать ту область, гдѣ ей по праву принадлежитъ владычество— область женственности, изящества и граціи. Въ первый разъ предъ ней ясно открылась тайна того обаянія и власти, какія она можетъ имѣть надъ мужчиной, и она мастерски сумѣла ею воспользоваться. Тѣ времена потомъ прошли и настали иныя, когда никто уже не думалъ приносить ей серьезныхъ жертвъ, и поклоненіе ей ограничилось парадными словами, да эмблемами. Пришла даже еще худшая пора, когда она уже не предсѣдательствовала на празднествахъ и турнирахъ посреди преклоненныхъ предъ нею знаменъ и копей, а робко пряталась отъ свѣта и своего одичавшаго мужа. Но драгоценный секретъ и память о его магическомъ дѣйствіи съ тѣхъ поръ остались при ней, и она имъ воспользовалась въ болѣе счастливое время, чтобъ этимъ путемъ эстетическаго и такъ близко съ нимъ связаннаго моральнаго превосходства уравновѣсить и сгладить общественное неравенство, приготовленное ей природой и завѣщанное исторіей.

М. Петровъ.

ЛЕЙБНИЦЪ.

ЕГО ВЪКЪ, ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

ГЛАВА VI.

Взглядъ Лейбница на религію и старанія его о соединеніи церквей.

Отношенія Лейбница къ религіи. — Религіозныя партіи въ XVII вѣкѣ. — Попытки примиренія. — Джонъ Дори. — Каликстъ и его школа. — *Методисты*. — Боссюетъ. — Спинола. — Молапусъ. — Мнѣніе Лейбница о возможности соединенія католической и протестантской церквей. — Взглядъ его на отношенія разума къ вѣрѣ. — Отношенія Лейбница къ католицизму. — *Systema Theologicum*. — Лацграфъ Эрнстъ Гессенъ-Рейнфельзскій. — Его политическія и религіозныя убѣжденія. — Католическая пропаганда. — Обращеніе Эрнста въ католицизмъ. — Переписка съ Лейбницемъ. — Пропаганда въ Мобюссонѣ. — Пелиссонъ. — М-ль де-Скюдери. — Переписка Пелиссона съ Лейбницемъ. — Полемика Боссюета съ Лейбницемъ о Тридентинскомъ соборѣ и объ отношеніи протестантизма къ католицизму. — М. де-Бринопъ. — Антонъ-Ульрихъ Брауншвейгъ-Волфенбюттельскій. — Переписка между Лейбницемъ и Боссюетомъ возобновляется. — Ихъ полемика о каноническихъ книгахъ. — Внучка Антона-Ульриха, Елизавета-Христина, невѣста Карла VI. — Мнѣніе Ганноверскихъ богослововъ и Лейбница о томъ, можетъ ли лютеранская принцесса, выходящая за католическаго государя, съ спокойною совѣстью принять католицизмъ. — Протесты другихъ богослововъ. — Антонъ-Ульрихъ принимаетъ католицизмъ. — Попытки соединенія лютеранскаго и реформатскаго исповѣданій. — Участіе Лейбница въ переговорахъ и переписка съ Яблонскимъ. — Желаніе Лейбница ввести въ Пруссіи епископальное устройство и соединить англиканскую церковь съ протестантскою. — Значеніе попытокъ къ объединенію христіанскихъ церквей.

Для такой многосторонней и цѣльной личности, какъ Лейбницъ, религія не могла не представлять большаго интереса. Но религіозность Лейбница не имѣла субъективнаго характера. Она не выражалась въ сомнѣніяхъ, въ тяжелой внутренней борьбѣ, въ неотступныхъ размышленіяхъ надъ тѣмъ или другимъ религіознымъ вопросомъ. Съ свойственной ему точностью мысли, Лейбницъ рано выяснилъ себѣ свое

отношеніе къ религіи; у него нѣтъ потребности провѣрить это отношеніе, и онъ никогда не касается, въ интимной бесѣдѣ или въ перепискѣ съ друзьями, своихъ личныхъ взглядовъ на религію.

Лейбницъ съ малолѣтства занимался богословіемъ; еще въ школѣ онъ съ увлеченіемъ читалъ сочиненія о самыхъ трудныхъ и неисчерпаемыхъ вопросахъ христіанской догматики; своимъ знакомствомъ съ этой догматикой и съ исторіей христіанской церкви онъ не уступалъ самымъ ученымъ богословамъ своего времени, и при всемъ этомъ въ его натурѣ было очень мало богословскаго. Лейбницъ былъ и въ религіи прежде всего философомъ и политикомъ. Въ немъ не было той неуступчивости и исключительности, съ которыми богословы отстаиваютъ свои догматы и считаютъ ложнымъ всякое другое толкованіе; его снисходительность къ чужимъ мнѣніямъ вполне обнаруживалась и въ религіозныхъ вопросахъ. Его всего болѣе интересовала практическая сторона въ религіи: ея вліяніе на общество, устройство церкви и отношенія церкви къ политической жизни народовъ.

По философіи Лейбница міръ — не что иное, какъ гармоническое взаимодействіе безчисленныхъ индивидуальныхъ силъ, предустановленное Высшею Мудростью и поэтому согласное съ законами разума. Но это представленіе не было для него только теоретическою гипотезой, а живымъ убѣжденіемъ, которое руководило его практическою дѣятельностію и проникало во всѣ его научныя теоріи. Вслѣдствіе этого онъ не могъ принимать исторію человѣчества за хаосъ случайныхъ фактовъ; онъ видѣлъ въ судьбахъ народовъ дѣятельность Провидѣнія, которое вело человѣчество къ извѣстной разумной цѣли. Но признавая такую разумность въ ходѣ всей человѣческой исторіи, онъ особенно долженъ былъ искать ее въ области религіи, въ которой человѣкъ живѣе всего сознаетъ свою связь съ Разумомъ, управляющимъ міромъ, и въ которой яснѣе всего должна отразиться дѣятельность Провидѣнія. Разумность и гармонія, которыя разлиты по всему міру, нигдѣ не могли такъ явно обнаруживаться, какъ въ судьбахъ христіанской церкви, основанной на откровеніи самого Божества. Единство вселенской христіанской церкви, непогрѣшимость ея въ вопросахъ вѣры, убѣжденіе, что она управляется самимъ Провидѣніемъ, были для Лейбница не богословскими догматами; а прямо вытекали изъ его общихъ философскихъ убѣжденій. Но это единство и эта гармонія, казалось, находили себѣ рѣзкое опроверженіе въ томъ, что христіанская церковь раздробилась на четыре исповѣданія, — не считая многихъ сектъ и ересей, — которыя взаимно исключали и даже прокли-

нали другъ друга. Этотъ фактъ не могъ не остановить на себѣ вниманія Лейбница; его необходимо было устранить или по крайней мѣрѣ разъяснить. Лейбницъ подходитъ къ нему съ двухъ сторонъ. Какъ теоретикъ, онъ старается доказать, что не смотря на это различіе и эту вражду исповѣданій, внутреннее единство и гармонія христіанской церкви существуютъ ненарушимо, и въ то же время онъ старается на практикѣ содѣйствовать по возможности устраненію раскола въ христіанствѣ и подготовить примиреніе и сліяніе церквей. Эти стремленія и заботы не покидаютъ его въ теченіе цѣлой жизни, не смотря на всѣ затрудненія и разочарованія и не смотря на то, что онъ самъ ясно сознаетъ невозможность скорого успѣха. Но онъ не падаетъ духомъ и преслѣдуетъ свою цѣль, сообразуясь съ обстоятельствами; онъ начинаетъ свои попытки примиренія еще юношей въ Майницѣ подъ покровительствомъ католическаго архіепископа и пишетъ о томъ же къ принцессѣ Вельской за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти.

Эти старанія не были мечтами отдѣльнаго человѣка, но находили себѣ дѣйствительную почву въ стремленіяхъ самого времени. Попытки примиренія и сліянія христіанскихъ исповѣданій составляютъ отличительный признакъ XVII вѣка. Тогда какъ прежде религіозный интересъ проявлялся преимущественно только въ развитіи и точномъ опредѣленіи догматовъ и давалъ поводъ къ богословскимъ спорамъ и расколу, въ XVII вѣкѣ во всѣхъ исповѣданіяхъ встрѣчаются люди, которые указываютъ на сущность христіанской религіи, общую всѣмъ исповѣданіямъ, признаютъ нѣкоторое основаніе за убѣжденіями своихъ противниковъ и стараются дать догматамъ своей партіи примирительное истолкованіе, способное привести къ соглашенію враждебныхъ сторонъ.

И до XVII вѣка, даже во время реформаціи, при самомъ разгарѣ религіозныхъ страстей, нерѣдко устраивались съѣзды и диспуты богослововъ, которые имѣли цѣлью положить конецъ религіозной распрѣ. Но эти съѣзды устраивались большею частію правительствами, которыя дѣйствовали изъ политическихъ побужденій; богословы же, избравшіеся представителями съ обѣихъ сторонъ, вовсе и не думали о примиреніи; они имѣли только въ виду доказать своимъ противникамъ ложность и нечестивость ихъ убѣжденій, старались переманить ихъ съ помощію діалектики на свою сторону, а если это не удавалось, то предавали ихъ анаемѣ. Особенною нетерпимостью отличались католики: въ спорахъ съ „еретиками“ они считали преступленіемъ малѣйшее снисхожденіе и имѣли только одну цѣль — обличить своихъ противниковъ въ ереси или возвратить ихъ въ лоно католической

церкви. Между протестантами реформаты отличались обыкновенно большею умѣренностью, но за то лютеранская ортодоксія не уступала католикамъ въ фанатизмъ и не скупилась на оскорбительныя выраженія, заимствованныя изъ Апокалипсиса, называя папу антихристомъ, а католическую церковь вавилонскою блудницей. Въ XVII вѣкѣ, хотя медленно, начинается пробуждаться сознание, что приверженцы всѣхъ христіанскихъ исповѣданій составляютъ одну семью, что схоластическіе споры враждебны духу христіанской религіи и затмѣняютъ ея сущность. Не одни только правительства, а сами богословы устраиваютъ съѣзды подъ условіемъ, чтобы каждая партія воздерживалась отъ оскорбленій своихъ противниковъ, съ искренностью и ясностью выражала свое мнѣніе и выискивала средства къ соглашенію. Возникаетъ цѣлая богословская школа, которая ставитъ себѣ цѣлью устранить религиозную распрю и возстановить единство христіанской церкви. Появляются люди, проникнутые истиннымъ духомъ христіанства, которые посвящаютъ всю жизнь дѣлу примиренія, и которыхъ можно назвать мучениками этого дѣла ¹⁾).

Самымъ замѣчательнымъ изъ этихъ „апостоловъ мира“ былъ шотландскій богословъ Джонъ Дори (Dorie) или Дуреусъ. Онъ былъ сыномъ одного пресвитеріанскаго священника въ Единбургѣ, изгнаннаго за фанатизмъ, и родился въ концѣ XVI вѣка. Свою дѣятельность онъ началъ въ польскомъ городѣ Эльбингенѣ, гдѣ онъ былъ пасторомъ въ небольшомъ приходѣ тамошнихъ пуританъ. Городъ Эльбингенъ былъ занятъ Густавомъ - Адольфомъ, и Дуреусъ имѣлъ случай познакомиться съ Оксенштёрной и съ англійскимъ посломъ Ро, которые отнеслись съ искреннимъ участіемъ къ его плану устроить соединеніе всѣхъ протестантскихъ церквей. Ободренный ими Дуреусъ оставилъ свое мѣсто и отправился въ Англію, гдѣ ему удалось приобрести сочувствіе архіепископа Кентерберійскаго и нѣсколькихъ умѣренныхъ епископовъ. Оттуда онъ поѣхалъ въ Германію, отыскалъ Густава - Адольфа и получилъ обѣщаніе въ покровительствѣ съ его стороны. Смерть Густава - Адольфа не остановила его. Съ неутомимымъ рвеніемъ онъ обращался къ богословамъ и университетамъ Германіи, чтобы расположить ихъ къ дѣлу примиренія. Пражскій миръ, 1635 года, вслѣдствіе котораго Саксонія, стоявшая во главѣ нѣмецкихъ протестантовъ, сблизилась съ Австріей и отстала отъ Шведскаго союза, заставилъ Дуреуса покинуть Германію. Онъ отправился

¹⁾ См. *Hering*—Geschichte der kirchlichen Unionsversuche. Leipzig. 1836. 2 voll.

въ Швецію, желая, по крайней мѣрѣ, достигнуть слиянія англійской епископальной церкви съ шведскою, которая также сохранила у себя епископальную іерархію. Нѣсколько лѣтъ провель Дуреусъ въ Швеціи въ тщетныхъ стараніяхъ переломить упрямство тамошнихъ епископовъ и Упсальскаго университета, пока наконецъ, не былъ удаленъ оттуда по распоряженію шведскаго правительства. Такія неудачи не разочаровывали Дуреуса. По совѣту Гуго Гроція, онъ отправился въ Данію, гдѣ былъ хорошо принятъ королемъ и духовенствомъ. Но условія, выставленныя ими для соединенія съ реформатами, были неисполнимы для послѣднихъ. Между тѣмъ денежныя средства его истощались, и онъ долженъ былъ принять въ Голландіи мѣсто священника. Черезъ нѣсколько времени англійскій парламентъ пригласилъ его въ члены Вестминстерскаго синода. Политическія смуты въ Англіи заставили Дуреуса на время оставить свои планы, но онъ возобновилъ ихъ при первой возможности. Во время своихъ попытокъ къ примиренію Дуреусу часто приходилось слышать отъ лютеранскихъ богослововъ, что дѣло соглашенія между ними пошло бы успешнѣе, если бы у него было дѣйствительное полномочіе со стороны реформатской церкви. Дуреусъ убѣдился, что поэтому прежде всего для него необходимо достигнуть соглашенія между реформатскими церквами, и такъ какъ всѣ реформаты въ Англіи, Голландіи и Германіи признавали авторитетъ швейцарской церкви, то онъ счелъ нужнымъ приобрести содѣйствіе швейцарскихъ богослововъ. Во главѣ Англіи стояло въ то время пресвитеріанское правительство, которое поэтому смотрѣло благосклонно на попытку Дуреуса. Кромвель снабдилъ его деньгами, а Лондонскій синодъ и докторы Оксфордскаго и Кембриджскаго университетовъ полномочіями къ швейцарскимъ богословамъ. Въ 1654 году Дуреусъ отправился въ Швейцарію и объяснилъ тамошнему сейму свои намѣренія. Онъ былъ принятъ съ сочувствіемъ, какъ сеймомъ, такъ и духовенствомъ, и получилъ отъ Большаго совѣта значительную сумму денегъ, а Цюрихскіе богословы уполномочили его дѣйствовать отъ имени швейцарской церкви. Снабженный кромѣ того многими рекомендательными письмами къ реформатскимъ князьямъ Германіи, Дуреусъ отправился туда. Много еще лѣтъ провель онъ здѣсь въ неутомимыхъ стараніяхъ и до конца своей жизни не оставлялъ начатаго дѣла. „Дуреусъ не уставалъ, но наши читатели устали бы, говорить его біографъ ¹⁾), если бы мы описали здѣсь всѣ путешествія, имъ

¹⁾ Hering. II, 124.

предпринятія, всѣ переговоры, начатыя имъ, всѣ пустыя обѣщанія, которыя ему давали, и всѣ надежды на благоприятный исходъ, которыя то открывались, то снова исчезали. Самые лучшіе друзья, вполне сочувствовавшіе его дѣятельности, сомнѣвались въ успѣхѣ и считали полное соединеніе невозможнымъ. На соединеніе церквей, говорилъ одинъ изъ его друзей, можно надѣяться только какъ на воскресеніе изъ мертвыхъ, которое во власти Всемогущаго Господа“.

Во главѣ лютеранскихъ богослововъ, проповѣдывавшихъ терпимость и склонность къ уступкамъ во имя примиренія церквей, стоялъ Гельмштедтскій богословъ Георгъ Каликстъ. Основательныя историческія занятія и путешествія за границей освободили его отъ предрассудковъ, господствовавшихъ относительно иновѣрцевъ, и внушили ему духъ терпимости и умѣренности. Онъ одинъ изъ первыхъ рѣшился высказывать не всѣми признанную истину, что ни реформаты, ни католики не ошибаются на столько въ дѣлахъ вѣры, чтобы нельзя было считать ихъ братьями и соучастниками въ царствіи небесномъ. Каликстъ старался выставить то, что раздѣляло исповѣданія, неважнымъ, а то, что одинаково признавали они — существеннымъ въ христіанствѣ. Каликстъ образовалъ цѣлую школу умѣренныхъ богослововъ, разсадникомъ которыхъ былъ Гельмштедтскій университетъ. Онъ самъ пользовался большимъ уваженіемъ не только у своихъ, но также у реформатовъ даже внѣ предѣловъ Германіи. Когда польскій король Владиславъ созвалъ, въ 1644 году, извѣстный религіозный съѣздъ въ Торнѣ, реформатскій курфирстъ Бранденбургскій, вассаль польскаго короля, пригласилъ Каликста отправиться въ Торнѣ вмѣстѣ съ прусскими богословами, чтобы своимъ личнымъ вліяніемъ поддерживать согласіе между лютеранами и реформатами.

Но число противниковъ Каликста было гораздо больше, чѣмъ число его приверженцевъ. Въ Торнѣ лютеранскіе богословы не хотѣли позволить ему, какъ отступнику, присоединиться къ нимъ. Противъ него была направлена цѣлая литература полемическихъ сочиненій, исполненныхъ самыми рѣзкими упреками и обвиненіями за то, что онъ будто бы распространяетъ равнодушіе и содѣйствуетъ торжеству папства. Во главѣ этого неуступчиваго направленія стоялъ Виттенбергскій университетъ, а между его богословами особенно отличался своею нетерпимостью ученый педантъ Каловъ, о которомъ мы уже упоминали въ первой главѣ. Ярость и бранчивость саксонскихъ богослововъ дошли до того, что въ 1654 году, большинство протестантскихъ государей Германіи обратилось къ курфирсту Юганну - Георгу I съ просьбой

унять его богослововъ, но этотъ достойный покровитель педантическихъ книжниковъ отвѣтилъ: „dass er dem heiligen Geiste nicht das Maul stopfen könne“.

Виттенбергскіе богословы обвиняли Каликста и его приверженцевъ въ „синкретизмъ“. Это слово первоначально не имѣло дурнаго значенія. Плутархъ указываетъ на обычай древнихъ Критянъ, которые прекращаютъ свои постоянныя усобицы, когда приближается общій врагъ, и соединяются противъ него, и этотъ обычай онъ называетъ синкретизмомъ. Еще первые реформаторы — Цвингли и Меланхтонъ употребляютъ это слово въ смыслѣ честнаго соединенія для отраженія вражескаго нападенія. Но въ устахъ саксонскихъ ревнителей вѣры слово синкретизмъ получило дурной отбѣнокъ неискренняго, лицемернаго примиренія, не устраняющаго причинъ будущаго раздора.

Не всѣ протестантскіе государи выказывали такую привязанность къ старымъ предрассудкамъ, какъ Саксонскіе курфирсты. Особенно интересовались примиреніемъ между протестантами и реформатами государи Гессена и Бранденбурга, население которыхъ принадлежало къ обоимъ этимъ исповѣданіямъ. Для нихъ было политическою необходимостью достигнуть, если не сдѣланія ихъ, то по крайней мѣрѣ взаимной терпимости. Съ этою цѣлью ландграфъ Вильгельмъ VI устроилъ, въ 1661 году, богословскій съѣздъ въ Касселѣ, куда онъ пригласилъ реформатскихъ богослововъ изъ Марбурга и лютеранскихъ изъ Ринтельна. Переговоры происходили подъ предсѣдательствомъ трехъ графскихъ совѣтниковъ и окончились къ обоюдному удовольствію. Самыми спорными вопросами между реформатами и лютеранами были догматы объ евхаристіи и о предопредѣленіи. Въ нихъ достигли почти полнаго соглашенія, а относительно остальныхъ спорныхъ вопросовъ было постановлено, чтобы каждая сторона оставалась при своемъ убѣжденіи, но воздерживалась отъ нападокъ на убѣжденія другой стороны. Въ то же время члены съѣзда выразили желаніе, чтобы сосѣднія церкви и университеты присоединились къ нимъ въ дѣлѣ примиренія.

Мирлобтивное настроеніе Кассельскихъ богослововъ вызвало сочувствіе реформатовъ въ Голландіи и Франціи, а Бранденбургскій курфирстъ Фридрихъ-Вильгельмъ въ слѣдующемъ году устроилъ такой же богословскій съѣздъ въ Берлинѣ. Въ то же время онъ издалъ указъ, въ которомъ запрещалось лютеранскимъ пасторамъ нападать въ своихъ проповѣдяхъ на Кальвина и его послѣдователей и приписывать имъ,

на основаніи ложныхъ толкованій, нелѣпныя и нечестивыя мнѣнія. Указъ обвинялъ ихъ за то, что они въ своихъ проповѣдяхъ чаще называютъ имена Кальвина и Беза, чтобъ осыпать ихъ бранью, чѣмъ Петра и Павла, чтобъ извлекать изъ ихъ посланій христіанское ученіе. Другимъ указомъ курфирсть запретилъ всѣмъ прусскимъ студентамъ посѣщать Виттенбергскій университетъ. Эти указы вызвали такое раздраженіе, что переговоры между богословами обоихъ исповѣданій не привели къ желанному результату. Лютеране отвѣчали уклончиво на вопросъ, содержится ли въ символическихъ книгахъ реформатской церкви, принятыхъ въ Пруссіи, какое-нибудь ученіе, за которое вѣрующій долженъ лишиться царства небеснаго, и опущено ли въ нихъ что-нибудь такое, безъ чего нельзя быть спасеннымъ. Одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ Берлинскихъ пасторовъ, духовный поэтъ Павелъ Гергардтъ отвѣтилъ: „Я согласенъ, что между реформатами есть христіане; но чтобъ реформаты по своему ученію могли считаться христіанами и слѣдовательно братьями, съ этимъ я не могу согласиться“.

Тогда курфирсть потребовалъ, чтобы пасторы обоихъ исповѣданій письменно обязались не оскорблять въ проповѣдяхъ своихъ противниковъ, не искажать ихъ ученія и вообще воздерживаться отъ богословской полемики. Этотъ указъ вызвалъ большое волненіе. Самые уважаемые изъ пасторовъ отказались дать подписку, и были лишены за это своихъ мѣстъ и изгнаны. Въ сосѣднихъ государствахъ ихъ приняли тогда какъ мучениковъ; въ наше же время можно видѣть въ ихъ дѣйствіяхъ упрямство и узкій взглядъ на свое призваніе. Но дѣло ихъ представляетъ, кромѣ богословской, еще политическую сторону. Указъ курфирста былъ вмѣшательствомъ въ область совѣсти и ограниченіемъ свободы слова, а въ подобныхъ случаяхъ не всегда бываетъ легко отличить упрямство отъ гражданскаго мужества.

Какъ къ реформатамъ относились лютеране, такъ католики относились къ протестантамъ вообще. Когда дѣло шло о соглашеніи, они съ своей стороны думали только о томъ, чтобъ привлечь противниковъ на свою сторону. Въ католической церкви всегда былъ силенъ духъ пропаганды, и въ исторіи этой церкви извѣстенъ цѣлый рядъ ученыхъ богослововъ, получившихъ названіе *методистовъ*, за то, что они придумывали разныя методы для обличенія протестантовъ. Самая любимая изъ этихъ методовъ заключалась въ томъ, что не приводя доказательствъ въ пользу своихъ догматовъ, они возлагали на протестантовъ обязанность доказывать ошибочность этихъ догматовъ тек-

стами изъ Священнаго Писанія. Католики требовали, напримѣръ, чтобы протестанты привели мѣсто изъ Священнаго Писанія, гдѣ было бы ясно сказано, что нѣтъ чистилища. Нѣкоторые методисты придавали этому приему форму процесса, заимствованнаго изъ права. Они приписывали католической церкви право давности и придавали полемикѣ видъ процесса, въ которомъ католики играютъ роль отвѣтчиковъ, а протестанты — роль истцовъ, обязанныхъ доказать несправедливость своихъ противниковъ ясными свидѣтельствами Священнаго Писанія. Лезуитъ Вероній такъ прославился своимъ искусствомъ пользоваться этою методой, что послѣдняя стала извѣстна подъ названіемъ *Вероніенской*. Ученые перебрещенцы, братья Валенбурги, получившіе за свою дѣятельность санъ епископовъ, усовершенствовали эту методу и утверждали, что съ ея помощью всякій грамотный крестьянинъ, способный прочесть Библию, въ состояніи побѣдить самаго ученаго пастора. Протестанты, конечно, считали эту методу нелѣпою, и Конрингъ называлъ ее методическимъ сумасшествіемъ (*cum ratione insanire*)¹⁾.

Въ такомъ положеніи находилась богословская полемика, когда вдругъ одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ католическихъ сочинниковъ выступилъ съ новою методой: то былъ Боссюетъ съ своимъ „Изложениемъ ученія католической церкви въ спорныхъ вопросахъ“ (*Exposition de la Doctrine de l'Église Catholique sur les matières de controverse*). Въ этомъ сочиненіи Боссюетъ избираетъ тотъ путь, который всего вѣрнѣе могъ привести къ примиренію. Нисколько не отступалъ отъ ученія своей церкви, онъ старается дать всѣмъ католическимъ догматамъ, отвергнутымъ протестантами, такое толкованіе, которое всего ближе подходило бы къ убѣжденіямъ протестантовъ. „Узнайте католицизмъ, говорилъ онъ протестантамъ, и вы увидите, какъ онъ близокъ къ вашему ученію; вы спросите себя съ изумленіемъ, какъ можно было отдѣлиться отъ него, и ваше возвращеніе къ нему устроится само собой“. Такъ какъ большинство католическихъ догматовъ, напри- мѣръ, поклоненіе святымъ, употребленіе иконъ, первенство римскаго епископа и пр., есть только извѣстное развитіе христіанскихъ началъ, признанныхъ протестантами, и при осмысленномъ толкованіи и искусномъ ограниченіи не можетъ быть вполнѣ отвергнуто ими, то такая метода должна была привести къ цѣли. Тамъ, гдѣ соглашеніе было невозможно, блестящее краснорѣчіе Боссюета и искусная діалектика его скрывали противорѣчія, смягчали враждебное, — однимъ словомъ,

¹⁾ См. *Soldan* — *Dreissig Jahre des Proselytismus*. Leipz. 1845, — очень интересное и дѣльное сочиненіе, какъ все, что вышло изъ-подъ пера этого автора.

оправдывали и идеализировали католицизмъ. Сочиненіе Боссюета произвело самое сильное впечатлѣніе не только между католиками, но и между протестантами. Во Франціи число гугенотовъ, принявшихъ католичество подъ его вліяніемъ, было очень значительно. Между ними былъ маршалъ Тюренъ, многіе пасторы и адвокатъ де-Врюс, который полемизировалъ противъ Боссюета. Правда, это отступничество нельзя было приписать одному только краснорѣчію французскаго епископа: въ это время притѣсненія гугенотовъ превратились въ открытое преслѣдованіе, и драгуны Лувуа помогали тамъ, гдѣ не дѣйствовало краснорѣчіе.

Но многіе католики однако были недовольны методомъ Боссюета. Они находили, что онъ искажаетъ чистое католическое ученіе и дѣлаетъ слишкомъ много уступокъ еретикамъ. Одинъ изъ римскихъ инквизиторовъ осудилъ сочиненіе его, не дожидаясь приговора папы. Особенно возставали противъ Боссюета иезуиты. Они упрекали его въ томъ же, что Виттенбергскіе богословы ставили въ вину Каликсту. Знаменитый иезуитъ Менбуръ (Maimbourg) говоритъ, намекая на Боссюета: „Извѣстно, что всѣ попытки къ соглашенію и уступки въ религіи, къ которымъ прибѣгали въ такъ-называемыхъ изложеніяхъ вѣры (ces prétendues expositions de foi), опускаая или скрывая часть догматовъ, или же излагаая ихъ въ двусмысленныхъ и слишкомъ уступчивыхъ выраженіяхъ, не удовлетворяютъ ни еретиковъ, ни католиковъ. Обѣ стороны жалуются, что дѣло ведется не прямыми путями въ такомъ вопросѣ, какъ вѣра, гдѣ надобно быть осторожнымъ и гдѣ нельзя ошибаться въ частностяхъ, не искажая цѣлаго“.

Но другой католическій епископъ этого времени пошелъ еще дальше Боссюета. Способъ послѣдняго, не смотря на свой уступчивый характеръ, заключался въ томъ, чтобы сдѣлать протестантовъ католиками. Приравливаясь какъ можно болѣе къ понятіямъ протестантовъ, онъ сохранялъ всѣ католическіе догматы и требовалъ, чтобы протестанты приняли цѣликомъ ученіе римской церкви. Такимъ путемъ можно было достигнуть только присоединенія отдѣльныхъ лицъ, которыя почерпнули бы изъ сочиненій католическаго епископа болѣе вѣрное понятіе о его церкви, но никакъ нельзя было ожидать, чтобы цѣлыя народы покинули свои обряды и вѣрованія, которыя они привыкли считать истинными. Между католиками нашелся человекъ, который счелъ возможнымъ предоставить протестантамъ по крайней мѣрѣ на время ихъ обряды и вѣрованія, съ тѣмъ чтобы они внѣшнимъ образомъ присоединились къ римской церкви. Этотъ человекъ былъ Хри-

стофоръ Спинола, епископъ Тины, а потомъ Нейштадта, о которомъ мы уже говорили въ IV-й главѣ. То, что онъ имѣлъ въ виду, было не что иное, какъ *унія* протестантовъ, въ родѣ той, которая не задолго предъ этимъ возникла въ западной Россіи между католиками и православными. Спинола дѣйствовалъ изъ чистыхъ побужденій и былъ искренно преданъ своему дѣлу. Подобно Дуреусу онъ посвящалъ ему цѣлую жизнь и съ большимъ самопожертвованіемъ и неутомимымъ рвеніемъ преслѣдовалъ свою цѣль, не смотря на постоянныя неудачи. Онъ считалъ примиреніе дѣйствительно возможнымъ и не ставилъ ловушки протестантамъ. При этомъ онъ вносилъ въ переговоры духъ христіанской кротости и терпимости, которая особенно удивительна въ Испанцѣ. Удрученный мучительно подагрой, которая позволяла ему лежать только на одномъ боку, онъ заставлялъ переносить себя на носилкахъ изъ одного города въ другой. Почти всю жизнь провелъ онъ въ путешествіяхъ, переѣзжая отъ одного двора къ другому и безпрестанно отираясь въ Римъ, чтобъ успокоивать подозрительность римской курии. Мы уже говорили о томъ, какъ онъ пріѣзжалъ въ Ганноверъ въ царствованіе Іоганна-Фридриха. Въ 1683 году онъ снова явился туда и былъ также хорошо принятъ его преемникомъ Эрнстомъ-Августомъ. Въ переговорахъ съ протестантами онъ принималъ въ основаніе ученіе католической церкви, какъ оно было изложено у Боссюета. Онъ предлагалъ протестантамъ присоединиться къ римской церкви и обѣщалъ, что имъ позволятъ сохранить всѣ обряды и догматы, а князьямъ ихъ всѣ права надъ церковью, которыя они себѣ присвоили. Онъ говорилъ, что ихъ священникамъ будетъ разрѣшено вступать въ бракъ, даже во второй разъ, а мирянамъ принимать причастіе подъ обоими видами. Одни могутъ называть себя старокатоликами, другіе — новокатоликами, и въ знакъ своего соединенія приверженцы одного исповѣданія могутъ быть допускаемы къ причастію въ церквяхъ другаго исповѣданія. Главная уступка заключалась въ томъ, что постановленія Тридентискаго собора, который довершилъ разрывъ между католиками и протестантами, могутъ быть несобязательными для послѣднихъ, а анаемы, произнесенныя на этомъ соборѣ противъ отступниковъ отъ ученія римской церкви, считаются отмѣненными впредъ до новаго вселенскаго собора. На этотъ соборъ протестанты будутъ призваны не какъ обвиненные, а какъ равноправные члены. Для этого папа сниметъ съ нихъ особенною буллою обвиненіе въ ереси, а они за всѣ эти уступки обяжутся не считать его за антихриста, а за старѣйшаго патріарха въ христіанствѣ, ко-

тому принадлежитъ первенство по званію, а не по управленію церковью, и то не на основаніи Божественнаго, а только человѣческаго и церковнаго права. Все это должно было быть опредѣлено и обезпечено еще до собора особыми конкордатами.

Эти предложенія не были только частнымъ мнѣніемъ Спинолы. Онъ имѣлъ полномочіе вести переговоры отъ императора Леопольда, хотя совершалъ свое путешествіе подъ предлогомъ устройства Остъ-индо-Германскаго торговаго общества. Онъ имѣлъ сильныхъ покровителей въ Римѣ, которые знали обо всемъ. Къ числу ихъ принадлежали кардиналы Чибо, Шо, Спинола (однофамилецъ) и особенно Албрици, папскій нунцій въ Вѣнѣ, нѣсколько ученыхъ богослововъ въ Римѣ, Перець, исповѣдникъ папы, генераль іезуитовъ патерь де-Нойель (Noyelles) и генераль Францисканцевъ. Самъ папа Иннокентій XI покровительствовалъ ему и поддерживалъ его собственноручными письмами и апостольскимъ бреве. Въ Римѣ не рѣшились дать Спинолѣ явное полномочіе потому только, что боялись оппозиціи французской партіи между кардиналами, во главѣ которой стоялъ кардиналъ д'Эстре (d'Estrées). Ибо въ это время происходили споры между папой и Людовикомъ XIV за такъ-называемыя привилегіи галликанской церкви, и приверженцы послѣдней находились въ открытой враждѣ съ папой.

Эрнстъ-Августъ назначилъ съ своей стороны Молануса, аббата Локкумскаго и предсѣдателя Ганноверской консисторіи, и придворнаго проповѣдника Виркгаузена, для того чтобы вести переговоры съ Спинолой. Къ нимъ были присоединены двое изъ либеральныхъ богослововъ Гельмштедтскаго университета, Ф. У. Каликстъ, сынъ знаменитаго Каликста, и профессоръ Мейеръ. Душою переговоровъ былъ Моланусъ, который составляетъ замѣчательное исключеніе между лютеранскими богословами XVII вѣка. Онъ былъ ученикомъ Каликста старшаго и не уступалъ своему учителю въ умѣренности и кротости. Но жизнь при такомъ веселомъ и либеральномъ дворѣ, какъ Ганноверскій, придала ему нѣсколько характеръ царедворца, и его либерализмъ въ богословскихъ вопросахъ принималъ иногда даже шуточный оборотъ ¹⁾.

¹⁾ На сколько глубже Лейбницъ понималъ религіозныя явленія, чѣмъ Моланусъ, доказываетъ слѣдующій случай, интересный для насъ тѣмъ, что въ немъ высказывается взглядъ Лейбница на энтузіастовъ и людей, одержимыхъ видѣніями.

Въ Люнебургѣ жила одна г-жа фонъ-Ашбургъ, религіозная энтузіастка, которая посвятила Спасителю одну изъ своихъ дочерей Розамунду, когда та еще

Ганноверскіе богословы сошлись довольно скоро съ Спинолой и подписались вмѣстѣ съ нимъ подъ трактатомъ, въ которомъ онъ изложилъ основанія для примиренія протестантовъ съ католиками. Они выказали даже бѣольшую уступчивость, чѣмъ отъ нихъ ожидалъ като-

не родилась на свѣтъ. Эта Розамунда, воспитанная въ убѣжденіи, что она посвящена Христу, еще въ дѣтствѣ имѣла видѣнія, будто бы Христосъ является ей во всемъ блескѣ Царства Небеснаго и дѣласть ей различныя откровенія. Въ 1691 году Розамунда, ставъ уже дѣвицей, начала обращать на себя общее вниманіе. Она давала отвѣты на вопросы, предлагаемыя ей на всѣхъ языкахъ и въ запечатанныхъ конвертахъ. Она была убѣждена, что отвѣты были ей внушаемы Христомъ. Иногда она бывала не въ состояніи давать отвѣты; тогда она говорила, что Христосъ не всегда ей отвѣчаетъ, а только когда захочетъ. Однажды она была очень печальна и горько плакала, потому что предложенныя ей вопросы были неприличнаго содержанія, и она говорила, что Христосъ явился ей очень гнѣвнымъ. Многие ей вѣрили. Люнебургскій суперъ-интендентъ Петерсенъ, вѣрившій въ тысячелѣтнее царство Господне, видѣлъ въ пророчествахъ Розамунды доказательство въ пользу своихъ убѣжденій и началъ проповѣдывать, что приближается пришествіе Христа. Онъ былъ за это лишенъ своего мѣста. Строгіе и ортодоксальныя богословы считали увѣренія и показанія Розамунды еретическими и печестивыми; Моланусъ находилъ ихъ смѣшными и подпучивалъ надъ Розамундой. Онъ говорилъ, что выраженія, съ которыми Спаситель будто-бы обращается къ Розамундѣ: моя царица, моя голубка, сколько извѣстно, не употребительны «на канцелярскомъ языкѣ Неба». Въ другой разъ, когда герцогиня просила его сказать свое мнѣніе о Розамундѣ, онъ писалъ Лейбницу: *Elle demande nostre sentiment sur l'histoire d'Ebsdorf; ce que j'ai donné sur le champ tout à cette heure en conseillant, qu'on mène, si tost qu'il sera possible, ces jeunes prophétesses aux eaux de Pyrmont pour leur nettoyer leurs entrailles, où se trouveront sans doute des obstructions terribles.* Oeuv. de L. ed. Foucher de C. I. p. 187.

Лейбницъ смотрѣлъ совершенно иначе на подобныя явленія. «Есть люди, пишетъ онъ Софьѣ, которые судятъ объ этомъ слегка (cavalièrement) и полагаютъ, что молодую пророчицу нужно отправить въ Пирмонтъ. Что касается до меня, то я убѣжденъ, что все происходитъ очень естественно, и разказъ о запечатанномъ письмѣ доктора Шота, на которое она отвѣтила по внушенію Христа, должно-быть, разукрашенъ. Впрочемъ я удивляюсь свойствамъ человеческого духа, силы и способности котораго намъ не все извѣстно. Если мы встрѣчаемъ такихъ людей, мы не должны ихъ бранить или стараться измѣнить ихъ, но желать, чтобы въ нихъ сохранилось это прекрасное настроеніе духа, подобно тому, какъ мы сохраняемъ какую-нибудь рѣдкость или драгоценность». Затѣмъ Лейбницъ объясняетъ признаки, по которымъ можно отличить видѣнія отъ настоящихъ пророчествъ, и говорить, что люди съ сильнымъ воображеніемъ могутъ имѣть такія живыя и ясныя видѣнія, что они принимаютъ ихъ за дѣйствительныя явленія. Это часто встрѣчается у молодыхъ женщинъ, воспитанныхъ въ монастыряхъ. Замѣчаютъ также, говоритъ Лейбницъ, что видѣнія находятся въ извѣстномъ отношеніи съ природными свойствами людей; послѣднее бываетъ

лическій епископъ, и согласились не только признать первенство папы въ званіи предъ остальными епископами, но и предоставить ему судебную власть надъ ними. Обѣ стороны согласились, что сліяніе протестантской церкви съ католическою возможно, съ тѣмъ чтобъ оба исповѣданія сохранили до новаго собора свои особые обряды и догматы. Было рѣшено, что всѣ пункты, въ которыхъ эти исповѣданія расходятся, должны находиться на одномъ положеніи съ спорными вопросами католической догматики, еще не опредѣленными церковью. Моланусъ

даже у настоящихъ пророковъ. Господь примѣняется къ нимъ, чтобы не дѣлать лишнихъ чудесъ. «Мнѣ часто кажется, что Іезекіиль былъ знакомъ съ архитектурой или былъ придворнымъ инженеромъ, потому что у него великолѣпныя видѣнія и ему представляются красивыя зданія. Но пророкъ изъ сельчанъ, какъ Сія или Амосъ, видитъ только ландшафты и сельскіе предметы, тогда какъ Давидъ, который былъ государственнымъ человѣкомъ, распоряжается всемірными монархіями. Дѣвушку, которую видѣли В. Св., конечно, нельзя сопоставить съ этими пророками; впрочемъ, ей кажется, что она видитъ Христа, потому что у протестантовъ нѣтъ святыхъ. Своею пламенною любовью къ Спасителю, возбужденною проповѣдями и чтеніемъ, она заслужила благодать видѣть образъ или явленіе Христа. Ибо почему не назвать этого благодатью? Она отъ этого счастлива, радуется своему счастью и полна самыми лучшими чувствами. Не нужно думать, чтобы благодать Господня всегда проявлялась чудеснымъ образомъ. Если Онъ пользуется естественными способностями нашего духа и свойствами окружающихъ насъ предметовъ, чтобъ освѣтить нашъ умъ, или исполнить сердце теплотой, то я считаю это благодатью. То множество пророковъ, которыхъ мы встрѣчаемъ у Израилтянъ, очевидно, не представляетъ намъ другаго явленія... Пророчества этой доброй дѣвушки будутъ неудачны, если она будетъ слишкомъ точно опредѣлять событія и входить въ подробности, и это повредитъ ей въ глазахъ большаго свѣта. Впрочемъ, я признаю, что великіе пророки, то-есть, тѣ, которые могутъ предсказывать точныя подробности событій, надѣлены сверхъестественною способностью. Ибо невозможно, чтобы человѣку съ его ограниченностью, какъ бы онъ ни былъ проникателемъ, удалось разрѣшить эти вопросы». Лейбницъ объясняетъ свою мысль о сверхъестественной благодати теоріей предъустановленной гармоніи и продолжаетъ: «Я не люблю трагическихъ событій, и желалъ бы, чтобы всѣмъ на свѣтѣ было хорошо. Я не одобряю также преслѣдованій хиліастовъ, за мнѣніе, которое находятъ себѣ поддержку въ Апокалипсисѣ, и жалю, что Петерсена хотять лишить мѣста. Аугсбургское исповѣданіе, какъ мнѣ кажется, осуждаетъ только тѣхъ хиліастовъ, которые нарушаютъ общественное спокойствіе. Заблужденіе же тѣхъ, которые спокойно ожидаютъ пришествія Христа, мнѣ кажется очень невиннымъ».

Герцогиня была въ восхищеніи отъ письма Лейбница; она находила въ немъ свои собственные взгляды, только послѣдовательно и философски развитые. «Я съ гордостью всѣмъ показывала ваше письмо, отвѣчаетъ она ему — *j'ai fait trop hée de votre lettre*; всѣ высказанныя вами мнѣнія такъ здравы, такъ свободны отъ предразсудковъ».

издалъ съ своей стороны вмѣстѣ съ Биркгаузеномъ сочиненіе, въ которомъ онъ изложилъ свой взглядъ на примиреніе церквей — *Methodus reducendae Unionis Ecclesiasticae inter Romanenses et Protestantas*. Главнымъ препятствіемъ для дальнѣйшаго успѣха переговоровъ было то, что Спинола не имѣлъ открытаго полномочія отъ папы и католическаго духовенства. Поэтому онъ снова отправился въ Римъ, чтобы выхлопотать себѣ это полномочіе.

Хотя Лейбницъ не принималъ официальнаго участія въ описанныхъ переговорахъ, но вслѣдствіе своей близости съ Моланусомъ онъ зналъ обо всемъ, и послѣдній, вѣроятно, даже пользовался его совѣтами. Къ Лейбницу обращались съ запросами нѣкоторые иностранные богословы (напримѣръ, Алберти), до которыхъ дошли слухи о томъ, что происходитъ въ Ганноверѣ, и которые боялись, чтобы протестанты не были обмануты. Лейбницъ долженъ былъ успокоивать ихъ, отчасти скрывая и отчасти защищая дѣйствія Ганноверскихъ богослововъ. Переговорами въ Ганноверѣ были одинаково недовольны какъ ревностные протестанты, такъ и католики; многіе сомнѣвались въ ихъ успѣхѣ. Между послѣдними былъ и католическій ландграфъ Гессенъ-Рейнфельзскій, который писалъ Лейбницу ¹⁾: „Я ничего болѣе не слышу о дѣлѣ епископа Тинскаго. Я чрезвычайно удивленъ тѣмъ, что ему въ Римѣ позволяютъ такъ дѣйствовать. Въ прошломъ столѣтіи тамъ не хотѣли одобрить интерима ²⁾, хотя послѣдній состоялъ только въ двухъ уступкахъ, на которыя легко можно было согласиться, а именно въ причастіи подъ обоими видами и въ бракѣ священниковъ. Поэтому я прихожу къ убѣжденію, что тѣ лютеране, которые думаютъ, что этотъ епископъ своими предложеніями только ставитъ ловушку протестантамъ, чтобы вселить въ нихъ раздоръ и потомъ привлечь хоть нѣкоторыхъ менѣе дорогою цѣной, не такъ просты. Ибо можно сказать навѣрное, что съ нашей стороны не уступать ничего существеннаго“ ³⁾. Въ томъ же смыслѣ выражался пражскій юристъ Блумъ въ своемъ письмѣ къ ландграфу.

Въ этихъ откровенныхъ признаніяхъ многіе протестантскіе исто-

¹⁾ Письмо отъ 11-го ноября 1684 года у *Rommel* — Leibniz und Landgraf Ernst. II, p. 50.

²⁾ Такъ называется, какъ извѣстно, предложеніе, сдѣланное Карломъ V протестантамъ, чтобъ ихъ возвратить въ католичество.

³⁾ Въ другомъ письмѣ p. 16 онъ пишетъ: *Trepidaverunt ubi non est timor, tant Jésuites, comme Théologiens Protestants de cette Réunion. Car il n'y a aucune, ny la moindre apparence du monde, que cela puisse réussir.*

рики, напримѣръ, Солданъ, находятъ поводъ сомнѣваться въ искренности Спинолы или по крайней мѣрѣ римской курии, съ вѣдома которой дѣйствовалъ послѣдній. Но хотя не подлежитъ сомнѣнiю, что римская церковь въ XVII вѣкѣ никогда бы не согласилась на малѣйшiя уступки, нельзя однако не допустить, чтобы небольшое число гуманнѣхъ католиковъ не было готово цѣной религiозной терпимости и своевременнѣхъ уступокъ купить подчиненiе протестантскихъ церквей — католической iерархiи. Что касается до Лейбница, то онъ считалъ унию возможной, но сомнѣвался, чтобы можно было скоро достигнуть успѣшнаго окончанiя дѣла. Однимъ изъ главнѣхъ препятствiй онъ считалъ неуступчивость и педантизмъ богослововъ. „Хотя я считаю дѣло возможнымъ, писалъ онъ ландграфу Эрнсту¹⁾, сообразно съ принципами обѣихъ сторонъ, я признаюсь однако, что при теперешнемъ состоянiи мiра успѣшное окончанiе его мнѣ кажется невѣроятнымъ. Для этого нужно было бы предположить въ массѣ людей и особенно въ богословахъ больше справедливости и разсудительности, чѣмъ отъ нихъ можно ожидать. Самъ епископъ Тинскiй не надѣется на скорый успѣхъ. Во всякомъ случаѣ эта попытка принесетъ ту пользу, что почва будетъ подготовлена, и потомство будетъ въ состоянiи пожать плоды“. Это убѣжденiе, что всякiй долженъ по возможности содѣйствовать примиренiю для успокоенiя своей совѣсти и что потомство воспользуется плодами, постоянно высказывается Лейбницемъ. Иногда онъ выражается съ большою увѣренностью о возможности примиренiя. Въ одномъ письмѣ къ ландграфу Лейбницъ говоритъ, что главное различiе (la plus grande contestation) между католиками и протестантами касается вышнѣхъ формъ (est sur des points de pratique). „Не смотря на это, достовѣрно, что какъ бы ни было велико различiе, примиренiе могло бы состояться по проекту епископа Нейштадтскаго безъ нарушенiя принциповъ обѣихъ сторонъ (sauf les principes des deux parties). Мнѣ это кажется неоспоримымъ, и это было признано свѣдущими богословами съ той и съ другой стороны; я впрочемъ не думаю, чтобы намъ пришлось видѣть исполненiе, такъ какъ съ обѣихъ сторонъ преобладаютъ страсти“.

Всего яснѣе высказывается взглядъ Лейбница на унию въ одномъ письмѣ, написанномъ въ 1691 году, когда онъ самъ началъ разочаровываться въ возможности успѣха. На постоянныя увѣренiя ландграфа, что уния не можетъ состояться, Лейбницъ возражаетъ: „Во-

¹⁾ Rommel. I, 324. № XIII, 1683. 27 Apr.

прось не въ томъ, возможно ли это дѣло въ настоящее время, и даже не въ томъ, устроится ли оно когда-либо, — все это зависитъ отъ обстоятельствъ, — но въ томъ, возможно ли и желательна ли (*licite*) оно само по себѣ, то-есть, возможно ли возстановить единство церкви не смотря на разногласіе въ нѣкоторыхъ догматахъ, которые одна сторона считаетъ истинными и опредѣленными церковью, другая же отвергаетъ. Говоря о возможности, я разумѣю возможность въ теоріи (*possibilité de droit*), не разбирая того, можно ли надѣяться на успѣхъ въ настоящее время и при настоящихъ обстоятельствахъ. Итакъ, дѣло въ томъ, чтобы разсмотрѣть, можетъ ли расколъ быть устраненъ съ помощью слѣдующихъ трехъ средствъ, взятыхъ вмѣстѣ: 1) дозволенія протестантамъ нѣсколькихъ отступленій въ обрядной части (*points de discipline*), на примѣръ, причащенія подъ обоими видами, брака священнослужителей, богослуженія на родномъ языкѣ; 2) объясненія по поводу нѣкоторыхъ разногласій, въ родѣ тѣхъ, которыя предложилъ Боссюетъ (эти объясненія показали, по крайней мѣрѣ по сознанию многихъ свѣдущихъ и умѣренныхъ протестантовъ, что католическіе догматы, взятые въ этомъ смыслѣ, кажутся имъ хотя не вполне истинными, но и не предосудительными); 3) устраненія нѣкоторыхъ возмутительныхъ обычаевъ и практическихъ злоупотребленій (*quelques scandales et abus de pratique*), противъ которыхъ возстаютъ протестанты и которыхъ сама церковь не одобряетъ. Послѣ этого одни могли бы причащаться у другихъ, по обрядамъ той церкви, въ которую они ходятъ, съ условіемъ, чтобы церковная іерархія, а слѣдовательно, и зависимость отъ папы были возстановлены. Разногласія въ вопросахъ, которые остались бы неразрѣшенными, также мало служили бы препятствіемъ, какъ споры схоластическихъ философовъ о благодати или разногласіе между Римомъ и Франціей по поводу четырехъ пунктовъ, выставленныхъ галликанскою церковью: все это, конечно, подъ условіемъ подчиненія тому, что церковь когда-нибудь поставитъ на новомъ вселенскомъ соборѣ, правильно составленномъ, на которомъ протестантскіе народы, вполне примиренные, были бы представлены, наравнѣ съ католическими, своими священниками и суперъ-интендентами, признанными въ качествѣ епископовъ и утвержденными папою.... Я поэтому совершенно согласенъ съ вашею свѣтлостью и даже повторяю ваши собственныя слова: *no, no, non me lo posso mai persuadere*, то-есть, я не думаю, чтобы можно было надѣяться на унию и считать ее возможною при настоящихъ обстоятельствахъ. Но я покорнѣйше прошу вашу свѣтлость разсмотрѣть

дѣло въ теоріи съ обыкновенною вашею проникательностью, и сказать, не была ли бы унія возможна, и даже необходима, если бы въ людяхъ было извѣстное расположеніе къ ней. Уже и этотъ фактъ довольно важенъ, чтобъ его вполне выяснитъ". Большинство католическихъ богослововъ, и во главѣ ихъ Боссюетъ, допускали только одинъ способъ примиренія — такъ-называемое изложеніе или снисходительное толкованіе католическихъ догматовъ. Болѣе умѣренные считали возможнымъ первый способъ, то-есть, дозволеніе протестантамъ нѣкоторыхъ отступленій, а немногіе изъ самыхъ либеральныхъ католиковъ соглашались на реформы въ своей церкви. Лейбницъ, какъ мы видѣли, совѣтуетъ примѣнить всѣ три способа ¹⁾). Хотя онъ считалъ реформы въ католичествѣ самымъ лучшимъ средствомъ для восстановления церковнаго единства ²⁾, онъ придавалъ однако большое значеніе также и объясненію догматовъ. Успѣхъ Боссюета его воодушевлялъ, и ему казалось чрезвычайно желательнымъ убѣдить протестантовъ въ томъ, что если католическіе догматы несправедливы, то по крайней мѣрѣ терпимы. Съ другой стороны онъ хотѣлъ доказать богословамъ обѣихъ сторонъ, что достигнуть соглашенія будетъ не трудно, если они оставятъ полемику и напротивъ постараются вникнуть въ ученіе своихъ противниковъ. Онъ поэтому возвратился къ своему давнишнему намѣренію, которое онъ имѣлъ еще въ Майнцѣ и о которомъ онъ такъ много говорилъ покойному герцогу Иоганну-Фридриху, — написать изложеніе католическихъ догматовъ. Онъ имѣлъ въ виду написать его такъ, чтобы нельзя было догадаться, къ какому исповѣданію принадлежитъ авторъ, а потомъ, въ случаѣ одобренія папой, чтобъ оно могло послужить точкой отправленія для соглашенія протестантовъ съ католиками. Лейбницъ тщательно скрывалъ это намѣреніе и говорилъ объ немъ только самымъ близкимъ друзьямъ. Въ 1684 году онъ пишетъ объ этомъ ландграфу: „Я собираюсь написать сочиненіе о нѣкоторыхъ спорныхъ догматахъ между католиками и протестантами, и если оно будетъ одобрено свѣдущими и умѣренными людьми, я буду счастливъ. Но необходимо, чтобъ отнюдь не знали, что авторъ не принадлежитъ къ римской церкви. Одно это пред-

¹⁾ Онъ подробно изложилъ свой взглядъ въ особенномъ трактатѣ: *Sur les Méthodes de la Réunion*, напечатанномъ у Фуше-де-Карея, во II томѣ.

²⁾ Il est constant que l'Esprit du Christianisme doit porter à la douceur, et que les vraies voyes pour gagner les Protestants auraient été et le seront encore la réforme des abus domestiques. *Rommel*, II, p. 59.

убѣжденіе (*cette seule prévention*) дѣлаеть подозрительными самыя лучшія намѣренія“.

Въ другомъ письмѣ къ ландграфу Лейбницъ говоритъ, что будъ „онъ католикомъ, онъ не оставилъ бы римской церкви, если бы только ему позволяли высказывать съ умѣренностью его мнѣніе о томъ что онъ желалъ бы подвергнуть измѣненію. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онъ и другіе, которые держатся такого же взгляда, были обязаны вступить въ католичество. Ибо отъ нихъ потребовали бы тогда прямого одобренія всего, что имъ не нравится, или по крайней мѣрѣ отвергали бы ихъ толкованіе спорныхъ вопросовъ. И даже, если бы имъ позволили вступить въ католическую церковь, ихъ всегда подозрѣвали бы и гораздо скорѣе стали бы преслѣдовать за ихъ жалобы чѣмъ тѣхъ, которые родились католиками. Поэтому для нихъ было бы всего вѣрнѣе ясно высказать свой взглядъ на спорные вопросы. Но для того, чтобъ ихъ толкованіе спорныхъ догматовъ было скорѣе принято католиками, можно бы прибѣгнуть къ *невинной уловкѣ* (*une adresse innocente*), то-есть, написать какое-нибудь сочиненіе объ этомъ, не обнаруживая, что авторъ его принадлежитъ къ другому исповѣданію“¹⁾.

На этотъ разъ Лейбницъ дѣйствительно исполнилъ свое намѣреніе и написалъ предполагаемое сочиненіе. Оно содержитъ полное изложеніе христіанской вѣры съ католической точки зрѣнія и доказываетъ, что самыя непонятныя догматы христіанскіе, какъ ученіе о Троицѣ, объ Евхаристіи и пр., заключаютъ въ себѣ таинства, но не противорѣчатъ разуму, и что съ другой стороны обряды и вѣрованія католической церкви полезны какъ средства, возбуждающія благоговѣніе. Но Лейбницъ не издалъ своего сочиненія и даже не подвергнулъ его окончательной обработкѣ, потому что оно не было одобрено герцогомъ Ганноверскимъ. Эрнстъ-Августъ очень сочувствовалъ ушн изъ политическихъ видовъ. Онъ хотѣлъ обязать императора Леопольда и надѣялся при возстановленіи церковнаго единства скорѣе достигнуть своей цѣли, курфиршескаго сана, такъ какъ въ этомъ случаѣ онъ не встрѣтилъ бы оппозиціи въ католическихъ князьяхъ. Какъ политикъ, онъ смотрѣлъ довольно равнодушно на различіе догматовъ и не любилъ богословскихъ споровъ. Онъ говорилъ, на примѣръ, что Самъ Господь не хотѣлъ, чтобы составилось опредѣленное и исключительное мнѣніе о мистическомъ смыслѣ Евхаристіи; иначе Онъ Самъ выразился бы объ этомъ точнѣе и опредѣленнѣе. При такомъ настрое-

¹⁾ Rommel II, p. 36.

нiя, герцогъ желалъ какъ можно скорѣе возстановить хоть виѣшнее единство церкви и мало заботился о томъ, будетъ ли достигнуто соглашенiе относительно догматовъ. Ему казалось, что всѣ совѣщанiя и споры богослововъ о догматахъ только отсрочать соединенiе церквей.

Лейбницъ не могъ разчитывать на успѣхъ своего плана безъ покровительства герцога. Въ 1686 году онъ пишетъ ему: „Этo не моя вина, если я не принадлежу къ той сторонѣ, которая права. Больше всего меня отталкивали отъ мнѣнiй римской церкви затрудненiя, которыя представляетъ догматъ объ Евхаристiи (я теперь не говорю объ обрядовой части) и философскiя убѣжденiя мои, связанныя съ ученiемъ о благодати. Я всегда старался прiйти въ этомъ отношенiи къ результату, который бы меня удовлетворялъ, и я почти достигнулъ этого. Но такъ какъ эти вопросы требуютъ тщательныхъ размышленiй о самыхъ трудныхъ отдѣлахъ метафизики, то очень легко впасть въ заблужденiе, если не сумѣешь придать своимъ умозаключенiямъ такую строгую послѣдовательность, какъ въ арифметической задачѣ, а вотъ это-то мнѣ и мѣшало остановиться на опредѣленномъ рѣшенiи. Арно, который вполнѣ свѣдуецъ въ новѣйшей философи, и какъ кажется, картезианецъ, никогда не рѣшался коснуться этого вопроса, или объяснить почти непобѣдимыя затрудненiя, представляемыя пресуществленiемъ; можетъ-быть, онъ боялся, что его объясненiе будетъ осуждено, какъ скоро появится въ свѣтъ. Поэтому я считаю слѣдующiй способъ самымъ вѣрнымъ, чтобы въ этихъ вопросахъ не впасть въ заблужденiе. Пусть какой-нибудь философски-образованный чело-вѣкъ, расположенный къ соединенiю церквей, напишетъ „изложенiе вѣры“, которое было бы нѣсколько подробнѣе, чѣмъ книга епископа Кондомскаго (Боссюетъ). Въ этомъ сочиненiи онъ долженъ стараться высказываться какъ можно точнѣе и искреннѣе о спорныхъ вопросахъ, избѣгать двусмысленныхъ выраженiй и схоластическихъ уловокъ и говорить самымъ простымъ языкомъ. Это изложенiе онъ могъ бы подвергнуть на судъ нѣкоторыхъ ученыхъ епископовъ изъ умѣренныхъ, скрывалъ какъ свое имя, такъ и свое вѣроисповѣданiе. Для того, чтобы расположить ихъ къ болѣе благосклонному приговору, онъ могъ бы подкрѣпить свое изложенiе авторитетомъ нѣкоторыхъ ученыхъ людей католической церкви. Но при этомъ онъ бы не спрашивалъ своихъ судей, раздѣляютъ ли они его убѣжденiя, а только, думаютъ ли они, что такiя мнѣнiя терпимы въ католической церкви. Никто не могъ бы такъ легко выхлопотать подобное одобренiе, какъ ваша свѣтлость. Для того, чтобы составить изложенiе вполнѣ цѣлесообразное,

слѣдовало бы прійти къ соглашенію съ вашею свѣтлостью. Во всякомъ случаѣ, состоится ли это или нѣтъ, но тотъ, кто сдѣлалъ все зависящее отъ него, чтобы не быть въ расколѣ, тотъ дѣйствительно членъ вселенской церкви, по крайней мѣрѣ *in foro interno* (внутренно), по удачному выраженію вашей свѣтлости. Я думаю, что было бы достаточно одобренія епископовъ, и что одобреніе самого Рима не очень нужно. Но можетъ-быть, и оно достижимо, если сумѣть его выкоптать, и я знаю, что въ Римѣ есть люди, которые были бы готовы содѣйствовать этому. Но безъ особенныхъ стараній, конечно, нельзя ожидать ничего подобнаго“.

Герцогу предложеніе Лейбница не понравилось. Ему хотѣлось избѣгнуть пространныхъ догматическихъ разсужденій. Въ другомъ письмѣ Лейбницъ пишетъ ему: „Изъ письма вашей свѣтлости, въ которомъ вы возражаете противъ того, что я сказалъ о пресуществленіи, я убѣдился, какъ трудно удовлетворить самыхъ справедливыхъ и просвѣщенныхъ людей, если не раздѣляешь въ точности ихъ мнѣній. Очень часто благія намѣренія не осуществлялись отъ того, что благомыслищіе люди, имѣвшіе одну и ту же цѣль, впадали въ противорѣчіе и не соглашались на счетъ средствъ, которыя нужно было употребить, хотя бы эти средства были дѣйствительно хороши и послѣдовательны. Вотъ это именно и случилось въ дѣлѣ о церковномъ примиреніи. Ваша свѣтлость стараетесь достигнуть его на основаніи древности и авторитета видимой церкви; при этомъ вы не одобряете подробнаго разбирательства спорныхъ вопросовъ и упрекаете меня въ томъ, что я удаляюсь отъ настоящаго пути. Что до меня касается, я могу сказать, что занимался древностью и что безконечно уважаю преданіе въ католической церкви. Не смотря на это, я считалъ важнымъ, — конечно, не для всякаго, а для тѣхъ, которые къ этому способны, — тщательное обсужденіе спорныхъ вопросовъ, чтобы не дѣлать себѣ потомъ упрековъ и быть въ состояніи дѣйствовать со всевозможною искренностью и точностью, безъ лицемерія и обмана“.

Сочиненіе Лейбница, которому онъ даже не далъ заглавія, имѣло оригинальную судьбу. Рукопись его оставалась около 100 лѣтъ незамѣченной въ его бумагахъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія на нее обратилъ вниманіе бібліотекарь Муръ, и она сдѣлалась извѣстна французскому ученому, аббату Эмери. По его настоянію она была вытребована въ 1810 году, во время занятія Ганновера Французами, дядею Наполсона, кардиналомъ Фешомъ. Оригиналъ остался у кардинала, былъ отвезенъ въ Римъ и возвращенъ Ганноверской би-

бліотекъ только по смерти кардинала въ 1843 году, послѣ долгихъ переговоровъ, благодаря стараніямъ бібліотекаря Перца. Между тѣмъ въ 1819 году сочиненіе Лейбница было издано въ Парижѣ подъ заглавіемъ «Systema Theologicum», и вслѣдъ за тѣмъ появилось еще нѣсколько изданій его во Франціи и Германіи⁴⁾. Оно было встрѣчено католиками съ большимъ энтузіазмомъ: они видѣли въ немъ религіозную исповѣдь Лейбница и на основаніи его утверждали, что онъ былъ тайнымъ католикомъ. Протестанты были въ большомъ затрудненіи, а вопросъ, какого исповѣданія собственно придерживался Лейбницъ, вызвалъ цѣлую полемическую литературу. Только тщательныя изслѣдованія бумагъ Лейбница въ сороковыхъ годахъ, по поводу его юбилея, возстановили все дѣло въ настоящемъ свѣтѣ. Гротендъ, сличая изданіе Лакруа съ рукописью, нашелъ въ этомъ изданіи нѣсколько важныхъ намѣренныхъ или невольныхъ ошибокъ. Оказалось, напримѣръ, что одно мѣсто, въ которомъ видѣли осужденіе протестантизма, неправильно прочитано; въ другомъ мѣстѣ было пропущено одно слово, которое показываетъ точку зрѣнія автора. Лейбницъ говоритъ: „Не напрасны были протесты *нашихъ*“ (nec vero irritae sunt protestationes nostrorum); потомъ онъ вычеркнулъ слово *нашихъ*, такъ какъ иначе можно было бы догадаться, что авторъ былъ протестантъ. Хотя Лакруа привелъ въ текстѣ всѣ поправки, сдѣланныя Лейбницемъ, онъ однако не упомянулъ объ этой. Совершенно ясно стало дѣло, когда въ 1847 году была издана переписка между ландграфомъ и Лейбницемъ, въ которой послѣдній говоритъ совершенно откровенно о своемъ намѣреніи, и называетъ его, между прочимъ, какъ мы видѣли, невинной уловкой — *une adresse innocente*.

Эти споры о значеніи такъ-называемой „Богословской системы“ Лейбница наводятъ насъ на вопросъ о его религіозныхъ убѣжденіяхъ, — вопросъ, который былъ столько разъ обсуждаемъ въ литературѣ и который вызвалъ такія различныя сужденія. Здѣсь намъ представляются собственно два вопроса: во-первыхъ, какъ относился Лейбницъ къ религіи вообще, и во-вторыхъ, какому вѣроисповѣданію онъ болѣе всего сочувствовалъ.

Ганноверскіе пасторы еще при жизни Лейбница обвиняли его въ безвѣріи, такъ какъ онъ не ходилъ въ церковь. Послѣ его смерти это мнѣніе еще болѣе распространилось, когда виртембергскій богословъ

⁴⁾ Первое изданіе полно ошибокъ. Болѣе правильно изданіе Lacroix 1845 г., который свѣрилъ его съ рукописью. Въ Германіи «Systema» было издано нѣсколько разъ, съ переводомъ: Leibnitzens System der Theologie übers. v. Räss u. Weis mit einer Vorrede v. Doller. 3 Aufl. 1825. Mainz.

Пфафъ напечаталъ письмо Лейбница къ нему, изъ котораго можно было заключить, что онъ „только ради шутки и своего удовольствія защищалъ религію отъ возраженій скептика Бейля, и что онъ собственно раздѣлялъ его убѣжденія“. Намъ еще придется говорить объ отзывѣ этого богослова и о письмѣ Лейбница по поводу его Теодицеи. Съ тѣхъ поръ многіе сомнѣвались въ религіозности и искренности Лейбница. Одною изъ основныхъ идей Лейбница было убѣжденіе въ гармоническомъ отношеніи (*conformité*) вѣры и разума, религіи и философіи. Большая часть его сочиненій и его переписки посвящена доказательству этого положенія, которое даетъ намъ ключъ къ выясненію его философской системы и его практической жизни. Лейбницъ признаетъ Откровеніе, но разумъ не противорѣчитъ ему, ибо кромѣ прямого Откровенія въ Священномъ Писаніи Богъ открываетъ человѣчеству религіозныя истины посредствомъ разума.

Признавая Откровеніе, Лейбницъ допускалъ всѣ догматы христіанской религіи, основанныя на немъ. „Я могу васъ увѣрить, пишетъ онъ ландграфу Эрнсту, что философскія сомнѣнія, о которыхъ я говорилъ въ моемъ прошломъ письмѣ, не содержатъ ничего, что бы противорѣчило мистеріямъ христіанства, то-есть, Троицѣ, воплощенію, Евхаристіи и воскресенію изъ мертвыхъ. Я считаю ихъ возможными, и такъ какъ Господь ихъ открылъ, то я признаю ихъ дѣйствительными“.

Эти слова могутъ служить исповѣдью Лейбница; то, что здѣсь сказано, онъ проводитъ во всѣхъ своихъ богословскихъ и философскихъ сочиненіяхъ. Онъ считалъ возможными таинственные догматы христіанства, потому что они не противорѣчили разуму. По опредѣленію Лейбница, разумъ есть логическое сѣвиденіе истинъ; истины же бываютъ двоякаго рода — *отчныя* или метафизическія, и фактическія.

Истины перваго рода положительно необходимы, такъ что противоположное имъ совершенно невозможно; сюда принадлежатъ истины логическія и математическія, напримѣръ, что сумма угловъ въ треугольникѣ равняется двумъ прямымъ. Утверждать противное было бы нелѣпостью, такъ какъ сумма угловъ въ треугольникѣ никогда не можетъ сдѣлаться больше или меньше двухъ прямыхъ. Истины втораго рода, это или законы, которые Богъ далъ природѣ, или же положенія, зависящія отъ этихъ законовъ, такъ напримѣръ, положеніе, что всѣ люди смертны. Эти истины мы узнаемъ или по опыту (*a posteriori*), или же съ помощью разума (*a priori*), усматривая цѣлесообразность, которая побудила Творца постановить эти законы. Цѣлесообраз-

ность ихъ имѣеть также свои правила и законы, но они существуютъ не по математической необходимости, а вслѣдствіе свободнаго выбора Господа, который предпочитаетъ лучшее и болѣе цѣлесообразное тому, что менѣе цѣлесообразно.

Все, что противорѣчитъ истинамъ и законамъ перваго рода, должно быть отвергнуто; но то, что только противорѣчитъ законамъ втораго рода, можетъ быть предметомъ религіозной вѣры, если эта вѣра имѣеть за себя достаточно поводовъ (*motifs de crédibilité*). Такие факты, которые противорѣчатъ законамъ, извлеченнымъ нами изъ опыта, но которые составляютъ предметъ нашей вѣры, называются чудесами. Откровеніе есть чудо и повѣствуетъ намъ о другихъ чудесахъ.

Въ этихъ чудесахъ, для того чтобы мы могли принять ихъ на вѣру, не должно быть логическаго противорѣчія, и точно также въ нихъ не должно заключаться противорѣчіе несомнѣннымъ математическимъ законамъ. Но они могутъ не согласоваться съ законами, извлеченными изъ опыта. Ибо Господь можетъ освободить свои творенія отъ законовъ, которые онъ вложилъ въ нихъ, и произвести въ нихъ то, что не слѣдуетъ изъ ихъ природы. Ибо обыкновенные поводы цѣлесообразности, ради которыхъ Богъ установилъ эти законы, могутъ уступать еще болѣе сильнымъ поводамъ высшей цѣлесообразности¹⁾. Есть много чудесъ, которыя намъ только кажутся сверхъестественными, потому что мы ихъ не умѣемъ объяснить, но которыя могутъ совершиться самымъ естественнымъ путемъ. Да и тѣ чудеса, для которыхъ было необходимо отступленіе отъ обыкновенныхъ законовъ природы, можетъ-быть, только для насъ, то-есть, относительно, составляютъ чудеса. Ибо они могли входить въ первоначальный планъ міроздавія и такимъ образомъ не нарушать его естественнаго хода. Въ этомъ отношеніи Лейбницъ прибѣгаетъ къ средству, которымъ пользовались средневѣковые богословы для того, чтобы примирить вѣру съ разумомъ. Онъ вмѣстѣ съ нами различаетъ то, что противно разуму (*wider die Vernunft*), и то, что выше разума (*über die Vernunft*). Докматы вѣры могутъ быть выше разума, то-есть, необъяснимы для насъ, но не должны противорѣчить нашему разуму, то-есть, логическимъ и математическимъ законамъ, которые мы познаемъ разумомъ.

Лейбницъ не только допускаетъ, но и требуетъ примѣненія разума къ объясненію предметовъ вѣры. Знаменитое изрѣченіе Тертуліана:

¹⁾ Les raisons générales du bien et de l'ordre, qui l'y ont porté, peuvent être vaincu dans quelques cas par des raisons plus grandes d'un ordre supérieur. Discours de la Conform. въ изд. сочин. Лейбн. Эрдманомъ р. 480.

„Умеръ Сынъ Божій — это достойно вѣры, ибо оно несообразно (*credibile est, quia ineptum est*); и погребенный Онъ воскресъ: это вѣрно, ибо невозможно (*certum est, quia impossibile est*)“ — Лейбницъ считаетъ только „остроумнымъ оборотомъ мысли“. Онъ же, напротивъ, того мнѣнія, „что отказываться отъ разума въ дѣлахъ вѣры почти вѣрный признакъ или упрямства, приближающагося къ фанатизму, или же, что хуже, ханжества ¹⁾. Но въ то же время онъ далекъ отъ поверхностнаго *раціонализма*, который сталъ господствовать въ XVIII вѣкѣ, и начала котораго многіе, напримѣръ, Куно Фишеръ, отыскиваютъ въ философіи Лейбница. Этотъ раціонализмъ дошелъ до нелѣпости своимъ желаніемъ устранить изъ религіи все сверхъестественное и прибѣгалъ постоянно къ самымъ смѣшнымъ натяжкамъ, чтобы объяснить чудеса естественнымъ путемъ. Лейбницъ возстаетъ противъ тѣхъ, которые смѣшиваютъ богословіе съ философіей, и говоритъ, что нужно строго различать между словами: понимать и объяснять, доказывать и утверждать ²⁾.

Есть чудеса, которыя Богъ совершилъ посредствомъ людей или ангеловъ, безъ нарушенія законовъ природы: но другія чудеса, напримѣръ, сотвореніе міра, воплощеніе и прочія дѣйствія Бога, превосходятъ всѣ силы твореній (*des créatures*) и составляютъ настоящія чудеса или таинства. Эти таинства или мистеріи могутъ быть объясняемы, на сколько это нужно для вѣры, но ихъ нельзя понять или сдѣлать понятными. Подобно тому и въ физикѣ можно объяснить до известной степени нѣкоторыя свойства тѣлъ (напримѣръ, законы притяженія), но причины ихъ остаются для насъ непонятными. Точно также нельзя доказать таинства съ помощью разума, ибо все, что можетъ быть доказано а priori, доступно пониманію. Цельзъ, говоритъ Лейбницъ, возразилъ христіанамъ, что если они причутся за свое обыкновенное выраженіе: „не изслѣдуйте, а вѣруйте“, то они по крайней мѣрѣ должны объяснить, что же это такое, во что я долженъ вѣровать. Въ этомъ отношеніи онъ правъ. Но не слѣдуетъ требовать для объясненія совершенно ясныхъ опредѣленій (*adaequate Begriffe*). Достаточно аналогическаго пониманія такихъ мистерій, какъ Троица и

¹⁾ Vouloir renoncer à la raison en matière de Religion est auprès de moi une marque presque certaine ou d'un entêtement approchant de l'enthousiasme, ou, qui pis est, d'une hypocrisie. Переп. съ латинск. Эрнстомъ № 29 1684 s. dato. Rommel. II, p. 54.

²⁾ Ils confondent: expliquer, comprendre, prouver, soutenir. Disc. de la conf. etc. p. 481 Изд. Erdm.

воплощеніе, для того чтобы мы, говоря о нихъ, не произносили бессмысленныхъ для насъ словъ, но не нужно, чтобы наше объясненіе равнялось полному пониманію. Достаточно, если мы отвѣтимъ на вопросъ: *что такое?* (τί ἐστὶ); отвѣтить же на вопросъ: *какъ* (πῶς) мы не въ состояніи. Лейбницъ говоритъ очень хорошо, что къ обыкновеннымъ объясненіямъ этихъ мистерій можно примѣнить слова, которыми королева Христина приказала вычеканить на медали въ память отреченія отъ престола: *Non mi bisogna, e non mi basta.* (Мнѣ это не нужно, и мнѣ этого не достаточно). Точно также не нужно доказывать эти таинства *a priori*; достаточно знать, что это такъ, и не нужно знать, *почему*; ибо Господь предоставилъ это знаніе себѣ одному и потому, какъ говоритъ Иосифъ Скалигеръ:

*Nescire velle, quae Magister optimus
Docere non vult, erudita incititia est* ¹⁾.

Поэтому намъ остается только принять таинства, основываясь на доказательствахъ въ пользу истины религіи (*motifs de crédibilité*), и защищать ихъ отъ возраженій. Лейбницъ въ этомъ случаѣ не допускаетъ неопровержимыхъ возраженій (*des objections invincibles*). По его мнѣнію, посредственный умъ, способный къ вниманію, въ состояніи, съ помощью правилъ обыкновенной логики, опровергнуть самое затруднительное возраженіе противъ истины, если это возраженіе заимствовано изъ разума ²⁾. Если же мы не въ состояніи опровергнуть возраженій противъ извѣстнаго догмата, то мы не имѣемъ права принимать его; ибо то, что можетъ быть вполне опровергнуто, непременно ложно, и потому абсолютныя возраженія должны считаться не только равносильными, но болѣе убѣдительными, чѣмъ доказательства въ пользу истины религіи, такъ какъ достовѣрность послѣднихъ не абсолютная, а нравственная ³⁾. Конечно, эти возраженія не дол-

¹⁾ Не желать узнать того, что лучший учитель не хочетъ открыть, есть ученое невѣдѣніе. См. Boekh. p. 497.

²⁾ Un génie médiocre capable d'assez d'attention et se servant exactement des règles de la logique vulgaire est en état de répondre à l'objection la plus embarrassante contre la vérité, lorsque l'objection n'est prise que de la raison. Disc. p. 487.

³⁾ Согласно съ тѣмъ, что Лейбницъ признаетъ два рода истинъ: абсолютныя, то-есть, логическія и математическія, и въ вторыхъ, фактическія, онъ различаетъ также двоякую достовѣрность (*Gewissheit*): абсолютную или метафизическую, которая вызывается истинами перваго рода, и нравственную — *certitudo morale*.

жны основываться на вѣроятности. Всякій знаетъ, что таинства религіи имѣютъ противъ себя вѣроятность, если разсматривать ихъ съ точки зрѣнія разсудка. Но достаточно, чтобы въ нихъ не было ничего несообразнаго, а для того, чтобы опровергнуть ихъ, были бы необходимы математически ясныя доказательства (*démonstrations*).

Лейбницъ допускалъ разумъ не только при провѣркѣ предмета вѣры (*l'objet de la foi*), то-есть, религіозныхъ догматовъ, для того чтобы въ нихъ не заключалось ничего безмысленнаго или никакого противорѣчія; но онъ требовалъ такой же разумной провѣрки поводовъ къ вѣрѣ (*les motifs de la crédibilité*). Я совершенно согласенъ, говоритъ онъ въ своемъ „Новомъ Опытѣ“, въ томъ, что вѣра должна быть основана на разумѣ, иначе не было бы причины предпочитать Библию Корану или древнимъ книгамъ браминовъ. Поэтому здравомыслящіе люди всегда смотрѣли съ подозрѣніемъ на тѣхъ, которые увѣряли, что не слѣдуетъ заботиться о доказательствахъ, когда дѣло идетъ о вѣрѣ; но отвергать доказательство невозможно, если *отричь* не должно значить *повторять* (*réciter*)¹⁾. Въ этомъ случаѣ у насъ не было бы столько прекрасныхъ сочиненій въ пользу истины христіанской религіи и столько убѣдительныхъ доказательствъ, выставленныхъ противъ язычниковъ и противъ древнихъ и современныхъ атеистовъ (*mécreants*).

Но здѣсь мы встрѣчаемъ у Лейбница интересную непослѣдовательность, ту же самую, которую мы замѣчаемъ у реформаторовъ, особенно у Лютера. Это одно изъ тѣхъ явленій, которыя постоянно встрѣчаются въ исторіи человѣчества; съ точки зрѣнія обыкновенной логики ихъ можно назвать непослѣдовательностью, но такая непослѣдовательность бываетъ часто великою историческою необходимостью.

Требуя разумной провѣрки доказательствъ въ пользу религіозныхъ догматовъ, Лейбницъ не допускалъ такой же провѣрки для главнаго источника вѣры, — для Священнаго Писанія; другими словами, онъ не допускалъ критики Священнаго Писанія. Для него, какъ и для Лютера, Библия есть святиныя, до которой нужно касаться осторожно. Не смотря на свою многостороннюю ученость, онъ не интересуется экзегетикой, то-есть, объясненіемъ Библии, и говоритъ только о буквальномъ и метафизическомъ пониманіи текстовъ. Онъ допускаетъ послѣднее въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ, тамъ, гдѣ Священное Писаніе припи-

¹⁾ Nouveaux Essais. p. 402. Изд. Эрм.

сываетъ Богу гнѣвъ и другія человѣческія страсти, гдѣ встрѣчаются антропоморфическія представленія, гдѣ упоминается, напримѣръ, о рукахъ Божіихъ. Не допускать въ этихъ случаяхъ метафизическаго объясненія, говоритъ Лейбницъ, значило бы впасть въ крайности нѣкоторыхъ англійскихъ фанатиковъ, которые полагаютъ, что Иродъ былъ дѣйствительно превращенъ въ лисицу въ ту минуту, когда Христосъ, говоря про него, назвалъ его лисицей. Но за то, по мнѣнію Лейбница, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло касается основныхъ догматовъ христіанства, нужно придерживаться буквальнаго толкованія. Объ исторической же критикѣ у Лейбница нѣтъ помина. Онъ относится даже враждебно къ пошткамъ этого рода. Говоря о книгѣ епископа Бёрнета, въ которой тотъ старался объяснить потопъ естественнымъ путемъ, Лейбницъ хвалитъ его намѣреніе, „потому что въ это время нужно особенно стараться зажимать ротъ тѣмъ, которые позволяютъ себѣ подвергать критикѣ Св. Писаніе“¹⁾. Правда, во время Лейбница эта критика была довольно безмысленна и исходила отъ людей пристрастныхъ и враждебно расположенныхъ къ изслѣдуемому предмету. Во всемъ этомъ Лейбницъ стоитъ совершенно на точкѣ зрѣнія реформаторовъ. Онъ поставилъ себѣ, какъ говоритъ Бекъ, опредѣленную грань: „до сихъ поръ и не дальше“²⁾.

Итакъ, опредѣляя отношенія Лейбница къ религіи и къ богословію, мы должны прійти къ слѣдующему заключенію. Онъ не смѣшиваетъ богословіе съ философіей, какъ въ средніе вѣка. Источникомъ перваго онъ считаетъ Откровеніе, источникомъ философіи — разумъ. Матеріаль богословія уже данъ, и Лейбницъ беретъ его готовымъ изъ рукъ богослововъ. Онъ не анализируетъ, не критикуетъ его, онъ не старается доказать его истину, его тождество съ результатами философіи; онъ хочетъ только доказать, что въ немъ нѣтъ противорѣчія разуму. Въ богословіи (*in theologia revelata*), пишетъ Лейбницъ герцогу Юганну-Фридриху, я берусь доказать, правда, не истину (*veritatem*), ибо та происходитъ изъ Откровенія, но возможность мистерій, противъ нареканій певѣрныхъ и атеистовъ. Вслѣдствіе этого онъ защищаетъ безъ различія римско-католическіе и протестантскіе дог-

¹⁾ Il y a beaucoup d'esprit et son dessein est très bon et très louable, parcequ' en ce temps cy il faut surtout tacher de fermer la bouche à ceux, qui se donnent la liberté de critiquer sur la Sainte Écriture. Цереп. съ ландгр. Эрн. Rommel II р. 41.

²⁾ A. Roekh — Leibnitz in seinem Verhältniss zur positiven Theologie въ *Raumer's Historisches Taschenbuch*. 1844 г.

маты. Онъ предпочитаетъ Аугсбургское толкованіе таинства причащенія¹⁾, но въ то же время всю сплю своей логики и силлогистики старается доказать возможность и разумность католическаго догмата причащенія. Онъ торжествуетъ, когда ему кажется, что его философія даетъ лучшее средство для того, чтобы объяснить этотъ догматъ, чѣмъ картезіанизмъ, съ точки зрѣнія котораго католическое толкованіе заключаетъ въ себѣ логическое противорѣчіе, слѣдовательно, безсмыслицу. Онъ гордится этимъ и постоянно выставляетъ на видъ преимущество своей философіи. Въ этомъ не нужно видѣть тщеславіе діалектика, который хочетъ выказать свое искусство, не заботясь о сущности дѣла, или хитрость политика, который желаетъ вызвать сочувствіе обѣихъ сторонъ. Напротивъ, это — взглядъ мудреца, который уважаетъ чужія убѣжденія, особенно въ религіозныхъ вопросахъ, и болѣе старается найти въ нихъ разумную сторону, чѣмъ подвергать ихъ насмѣшкамъ. Наконецъ, этотъ взглядъ находится въ связи съ стремленіемъ Лейбница примирить христіанскія вѣроисповѣданія и разсматривать ихъ какъ лучи одного свѣта, который различно преломляется, смотря по средѣ, чрезъ которую проходитъ.

Вотъ съ какой точки зрѣнія нужно разсматривать обвиненія, подобныя тому, которое выставилъ противъ Лейбница виртембергскій богословъ Пфафъ: „Я совершенно увѣренъ и убѣжденъ въ томъ, что Лейбницъ защищалъ въ своей Теодицѣ различные догматы нашей религіи, надъ которыми онъ въ другихъ случаяхъ смѣялся и которые отвергалъ свысока. Всѣ, которымъ удалось близко познакомиться съ нимъ, знаютъ убѣжденія этого царедворца и философа и его взглядъ на религію“²⁾. Пфафъ былъ оскорбленъ письмомъ Лейбница и объясненіемъ его друзей, что послѣдній въ этомъ письмѣ подшутилъ надъ нимъ. Подъ влияніемъ этого настроенія строгій богословъ могъ преувеличить дѣло. Но и помимо этого отзыва Пфафа можно предположить, что Лейбницъ считалъ ненужными и необязательными для себя многіе догматы, возможность которыхъ въ данномъ случаѣ онъ былъ готовъ

¹⁾ Quant à moi, пишетъ онъ Pellisson (puisque vous en demandez mon sentiment, Monsieur) je me tiens à la confession d'Augsbourg, qui met une présence réelle du corps de Jésus Christ et reconnoit quelque chose de mystérieux dans ce sacrement. Cela paroît plus conforme au texte et aux sentimens de l'antiquité, et on doit sauver le sens naturel des paroles, s'il est possible. Oeuv. de L. ed. Foucher de C. I p. 156.

²⁾ Placita, quae risit alias et naso adunco suspendit, e. g., dogma de praesentia reali. Norunt mentem viri aulici et philosophi ipsiusque circa religionem sententias, quibus virum penitus nosse contigit. Приведено въ статьѣ Вѣка р. 492.

защищать. Такъ, на примѣръ, не могъ же онъ въ одно и то же время допускать и лютеранское и католическое толкованіе таинства Евхаристіи, хотя онъ защищалъ и то и другое. Вообще, какъ мы говорили, Лейбницъ былъ не богословъ и принималъ богословскій матеріалъ, какъ его находилъ. Принимая въ цѣломъ христіанскую религію, онъ не считаетъ нужнымъ въ частностяхъ излагать свой субъективный взглядъ на тотъ или другой догматъ. Онъ часто приводитъ изъ исторіи догматовъ, что сама церковь допускала различныя толкованія. Въ этихъ случаяхъ онъ предпочитаетъ болѣе снисходительное и гуманное толкованіе. Часто онъ прибѣгаетъ къ невѣдѣнію. Такъ, на примѣръ, въ своемъ спорѣ съ Бейлемъ Лейбницъ принимаетъ ученіе о сотвореніи Адама и Евы и о грѣхопадѣніи такъ, какъ оно разказано въ Библии, защищаетъ его съ своей философской точки зрѣнія и заключаетъ словами: „Впрочемъ, мы не знаемъ достаточно ни свойства заповѣднаго плода, ни самого дѣйствія, ни послѣдствій его, чтобы судить о частностяхъ этого дѣла; необходимо только отдать Богу справедливость и не думать, чтобы это было то, что намъ изображаютъ живописцы“.

Во всякомъ случаѣ, каковы бы ни были личныя убѣжденія Лейбница относительно того или другаго догмата, за нимъ нужно признать настоящую религіозность. Когда умеръ Бейль, Лейбницъ выразилъ надежду, что онъ теперь „окруженъ истиннымъ свѣтомъ, котораго мы здѣсь лишены, такъ какъ можно предположить, что у него не было недостатка въ доброй волѣ“. Эти слова, за которыми люди ограниченныя готовы были назвать его атеистомъ, напротивъ, пропитаны глубокою религіозностью и бросаютъ полный свѣтъ на его убѣжденія. Они доказываютъ, что по его мнѣнію, въ религіи всего важнѣе доброе и неотступное желаніе достигнуть истины. Относительно же другихъ Лейбницъ не только высказывалъ пассивную терпимость, но, какъ хорошо выразился о немъ Бекъ, онъ старался привести каждого къ истинѣ по тому пути, на которомъ его находилъ.

Это послѣднее свойство Лейбница объясняетъ намъ его отношенія къ вѣроисповѣданіямъ. Признавая Откровеніе, Лейбницъ совершенно послѣдовательно признаетъ существованіе вселенской церкви, въ которой сохраняется и продолжаетъ жить это Откровеніе. Онъ въ этомъ отношеніи совершенно раздѣляетъ взглядъ реформаторовъ. Послѣдніе вовсе не желали произвести расколъ въ церкви, они хотѣли только очистить ее отъ злоупотребленій и заблужденій съ помощью вселенскаго собора, и даже когда ихъ требованія были отвергнуты

Римомъ, они продолжали считатьъ себя вмѣстѣ съ католиками членами одной вселенской церкви. Только когда Тридентинскій соборъ выяснилъ злоупотребленія, противъ которыхъ возставали протестанты, у нихъ стало преобладать чувство ненависти къ Риму и убѣжденіе, что никакая сдѣлка съ нимъ невозможна.

Лейбницъ, принимая вмѣстѣ съ реформаторами ученіе христіанской церкви первыхъ вѣковъ, не могъ допустить, чтобъ она вдругъ лишилась Откровенія и уклонилась отъ истиннаго пути, и вслѣдствіе этого онъ долженъ былъ совершенно послѣдовательно прійти къ признанію папства. Не слѣдуетъ забывать, что въ это время для европейскаго запада восточная церковь какъ бы не существовала. Въ Азіи она казалась совершенно погибшею подъ владычествомъ Турокъ, а о Россіи на западѣ почти не думали. Восточная церковь поэтому не входила въ расчеты Лейбница, и онъ не могъ смотрѣть на папство какъ на отпаденіе отъ вселенской церкви. Но кромѣ того папство само по себѣ имѣло для него много симпатичнаго. Къ религіознымъ убѣжденіямъ тутъ примѣшивались политическія. Ему нравилось средневѣковое представленіе о папѣ и императорѣ, стоящихъ во главѣ христіанскихъ народовъ. Такое устройство, казалось, устранило всякую вражду между народами, водворило гармонию между церковью и государствомъ и было земнымъ отраженіемъ царства небеснаго, управляемаго Господомъ.

Лейбницъ благоговѣлъ передъ римскою церковью, когда онъ представлялъ себѣ величавый строй и вѣковую нравственность ея іерархіи. „Я признаю, пишетъ онъ однажды ландграфу Эрсту¹⁾, что іерархія католической церкви и отличіе римскаго первосвященника (la distinction du pontife suprême) существуютъ по Божественному праву, ибо необходимо имѣть правителя надъ епископами и священниками“. Въ другомъ мѣстѣ Лейбницъ выражается еще рѣшительнѣе о томъ, что папство существуетъ по Божественному праву. „Такъ какъ Богъ, говоритъ онъ, Богъ порядка, и управленіе единой католической и апостольской церкви посредствомъ одного закона и одной вселенской іерархіи основано на Божественномъ правѣ, то изъ этого слѣдуетъ, что тѣмъ же правомъ пользуется духовный глава церкви, если онъ сдерживается въ предѣлахъ справедливаго“.

Но признавая за монархическимъ устройствомъ христіанской церкви Божественное происхожденіе, Лейбницъ не думаетъ отождествлять

¹⁾ V. XX 1684. Jan. Rommel II p. 19.

его съ папствомъ, то-есть, съ властью *римскаго епископа*. Идея, что церковь должна управляться монархически, вытекаетъ, по его мнѣнію, изъ Божественнаго начала, но примѣненіе ея, то-есть, самое устройство — въ рукахъ человѣка и поэтому подвержено измѣненіямъ сообразно съ потребностями времени. Оттого онъ прибавляетъ: „Глава церкви долженъ быть облеченъ правительственною властью и снабженъ всѣмъ необходимымъ, чтобъ имѣть возможность исполнять свое назначеніе и дѣйствовать въ пользу церкви; но что мѣстомъ и средоточіемъ этой правительственной власти избранъ Римъ, столица христіанскаго міра, это зависѣло отъ человѣческихъ соображеній“¹⁾.

Съ такой же точки зрѣнія Лейбницъ разсматриваетъ вопросъ о свѣтской власти папы. Свѣтская власть, по его мнѣнію, была бы не нужна, если бы духовенство было тѣсно связано съ нашою и еслибы оно своимъ образомъ жизни внушало уваженіе народу. Ибо тогда не было бы ни одного христіанскаго государя, который бы дерзнулъ навлечь на себя неудовольствіе такой корпораціи... „Но при теперешнихъ обстоятельствахъ, говоритъ Лейбницъ, мнѣ казалось бы полезнѣе присоединить всю Италію къ вотчинѣ св. Петра, чѣмъ уменьшать Церковную Область. Ибо было бы желательно, чтобы папа былъ довольно силенъ и могъ быть посредникомъ въ распряхъ христіанскихъ государей; но такъ какъ сила религіи кажется мнимой въ глазахъ мірскихъ людей (*les mondains*) въ нашъ испорченный вѣкъ, то было бы хорошо соединить съ нею свѣтскую власть“ (*le bras seculier*)²⁾. Странное заблужденіе въ такомъ опытномъ политическомъ дѣятелѣ! Лейбницъ могъ думать, что папство въ XVII вѣкѣ станетъ менѣе злоупотреблять своею свѣтскою властью, чѣмъ въ средніе вѣка, а воспользуется ею для водворенія въ Европѣ мира и справедливости!

Это объясняется тѣмъ, что въ то время, то-есть, въ началѣ 80-хъ годовъ, расположеніе Лейбница къ католицизму достигло своего высшаго предѣла. Болѣе 10-ти лѣтъ провелъ онъ въ католическихъ странахъ, и вездѣ видѣлъ католицизмъ только съ хорошей стороны, сна-

¹⁾ Cum Deus sit Deus ordinis et corpus unius Ecclesiae Catholicae et apostolicae uno regimine hierarchiaque universali continendum juris divini sit, consequens est, ut ejusdem sit juris supremus in eo spiritualis magistratus terminis se justis continens, directoria potestate, omniaque necessaria ad explendum munus pro salute Ecclesiae agendi facultate instructus, tametsi locus et sedes hujus potestatis in metropoli christiani orbis Roma cu humanis considerationibus placuerit. Письмо къ Фабриц. ed. Kortholt.

²⁾ «Rummel» I, 285.

чала въ Майнцѣ при дворѣ просвѣщеннаго курфирста Шепберна, затѣмъ въ Парижѣ, и наконецъ, въ Ганноверѣ при дворѣ ревностнаго католика, гуманнаго Іоганна-Фридриха. Онъ освободился отъ предразсудка, всосаннаго съ дѣтства, что въ католицизмѣ нельзя пайдти спасенія. Я согласенъ даже, пишетъ онъ ландграфу, что католическая церковь непогрѣшима во всѣхъ догматахъ вѣры, необходимыхъ для спасенія, вслѣдствіе особеннаго покровительства Св. Духа, которое было ей обѣщано¹⁾.

Въ такія минуты имъ овладѣваетъ какое-то влеченіе къ той церкви, которая носитъ и заслуживаетъ, по его мнѣнію, названіе вселенской. „Я охотно признаюсь, пишетъ онъ, что я бы желалъ во что бы ни стало приобщиться къ римской церкви, если бы я только могъ это сдѣлать съ настоящимъ спокойствіемъ духа и съ тою удовлетворенною совѣстью, которою я наслаждаюсь теперь въ полной увѣренности, что я не упускаю ничего для того, чтобы достигнуть такой желательной цѣли“²⁾.

Онъ прямо говоритъ своимъ единовѣрцамъ, что если бы подчиненіе палѣ могло повлечь за собою устраненіе зла и заблужденій въ католицизмѣ, то имъ слѣдовало бы призвать его главой церкви.

Но на вопросъ, почему же онъ самъ не присоединяется къ той церкви, которую онъ считаетъ непогрѣшимою, онъ всегда выставляетъ на видъ, впервыхъ, что у него есть нѣсколько философскихъ убѣжденій, которыя не будутъ терпимы въ католичествѣ, а въ этомъ случаѣ лучше не присоединяться, чѣмъ потомъ быть отвергнутымъ:

Турпиусъ еісітур, quam non admittitur hospes;

вовторыхъ, онъ указывалъ на множество заблужденій и злоупотребленій, которыя вкрались въ римскую церковь, особенно вслѣдствіе честолюбія духовенства, и которыя не позволяютъ ему присоединяться къ ней, прежде чѣмъ эти злоупотребленія будутъ устранены.

На это его католическіе друзья³⁾ возражали ему, что не возможно

¹⁾ Par une assistance spéciale du S. Esprit, qui lui a été promise.

²⁾ Car j'avoue très volontiers, que je voudrois estre dans la communion de l'Église de Rome à quelque prix, que je pourrois, pourvu que je le puisse faire avec un vray repos d'esprit, et cette paix de conscience, dont je jouis à présent; sachant bien, que je n'omets rien de mon costé pour jouir d'une union si souhaitable. Ibid. II, p. 21.

³⁾ O mon bon Monsieur Leibniz, писалъ ему ландграфъ Эрнстъ. On ne peut pas estre en partie Catholique et en partie non. La véritable mère fust reconnue, qu'elle ne voulut point son enfant partagé en deux pièces. N. XIX. Roumel. II, p. 16.

признавать римскую церковь вселенскою и непогрѣшимою и въ то же время не подчиняться ея авторитету, что нѣкоторыя изъ злоупотребленій, на которыя оны указывають, порицаются многими католиками, но что это не заставляетъ ихъ присоединиться къ еретикамъ.

Чтобы выйти изъ затрудненія, Лейбницъ прибѣгаетъ къ различенію видимой и невидимой церкви. Онъ допускаетъ двоякій способъ соединенія со вселенскою церковью, по духу и по обрядамъ (*virtualis et formalis*). Духовно принадлежать ко вселенской церкви всѣ народы, которые отдѣлились отъ католичества вслѣдствіе его уклоненія отъ ученія первоначальной церкви или вслѣдствіе злоупотребленій римской іерархіи. Лейбницъ замѣствуетъ у іезуитовъ различеніе между матеріальными и формальными еретиками. По мнѣнію іезуитовъ и нѣкоторыхъ умѣренныхъ католическихъ писателей, напримѣръ, Беллармина, настоящими еретиками можно считать только тѣхъ, которые сознательно придерживались какого-нибудь вреднаго ученія и возставали противъ католической церкви (*haeretici formales et contumaces*); тѣ, напротивъ, которые чистосердечно заблуждались относительно какого-нибудь догмата и грѣшили не по духу, а въ самомъ ученіи (*materia fidei*), заслуживали снисхожденія. Лейбницъ говоритъ въ одномъ письмѣ къ Пелиссону: „Католики согласны въ томъ, что могутъ быть еретики по заблужденію (*des hérétiques matériels*), которыхъ они не рѣшаются осуждать, такъ какъ по ихъ мнѣнію, только неповновеніе даетъ поводъ къ осужденію. Но тотъ, кто не слышитъ повелѣнія, или не понимаетъ его, или же не въ состояніи исполнить его, хотя бы старался объ этомъ, не можетъ быть обвиненъ въ непослушаніи“. Лейбницъ сравниваетъ положеніе протестантовъ съ положеніемъ какого-нибудь астронома, напримѣръ, Галилея, который убѣжденъ въ справедливости Коперниковой системы и за то подвергается отлученію отъ церкви. Лейбницъ допускаетъ два случая, въ которыхъ отлученіе отъ видимой церкви не влечетъ за собой дѣйствительнаго раскола: чистосердечное заблужденіе съ полною увѣренностью своей правоты (*une erreur invincible*) и несправедливое отлученіе отъ церкви вслѣдствіе ошибки или недоразумѣнія духовной власти. Въ этихъ случаяхъ можно быть спасеннымъ и внѣ церкви. Лейбницъ подтверждаетъ это ученіемъ о двойномъ покаяніи, которое было принято на Тридентинскомъ соборѣ. Первое — *attritio* — есть покаяніе внѣшнее, вызванное страхомъ наказанія или надеждой на возмездіе; такое покаяніе можетъ повести къ спасенію, если къ нему присоединяется дѣйствіе церкви, отпущеніе грѣховъ и причащеніе.

Второй родъ покаянія — *contritio* — есть настоящее покаяніе; оно состоитъ въ искреннемъ раскаяніи и намѣреніи исполнять повелѣнія Божіи. Такое покаяніе можетъ привести къ спасенію даже безъ помощи вышеприведенныхъ дѣйствій церкви. Лейбницъ выводитъ изъ этого, что всякій стоящій внѣ церкви не по своей винѣ, а слѣдовательно, и протестанты, и приносящій истинное покаяніе можетъ быть спасенъ безъ содѣйствія церкви. Такъ какъ Лейбницъ признавалъ преемственность іерархіи, то ландграфъ Эрнстъ замѣчалъ ему, что протестантскіе священники, которые не посвящены въ свое званіе епископомъ настоящей церкви, стоятъ внѣ этой преемственной іерархіи, управляемой Св. Духомъ, и потому не имѣютъ права исполнять требы. На это Лейбницъ возражалъ, что съ католической точки зрѣнія можно смотрѣть на протестантскихъ священниковъ, какъ на исполняющихъ временно свою должность, и тѣмъ не менѣе признавать законную силу совершаемыхъ ими требъ. По канонамъ древней церкви допускались даже міряне къ исполненію священнодѣйствій за отсутствіемъ духовенства. Въ подтвержденіе своего мнѣнія Лейбницъ приводитъ слова Тертуліана. Далѣе онъ предполагаетъ, что если бы нѣсколько христіанъ были занесены кораблекрушеніемъ на какой-нибудь неизвѣстный островъ Новаго свѣта къ дикарямъ, то они имѣли бы полное право избрать между собой нѣсколько человѣкъ и поручить имъ совершеніе священнодѣйствій ¹⁾.

Мы можемъ думать, что Лейбницъ прибѣгалъ ко всѣмъ этимъ діалектическимъ оборотамъ и богословскимъ тонкостямъ не для своего собственнаго успокоенія, а для защиты отъ упрековъ такихъ ревностныхъ католиковъ, какъ ландграфъ Эрнстъ и Арно, которые обвиняли его въ ереси. Онъ былъ вполне убѣжденъ въ правотѣ протестантизма и не одобрялъ тѣхъ измѣненій въ догматахъ и въ церковномъ устройствѣ, которыя были введены въ средніе вѣка, въ эпоху глубокаго варварства, и вслѣдствіе которыхъ римская церковь такъ далеко уклонилась отъ христіанской церкви первыхъ вѣковъ. Лейбницъ желалъ возвратиться въ католическую церковь, но подлѣ условіемъ реформы ея и устраненія всѣхъ этихъ средневѣковыхъ варварскихъ наростовъ. Однимъ словомъ, онъ былъ католикомъ въ томъ же самомъ

¹⁾ Quant aux Ministres des Protestants, si nous supposons avec eux, que le schisme doit être imputé plutôt à l'Église Romaine, qu'à eux, ils auront une vocation et mission extraordinaire, telle qu'auroit un laïque, qui se trouveroit dans une isle du Nouveau Monde parmi des barbares, qu'il auroit le bonheur de découvrir et de convertir. Rommel. II, p. 45.

смыслѣ, въ какомъ и Меланхтонъ и другіе реформаторы считали себя католиками ¹⁾).

Вотъ что писалъ онъ за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти въ своей „Исторіи Западной Имперіи“. Онъ говоритъ по поводу смерти императора Оттона III, которая заключаетъ собой X-й вѣкъ, о значеніи этого вѣка: „Большинство писателей осыпаютъ этотъ вѣкъ упреками. Они обвиняютъ его въ нескѣжествѣ, въ варварствѣ, въ суевѣріи. У него мало защитниковъ, между которыми отличается Антоній Арно, замѣчательный человекъ, который былъ моимъ другомъ. Я не одобряю повода, по которому онъ защищалъ этотъ вѣкъ, не признаю постоянства ученія въ церкви, которое онъ восхваляетъ, и не отрицаю помраченія, которое постепенно овладѣло церковью. Въ X-мъ столѣтіи это помраченіе еще далеко не достигло своего предѣла, хотя въ это время укоренилось ученіе Пасхазія объ Евхаристіи (правда, оно тогда оспаривалось Геригеромъ изъ Лоббеса) и поклоненіе иконамъ, противъ котораго устояли Франки во времена Каролинговъ. Но тогда папа еще считался намѣстникомъ Петра, а не Бога на землѣ, не слыханы были еще бредни о его непогрѣшимости, авторитетъ церкви не освящался кровью, или еще хуже — огнемъ, еще не выставляли на обожаніе Гостію и не искажали таинства Евхаристіи (*mutilabatur*) тѣмъ, что лишали народъ вина. Еще сохранилась древняя форма крещенія, а епископы Германіи по старинному обычаю проповѣдывали въ церквахъ, капоники слѣдовали уставу общежитія, а при соборныхъ церквахъ и знаменитыхъ монастыряхъ процвѣтали школы, которыми руководили замѣчательные люди. Все это рушилось тогда, когда римскіе епископы захватили господство надъ церковью (*dominatum ecclesiae invasere*), и ихъ посланцы, нищенствующіе монахи, овладѣли школами. Тогда-то смѣшныя ухищренія (*argutiae*) заступили мѣсто свѣтлаго ученія, и тупѣйшая жестокость истребляла огнемъ и мечомъ всѣхъ, которые мыслили иначе. Германія лишилась государя, благодаря кознямъ духовенства, и разрывалась постоянными усобицами; вмѣстѣ съ государствомъ упала наука, общественное спокойствіе нарушено, мѣсто закона заступилъ обычай разрѣшать споры оружіемъ, и что хуже оружія, варварскою властью тайныхъ судилищъ; всѣ эти бѣдствія достигли у насъ въ XIV вѣкѣ своего высшаго развитія“.

Но то, что было истреблено суевѣріемъ и грубымъ фанатизмомъ

¹⁾ См. Pertz — Ueber Leibnizens kirchliches Glaubensbekenntniss въ Schmidt *Allgemeine Zeitschrift f. Geschichte*. VI B. 1846.

варварской эпохи, могло быть исправлено лучшими временами. Лейбницъ былъ живо убѣжденъ въ возможности реформы католической церкви. Подъ 963 годомъ онъ разказываетъ въ своей исторіи изложеніе порочнаго Іоанна XII императоромъ Оттономъ Великимъ и назначеніе ему преемникомъ Льва VIII. Въ свое время это назначеніе считалось воиолѣ законнымъ. На императора смотрѣли какъ на покровителя церкви, которому порученъ въ извѣстномъ смыслѣ надзоръ за ея интересами: въ выборѣ новаго папы кромѣ того принимало участіе высшее духовенство Италіи и Германіи. Не смотря на это, позднѣйшіе канонисты, особливо Белларминъ и Бароній, исходя отъ понятій своего времени, считали назначеніе Льва VIII незаконнымъ. Лейбницъ разказываетъ, какъ все происходило, и опровергаетъ доводы своихъ противниковъ съ помощью постановленій древняго каноническаго права. Онъ доказываетъ несостоятельность главнаго довода, приведеннаго Бароніемъ, будто бы тотъ, кто поставленъ выше, не подсудимъ низшимъ. Лейбницъ возражаетъ противъ этого, что тотъ, кто выше другихъ, взятыхъ отдѣльно, можетъ однако быть ниже ихъ, если ихъ взять вмѣстѣ. „Такіе доводы, говоритъ онъ, извинительны въ обыкновенныхъ вопросахъ; если же они получаютъ слишкомъ обширное примѣненіе и распространяются на все, тогда они становятся мнѣніемъ льстецовъ и невѣждъ; притомъ они давно опровергнуты самими католиками, ставившими соборъ выше папы. Епископы, говоритъ Лейбницъ, не подчинены папѣ по Божественному праву, но должны считаться его товарищами. Самъ папа называетъ ихъ братьями. По разумному желанію государей и народовъ Запада, римскому епископу, въ извѣстномъ смыслѣ, подсудны остальные епископы. Но если онъ не достоинъ своего призванія, если пастырь превращается въ волка, если благосостоянію церкви грозитъ опасность, тогда возобновляются прежнія отношенія, и римскій епископъ подлежитъ суду императора и своихъ братій. Развѣ можно терпѣть изъ-за какихъ-то новыхъ принциповъ права, чтобы преступникъ стоялъ во главѣ церкви, своимъ примѣромъ вводилъ въ искушеніе людей, и никто бы не смѣлъ ему сказать: папа, что ты дѣлаешь? Въ государствѣ высшій законъ есть благосостояніе народа, а въ церкви спасеніе душъ: *salus populi in republica, salus animarum in ecclesia suprema lex est.*

Затѣмъ Лейбницъ продолжаетъ свою полемику противъ Баронія и указываетъ на то, что послѣдній въ этомъ случаѣ не прибѣгаетъ къ своему обыкновенному способу судить о событіяхъ по ихъ исходу, какъ бы по Божьему суду. Онъ заключаетъ свою полемику слѣдую-

щими замѣчательными словами, въ которыхъ вполнѣ высказывается его взглядъ на религіозныя дѣла: „Я не могу одобрить, что по вѣнцѣ или по допущенію Рима искажена чистота религіи, что христіанство по отдѣленіи восточныхъ и южныхъ народовъ осквернено и сдѣлано смѣшнымъ, что варварскими вѣками порождено нелѣпое и неизвѣстное апостоламъ Христа богословіе; не смотря на это, я всегда желалъ, чтобъ былъ восстановленъ авторитетъ перваго епископскаго престола и древняя форма церковной іерархіи съ тѣмъ условіемъ, съ которымъ Меланхтонъ подписалъ Смалкальденскія постановленія: если папы уступятъ Христову евангелію ¹⁾. Я не отчаиваюсь въ возможности этого счастливаго для человѣчества событія, которое зависить отъ согласія трехъ или четырехъ людей. Развѣ не можетъ въ Германіи, предназначенной для просвѣщенія народовъ, появиться послѣ Карла и Оттона третій великій императоръ, который возвратитъ Риму апостольское и католическое призваніе? Если его намѣренія будутъ содѣйствовать три или четыре могущественныхъ короля, дѣло можно считать поконченнымъ. Мракъ, покрывшій земной шаръ, уже разсѣянъ свѣтомъ, внесеннымъ наукой и исторіей, и большинство ученыхъ и опытныхъ католиковъ убѣждены въ необходимости реформы, хотя умалчиваютъ объ этомъ. Но придетъ, придетъ время, когда вездѣ можно будетъ высказывать эту спасительную истину“.

Эти слова Лейбница, написанныя года за два до его смерти, доказываютъ, что онъ принималъ самое искреннее участіе въ дѣлѣ примиренія церквей и въ реформѣ католичества, ибо онъ глубоко вѣрилъ въ возможность реформы и ожидалъ отъ нея самыхъ благотѣльныхъ результатовъ для человѣчества. Онъ надѣялся на эту возможность, потому что вѣрилъ въ прогрессъ человѣчества и въ Провидѣніе, которое управляетъ его историческими судьбами.

Для выясненія религіозныхъ убѣжденій Лейбница мы такъ часто прибѣгали къ его перепискѣ съ ландграфомъ Эрнстомъ, что должны остановиться нѣсколько времени на личности послѣдняго. Онъ заслуживаетъ нашего вниманія не только по своимъ близкимъ отношеніямъ

¹⁾ Ego qui probare non possum, Roma vel curante vel connivente puritatem divini cultus oppressam, christianismum dissentientibus orientis et meridiei populis abominabilem aut ridiculum factum, theologiamque ineptam et ignotam Christi apostolis per barbariem temporum in Orbem inductam; semper tamen primae Sedis autoritatem et hierarchiae ecclesiasticae veterem formam restitui ea, qua Melancthon Smalcaldensibus articulis subscribens, lege optavi: si pontifices dent evangelio Christi locum.

въ Лейбницу, но какъ одна изъ типическихъ личностей XVII вѣка. Эрнстъ, родившійся въ 1623 году, былъ сыномъ рыцарственнаго ландграфа Гессенъ-Кассельскаго, Морица, извѣстнаго своею дружбой съ Генрихомъ IV. Какъ всѣ принцы своего времени, онъ получилъ чрезвычайно религіозное воспитаніе. Три раза въ день онъ долженъ былъ предаваться молитвѣ и пѣнію религіозныхъ гимновъ и чтенію Библии; по воскресеньямъ онъ долженъ былъ выслушивать двѣ проповѣди, по средамъ и пятницамъ по одной. Онъ зналъ наизусть Гейдельбергскій катихизисъ, принятый реформатами Германіи, и 200 текстовъ изъ Библии. Вслѣдствіе этого онъ самъ такъ пристратился къ богословскимъ занятіямъ, что въ теченіе своей жизни прочелъ всю Библию болѣе 30 разъ, любилъ парафразировать ее и сочинять богословскія и нравственныя разсужденія.

Четырнадцать лѣтъ онъ предпринялъ съ своимъ учителемъ, строгимъ богословомъ Фабриціемъ, четырехлѣтнее путешествіе по Швейцаріи и Франціи, чтобы посѣтить самыя замѣчательныя реформатскія университеты. По обычаю времени ему внушили такое отвращеніе къ католицизму, что первая встрѣча съ іезуитомъ навела на него ужасъ. Но уже во время своего путешествія онъ началъ отдѣляться отъ этого чувства подъ вліяніемъ любознательности и интереса къ богословскимъ вопросамъ. Въ Авиньонѣ онъ посѣщалъ папскаго легата и охотно присутствовалъ при богослуженіи въ католическихъ церквахъ, избѣгая только утренней обѣды, чтобы не преклонять колѣнъ предъ идоломъ, какъ онъ тогда называлъ Гостію.

По возвращеніи изъ своего путешествія онъ вступилъ въ военную службу. Это было время Тридцатилѣтней войны; Гессенцы были въ союзѣ съ Франціей и Швеціей. Эрнстъ поэтому сражался то во французскомъ, то въ гессенскомъ войскѣ, и выказалъ такую храбрость, что король французскій прислалъ 22-лѣтнему герою поздравительное письмо и подарокъ въ 6.000 ливровъ. Подъ конецъ войны онъ былъ посланъ съ кавалерійскимъ отрядомъ на выручку гессенскаго генерала, Гейзе, который былъ осажденъ австрійскими войсками. Эрнстъ, благодаря своей отважности, успѣшно исполнилъ свое порученіе, но при этомъ самъ былъ отрѣзанъ и взятъ въ плѣнъ. Это случайное событіе не осталось безъ вліянія на его жизнь. Его помѣстили въ одной компаніи съ іезуитскимъ патеромъ Шоттомъ, которому было поручено обращать его въ католицизмъ. Этотъ патерь, какъ всѣ его товарищи, выказалъ удивительную способность къ своей роли. Онъ преимущественно старался дѣйствовать снисходительностью и уступ-

чивостью на молодого пылкаго воина, охотно увлекавшагося богословскими спорами. Однажды, когда Эрнстъ упрекалъ католиковъ за то, что они оказываютъ слишкомъ большое и суевѣрное почитаніе иконамъ и расцѣпкамъ, іезуитъ для опроверженія бросилъ въ огонь каминъ свое распятіе и держалъ его тамъ, пока самъ Эрнстъ не вынулъ его изъ огня.

Послѣ Вестфальскаго мира Эрнстъ занялся устройствомъ своихъ дѣлъ. Его отецъ былъ два раза женатъ, и имѣлъ 18 человѣкъ дѣтей; чтобы не обидѣть дѣтей отъ втораго брака, онъ выдѣлилъ имъ четвертую часть своихъ владѣній, съ тѣмъ чтобы они владѣли ею сообща, но подъ верховной властью ландграфовъ Гессенъ-Кассельскихъ (такъ-называемая Universalquart). Такія отношенія подавали поводъ къ несюмчасымъ спорамъ. Эрнстъ вскорѣ остался одинъ изъ шести братьевъ, которые почти всѣ погибли на войнѣ. Въ немъ разыгралось честолюбіе. Ему хотѣлось освободиться изъ-подъ власти старшей линіи и сдѣлать изъ своего участка совершенно самостоятельное государство. Это намѣреніе стало цѣлью его жизни и имѣло самое рѣшительное вліяніе на его образъ мыслей.

Въ своей тяжбѣ съ ландграфами Гессенъ-Кассельскими онъ сначала искалъ опоры у императора, въ интересахъ котораго было подерживать младшихъ князей и мелкихъ владѣтелей Германіи противъ старшихъ и могущественныхъ. Когда онъ не достигъ своей цѣли и когда вслѣдствіе войнъ съ Франціей произошелъ союзъ между Гессенъ-Касселемъ и Австріей, Эрнстъ началъ искать сближенія съ Франціей. Онъ велъ себя такъ двусмысленно въ войнахъ между Франціей и Германіей, что навлекъ на себя подозрѣніе въ измѣнѣ. Въ его владѣніяхъ находилась крѣпость Рейнфельзъ, которая славилась своею неприступностью и имѣла на Рейнѣ такое же стратегическое значеніе, какъ въ наше время Эрсбрейтштейнъ. Эрнстъ былъ обязанъ во время войны принимать въ свои крѣпости кассельскій гарнизонъ, что для него было весьма непріятно, ибо это было доказательствомъ его зависимости и давало ландграфу Кассельскому возможность занять его владѣнія. Вслѣдствіе упрямства Эрнста, крѣпость Рейнфельзъ нѣсколько разъ подвергалась опасности быть захваченною Французами. Въ 1663 году Эрнстъ вступилъ даже въ переговоры съ Людовикомъ XIV, въ которыхъ обѣщавъ уступить ему Рейнфельзъ за ежегодную пенсію и значительную сумму денегъ. Однако, письма, касающіяся этихъ переговоровъ, были перехвачены. Эрнстъ оправдывался тѣмъ, что съ его стороны это было только хитрою уловкой,

для того чтобы вынудить у французскаго правительства уплату значительной суммы денегъ, которую одинъ изъ его предковъ далъ въ займы Генриху IV. Оправданіе это заслуживаетъ нѣкотораго вѣроятія, такъ какъ Эрнстъ былъ въ душѣ патріотъ и преданъ австрійскому дому, хотя личные интересы у него, какъ и у многихъ другихъ современниковъ, нерѣдко умѣряли его патріотическое чувство.

Мы упомянули о политическихъ отношеніяхъ ландграфа Эрнста, потому что ими отчасти объясняется самый важный поступокъ въ его жизни—принятіе католицизма. Переходы въ католицизмъ были очень нерѣдкимъ явленіемъ во второй половинѣ XVII вѣка, особенно между лицами царскаго происхожденія. Католическіе писатели съ торжествомъ указывали на это явленіе ¹⁾ и составляли длинные списки такихъ переходовъ, хотя они не имѣютъ причины гордиться ими, ибо большая часть этихъ переходовъ обуславливалось политическими соображеніями и личными интересами. Но кромѣ того въ самомъ настроеніи XVII вѣка было нѣчто предрасполагавшее къ католицизму. Въ началѣ нашего вѣка романтизмъ, то-есть, фантастическія представленія о среднихъ вѣкахъ идеализировали католицизмъ и поэтому во многихъ вызвали склонность къ нему. Такое же вліяніе имѣли въ XVII вѣкѣ мечты и попытки о соединеніи церквей, о которыхъ мы говорили. Послѣ ужасовъ, порожденныхъ религіозною враждой въ пору Тридцатилѣтней войны, многими овладѣло какое-то нравственное утомленіе, какая-то потребность примиренія. Протестанты находились при этомъ въ невыгодномъ положеніи; ибо такъ какъ они отдѣлились отъ католицизма, то всѣ стремленія къ соединенію церквей съ ихъ стороны естественно принимали характеръ возвращенія въ католицизмъ, старанія же католиковъ принимали видъ прозелитизма. Многие протестанты, исходя отъ синкретизма, то-есть, отъ снисходительнаго толкованія католическихъ догматовъ, теряли почву подъ собой и мало по малу увлекались стройностью и послѣдовательностью католическаго ученія. Для другихъ была пагубна любознательность и интересъ къ богословскимъ спорамъ. Протестантизмъ по своему историческому происхожденію неспособенъ къ пропагандѣ. Такъ какъ реформаторы поставили себѣ цѣлью *реставрировать* христіанскую церковь въ той же формѣ, которую она имѣла въ первые вѣка, и при этомъ могли руководствоваться только индивидуальными убѣжденіями

¹⁾ Напримеръ, *Theiner* — Geschichte der Zurückkehr der regierenden Häuser von Braunschweig und Sachsen in den Schoos der katholischen Kirche etc. 1843.

и личною совѣстью, то они не имѣли такого непогрѣшимаго критеріа, какъ католики въ авторитетѣ своей церкви, и должны были сдѣлаться болѣе снисходительными къ требованіямъ чужой совѣсти. Католичество же, вслѣдствіе централизаціи своего духовенства и глубокаго убѣжденія въ своей непогрѣшимости, чрезвычайно склонно и способно къ прозелитизму. Еще Игнатій Лойола устроилъ въ Римѣ семинарію (Collegium Germanicum), гдѣ воспитывались на счетъ іезуитовъ бѣдные дѣти изъ всѣхъ странъ сѣвера, особенно изъ Германіи, которые потомъ возвращались въ свое отечество какъ миссіонеры. Въ 1622 году въ Римѣ было учреждено миссіонерское общество (Congregatio de propaganda fide), которое направляло свою дѣятельность болѣе противъ протестантовъ, чѣмъ противъ язычниковъ. Папскіе нунціи въ Парижѣ, Бернѣ, Вѣнѣ и Варшавѣ занимались столько же пропагандой сколько дипломатіей. Но всѣхъ дѣятельнѣе были іезуиты. Они вращивались повсюду въ качествѣ врачей, секретарей, купцовъ и пр., особенно при дворахъ, и выискивали жертвъ для своего искусства. Особенно легкую добычу ихъ составляли: младшіе принцы (cadets), которые были въ ссорѣ съ царствующимъ членомъ своего дома и хотѣли доставить себѣ болѣе независимое и видное положеніе; претенденты на католическія епископства; веселые и впечатлительные аристократы, которые любили пожить и въ своихъ путешествіяхъ по Италіи приходили въ восторгъ отъ Венеціанскихъ куртизанокъ и отъ великолѣпія римскаго богослуженія; задолжавшіе и честолюбивые отставные воины или чиновники, которые искали милости императора и духовныхъ курфирстовъ; публицисты, которые со школьной скамьи затвердили догматъ о священной Римской имперіи съ папой и императоромъ; скептики, которымъ надоѣли богословскіе споры и которые искали спасенія въ авторитетѣ непогрѣшимой церкви¹⁾. При этихъ обстоятельствахъ положеніе такихъ молодыхъ людей, какъ ландграфъ Эрнстъ, которые хвастались своею богословскою ученостью и любили релігіозные споры, было довольно опасно. Въ 1650 году онъ находился въ Вѣнѣ, чтобы хлопотать при рейхсгофратѣ и при императорскомъ дворѣ о своей тяжбѣ со старшею Гессенскою линіей. И онъ, подобно многимъ изъ своихъ современниковъ, мечталъ о соединеніи церквей и сталъ все болѣе и болѣе снисходительно смотрѣть на католическую церковь. Не задолго до своего пріѣзда въ Вѣну онъ писалъ гессенскому богослову Кроціусу, что онъ „отдалъ бы жизнь за

¹⁾ См. Rommel. I, p. 42.

соединеніе христіанскихъ исповѣданій въ одну святую, вселенскую церковь, но что такой блаженный день наступитъ только въ концѣ міра“. Онъ сознается, что католическая церковь нуждается въ реформаци, ибо она присвоила себѣ чрезмѣрную свѣтскую власть, отстала въ богослуженіи отъ истинно-христіанской простоты, и подобно еврейской религіи впала въ идолопоклонство, но что онъ не можетъ осуждать ее и что многіе праведные католики скорѣе достигнутъ блаженства, чѣмъ тѣ реформаторы, жизнь которыхъ не согласна съ чистотою ихъ ученія.

Въ Вѣнѣ Эрнстъ, по совѣту своихъ товарищей, сталъ посѣщать полемическія проповѣди августинца Стаймаса, который славился краснорѣчіемъ и искусствомъ опровергать своихъ противниковъ. Молодой графъ отправился туда, какъ онъ говоритъ, ради шутки и для того, чтобы слышать „смѣшныя вещи (lächerliche Choses) и никуда негодные доводы противъ реформатской религіи“. Но въ своихъ проповѣдяхъ Стаймасъ выставилъ такіе убѣдительные доводы, что ландграфъ вдругъ „очнулся отъ своихъ предрасудковъ, съ дѣтства усвоенныхъ“. Онъ съ жадностью бросился на полемическія сочиненія, направленные противъ протестантизма, которыя доставляли ему его товарищи съ помощью папскаго нунція, извѣстныхъ братьевъ Валенбургъ и капуцинскаго генерала Валеріана Магнуса, одного изъ самыхъ дѣятельныхъ пропагандистовъ. Въ скоромъ времени ландграфъ убѣдился „въ опасной иллюзіи деформации и ереси такъ-называемой реформатской церкви“. Онъ сначала тайно перешелъ въ католичество, а потомъ, устроивъ для вида диспутъ между нѣсколькими протестантскими и католическими богословами, вмѣстѣ съ женой явно присоединился къ католической церкви. Въ послѣдствіи онъ составилъ списокъ протестантскихъ книжекъ, принявшихъ католичество, и при этомъ откровенно признался, что большинство изъ нихъ руководилось матеріальными выгодами. Себя самого онъ, конечно, исключилъ изъ этого числа. Онъ былъ такъ убѣжденъ въ искренности своего обращенія, что ему въ этомъ нельзя не повѣрить. Но несомнѣнно также, что честолюбіе и политическіе замыслы сдѣлали его болѣе доступнымъ влиянію католическихъ пропагандистовъ.

И въ католичествѣ ландграфъ сохранилъ склонность къ богословскимъ разсужденіямъ и извѣстную самостоятельность въ религіозныхъ вопросахъ. Это явленіе мы часто встрѣчаемъ у протестантовъ, обратившихся въ католицизмъ. Ему хотѣлось оправдать свой поступокъ въ глазахъ протестантовъ, и онъ вступилъ въ переписку съ лучшими

изъ ихъ богослововъ — съ Каликстомъ, съ Шенеромъ, родоначальникомъ шетистовъ, съ лейденскимъ профессоромъ Кокцейемъ и другими. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ приняли размѣръ полемическихъ сочиненій и появились въ печати; такъ, напримѣръ, полемика съ Дреленкурромъ, однимъ изъ реформатскихъ священниковъ въ Шарантонѣ близъ Парижа. Но Эрнстъ не только желалъ опровергнуть мнѣнія своихъ прежнихъ единовѣрцевъ: онъ хотѣлъ также произвести реформу въ томъ исповѣданіи, къ которому онъ присталъ. Съ этою цѣлью онъ написалъ свое сочиненіе: *Der so wahrhafte, als ganz aufrichtige und discretgesinnte Katholische* (Истинный и совершенно искренній католикъ), которое онъ издалъ анонимно и только въ числѣ 48 экземпляровъ. Въ послѣдствіи онъ издалъ на латинскомъ языкѣ извлеченіе изъ своего сочиненія, въ которомъ онъ многое смягчилъ, для того чтобы не навлечь на него папской цензуры. Это сочиненіе, о которомъ Лейбницъ говорилъ, что въ немъ изобличены недостатки обоихъ исповѣданій съ одинаковою и для римской куріи ненавистною искренностью, обратило на себя всеобщее вниманіе. Одинъ изъ родственниковъ ландграфа писалъ ему, что если бы католическая церковь была такъ организована, какъ предположено въ его сочиненіи, то онъ съ своей стороны давно бы призналъ ея авторитетъ. Ландграфъ упрекаетъ протестантовъ за то, что они отдѣлились отъ католической церкви, вмѣсто того чтобы призвать католицизмъ на судъ вселенской церкви. Онъ уподобляетъ ихъ мнимой матери, которая требовала отъ Соломона, чтобы ребенокъ былъ разрубленъ. Онъ отрицаетъ Божественное начало въ реформаціи, отвергаетъ ея принципы, подрывающіе основаніе церкви, безконечное разногласіе и секты между протестантами. Съ другой стороны онъ признаетъ за ними нѣкоторыя преимущества: ясное и понятное богослуженіе, чтеніе Св. Писанія, народное обученіе и дѣятельность проповѣдниковъ. Въ католической церкви ландграфъ порицаетъ излишнее богатство и злоупотребленіе имъ, свѣтскую власть духовенства и абсолютизмъ папы. Въ послѣднемъ отношеніи Эрнстъ совершенно сходилъ съ современными ему помыслами галликанской церкви ограничить власть папы не только въ свѣтскихъ дѣлахъ, но и подчинить его въ духовныхъ дѣлахъ соборамъ и церковному преданію. Ландграфъ Эрнстъ перенесъ въ католицизмъ изъ своего прежняго исповѣданія духъ анализа и критики. Онъ упрекаетъ католическое духовенство въ томъ, что оно слишкомъ мало поучаетъ простой народъ, который, не понимая латинскаго языка, остается безъ всякаго религіознаго воспитанія и впадаетъ въ самое

грубое суевѣріе; онъ указываетъ на злоупотребленія, въ которыхъ привело это суевѣріе относительно многихъ почтенныхъ и древнихъ христіанскихъ обрядовъ, напримѣръ, почитанія иконъ и мощей, индульгенцій, молитвъ за упокой души, поста, чрезмѣрнаго количества праздниковъ и пр. Въ концѣ своего сочиненія ландграфъ обсуждаетъ мнѣніе протестантовъ, что католическая церковь, пока она терпитъ эти злоупотребленія, ею самую признанная, не можетъ считаться истинно вселенскою церковью. Онъ соглашается, что еслибъ была на землѣ христіанская церковь, свободная отъ недостатковъ католицизма и протестантизма, то онъ присоединился бы къ ней, но что въ настоящее время онъ отдаетъ предпочтеніе католической церкви, такъ какъ ея злоупотребленія ни для кого не обязательны и не касаются сущности религіи.

Не только по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ, но и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ ландграфъ Эрнстъ представляетъ чрезвычайно оригинальную личность. Онъ отличался необыкновенною добротой, гуманностью и прямодушіемъ. Въ немъ не было тѣни важности, онъ не терпѣлъ лести и чрезвычайно уважалъ заслуги всякаго рода. Не смотря на свою религіозность и на свою страсть обращать въ католицизмъ, онъ отличался большою вѣротерпимостью. Онъ выказывалъ много заботливости о своихъ подданныхъ и былъ совершенно непохожъ на современныхъ ему государей, которые думали только о томъ, чтобъ извлечь какъ можно больше выгоды изъ управляемой ими страны. Ландграфъ Эрнстъ былъ даже отчаяннымъ демократомъ, — свойство довольно удивительное для принца времени Людовика XIV. Въ одномъ письмѣ къ Лейбницу онъ говоритъ, что хотя не отвергаетъ монархіи, однако желалъ бы ограничить ее такимъ образомъ, чтобъ она не могла обратиться въ деспотизмъ; онъ сомнѣвается, чтобы послѣдственная монархія была согласна съ духомъ христіанства, и приписываетъ ей даже порчу нравовъ у христіанскихъ народовъ. Монархія, по его мнѣнію, причинила христіанству и имперіи несказанныя и безчисленныя бѣдствія и неудобства, и между прочимъ бѣдствіе войны. „Венеціанская республика или Нидерландскіе штаты, говоритъ онъ, навѣрно не рѣшатся такъ скоро и такъ охотно на войну, какъ, напримѣръ, короли Франціи и Даніи. Какая польза, продолжаетъ онъ, жителямъ Брауншвейга и Гессель-Касселя отъ всѣхъ этихъ громадныхъ вооруженій и великолѣпныхъ дворовъ, которыми тѣшатся правители Ганновера и Касселя въ ущербъ тѣмъ, ради которыхъ они существуютъ? Благоденствіе народа есть высшій законъ въ государ-

ствѣ, и подданные не сотворены для того, чтобы удовлетворять честолюбію и тщеславію своихъ государей“.

Въ другой разъ онъ высказался, что „еслибъ онъ былъ могущественнымъ государемъ, то скорѣе согласился бы ѣсть изъ глиняной и деревянной посуды, чѣмъ допустить, чтобы его солдаты были плохо содержаны и припущены сдѣлаться варварскимъ орудіемъ для ограбленія бѣднаго невиннаго крестьянина“. Вслѣдствіе этого онъ отличался большою бережливостію: на 35.000 талеровъ содержалъ свой дворъ, 2 канцеляріи, 2 казначейства и при этомъ выстроилъ много общепользныхъ зданій въ своихъ владѣніяхъ. Онъ жилъ чрезвычайно просто и терпѣть не могъ обычнаго въ его время пьянства, пршества, охоты, роскоши въ одеждахъ и даже дорогихъ париковъ, которые тогда начинали входить въ моду. Главнымъ его удовольствіемъ были путешествія, особенно въ Италію, гдѣ онъ былъ 13 разъ. Здѣсь находилъ онъ пріятный отдыхъ отъ своихъ домашнихъ непріятностей, избавлялся отъ ненавистнаго ему этикета нѣмецкихъ дворовъ, отъ скучныхъ посѣщеній нѣмецкихъ юнкеровъ, любившихъ только вино, охоту и лошадей. Ландграфъ особенно хвалитъ Венецію за „дешевую жизнь въ удобныхъ домахъ или виллахъ, за прогулки въ гондолахъ при всегда ясномъ небѣ, за ея свѣжіе плоды и морскія рыбы, за отличную музыку въ церквахъ, госпиталяхъ и театрахъ, за народные празднества и маскарады во время карнавала, за площадь св. Марка, за съѣздъ путешественниковъ изъ всѣхъ націй и возможность познакомиться съ опытными дипломатами, духовными лицами и учеными, наконецъ, за возможность слушать почти каждый день самыя великолѣпныя проповѣди“. Но было еще одно обстоятельство, которое влекло Эрпста и другихъ нѣмецкихъ принцевъ въ Венецію — тамошнія женщины. Ландграфъ съ удивительною наивностію признается въ своихъ увлеченіяхъ и въ печальныхъ послѣдствіяхъ, которые они имѣли для него. Онъ былъ женатъ на болѣзненной, меланхолической графинѣ, которую онъ самъ обратилъ въ католицизмъ, и которая потомъ постоянно окружала себя урсулінками, кармелитками и другими монахинями. У него было отъ нея два сына, которыми онъ былъ очень недоволенъ, не смотря на то, что далъ имъ самое тщательное воспитаніе. Онъ говорилъ объ нихъ, что они годны только на то, чтобы увеличивать и безъ того громадное количество нѣмецкихъ принцевъ. Дѣйствительно, отъ одного сына онъ имѣлъ 7, а отъ другаго 15 внуковъ.

Чтобы вознаграждать себя за эти непріятности семейной жизни, ланд-

графъ придумалъ подъ старость довольно странное развлеченіе. Онъ бралъ къ себѣ бѣдныхъ молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ воспитывалъ, обращалъ въ католицизмъ и потомъ выдавалъ замужъ. Онъ набиралъ ихъ отовсюду, изъ Парижа, Венеціи и Германіи. Онъ самъ составилъ списокъ своихъ воспитанницъ, и съ старческою болтливостью подробно описывалъ ихъ душевныя свойства и внѣшній видъ, при чемъ обращаетъ большое вниманіе на красивыя руки. Нельзя сказать, чтобъ ему посчастливилось въ выборѣ. Судя по его описанію, не всѣ воспитанницы его отличались красотой или пріятнымъ характеромъ¹⁾. Старый ландграфъ обращался съ ними какъ отецъ, и вмѣняетъ это себѣ въ большое достоинство²⁾. Послѣ того, что онъ разказываетъ о Венеціи, ему можно въ этомъ вполне повѣрить.

Другое развлеченіе ландграфа составляла его обширная переписка съ самыми разнообразными учеными. Съ этой стороны личность ландграфа Эрнста представляетъ много почтеннаго. Выросши среди варварства и ужасовъ Тридцатилѣтней войны и получивъ исключительно богословское воспитаніе, онъ умѣлъ развить въ себѣ интересъ къ наукѣ и къ литературнымъ занятіямъ. Онъ составилъ себѣ отличную бібліотеку и постоянно заискивалъ знакомство съ замѣчательными людьми. До глубокой старости онъ сохранилъ живость и бодрость ума и интересъ ко всему, что происходило въ мірѣ. Хотя онъ не приобрѣлъ особенной учености, и вслѣдствіе своей крайней приверженности къ католицизму обнаруживаетъ извѣстную односторонность, въ немъ однако высказывается самый здравый и гуманный взглядъ на

¹⁾ Напримѣръ, третья: Anne Marie Cochenhain, fille du capitain d'ici estoit brunette et une fille d'une extrême belle taille et assez blanche et avoit des belles mains comme tournées d'ivoire; tout à fait chaste et sage, mais d'une humeur mélancholique ou difficile, se croyant calomniée et méprisée, trop retenue et respectueuse envers moy, n'aimant pas beaucoup la conversation, ne voulant jamais aller avec moi à Venise, à moins d'estre mariée. Maintenant mariée. Пятая: Antonia Jacomina Gionia Vénitienne, qu'à l'âge de 12 années seulement j'ai pris auprès de moy, d'une taille extrêmement longue, avec des très beaux cheveux noirs et des mains assez passables, au reste pas trop belles. Louche d'un oeil et faute d'éducation ne témoignant pas d'avoir trop d'esprit: un peu hautaine et opiniatre. Je lui avois fait apprendre à Metz un peu de françois, comme aussi la musique et à chanter, mais en quoy il ne me sembloit pas, qu'elle eust bien réussie, et bien qu'elle avoit appris passablement l'allemand estoit non plus d'aucune conversation. Renvoyée, après lui avoir payé sa dote avec sa mère, selon leur désir, à Venise.

²⁾ Ландграфъ клянется, que toutes ces filles sont demeurées, comme elles étoient venues... и кончаетъ восклицаніемъ: Vanitas vanitatum et omnia vanitas,

современныя событія. Нѣкоторые идеалистическія мечтанія о политическомъ преобразованіи Германіи и объ устройствѣ вѣчнаго мира, которыя примѣшивались къ этому, очень шли къ сѣдинамъ стараго война.

Все это составляетъ главное содержаніе его переписки съ Лейбницемъ, поводомъ къ которой послужила его книга: „Искренній католикъ“. Переписка продолжалась 13 лѣтъ, до самой смерти Эрнста, и происходила на французскомъ языкѣ. Нельзя безъ улыбки читать письма ландграфа, для котораго не существуетъ ни орфографіи, ни грамматики, и который буквально переводитъ на французскій языкъ безконечныя, неуклюжіе нѣмецкіе періоды того времени. Ландграфъ съ первыхъ же писемъ въ восторгѣ отъ ума и учености Лейбница. „Бже мой, пишетъ онъ однажды Лейбницу, находившемуся въ Гарцѣ, не жалко ли, что вы, которому слѣдовало бы засѣдать въ совѣтѣ императоровъ и королей, зарыты въ рудникахъ, чтобъ увеличивать доходы какого-нибудь ганшверскаго герцога?“ Другой разъ онъ пишетъ Лейбницу: „Мнѣ казалось бы, что я приобрѣлъ рай (un demi Paradis) на землѣ, если бы я могъ хоть разъ въ недѣлю наслаждаться драгоценною бесѣдой съ вами“. Лейбницъ относится къ нему съ свойственною ему вѣжливостью и снисходительностью, которая въ наше время можетъ казаться лестью, но которая въ тотъ вѣкъ была обыкновенной.

Кромѣ развлечения, эта переписка представляла для ландграфа еще другую цѣль: онъ надѣялся обратить Лейбница въ католицизмъ. Для этого онъ прибѣгнулъ, какъ мы видѣли, къ помощи Арно, и отсюда возникла интересная переписка между Лейбницемъ и Арно, въ которой Лейбницъ изложилъ свою философскую систему. Онъ высказывался сначала съ большимъ сочувствіемъ о католической церкви, но чѣмъ настойчивѣе становился ландграфъ и чѣмъ болѣе Лейбницъ убѣждался въ неуступчивости католиковъ и въ невозможности реформы, тѣмъ осторожнѣе становился онъ и тѣмъ болѣе сталъ выставлять на видъ злоупотребленія въ католицизмѣ. Отчаяніе ландграфа дошло наконецъ до того, что онъ въ одномъ памфлетѣ *Trifolium Lutheranum* довольно рѣзко напалъ на Лейбница въстѣ съ Лудольфомъ и Секендорфомъ¹⁾, какъ на троихъ представителей упрямаго лютеранизма, и

¹⁾ Баронъ Секендорфъ, — авторъ очень дѣльной исторіи протестантизма, написанной на основаніи продолжительныхъ архивныхъ изслѣдованій въ отвѣтъ на исторію Боссюета и иезуита Менбура, которые объясняли возникновеніе протестантизма личными и недостойными побужденіями.

объявилъ, что Лейбницъ умретъ подобно Гуго Гроцію *sine luce et cruce* (безъ свѣта и креста). Эта горячность ландграфа не испортила его отношеній къ Лейбницу, который уважалъ его прямоту и искренность, и ихъ сношенія до конца остались самыми дружественными.

Совершенно иной характеръ, чѣмъ переписка Лейбница съ ландграфомъ Эрнстомъ, носитъ другая его переписка о религіозныхъ вопросахъ съ Мелиссономъ и Боссюетомъ. Въ спорѣ съ ландграфомъ Лейбницъ имѣлъ дѣло съ частнымъ человѣкомъ, который не могъ считать себя представителемъ католической церкви и даже долженъ былъ опасаться осужденія своихъ мнѣній за ихъ излишній либерализмъ. Теперь Лейбницъ становится лицомъ къ лицу съ однимъ изъ знаменитѣйшихъ авторитетовъ въ католической церкви — Боссюетомъ, славнымъ какъ ученостью, такъ и вліяніемъ, руководителемъ галликанской церкви въ ея борьбѣ съ папой и грознымъ защитникомъ католичества отъ ересей. Нельзя безъ самаго живаго интереса слѣдить за состязаніемъ этихъ двухъ гениальныхъ современниковъ, католическаго епископа Боссюета, представителя церковной власти и историческаго преданія, и протестантскаго философа Лейбница, отстаивавшаго идею о примиреніи церквей во имя человѣческаго разума и прогресса¹⁾.

Посредницами между Боссюетомъ и Лейбницемъ были женщины, которыя вообще принимали дѣятельное участіе въ умственной жизни XVII вѣка. Одинъ изъ братьевъ герцогини Софьи, Эдуардъ, въ юности переселился во Францію, женился на Аннѣ Гонзага, происходившей отъ Мантуанскихъ герцоговъ, и принялъ подъ ея вліяніемъ католичество. Эта принцесса, о которой Боссюеть отзывается въ своей известной надгробной рѣчи (1684) съ большими похвалами, дѣятельно принялась за обращеніе своихъ родственниковъ. Ей удалось склонить къ этому свою невѣстку Луизу-Голландину послѣ ея романтическаго бѣгства изъ Гаги, и потомъ обѣ взяли за обращеніе герцогини Софьи. Въ 1679 г. онѣ уговорили ее пріѣхать въ Мобюссонъ, гдѣ Софья пробыла цѣлое лѣто. Настоятельныя увѣщанія принцессы и монахинь остались безъ успѣха, хотя, какъ кажется, въ нихъ при-

¹⁾ Значительная часть переписки между Лейбницемъ, Мелиссономъ и Боссюетомъ была уже прежде известна, но съ большими пробѣлами и намѣренными пропусками со стороны прежнихъ издателей. Одна изъ главныхъ заслугъ неутомимаго изслѣдователя Лейбницевыхъ бумагъ, Фуше де-Бареля, состоитъ въ томъ, что онъ возстановилъ эту переписку, которую онъ нашелъ въ Ганноверскомъ архивѣ и издалъ въ первыхъ двухъ томахъ своего собранія сочиненій Лейбница.

нималъ участіе и самъ Воссюеть¹⁾. Но въ Мобюиссонѣ не потеряли надежды; тамошнія монахины молились за обращеніе Софьи, а игумены и ея секретарь М. де-Бринонь продолжали уговаривать ее въ письмахъ перейти въ католичество. Съ этою цѣлью они прислали ей между прочимъ въ 1690 году сочиненіе Пелиссона *Réflexions sur les Différends de la Religion*.

Пелиссонъ былъ родомъ изъ южной Франціи и происходилъ отъ протестантской семьи. Онъ получилъ очень хорошее образованіе и въ молодости перевелъ нѣсколько пѣсенъ Одиссея. Исторія учрежденія Французской Академіи и первыхъ трудовъ ея, написанная Пелиссономъ, доставила ему большую славу и ввела его въ общество лучшихъ современныхъ литераторовъ. Въ то же время Пелиссонъ выказывалъ большую способность къ служебной дѣятельности и скоро сдѣлался однимъ изъ главныхъ помощниковъ извѣстнаго Фуке. Онъ палъ вмѣстѣ съ нимъ, былъ посаженъ въ Бастилію и просидѣлъ тамъ болѣе 4-хъ лѣтъ. Неустрашимость и ловкость, съ которою онъ защищалъ своего прежняго покровителя, не выдавая ничего, что могло бы ему повредить, приобрѣли Пелиссону всеобщее уваженіе и расположили къ нему Людовика XIV. Рѣчи, написанныя Пелиссономъ въ пользу Фуке, составляютъ лучшее его произведеніе и не лишены интереса въ наше время. Король назначилъ Пелиссона своимъ исторіографомъ, и онъ долженъ былъ сопровождать его во всѣхъ походахъ. Во время своего заключенія Пелиссонъ, по недостатку другихъ книгъ, много занимался богословіемъ, читалъ отцовъ церкви и послѣ этого принялъ католицизмъ. Его обращеніе было вполне искреннимъ; онъ сдѣлался ревностнымъ католикомъ, и король поручилъ ему завѣдываніе особою суммой, пазначенною для обращенія гугенотовъ. Чтобы содѣйствовать этой цѣли, Пелиссонъ написалъ свои Размышленія о различіяхъ въ религіи, которыя послужили поводомъ къ его перепискѣ съ Лейбницемъ²⁾.

¹⁾ См. Foucher de Careil — Oeuvres de Leibniz. T. I Introd. p. 64.

²⁾ Пелиссонъ въ молодости былъ обезображенъ оспой и былъ такъ некрасивъ, что М. Севинье говорила о немъ, qu'il abusait de la permission, qu'ont les hommes d'être laids, а Буало выставлялъ его въ своихъ сатирахъ какъ типъ безобразія. Не смотря на это, Пелиссонъ успѣлъ приобрести расположеніе М. де-Скюдери, извѣстной писательницы романовъ, которая впрочемъ также отличалась очень некрасивою наружностью. Онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Аканта въ ея литературномъ журналѣ и выставленъ въ нѣсколькихъ ея романахъ. М. Бринонь кромѣ Пелиссона завлекла и его друга, М-ль де-Скюдери, въ переписку съ Лейбницемъ. Эта переписка, конечно, не имѣла такого серьезнаго характера, какъ переписка съ Пелиссономъ. М. де-Скюдери сообщаетъ Лейбницу

Герцогиня Ганноверская часто показывала Лейбницу письма и книги, которыя ей прислали, и пользовалась его указаніями и совѣтами для своихъ отвѣтовъ. Она попросила его сдѣлать свои замѣчанія къ четвертой главѣ сочиненія Пелиссона, въ которой тотъ излагаетъ причины, почему протестанты должны во что бы то ни стало возвратиться къ католицизму. Лейбницъ соглашается съ Пелиссономъ, что необходимо имѣть достаточные доводы для того, чтобы придерживаться известной религіи, и особенно для того, чтобъ измѣнить ее. Если не допускать никакого разбирательства поводовъ къ вѣрѣ, тогда религія была бы совершенно произвольна, и мы, говоритъ Лейбницъ, не имѣли бы никакого преимущества предъ язычниками и раскольниками. Онъ останавливается на главномъ доводѣ, который Пелиссонъ привелъ въ пользу католической церкви. Въ дѣлахъ вѣры нуженъ непогрѣшимый авторитетъ (*ius infallibilités*), иначе религія будетъ совершенно произвольна, ибо большинство людей не въ состояніи безошибочно разсуждать о религіи. Если же есть непогрѣшимый авторитетъ, то онъ можетъ быть только въ католической церкви, которая стоитъ въ непрерывной связи съ началомъ христіанства. Лейбницъ возражаетъ ему, что достаточно для спасенія вѣрить въ истину нѣсколькихъ существенныхъ догматовъ. По мнѣнію многихъ благочестивыхъ людей, какъ между протестантами, такъ и между католиками, говоритъ Лейбницъ, было бы несогласно съ справедливостью Божіей, если бы спасеніе людей зависѣло отъ исхода богословскихъ споровъ и отъ случайности хорошаго наставленія, котораго можетъ не доставать самымъ благонамѣреннымъ.

свои стихи, и онъ отвѣчаетъ ей также стихами. Она пишетъ ему о смерти своего попутя, который былъ такъ уменъ, «что достаточно было его одного, чтобы разрушить теорію Декарта, считавшаго животныхъ бездушными автоматами». Ей было въ это время 92 года, но она писала съ прежнею живостью и легкостью сладенькіе стишки, которые доставили ей въ свое время имя французской Сафо. Лейбницъ отвѣчаетъ ей латинскою эпиграммой, въ которой онъ выражаетъ свое участіе и кончаетъ стихомъ:

Nam Sappho quidquid Musa et Apollo potest.

М. де-Скюдери благодаритъ его новымъ посланіемъ, которое оканчивается слѣдующимъ образомъ:

*Car, depuis le climat où naissent les phénix,
Il n'est point de savant, que n'efface Leibniz;
Tous ses vers sont divins et leur puissance est telle
Que, sans le mériter, ils me font immortelle.*

См. Foucher de Careil. Oeuv. de Leib. II p. 248.

Они полагаютъ, что нѣтъ ни одного догмата, который былъ бы абсолютно необходимъ, и что поэтому можно быть спасеннымъ во всѣхъ религіяхъ, если только любить Бога выше всего истинною любовью, основанною на Его безпредѣльномъ совершенствѣ.

Уже въ этихъ словахъ слышится отголосокъ философіи Лейбница, но послѣдній вноситъ въ свою полемикѣ съ Пеллссономъ еще другое, болѣе важное понятіе своей философіи, — понятіе о темныхъ, безотчетныхъ представленіяхъ, отъ которыхъ зависитъ степень убѣдительности того или другаго религіознаго догмата, а слѣдовательно, и вѣра человѣка.

„Поводы къ тому, чтобы убѣдиться въ чемъ-нибудь, говоритъ Лейбницъ (*les raisons de notre persuasion*), могутъ быть двоякіе: одни объяснимы, другіе необъяснимы. Тѣ, которые я называю объяснимыми, могутъ быть изложены съ помощью отчетливаго разсужденія; но необъяснимые доводы заключаются только въ нашемъ сознаніи, во внутреннемъ чувствѣ, которое нельзя передать другимъ иначе, какъ заставивъ ихъ ощущать то же самое и тѣмъ же самымъ способомъ. Такъ, напримѣръ, не всегда можно объяснить другимъ, почему пріятно или непріятно извѣстное лицо, картина, стихотвореніе или извѣстное блюдо. Оттого и говорятъ, что о вкусахъ не спорятъ; по этой же причинѣ невозможно объяснить слѣпому отъ рожденія, что такое цвѣтъ. Тѣ, которые утверждаютъ, что чувствуютъ въ себѣ внутренній божественный свѣтъ, или лучъ, освѣщающій имъ извѣстную истину, основываются на необъяснимыхъ доводахъ. И католики, и протестанты, прибѣгаютъ къ этому внутреннему свѣту; тѣ, которые это дѣлаютъ, не могутъ требовать отъ своихъ противниковъ другаго довода, какъ сознанія собственной совѣсти каждаго, то-есть, они могутъ спросить его, говоритъ ли онъ правду и дѣйствительно ли ощущаетъ тотъ внутренній свѣтъ, на который ссылается. Но такъ какъ довольно трудно провѣрить чужую совѣсть, то я желалъ бы, чтобы г. Пеллссонъ основательно коснулся этого важнаго вопроса, объяснивъ намъ внутренніе признаки божественнаго свѣта, которые бы отличали его отъ фантазіи (*Illusion*), подобно тому, какъ золото узнается по вѣсу, по цвѣту и другимъ очевиднымъ признакамъ“.

Герцогиня Софья послала замѣчаніи Лейбница своей сестрѣ, которая передала ихъ Пеллссону. Тотъ отвѣтилъ на нихъ, не зная съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Такимъ образомъ между ними завязалась переписка. Когда въ Мобюссонѣ узнали, кто авторъ возраженій, всѣ обрадовались, въ надеждѣ, что удастся обратить въ католичество такого замѣчатель-

наго ученаго, какъ Лейбницъ. Съ другой стороны и Лейбницъ охотно продолжалъ переписку: ему было лестно находиться въ близкихъ сношеніяхъ съ такимъ вліятельнымъ и извѣстнымъ лицомъ, какъ Пеллисонъ, который въ то время былъ въ милости у Людовика XIV.

Въ своихъ отвѣтахъ Пеллисонъ соединяетъ увѣренность и доктринерство католическаго богослова, опирающагося на авторитетъ древней, непогрѣшимой церкви, съ мягкостью гуманнаго, благороднаго человѣка и съ вѣжливостью царедворца Людовика XIV. Онъ отвергаетъ необъяснимые доводы, о которыхъ говоритъ Лейбницъ. По его мнѣнію, это не можетъ быть что-либо иное, какъ дѣйствіе благодати или мнимое воображеніе благодати. Но какъ отличить истинную благодать отъ мнимой? Пеллисонъ говоритъ, что есть благодать доказанная и благодать, которая не можетъ быть доказана. Первая есть благодать, обѣщанная церкви, вторая—благодать частнаго человѣка, который никогда не можетъ быть въ ней увѣренъ. Если мое личное чувство согласно съ ученіемъ церкви, я могу ему слѣдовать; если же я опираюсь на личную благодать, которая не можетъ быть доказана, и если она несогласна съ ученіемъ церкви, то это навѣрное не благодать, а иллюзія, ибо Господь или Его благодать не могутъ впадать въ противорѣчіе. Есть только одинъ внутренній признакъ благодати. Мнимая благодать какого-нибудь анабаптиста, квакера или другаго фанатика можетъ имѣть всѣ свойства христіанской добродѣтели; она можетъ быть чиста, цѣломудренна, справедлива, самоотверженна, но она никогда не будетъ смиренна. Напротивъ, она будетъ всегда смѣла, горда, надменна, ибо можетъ ли быть смиреніе въ человѣкѣ, который возстасть противъ общей благодати, дарованной христіанской церкви, основываясь на хорошемъ мнѣніи, которое онъ имѣетъ о себѣ? Чтò можетъ быть надменнѣе, какъ сказать всему свѣту: „во мнѣ живетъ духъ Божій, а въ васъ его нѣтъ“?

Пеллисонъ отвергаетъ различіе между существенными и несущественными догматами вѣры. „Правда, говоритъ онъ, одни заблужденія могутъ быть хуже другихъ; но самое незначительное заблужденіе въ вѣрѣ, сопровождаемое неповиновеніемъ церкви, можетъ лишить спасенія. Если признать это различіе между существенными и несущественными догматами, религія становится произвольной, ибо всякій можетъ считать существеннымъ то, чтò ему нравится. Отсюда не далеко до того положенія, что для спасенія достаточно одной любви къ Богу. Любовь къ Богу не можетъ быть отдѣлена отъ сознанія; невозможна истинная любовь Божія безъ истиннаго познанія Его.

„Во всѣхъ этихъ предположеніяхъ видно только безпокойство, непослѣдовательность и колебаніе тѣхъ, которые, сбившись однажды съ настоящаго пути, не знаютъ куда идти. Если когда-нибудь врата ада восторжествуютъ надъ церковью, если когда-нибудь христіанская религія погибнетъ, то вотъ мѣсто, гдѣ ей можно нанести смертельную рану. Ибо какъ скоро мы всякому свободно предоставимъ вѣрить во что онъ хочетъ и ссылаться на мнимую связь съ Богомъ, о которой другіе не въ состояніи судить, то не будетъ больше ни религіи, ни церкви. Если можно быть спасеннымъ, не смотря на то, въ какіе догматы вѣришь, тогда всякій будетъ вѣрить какъ можно меньше, тогда всѣ религіи будутъ хороши, не исключая и языческой“.

Замѣчательно то, что Пеллиссонъ говоритъ о вѣротерпимости. Въ этихъ словахъ нельзя не узнать исторіографа Людовика XIV. Вопросъ, говорить онъ, долженъ ли государь допускать въ своей странѣ различныя религіи, зависитъ отъ сотни тысячъ обстоятельствъ. Допущеніе такого различія хорошо, если иначе государство должно погибнуть. Недопущеніе его также хорошо, если это можно сдѣлать, не губя государства.

Лейбницъ ставилъ Пеллиссона въ большое затрудненіе тѣмъ, что ссылался на католическихъ богослововъ, которые допускали различіе между существенными и несущественными догматами и между еретиками формальными и матеріальными. Лейбницъ обнаружилъ по этому поводу поразительную ученость; онъ приводилъ такихъ католическихъ богослововъ, которые не только были неизвѣстны Пеллиссону, но сочиненія которыхъ послѣдній съ трудомъ могъ найти въ Парижѣ¹⁾.

Пеллиссонъ не признаетъ авторитета католическихъ богослововъ, которыхъ Лейбницъ приводитъ въ свою пользу. Схоластики, говоритъ онъ, часто употребляютъ извѣстные термины не въ собственномъ, а въ условленномъ смыслѣ; въ видахъ діалектики они часто разсматриваютъ вопросъ съ двухъ сторонъ, приводятъ доводы одинаковой силы

¹⁾ Такъ, на примѣръ, Лейбницъ приводитъ въ свою пользу португальскаго богослова Пайву Андрадіа, одного изъ главныхъ дѣятелей на Тридентинскомъ соборѣ. Пеллиссонъ въ отчаяніи: «Ce n'est pas une petite affaire que de le trouver, пишетъ онъ М. де-Бривонъ. La rue St. Jacques ne le connoist pas, les bibliothèques les plus nombreuses ne l'ont point, non pas mesme celle des jésuites, ce qui est remarquable parce qu'il a écrit en leur faveur. A la fin on me l'a déterré dans la bibliothèque de Sorbonne. M. l'abbé Pirot, personne de mérite, s'il y en a aujourd'hui en France ni ailleurs et l'un des plus capables et des plus illustres sujets de cette maison, qui ne connoissoit cet auteur non plus que moi, s'est donné la peine de le lire à ma prière etc.

въ пользу системы и противъ нея, наконецъ разсматриваютъ многіе вопросы отвлеченно и дѣлаютъ предположенія, которыя на дѣлѣ неосуществимы. Таково, напримѣръ, предположеніе, что человѣкъ, который любитъ Бога выше всего, можетъ быть спасенъ безъ благодати. Но такой случай невозможенъ. Не всѣ схоластики заслуживаютъ одинаковаго авторитета. Есть ученые и богословы, которые по своему уму, по своей святой жизни, по услугамъ, которыя они оказали церкви, въ высшей степени достойны уваженія, хотя нѣтъ ни одного, личное мнѣніе котораго могло бы служить намъ закономъ. А что касается до безчисленной толпы всѣхъ племенъ и всѣхъ языковъ, идущей вслѣдъ за этими великими людьми, то напрасно протестанты воображаютъ, что мы слушаемъ ихъ какъ оракуловъ; намъ даже едва извѣстны ихъ сочиненія и ихъ имена, которыя старѣются, теряются и исчезаютъ каждый день.

Въ своемъ отвѣтѣ Лейбницъ долго останавливается на вопросѣ, можетъ ли истинная любовь къ Богу привести къ спасенію. „Я не берусь рѣшить этого, говоритъ онъ, но я, конечно, не стану утверждать, что тотъ, кто любитъ Бога, можетъ быть спасенъ, не заботясь о догматахъ и религіозныхъ спорахъ. Я скорѣе готовъ утверждать противное и признаюсь, что вѣрише всего ничѣмъ не пренебрегать. Нужно искать истинной церкви и повиноваться ей, когда ее найдешь, слушаться тѣхъ, которымъ дана власть въ церкви, на сколько это позволяетъ совѣсть, и употреблять всѣ средства, чтобы узнать волю и Откровеніе Божіе. Но если послѣ всего этого не можешь узнать истины относительно нѣкоторыхъ важныхъ вопросовъ, то спрашивается, можно ли тогда быть спасеннымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе католическіе богословы отвѣчаютъ на это утвердительно. Итакъ не будемъ слишкомъ смѣло произносить приговоръ надъ нашими братьями; довольно, если мы скажемъ, что опасно липнать себи обыкновеннаго пути къ спасенію. Отсюда достаточно явствуютъ важность церкви и наша обязанность дѣлать всевозможныя усилія для того, чтобы возстановить единство въ ней. Но нужно много усердія съ обѣихъ сторонъ, чтобы удалить всѣ препятствія. Поэтому горе тѣмъ, которые поддерживаютъ расколъ своимъ упрямствомъ, которые не хотятъ слушать, а всегда хотятъ быть правыми“¹⁾).

Съ точки зрѣнія Пелиссона возраженія Лейбница не имѣютъ смысла.

¹⁾ Malheur à ceux, qui entretiennent le schisme par leur obstination à ne vouloir écouter raison, et à vouloir en avoir toujours. Oeuvres de L. e. Foucher de C. I p. 110.

„Вы требуете реформаціи, иппеть онъ ему. Истинная церковь не можетъ согласиться ни на какую реформацію относительно догматовъ; она не была бы истинной церковью, если бы такая реформація была возможна. Что же касается до исправленія нѣкоторыхъ частныхъ злоупотребленій, то церковь никогда не отрицала, что она въ немъ нуждается; для этого она часто собиралась на вселенскіе соборы, созывала синоды и мѣстные соборы, которые должны были устранить злоупотребленія. Вы хотите ее реформировать? Такъ оставайтесь въ ней, если вы къ ней принадлежите, или присоединитесь къ ней, если вы стоите внѣ ея“.

Догматъ о единствѣ и непогрѣшимости католической церкви дѣлалъ ее неприступною. Лейбницъ старается разрушить это неприступное положеніе. Онъ доказываетъ, что единство католицизма на самомъ дѣлѣ вовсе не такъ полно. Авторитетъ послѣднихъ соборовъ не вездѣ одинаково признанъ: такъ, Констанцскій и Базельскій соборы не признаны въ Италіи, послѣдній Латеранскій не признанъ во Франціи. Точно также и Тридентинскій соборъ никогда не былъ официально признанъ во Франціи. Отчего же, спрашиваетъ Лейбницъ, не дозволить сѣвернымъ народамъ аппеллировать и отъ собора Тридентинскаго къ будущему, дѣйствительно, вселенскому собору? Не противъ католической вселенской церкви возстаютъ они, а противъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ или національныхъ церквей, присвоивающихъ себѣ это названіе. Къ вопросу церковному примѣшиваются народныя инресы: такъ, Италіяны и Испанцы слишкомъ придерживаются вѣрностей, а особенно Италіяны часто поддерживаютъ папу изъ политики. Имъ хочется, чтобы всѣ остальные народы, особенно сѣверные, сдѣлались ихъ игрушкой (*fussent leurs dupes*), и это очень естественно. Но французскій народъ долженъ былъ бы соединиться съ нѣмцами, чтобы возвратить церкви ея прежнюю чистоту, какъ это было нѣкогда на Франкфуртскомъ соборѣ, и для этого слѣдовало бы воспользоваться расположеніемъ какого-нибудь благонамѣреннаго папы, который бы сознавалъ, что онъ всеобщій отецъ, а не Римлянинъ или Тосканецъ.

Лейбницъ возлагалъ большія надежды на Людовика XIV. При той энергіи, съ которою Людовикъ отстаивалъ права свѣтской власти и привилегіи французской церкви, не смотря на всю свою преданность католической религіи, онъ могъ бы много сдѣлать для исправленія католицизма и объединенія церквей. „Легко сдѣлаться великимъ человекомъ, когда родишься королемъ Франціи“, писалъ Лейбницъ од-

нажды: „во Франціи духъ живить массу (mens agitat molem)“, воскликнулъ онъ въ другой разъ. Какъ онъ въ своей юности ожидалъ отъ Людовика, что онъ откроетъ Востокъ христіанскому оружію и христіанской цивилизаціи, такъ онъ теперь только его считалъ способнымъ для великаго дѣла примиренія церквей. „Я не совсѣмъ отчаяваюсь, пишетъ онъ Пелиссону, въ возможности облегчить бѣдствія Европы, если Богу будетъ угодно направить надлежащимъ образомъ сердце одного человѣка, въ рукахъ котораго, какъ кажется, находится счастье или несчастье людей. Можно сказать, что этотъ государь (ибо легко догадаться о комъ я говорю) одинъ составляетъ судьбу своего вѣка и что благоденствіе общества зависитъ отъ нѣсколькихъ счастливыхъ минутъ размысленія, которыя Богъ можетъ послать ему. Я полагаю, что для того, чтобъ исполниться благихъ намѣреній, ему достаточно сознать свое могущество. Ибо, если онъ будетъ считать возможнымъ для себя какое-нибудь великое дѣло, въ немъ не будетъ недостатка въ доброй волѣ. Еслибъ это сдержанное и добросовѣстное благоразуміе, которое онъ выказываетъ среди самыхъ великихъ успѣховъ, ему позволило думать, что отъ него одного зависитъ сдѣлать человѣчество счастливымъ, и что никто не въ состояніи воспрепятствовать ему и остановить его, я увѣренъ, онъ не колебался бы ни одной минуты. И еслибъ онъ разсудилъ, что вершина человѣческаго величія заключается въ возможности содѣйствовать благоденствію человѣчества, онъ пришелъ бы къ заключенію, что точно также верхъ человѣческаго счастья состоитъ въ томъ, чтобъ осуществить это благоденствіе. Похвалы портятъ слабыхъ государей, но этому великому государю необходимо сознать свое величіе, чтобы сдѣлать все, что онъ можетъ, и чтобы знать все, что онъ можетъ сдѣлать. Вотъ случай, гдѣ неподражаемое краснорѣчіе Пелиссона могло бы обнаружиться въ полномъ блескѣ. Пусть оно убѣдитъ короля въ томъ, что онъ могущественнѣе, чѣмъ полагаетъ, и что онъ можетъ стать выше извѣстныхъ опасеній относительно своего государства, которыя отвлекаютъ его отъ болѣе высокихъ и славныхъ цѣлей, полезныхъ всему человѣчеству. Можно ли себѣ представить панегрикъ великолѣпнѣе и славнѣе того, который бы имѣлъ своимъ послѣдствіемъ успокоеніе Европы и даже умиротвореніе церкви“?

Въ этихъ строкахъ нельзя не признать изящнаго и нѣсколько высокопарнаго языка придворныхъ писателей Людовика XIV, которымъ Лейбницъ здѣсь подражаетъ. Но то, что онъ говоритъ, было совершенно искренно съ его стороны. Онъ могъ разчитывать, что его

письма сдѣлаются извѣстными если не самому королю, то близкимъ къ нему лицамъ, и онъ не хотѣлъ упустить случая указать Людовику истинную цѣль, на которую ему слѣдовало направить свое могущество. Дѣйствительно, Людовику прочли эти строки, и онъ сооблаговолить ихъ милостиво принять. Но онъ, вѣроятно, былъ не въ состояніи отличить голосъ мудреца отъ языка своихъ льстецовъ и предпочелъ содѣйствовать благоденствію церкви не умиротвореніемъ религіозныхъ страстей, а кровавыми преслѣдованіями и изгнаніемъ полумилліона своихъ подданныхъ.

Целиссонъ придавалъ такое значеніе своей перепискѣ съ Лейбницемъ, что напечаталъ ее подъ заглавіемъ: *De la Tolérance des Religions*. Лейбницъ былъ очень польщенъ этимъ знакомъ уваженія со стороны знаменитаго французскаго литератора. „Къ удовольствію перечитать ваши письма, пишетъ онъ по этому поводу Целиссону, примѣшивается горькое чувство, когда я вижу мои собственныя письма, и это сопоставленіе чернаго съ бѣлымъ еще болѣе обнаруживаетъ бѣдность и несовершенство моего писанія сравнительно съ сочиненіями одного изъ лучшихъ мастеровъ краснорѣчія (*maître d'éloquence*). Такимъ образомъ я наказанъ за свою смѣлость“. Но и послѣ этого изданія, переписка между ними продолжалась въ томъ же духѣ и смыслѣ. Она была прервана въ началѣ 1693 года смертью Целиссона. Высто Целиссона въ религіозныхъ переговорахъ между Ганноверомъ и Мобюенсономъ выдвигается съ тѣхъ поръ на первый планъ Боссюетъ.

Боссюетъ давно зналъ Лейбница. Еще въ 1678 г. онъ обращался къ нему какъ бібліотекарю герцога Іоганна-Фридриха съ просьбой выслать ему латинскій переводъ Талмуда. Лейбницъ при этомъ исправилъ нѣкоторыя ошибки Боссюета въ еврейской литературѣ и сдѣлалъ ему нѣсколько указаній. Онъ не упустилъ также случая сообщить Боссюету о религіозныхъ переговорахъ, которые велись въ это время въ Ганноверѣ епископомъ Нейштадтскимъ. Когда въ 1683 году эти переговоры были возобновлены, Лейбницъ, по порученію герцогини Софьи, извѣстилъ о нихъ Боссюета и послалъ ему записку Молануса. Боссюетъ отвѣтилъ, что Людовикъ XIV относится благосклонно къ попыткамъ примиренія церквей и готовъ оказать имъ покровительство. Онъ самъ, впрочемъ, не придавалъ имъ большого значенія, потерялъ записку Молануса и скоро забылъ объ этомъ дѣлѣ. Черезъ 8 лѣтъ, когда началась переписка между Целиссономъ и Лейбницемъ, М. де-Бринионъ сообщила Боссюету письмо герцогини Софьи и заинтересовала его въ пользу религіозныхъ переговоровъ. Боссюетъ просилъ

прислать ему новый экземпляръ „Соглашенія“ между епископомъ Нейштадтскимъ и Ганноверскими богословами. М. де Бриннонъ была въ себя отъ радости. „Ради Бога, пишетъ она Лейбницу, пришлите намъ требуемую записку“. Лейбницъ вмѣстѣ съ запиской Молануса: „Cogitationes Privatae“ прислалъ письмо къ Боссюету, и между ними началась переписка, которая съ разными перерывами продолжалась 10 лѣтъ.

Подъ вліяніемъ Боссюета религіозные переговоры приняли тотчасъ иное направленіе. Хотя Пелиссонъ и былъ посвященъ въ духовное званіе и писалъ различныя богословскія сочиненія, его мнѣнія однако имѣли нѣсколько дилетантскій характеръ. Боссюетъ же былъ епископомъ, знаменитымъ учителемъ католицизма. Каждое слово его имѣло значеніе, и его мнѣнія дѣйствительно могли считаться голосомъ католической церкви. Спинола былъ также епископомъ, но онъ былъ дипломатъ, и онъ поставилъ себѣ цѣлью достигнуть какого-нибудь соглашенія. Боссюетъ же выступаетъ рѣшительно и самоувѣренно, съ тою отталкивающею строгостью и неумолимостью, которою всегда отличалась сама католическая церковь, но и съ ея послѣдовательностью и вѣрностью принципу. Участіе Боссюета въ переговорахъ болѣе повредило, чѣмъ содѣйствовало успѣшному окончанію ихъ. Въ перепискѣ Боссюета и Лейбница съ перваго раза выступаетъ со всею рѣзкостью противоположность принциповъ, которымъ слѣдуютъ католицизмъ и протестантизмъ и которые дѣлаютъ невозможнымъ всякое соглашеніе. Боссюетъ первый замѣчаетъ, что переговоры ни къ чему не приведутъ; онъ относится съ жесткостью къ своимъ противникамъ, называетъ ихъ упрямыми и еретиками и неохотно продолжаетъ начатые переговоры. Разочарованный Лейбницъ нѣсколько разъ теряетъ надежду, упрекаетъ Боссюета въ надменности и недостаткѣ христіанской любви, бросаетъ переписку, но снова возвращается къ ней, ибо вопросъ о соглашеніи христіанскихъ церквей и о реформѣ католицизма слишкомъ близокъ его сердцу, а величавое спокойствіе его противника невольно привлекаетъ его къ себѣ. Положеніе Боссюета было несравненно выгоднѣе, чѣмъ положеніе Лейбница. Боссюетъ не дѣлалъ никакихъ уступокъ, онъ могъ быть послѣдователемъ, потому что неуступчивость и послѣдовательность составляли жизненный принципъ той церкви, къ которой онъ принадлежалъ; Лейбницъ же по самому свойству защищаемаго имъ дѣла долженъ былъ впасть въ нѣкоторое противорѣчіе. Онъ требовалъ реформы католической церкви; онъ считалъ невозможнымъ соглашеніе съ нею, если она сохранитъ всѣ злоупотребленія, внесенныя властолюбиемъ духовенства и суевѣріемъ

простаго народа. Но всякое исправленіе нарушало принципъ непогрѣшимости, которымъ гордилась эта церковь. А если примѣнить къ церковнымъ догматамъ критику и начало свободы, то гдѣ же остановиться въ дѣлѣ исправленія? Лейбницъ вовсе не отстаивалъ полной свободы и индивидуальнаго начала въ религіи; онъ признавалъ, что христіанская церковь управляется Св. Духомъ, и поэтому допускалъ преемственность догматовъ и церковное преданіе. Но если Св. Духъ управляетъ церковью, то-есть, если она непогрѣшима, то къ чему исправленіе? — спрашивалъ его Боссюетъ.

Лейбницъ впадалъ въ противорѣчіе, но какъ мы сказали, не по своей винѣ. За Боссюетомъ и Лейбницемъ стоятъ двѣ церкви, которыя они защищаютъ: католичество съ своимъ преданіемъ и безграничнымъ авторитетомъ духовенства, и протестантизмъ, требующій, чтобы церковь, какъ и государство, развивалась вмѣстѣ съ исторіей и соображалась съ потребностями эпохи и среды. Противорѣчіе, въ которое впадалъ Лейбницъ, лежитъ въ основаніи протестантизма, искавшаго разрѣшенія великой проблемы, какъ примирить въ вопросахъ вѣры авторитетъ и свободу, какъ создать церковь, не лишая простора индивидуальную совѣсть.

Противорѣчіе это, конечно, только мнимое; оно существуетъ только для тѣхъ, которые какъ Боссюетъ отрицаютъ въ церкви всякое историческое развитіе, которые полагаютъ, что непогрѣшимость ея заключается въ томъ, что всякій обычай, незамѣтно укоренившійся, всякое повѣріе, освященное временемъ или церковными постановленіями, становятся коренными догматами религіи.

Для Боссюета такія требованія были непонятны. Въ своемъ разборѣ сочиненія Молауса онъ находитъ, что соглашеніе съ протестантами въ догматахъ возможно, и что если даже взять ихъ символическія книги, напримѣръ, Аугсбургское исповѣданіе, то и въ нихъ нельзя найти никакихъ серіозныхъ препятствій къ примиренію. Онъ полагаетъ, что папа можетъ разрѣшить нѣкоторыя отступленія въ обрядовой части, но удивляется, зачѣмъ протестанты на этомъ настаиваютъ. Протестантизмъ, по мнѣнію Боссюета, не имѣлъ цѣли и смысла. Но мало по малу выступаютъ трудности соглашенія. Лейбницъ отъ имени протестантовъ настаиваетъ на отмѣненіи Тридентинскаго собора или по крайней мѣрѣ на томъ, чтобы протестантовъ не принуждали считать его вселенскимъ и обязательнымъ. Для протестантовъ это былъ чрезвычайно важный вопросъ. Многіе догматы и обряды католическіе, противъ которыхъ они возставали, основывались,

до XVI вѣка, только на обычаяхъ и преданіи и были освящены уже на Тридентинскомъ соборѣ; притомъ въ Тридентѣ, всѣ догматы и обряды протестантовъ были преданы анафемѣ. Но Боссюетъ считаетъ немнѣлимымъ никакое отступленіе отъ Тридентинскаго собора или даже ослабленіе принятыхъ на немъ постановленій. Мало по малу вся полемика между нимъ и Лейбницемъ группируется около вопроса о значеніи этого собора.

По мнѣнію Боссюета, Тридентинскій соборъ не ввелъ ничего новаго, а утвердилъ только то, что давно было признано церковью. По его мнѣнію, въ церкви вообще не было никакихъ измѣненій; она всегда руководствовалась положеніемъ: вчера вѣрили такъ, потому и сегодня нужно вѣрить такъ же. Съ помощью этого положенія церковь никогда не находилась въ затрудненіи даже относительно самыхъ темныхъ вопросовъ; когда эти вопросы возбуждались, церковь находила ихъ уже рѣшенными въ молитвахъ, въ обрядахъ, въ общественномъ мнѣніи, повсюду утвердившемся (*dans la pratique unanime de toute l'Église*). Конечно, иногда церковь допускала пренія о нихъ для лучшаго выясненія истины и для болѣе полнаго обличенія заблуждавшихся; но въ сущности она всегда давала одно только рѣшеніе: такъ вѣрили до васъ и такъ вы должны вѣрить, или же отдѣлиться отъ Христовой церкви. Лейбницъ опровергаетъ это доказательство. А что же мы скажемъ, спрашиваетъ онъ, если окажется, что не вчера, но по-завчера (*avant-hier*) вѣрили иначе? Развѣ нужно всегда канонизировать тѣ мнѣнія, которыя оказываются послѣдними? Спаситель очень хорошо опровергъ поговорку фарисеевъ: „*Ulin non erat sic*“. Прежде не было такъ“. Такой аксіомой можно освятить всевозможныя злоупотребленія. Не слѣдуетъ останавливаться только на нашемъ времени и на нашей странѣ, но нужно брать во вниманіе всю исторію церкви, особенно древнѣйшую эпоху ея. Лейбницъ приводитъ въ примѣръ, что вопросъ о волѣ Христовой вовсе не былъ опредѣленъ, прежде чѣмъ возникла секта моноелитовъ, которая заставила церковь точнѣе опредѣлить этотъ догматъ; точно также иконопочитаніе вовсе не было принято повсемѣстно до втораго Никейскаго собора. Иконоборцы и почитатели иконъ чередовались во власти нѣсколько разъ, и Франкфуртскій соборъ, который держался середины, прямо объявилъ себя противъ Никейскаго собора отъ имени Франціи, Германіи и Британіи.

Боссюетъ старается ослабить доказательства Лейбница. Онъ говоритъ, что западные епископы, собравшіеся во Франкфуртѣ, отвергли Никейскій соборъ только по недоразумѣнію. Притомъ этотъ соборъ

тогда еще не былъ повсемѣстно признанъ, ибо изъ всѣхъ западныхъ епископовъ одинъ только папа былъ приглашенъ къ участию въ немъ.

Боссюетъ, отрицая развитіе догматовъ въ католической церкви, очевидно искажаетъ историческую истину, чтобы спасти принципъ неизмѣнности догматовъ. Достаточно для доказательства вспомнить о послѣднемъ по времени католическомъ догматѣ о безпорочномъ зачатіи Дѣвы, который былъ нѣсколько разъ отвергаемъ папами и только въ наше время освященъ папскою буллою. Но съ Боссюетомъ было трудно сладить. Онъ всегда укрывался за положеніе, что если какой-нибудь догматъ и не былъ официально признанъ церковью, онъ всегда существовалъ въ убѣжденіи большинства, въ обычаяхъ и преданіи. Въ этомъ доказательствѣ, очевидно, заключается *retitio principii*, то-есть, то, что слѣдуетъ доказать, предполагается доказаннымъ. Боссюетъ основываетъ непогрѣшимость католической церкви на томъ, что она никогда не измѣнялась, и всякое нововведеніе объясняетъ тѣмъ, что это было только официальное признаніе догматовъ, уже прежде принятыхъ церковью.

Синодъ обнадѣжилъ протестантовъ, что отъ нихъ не потребуютъ признанія Тридентинскаго собора, и что его постановленія будутъ пересмотрѣны на новомъ вселенскомъ соборѣ, въ которомъ примутъ участіе протестантскіе епископы не какъ подсудимые, а какъ равноправные судьи. Боссюетъ въ самомъ началѣ переписки объявляетъ, что Римъ не сдѣлаетъ ни малѣйшей уступки въ догматахъ, опредѣленныхъ церковью, и что въ этомъ отношеніи невозможна никакая сдѣлка¹⁾. Лейбницъ исчерпываетъ всю свою ученость, чтобы доказать Боссюету возможность отступленія отъ Тридентинскаго собора. Онъ доказываетъ, что многіе соборы католической церкви не признаются въ нѣкоторыхъ католическихъ странахъ. Италіянцы отвергаютъ Констанцскій и Базельскій соборы, а Французы— послѣдній Латеранскій. Каликстинцы (Гусситы) не признавали Констанцскаго собора и его постановленія, что причащеніе подъ обоими видами не обязательно для вѣрующихъ. Не смотря на это, Базельскій соборъ и папа Евгенийъ вступили въ соглашеніе съ Каликстинцами, не потребовали отъ нихъ признанія Констанцскаго собора и предоставили все это дѣло будущему рѣшенію церкви. Неужели, спрашиваетъ Лейбницъ, цѣлое германское племя, которое не хочетъ подчиниться Тридентинскому собору, не за-

¹⁾ Rome ne se relâchera jamais d'aucun point de la doctrine définie par l'Église et qu'on ne sauroit faire aucune capitulation là-dessus. Oeuv. de L. I p. 178.

служиваетъ такого же снисхожденія, какъ горсть Чеховъ? Не лучше ли было бы для Рима и для общаго блага удовлетворить столько народовъ, допустивъ на нѣкоторое время различіе въ извѣстныхъ вопросахъ, тѣмъ болѣе, что это разпогласіе гораздо менѣе того, которое существуетъ между Римомъ и Франціей относительно привилегій галликанской церкви.

Ученость Лейбница удивляетъ Боссюета. Но сдѣлка между Чехами и депутатами Базельскаго собора, которую Лейбницъ приводитъ въ свою пользу, неизвѣстна Боссюету въ подлинникѣ, и онъ проситъ указать ему, въ какомъ сборникѣ она напечатана. Въ извѣстныхъ ему изданіяхъ она не находится.

Но Лейбницъ идетъ еще далѣе. Онъ доказываетъ, что требованіе протестантовъ, чтобъ имъ позволили не подчиняться Тридентинскому собору, не представляетъ никакихъ затрудненій. Этотъ соборъ до сихъ поръ не былъ признанъ во многихъ католическихъ странахъ, напри- мѣръ, во Франціи. Въ числѣ 255 прелатовъ, подписавшихъ постановленія Тридентинскаго собора, было около 160 Италіянцевъ и только нѣсколько нѣмецкихъ епископовъ. Не только протестанты, но и многіе католики Германіи отвергли его, и въ Майнцской епархіи онъ до сихъ поръ не признанъ. Франція, хотя имѣла въ Тридентѣ 36 представителей, также протестовала противъ собора, и никогда его официально не признавала. Правда, интригамъ Италіянцевъ удалось мало по малу склонить французское духовенство на свою сторону, но еще на сеймѣ 1614 г. депутаты дворянства и третьяго сословія протестовали противъ признанія Тридентинскаго собора. И хотя постановленія его, касающіяся догматовъ, теперь молча приняты во Франціи, но за то изъ статей, относящихся до каноническаго права (*discipline*), многія тамъ до сихъ поръ не признаются, какъ напри- мѣръ, статья, опредѣляющая условія законности брака. Эти объясненія Лейбница вызвали цѣлый ученый трактатъ въ защиту Тридентинскаго собора со стороны аббата Нирота, которому Боссюетъ поручилъ это дѣло. На этотъ трактатъ Лейбницъ отвѣтилъ другимъ, еще болѣе обширнымъ и ученымъ, въ которомъ онъ доказываетъ, что Тридентинскій соборъ никогда не былъ официально признанъ Франціей, что онъ потому не можетъ считаться вселенскимъ, и Римъ не можетъ требовать отъ протестантовъ подчиненія его постановленіямъ.

Такимъ образомъ, споръ перешелъ съ богословской почвы на историческую: пришлось опредѣлить, признанъ ли Тридентинскій соборъ всеми католиками, то-есть, долженъ ли онъ считаться вселенскимъ

(для католиковъ) или нѣтъ. Боссюетъ справедливо замѣтилъ, что споръ при этомъ направленіи утрачиваетъ свой смыслъ. Къ чему же это поведетъ, спрашиваетъ онъ, если мы будемъ признавать значеніе вселенскихъ соборовъ вообще, но въ каждомъ данномъ случаѣ подвергать сомнѣнію, слѣдуетъ ли считать такой-то соборъ вселенскимъ? Такимъ образомъ можно пошатнуть авторитетъ всѣхъ соборовъ. И если необходимо особенное собраніе для того, чтобы признать соборъ, тогда можно потребовать другаго собранія для того, чтобы опредѣлить законность перваго собранія, и такъ отъ собора къ собору можно идти до бесконечности. Тутъ только одинъ предѣлъ—считать непогрѣшимымъ то, что церковь признаетъ единодушно безъ всеобщаго протеста ¹⁾).

Притомъ, говоритъ Боссюетъ, Тридентинскій соборъ не сдѣлалъ ничего инаго, какъ только предписалъ всѣмъ вѣрующимъ вѣрить въ то, что уже было предметомъ вѣры, когда Лютеръ началъ отдѣляться отъ церкви; на примѣръ, достовѣрно, что и до Тридентинскаго собора вся католическая церковь признавала пресуществованіе, миссу, свободную волю, почитаніе святыхъ, мощей и иконъ, молитвы и панихиды за умершихъ, — однимъ словомъ все, изъ-за чего Лютеръ и Кальвинъ отдѣлились отъ церкви.

Лейбницъ на это возражалъ, что существуетъ большая разница между первыми вселенскими соборами и какимъ-нибудь Тридентинскимъ и что существуетъ также разница между догматами, которые постановлялись на соборахъ. Одни могутъ быть существенны для спасенія, другіе менѣе важны. Сомнѣваться въ обязательности одного какого-нибудь собора не значитъ отрицать авторитетъ всѣхъ соборовъ. Это значитъ только, что всѣ человѣческія дѣла не совершенны, и что самыя лучшія постановленія допускаютъ злоупотребленія (*in fraudem legis*). Нельзя исключать изъ законодательства вопроса о некомпетентномъ судѣ, хотя вляузники этимъ часто злоупотребляютъ.

Въ сущности споръ между Лейбницемъ и Боссюетомъ о Тридентинскомъ соборѣ сводился къ тому, что въ вопросахъ религіи и совѣсти нельзя все рѣшать большинствомъ голосовъ, и что единство христіанской церкви можетъ быть восстановлено только тогда, если церковь будетъ снисходительна къ особенностямъ отдѣльныхъ странъ и народностей.

¹⁾ Et le terme où il faut s'arrêter, c'est de tenir pour infaillible ce que l'Église, qui est infaillible, reçoit unanimement, sans qu'il y ait sur cela aucune contestation dans tout le corps. p. 421.

Лейбницъ сохранялъ въ спорѣ свою всегдашнюю вѣжливость и любезность. Боссюетъ часто становился сухъ и жестокъ и употреблялъ иногда очень рѣзкія выраженія. Для него, какъ для всѣхъ католическихъ историковъ церкви, личность реформаторовъ и самая реформа были непонятны. Онъ видитъ въ послѣдней только плодъ человѣческихъ интригъ и страстей: она произошла, по его мнѣнію, только вслѣдствіе враждебнаго и ложнаго толкованія католическаго ученія.

„Я не знаю, пишетъ онъ Лейбницу, какъ можно читать безъ нѣкотораго стыда *gramme* (les mençeries) Лютера и его учениковъ и даже Аугсбургскаго исповѣданія“. Боссюетъ не понимаетъ, какъ Лейбницъ, не смотря на изъясняемое имъ миролюбіе, можетъ „пребывать въ расколѣ“. „Каково бы ни было у васъ расположеніе къ миру, пишетъ онъ Лейбницу, ни о комъ нельзя сказать, что онъ дѣйствительно миролюбивъ и находится на пути къ спасенію (en état de salut), пока онъ не присоединится къ намъ на самомъ дѣлѣ“.

Лейбницъ нѣсколько разъ даетъ гордому прелату урокъ вѣжливости и терпимости. Говоря о томъ, что въ Ганноверѣ сдѣлали все возможное, чтобы облегчить соглашеніе, онъ продолжаетъ: „Здѣсь нарочно оставили всѣ эти приемы, которые отзываются страстью къ спору, этотъ видъ превосходства, который всякій старается принять, эту оскорбительную гордость и эту увѣренность, которая, конечно, есть у каждаго, но которую бесполезно и даже несприятно выказывать, такъ какъ противникъ обладаетъ не меньшею самоувѣренностью. Всѣ эти приемы возбуждаютъ сочувствіе ограниченныхъ читателей и обыкновенно портятъ переговоры, ибо тщеславіе понравится слушателямъ и казаться побѣдителемъ беретъ преимущество надъ любовью къ миру. Но ничего не можетъ быть болѣе чуждымъ истинной цѣли миролюбивыхъ переговоровъ. Необходимо, чтобы было различіе между адвокатами, которые превозносятъ свое дѣло, и между посредниками (des entremetteurs), которые ведутъ переговоры ¹⁾“.

Лейбницъ нѣсколько разъ взываетъ къ миролюбію и къ умѣренности. „Здѣсь дѣло не въ томъ, пишетъ онъ, чтобы спорить и сочинять книги, но чтобы узнать, что каждый въ состояніи сдѣлать съ

¹⁾ Т. I, p. 233: On a quitté exprès toutes ces manières qui sentent la dispute, et tous ces airs de supériorité que chacun a coutume de donner à son parti, et quidquid ab utraque parte dici potest, etsi ab utraque parte vere dici non possit; cette fierté choquante, ces expressions de l'assurance, où chacun est en effet, mais dont il est inutile et même déplaisant de faire parade auprès de ceux, qui n'en ont pas moins de leur part.

своей стороны“. Далѣе онъ говорить: „Я часто нахожу, что всѣ стороны правы, когда онѣ другъ друга понимаютъ, и я не столько люблю опровергать и разрушать, сколько находить нѣчто новое и строить на старомъ основаніи“¹⁾.

Лейбницъ жалуется Пеллиссону на жесткость и неуступчивость Боссюета: „Я былъ удивленъ, что онъ только относительно меня употребляетъ такіа рѣзкіа выраженія, какъ будто то, что онъ говоритъ, касается меня болѣе, чѣмъ другихъ; я напротивъ ожидалъ признательности за то, что я пошелъ въ уступкахъ дальше обыкновеннаго. Но такова судьба умѣренныхъ. Сначала пользуются ихъ уступчивостью безъ всякой благодарности, а потомъ, когда они не въ состояніи идти такъ далеко, какъ отъ нихъ требуютъ, имъ предлагаютъ худшія условія, чѣмъ тѣмъ, которые держались совершенно въ сторонѣ“.

При всей жесткости, въ натурѣ Боссюета было много благороднаго. Извѣстіе, что Лейбницъ считаетъ себя оскорбленнымъ, огорчаетъ его. Онъ не рѣшается извиниться, но проситъ Пеллиссона оправдать его передъ Лейбницемъ²⁾. „Вы ему уже все сказали, пишеть онъ Пеллиссону, увѣривъ его, что я исполненъ уваженія къ нему и что любовь къ истинѣ и забота о его спасеніи вынуждали меня говорить такимъ образомъ“.

Но эти мелкіа столкновенія между Боссюетомъ и Лейбницемъ были не случайны. Въ ихъ натурахъ было слишкомъ много антипатичнаго. По поводу латинской эпиграммы Лейбница на вновь изобрѣтенныя бомбы, Боссюетъ высказывается нѣсколько иронически о его многосторонности. Иногда онъ какъ будто сомнѣвается въ правѣ Лейбница вмѣшиваться въ богословіе³⁾. Съ другой стороны Лейбница отталкиваетъ важность и строгость могущественнаго прелата; онъ пишеть о немъ Банажу: „son humeur était un peu chagrine“. Когда во Франціи возгорѣлся споръ о томъ, слѣдуетъ ли допускать актеровъ къ причастію, и Боссюетъ написалъ свое знаменитое сочиненіе

¹⁾ Bien souvent je trouve, qu'on a raison de tous côtés quand on s'entend, — p. 301.

²⁾ Je suis moy-même obligé de le déposer en votre sein; tirez, Monsieur, de ce fond si plein de douteur tout ce que vous y trouverez de plus capable de le satisfaire. Bos. à Pel. p. 345.

³⁾ J'admire, qu'un homme de ce génie ait encore le talent de la poésie et des belles lettres avec celui de l'histoire. C'est en vérité être trop ambitieux en matière de littérature et de science; c'est donner à tout. Je souhaite de tout mon coeur de pouvoir louer aussi sa théologie en tous ses points, — p. 344.

противъ театра, Лейбницъ осмѣялъ эту нетерпимость въ ѣдкой эпитаграммѣ ¹⁾.

Рѣзкій контрастъ съ важностью и жесткостью Боссюета представляетъ наивность и неотвязчивость М. де-Бринонъ, которая также принимаетъ дѣятельное участіе въ перепискѣ. Ученныя разсужденія ей не удаются; у нея только одна цѣль—обратить Лейбница скорѣе въ католицизмъ. Она чистосердечно восхваляетъ католическую церковь и пренаивно высказываетъ свой страхъ за спасеніе Лейбница. Она недовольна, когда онъ въ своихъ письмахъ говоритъ о философіи, и упрекаетъ его, что онъ больше занимается своей динамикой, чѣмъ своимъ спасеніемъ. Лейбницъ дѣйствительно въ письмахъ къ Пеллиссону и Боссюету часто говоритъ о философіи, объясняетъ имъ свой взглядъ на картезианизмъ и излагаетъ свою систему. Нѣкоторыя изъ относящихся сюда писемъ превосходно очерчиваютъ извѣстныя идеи философіи Лейбница. Онъ надѣялся чрезъ покровительство Боссюета открыть своей философіи доступъ въ ученый міръ Франціи; ибо французскіе журналисты и академики, преданные картезианизму, неохотно печатали въ своихъ изданіяхъ опроверженія его. Узнавъ, что Лейбницъ занимается исторіей Брауншвейгскаго дома, М. де-Бринонъ пишетъ ему: „Я не могу не сожалѣть о равнодушіи къ истинному величію, когда вижу какъ люди стараются собирать остатки человѣческой славы и какъ они ищутъ ее въ прахѣ своихъ предковъ, — тамъ, гдѣ слѣдовало бы скорѣе изучать суетность мірскихъ почестей, чѣмъ воскрешать на бумагѣ жалкіе остатки мнувшаго тщеславія“.

Послѣ смерти Пеллиссона, М. де-Бринонъ играетъ роль посредницы между Боссюетомъ и Лейбницемъ; она ободряетъ ихъ продолжать начатое дѣло и не терять надежды на успѣхъ. Она умоляетъ Боссюета согласиться на уступки, если онѣ возможны, и настаиваетъ, чтобъ онъ не прекращалъ переписки съ Лейбницемъ. Она называетъ послѣд-наго: *le plus doux du monde et le plus raisonnable*. Лейбницъ благодаритъ ее за ея содѣйствіе. „Я столько же убѣдился, пишетъ онъ ей, въ вашей добротѣ, сколько въ вашемъ благоразуміи, которыя побуж-

¹⁾ Aux Docteurs Anticomédiens:

Sévères directeurs des hommes,
 Savez vous, qu'au siècle où nous sommes
 Un Molière édifie autant, que vos leçons?
 Le vice bien raillé n'est pas sans pénitence,
 Il faut pour réformer la France
 La Comédie ou les Dragons.

даютъ васъ давать всему лучшей оборотъ и принимать съ хорошей стороны то, что я высказалъ, можетъ-быть, съ излишней свободой: вы подражаете Богу, Который извлекаетъ добро изъ зла". Не смотря, однако, на всѣ старанія М. де-Бринонъ, переписка между Лейбницемъ и Боссюетомъ прервалась, въ 1693 году, почти на пять лѣтъ.

Вину этого перерыва Лейбницъ приписываетъ Боссюету. Онъ жалуется, что послѣдній не сдержалъ своего обѣщанія никому не показывать писемъ Ганноверскихъ богослововъ, и что Боссюетъ былъ не довольно искрененъ и откровененъ относительно вопроса, считаетъ ли онъ возможнымъ присоединеніе протестантовъ безъ признанія съ ихъ стороны Тридентинскаго собора. Это происходило отъ того, что Боссюетъ не сочувствовалъ плану „предварительнаго соединенія протестантовъ съ католиками“, котораго желали Спинола и Лейбницъ, при чемъ вопросъ о Тридентинскомъ соборѣ былъ бы обойденъ, протестанты сохранили бы всѣ свои особенности, и разрѣшеніе всѣхъ недоразумѣній было бы предоставлено какому-нибудь собору въ отдаленномъ будущемъ¹⁾. Боссюетъ, какъ мы видѣли, допускалъ только одну методу — методу обыкновенную (d'exposition), которой онъ самъ держался въ своихъ сочиненіяхъ. Онъ считалъ достаточнымъ для протестантовъ удовлетворительное объясненіе оспариваемыхъ ими католическихъ догматовъ, напримѣръ, поклоненія святымъ, и затѣмъ требовалъ отъ нихъ безусловнаго присоединенія къ католицизму.

Послѣ того, какъ Боссюетъ устранился отъ переговоровъ, на сценѣ остался одинъ Спинола. Лейбницъ предлагаетъ ему, что напишетъ отчетъ о религиозныхъ переговорахъ въ Ганноверѣ какъ будто съ католической точки зрѣнія, а ему совѣтуетъ составить такой же отчетъ, какъ будто написанный протестантомъ. Лейбницъ хотѣлъ этимъ показать, что обѣ точки зрѣнія вовсе не такъ различны. Спинола съ удовольствіемъ согласился на этотъ планъ, и Лейбницъ скорѣе прислалъ ему свой *Judicium Doctoris Catholici de Tractatu Reunionis etc.* Но въ слѣдующемъ, 1695 году, умеръ Спинола. Императоръ Леопольдъ, правда, далъ его преемнику въ Нейштадтской епархіи, графу Бухгайму, такое же полномочіе продолжать переговоры съ протестантами, но новый

¹⁾ Боссюетъ опасается: «des moyens qui ne nous fissent point tomber dans un schisme plus dangereux et plus irrémédiable, que celui, que nous tacherions de guérir. La voye déclaratoire que je vous propose évite cet inconvénient, et au contraire la suspension, que vous proposez, nous y jette jusqu'au fond, sans qu'on s'en puisse tirer.

епископъ не обладалъ самоотверженіемъ, неутомимостью и дипломатическими способностями своего предшественника.

Въ это время сношенія между Парижемъ и Ганноверомъ поддерживались только перепискою М. де-Бринонъ съ Лейбницемъ и герцогиней Софьей. Ревностная монахиня начала надѣдаться имъ неотвязчивостью, съ которою она восхваляла католицизмъ, и безцеремонностью, съ которою упрекала ихъ въ ереси и въ равнодушіи. Герцогиня очень мило отдѣливалась отъ нея своимъ обыкновеннымъ юморомъ. Мы приводимъ отрывокъ одного изъ ея писемъ къ М. де-Бринонъ, на французскомъ языкѣ, чтобы не лишить его оригинальности:

«Ce n'est une très grande joye, madame, d'avoir pu contribuer en quelque chose à votre satisfaction; la récompense ne seroit pas proportionnée, si elle me monstroit un meilleur chemin pour aller en paradis, que celui, qui m'a été montré par la Providence divine, où il me semble qu'on se doit arrêter, quand on n'a pas assez d'esprit pour mieux choisir, ny de temps pour lire tout ce qui a esté dict pour et contre..... David ne souhaita que d'estre portier de la maison de Dieu; je ne prétends point de plus grande charge. Ceux qui sont plus éclairés que moy posséderont peut-estre des lieux plus éminens; car Jésus Christ dit, que dans la maison de son Père il y a plusieurs demeures: Quand vous serez dans le vostre et moy dans le mien, je ne manqueray pas de vous y faire la première visite, et nous y serons apparemment bien d'accord, car il ne s'agira plus de disputes de religion, etc.»

Иногда, впрочемъ, герцогиня возвышаетъ тонъ и становится серьезнѣе и безпощаднѣе. Она указываетъ на всѣ ужасы, которые совершены во Франціи во имя католической религіи, начиная отъ Варолюмеевской ночи и до послѣднихъ преслѣдованій гугенотовъ, и спрашиваетъ, гдѣ же тутъ христіанство. „Вся Англія, Голландія и Германія — свидѣтельницы этой прекрасной религіи, ибо переполнены бѣглецами, изъ которыхъ одни сидѣли въ тюрьмѣ, другіе потеряли дѣтей, третьи—все достояніе. Вотъ это по-христіански. А сколько ихъ лишили жизни за то, что они по своему молились Богу или пѣли псалмы! Вы, конечно, скажете, что вы въ этомъ не виноваты, и я съ вами совершенно согласна. Но это значитъ только, что насъ не спасетъ названіе ни католика, ни протестанта, а только проявленіе нашей вѣры добрыми дѣлами“.

Къ Лейбницу М. де-Бринонъ приступала еще болѣе безцеремонно. Говоря о заслугахъ умершаго Пелиссона, она продолжаетъ: „Но все это послужить только къ болѣе строгому осужденію (condamnation)

тѣхъ, которымъ самыя ясныя истины религiи служили только забавой для ума (un jeu d'esprit). Я всегда удивляюсь, когда вы мнѣ говорите, что потомство воспользуется вашею дѣятельностью, но что вы не въ состоянiи извлечь пользу изъ нея. Вашъ прекрасный умъ (bel esprit), который мы умѣемъ цѣнить, послужить вамъ очень мало для вѣчности, если вы будете трудиться только для другихъ, а сами по прежнему станете обнаруживать много свѣта безъ рвенiя и теплоты, то-есть, равнодушiе къ вашему спасенiю.... Если бы вы были католикомъ, вы обратили бы всю Германiю въ католицизмъ, съ помощью вашего ума и подъ руководствомъ Господа.... То, что вы мнѣ говорите въ вашемъ послѣднемъ письмѣ, чрезвычайно тонко, но нисколько не успокоиваетъ меня относительно вашего спасенiя... Я всегда удивлялась тому и не разъ повторяла, что еретики ни во что не ставятъ религiю, и что они большею частью готовы промѣнять ее на какое-нибудь мимолетное счастье; вотъ до чего доводитъ дурное правило, будто бы можно спастись во всѣхъ религiяхъ“.

Выведенный изъ терпѣнiя такими неделикатными намеками, Лейбницъ принимаетъ болѣе рѣшительный и энергическiй тонъ: „Вы совѣтуете мнѣ въ теченiе мѣсяца не заниматься ничѣмъ другимъ, кромѣ моей религiи. Но что одинъ мѣсяць, въ сравненiи съ столькими годами, которые я посвятилъ этому вопросу, начиная съ 22-хъ лѣтъ?... Еслибъ интересъ или честолюбiе были моими идолами, судите сами, могъ ли бы я, будучи тогда еще молодымъ человѣкомъ, устоять противъ такихъ важныхъ выгодъ, которыя уравновѣшивались одною мосью совѣстью? Я никогда не пропускалъ случая узнать истину; напротивъ, мое изученiе богословской науки заходило гораздо дальше того, чего можно было требовать въ моемъ званiи. Я рано усмотрѣлъ всѣ преимущества вашей партiи, но я замѣтилъ также, что они уничтожаются гораздо болѣе сильными доводами.... Если между католиками встрѣчается меньше примѣровъ обращенiй изъ-за интереса, то это не потому, чтобъ они были болѣе образованы, но напротивъ, потому что они менѣе развиты, не хотятъ ничего знать и менѣе подвержены искушенiямъ, чѣмъ наши... Я очень далекъ отъ того равнодушiя въ религiю, въ которомъ вы меня обвиняете. Еслибъ оно у меня было, я присоединился бы къ вашей церкви въ то время, когда я могъ это сдѣлать съ большою выгодой. Но я считалъ опаснымъ для спасенiя принадлежать къ вашей церкви, пока она не исправится, и еще болѣе опаснымъ присоединиться къ ней вновь. А что касается до философскаго духа, отъ котораго, по совѣту вашего друга, слѣ-

дуетъ отдѣлаться, то это то же самое, какъ если бы кто-нибудь сказалъ, что нужно отдѣлаться отъ любви къ истинѣ; ибо философія есть не что иное. Наконецъ, позвольте мнѣ въ свою очередь просить васъ изъ любви къ Богу подумать о себѣ и о вашихъ друзьяхъ, не находите ли *вы* въ опасномъ положеніи. Если вы сами не придерживаетесь суевѣрій, то этого еще недостаточно; слѣдуетъ и другихъ выводить изъ нихъ. Подумайте сами; развѣ тѣ, которые обращаютъ свои молитвы прямо къ Богу, не ближе къ Нему, чѣмъ тѣ, которые придерживаются суевѣрныхъ обрядовъ и отдають твореніямъ то, что принадлежитъ одному Господу“?

И затѣмъ Лейбницъ приступаетъ къ подробному вычисленію того, что онъ считаетъ суевѣрнымъ въ католической церкви.

Лейбницъ съ прискорбіемъ видѣлъ, что ему приходится ограничиться перепиской съ одной М. де-Бриннонъ, отъ чего нельзя было ожидать серьезныхъ послѣдствій. Онъ все еще надѣялся, что религиозные переговоры съ Франціей приведутъ къ какому-нибудь результату. Нуманш *paucis vivit genus*, говорилъ онъ въ письмѣ къ Боссоету. Если бы Людовикъ XIV, наша и императоръ только серьезно захотѣли, имъ было бы легко водворить религиозный миръ въ Европѣ.

Между тѣмъ положеніе Лейбница въ Ганноверѣ измѣнилось. Курфирсть Эрнстъ, который съ самаго начала интересовался переговорами съ католиками, умеръ. Сынъ его Георгъ могъ разчитывать со временемъ вступить на англійскій престолъ. При враждѣ Англичанъ къ *патизму*, онъ долженъ былъ вести себя осторожно относительно католиковъ и онъ былъ недоволенъ, что такое близкое къ нему лицо какъ Лейбницъ постоянно находится въ сношеніяхъ съ Франціей и съ католиками. Лейбницъ долженъ былъ искать для своей цѣли другихъ посредниковъ и покровителей. Наконецъ, ему удалось заинтересовать въ этомъ престарѣлаго герцога Вольфенбюттельскаго Антона-Ульриха, союзника Франціи.

Мы должны остановиться на этой личности, тѣмъ болѣе что онъ былъ дѣдъ принцессы Шарлотты, жены царевича Алексѣя, и что одинъ изъ правнуковъ Антона-Ульриха носилъ титулъ Русскаго Императора подъ именемъ Иоанна VI.

Антонъ-Ульрихъ былъ внукомъ того герцога Люнебургскаго Генриха, который отказался отъ престола въ пользу своего младшаго брата и оставилъ себѣ одно только графство Даннебергъ. Отецъ Антона Августъ сдѣлался извѣстенъ своей любовью къ наукѣ и своей заботливостью о народномъ образованіи. Онъ собралъ у себя въ Воль-

фенбюттелѣ громаднѹю библіотеку и самъ составилъ каталогъ ея въ трехъ фоліантахъ. По прекращеніи старшей Вольфенбюттельской линіи ему удалось приобрѣсти изъ ея наслѣдства Вольфенбюттельское герцогство, тогда какъ остальные ея владѣнія перешли къ младшей, Ганноверской линіи.

Вся семья этого Августа отличалась ученостью и литературными занятіями. Третья жена его, Елисавета, писала много религіозныхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ и переводила французскіе романы „для нравственнаго назиданія“. Всѣ дѣти Августа получили очень серіозное образованіе. Одна изъ дочерей его даже переписывалась на латинскомъ языкѣ съ учеными богословами своего времени и писала духовные стихи и религіозныя размышленія. Изъ сыновей старшій, Рудольфъ-Августъ, былъ кроткаго и тихаго нрава; какъ вся семья, онъ былъ очень религіозенъ и выражалъ свое религіозное настроеніе въ различныхъ произведеніяхъ. Младшій братъ, Фердинандъ-Альбрехтъ Бевернскій, былъ совершенно иного характера. Онъ провелъ полжизни въ путешествіяхъ и описалъ эти путешествія въ двухъ квартантахъ подъ заглавіемъ: *Ferdinand-Albrechts des wunderlichen, wunderliche Begebennisse und wunderlicher Zustand in dieser wunderlichen verkehrten Welt*. Въ послѣднее время жизни онъ былъ постоянно одержимъ страхомъ смерти; онъ боялся своихъ собственныхъ дѣтей и получилъ прозвище: *der Herzog von Zittern und Bevern*. Его внукомъ былъ Антонъ-Ульрихъ Брауншвейгъ-Бевернскій, который женился въ Россіи на Аннѣ Леопольдовнѣ.

Второй сынъ Августа, Антонъ-Ульрихъ, представляетъ собой переходъ отъ древней патріархальности и религіозности къ вѣку Людовика XIV. Въ немъ былъ сильно развитъ интересъ къ наукѣ и литературѣ, но въ то же время онъ любилъ роскошь и великолѣпіе и былъ чрезвычайно тщеславенъ. Онъ написалъ два длинныхъ романа во вкусѣ того времени, которое любило въ герояхъ соединеніе необыкновенной доблести съ сладостью Аркадскихъ пастуховъ. Первый изъ этихъ романовъ: „Римская Октавіа“ напечатанъ на 434 печатныхъ листахъ, и одинъ изъ безчисленныхъ эпизодовъ его заключаетъ въ себѣ исторію несчастной принцессы Альтенбургской. Второй романъ назывался „Месопотамское пастушество, или свѣтлѣйшая Сирянка Арамена“ и заключалъ въ себѣ романтическое изображеніе нравовъ и обычаевъ ветхозавѣтныхъ народовъ. Романы Антона Ульриха были интересны, потому что онъ въ нихъ описывалъ различныя придворныя происшествія своего времени. Кромѣ романовъ, Антонъ-Ульрихъ со-

чинялъ еще итальянскія оперы, которыя давалъ на своемъ театрѣ. Но Антонъ-Ульрихъ не довольствовался литературною дѣятельностью. Какъ всѣ князьки Германіи, онъ подражалъ великолѣпію Людовика XIV и устроилъ свой „Версаль“ въ Зальцдалумѣ, одномъ загородномъ замкѣ, который онъ украсилъ по модѣ того времени со всевозможною роскошью. При этомъ онъ страдалъ неумѣреннымъ политическимъ честолюбіемъ. Его братъ принялъ его въ совѣтители и предоставилъ ему почти всѣ заботы объ управленіи. Съ тѣхъ поръ всѣ стремленія Антона-Ульриха были направлены на то, чтобы поравняться съ своими болѣе счастливыми и могущественными родственниками младшей линіи, которые владѣли Ганноверомъ и Люнебургомъ. Онъ негодовалъ на своего дѣда, который подобно Исаву даромъ уступилъ свои права младшему брату. Онъ считалъ несправедливымъ раздѣленіе Вольфенбюттельскаго наслѣдства и утверждалъ, что все наслѣдство должно было перейти къ старшей линіи. Онъ протестовалъ противъ учрежденія въ Ганноверской линіи права первородства и противъ соединенія Ганновера и Люнебурга въ однихъ рукахъ. Но особенно оскорбило его, когда герцогъ Ганноверскій достигъ курфиршескаго сана. Антонъ-Ульрихъ долго интриговалъ противъ этого при императорскомъ дворѣ, и наконецъ, сталъ во главѣ недовольныхъ князей. Когда всѣ эти попытки остались тщетными, онъ заключилъ союзъ съ Франціей. Приближалось время войны за испанское наслѣдство. Франція дорожила союзниками внутри Германіи. Она заключила съ Вольфенбюттелемъ оборонительный союзъ, для поддержанія Вестфальскаго и Рисвикскаго мира. И Антонъ-Ульрихъ сталъ содержать на французскія субсидіи значительное войско.

Лейбницъ сдѣлался извѣстенъ Антону-Ульриху скоро послѣ 1680 года и до такой степени приобрѣлъ его расположеніе, что тотъ назначилъ его бібліотекаремъ своей знаменитой бібліотеки въ Вольфенбюттелѣ. Это было почетное назначеніе, которое должно было давать Лейбницу возможность отъ времени до времени пріѣзжать въ Вольфенбюттель и видѣться съ Антономъ-Ульрихомъ. Положеніе Лейбница между враждующими герцогами было не всегда пріятно, и особенно Георгъ не разъ высказывалъ ему свое неудовольствіе за частыя отлучки въ Вольфенбюттель. При дворѣ Антона-Ульриха находился французскій повѣренный дю-Геронъ (Du Héron); Лейбницъ воспользовался этимъ, чтобы возобновить переговоры съ Франціей. Онъ убѣдилъ Антона-Ульриха помочь ему своимъ вліяніемъ и расположить Людовика XIV въ пользу соединенія церквей.

Лейбницу хотѣлось, чтобы со стороны Франціи эти переговоры велись не какимъ-нибудь духовнымъ лицомъ, отъ котораго можно было ожидать такой же неуступчивости, какъ отъ Боссюета, но чтобъ они были поручены свѣтскому лицу. Лейбницъ имѣлъ при этомъ въ виду одного изъ членовъ высшей французской магистратуры, которые были извѣстны своею привязанностью къ привилегіямъ галликанской церкви и постоянною оппозиціей противъ притязаній римской курии.

Маркизь де-Торси, министръ иностранныхъ дѣлъ, черезъ руки котораго шли переговоры, показалъ письмо Лейбница Боссюету, и это послужило поводомъ къ возобновленію переписки между ними. Боссюетъ держалъ себя очень благородно; онъ не былъ на столько мелочень, чтобъ обидѣться желаніемъ Лейбница привлечь къ дѣлу юриста, а напротивъ оправдывался въ томъ, что онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ прервалъ съ нимъ переписку. Онъ приписывалъ всю вину войнѣ, которая происходила тогда между Франціей и Германіей и которая недавно окончилась Ресвикскимъ миромъ, и высказалъ готовность отвѣтить на всѣ запросы Лейбница. На этотъ разъ переписка между ними приняла болѣе специально-ученый характеръ. Вычисляя всѣ нововведенія, которыя онъ приписывалъ Тридентинскому собору, Лейбницъ указалъ между прочимъ на то, что этотъ соборъ принялъ апокрифическія книги Ветхаго Завѣта въ число каноническихъ. Боссюетъ же доказывалъ, что хотя эти книги и не были приняты въ еврейскій канонъ, онъ однако пользовались такимъ же значеніемъ у христіанъ, какъ и каноническія, и потому Тридентинскій соборъ, уравнявъ ихъ съ послѣдними, не сдѣлалъ никакого нововведенія. Этотъ споръ вызвалъ съ обѣихъ сторонъ по два ученыхъ трактата, въ которыхъ каждый старался исторически прослѣдить вопросъ объ апокрифическихъ книгахъ, и при этомъ особенно Лейбницъ обнаружилъ поразительную начитанность въ твореніяхъ отцовъ церкви и глубокое знакомство съ церковной исторіей.

Боссюетъ предостерегалъ Лейбница, что критика священныхъ книгъ обоюдоострый мечъ. Но Лейбницъ, какъ мы видѣли, былъ остороженъ относительно этого вопроса. „Къ чему мнѣ, пишетъ онъ Боссюету, измѣнять вопросъ и спорить о книгахъ Новаго Завѣта? Достаточно того, что я доказалъ, какъ Тридентинскій соборъ ошибся относительно Ветхаго Завѣта“. Лейбницъ считаетъ необходимымъ при опредѣленіи каноническихъ книгъ не ограничиваться правилами обыкновенной критики, но принять также во вниманіе образъ дѣйствія Провидѣнія, Которое хотѣло особенно отличить эти книги передъ дру-

гими. Это замѣчаніе, сказанное вскользь и поэтому не объясненное Лейбницемъ, очень важно и устанавливаетъ особенную точку зрѣнія для критики религиозныхъ книгъ. Современные критики, изслѣдуя подлинность священныхъ книгъ и достовѣрность сообщенныхъ въ нихъ извѣстій, примѣняютъ къ нимъ приемы обыкновенной исторической критики. Лейбницъ, не отвергая критики, считаетъ ее недостаточной. По его мнѣнію нуженъ не только анализъ, но и синтезъ. Если признать, что исторіей человѣчества руководитъ Провидѣніе, то дѣйствіе Провидѣнія должно особенно отражаться въ религиозной судьбѣ человѣчества, и поэтому при объясненіи явленій религиозной жизни нельзя останавливаться на выводахъ мелкой критики, а нужно имѣть въ виду весь ходъ человѣческой исторіи и ею освѣщать отдѣльные факты.

Кромѣ апокрифовъ, принятыхъ Тридентинскимъ соборомъ въ число каноническихъ книгъ, Лейбницъ указывалъ еще на другія перемѣны въ католической церкви. „Если вы будете утверждать, пишетъ онъ Боссюету, что церковь всегда высказывала себя въ пользу того мнѣнія, которое было самымъ распространеннымъ и самымъ популярнымъ, вамъ будетъ трудно доказать это примѣрами. Дѣло въ томъ, что самыя распространенныя и популярныя мнѣнія утрачиваютъ со временемъ это свойство и замѣняются другими, и часто то, что въ настоящее время признается правовѣрнымъ (*eudoxe*), прежде считалось невѣрнымъ (*paradoxe*), и наоборотъ. Такъ, на примѣръ, мнѣніе о тысячелѣтнемъ царствѣ Божіемъ было очень популярно въ древней церкви, а теперь отвергается. Въ наше время полагаютъ, что у ангеловъ нѣтъ плоти, а древніе отцы церкви приписывали имъ тѣло, хотя болѣе совершенное, чѣмъ наше“ и т. д.

Лейбницъ хотѣлъ этимъ доказать, что церковь не всегда была такъ послѣдовательна, какъ его хотѣлъ увѣрить Боссюетъ. Но Боссюетъ оставался равнодушенъ къ историческимъ урокамъ, которые ему давалъ Лейбницъ. Для него было несомнѣнно, что въ католической церкви никогда не было ни малѣйшаго измѣненія или нововведенія, и съ этой точки зрѣнія онъ отвергалъ или толковалъ всѣ факты, приводимые Лейбницемъ. Позволить протестантамъ отступить отъ догматовъ, установленныхъ церковью, значило бы подвергнуть сомнѣнію ея непогрѣшимость. Вслѣдствіе этого Боссюетъ считалъ невозможной такую сдѣлку съ протестантами, при которой пришлось бы сдѣлать имъ какую-нибудь уступку. „Ибо, если бы, говорилъ онъ, наши пресвитеры присвоили себѣ то же самое право измѣнять наши постановленія, какое мы себѣ присвоиваемъ относительно нашихъ пред-

ковъ, тогда бы оказалось, что думая излѣчить одну рану, мы только открыли другую, еще болѣшую. Въ религіи не было бы ничего прочнаго, и поэтому всѣ, которые, подобно намъ, любятъ постоянство (la stabilité), должны принять за основаніе, что всѣ постановленія церкви неизмѣнны и непогрѣшимы... Первое, что сдѣлаетъ вселенскій соборъ, который вы предлагаете, хотя не опредѣляете, какимъ образомъ онъ долженъ быть составленъ, это то, что онъ подвергнетъ новому изслѣдованію всѣ догматы вѣры и какъ бы пересоздастъ ихъ. Поэтому оставьте насъ такъ, какъ вы насъ нашли, и не принуждайте всѣхъ измѣнять и подвергать все сомнѣнію; оставьте на землѣ нѣсколькихъ христіанъ, которые не дѣлаютъ невозможнымъ всякое нерушимое постановленіе въ вопросахъ вѣры, которые осмѣливаются быть увѣренными въ религіи и ожидать отъ Иисуса Христа, согласно съ Его обѣщаніемъ, неизмѣнной помощи въ судьбахъ церкви. Вѣдь это единственная надежда христіанства“.

Лейбницъ пришелъ въ негодованіе отъ такого тона. „Къ чему эти трагическія выраженія? Какъ будто мы не хотимъ оставить на землѣ нѣсколькихъ христіанъ и т. д. Это, говорите вы, единственная надежда христіанства. Но нужно васъ просить въ свою очередь оставить на землѣ людей, которые противятся потоку злоупотребленій, которые не хотятъ допустить, чтобъ авторитетъ церкви былъ униженъ недостойными кознями, и которые не позволяютъ злоупотреблять обѣщаніями Иисуса Христа, для того чтобы воздвигнуть идолъ заблужденій; въ этомъ случаѣ помощь Иисуса Христа, единственная надежда христіанъ, сдѣлалась бы очень неясной и невѣрной. Присоединитесь лучше къ нимъ, если это возможно, и возвратите христіанству его чистоту. Утверждать, что вы не можете допустить пересмотра догматовъ, значитъ только повторять прежнія уловки. Пересмотръ нуженъ по крайней мѣрѣ для тѣхъ, которые имѣютъ основаніе сомнѣваться въ мнимой непогрѣшимости постановленій. Какъ будто шайка мелкихъ итальянскихъ епископовъ, питомцевъ и приверженцевъ Рима, необразованныхъ и равнодушныхъ къ истинному христіанству, имѣла право, собравшись въ уголѣ Альпъ, вопреки мнѣнію лучшихъ людей того времени, сочинить постановленія, которыя должны быть обязательными для всей церкви. Нѣтъ, такой соборъ никогда не можетъ быть признанъ вселенскимъ, безъ того чтобы не нанести христіанской церкви неизлѣчимую рану“.

Лейбницъ былъ возмущенъ сдержанностью и неуступчивостью Боссуэта; онъ приписывалъ ему главную вину того, что соединеніе цер-

квей не удавалось, и нѣсколько разъ слагалъ на него отвѣтственность за эту неудачу. „Я думаю, что нѣтъ ни одного человѣка, совѣсть котораго была бы столько заинтересована въ этомъ, какъ ваша. Можетъ-быть, со временемъ васъ будутъ считать виновникомъ того, что одно изъ самыхъ великихъ благъ для человѣчества не было достигнуто. Ибо вы имѣете большое вліяніе на короля въ этомъ дѣлѣ, а всѣ знаютъ, какъ велика сила короля въ мірѣ“.

Переписка была прервана окончательно въ 1701 г., за три года до смерти Боссюета. Лейбницъ уже прежде убѣдился въ томъ, что полное соединеніе церквей въ религіозномъ отношеніи невозможно, но онъ думалъ этими переговорами по крайней мѣрѣ достигнуть гражданскаго примиренія, или полной вѣротерпимости. „И я тоже, писалъ онъ въ 1697 году своему другу Фабрицію, профессору богословія въ Гельмштедтскомъ университетѣ, и я тоже много трудился надъ умиротвореніемъ религіозныхъ споровъ; но я скоро убѣдился, что соглашеніе между догматами дѣло тщетное, и что тѣ, которые стараются найти объясненія, удовлетворяющія обѣ стороны, трудятся только напрасно и подвергаются всеобщимъ насмѣшкамъ. Тогда я придумалъ нѣчто въ родѣ Божьяго мира (*inducias tantum sacras excogitare volui*) и рѣшился развить и распространить идею терпимости, которая лежитъ въ основаніи Вестфальскаго мира“¹⁾. Въ другомъ письмѣ къ нему онъ говоритъ: „Я не столько трудился надъ духовною, сколько надъ гражданскою терпимостью; ибо никогда нельзя будетъ достигнуть, чтобы обѣ стороны не осуждали взаимно другъ друга. Если запретить *богословамъ* (*doctoribus ecclesiasticis*) такое осужденіе, они всѣ будутъ кричать, что это значитъ одобрять ученіе противниковъ. Пусть же они другъ друга осуждаютъ, но безъ оскорбленій, безъ несправедливыхъ нареканій. Еслибъ Англичане приняли этотъ *Божій миръ*, они бы не сожигали ежегодно съ большою торжественностью и съ большими издержками образъ папы. Пусть они откажутся отъ преслѣдованій, отъ инквизиціи, отъ насильства, пусть они каждому предоставятъ хоть въ частной жизни свободу богослуженія (*privatim exercitium concedant*); пусть они обуздають рѣзкость нѣкоторыхъ сочиненій и пр. О догматахъ же и о спорныхъ вопросахъ я совсѣмъ не забочусь; я всегда думалъ, что водворить миръ между различными исповѣданіями дѣло не *богослововъ*, а *политиковъ*. Богословамъ же можно оставить ихъ привычки²⁾; но на какомъ основаніи достигнуть

¹⁾ Dutens VI. 141.

²⁾ Illis enim sui mores essent relinquendi! Op. L. ed. Dutens VI. 146.

мира и равенства между различными вѣроисповѣданіями и какимъ способомъ устранить вражду и нареканія — это слѣдуетъ предоста-вить усмотрѣнію свѣтскихъ государей“.

Эти слова важны для объясненія дѣятельности Лейбница. Они показываютъ, что религиозные переговоры были для него не забавою ума (какъ говорила М. де Бринонь) и не средствомъ, чтобы выказать свою діалектическую ловкость и ученость въ богословіи. Онъ смотрѣлъ на нихъ какъ политикъ и философъ, который желалъ избавить чело-вѣчество отъ бѣдствій, причиненныхъ ему религиозной враждой, и ко-торый считалъ необходимымъ, если нельзя достигнуть религиознаго объединенія всѣхъ христіанскихъ церквей, по крайней мѣрѣ установить полную вѣротерпимость, безъ которой не можетъ развиваться граж-данское общество. Не одинъ Лейбницъ въ XVII вѣвѣ отстаивалъ сво-боду совѣсти; но стремленіе къ вѣротерпимости у многихъ современ-никовъ его вытекало изъ равнодушія къ религіи, его же заслуга за-ключалась въ томъ, что глубоко сознавая важность религиозныхъ вѣрованій для чело-вѣка, онъ требовалъ не только вѣротерпимости, но и взаимнаго уваженія къ религиознымъ убѣжденіямъ другъ друга.

Какъ легко однако люди поверхностные могутъ злоупотреблять идеями вѣротерпимости, доказываетъ одинъ фактъ, случившійся въ кругу лицъ, соприкосновенныхъ съ Лейбницемъ. Герцогъ Антонъ-Уль-рихъ продолжалъ сносіться съ Франціей и искать у нея опоры про-тивъ Ганновера, даже когда началась война за испанское наслѣдство. Этотъ союзъ могъ быть опасенъ для Германіи и особенно для Ганно-верскихъ герцоговъ, и они рѣшились быстрымъ ударомъ положить ко-нецъ интригамъ своего родственника. Зимой 1702 года ихъ войска неожиданно вступили со всѣхъ сторонъ въ герцогство Вольфенбют-тельское и обезоружили тамошнія войска. Антонъ-Ульрихъ бѣжалъ, и братъ его долженъ былъ отказаться отъ союза съ Франціей и отъ оппозиціи противъ Ганновера. Черезъ два года послѣ того онъ умеръ, и мѣсто его занялъ Антонъ-Ульрихъ, которому теперь болѣе чѣмъ когда-либо нужна была внѣшняя поддержка. Онъ рѣшился сблизиться съ императоромъ, а средствомъ для этого сближенія избралъ брачный союзъ съ Австрійскимъ домомъ. Молодой братъ императора Іосифа, Карлъ, былъ провозглашенъ испанскимъ королемъ, и для него искали невѣсту. Антонъ-Ульрихъ сначала избралъ для этого свою внучку, Саксенъ-Мейнингенскую принцессу, но родители ея не соглашались, чтобъ ихъ дочь перемѣнила религію. Тогда онъ сталъ интриговать въ пользу другой внучки, Елисаветы-Христини, сестра которой Шар-

лотта-Христина въ послѣдствіи вышла за царевича Алексѣя. Переговоры велись въ Вѣнѣ чрезъ посредство Имгофа и барона Урбиха, который скоро послѣ того былъ назначенъ русскимъ посломъ при Вѣнскомъ дворѣ. Елисаветъ-Христинѣ покровительствовалъ курфирстъ Пфальцскій, родственникъ императора, и благодаря его участію она восторжествовала надъ своими соперницами. Тринадцатилѣтнюю дѣвочку начали учить католическому закону, чтобы приготовить ее къ перемѣнѣ вѣры. Такія перемѣны вѣры по случаю бракосочетанія были тогда новостью, и родственники Елисаветы вознегодовали противъ Антона-Ульриха. Пужно было успокоить ихъ встревоженную совѣсть, тѣмъ болѣе, что и придворные проповѣдники въ Вольфенбюттелѣ въ своихъ проповѣдяхъ открыто осуждали поступокъ своего герцога. Антонъ-Ульрихъ обратился къ Фабрицію, профессору богословія въ Гельмштедтскомъ университетѣ, который былъ приглашенъ туда вмѣстѣ съ профессоромъ Шмидтомъ, по рекомендаціи Лейбница, за ихъ умѣренность и либеральный образъ мыслей. Но съ просвѣщеннымъ и гуманнымъ взглядомъ на религіозные вопросы Фабриціи соединялъ излишнюю угодливость властямъ и недостатокъ мужества, когда нужно было признаться въ своихъ убѣжденіяхъ. По просьбѣ герцога Фабриціи составилъ записку, въ которой онъ отвѣчалъ утвердительно на вопросъ: можетъ ли лютеранская принцесса съ чистой совѣстью принять по случаю бракосочетанія католическую вѣру. Фабриціи основывалъ это на томъ, что католичество не заключаетъ въ себѣ заблужденій, которыя могли бы воспрепятствовать спасенію, и что тѣ пункты, въ которыхъ оно расходится съ протестантизмомъ, касаются только богослововъ и слишкомъ отвлечены для принцессы. По совѣту Фабриціи Антонъ-Ульрихъ предложилъ всѣмъ профессорамъ богословскаго факультета и другимъ ученымъ знаменитостямъ своего герцогства два вопроса: „Можно ли найти спасеніе въ католичествѣ и можетъ ли лютеранская принцесса, которой предлагаютъ бракъ съ католическимъ королемъ, принять католицизмъ, не опасаясь за свое спасеніе, особенно если въ этомъ видна воля Провидѣнія и если она своимъ бракомъ можетъ содѣйствовать общественному благу и принести пользу своему дому?“ Отвѣты были различны. Изъ нихъ мы остановимся только на отвѣтахъ Молануса и Лейбница. Моланусъ отвѣчаетъ отрицательно, но какъ придворный богословъ онъ облакаетъ свой отвѣтъ въ мягкія формы. По его мнѣнію, католичество заблуждается болѣе въ обрядахъ, чѣмъ въ ученіи, и человекъ, родившійся католикомъ, не знающій своихъ заблужденій и ведущій христіанскую

жизнь можетъ надѣяться на царство небесное. Но тотъ, кто осуждаетъ католичество и принимаетъ его ради матеріальныхъ выгодъ, тотъ грѣшитъ противъ своей совѣсти. Въ настоящемъ случаѣ такого грѣха нѣтъ, и можно думать, что здѣсь все происходитъ только изъ сомнѣнія и колебанія. Но на основаніи Посл. къ Римл. 14, все, что вытекаетъ изъ сомнѣнія, а не изъ вѣры, грѣшно. Отвѣтъ Лейбница, хотя тождественный по смыслу, былъ выраженъ въ уклончивой формѣ. Лейбницъ также соглашается, что католическая вѣра можетъ спасти человѣка. Протестантская церковь не осуждаетъ тѣхъ, которые придерживаются католическаго закона безъ лицемѣрія и матеріальныхъ цѣлей. Затѣмъ Лейбницъ дѣлаетъ различіе между *поводами* и *побужденіями* къ переменѣ вѣры. Поводы къ этому могутъ быть матеріальныя и случайныя, но вслѣдствіе такихъ поводовъ могутъ явиться нравственныя и искреннія побужденія. Болѣзнь, напримѣръ, можетъ привести злодѣя къ раскаянію, плѣнъ можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ то, что магометанинъ познакомится съ христіанскою вѣрой и приметъ ее; бракъ, повышеніе по службѣ или надежда на наслѣдство могутъ сдѣлаться поводомъ къ тому, что католикъ въ Англіи или протестантъ въ Силезіи займется изученіемъ враждебной религіи и вслѣдствіе этого искренно измѣнитъ свои убѣжденія. Такого человѣка не слѣдуетъ считать лицемѣромъ или отступникомъ.

Смыслъ отвѣта былъ тотъ, что если принцесса, обучившись католическому закону, убѣдится въ его истинѣ, то она можетъ съ чистой совѣстью принять католицизмъ. Но Лейбницъ обошелъ вопросъ, такъ же ли чиста будетъ совѣсть ея дѣда, который ради матеріальныхъ выгодъ отдалъ 13-лѣтнюю дѣвочку въ руки іезуитовъ, предвидя очень хорошо результатъ.

Фабрицій во второй своей запискѣ отвѣтилъ гораздо рѣшительнѣе. По его мнѣнію принцесса съ чистою совѣстію могла обратиться въ католичество, если ей было доказано, что различіе между обоими вѣроисповѣданіями касается не сущности вѣры, а второстепенныхъ вопросовъ; кромѣ того онъ считалъ нужнымъ, чтобъ она не вдавалась въ споры и не осуждала тѣхъ, которые держатся другаго мнѣнія, и наконецъ, чтобъ она была убѣждена, что не отрывается отъ Христа, но изъ одной частной христіанской церкви вступаетъ въ другую, въ которой также можетъ служить Христу. При этомъ онъ сдѣлалъ однако оговорку, что свобода, предоставленная принцессѣ вслѣдствіе различныхъ важныхъ причинъ, не можетъ быть примѣнена ко всѣмъ остальнымъ протестантамъ.

Это *мнѣніе* Фабриція попало въ руки Парижскихъ іезуитовъ и было обнародовано ими какъ мнѣніе богословскаго факультета въ Гельмштедтскомъ университетѣ. Появленіе этой брошюры встревожило протестантскихъ богослововъ въ Германіи и Англій. Со всѣхъ сторонъ посыпались запросы, протесты, обвиненія и опроверженія. Фабрицій долженъ былъ оправдываться. Онъ не рѣшился прямо отстаивать свой взглядъ и объявилъ, что его мнѣніе искажено въ печати, но не напечаталъ подлиннаго текста, потому что за исключеніемъ нѣсколькихъ грамматическихъ ошибокъ оттискъ былъ вѣренъ. Неудовольствіе противъ Фабриція было особенно велико въ Англій. Тамъ отгѣснили Стюартовъ отъ престолонаслѣдія только за ихъ привязанность къ католицизму, и приверженцы Ганноверскаго дома были крайне удивлены и оскорблены тѣмъ, что въ Ганноверскомъ университетѣ проповѣдуютъ такіа опасныя мнѣнія. Курфирстъ Георгъ встревожился и вытребовалъ отъ университета всѣ акты по дѣлу Фабриція. Последній былъ уволенъ, потому что его либерализмъ слишкомъ противорѣчилъ господствовавшимъ тогда понятіямъ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ судить, на сколько этотъ либерализмъ былъ искрененъ или обусловливался угодиливостью герцогу.

Лейбницъ былъ въ затруднительномъ положеніи. Вслѣдствіе своего совѣта Антоу-Ульриху онъ также могъ испортить свое положеніе при Ганноверскомъ дворѣ. Въ 1708 году, когда разгласилось дѣло Фабриція, онъ совѣтуетъ ему быть осторожнымъ: „Все наше право на Великую Британію, пишетъ онъ ему, основано на ненависти противъ католической религіи. Поэтому мы должны избѣгать всего, что могло бы бросить на насъ тѣнь, будто бы мы относимся равнодушно къ этой церкви“.

Между тѣмъ Елисавета-Христина была окружена іезуитами и подъ ихъ руководствомъ скоро сдѣлала большіе успѣхи въ католическомъ батиизисѣ. Въ 1707 году она отреклась отъ протестантизма и была обвѣнчана въ Вѣнѣ съ императоромъ Іосифомъ, который заступалъ мѣсто своего брата. Черезъ два года послѣ этого ея дѣдъ Антонъ-Ульрихъ на 77-мъ году жизни принялъ также неожиданно для всѣхъ католичество. Причиной его обращенія до сихъ поръ не совсѣмъ извѣстны, но можно сказать утвердительно, что главнымъ побужденіемъ былъ политическій интересъ. Честолюбивый старикъ видѣлъ въ обращеніи своей внучки орудіе для своего возвышенія. „Успокойтесь, писалъ онъ ей матери, когда зашла рѣчь объ обращеніи Елисаветы, и

предоставьте все Богу. Богъ дастъ, Лизочка сдѣлается вторымъ Иосифомъ, чтобы поднять и обезпечить нашъ домъ²⁾“.

Когда это средство не привело къ желанной цѣли, онъ рѣшился самъ принять католицизмъ. Настоянія учителей его внуки и софизмы снисходительныхъ Гельмштедтскихъ богослововъ смутили старика, который всегда былъ фантастиченъ и склоненъ къ увлеченію. Онъ все болѣе и болѣе убѣждалъ себя, что между протестантизмомъ и католицизмомъ нѣтъ существеннаго различія, а что католицизмъ имѣеть преимущество большей твердости. Католицизмъ казался ему надежнѣе; у протестантовъ, говорилъ онъ, нѣтъ священниковъ, которые могли бы ему отпустить всѣ грѣхи. А ко всему этому его манила надежда вознаградить себя съ помощью своего родственника императора за неудачи и разочарованія жизни. Вслѣдствіе побѣдъ Мальбрука и Евгенія Савойскаго, курфирсты Баварскій и Кельнскій, союзники Франціи, были лишены своихъ владѣній. Антонъ-Ульрихъ надѣялся получить часть добычи. Какъ кажется, ему обѣщали епископство Гильдесгеймское или архіепископство Кельнское. Но всѣ эти надежды были разрушены Утрехтскимъ миромъ. Послѣдніе годы безпокойнаго герцога были не совсѣмъ отрадны. Перемѣна религій вовлекла его въ споры съ родственниками и земствомъ герцогства. Ему часто доносили, какими упреками его осыпали протестантскіе пасторы въ своихъ проповѣдяхъ. Къ тому же его мучили религиозныя сомнѣнія. Припимая католичество, онъ надѣялся, что ему позволятъ причащаться подъ обоими видами. Онъ считалъ существеннымъ сохранить въ этомъ случаѣ лютеранскій обрядъ. Но папа Климентъ ни за что не хотѣлъ ему этого разрѣшить, даже втайнѣ. Старикъ былъ въ отчаяніи. На смертномъ одрѣ онъ пригласилъ для своего успокоенія и католическаго и протестантскаго пастора и молился съ ними поочередно.

Еще прежде чѣмъ прервались переговоры, которые имѣли цѣлью примиреніе протестантовъ съ католиками, въ Ганноверѣ, при участіи Лейбница, начались другіе для соединенія лютеранской церкви съ реформатской и англиканской. Двѣ причины дѣлали въ то время такое соединеніе особенно желательнымъ для ганноверскаго правительства и для Лейбница. Церковное соединеніе имѣло бы своимъ послѣдствіемъ болѣе тѣсное сближеніе между Ганноверомъ и Пруссіей, самыми силь-

²⁾ E. L. stellen ihr Gemüth nur in Ruhe und befehlen die Sache Gott, der wird es schon schicken, dass Lisebethchen der andere Joseph werden wird unser Haas aufzuhelfen und zu versorgen. См. обо всемъ этомъ основательное сочиненіе *Hock* — Anton-Ulrich und Elisabeth-Christine. Wolf. 1845. p. 79.

ными государствами сѣверной Германіи, изъ которыхъ первое стояло во главѣ лютеранъ, а второе во главѣ реформатскаго исповѣданія. Соединеніе протестантовъ Германіи въ одну церковь казалось тогда особенно необходимымъ вслѣдствіе невыгоднаго для нихъ Рисвикскаго мира. По этому миру Франція должна была возвратить всѣ области, захваченныя ею во время насильственныхъ присоединеній 80-хъ годовъ. Франція успѣла водворить въ нихъ католичество и во время Рисвикскаго мира настояла на томъ, чтобы въ этихъ областяхъ нигдѣ не былъ возстановленъ протестантизмъ. Это требованіе Франціи едва не привело къ мѣждоусобию въ Германіи: протестанты опасались соединенія нѣмецкихъ католиковъ съ Франціей и убѣдились въ необходимости новаго протестантскаго союза.

Переговоры по поводу соединенія протестантскихъ исповѣданій не представляютъ намъ такого интереса, какъ величественная попытка примирить противоположныя принципы католицизма и протестантизма. Здѣсь нѣтъ различія въ принципѣ; обѣ стороны расходятся только въ подробностяхъ, въ степени послѣдовательности, съ которою они примѣняютъ общій принципъ. Поэтому предметы переговоровъ мельче и незначительнѣе. Къ тому же лица, съ которыми приходится Лейбницу переписываться и сноситься, стоятъ гораздо ниже его прежнихъ корреспондентовъ. Это — обыкновенныя протестантскіе богословы, изъ которыхъ ни одинъ по таланту и европейской извѣстности не могъ сравниться съ Целесономъ и Боскетомъ. Но за то эти переговоры имѣютъ другое преимущество передъ прежними. Самъ Лейбницъ сомнѣвался въ возможности полнаго объединенія католической и протестантской церквей, по крайней мѣрѣ въ его вѣкъ. Въ наше время такое объединеніе было бы еще менѣе возможно. Поэтому попытки такого рода всегда имѣли нѣсколько фантастическій характеръ. Что же касается до сліянія протестантскихъ церквей, то мы находимся на практической почвѣ. Переговоры объ этомъ не удались во время Лейбница главнымъ образомъ по нерадѣнію государей, отъ которыхъ зависѣлъ ихъ успѣхъ; но въ наше вѣкъ идея Лейбница вполне осуществилась. Лютеранская и реформатская церковь въ Германіи, которая еще въ XVII вѣкѣ находилась въ ожесточенной враждѣ, слились въ одну не только по имени, но и на самомъ дѣлѣ, и доказали возможность религіознаго объединенія церквей съ сохраненіемъ различій и особенностей каждой изъ нихъ.

Въ 1697 году Лейбницъ въ своей перепискѣ съ бранденбургскимъ айнымъ кабинетъ-секретаремъ Кюно (Cuneau), человекомъ способ-

нымъ и ученымъ, особенно въ математикѣ, завелъ рѣчь о соединеніи протестантскихъ церквей. Въ Берлинѣ тогда былъ всемогущъ Данкельманъ, первый министр и любимецъ курфирста Фридриха. Для него собственно предназначались письма Лейбница. „Необходимо, писалъ онъ Кюно, все болѣе и болѣе разрушать пустой призракъ раздѣленія между обѣими протестантскими партіями. Это дѣло теперь необходимѣе и легче осуществить, чѣмъ когда-либо. Соглашеніе между обѣими исповѣданіями имѣетъ свои степени. Первая степень — чисто гражданская: она заключается въ гармоніи и искренней взаимной помощи противъ возрастающаго могущества римской партіи. Послѣ удара, который намъ нанесъ Саксонскій домъ ¹⁾, вашъ государь первый изъ протестантовъ имперіи, а слѣдовательно, руководитель ихъ интересовъ, если не отдѣлять лютеранъ отъ реформатовъ.

„Вторая степень состоитъ въ церковномъ соглашеніи и заключается въ томъ, чтобы приверженцы обѣихъ исповѣданій не осуждали друга. Богословскій факультетъ Гельмштедтскаго университета совершенно склоненъ къ такому соглашенію. Я всегда старался препятствовать, чтобы туда не были приглашены профессора Виттенбергской партіи и совѣтовалъ герцогамъ и министрамъ поддерживать школу несравненнаго Каликста, который дѣлаетъ такую честь Германіи, протестантамъ и нашей странѣ. И теперь я устроилъ такъ, что мнѣ поручили пригласить туда профессоровъ Шмидта изъ Лены и Фабриція изъ Альторфа: одинъ ученикъ Музеуса, другой — Гельмштедтской школы.

„Третья степень заключается въ единствѣ вѣры. Ваше превосходительство считаете невозможнымъ достигнуть его, такъ какъ для этого пришлось бы убѣждать людей въ трудныхъ вопросахъ. Но этого и не нужно. Достоверно то, что въ вопросѣ о причащеніи не легко будетъ достигнуть соглашенія, потому что тутъ существуетъ дѣйствительное различіе. И хотя по моему мнѣнію споръ о предназначеніи основанъ на недоразумѣніи, я готовъ признаться, что очень многихъ нельзя будетъ въ этомъ убѣдить. Но я и не вижу, къ чему это полное единство вѣры или ученія. Нужно стараться достигнуть какъ можно большаго, но не слѣдуетъ останавливаться изъ-за этого, потому что различіе не мѣшаетъ желаемому соглашенію.

„Поэтому желательно, по крайней мѣрѣ, дать понять просвѣщеннымъ людямъ, что различіе не такъ существенно, какъ оно кажется. Хорошо, если первый шагъ будетъ сдѣланъ политиками, но богословы

¹⁾ Въ 1697 году курфирстъ Саксонскій Августъ, избранный Польскимъ королемъ, принялъ католичество.

необходимо чтобы повліять на народъ, а также на крайнихъ и исполненныхъ предразсудками людей, часто встрѣчающихся между тѣми, которые стоятъ надъ народомъ“.

Чтобы содѣйствовать примиренію, Лейбницъ убѣдилъ Каликста Младшаго издать съ своимъ предисловіемъ сочиненіе отца: *De tolerantia Reformatorum ecclesiastica*, вмѣстѣ съ другими примирительными (иреническими) сочиненіями его. Остальные профессора присоединили къ его предисловію и свое одобреніе, и такимъ образомъ все сочиненіе могло казаться голосомъ Гельмштедтскаго университета.

Въ то же время Лейбницъ обратился къ извѣстному ученому антиквару и нумизмату Спаангейму, который былъ въ это время прусскимъ посланникомъ въ Парижѣ и пользовался особеннымъ расположеніемъ курфирста. Лейбницъ былъ давно съ нимъ знакомъ и черезъ его посредство получилъ важные акты изъ Берлинскаго архива, напечатанные имъ въ его *Codex juris diplomaticus*. Спаангеймъ изложилъ курфирсту Фридриху планъ Лейбница, и тотъ вполне одобрилъ его. Онъ тотчасъ поручилъ своему придворному проповѣднику Яблонскому, человѣку ученому и либеральному, начертать основанія для соглашенія между протестантами и реформатами. Яблонскій сдѣлалъ это въ сочиненіи: „Краткое представленіе единства и различія въ вѣрѣ между протестантами“, въ которомъ онъ доказывалъ, что между обоими исповѣданіями нѣтъ различія въ самыхъ важныхъ и существенныхъ догматахъ, и потому нѣтъ причины къ отдѣленію. Отправляясь въ Парижъ, Спаангеймъ привезъ это сочиненіе въ Ганноверъ, представилъ его курфирсту и сослался во всемъ на переписку съ Лейбницемъ.

Такимъ образомъ переговоры получили официальный характеръ, хотя ихъ тщательно скрывали отъ публики. Лейбницу было поручено снестись съ Ганноверскими богословами. Вскорѣ послѣ того воспослѣдовало со стороны Гельмштедтскаго факультета одобреніе Берлинскаго сочиненія, которое было названо: „благочестивымъ, правовѣрнымъ, точнымъ, умѣреннымъ, основательнымъ и годнымъ для примиренія церквей“. Въ то же время Лейбницъ издалъ вмѣстѣ съ Моланусомъ сочиненіе: *Via ad pacem*, въ которомъ отвергается простая вѣротерпимость и требуется объединеніе.

Въ 1698 году курфирстъ отправилъ Яблонскаго въ Ганноверъ для личныхъ переговоровъ съ Моланусомъ и Лейбницемъ. Во время этого свиданія было рѣшено, что различія въ догматахъ не существенны и поэтому терпимы, что обѣ церкви сохранить свои обряды и соединятся подъ общимъ названіемъ евангелической. Яблонскій возвра-

тился въ Берлинъ, и переговоры между нимъ и Лейбницемъ продолжались письменно до 1704 года.

Послѣ паденія Данкельмана, переговоры были поручены министру Фуксу и велись менѣе дѣятельно. Лейбницъ не разъ высказывалъ Фуксу черезъ Яблонскаго свое неудовольствіе; но тотъ слагалъ вину на упрямство лютеранскаго духовенства. „Въ свѣтѣ двоякіе интересы, писалъ Лейбницъ въ это время, такіе, которые бы слѣдовало имѣть, и такіе, которые всякій себѣ создаетъ, и это можно сказать о многихъ дворахъ“.

Кромѣ нерадѣнія правительственныхъ лицъ, дурное вліяніе на релігіозныя переговоры имѣли война за испанское наслѣдство и особые интересы, которые въ это время отвлекали вниманіе Пруссіи и Ганновера. Первая старалась добыть себѣ королевскую корону, Ганноверскій же домъ — обезпечить за собой наслѣдство англійскаго престола.

Наконецъ, въ 1703 году курфирстъ Фридрихъ, который между тѣмъ принялъ титулъ короля Прусскаго, учредилъ комиссію изъ богослововъ для ускоренія переговоровъ (Collegium Irenicum или Charitativum). Предсѣдателемъ ея былъ назначенъ Урсинусъ (фонъ-Беръ), котораго король, по поводу своей коронаціи, возвелъ въ санъ реформатскаго епископа; члены же ея состояли изъ реформатскихъ и лютеранскихъ богослововъ Берлина. Лейбницъ не былъ назначенъ въ члены комиссіи, но сохранилъ на нихъ свое вліяніе. Къ сожалѣнію, лютеранскіе члены комиссіи были неспособны вести дѣло примиренія. Одинъ изъ нихъ, Винклеръ, представилъ королю проектъ, въ которомъ онъ ему совѣтовалъ рѣшить дѣло въ силу своей власти, какъ глава церкви. Всѣ обряды, которыми реформаты отличаются отъ лютеранъ, должны быть запрещены. Духовнымъ инспекторамъ должно быть предоставлено больше власти надъ пасторами для того, чтобы зацугать или удалить упрямыхъ, и т. д. Проектъ Винклера былъ неизвѣстно кѣмъ напечатанъ во Франкфуртѣ подъ названіемъ „Arcanum Regium“ и произвелъ большое смущеніе между лютеранами. Магдебургское земство даже обратилось за совѣтомъ къ Гельмштедтскому университету, какъ ему поступить, если бы вздумали осуществлять мѣры, предложенныя Винклеромъ. Факультетъ, по обыкновению, отнесся къ Лейбницу, и тотъ прислалъ ему критику Берлинскаго проекта, въ которой онъ проводилъ мысль, что протестантскіе государи не должны злоупотреблять своею властью надъ церковью, и далъ факультету совѣтъ, какимъ образомъ осудить планъ Винклера, не оскорбляя Прусскаго короля.

Еще передъ этимъ Прусскій король просилъ Антона-Ульриха принять участіе въ переговорахъ, такъ какъ глава Ганноверскаго дома, курфирстъ Георгъ, относился къ нимъ довольно равнодушно. Антонъ-Ульрихъ началъ сноситься съ другими государями, съ герцогомъ Саксенъ-Готскимъ и ландграфомъ Гессенскимъ. Король раздавалъ золотыя медали тѣмъ богословамъ, которые выказывали расположеніе къ переговорамъ. Моланусъ получилъ медаль цѣною въ 50 дукатовъ, другіе были присланы Лейбницу для раздачи по его усмотрѣнію.

Вскорѣ, однако, всѣ планы о соединеніи протестантскихъ церквей были окончательно забыты. Они имѣли практической интересъ для курфирста Георга, пока шли переговоры о бракѣ его дочери съ кронпринцемъ Прусскимъ, при чемъ различіе вѣроисповѣданія представляло нѣкоторыя затрудненія. Но когда король Прусскій предоставилъ своей будущей невѣсткѣ полную свободу совѣсти, Георгъ нашелъ дальнѣйшіе религіозныя переговоры излишними. Въ концѣ 1706 года онъ извѣстилъ Лейбница въ Берлинѣ о своемъ приказаніи, чтобъ онъ устранилъ себя отъ всякаго участія въ переговорахъ. Лейбницъ не сообщилъ объ этомъ богословамъ, но долженъ былъ отказаться отъ прежняго дѣятельнаго участія въ переговорахъ, которые безъ него пришли мало по малу въ застою. Въ 1708 году Лейбницъ писалъ Фабрицію пророческія слова: „По тому, какъ теперь сложились обстоятельства, я ничего не ожидаю отъ дѣла соединенія. Оно когда-нибудь само собою осуществится. (*Ipsa se res aliquando conficiet*)“. И дѣйствительно, черезъ 100 лѣтъ послѣ этого, сліянiе обонхъ протестантскихъ исповѣданій въ Германіи совершилось почти незамѣтно послѣ указа короля Фридриха-Вильгельма въ 1817 году, третью столѣтнюю годовщину реформаціи.

Всѣ эти неудачи не могли лишить Лейбница бодрости. До послѣднихъ дней своей жизни онъ былъ занятъ дѣломъ объединенія церквей. Мы видѣли, что онъ очень дорожилъ идеей преемственности церкви, которая выражалась въ непрерывности церковной іерархіи посредствомъ рукоположенныхъ епископовъ. Поэтому ему особенно должна была нравиться англиканская церковь, такъ какъ она сохранила епископальное устройство. Въведеніе этого устройства въ Германіи ему казалось желательнымъ еще потому, что оно привело бы къ соединенію англійскихъ и нѣмецкихъ протестантовъ въ одну церковь и могло бы облегчить соединеніе ихъ съ католиками. Въ 1700 году онъ подалъ Прусскому королю Фридриху записку, въ которой объяснялъ значеніе епископальной іерархіи для королевской власти даже

въ протестантскомъ государствѣ и совѣтовалъ ввести въ Пруссіи епископальное устройство. Королю Фридриху, который любилъ церемоніи и торжественности и готовъ былъ ввести все, что могло придать его власти большій блескъ, такой совѣтъ долженъ былъ очень понравиться. Вопреки духу реформатской церкви онъ возвелъ для своей коронаціи двухъ пасторовъ въ санъ епископовъ, а потомъ предоставилъ имъ этотъ титулъ пожизненно вмѣстѣ съ большими доходами. Въ это же время онъ велѣлъ перевести англійскую литургію на нѣмецкій языкъ и поручилъ своему епископу Урсинусу обратиться къ архіепископу Кентерберійскому и посовѣтоваться съ нимъ на счетъ введенія епископальнаго устройства. По этому же поводу завязалась дѣятельная переписка между Яблонскимъ и архіепископомъ Йоркскимъ, въ которой принимали участіе нѣсколько англійскихъ и прусскихъ дипломатовъ. Когда, въ 1711 году, Лейбницъ находился въ Берлинѣ, его пригласили также принять участіе въ переговорахъ съ архіепископомъ Йоркскимъ. Смерть Фридриха, въ 1713 году, прервала эти переговоры, такъ какъ преемникъ его былъ мало расположенъ къ Англій. Но Лейбницъ, какъ всегда, не покидалъ начатаго плана. Восшествіе Ганноверской династіи на англійскій престолъ оживило его надежды. Онъ обратился къ своей ученицѣ, принцессѣ Вельской, покровительству которой онъ искалъ въ своемъ спорѣ съ Ньютономъ, какъ мы видѣли въ III-й главѣ. Онъ просилъ ее употребить свое вліяніе на архіепископа Кентерберійскаго и черезъ него склонить короля, ея тестя, къ соединенію протестантскихъ церквей. При этомъ онъ совѣтовалъ ей не упоминать о немъ (Лейбницѣ), такъ какъ король не любилъ его вмѣшательства въ правительственныя дѣла. „Никакое дѣло не можетъ быть такъ достойно вашего королевскаго высочества, какъ это, пишетъ онъ къ принцессѣ ¹⁾; ваше благочестіе равняется вашему благоразумію, а ваше высокое положеніе придаетъ имъ значеніе; можно надѣяться, что благословеніе Божіе не оставитъ этого дѣла. Что касается до меня, то я былъ бы счастливъ, если бы мнѣ пришлось еще видѣть какой-нибудь плодъ отъ моихъ прошлыхъ трудовъ“.

Эти строки были написаны Лейбницемъ за нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти; ими онъ закончилъ свои пятидесятилѣтніе труды надъ объединеніемъ христіанскихъ церквей, упротвореніемъ религіозной вражды и водвореніемъ вѣротерпимости. Въ жизни Лейбница мы встрѣчаемъ много неоконченныхъ предпріятій, много безуспѣшныхъ

¹⁾ Oeuvres de L. ed. Foucher de C. II, p. 495.

трудова и не осуществившихся надеждъ. Многое ему не удалось, потому что у него не доставало времени и силъ, многое, — потому что онъ не находилъ достаточной поддержки въ современномъ обществѣ и въ людяхъ, въ чьихъ рукахъ была власть. Къ предпріятіямъ этого рода нужно отнести проекты Лейбница о соединеніи церквей. Мы видѣли, что эти проекты нельзя назвать фантастической мечтой философа: надъ осуществленіемъ ихъ трудились много замѣчательныхъ людей, и религиозное объединеніе всѣхъ христіанъ есть одна изъ любимыхъ мыслей XVII вѣка.

Правда, въ наше время такое объединеніе кажется еще болѣе труднымъ, чѣмъ въ XVII вѣкѣ, но это не даетъ намъ права осуждать людей, которые стремились къ этой цѣли. Лейбницъ замѣтилъ гдѣ-то ¹⁾, что „чѣмъ менѣе разрѣшима кака-нибудь проблема, чѣмъ выше она, тѣмъ плодотворнѣе приемы и попытки къ ея разрѣшенію. Ничто, можетъ-быть, не содѣйствовало такъ много къ развитію науки, какъ изысканія *tresъ великихъ химеръ* (*tria magna inania*): философскаго камня, вѣчнаго движенія и квадратуры круга“.

Даже еслибъ намъ пришлось причислить вопросъ о соединеніи церквей къ разряду неразрѣшимыхъ проблемъ, мы должны были бы признать за попытками къ объединенію существенныя заслуги. Онѣ смягчаютъ старинныя понятія о враждѣ и розни и располагаютъ къ вѣротерпимости, не къ гражданской только терпимости, поддерживаемой закономъ, но къ той истинной вѣротерпимости, основанной на сознаниіи единства начала и цѣлей. Благодаря этимъ попыткамъ, второстепенныя особенности каждой церкви, которыя обуславливаются историческимъ развитіемъ ея и различіемъ расъ, будутъ терять свое прежнее значеніе, а эти особенности всегда бывали главнымъ поводомъ къ отдѣленію и враждѣ. И какъ скоро перестанутъ разсматривать христіанскія исповѣданія съ той стороны, которою они отличаются другъ отъ друга, то надъ старинною распрей одержитъ верхъ сознание, что въ существенномъ они не расходятся и что общее достоиніе ихъ значительнѣе, чѣмъ ихъ особенности.

А въ этомъ случаѣ проблема будетъ разрѣшена. Тогда будетъ достигнуто то, къ чему стремился Лейбницъ и чего не хотѣлъ понять Боссюетъ. Когда духовное единство христіанской церкви будетъ сознано во всѣхъ ея исповѣданіяхъ, тогда распря объ единствѣ формы станетъ излишней и невозможной.

В. Герье.

¹⁾ Oeuv. de L. ed. Foucher de C. II. Introduction, p. CIV.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ТЕОРИИ XIX СТОЛѢТІЯ.

I. Вюшезъ.

Traité de Politique et de Science sociale. 2 vol. in 8°. Paris. 1866 г.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Nul n'a droit qu'à faire son devoir.

A. Comte.

Въ области социальныхъ наукъ нѣтъ понятій, поставленныхъ въ болѣе враждебное отношеніе, особенно въ послѣднее время, какъ идея, развитіе которыхъ должно бы идти рука объ руку — идея порядка и прогресса. Каждый безпристрастный наблюдатель согласится, что государственный строй, не заключающій въ себѣ элементовъ дальнѣйшаго развитія, обреченъ на неподвижность и разложеніе и что съ другой стороны движеніе впередъ невозможно безъ прочнаго общественнаго порядка, твердо установленнаго на историческихъ основахъ каждой національности. Между тѣмъ оба эти слова получили какое-то странное значеніе въ государствахъ Западной Европы: партія движенія, прогресса, является врагомъ всякаго порядка, всякой организаціи; такъ-называемые защитники порядка отреклись отъ прогресса и ищутъ идеала государственнаго устройства въ отжившихъ преданіяхъ, стараются возстановлять искусственно давно отжившіе институты. Понятно, какъ мало выигрываетъ отъ этого и порядокъ, и движеніе, и наконецъ, самое общество.

Отчего зависить это печальное явленіе? Вопросъ чрезвычайно любопытный не только для западнаго ученаго, но и для Русскаго, и для послѣдняго, можетъ-быть, больше чѣмъ для кого-нибудь. На глазахъ у насъ происходитъ нѣчто подобное западнымъ недоразумѣніямъ. Порядокъ и прогрессъ и въ нашемъ обществѣ начинаютъ представ-

латься чѣмъ-то враждебнымъ другъ другу, хотя эпоха переживаемыхъ нами мирныхъ преобразованій должна бы всѣхъ убѣдить въ противномъ. Нѣтъ тѣхъ обвиненій, которыхъ „партія порядка“ не взводила бы на тѣхъ, кого она называетъ прогрессистами; и нѣтъ того зла, котораго причины „партія прогресса“ не искала бы въ консерваторахъ. Все это можетъ имѣть нѣкоторый интересъ и даже нѣкоторую привлекательность въ области политики, гдѣ открывается просторъ борьбѣ партій, гдѣ каждый считаетъ себя въ правѣ сказать *свое слово* и всегда найдетъ охотниковъ его выслушать. Но съ научной точки зрѣнія всѣ эти недоразумѣнія, вся эта борьба, борьба ожесточенная, но должно сознаться — безъ всякой опредѣленной цѣли и плана, прежде всего вызываетъ самый простой вопросъ: *знаютъ ли* объ партіи другъ друга? *Знаютъ ли* онѣ общество, за интересы котораго онѣ такъ громко говорятъ? Чтò такое порядокъ? Гдѣ отличіе его отъ прогресса?

Нельзя сказать, чтобъ эти капитальные вопросы хоть сколько-нибудь были уяснены въ истинномъ, научномъ смыслѣ. А пока вопросы эти не получаютъ подобнаго разрѣшенія, нельзя ожидать, чтобы общество, присутствующее при борьбѣ этихъ двухъ партій, могло сознать ея цѣль и направленіе; нельзя ожидать, чтобы самыя партіи пришли къ какимъ-нибудь удовлетворительнымъ результатамъ. Остается одно: удалиться въ область науки, стать въ сторонѣ отъ всякихъ партій и съ научными, историческими фактами въ рукахъ изучить эти вопросы, слишкомъ долго остающіеся въ рукахъ людей, руководимыхъ страстью больше чѣмъ разсудкомъ и опытомъ.

Мы рѣшаемся предпринять здѣсь нѣчто подобное, съ помощію указаній, добытыхъ людьми, которыхъ воззрѣнія развились внѣ всякихъ партій, а слѣдовательно, и увлеченій. На первый разъ мы рассмотримъ жизнь и сочненія человѣка, который много сдѣлалъ для разъясненія этихъ идей.

15-го мая 1848 года французское учредительное собраніе представляло печальное зрѣлище. Буйная толпа *самодержавнаго* народа, пользуясь поддержкой префекта полиціи Коссидьера и двусмысленнымъ поведеніемъ начальника національной гвардіи Курте, ворвалась въ засѣданіе, гдѣ обсуждалась конституція новой республики. Соціалистическіе возгласы, полонофильскія заявленія, выходки противъ членовъ правительства, вотъ чѣмъ наполнилось собраніе, отъ котораго должно было выйти рѣшеніе самыхъ сложныхъ и трудныхъ

вопросовъ политическаго и экономическаго быта Франціи. Во всей этой сумятицѣ уже видѣлись іюльскіе дни, временная диктатура Кавеньяка, замаскированный абсолютизмъ Наполеона III, подавленіе свободы, упадокъ умственной жизни, извращеніе нравственности, демократы, превращенные въ бесполезныхъ говоруновъ, консерваторы, апплодирующие революціоннымъ мѣрамъ правительства, цѣлый народъ, превращенный въ софиста, софисты, превращенные въ руководителей политическаго движенія, апатія, застой, быть-можетъ, предшествующіе такому же беспорядочному взрыву въ будущемъ. Въ средѣ самого собранія были люди, ясно видѣвшіе не только всю эту неурядицу, но и причины, ее вызвавшія. Они ясно видѣли, что классы, бывшіе до тѣхъ поръ руководителями страны, давно потеряли сознание національной идеи, одушевившей Францію съ 1789 года, что буржуазія, выставившая Верньо и Барнава, превратилась въ представительницу своекорыстныхъ стремленій, что идеи рабочаго класса еще не доросли до высоты общенациональнаго сознанія, что церковь глядитъ врознь съ государствомъ и что *la grande nation* перестаетъ быть для человѣчества тѣмъ, чѣмъ была прежде.

Быть-можетъ, потому что они видѣли все это, они сознавали себя совершенно бесполезными и отчасти чуждыми въ средѣ собранія, хотя и содѣйствовали его работамъ по мѣрѣ силъ. Но главная причина ихъ изолированнаго положенія заключалась въ томъ, что они слишкомъ ясно сознавали условія будущаго порядка и ни одной минуты не могли остановиться на мысли объ осуществленіи его такими банальными средствами, какъ организація труда, фаланстеріи, икаріи, коммунистическія мѣры. По словамъ Прудона, все это пушки, взятія изъ стараго лагеря и обращенныя противъ него же. Не такими средствами осуществляются новыя идеи.

Къ числу такихъ личностей принадлежалъ и человѣкъ, занимавшій президентское кресло учредительнаго собранія въ самый день 15-го мая. Это былъ Бюшезъ. Спокойно принялъ онъ дикія выходки толпы, даже, по мнѣнію многихъ, слишкомъ спокойно. Это ставятъ ему въ вину. Противники проводятъ невыгодную для него параллель его поведенія съ поведеніемъ Буасси-д'Англâ въ подобномъ же случаѣ, именно при вторженіи клубистовъ въ залу собранія 1-го преріала. Но кромѣ виѣшней обстановки, оба эти случая не представляютъ ничего общаго. Конечно, и тамъ, и здѣсь дѣло шло о поддержаніи только-что начавшихъ складываться государственныхъ началъ, противъ эгоистическихъ стремленій, имѣвшихъ въ виду удовлетвореніе

минутныхъ потребностей. Но за Буасси-д'Англа стояла непреклонная фаланга людей, изъ которой вышли мужественныя арміи республики и первой имперіи, съ своими генералами и маршалами, эти великіе обновители Европы. Они ясно сознавали свою цѣль, они знали, за что умирали они сами, ихъ братья и отцы во всѣхъ частяхъ свѣта. Знали ли люди 1848-го года, чего они хотѣли?

Отчего революція 1848 года имѣла такъ мало успѣха? Отвѣтомъ на это могутъ отчасти служить два лежанціе передъ нами тома. Мы постараемся изложить ихъ въ связи съ ученіями, которыя, подобно имъ, имѣютъ въ виду изслѣдованіе законовъ нормальнаго развитія человѣческихъ обществъ и ищутъ его условій въ организаціи человѣческихъ знаній, нравственныхъ понятій и въ правильной дисциплинѣ человѣческаго труда.

Только съ этой стороны намъ и будетъ понятно значеніе Бюшеза. Его политическая роль слишкомъ блѣдна, чтобъ останавливаться на ней долго, — блѣдна не потому, чтобъ у него не было способностей, нравственной силы и убѣжденій: его труды, его воззрѣнія, его жизнь служатъ доказательствомъ противнаго; блѣдность эта зависѣла отъ того, что ему пришлось говорить о порядкѣ, когда рѣчь шла объ анархіи, и о свободѣ, когда ловкіе люди уже отождествили ее съ анархіей. Для самодержавной толпы 15-го мая его теоріи казались остаткомъ разрушенной монархіи; для наступавшаго абсолютизма — отраженіемъ революціонныхъ идей. Учредительное собраніе со смѣхомъ отвергло его предисловіе къ конституціи, гдѣ онъ говоритъ объ обязанностяхъ, наложенныхъ Богомъ на націю, — обязанностяхъ, которыя служатъ единственнымъ источникомъ всякихъ коллективныхъ и личныхъ правъ. Наполеонъ поспѣшилъ нарушить 48-ю ст. конституціи, заключавшую въ себѣ постановленіе, предложенное Бюшезомъ, о томъ, чтобы президентъ присягалъ республикѣ. Что ему было здѣсь дѣлать? Послѣ кратковременной политической карьеры, онъ возвратился къ занятіямъ, поглотившимъ всю его жизнь, къ разработкѣ соціальныхъ вопросовъ. Въ этомъ его главная и даже единственная заслуга, здѣсь все его значеніе. Онъ раздѣляетъ его вмѣстѣ съ другими лицами, посвятившими себя тому же предмету, то-есть, устраненію умственной и нравственной анархіи, подготовленію будущей организаціи общества, выясненію истинныхъ началъ общежитія. Большая часть истинно-самостоятельныхъ французскихъ умовъ посвятили себя этой цѣли. Сюда ушла большая часть жизни и относятся лучшіе труды Конта. Прудонъ, покончивъ критическую часть своей работы, то-есть, выполнивъ

по своему убѣжденію первую часть своего гордаго девиза — *destruam*, принялся за его вторую часть — *aedificabo*. За критикой собственности послѣдовала теорія собственности, за экономическими противорѣчіями — теорія новаго общества. Мы увидимъ, что сдѣлано въ этомъ направленіи Бюшезомъ. Онъ, очевидно, стремился къ одной цѣли со всѣми лицами, вышедшими изъ школы С. Симона; однакоже, онъ отличается отъ большей части изъ нихъ. Онъ остался въ кругу христіанской цивилизаціи — вотъ рѣзкая черта, отдѣляющая его отъ Конта. Точкой отправленія для него служить нравственная и умственная свобода человѣка — вотъ пропасть, отдѣляющая его отъ социализма и коммунизма. Онъ дѣласть нравственность критеріумомъ всякаго сознанія и даже знанія, матеріализмъ чуждъ ему. Но, расходясь въ этихъ общихъ основаніяхъ, онъ, очевидно, идетъ къ одной и той же цѣли и даже по одной дорогѣ съ этими писателями. Построеніе дѣйствительной социальной науки, которая своими прочно постановленными истинами положила бы конецъ умственной и нравственной анархіи, этому продукту революціонной метафизики XVIII столѣтія; установленіе связи положительнаго законодательства съ этими научными, разумными, а потому и необходимыми началами социологіи, подчиненіе ихъ общей идеѣ прогресса и устраненіе человечества съ пути революцій, — вотъ задача, которой была посвящена жизнь Бюшеза. Такимъ людямъ не было мѣста въ современной политической жизни, колебавшейся между революціонно-метафизическими мечтами и военно-оократическою реакціей; но за то въ скромной, незамѣтной закладкѣ новаго зданія имъ принадлежитъ первое мѣсто. Мы считаемъ особенно полезнымъ познакомить русскихъ читателей съ идеями Бюшеза, такъ какъ онѣ до нѣкоторой степени подходятъ къ началамъ религіозной нравственности, — къ которымъ, по счастью, возвращается наше общество, — во всякомъ случаѣ болѣе чѣмъ часто крайнія возрѣнія Конта. Тѣмъ не менѣе общность цѣли, одинаковая научная подготовка и часто поразительно тождественные выводы обоихъ писателей побуждаютъ насъ сравнивать ихъ между собою, равно какъ и съ другими авторами, на которыхъ отразилось вліяніе сентъ-симонизма и позитивизма. Мы постараемся не столько выставить наши собственные взгляды, сколько познакомить читающую публику съ этими теоріями, въ сожалѣнію, или мало, или невѣрно ей представленными. Наши субъективные взгляды будутъ проведены только тамъ, гдѣ это необходимо для выясненія или лучшей связи отдѣльныхъ частей излагаемаго ученія.

I.

Необходимость социальной науки никогда не заявляла себя съ такою силой какъ въ XIX столѣтіи. Умственная и отчасти политическая диктатура католицизма, военно-феодалная организація старыхъ монархій, нѣкоторая умственная дисциплина, установленная этими великими силами, съ дальнѣйшимъ развитіемъ западно-европейскихъ народовъ, въ особенности послѣ французской революціи, оставили широкое поле для всевозможныхъ политическихъ системъ, для отсутствія системъ и вообще для попытокъ разнаго рода содѣйствовать благосостоянію человѣчества. Не смотря на такую свободу дѣйствія и мысли, до настоящаго времени нѣтъ системы, которая хотя сколько-нибудь удовлетворяла бы потребности общества достигнуть дѣйствительной организаціи всѣхъ своихъ силъ и элементовъ. До настоящаго времени всякое прогрессивное движеніе есть прежде всего разрушеніе прежняго, всякая попытка организаціи есть возвращеніе къ старому порядку. Революція и реакція, разрушеніе старыхъ идоловъ и возстановленіе ихъ — вотъ между какими крайностями колеблется Западная Европа въ теченіе цѣлаго столѣтія. Мы не вполне разрушили старую систему, говорятъ революціонеры, когда ихъ пышныя обѣщанія терпятъ крушеніе; мы не вполне возстановили старину, говоритъ реакція, когда, не смотря на предупредительныя и карательныя ея мѣры, чувствуются судороги социальнаго организма. Когда же эти люди займутся постройкой новаго зданія взамѣнъ жалкой работы ломки и переборки стараго?

Нельзя сказать, конечно, чтобы та и другая школа не выставляли образцовъ, типовъ общества, сообразныхъ съ ихъ ученіемъ. Напротивъ, ихъ, можетъ-быть, слишкомъ много; они разнообразны и многочисленны, какъ разнообразны фантазіи, ихъ породившія. Но все они имѣютъ одно общее имъ свойство: ни одинъ изъ нихъ не рационаленъ на столько, чтобы могъ всегда оставаться вѣренъ своимъ собственнымъ началамъ. Внутреннее противорѣчіе какъ бы присуще всемъ этимъ системамъ. Не говоря уже о революціонно-метафизическихъ теоріяхъ, которыя вошли въ поговорку въ этомъ отношеніи, сами реакціонныя системы грѣшатъ крайнею непослѣдовательностію. Впервыхъ, ни одна изъ нихъ уже не рѣшается явно преслѣдовать и подавлять успѣхи науки и промышленности, которыя каждый день все болѣе и болѣе подрываютъ главныя основы стараго порядка: низкій уровень образованія, монополіи и привилегіи. Напротивъ, поощреніе

этихъ очевидныхъ враговъ стараго порядка вмѣняется въ обязанность даже ретрограднымъ правительствамъ. Далѣе, въ борьбѣ со школой революціонною ретроградная школа сражается одинаковымъ съ нею оружіемъ, и вмѣсто преданія и авторитета, единственно свойственныхъ ей способовъ доказательства, пускается на несвойственную ей почву научныхъ и историческихъ доводовъ, слѣдовательно, сама подчиняетъ преданіе и авторитетъ критикѣ собственнаго разума. Такимъ образомъ, она подрываетъ самыя существенныя свои начала и открываетъ широкую дорогу разрушительнымъ теоріямъ. Съ большою еще силой обнаруживается эта непослѣдовательность въ практической дѣятельности ретроградской партіи. Раздвоеніе и часто борьба элементовъ, составляющихъ ей поддержку, ненаціональная политика въ видахъ поддержанія личнаго вліянія, разрывъ аристократической партіи съ монархическою, провозглашеніе революціонныхъ началъ въ политикѣ одною партіей и тѣхъ же началъ въ сферѣ экономическихъ отношеній другою партіей,— все это вещи, очень знакомыя каждому, кто всматривался въ бытъ новѣйшихъ государствъ. Даже на литературѣ отражается эта крайняя непослѣдовательность двухъ политическихъ партій. Ог. Контъ очень удачно указываетъ, какимъ образомъ романтизмъ, этотъ революціонеръ въ сферѣ прежнихъ строгихъ эстетическихъ формъ, сталъ подъ защиту реакціонерной партіи на томъ только основаніи, что главнымъ предметомъ его пѣснопѣній была феодально-католическая Европа, а революціонная школа взяла подъ свое покровительство раздушенный псевдо-классицизмъ, бравшій своихъ героевъ изъ языческо-республиканской древности. И въ такимъ-то мелочамъ привязывались лица, серьезно думавшія взять на себя трудное дѣло общественной организаціи!

Если такимъ образомъ ретроградная партія, имѣющая за собою вѣковую опытъ и рутину, не въ силахъ создать прочную систему чело-вѣческаго общежитія, то тѣмъ менѣе можетъ исполнить эту задачу масса революціонныхъ метафизиковъ. Ея задача — чисто критическая. Она принадлежитъ эпохѣ, раздѣляющей старую и новую систему; она разрушаетъ одну, чтобъ очистить мѣсто для другой. Но отъ разрушенія до созданія новаго разстояніе большое. Изъ собственныхъ своихъ элементовъ она не въ силахъ создать ничего органическаго, не въ силахъ установить никакой положительной цѣли. Вслѣдствіе этого каждая изъ ея теорій общественной организаціи носятъ на себѣ отпечатокъ переходной эпохи, временныхъ задачъ, и въ большинствѣ случаевъ эти теоріи, очевидно, соответствуютъ цѣли разрушенія, болѣе имѣютъ въ виду ненавистную имъ политическую систему прежняго

времени, чѣмъ истинныя условія развитія человѣчества въ будущемъ. Теоріи непреклонныхъ революціонеровъ возводятъ въ идеалъ такую организацію общества, которая имѣетъ значеніе только какъ противодѣйствіе какой-нибудь положительной государственной и социальной системѣ, обыкновенно современной автору теоріи. Задача *умѣренныхъ* заключается въ искусствѣ сохранить большее или меньшее количество старыхъ началъ, въ стараніи *примирить* то, что прошло, съ тѣмъ, что должно быть. Слѣдовательно, революціонная партія или положительно заимствуетъ начала своихъ противниковъ для собственной системы, или, по крайней мѣрѣ, создаетъ ихъ подъ такимъ неотразимымъ вліяніемъ отживающаго порядка, что безъ него они не имѣютъ смысла. Возможно ли, на примѣръ, понять теоріи, которыя проповѣдывались въ 1848 году въ Люксембургскомъ дворцѣ, помимо идей того порядка вещей, который былъ созданъ буржуазіей? Авторамъ этихъ теорій кажется, что переходная эпоха, въ которую они дѣйствуютъ, есть нѣчто неизмѣнное, вѣчное, что враждебный имъ порядокъ также вѣченъ, и что система ихъ должна имѣть одно назначеніе—вѣчное противодѣйствіе этому вѣчному врагу. По всѣмъ этимъ причинамъ революціонная метафизика доходила до невообразимыхъ противорѣчій. Имѣя сама разрушительное назначеніе, она дѣлала его главною задачею человѣчества, а потому вообще не любила всего, что не ладило съ этими цѣлями. Всякое правительство являлось у нея естественнымъ врагомъ общества и его развитія: противъ него необходимо держаться на сторожѣ, стѣснять сколь возможно сферу его дѣятельности, такъ чтобы въ заключеніе оставить ему одинъ полицейскія охранительныя обязанности, устранивъ его отъ руководящей роли въ дѣлѣ общественнаго развитія. Сказать такую вещь значитъ прямо объявить себя неспособнымъ создать какую бы то ни было прочную политическую систему. И дѣйствительно, если мы рассмотримъ коренныя начала, провозглашенныя революціонною школою, намъ ясно будетъ, что они выражаютъ переходную, разрушительную задачу школы. Основнымъ догматомъ ея,—догматомъ, дѣйствительно опредѣляющимъ ея свойство,—является безусловная свобода изслѣдованія во всѣхъ сферахъ нравственной и умственной жизни человѣчества. Нѣтъ сомнѣнія, что провозглашеніе этого начала дало ей возможность оказать человѣчеству тѣ услуги, которыя отражаются на быстрыхъ успѣхахъ всѣхъ отраслей знанія. Нѣтъ сомнѣнія, что это великое начало въ обществахъ цивилизованныхъ до такой степени проникло въ нравы, что даже реакціонная партія, по своимъ пріемамъ и смѣлости обра-

ценія съ наиболѣе важными предметами, напоминаетъ своихъ противниковъ. Но нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что такая свобода ясно указываетъ на такое состояніе общества, гдѣ лучшія силы направлены на разрушеніе, гдѣ нѣтъ никакого дѣйствительно организующаго начала.

Мы должны оговориться. Свобода, въ томъ смыслѣ, какъ мы принимаемъ ее здѣсь, состоитъ не въ той необходимой возможности для каждаго лица изслѣдовать самостоятельно каждый научный вопросъ и издавать въ свѣтъ выводы своихъ научныхъ изслѣдованій, не подчиняя ихъ официальнымъ взглядамъ и образцамъ мышленія. Это — необходимое право каждой развивающейся личности, каждаго сознающаго себя духа. Здѣсь рѣчь идетъ о томъ печальномъ фактѣ, что каждый, начинающій разсуждать о политическихъ и нравственныхъ вопросахъ, считаетъ своею обязанностью подвергать критикѣ самыя основы общежитія и пытается вывести изъ своего ума то, что устанавливается долгимъ процессомъ чловѣческаго развитія. Въ этомъ отношеніи социальныя науки стоятъ ниже всѣхъ остальныхъ. Послѣднія обладаютъ нѣкоторыми общими началами, не подвергающимися новому пересмотру при выходѣ въ свѣтъ каждой новой книги. Человѣческая мысль въ области астрономіи, физики, химіи и даже въ области филологіи и исторіи задерживается нѣкоторыми несомнѣнными истинами, фактами, которые препятствуютъ принять ту отвлеченно-произвольную форму, въ какой щеголяютъ произведенія политическихъ метафизиковъ. Писатель, который рѣшился бы высказать мысль объ обращеніи солнца около земли, навлекъ бы на себя подозрѣніе въ умопомѣшательствѣ; лица, высказывавшія совершенно аналогичскія нелѣпости въ области нравственныхъ и политическихъ наукъ, часто увѣнчиваются лаврами. Это печальное положеніе продолжается до тѣхъ поръ, пока по отношенію къ политическимъ наукамъ въ самомъ сознаніи людей не установится нѣсколько прочно постановленныхъ началъ, отсутствіе которыхъ ведетъ къ тому, что люди отвлекаются отъ трезвой политической дѣятельности изслѣдованіемъ высшихъ законовъ общежитія. Это въ свою очередь ведетъ къ тому, что общество, завоевавшее себя и ревниво охраняющее свободу мысли по отношенію къ теоретическимъ вопросамъ и не признающее здѣсь никакихъ авторитетовъ, на практикѣ терпѣливо выноситъ гнетъ рутинной администраціи, которая предъ обществомъ имѣетъ то важное преимущество, что вся отдалась дѣлу, хотя часто не слыхала ни о какихъ теоретическихъ соображеніяхъ. Итакъ, анархія, вслѣдствіе отсутствія общихъ началъ, осу-

пеществленію которыхъ могло бы отдаться успокоенное общество, ведетъ къ сильнѣйшему и безграничному господству „будничныхъ людей и идей“, нерѣдко составляющихъ бюрократію. Важною и великою побѣдой было освобожденіе мысли отъ внѣшнихъ стѣсненій; но еще важнѣйшихъ результатовъ достигла бы эта освобожденная мысль, когда бы она сама подчинила себя необходимой дисциплинѣ, которая удерживала бы ее отъ бесполезныхъ теорій, но за то направляла бы всея силы къ дѣйствительной общепользующей дѣятельности. До сихъ поръ ново-европейское общество тратило свои силы на построение *началь* общежитія; пусть оно обратится къ необходимымъ *законамъ* его и имъ подчинитъ свою политическую жизнь.

Странное дѣло! Все заявленія, начиная съ „Объявленія правъ чело-вѣка и гражданина“, были, повидимому, направлены къ тому, чтобъ открыть обществу доступъ къ политическимъ дѣламъ; но на дѣлѣ выходитъ, что оно устранено отъ этой дѣятельности болѣе чѣмъ когда-нибудь, и нѣтъ сомнѣнія, что одна изъ главнѣйшихъ причинъ этого есть несовершенное состояніе политическихъ и социальныхъ наукъ. Отчасти вслѣдствіе вражды къ отжившей системѣ, отчасти вслѣдствіе дѣйствительной несостоятельности прежнихъ началъ, новое общество до настоящаго времени занимается переборкою и критикою ихъ, то-есть, остается въ моментѣ *ислѣдованія*, которое всегда и во всемъ предшествуетъ дѣйствію. До дѣйствія оно еще не дошло. Это лучше всего доказывается тѣмъ, что одна часть революціонной массы называетъ себя партией *дѣйствія*, какъ будто это кака-нибудь удивительная особенность; это значитъ только, что вся остальная масса такъ-называемыхъ либераловъ еще весьма далека отъ способности дѣйствовать. Призывая каждого къ новому пересмотру началъ общества, либеральная часть общества приводитъ къ тому, что во всѣхъ сферахъ дѣятельности сочли бы безуміемъ—заставлять всѣхъ разсуждать, но только разсуждать, и устраняетъ ихъ отъ всякой дѣятельности, какъ бы не сознавая, что дѣятельность, а не простое и бесплодное резонерство, есть задача чело-вѣка. Гдѣ бездѣйствіе съ одной, а свобода резонерства съ другой стороны, тамъ и анархія. Нѣтъ умственной дисциплины — нѣтъ плодотворной дѣятельности, нѣтъ прочно поставленной цѣли, все идетъ на удачу. Между тѣмъ какъ каждый спѣшитъ въ дѣлѣ своего здоровья исполнять совѣты медика, въ ману-фактурномъ дѣлѣ — совѣты техника и т. д., каждый считаетъ себя въ правѣ обсуждать труднѣйшіе вопросы политики — этой самой сложной изъ наукъ.

Ясно, что тутъ дѣло идетъ о чемъ-то переходномъ, не установившемся. Не можетъ быть прочной организаціи тамъ, гдѣ каждый считаетъ себя въ правѣ подвергать постоянной критикѣ самыя основы общежитія. Еще менѣе можетъ она установиться при полномъ отсутствіи соціальной іерархіи, прировненной къ потребностямъ даннаго общества. Революція провозгласила полное равенство всѣхъ членовъ общества, въ смыслѣ полного уничтоженія внѣшнихъ и наслѣдственныхъ отличій одного класса отъ другаго. Но не успѣла она закончить своего дѣла, какъ изъ рядовъ промышленныхъ классовъ, подготовлявшихъ паденіе феодализма еще съ XIII столѣтія, вышла французская буржуазія, занявшая мѣсто низверженныхъ высшихъ классовъ. Правда, она заимствовала свой складъ отъ старыхъ временъ. Это, какъ мы вѣдѣли, бываетъ всегда, когда революція желаетъ дать организацію своимъ элементамъ. Разрушена монархія, и узурпаторъ, устанавливая свою власть, до мельчайшихъ подробностей копируетъ своихъ предшественниковъ. Кромвель такъ подробно опредѣлялъ церемоніаль своего вступленія въ должность, какъ будто писалъ подъ диктовку Людовика XIV или Карла I. Буржуазія, занявъ мѣсто старой аристократіи, немедленно приняла ея тонъ и отчасти идеи. Наполеонъ I только докончилъ ея дѣло, увѣсивъ ее крестами и украсивъ титулами. Доктринеры и Гизо даже цустили въ ходъ начало наслѣдственности, создавъ палату перовъ—эту жалкую копію съ палаты лордовъ. Дальше идти было не куда: нельзя въ самомъ дѣлѣ до такой степени реставрировать разрушенное зданіе и реставрировать въ то время, когда вся жизнь строилась на началахъ совершенно противоположныхъ, когда народъ и правительство тѣснились примѣнить къ дѣлу „*les grands principes de 1789*“. Но такая реставрація указываетъ на тотъ несомнѣнный фактъ, что равенство, въ смыслѣ полного отсутствія всякой іерархіи, есть такая безформенность общества, которая необходимо предшествуетъ всякому строенію, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть принята за нормальное и окончательное его положеніе.

Провозглашеніе права безконечной критики и равнаго права всѣхъ гражданъ во всякое время передѣлывать общество повело за собою другое ученіе, которое также совершенно характеризуетъ революціонную эпоху. Это — ученіе о самодержавіи народа. Подобно первымъ двумъ началамъ, и это ученіе было только протестомъ противъ стараго порядка, орудіемъ разрушенія отжившей организаціи. Если бы за обществомъ не было признано право мѣнять свое политическое устройство, и самое это устройство не было бы признано за продуктъ

его воли, дѣло разрушенія никогда не было бы доведено до конца. Но когда дѣло зашло о дѣйствительной организаціи общества, „самодержавный“ народъ мало помогъ разрѣшенію вопроса. Въ ожиданіи же этого разрѣшенія самыя политическія ученія остались въ состояніи полной анархіи. Притомъ самая идея народнаго полновластія не есть что-либо самостоятельное; это та же идея абсолютной государственной власти, которая была осуждена революціей въ лицѣ Людовика XVI и которая въ рукахъ толпы можетъ только принять болѣе опасный и вредный характеръ. Нѣтъ на землѣ власти, которая могла бы безнаказанно перешагнуть за предѣлы, напримѣръ, нравственнаго закона, позволить себѣ полное уничтоженіе личности, разрушать духовную жизнь человѣчества. Поступая такъ, она уничтожаетъ элементы народнаго самосознанія, то-есть, сильнѣйшую опору своего собственнаго существованія. Правительство крѣпко только тогда, когда живетъ въ умѣ и сердцѣ народа. Идея полновластія народа, доведенная до конца, можетъ имѣть своимъ результатомъ только массу безличныхъ людей; что же другое представляла монархія Филиппа II? Подобно двумъ предыдущимъ идеямъ, и ученіе о полновластіи народа имѣетъ только отрицательный характеръ; но разъ освобожденное отъ внѣшнихъ стѣсненій, общество должно подумать о внутреннемъ ограниченіи своей свободы, называемой его полновластіемъ, подобно тому, какъ мы уже это высказали по отношенію къ свободѣ индивидуальной ¹⁾).

Въ большей еще степени вредные результаты этихъ началъ отразились на международномъ союзѣ, въ которомъ начало самостоятельности государствъ и принципъ невмѣшательства, очевидно, соответствуютъ началу равенства и народнаго полновластія въ политикѣ отдѣльныхъ государствъ. Нигдѣ, быть-можетъ, начала эти не получили такого развитія, нигдѣ они не высказаны съ большею наглядностію и нигдѣ анархія не приняла такихъ громадныхъ размѣровъ, какъ здѣсь. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ принципъ далъ возможность установиться началамъ 1789 года внутри каждаго изъ западно-европейскихъ государствъ, что до настоящаго времени развитіе невмѣшательства тѣсно связано было съ развитіемъ политической свободы, что Италия, Греція, и раньше ихъ Франція, обязаны ему своимъ освобожденіемъ. Но если развитіе народовъ обезпечено устраненіемъ вред-

¹⁾ Мы будемъ имѣть случай рассмотреть замѣчательную теорію Бюнеза по этому вопросу, хотя и не вполне соглашаемся съ нею. Кроме того, нельзя не указать на превосходную главу: *La souveraineté du peuple*, въ *Politique Constitutionnelle* par B. Constant.

ныхъ постороннихъ вліяній, — вліяній, обыкновенно основанныхъ на силѣ и стремившихся къ деспотизму—если новый шагъ на этомъ пути—отождествленіе государства и національности, и слѣдовательно, освобожденіе дѣйствительныхъ національностей—есть новое торжество идей 1789 года, то съ другой стороны несомнѣнно и то, что истинная цѣль человѣчества есть не разрозненность, а общеніе, соединеніе. А въ этомъ отношеніи революціонная эпоха сдѣлала мало, не смотря на провозглашеніе „братства народовъ“. Никогда народы не поклонялись больше силѣ, какъ теперь. Европа, сбросившая духовную власть папы, объединявшую средневѣковое человѣчество, выдумала систему перво-классныхъ державъ, при чемъ классификація, конечно, не основана на умственномъ и нравственномъ первенствѣ. Средніе вѣка не выходили изъ мелкихъ войнъ; новая Европа не выходитъ изъ вооруженнаго мира, этого чудовищнаго порожденія Наполеоновой системы. Притомъ она знаетъ и войны, и какія войны! Вся злоба, накопившаяся въ сердцѣ націи во время вооруженнаго мира, не знаетъ границъ. Правда, намъ говорятъ, что торговля должна объединить міръ, что промышленные интересы свяжутъ человѣчество сильнѣе всякихъ нравственныхъ узъ. Средневѣковой человѣкъ постыдился бы говорить это. Онъ сознавалъ, что онъ связанъ съ другими націями духовными узами, и связь эта была едва-ли не крѣпче, чѣмъ всѣ торговые трактаты, которыми такъ гордится наше время.

Таковы начала, которыя революціонная партія кладетъ въ основаніе всѣхъ своихъ теорій. Имѣя въ виду разрушеніе стараго, выставляя начала своей дѣятельности, приуроченныя къ этой цѣли, она не имѣла ни силъ, ни средствъ направить общественное сознаніе къ опредѣленной цѣли въ будущемъ. Она сама не только не сознавала ясно этой цѣли, но даже не искала своего идеала въ будущемъ. Напротивъ, подобно реакціонной школѣ, она упорно смотрѣла назадъ, и въ отдаленныхъ, часто вовсе не изслѣдованныхъ періодахъ человѣчества искала образцовъ политическаго и общественнаго совершенствъ. У обѣихъ школъ цѣли были различны, но въ приѣмахъ господствовало полное тождество. Реакція искала въ прошедшемъ образцовъ полного подчиненія предаію и авторитету; въ томъ же прошедшемъ революція искала типовъ свободы и равенства. Ученіе о такъ-называемомъ *естественномъ состояніи*, пущенное въ ходъ Гроціемъ и Гоббесомъ и имѣвшее зерно научной идеи въ томъ смыслѣ, что политическій строй долженъ быть продуктомъ свойствъ человѣка и окружающихъ его условій, — подъ вліяніемъ революціонной школы, превратилось въ

орудіе разрушенія всякой организаціи. Если Гоббесъ и Гроцій говорили объ естественномъ состояніи, для того чтобы вывести изъ него необходимость общежитія, то Руссо и его послѣдователи и поклонники говорили о немъ, для того чтобы осудить существующій порядокъ. Первые говорили: вотъ почему теперь существуютъ тѣ или другія учрежденія; вторые повторяли: такихъ-то учрежденій не было въ естественномъ состояніи, слѣдовательно, они не нужны и не лѣпы; все, слѣдовательно, должно быть припоровлено къ этому естественному состоянію; только тогда человѣкъ достигнетъ блаженства. Еслибы идеи истины и добра были продуктомъ индивидуальной дѣятельности человѣка, то конечно, наилучшее средство установить правильныя начала общежитія было бы обратиться къ личному сознанию человѣка, и притомъ человѣка не испорченнаго общежитіемъ. Но дѣло въ томъ, что какъ мы увидимъ ниже, излагая теорію прогресса, — всѣ улучшения міра умственного, нравственнаго и матеріальнаго суть произведенія именно этого общежитія, отъ постепеннаго развитія котораго и зависитъ всесторонній прогрессъ человѣчества.

Разъ повернувшись назадъ, революція только въ прошедшемъ искала образцовъ политической организаціи. Забывая, что классическая древность навсегда отрѣзана отъ насъ христіанствомъ и дальнѣйшими усиліями цивилизаціи, она не задумывалась воскрешать республики Рима и Аѳинъ. Изъ ненависти къ католицизму она придумала *естественную религію* и едва не дошла до политеизма обожаемой классической древности.

Какъ ни велики вообще несообразности исключительно-критическаго направленія, нельзя однако же не признать, что оно имѣетъ и свою хорошую сторону: широкая свобода критики, данная всему народу, дѣлаетъ невозможнымъ осуществленіе эфемерныхъ плановъ и частныхъ затѣй тѣхъ преобразователей человѣчества, которые привлекли только за собою признавать свободу мысли и дѣйствія, и въ концѣ концовъ она можетъ привести къ установленію прочной политической организаціи и выяснитъ національныя и общечеловѣческія цѣли, послѣ чего настанетъ новый періодъ прогрессивнаго развитія человѣчества, переживающаго теперь эпоху разрушенія и чисто формальной организаціи, прикрывающей бѣдность дѣйствительнаго содержанія.

Но пока это печальное состояніе вредно отражается на умственномъ и нравственномъ строѣ западной Европы. Хотя теорія Руссо не проповѣдывается всѣми открыто, даже многихъ приводитъ въ негодо-

ваніе, но въ сущности за всѣми современными теоріями скрывается тотъ же пріемъ, то же стремленіе: обратиться къ непосредственному человѣческому сознанію и возстановить первобытнаго человѣка, не испорченнаго цивилизаціей. Съ другой стороны, реакція неудержимо стремится къ средневѣковому строю и хочетъ забыть всѣ успѣхи, совершенные современнымъ обществомъ. Въ сущности обѣ партіи держатся отрицательнаго направленія въ томъ смыслѣ, что ни одна не хочетъ привести въ надлежащую систему массу неудержимо развивающихся общественныхъ элементовъ. Парламентаризмъ, этотъ компромиссъ двухъ партій, хотя и поддерживаетъ кое-какъ общественныя формы, но далеко не проникаетъ въ глубь общества. Можетъ-быть, ему суждена блестящая будущность, но въ настоящее время онъ составляетъ достояніе однихъ верхнихъ слоевъ общества, и то за неизмѣнимъ лучшаго. Достаточно взглянуть на исторію XIX ст., чтобы убѣдиться, что каждое дѣйствительное движеніе общества и націи не имѣло ничего общаго съ этою системой, а напротивъ сопровождалось ея ослабленіемъ или даже паденіемъ. Истинно видную роль въ такія минуты имѣли или силы прежняго порядка, какъ въ теперешней Пруссіи, или масса народа, какъ во Франціи 1789 года. Не осуждая конституціонализма въ принципѣ, нельзя однако же не согласиться, что организація общества дѣйствительная, а не внѣшняя, ждетъ другихъ руководителей, чѣмъ пресловутыя палаты. Онѣ, употребляя выраженіе Наполеона, могутъ быть завершеніемъ зданія, но никакъ не первымъ камнемъ новой организаціи. Снаружи государства Запада представляютъ однообразное и даже прочное строеніе. Но если мы обратимся къ дѣйствительному критериуму устойчивости общества, къ его умственному и нравственному строю, то полная анархія этихъ элементовъ докажетъ намъ всю шаткость этихъ обществъ. Нѣтъ той теоріи, которая бы не нашла себѣ заступниковъ, и что всего замѣчательнѣе, люди съ здравымъ смысломъ весьма часто пускаются въ грубѣйшіе парадоксы, это чаше умственной анархіи. Если бы общество обладало истинами, которые въ данное время представляются необходимыми условіями общезитія, то конечно, о нихъ сами собой разбился бы всѣ эти теоріи-парадоксы. Но при отсутствіи такихъ началъ и фактовъ, задерживающихъ разгулъ человѣческой мысли, конечно, наиболѣе долженъ выигрывать въ общественномъ мнѣніи тотъ, кто зайдетъ дальше всѣхъ. Но эпоха, въ которую господство парадоксовъ—нормальное явленіе, въ свою очередь ненормальна. Разумѣется, эта анархія наиболѣе отражается на политическихъ ученіяхъ, такъ какъ сюда болѣе всего направлена дѣя-

тельность свободныхъ умовъ со времени революціи. По отношенію къ этой отрасли знанія всѣ считаютъ себя свободными. Никто не рѣшится безъ предварительной подготовки разрѣшать вопросы естествознанія, и всѣ считаютъ себя въ правѣ „сказать свое слово“ объ этой самой сложной изъ наукъ. Не свободны отъ этого недостатка даже лица, посвятившія себя серіознымъ занятіямъ: химики, математики, натуралисты. Они, вѣроятно, поспѣшили бы остановить невѣжду, взявшася рѣшать какой-нибудь физическій вопросъ, но сами они считаютъ себя въ правѣ рубить съ плеча по самымъ сложнымъ социальнымъ вопросамъ. Все это происходитъ, конечно, отъ того, что социологія не выработала еще прочныхъ началъ, знаніе которыхъ было бы необходимо для обсужденія всѣхъ общественныхъ явленій; но это нисколько не уменьшаетъ самой трудности предмета, ни сложности его вопросовъ. Между тѣмъ лица, сами знакомыя съ умственнымъ трудомъ, не задумываются подавать примѣръ самаго легкомысленнаго обращенія съ чуждою для нихъ наукой.

За умственной анархіей слѣдуетъ нравственная: рѣдкая изъ эпохъ знала такую деморализацію, какъ наша. Ни одна сфера не нуждается такъ въ правилахъ, *не созданныхъ* личною дѣятельностію каждаго человѣка, какъ именно сфера нравственности. Оставленная на произволь личности, нравственность никогда не достигаетъ той общности, которая дѣлаетъ ее необходимымъ условіемъ общежитія. Характеръ нравственныхъ вопросовъ такого свойства, что въ нихъ доказательства за и противъ возможны до безконечности. Предоставленная личному усмотрѣнію, то-есть, тому же духу критики, нравственность невольно извращается, прилаживается ко вкусу всѣхъ и каждаго, и въ заключеніе совершенно исчезаетъ изъ общества, оставляя за собою пустоту и ослабленіе всѣхъ связей. Болѣе чѣмъ какое-нибудь ученіе, нравственность нуждается въ категорическихъ предписаніяхъ, непоколебимыхъ началахъ, установленныхъ помимо всякаго индивидуальнаго вмѣшательства. Здѣсь великое значеніе религіи, къ сожалѣнію, мало или ложно понятое позитивизмомъ. Но, оставляя въ сторонѣ этотъ вопросъ, къ которому мы возвратимся ниже, нельзя не замѣтить, что не одному духу безконечной критики, возбужденному революціей, должно приписать этотъ упадокъ нравственнаго уровня. Напротивъ, революція явилась какъ бы возстановительницею нравственности, въ сравненіи съ тѣмъ безпримѣрнымъ разложеніемъ стараго общества, которое видѣло XVIII столѣтіе. Нѣкоторое время революція стремилась подавить личный эгоизмъ и направить всѣ силы чело-

вѣческаго духа къ одной великой цѣли. Трудно найти болѣе примѣровъ самоотверженія, высокихъ порывовъ, скромнаго мужества, какъ въ исторіи первыхъ 6—7 лѣтъ французской республики. Но критическій духъ, конечно, не могъ остановиться на этой *государственной* нравственности и продолжалъ свое дѣло, какъ только исчезла плюзія конвента и его героевъ. На этой дорогѣ онъ не могъ остановиться ни предъ какими нравственными началами. Католицизмъ, съ его вдавшеюся во всевозможныя политическія интриги іерархіей, протестантство съ его рациональнымъ догматизмомъ, конечно, не способны были остановить зло. Притомъ они сами давно разсуждали и критиковали, а на этой почвѣ они врядъ-ли могли соперничать съ революціей. Вотъ почему въ воспитаніи молодаго поколѣнія играетъ роль не нравственность, а тяжеловатая мораль, построенная на условныхъ понятіяхъ, за неимѣніемъ безусловныхъ догматовъ, способныхъ поднять нравственное сознаніе человѣчества. Какъ всегда бываетъ въ такія эпохи, единственныя нравственныя понятія, кое-гдѣ мелькающія въ общемъ хаосѣ идей, принадлежатъ движенію личнаго чувства. Но конечно, эти понятія, или лучше, зародыши понятій пригодны только для сферы частныхъ отношеній, но не могутъ возстановить нравственность какъ систему общественнаго сознанія. Впрочемъ, можетъ-быть, было бы еще хуже, если бы общество успокоилось на этой формальной морали и приняло ее за систему чистой нравственности. Оно доказало бы тѣмъ свою неспособность къ обновленію, которое теперь, при этомъ не умирающемъ индивидуальномъ чувствѣ, быть-можетъ, ближе, чѣмъ думаютъ многіе пессимисты.

Но одно это чувство само по себѣ, конечно, неспособно сдерживать тѣхъ размаховъ критицизма и стремленія къ парадоксамъ, о которыхъ мы говорили по отношенію къ умственной анархіи. Не находя нигдѣ устойчивыхъ принциповъ, критицизмъ дошелъ до отрицанія всякой прочной нравственности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и до отрицанія тѣхъ институтовъ, въ которыхъ начиналось нравственное воспитаніе человѣка, и которые, по общему сознанію, служили зародышемъ нравственныхъ понятій и соціальнаго чувства, какъ напримѣръ, брака и семьи.

Понятно, какой характеръ должна была принять правительственная система въ западно-европейскихъ государствахъ на подобной почвѣ. Не будучи въ состояніи дѣйствовать во имя дѣйствительно великихъ идей и прочныхъ началъ, не поддерживаемыя общественнымъ сознаніемъ, распавшимся на массу противорѣчивыхъ мнѣній, западно-европейскія правительства невольно остановились единственно на поддержаніи

своего существованія, при чемъ главнымъ средствомъ къ этому является поощреніе самыхъ грубыхъ и эгоистическихъ инстинктовъ общества. Эти послѣдніе являются единственною поддержкой правительствъ, которыя сами не имѣютъ въ виду ничего, кромѣ своихъ эгоистическихъ цѣлей. Отсюда систематическая порча общества, ставшая необходимымъ нравственнымъ средствомъ. Она была невозможна, когда человѣчество двигалось къ великимъ цѣлямъ, побуждаемое великими идеями. Она стала необходимостію при отсутствіи убѣжденій, шаткости мнѣній и господствѣ эгоистическихъ инстинктовъ. Подкупы, соблазны, запугиванія стали почти невозможны въ чисто научной сферѣ, гдѣ установились уже прочныя истины, но вполне идутъ къ политической дѣятельности. Очевидно, это происходитъ отъ того, что люди могутъ имѣть убѣжденія въ области физики, не могутъ повѣрить никакимъ софизмамъ, а потому въ виду этого твердаго убѣжденія легко могутъ заглушить мелкіе свои интересы. Но во имя чего будутъ они подавлять свои эгоистическіе инстинкты въ сферѣ политики? Гдѣ прочныя начала, требующія послушанія, независимо отъ всякихъ своекорыстныхъ побужденій и даже въ противность всякимъ софизмамъ? Не аплодируетъ ли само общество наиболѣе смѣлымъ софизмамъ и парадоксамъ? Если такимъ образомъ нѣтъ ни въ правительственной, ни въ общественной сферѣ дѣйствительно сознанныхъ цѣлей, способныхъ направить дѣятельность той и другой и подавить своекорыстіе и мелкія страсти, то почему же не руководиться въ этомъ дѣлѣ своимъ личнымъ интересомъ, хотя бы и возбужденнымъ со стороны самыхъ грубыхъ инстинктовъ? Оно даже и вѣрнѣе, потому что чѣмъ грубѣе инстинктъ, которому льстишь, тѣмъ на большую массу людей можно разчитывать.

Это печальное явленіе будетъ существовать, конечно, до тѣхъ поръ, пока твердыя понятія и убѣжденія не подчинятъ себя снова всей массѣ противорѣчивыхъ мнѣній и разрозненныхъ интересовъ. До тѣхъ поръ система, указанная здѣсь, не измѣнится и не можетъ измѣниться и останется на отвѣтственности управляющихъ и управляемыхъ одинаково. Пока идея общаго блага будетъ заслонена этими двумя видами эгоизма, до тѣхъ поръ деморализація въ нравственныхъ и общественныхъ сферахъ будетъ неизмѣннымъ фактомъ. Конечно, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы правительства не могли ничего сдѣлать для прекращенія этого зла. Они сами много способствовали къ усилению этихъ естественныхъ послѣдствій анархій въ управляемомъ ими обществѣ. Тупая и непримиримая вражда ко всякой теоріи, къ

общимъ началомъ, стремленіе продлить то состояніе, когда люди только говорятъ и ни на чемъ не могутъ установиться, систематическое устраненіе всякихъ случаевъ и возможности сближенія разрозненныхъ членовъ общества, искусственное поддерживаніе ненависти и отчужденія между разными классами, все это — слишкомъ извѣстные факты. Но есть и другіе факты, которые какъ будто согласны съ общимъ настроеніемъ общества, но въ сущности зависятъ отъ тѣхъ же эгоистическихъ стремленій. Вся правительственная система западной Европы какъ будто служитъ выраженіемъ идей, завѣщанныхъ революціей. Принципъ равенства нашелъ себѣ примѣненіе въ равномъ правѣ участія всѣхъ лицъ въ администраціи, при чемъ даже степень образованія не всегда принимается во вниманіе. Такимъ образомъ въ то время, какъ умственная анархія убѣдила всѣхъ въ возможности безъ приготовленія участвовать въ разрѣшеніи важнѣйшихъ политическихъ и административныхъ вопросовъ, а полное разложеніе всей прежней общественной іерархіи открыло путь всѣмъ большимъ и маленькимъ честолюбцамъ, правительства, которыя сами во многомъ способствовали этой общественной нивелировкѣ, построили цѣлую систему управленія, гдѣ этотъ наплывъ лицъ, *желающихъ управлять*, могъ найти себѣ исходъ. Это была выработанная на Западѣ система бюрократіи, приспособленная къ низкому умственному уровню, къ шаткости убѣжденій, къ нравственной анархіи, о которыхъ мы только-что говорили, и вызванная постепенною нивелировкой общества, паденіемъ мѣстныхъ учрежденій и централизаціей. Бюрократическія установленія дали возможность западно-европейскимъ правительствамъ заманивать въ свою среду массы людей, жаждущихъ власти, безъ серьезнаго къ ней приготовленія и отвѣтственности. Они создали тотъ міръ узкой спеціальности, мелкой посредственности, отдѣленный отъ всякаго живаго и глубокаго общественнаго сознанія и чувства, въ которомъ широкое пониманіе общихъ національныхъ задачъ извращается и наконецъ дѣлается невозможнымъ подъ вліяніемъ формальной рутинны, въ которомъ личная инициатива мельчаетъ и чахнетъ и громадная сумма власти уходитъ на мелкія распоряженія и оказывается безсильною предъ дѣйствительно сложными и трудными задачами. Общность національнаго сознанія уступаетъ здѣсь мѣсто лишь эгоистическимъ стремленіямъ и узкимъ, личнымъ интересамъ. Дѣлая расчетъ и личный интересъ главнымъ двигателемъ въ тѣхъ сферахъ, гдѣ самоотверженіе и сознаніе высшихъ національныхъ цѣлей должны быть главною пружиной всякой дѣятельности, то или другое правительство

можетъ временно заинтересовать всѣ эти лица своимъ существованіемъ, но лишь на столько, на сколько удовлетворены ихъ мелкія самолюбія. Малѣйшее нарушеніе этихъ интересовъ, неудовлетворенное тщеславіе, обманутыя надежды, обыкновенно непомѣрныя тамъ, гдѣ достиженіе важнѣйшихъ должностей не сдержано никакими условіями образованія, гдѣ отиравленіе ихъ не связано съ дѣйствительною отвѣтственностію, — все это легко можетъ обратить въ непримиримыхъ враговъ вчерашнихъ друзей. Гдѣ національное самосознаніе не достигло истинной силы, гдѣ эгоизмъ руководитъ дѣйствіями высшихъ и низшихъ, тамъ нечего ждать настоящаго сочувствія и преданности правительству. И дѣйствительно, глубокое сознаніе національныхъ цѣлей, безкорыстное служеніе интересамъ общества, дѣйствительная, самоотверженная преданность высшимъ представителямъ націи все болѣе и болѣе уходитъ въ область преданія, уступая мѣсто наружному, формальному исполненію обязанностей, слѣдовательно, систематическому лицемерію, которымъ приходится довольствоваться за отсутствіемъ искреннихъ, твердыхъ убѣжденій.

Предѣлы нашего труда не позволяютъ намъ долѣе остановиться на пагубномъ вліяніи такого общественнаго состоянія на самый характеръ политическихъ воззрѣній, господствующихъ въ наше время. Впрочемъ, его можно уже предвидѣть изъ общихъ, сдѣланныхъ нами замѣчаній. Неспособность возвыситься до общихъ началъ не только науки, но и своей національной политики, господство воззрѣній, сложившихся подъ вліяніемъ мелкихъ практическихъ соображеній, постоянно отклоняютъ человѣческій умъ отъ изслѣдованія дѣйствительно научныхъ началъ соціологіи и политики. Лишенный этой существенной поддержки, онъ естественно останавливается на изслѣдованіи формальной стороны вопросовъ и глядитъ на форму больше чѣмъ на содержаніе. Такъ, въ политикѣ изученіе формъ правленія и организаціи различныхъ установленій давно взяло перевѣсъ надъ болѣе существенными вопросами, надъ изслѣдованіемъ тѣхъ элементовъ, которыхъ эти формы и установленія служатъ только выраженіемъ. Форма сдѣлалась главнымъ центромъ полемики, отъ нея привыкли ожидать разрѣшенія всевозможныхъ политическихъ затрудненій, отъ измѣненія ея, и только отъ этого, ждутъ всего хорошаго или опасаются всего дурнаго. Ей привыкли приписывать все, что ни происходитъ въ обществѣ. Она одна отвѣчаетъ за каждый непріятный для общества случай, она несетъ на себѣ всѣ грѣхи людей, которые въ ней дѣйствуютъ и которые сами, въ свою очередь, сваливаютъ на нее всѣ свои заблужде-

нія. Если такимъ образомъ задачи изслѣдователей касаются не содержанія, не сущности, а формы, то понятно, что и за самое изслѣдованіе главнымъ образомъ берутся люди, сами болѣе способные къ формѣ, чѣмъ къ содержанію, и что главнымъ ихъ орудіемъ явилось также совершенство формы, развитое на счетъ достоинства содержанія. Краснорѣчіе заступило мѣсто глубины и силы мысли, излишнее изложеніе соотвѣтствуетъ весьма скудному запасу сколько-нибудь плодотворныхъ началъ. Вотъ почему и люди, посвященные въ тайны декламациа больше чѣмъ въ научныя истины, заняли видное мѣсто руководителей и воспитателей общественнаго мнѣнія. Адвокаты и журналисты, — два класса, первоначальное назначеніе которыхъ состояло въ защитѣ частныхъ интересовъ въ сферѣ будничныхъ вопросовъ, и въ сообщеніи свѣдѣній о новостяхъ общественной жизни, — вдругъ возвысились на степень руководителей общества по самымъ серьезнымъ вопросамъ политики. Держась на поверхности вопросовъ, декламируя на тему высшихъ идей, смыслъ которыхъ постоянно утрачивается вслѣдствіе чисто-формальнаго примѣненія ихъ къ жизни, люди эти, конечно, не могутъ установить тѣхъ прочныхъ началъ, въ которыхъ такъ нуждается социологія.

Между тѣмъ необходимость подобныхъ началъ очевидна. Они одни могутъ положить конецъ только-что разсмотрѣнному нами анархическому состоянію общества. Откуда явятся эти начала? Можно ли ихъ найти въ условіяхъ современной цивилизаціи, и будетъ ли дѣломъ новой науки дальнѣйшее разъясненіе христіанскихъ истинъ и стремленіе къ великимъ цѣлямъ, указаннымъ 1800 лѣтъ тому назадъ, или изъ немногихъ, отрывочныхъ идей, выработанныхъ уже человечествомъ, начиная съ XII ст., должна сложиться новая наука и новое общество? Контъ выступилъ изъ *теологической* сферы, но не въ силахъ былъ отказаться отъ религіознаго чувства, которое громко заявило свои права въ самомъ великомъ позитивистѣ. Бюшезъ ищетъ началъ новой науки только въ сферѣ понятій, установленныхъ ученіемъ Христа. Мы увидимъ ниже, какъ это обстоятельство отразилось на вѣрности и богатствѣ его выводовъ.

II.

Филиппъ-Іосифъ-Веніаминъ Бюшезъ родился въ 1796 году въ небольшой деревнѣ Mattaigne-la-Petite, между Живе и Маріенбургомъ, въ землѣ Валлоновъ. Впрочемъ, онъ мало зналъ свою родину, потому что его отецъ и даже дѣдъ постоянно жили въ Парижѣ, такъ что

онъ воспитывался, дѣйствовалъ и умеръ въ этомъ городѣ, гдѣ столько иностранцевъ находили второе отечество, которому служили съ полнымъ самоотверженіемъ. Притомъ онъ былъ тѣсно связанъ съ преданіями и интересами французской націи, такъ какъ отецъ его, весьма умный и дѣятельный человѣкъ, занималъ разныя административныя должности при республиканскомъ и императорскомъ правительствахъ. Реставрація лишила его мѣста, и онъ отдался воспитанію сына. Молодой Бюшезъ былъ обязанъ его руководству гораздо больше, нежели школьнымъ урокамъ, которые къ тому же прекратились рано влѣдствіе необходимости поступить куда-нибудь на службу. Пятнадцати лѣтъ онъ поступилъ въ финансовое управленіе и пересталъ посѣщать школу. Но наука привлекала его по прежнему. Въ свободныя минуты онъ съ жадностію читалъ сочиненія по географіи, исторіи и различнымъ путешествіямъ. Въ 1812 году ему удалось, сохраняя за собою мѣсто, начать правильное изученіе естественныхъ наукъ. Эту отрасль знаній онъ избралъ по совѣту своего отца. Это было именно въ ту эпоху, когда естественныя науки имѣли всю предельную новизну и дѣлали быстрые успѣхи подъ вліяніемъ трудовъ такихъ людей, какъ Ламаркъ, Кювье, Ж. С.-Илеръ. Толпы слушателей окружали ихъ въ *Jardin des Plantes*. Бюшезъ съ увлеченіемъ отдался новымъ занятіямъ и скоро обратилъ на себя вниманіе, такъ что былъ допущенъ къ работамъ въ зоологическомъ кабинетѣ. Здѣсь проявилась въ немъ та сила, которую Беконъ называлъ силою изобрѣтенія и которая всегда отличала дѣятельность Бюшеза по всѣмъ вопросамъ, подпадавшимъ его разрѣшенію. Не прошло двухъ лѣтъ его занятій естественными науками, какъ онъ уже представилъ Кювье, подготавливавшему тогда новое изданіе „Discours sur les révolutions du globe“, свою гипотезу о періодическихъ измѣненіяхъ земной оси. Кювье упомянулъ о ней въ своей книгѣ.

Имперія задерживала много умовъ въ области естествознанія. Политическая идеологія была совершенно покинута. Но реставрація и начавшееся при ней политическое движеніе отразились на всей молодежи, въ томъ числѣ и на Бюшезѣ. Онъ лишился отца въ 1816 году, и за тѣмъ былъ совершенно предоставленъ самому себѣ. Не желая служить правительству, къ которому онъ не былъ расположенъ, онъ подалъ въ отставку и началъ заниматься медициной. Эти серьезныя занятія не помѣшали ему, впрочемъ, отдать дань политическому броженію, котораго онъ въ послѣдствіи вообще чуждался. Въ числѣ его товарищей по службѣ находился извѣстный Базаръ, съ которымъ

онъ не замедлилъ сблизиться и даже основать общество, собиравшееся въ улицѣ *Quatre-Vents*. Оно носило чисто юношеское названіе „Общества чертовски-философскаго“ (*Société diablement philosophique*). Не смотря на эту грозную кличку, оно, кажется, ограничивалось словопреніями, такъ что о его дѣятельности, въ особенности же о дѣятельности въ немъ Бюшеза, ничего нельзя сказать особеннаго. Можетъ-быть, это происходило отъ того, что онъ усердно занимался изученіемъ медицины, которая должна была обезпечить его существованіе, но вообще не только о его жизни, но и о мнѣніяхъ въ теченіе этого періода можно сказать очень мало. Извѣстно только, что онъ одинаково не любилъ и Бурбоновъ, и бонапартистовъ, что онъ имѣлъ большое вліяніе на молодежь, что онъ съ чисто политическими цѣлями погналъ въ масонскую ложу, гдѣ и достигъ скоро высшихъ степеней.

Наконецъ, въ 1821 году два его друга, Дюжье и Жуберъ, участвовавшіе въ Неаполитанской революціи, привезли въ Парижъ права карбонаріевъ¹⁾. Они были прочтаны въ кружкѣ пріятелей въ комнатѣ Бюшеза, которому тотчасъ, вмѣстѣ съ Базаромъ и Флоттаромъ, было поручено примѣнить эти статуты къ французскимъ нравамъ. Такъ было основано во Франціи это общество, къ концу года насчитывавшее уже до 80.000 членовъ. Скоро во главѣ его появились лица, извѣстные въ политическомъ мірѣ — Лафайетъ, Д'Аржансонъ, Ж. Кехли, и наконецъ съ нимъ сдѣлились всѣ тайныя общества, существовавшія до тѣхъ поръ во Франціи. Но истиннымъ двигателемъ этихъ обществъ по прежнему былъ кружокъ Бюшеза. Члены его раздѣлили между собой Францію, и Бюшезу было поручено организовать восточные департаменты, для чего онъ объѣхалъ Эльзасъ и Лотарингію. Впрочемъ, изъ этой организаціи не вышло ничего основательнаго. Восстаніе 1821 года не удалось; зачинщики, въ томъ числѣ и Бюшезъ, были арестованы и отданы подъ судъ. Впрочемъ, за недостаткомъ доказательствъ, Бюшезъ, не смотря на всѣ усилія прокуратуры, былъ оправданъ и возвратился въ Парижъ, гдѣ съ жаромъ возобновилъ свои медицинскія занятія. Рекамье, одна изъ первыхъ знаменитостей тогдашняго медицинскаго міра, руководилъ его занятіями, и въ 1825 г. онъ получилъ степень доктора медицины. Практика его, впрочемъ, никогда не была обширна. Онъ смотрѣлъ на медицину только какъ на средство заниматься другими вопросами. Притомъ болѣе важныя

¹⁾ См. объ этомъ предметѣ *L. Stein — Ueber den Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs* стр. 267.

мотивы побуждали его не останавливаться на одной медицинѣ. Умъ его, развитый и укрѣпленный серіозными трудами по геологiи и биологiи, долженъ былъ перейти къ болѣе сложнымъ вопросамъ. Предъ нимъ открывалась широкая область социальныхъ наукъ, гдѣ учене С.-Симона произвело уже сильнѣйшій переворотъ.

Несчастный исходъ возстанія, въ которомъ онъ принималъ участие, убѣдилъ его въ невозможности подобныхъ попытокъ при свободномъ правительствѣ, какимъ было правительство Людовика XVIII. Съ этого времени онъ навсегда оставилъ революціонную дорогу, въ томъ смыслѣ, что дѣло простаго разрушенія изъ простаго желанія играть въ революціи сдѣлалось ему чуждо. Его умъ былъ слишкомъ серіозенъ для того, чтобы остановиться на такой жалкой работѣ. При томъ онъ основательно началъ считать революцію не единственнымъ путемъ къ политической свободѣ. Съ другой стороны, онъ былъ пораженъ узостью такъ-называемыхъ либеральныхъ доктринъ, бывшихъ тогда въ большой модѣ. Онъ положительно считалъ ихъ неспособными не только завершить, но даже продолжать дѣло, начатое въ 1789 году. Базаръ вполне раздѣлялъ его мнѣнія въ этомъ отношеніи. Оба они рѣшились искать идей болѣе широкихъ, болѣе доступныхъ, болѣе способныхъ продолжать дѣло освобожденія человѣчества. Такимъ образомъ революція, выродившаяся въ буржуазный либерализмъ, не могла болѣе останавливать на себѣ ихъ вниманіе. Они искали организаціи, какъ главнаго условія возможности дальнѣйшаго развитія общества. Мы уже сказали, кому принадлежатъ организаціи въ революціонную эпоху. Въ особенности вѣрно это замѣчаніе въ отношеніи къ 20-мъ годамъ, когда общество, только-что вышедшее изъ революціи, не представляло никакихъ зародышей будущаго строенія, которое до настоящаго времени есть еще дѣло будущаго. Буржуазія, прокричавъ о правахъ человѣка, скоро съѣхала на болѣе близкіе къ ней интересы, называющіеся монополіей и капиталомъ. вмѣстѣ съ либеральною частію дворянства она успокоилась на палатахъ и даже на наследственномъ перствѣ. Либеральная оппозиція, резонерство и доктринерство, — сюда ушли всѣ ея силы. Разумѣется, людямъ со сколько-нибудь развитою головою плохо вѣрилось, чтобы королевская власть была усилена палатами, чтобы король, который только царствуетъ, но не управляетъ, былъ болѣе король чѣмъ короли стараго времени, что члены палаты въ самомъ дѣлѣ представляютъ собою націю, что въ парламентаризмѣ примирились старыя преданія съ требованіями, завѣщанными революціей. Разумѣется, что этотъ тепловатый либе-

рализмъ не могъ увлечь людей такого закала, какъ Базаръ и Бюшезъ. По ихъ убѣжденію, *Де-Местръ* имѣлъ гораздо больше права на общее вниманіе, чѣмъ его противники. Въ самомъ дѣлѣ, голосъ этого человѣка раздавался громче, чѣмъ безсвязное лепетанье либеральныхъ доктринеровъ и недоразвившихся революціонеровъ. Прошедшее, казалось, воплотилось въ немъ со всею силой, какую только могутъ имѣть послѣдніе порывы умирающаго порядка. Полное отрицаніе пачалъ 1789 г., возстановленіе преданія во всей силѣ и воплощеніе его въ лицѣ папы, подчиненіе ему, и слѣдовательно, папѣ, всѣхъ народовъ, — словомъ, средніе вѣка до XIV столѣтія, вотъ что постоянно рисуетъ его пламенное воображеніе. Онъ отрицаетъ все, что сдѣлано человѣчествомъ съ тѣхъ поръ, какъ оно начало сбрасывать съ себя авторитетъ Ватикана. Съ XIII столѣтія начинается рядъ ошибокъ, которыя привели человѣчество къ крайности. Еретическія пошты XIII и XIV столѣтій были началомъ скандала, котораго XV и XVI служатъ продолженіемъ, а XVIII преступнымъ завершеніемъ. Еще одинъ шагъ, и человѣчество стремглавъ бросится въ эту пропасть, вырытую сомнѣніемъ и отрицаніемъ. Для проповѣдника этого довольно, для ученаго — мало. Въ самомъ дѣлѣ, не отрицаетъ ли онъ въ свою очередь пять столѣтій, и какихъ столѣтій, и для чего же? Для того, чтобы возстановить порядокъ, созданный имъ самимъ по историческимъ документамъ, и въ которомъ историческая критика найдетъ не одну ложную черту. Неужели католицизмъ единственная форма христіанства, неужели исторія Европы съ XIII по XVIII вѣкъ есть увлеченіе, а не дальнѣйшее развитіе этого ученія? Впрочемъ, не общая теорія способна возбудить удивленіе къ этому гениальному человѣку. Онъ великъ особенно въ критикѣ тѣхъ формъ, тѣхъ ничтожныхъ ученій, въ которыхъ, по мнѣнію либераловъ, выразились начала 1789 г. Его критика писанныхъ конституцій и хартій до настоящаго времени представляетъ глубокой интересъ. Ни одна нація, говоритъ онъ, не можетъ дать себѣ свободы, если она уже не имѣетъ ея; она имѣетъ ее тогда, когда начинаетъ сознавать себя, и въ этомъ случаѣ конституціи совершенно бесполезны. Чѣмъ больше пишутъ, тѣмъ слабѣе самыя учрежденія. Это понятно. Законы суть только объявленія правъ, а права объявляются только тогда, когда ихъ отрицаютъ, когда имъ грозитъ опасность, такъ что чѣмъ пространнѣе конституція, тѣмъ больше основаній опасаться за ея прочность. Никакой конституціи нельзя выдумать. Права народа нигдѣ не записаны, а записанныя права обязаны своимъ существованіемъ вовсе не торжественному внесенію ихъ

въ конституцію (см. его *Considérations sur la France*). Дѣйствительно, его слова какъ нельзя лучше шли къ тогдашнему положенію Франціи и мѣтко характеризовали эфемерную конституцію 1814 года. Но съ другой стороны, его пламенное краснорѣчіе никого уже не могло увлечь. Незбѣжный ходъ событій довершилъ дѣло французской революціи. За два года до своей смерти Де-Местръ съ горестью долженъ былъ признать ея успѣхи. Въ будущемъ онъ видѣлъ полное разрушеніе своихъ идеаловъ. „Можно сказать, говорилъ онъ, что всѣ государи сводятся съ престола, въ томъ смыслѣ, что ни одинъ изъ нихъ не царствуетъ на столько, на сколько царствовалъ его отецъ и дѣдъ; священный характеръ власти ослабѣваетъ по мѣрѣ распространенія невѣрія, и никто не можетъ предвидѣть всѣхъ бѣдствій, готовящихся Европѣ...“ Этотъ страхъ передъ будущимъ, конечно, не могъ привлечь къ нему Бюшеза, хотя онъ и предпочиталъ его могущественную діалектику декламации его противниковъ.

Около этого же времени явился человекъ, около котораго группировалась большая часть талантливой молодежи тогдашней Франціи. До настоящаго времени въ различныхъ сферахъ знанія можно встрѣтить дѣятелей, получившихъ первый толчекъ отъ *С.-Симона*. Онъ смотрѣлъ на разрушеніе стараго порядка какъ на совершившійся фактъ, освященный всею силой исторической необходимости. Онъ не желалъ брать на себя легкую работу добывать немногіе его остатки. Даже во время самаго разгара революціи онъ оставался въ сторонѣ отъ политической дѣятельности. „Революція уже началась, когда я прибылъ во Францію, писалъ онъ самъ про себя; я не хотѣлъ принимать въ ней никакого участія, такъ какъ, съ одной стороны, я имѣлъ убѣжденіе, что прежній порядокъ не можетъ болѣе держаться, а съ другой—разрушительныя стремленія отталкивали меня“. Въ первый разъ послѣ Кондорсе онъ взялся за трудное дѣло указать человечеству новую дорогу. Идеи Кондорсе, это духовное завѣщаніе XVIII столѣтія, нашли въ немъ истолкователя и проповѣдника. Снова повторилъ онъ формулу этого человека, умѣвшаго уловить общій законъ развитія человечества, въ эпоху страшнѣйшей анархіи, когда гильотина уже готова была покончить его существованіе. Онъ формулировалъ этотъ законъ такимъ образомъ: „Золотой вѣкъ не позади насъ, а впереди. Онъ состоитъ въ совершенствованіи социальнаго порядка. Наши отцы его не видѣли, наши дѣти достигнутъ его когда-нибудь. Намъ должно проложить имъ дорогу“.

Въ чемъ же состоитъ это совершенствованіе? Прежде всего необ-

ходимо покончить съ умственной анархіей. Это сдѣлаетъ реформа науки. Она дастъ людямъ правильное понятіе объ ихъ правахъ и обязанностяхъ. Выясненіе этихъ понятій повлечетъ за собою организацію общества, которое должно построиться на идеѣ труда, освобожденнаго революціей отъ привилегій и монополій, при чемъ качество и достоинство труда будетъ единственнымъ критеріумомъ оцѣнки человѣческаго достоинства и главнымъ условіемъ его соціальнаго положенія. Наконецъ, общество, выведенное изъ состоянія умственной и политической анархіи, сдѣлается способнымъ къ осуществленію высшаго нравственнаго порядка, къ созданію новой религіи, соответствующей такой общественной организаціи. „Мы приглашаемъ всѣхъ сочувствующихъ общему благу, писалъ С.-Симонъ, и знающихъ существующія отношенія между общими интересами и интересами промышленности (l'industrie), не терпѣть болѣе названія *либераловъ*, которое имъ даютъ до настоящаго времени. Мы приглашаемъ ихъ водрузить новое знамя и написать на своихъ значкахъ девизъ: *индустриализмъ*. Слово *либерализмъ* было выбрано, принято и провозглашено остатками партіи патріотовъ¹⁾ и бонапартистовъ; оно не удобно для людей, которыхъ задача состоитъ въ основаніи прочнаго порядка мирными средствами. Мы не хотимъ сказать, что патріоты и бонапартисты не оказали услугъ обществу; ихъ энергія была полезна: нужно было разрушить, прежде чѣмъ явилась возможность строить. Но теперь революціонный духъ, оживляющій ихъ, прямо противорѣчитъ общественному благу; теперь лица просвѣщенныя и благонамѣренныя не могутъ носить другаго названія, кромѣ такого, которое бы совершенно противорѣчило революціоннымъ понятіямъ“.

Итакъ, провозглашеніе безконечнаго прогресса человѣчества, и умственная, экономическая и нравственная организація, какъ необходимыя его условія — вотъ два положенія, которыя характеризуютъ всѣ труды С.-Симона. Они же послужили исходною точкой для всѣхъ его учениковъ. Въ сферѣ соціальной науки это и есть главная заслуга с.-симонизма. Всѣ они вмѣстѣ съ нимъ желали, чтобы общество вышло изъ состоянія сомнѣнія, невѣрія и эгоизма, въ которомъ оно находится въ теченіе трехъ столѣтій, и возвратилось къ идеямъ религіознымъ и синтетическимъ, какъ онѣ ихъ называлъ. Но кромѣ этой общей исходной точки всѣ многочисленныя направленія, порожденныя с.-симонизмомъ, имѣютъ мало сходства. Подобно многимъ ге-

¹⁾ То-есть, революціонеровъ.

ніальнымъ и оригинальнымъ мыслителямъ, С.-Симонъ установилъ нѣсколько прочныхъ положеній, высказалъ массу отдѣльныхъ замѣчаній, но не изложилъ своего ученія въ стройномъ, систематическомъ видѣ. Отсюда два важныхъ послѣдствія. Во-первыхъ, онъ спѣшилъ дать своимъ идеямъ слишкомъ конкретную форму въ то время, когда еще теоретическая ихъ отдѣлка была не совсѣмъ окончена; во-вторыхъ, неясность и несистематичность его идей повела къ самымъ произвольнымъ ихъ искаженіямъ, которыя, однако, продолжали носить его имя и тѣмъ вводили общество въ заблужденіе относительно настоящихъ его идей. Кто не знаетъ, какую роль въ понятіи „с.-симонизма“ играетъ Анфантенъ и его школа?

Конечно, С.-Симонъ отчасти виноватъ въ этомъ послѣдующемъ искаженіи его ученія. Излагать ученіе объ экономической и религиозной организаціи общества, въ то время какъ умственная анархія далеко не была устранена, — предпріятіе слишкомъ преждевременное. Контъ рѣшился на него только послѣ нѣсколькихъ припадковъ умопомѣшательства. До тѣхъ поръ установленіе прочной связи между всѣми отраслями знанія и подчиненіе ихъ одной идеѣ составляли его единственную задачу. Впрочемъ, и здѣсь С.-Симонъ не дошелъ до нелѣпостей отца Анфантена. Для религиозной организаціи онъ требовалъ обновленія христіанства, на основаніи началъ первыхъ его вѣковъ, извращенныхъ католицизмомъ и лютеранствомъ. Другаго смысла, по крайней мѣрѣ, не имѣетъ его *Nouveau Christianisme*. Но достаточно было нѣсколькихъ идей, брошенныхъ на удачу и не поставленныхъ въ прочное соотношеніе съ общимъ его ученіемъ, чтобы породить тѣ чудовищныя явленія, которыя главнымъ образомъ извѣстны публикѣ подъ именемъ с.-симонизма. Къ счастью, Анфантенъ не единственный и даже не главный представитель этого ученія. Сенсимонисты въ узкомъ смыслѣ (то-есть, которыхъ публика считаетъ за такихъ) отделились второй части плана своего учителя, то-есть, экономической и религиозной организаціи, забывъ, что дисциплина ума и организація знанія есть первый шагъ ко всякой организаціи. Вотъ почему ихъ организаціи явились продолженіемъ той же анархіи, противъ которой писалъ С.-Симонъ. Эти попытки прошли и забыты, какъ все преждевременное и фантастическое. Но первая часть программы, попавшая на здравомыслящихъ людей, какъ Бюшезъ и Контъ до его послѣдняго помѣшательства, послужила основаніемъ серьезныхъ работъ по социологіи и другимъ сферамъ знанія, которыя должны были постепенно выходить изъ состоянія разрозненности и узкой спеціальности, препят-

ствующей имъ быть дѣйствительнымъ факторомъ организаціи умственной жизни человѣчества. Ни Бюшезъ, ни Базаръ не знали лично С.-Симона. Но чрезъ Анфантена они вошли въ сношенія съ его школой и стали участвовать въ журналѣ: *Производитель*. Первые статьи Бюшеза имѣли въ виду осуществленіе одной изъ задачъ, указанныхъ еще С.-Симономъ для передѣланія соціальной науки. С.-Симонъ во многихъ своихъ трудахъ сильно настаивалъ на необходимости индивидуальной физиологіи, которая бы въ послѣдствіи могла служить основаніемъ физиологіи общественной. Изъ этого видно, что С.-Симонъ имѣлъ въ виду не столько физиологію, сколько то, что теперь называютъ антропологіей, въ связи съ психологіей. По его мнѣнію, успѣхи историческихъ и политическихъ наукъ зависѣли отъ опредѣленія законовъ индивидуальной и соціальной физиологіи. Бюшезъ предпринялъ по этому поводу рядъ статей, которыя восемь лѣтъ спустя получили обширное развитіе. Впрочемъ, въ этихъ статьяхъ не проглядываетъ еще никакихъ прочныхъ убѣжденій. Онѣ вполне соответствовали тому неопредѣленному состоянію, въ которомъ находился самъ авторъ ихъ. Не смотря на начавшуюся реформу его нравственныхъ убѣжденій, онъ былъ еще матеріалистъ. Неотразимое вліяніе революціонной эпохи и занятій въ *Jardin des Plantes* чувствовалось еще на его умственномъ складѣ. Но его сильный и послѣдовательный умъ не могъ остановиться на поверхностномъ сенсуализмѣ, какъ не могъ удовлетвориться поверхностнымъ либерализмомъ, и потому онъ потребовалъ отъ своего ученія и своихъ убѣжденій строгой научной системы. Онъ старался провести до конца убѣжденія, вложенныя въ него прежними обстоятельствами. Это и помогло ему въ послѣдствіи покончить съ своими матеріалистическими убѣжденіями.

Онъ не долго работалъ въ *Производитель*, котораго изданіе кончилось въ 1826 году. Онъ возвратился къ своимъ медицинскимъ занятіямъ и основалъ журналъ, извѣстный подъ именемъ *Journal des Progrès des sciences et institutions médicales*. Его вышло 21 томъ, а въ IX т. его появился трудъ издателя по физиологіи нервной системы, которая легла въ основаніе его теоріи человѣческихъ способностей. Съ 1829 г. въ этомъ журналѣ появляются статьи, гдѣ уже замѣтенъ нравственный переворотъ, совершившійся въ немъ, — переворотъ, который вывелъ его на самостоятельную дорогу и окончательно порвалъ его связи съ прежними его товарищами. Одно обстоятельство особенно способствовало къ этому разрыву. Въ 1828 г. школа С.-Симона рѣшилась возобновить изданіе *Производителя*. Бюшезу было предло-

жено принять въ немъ сотрудничество. Это вполне соответствовало его собственнымъ планамъ. Уже давно задумалъ онъ написать планъ энциклопедіи человѣческихъ знаній. Собственно мысль эта принадлежитъ С.-Симону, нѣсколько разъ указывавшему на необходимость такой энциклопедіи. Бюшезъ приготовилъ статью объ этомъ предметѣ для перваго номера *Производителя*. Рукопись эта сохранилась. Изъ нея видно, что авторъ признаетъ невозможность положить матеріализмъ въ основаніе такой энциклопедіи. Матеріализмъ не удовлетворялъ существенной цѣли такой энциклопедіи — выясненію міровой гармоніи. Матеріализмъ умѣлъ выказать только отдѣльныя и враждебныя силы, находящіяся въ состояніи вѣчной борьбы. Онъ не способенъ дать формулу для разрѣшенія вопроса о трехъ великихъ неизвѣстныхъ, представляемыхъ каждымъ рядомъ фактовъ: началѣ, субстратѣ и цѣли. Бюшезъ утверждалъ, что эти великіе *неизвѣстные* не только были одни и тѣ же для каждой науки, но что они составляли предметъ общей или энциклопедической науки, тогда какъ законы, свойственные частнымъ явленіямъ, составляютъ задачу спеціальныхъ наукъ. Отсюда онъ заключалъ, что матеріализмъ не можетъ дать формулу для всеобщей энциклопедіи. Это не значило, чтобъ онъ требовалъ возвращенія къ среднимъ вѣкамъ и теологическимъ пріемамъ этой эпохи, но онъ утверждалъ необходимость догмата, утверждалъ, что будущая эпоха человѣческаго развитія будетъ религіозная. Мы не будемъ здѣсь останавливаться на разъясненіи этихъ мыслей, это будетъ сдѣлано ниже. Здѣсь достаточно сказать, что рукопись Бюшеза вызвала сильнѣйшій раздоръ въ редакціи *Производителя*. Сотрудники наотрѣзъ отказались напечатать ее въ своемъ журналѣ; полемика продолжалась въ теченіе 1829 г., пока, наконецъ, Базаръ и Анфантенъ не дошли до пантеизма и другихъ выводовъ того, что публика называетъ с.-симонизмомъ, а Бюшезъ не сталъ окончательно на сторону христіанства. Отсюда можно видѣть, что споръ шелъ вовсе не о необходимости или бесполезности догмата. Базаръ и Анфантенъ скоро доказали, что они не прочь и отъ догмата, и отъ религіи, но этотъ догматъ былъ пантеизмъ, отождествленіе духа и матеріи. Бюшезъ не выносилъ пантеизма и основательно считалъ его несомвѣстимымъ съ нравственными началами. Онъ думалъ о возстановленіи христіанства въ томъ видѣ, какъ это предлагалъ уже С.-Симонъ, который, вѣроятно, не ожидалъ, что ученики его свяжутъ его имя съ основанною ими новою квазі-религіей. Подобно своимъ противникамъ, Бюшезъ высоко ставилъ ученіе своего учителя; подобно имъ онъ признавалъ необходи-

мость основать великую школу, которая бы обновила всю совокупность наукъ. Но онъ не выносилъ фантастическихъ увлеченій, театральной обстановки, шутовскихъ обрядовъ этихъ „братъевъ“. Онъ думалъ только о философіи, онъ увлекался только наукой, но философіей и наукой, основанными на вѣчныхъ истинахъ христіанства. Онъ не сразу призналъ догматическое значеніе этой религіи, но тотчасъ оцѣнилъ ея нравственное значеніе. Еще С.-Симонъ научилъ его видѣть въ нравственности не только правила личной дѣятельности, но совокупность началъ, вліяющихъ на общественную организацію и прогрессивное движеніе обществъ. Съ этой точки зрѣнія изучалъ онъ христіанскую нравственность и призналъ, что на всѣхъ общественныхъ преобразованіяхъ, совершившихся въ теченіе восемнадцати столѣтій, сгруппировались эти великія начала, которыя въ то же время составляютъ зародышъ всѣхъ будущихъ успѣховъ человѣчества. Съ этой точки зрѣнія мы должны изучать труды Бюшеза. Намъ нѣтъ необходимости пускаться въ подробности относительно его внутренняго религіознаго настроенія. Для насъ достаточно знать, что условіе человѣческаго прогресса онъ видѣлъ только въ успѣхахъ христіанскихъ началъ.

Такимъ образомъ, онъ и его послѣдователи, одни изъ всѣхъ учениковъ С.-Симона, продолжали дѣло своего учителя, не пускаясь въ фантастическія нелѣпости разныхъ новыхъ религіи. Умственное, философское обновленіе общества — длинная и трудная задача, безъ осуществленія которой нельзя думать ни о какой прочной организаціи. Въ этомъ отношеніи они исполняли по мѣрѣ силъ завѣщаніе учителя. Разорвавъ связи съ Базаромъ и с.-симонистами¹⁾, онъ всегда сохранялъ глубокое уваженіе къ памяти основателя этого ученія, которое, по его понятію, въ то время должно было ограничиться одними научными и философскими трудами.

Революція 1830 г. открыла широкое поле для дѣятельности Бюшеза. Онъ многого надѣялся отъ этой революціи, но былъ обманутъ подобно всѣмъ республиканцамъ. Вотъ почему на другой день послѣ революціи онъ явился жаркимъ сторонникомъ республиканской оппозиціи. Впрочемъ, ему нечего было дѣлать съ политическимъ движеніемъ. Подлѣ него группировалось много талантливыхъ людей, при содѣйствіи которыхъ ему возможно было продолжать дѣло научной и философской пропаганды. Общество, извѣстное подъ названіемъ *Amis du peuple*, въ которомъ участвовалъ и Бюшезъ съ цѣлю развитія

¹⁾ Отъ которыхъ, впрочемъ, и Базаръ отсталъ въ послѣдствіи.

своихъ идей, было закрыто. Но вмѣсто того стали открывать публичные курсы, конференціи, собранія. Въ 1831 г. съ этою цѣлю основанъ былъ журналъ *Европеецъ*, сдѣлавшійся органомъ партіи Бюшеза. Нужно ли говорить, съ какимъ жаромъ работалъ здѣсь самъ Бюшезъ? Статьи о національности, о значеніи Франціи, о суверенитетѣ, объ организаціи представительнаго правленія, объ улучшеніи судьбы рабочаго класса, о кредитѣ, смѣнялись превосходными изслѣдованіями объ искусствѣ и литературѣ, о текущихъ политическихъ вопросахъ, о постоянныхъ успѣхахъ каждой науки. Подобно с.-симонистамъ, *Европеецъ* боролся противъ индивидуализма либеральной школы и настаивалъ, — даже, быть можетъ, слишкомъ, — на необходимости сильнаго, руководящаго правительства. Но между тѣмъ какъ іерархическій коммунизмъ Анфантена велъ къ порабощенію личности, Бюшезъ, какъ средство реформы, выставлялъ рабочую ассоціацію, цѣликомъ основанную на личной инициативѣ. *Европеецъ* выходилъ не долго. Въ 1832 г. онъ прекратился, но дѣятельность Бюшеза не прекращалась. Напротивъ, въ 1833 году онъ издалъ свой первый капитальный трудъ: „Введеніе въ науку исторіи“¹⁾, гдѣ изложено его ученіе о прогрессѣ, которое мы разсмотримъ ниже. Замѣтимъ только, что здѣсь онъ возвелъ прогрессъ на степень міроваго закона, которому одинаково подчинены все стороны жизни человѣчества: науки, искусства, политическія и общественныя учрежденія. Рядомъ съ этимъ онъ вмѣстѣ съ Ру-Лавернемъ (Roux-Lavergne) началъ изданіе громаднаго сборника подъ именемъ парламентской исторіи французской революціи²⁾. Этому изданію предпослано введеніе, написанное Бюшезомъ, гдѣ онъ высказываетъ весьма много оригинальныхъ мыслей, въ особенности относительно первоначальной исторіи Франціи. Онъ доказывалъ, что французская національность образовалась не завоеваніемъ, а свободнымъ союзомъ между католическимъ населеніемъ Галліи и Франками, — союзомъ, составленнымъ съ цѣлю противодѣйствія арианству. Если религія явилась первымъ объединяющимъ началомъ новаго общества, она же кладетъ неизгладимый отпечатокъ на все его будущее развитіе. Введеніе это оканчивается выводомъ, который въ 1833 г. произвелъ не малый скандалъ, именно что французская революція есть оконча-

¹⁾ Introduction à la science de l'histoire. Paris 1833. 2-е изданіе того же труда сдѣлано Guillaumin'омъ въ 1842 году.

²⁾ Histoire parlementaire de la révolution française. Paris 1833—1838. 40 vol. in 8. Объ этомъ изданіи см. Moll — Gesch. und Liter. der Staatswiss. т. III.

тельный результатъ новой цивилизаціи, которая въ свою очередь вся вышла изъ Евангелія.

Независимо отъ этого обширнаго труда, Бюшезъ постоянно читалъ публичные курсы, а въ 1835 г. возобновилъ изданіе *Европейца*. Между прочимъ, онъ читалъ курсъ философіи, который былъ собранъ и изданъ подъ его редакціей однимъ изъ его учениковъ подъ заглавіемъ «Introduction à l'étude des sciences médicales». Въ послѣдствіи, по окончаніи его Парламентской исторіи, этотъ курсъ разросся въ обширный трактатъ философіи¹⁾. Года черезъ два онъ выпустилъ второе, совершенно передѣланное изданіе своего Введенія въ науку исторіи, и Парламентской исторіи (послѣднее не было окончено).

Такимъ образомъ, большая часть идей Бюшеза получила развитіе въ многотомныхъ и добросовѣстныхъ трудахъ. Философская часть была кончена, оставалось сдѣлать приложеніе ея къ соціальной наукѣ. Дѣйствительно, онъ задумалъ эту работу. Но время было крайне неблагоприятно для спокойныхъ научныхъ занятій. Это было уже наканунѣ 1848 г. Бюшезъ, отвлеченный отъ своихъ трудовъ сначала болѣзью, а послѣ политическимъ броженіемъ, увидѣлъ, что для него снова необходима журнальная дѣятельность. Мало того, условія времени требовали журнала менѣе серьезнаго чѣмъ *Европеецъ*, который подъ конецъ принялъ совершенно философское направленіе. Результатомъ всего этого было основаніе *Revue Nationale*, одного изъ извѣстнѣйшихъ журналовъ въ 1847 г. Но въ 1848 революція снова вывела Бюшеза на политическое поприще.

Мы не будемъ останавливаться на этой кратковременной, хотя и лихорадочной дѣятельности. Мы видѣли, что истинное значеніе Бюшеза далеко не здѣсь. Грустно слѣдить за неловкими движеніями честнаго человѣка среди пнтригъ и пропсковъ глубоко эгонстической толпы или плохо сознающаго себя рабочаго класса. Демократическое движеніе подняло красное знамя, неугнанная буржуазія искала спасенія во второй имперіи. Бюшезъ не могъ быть ни тамъ, ни здѣсь. Притомъ всего два года участвовалъ онъ въ трудахъ республиканскаго правительства. Въ 1850 г. онъ вышелъ въ отставку, 2-го декабря 1851 г. былъ арестованъ, но освобожденъ черезъ два дня, благодаря заступничеству одного изъ своихъ старыхъ друзей, маршала Баракэ-д'Илье. Съ этого времени онъ опять посвятилъ себя наукѣ.

¹⁾ Essai d'un traité complet de philosophie, au point de vue du catholicisme et du progrès. 3 v. in 8.

Не имѣя возможности возобновить изданіе *Revue Nationale*, онъ рѣшился осуществить свой давнишній планъ, докончить свой философскій трактатъ изложеніемъ соціальной науки. Это и есть то сочиненіе, которое мы намѣрены изучить въ настоящей статьѣ. Онъ началъ его въ 1852 г. Работа двигалась медленно, отчасти потому что авторъ считалъ переживаемую имъ эпоху неудобною для изданія политическихъ трактатовъ, отчасти потому что онъ возобновилъ свои занятія геологіей и другими естественными науками. Въ 1862 г. онъ продержалъ первую редакцію своей книги. Исправленія и перемены продолжались до 1865 г. Въ этомъ году онъ хотѣлъ уже приступить къ печатанію, какъ смерть прекратила это сильное и богатое существованіе. Книга издана, согласно завѣщанію автора, двумя его талантливыми учениками: докторомъ Серизомъ и Оттомъ, который прибрѣлъ себѣ уже извѣстность своими историческими и экономическими трудами.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о личныхъ свойствахъ Бюшеза. Послѣ перечисленія его трудовъ его неутомимая дѣятельность не можетъ подлежать сомнѣнію. Притомъ здѣсь приведены только главнѣйшіе его труды и вовсе не упомянуто о множествѣ статей, разсѣянныхъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ. Сила, ширина и дѣятельность отличали его умъ. Однимъ взглядомъ обнималъ онъ самыя разнообразныя и сложныя отношенія и умѣлъ прійти къ свѣтлому и плодотворному выводу. Онъ дѣйствительно былъ спечень изъ того тѣста, которое нужно было для науки С.-Симона. Но способность анализа была въ немъ гораздо слабѣе. Онъ часто терялся въ подробностяхъ; тонкія различія легко ускользали отъ него. Но за то рѣдкій умъ оставался такъ вѣренъ себѣ во всѣхъ послѣдствіяхъ разъ принятаго начала — иногда онъ доходилъ до парадоксовъ. Можно сказать, что онъ представлялъ сочетаніе необыкновенной силы изобрѣтенія идей, неумолимой логики и удивительной памяти. Все это давало ему видное положеніе въ литературѣ.

Необыкновенная скромность и преданность своей идеѣ присоединялись къ этимъ качествамъ. Все въ немъ было просто, начиная со вкусовъ. Онъ умѣлъ не только жить на 2.800 фр. дохода, но еще и помогать другимъ. Убѣжденный, что онъ одинъ изъ каменщиковъ будущаго великаго зданія науки, онъ этой цѣли приносилъ въ жертву всѣ свои личные интересы, которые могли бы помѣшать его работѣ. Онъ не былъ женатъ, пренебрегалъ практикой, хотя считался хорошимъ медикомъ; не искалъ политической карьеры, хотя она улыба-

ласъ ему съ 1830 г. Онъ имѣеть полное право на вниманіе cadaго, кто умѣеть цѣнить тождество слова и дѣла.

III.

Ученіе Бюшеза, какъ мы уже сказали, составляетъ одну изъ многихъ попытокъ возвести социальныя науки на степень реальныхъ, положительныхъ наукъ. Вотъ почему, прежде чѣмъ мы приступимъ къ изложенію его теоріи, намъ необходимо указать, въ чемъ, по нашему мнѣнію, состоятъ главныя условія этой *положительности* социаль-ныхъ наукъ. Два свойства отличаютъ каждую положительную науку: прочно установленные законы и основанное на этихъ законахъ пред-видѣніе. Понятно, почему именно эти два факта отличаютъ научную систему отъ всего ненаучнаго. Нѣтъ факта, не имѣющаго въ общемъ строѣ природы причины, доступной наблюденію; нѣтъ ничего такого, чего нельзя было бы объяснить при внимательномъ изученіи условій, окружающихъ наблюдаемый фактъ. Каждому явленію въ природѣ соот-вѣтствуетъ совокупность породившихъ его условій; каждая сумма усло-вій должна выразиться въ какомъ-нибудь явленіи. Объясненія cadaго явленія должно искать въ окружающихъ его условіяхъ и только въ этихъ условіяхъ; изученіе даннаго количества условій ведетъ къ пре-дугадыванію того явленія, которое должно быть результатомъ подоб-ной комбинаціи силъ. Вотъ почему не научна всякая попытка изслѣ-довать какое-либо явленіе внѣ положительныхъ условій, силъ, фак-товъ. Не научно, далѣе, также изслѣдованіе, которое ограничивается наблюденіемъ и записываніемъ фактовъ безъ умѣнья ихъ сочетать, усмотрѣть ихъ взаимную связь и изъ нея вывести вѣроятность и даже необходимость извѣстнаго послѣдствія. Изъ этихъ двухъ свойствъ каж-дой науки можно вывести нѣсколько результатовъ, которые могутъ пригодиться намъ въ теченіе нашего изслѣдованія. Если для объяс-ненія факта, то-есть, для *открытія закона* необходимо изученіе из-вѣстныхъ условій, съ которыми наблюдаемый фактъ долженъ нахо-диться въ необходимой связи, то-есть, такой, что онъ могъ выйти *только* изъ нихъ и они *необходимо* должны были выразиться въ немъ, то, во-первыхъ, нельзя вводить въ науку идею произвола, нельзя давать дѣятельной роли причинамъ неестественнымъ; во-вторыхъ, необходимо какъ можно больше расширить сферу наблюденія и искать причины извѣстнаго явленія не только въ ряду фактовъ, имѣющихъ къ нему непосредственное отношеніе, но во всей совокупности ихъ условій, ко-торыми вообще опредѣляется характеръ *даннаго момента* въ жизни

умственной, матеріальной, нравственной, въ жизни органической и неорганической. Другими словами, истинно научнымъ можно назвать только изложеніе, которое извѣстный фактъ выводитъ изъ цѣлаго *состоянія, строя*; научна только система, гдѣ каждый фактъ является необходимою и неразрывною частію цѣлаго, и гдѣ наоборотъ, зная характеръ цѣлаго, можно предвидѣть цѣлый рядъ фактовъ. Эти аксіомы давно установились въ естественныхъ наукахъ, и особенно въ геологій, гдѣ историческое изученіе послѣдовательныхъ преобразованийъ земли привело именно къ этимъ результатамъ. Никому не придетъ въ голову отнести какой-нибудь классъ животныхъ въ несоответствующую эпоху формаціи, и каждый знаетъ, что данной эпохѣ должно было соответствовать извѣстное строеніе органическаго міра. Можно сказать, что Кювье, Агассизъ, Лейель и Форбестъ сдѣлали больше для выработки истинно исторической методы, чѣмъ большая часть такъ-называемыхъ историковъ. Въ социальныхъ наукахъ (какъ историческихъ, такъ и догматическихъ) есть нѣкоторыя понятія, препятствующія имъ обратиться въ реальное знаніе. Впервыхъ, въ нихъ продолжаетъ господствовать *идея воли*, какъ важнѣйшаго фактора социальныхъ явленій. Это естественно заслоняетъ изученіе истинныхъ законовъ и лишаетъ возможности истинно-научнаго предвидѣнія. Въмѣсто идеи послѣдовательнаго развитія, правильной смѣны одного состоянія общества и соответствующихъ ему частныхъ фактовъ другимъ строемъ и другими фактами, на первомъ планѣ стоитъ идея искусственныхъ комбинацій, произвольно созданныхъ тою или другою частною волей. Отсюда вытекаетъ понятіе о возможности по произволу замѣнять одну комбинацію другою, для чего стоитъ только разрушить старое. Отсюда, далѣе, идея безконечной борьбы, наполняющая собою страницы исторіи. Между тѣмъ какъ идея правильной смѣны одного строя другимъ ведетъ къ сознанію необходимости изучить характеръ обружающаго строя, предусмотрѣть строй будущей эпохи и сдѣлать какъ можно больше для полнаго осуществленія этихъ задачъ въ будущемъ, идея воли естественно ведетъ къ фантастическому созданію идеаловъ, составленныхъ обыкновенно путемъ отрицанія настоящаго, и къ стремленію немедленно осуществить эти идеалы, хотя бы путемъ насилія. Первый путь вноситъ въ насъ сознаніе невозможности произвольной передѣлки дапныхъ общественныхъ отношеній, на мѣсто произвольнаго идеала ставитъ серіозную цѣль, выработанную историческою жизнью общества, осуществленіе этой цѣли переноситъ въ далекое будущее, которому мы должны слу-

жить во имя сознанный нами цѣли. Здѣсь развивается *идея долга*. Ясно, что второй путь приводитъ къ произволу и ставитъ кумирь одной свободѣ, которая безъ серьезной цѣли и идеи долга не имѣетъ никакого значенія.

Далѣе, признавая волю главнѣйшимъ факторомъ общественныхъ явленій, социальныя науки вмѣстѣ съ этимъ преувеличиваютъ *значеніе личности*, такъ какъ идея воли истинное свое значеніе получаетъ въ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, преимущественно же *великихъ*. Не отрицая значенія послѣднихъ въ общемъ ходѣ исторіи, нельзя, однако, не признать, что обращая на нихъ исключительное вниманіе, наука тѣмъ самымъ до крайности суживаетъ предѣлы своего изслѣдованія, оставляетъ въ сторонѣ массу условій, фактовъ и отношеній, и слѣдовательно, лишаетъ себя средствъ вывести дѣйствительно прочныя законы общежитія. Освѣщая извѣстную эпоху только характеромъ извѣстнаго лица, по ея мнѣнію, вліявшаго на всю совокупность отдѣльныхъ явленій этой эпохи, наука никогда не пойметъ даже того, почему эта личность имѣла такое значеніе, ни того, что должна была сдѣлать слѣдующая эпоха. Тѣмъ менѣе возможно установленіе связи между постепенно смѣнявшимися состояніями общества, ибо связь научная, дѣйствительная можетъ быть установлена только между всею совокупностію условій предыдущаго и послѣдующаго строя общества, а не между отдѣльными личностями, взятыми сами по себѣ. Мы здѣсь далеки отъ мысли рѣшать вопросъ о степени вліянія единичной воли на историческую судьбу человѣчества. Мы желаемъ только выставить то общезвѣстное и мало понимаемое положеніе, что каждый фактъ социальнаго міра есть произведеніе множества причинъ и условій, а не одной движущей силы. *Организмъ* и его жизнь отличается отъ *механизма* тѣмъ, что въ немъ менѣе видно господство единства цѣли и единства причинъ, чѣмъ въ послѣднемъ. Всѣ публицисты, напримеръ, установившіе единство цѣли для государства, не достигли никакихъ результатовъ, между прочимъ потому, что рядомъ съ ними другой мыслитель выставилъ другую цѣль и т. д. *Развитіе* — эта цѣль всякаго организма, въ томъ числѣ и социальнаго — не можетъ быть прирѣшено на вѣки къ одной цѣли, равно какъ явленія его не могутъ быть объяснены какою-либо одною причиною.

Не менѣе шатокъ и другой пріемъ, хотя болѣе широкій чѣмъ предыдущій, тотъ пріемъ, по которому характеръ и значеніе общества изучаютъ на основаніи природы человѣка вообще, то-есть, отождествляютъ законы общественнаго развитія съ законами развитія индивидуальнаго.

Въ силу этого ученія социальныя науки имѣютъ одинъ предметъ съ антропологіей и психологіей, при чемъ изслѣдованіе производится только въ болѣе обширной сферѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что природа эта необходима для разъясненія разныхъ практическихъ вопросовъ, преимущественно же тѣхъ дѣяній, которыя не выходятъ изъ сферы личныхъ отношеній человѣка. Но сдѣлать законы индивидуальной природы человѣка законами общества болѣе чѣмъ неосновательно. Значеніе человѣка, какъ члена общества, характеръ его, какъ социальнаго существа, можетъ раскрыться только при изученіи законовъ цѣлаго общества, а не наоборотъ. Далѣе, самый характеръ человѣка, не только какъ члена общества, но и какъ недѣлимаго, взятаго въ сферѣ его частныхъ отношеній, до такой степени образуется и видоизмѣняется подъ вліяніемъ общества и его законовъ, что глубочайшій психологъ врядъ-ли возьмется разъяснить, что въ человѣкѣ есть произведеніе его непосредственной природы и что создано обществомъ. Если взвѣсигь, что въ суммѣ нравственнаго и умственнаго богатства общества есть произведеніе непосредственныхъ свойствъ индивидуальности, то результатъ, конечно, будетъ не блестящій. Теорія индивидуалистовъ выводитъ общество изъ потребности человѣка и дѣлаетъ его продолженіемъ индивидуальной жизни человѣка. Никто не будетъ оспаривать перваго положенія на столько, на сколько рои есть произведеніе потребностей пчель, или лучше сказать, притяженіе — *потребность* атомовъ. Нельзя назвать простою потребностію то, отъ чего человѣкъ не можетъ отказаться, не рискуя быть исключеніемъ и весьма печальнымъ. Представьте себѣ существо, которое иначе не можетъ даже поддерживать свою породу, какъ соединяясь въ общество — и выводите потомъ отвлеченный *appetitus societatis* изъ любви къ діалектикѣ. Что касается втораго положенія, что социальная жизнь есть только продолженіе индивидуальной, то оно болѣе чѣмъ сомнительно. Если принять это положеніе индивидуалистовъ, то ясно, что социальная жизнь есть только совокупность частныхъ существованій, а общество — простая ассоціація недѣлимыхъ. Такъ, дѣйствительно, индивидуалисты и смотрятъ на общество; таково было коренное основаніе такъ-называемаго естественнаго права — всѣ эти *соединенія liberorum hominum* Гроція, Пуффендорфа и Вольфа. Таково смыслъ социальныхъ контрактовъ. Таково было это ученіе, для удержанія порывовъ котораго историческая школа должна была освятить всю средневѣковую гниль, для того чтобы сколько-нибудь противопоставить идеѣ воли идею историческаго закона. Еслибъ индивидуалисты были правы, то нельзя было бы найти

ни одной способности общественной, которая бы не была присуща природѣ каждаго отдѣльнаго человѣка, такъ какъ ассоціація можетъ только увеличить силы посредствомъ ихъ соединенія, но не можетъ измѣнить ихъ характера и даже создать что-нибудь новое. Напротивъ, общество обладаетъ такими силами, которыхъ отдѣльный человѣкъ или вовсе не имѣетъ или имѣетъ въ зародышѣ, подобно тому, какъ нервныя узлы имѣютъ *in posse* способности мозга, простыя тѣла — свойства сложныхъ. Для того, чтобъ эти скрытыя свойства высказались, необходима химическая или органическая комбинація. Человѣкъ, напримѣръ, рождается съ способностію къ рѣчи, но не съ самою рѣчью: въ противномъ случаѣ во всемъ свѣтѣ былъ бы одинъ языкъ или каждая порода могла бы изучить только свой языкъ. Человѣкъ, предоставленный самъ себѣ, не можетъ сложить изъ звуковъ, которые онъ издаетъ, даже самаго простаго сочетанія, похожаго на рѣчь. Общество, напротивъ, получаетъ языкъ вовсе не отъ условія, заключеннаго между людьми, называть такъ или иначе ту или другую вещь. То же должно сказать и про простую ассоціацію отдѣльныхъ лицъ¹⁾. Съ давнихъ поръ замѣчательные филологи стремились создать языкъ, которымъ могло бы говорить все человѣчество. Кажется, всѣ нужныя средства находились въ ихъ распоряженіи — формы и законы всѣхъ языковъ и нарѣчій, выработанная грамматика, сильное умственное развитіе, и однакожь не только они не создали ничего подобнаго, но даже не въ силахъ были произвести какую-нибудь перемѣну въ языкѣ своего народа. То же самое должно сказать и о другихъ силахъ общества. Личный опытъ и способности безъ общества никогда не создали бы науки, личный интересъ только въ обществѣ могъ сдѣлать изъ промышленности орудіе цивилизаціи, личное вдохновеніе превратилось въ обществѣ въ искусство. Природа вещей такова, что никогда личныя способности, взятыя отдѣльно или въ ассоціаціи, не могутъ измѣнить и побѣдить силу общественныхъ, и нельзя не благодарить за это Творца, потому что иначе все, что есть святаго и благороднаго въ человѣчествѣ, зависѣло бы отъ стремленій лица или группы, — стремленій, нерѣдко узкихъ и эгоистическихъ.

Далѣе, можно привести отрицательныя доказательства того, что общественныя силы не суть простое продолженіе индивидуальныхъ. Вырожденіе и смерть общества сопровождается смертію его языка,

¹⁾ Относит. этого см. *Clavel—Critique et conséquences des principes de 1789. Paris. 1866 г.*

науки, искусства, промышленности, политическаго строя. Общества египетское, греческое, римское умерли, ихъ цивилизаціи отошли въ разрядъ мертвыхъ, а личности, ихъ составлявшія, продолжали жить и составлять ассоціаціи для защиты себя отъ внѣшнихъ бѣдствій. Возрожденіе древней цивилизаціи нуждалось въ новыхъ организмахъ. Только послѣ того, какъ сложилось новое европейское общество, начинается появляться серьезная наука и развивается промышленность.

Человѣкъ не только не способенъ создать готовое общество, но самъ дѣлается способенъ къ общежитію только постепенно, подъ вліяніемъ нѣковаго воспитанія и разныхъ потрясеній, сглаживающихъ его эгоистическія наклонности. По мѣрѣ подавленія его личныхъ стремленій предварительно въ семьѣ¹⁾, а послѣ въ другихъ формахъ общежитія, дѣлается онъ тѣмъ общественнымъ животнымъ, какимъ выставляетъ его Аристотель. Въ семьѣ человѣкъ теряетъ часть своей личности, а вмѣстѣ и эгоизма; въ общинѣ у него является уже способность самопожертвованія, въ государствѣ онъ доходитъ до героизма. Другими словами, *идея дома и цѣли* есть произведеніе общества, *эгоизмъ и произволь* — удѣлъ личности.

Это нисколько не прогнворѣчитъ тому обстоятельству, что общество является представителемъ прогресса въ человѣчествѣ, а личность въ массѣ является элементомъ консервативнымъ. Прогрессивныя стремленія — всегда произведеніе сознанія возвышенной цѣли, общаго блага, чувства долга и нѣкотораго самоотверженія, то-есть, всего того, что создается обществомъ или можетъ осуществляться только въ обществѣ, религіи, наукѣ, нравственности. Консерваторство есть нерѣдко замаскированный эгоизмъ, слѣдовательно, наиболѣе индивидуальное стремленіе, или болѣе приближающее къ внѣ-общественному состоянію человѣка. Индивидуализмъ, дѣлая изъ общества ассоціацію, скомбинированную по общимъ началамъ человѣческаго ума, естественно стремится найти общую форму для общества всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, не спрашивая условій времени и мѣста. Положительное знаніе ничего не ищетъ, но утверждаетъ, что каждой эпохѣ общественнаго развитія должна соотвѣтствовать своя государственная и общественная форма.

Кромѣ того положительная наука, выводя свои законы изъ наибольшаго количества факторовъ и условій, даетъ названіе законовъ только тѣмъ началамъ, которыя вліяютъ на всю совокупность обще-

¹⁾ О значеніи семьи см. От. Контъ. IV, p. 398. seq.

ственныхъ элементовъ, слѣдовательно, въ жизни преимущественно народныхъ массъ. Напротивъ, школа индивидуалистовъ любитъ возводить въ идеаль начала, выработанныя небольшимъ кружкомъ людей, и не смотря на свои возгласы объ общемъ благѣ, нерѣдко остается чужда истинныхъ началъ своего общества. Изслѣдуя законы общества на болѣе широкомъ полѣ, чѣмъ индивидуалисты, положительная наука направляетъ свое предвидѣніе къ такимъ же широкимъ выводамъ. Этотъ выводъ по своей общности всегда долженъ соответствовать самому закону. Если законъ долженъ соответствовать всей совокупности общественныхъ элементовъ, то и самая цѣль должна соответствовать той же совокупности. Только тѣ стремленія считаетъ она здоровыми, которыя одинаково общи всѣмъ классамъ общества, потому что они одни соответствуютъ общности ея законовъ. Служеніе личнымъ цѣлямъ, фантазіи кружка, утопіи — нелѣпо, ибо не научно и потому не законно. Вотъ почему такая наука болѣе демократична, хотя не любитъ революцій, а индивидуализмъ болѣе аристократиченъ, хотя гремитъ о переворотахъ. Положительная наука, созная свою тѣсную связь съ обществомъ, котораго она есть произведеніе, и его основанія, никогда не выставляетъ положеній, противныхъ началамъ общежитія. Отдѣльная личность или даже группа лицъ могутъ уединиться, забыть великое назначеніе науки, необходимую связь всѣхъ областей знанія и увлечься какимъ-нибудь частнымъ представленіемъ. Но въ то время, когда они будутъ высказывать свои положенія, они не будутъ помнить объ обществѣ, не будутъ болѣе принадлежать ему. Пантеистическій нигилизмъ Гегеля могъ быть созданъ только въ кабинетѣ; ученый, забывающій хоть часть великихъ началъ, составляющихъ достоинствѣ умственной жизни человѣчества, тѣмъ самымъ осуждаетъ свою теорію на бесплодность. Теорія Фурье, Консидерана, Кабе — наглядный примѣръ этого. Вотъ почему положительная наука беретъ въ разчетъ все, чѣмъ движется человѣчество въ данную пору, а потому ни на минуту не уклоняется отъ жизни: ея законы *прежде всего должны быть жизненны*. Не знаемъ, можно ли то же самое сказать про школу метафизиковъ.

Изучая общественные законы на такомъ широкомъ полѣ, по отношенію къ самой свободѣ, этому идеалу индивидуализма, реальная наука устанавливаетъ болѣе положительныя основанія, чѣмъ тѣ безпорядочныя мечтанія, которыя справедливо вызываютъ опасенія всѣхъ благомыслящихъ людей. *La vraie liberté*, говоритъ Контъ, *ne peut consister sans doute, qu'en une soumission rationnelle à la seule pré-*

pondérance, convenablement constatée, des lois fondamentales de la nature, à l'abri de tout arbitraire commandement personnel.

Наконецъ, почти бесполезно говорить о томъ, что выясняя необходимые законы развитія и необходимость самаго развитія общества, положительная наука умѣетъ отвести должное мѣсто правительству, этому представителю общихъ интересовъ, на которое индивидуалисты смотрятъ какъ на помѣху всякаго прогресса. Таковы начала, которыя, по нашему мнѣнію, должны лечь и отчасти уже легли въ основаніе соціальной науки.

Разумѣется, всѣ эти начала выработались не вдругъ. Можно сказать, что во Франціи они — порожденіе XIX столѣтія и школы С.-Симона, ибо только она дошла до истиннаго сознанія общества, какъ дѣйствительнаго организма. До того времени индивидуализмъ во всѣхъ возможныхъ комбинаціяхъ составлялъ главную основу всѣхъ политическихъ ученій, которыя исходили отъ естественнаго состоянія путемъ соглашенія, контракта, завоеванія и прочихъ смѣшныхъ или вредныхъ ученій. Собственно говоря, всѣ они продолжали дѣло классическихъ писателей, съ большими или меньшими измѣненіями. Политическая свобода дала Платону и Аристотелю возможность выработать такое ученіе, которое въ общихъ чертахъ и нѣкоторыхъ подробностяхъ до настоящаго времени не утратило своего значенія. Вотъ почему Бюшезъ останавливается на немъ довольно подробно. Это одна изъ любопытныхъ оцѣнокъ политическихъ ученій древности. Еще теперь, говорить онъ, по истеченіи 22 вѣковъ, терминологія, опредѣленія, формулы Платона и Аристотеля, а особенно Аристотеля, составляютъ основаніе политической науки и языка. Отъ Аристотеля получили мы опредѣленіе, что цѣль политическаго общества есть личное благо. Онъ высказалъ мысль, что человѣкъ есть существо общественное и что вступая въ общество, онъ удовлетворяетъ своей потребности — аксіому, принятую Гроціемъ и Пуфендорфомъ и сдѣлавшуюся исходнымъ пунктомъ естественнаго права. Конечно, теоріи двухъ древнихъ философовъ подверглись нѣкоторымъ частнымъ измѣненіямъ. Они подъ именемъ гражданъ разумѣли небольшой кружокъ лицъ, вооруженныхъ политическими правами, въ противоположность иностранцамъ и рабамъ; теперь его даютъ всей массѣ жителей. Далѣе, встрѣчаются различныя опредѣленія блага. Одни полагаютъ его въ добродѣтели или умѣренности, какъ Аристотель; другіе въ правдѣ, подобно Платону; третьи въ безопасности, въ богатствѣ, въ могуществѣ. Не всѣ также сходятся относительно происхожденія

общества. Теорія христіанская отличается отъ теоріи Аристотеля. Но каковы бы ни были эти разногласія, всѣ научныя направленія, начиная отъ отцовъ церкви до новѣйшихъ публицистовъ, представляютъ отраженіе греческой науки, если не самую эту науку.

Вліяніе этихъ двухъ мыслителей выражается и въ томъ стремленіи создать вѣчную, неизблемую общественную организацію, которая бы вѣчно служила идеѣ общаго блага. И Платонъ, и Аристотель выставили, правда, каждый свой идеаль. Но и то обстоятельство, что два мыслителя, жившіе почти при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, выставили два различные идеала, не удержало новѣйшихъ ихъ подражателей. Пѣтъ почти публициста, который не стремился бы найти или даже не считалъ бы себя нашедшимъ подобный идеаль. Для публициста это, конечно, невинное упражненіе; но хуже всего то, что идея неподвижности формъ вошла въ сознаніе правительствъ, изъ которыхъ каждое считаетъ себя представителемъ наилучшей формы въ мірѣ. Послѣдствія такого убѣжденія ведутъ къ систематическому застою, предшествующему самому вредному взрыву сдержанныхъ элементовъ общества. Даже *золотая середина*, которою такъ гордятся практическіе люди, и та оставлена имъ въ наслѣдство Аристотелемъ.

Кромѣ понятія о неподвижности формъ, вліяніе греческой науки отразилось и на томъ убѣжденіи, что всѣ социальныя вопросы могутъ быть разрѣшены тою или другою формой правленія. Три типическія и три извращенныя формы, вотъ что представляютъ собою всѣ государства цѣлаго свѣта¹⁾. Переходъ отъ одной формы къ другой совершается революціей, непосредственно вытекающею изъ извращенія какой-либо изъ типическихъ формъ. Монархія извращается въ тиранію, тиранія вызываетъ революцію, изъ которой рождается новая форма, въ свою очередь опять извращающаяся и ведущая къ революціи и т. д., и дѣло обанчивается возвращеніемъ къ первой формѣ. Такъ, вся политическая исторія каждаго народа есть нескончаемый круговоротъ, въ которомъ общество ищетъ спасенія отъ одной формы въ другой, въ свою очередь покидаемой имъ для третьей.

Итакъ, неподвижность формъ ведетъ къ революціямъ, которыя ни къ чему не ведутъ какъ къ той же формѣ, отъ которой общество такъ тщательно уходило.

¹⁾ Замѣтимъ, впрочемъ, что по отношенію къ Аристотелю это замѣчаніе Бюшеза справедливо только до нѣкоторой степени. Правда, онъ признаетъ *абсолютно лучшія формы* правленія, но въ то же время онъ говоритъ, что каждый народъ осуществляетъ идеальныя типы ихъ по своему. См. Пол. VI, 1.

И это еще не все. Теорія круговорота есть только послѣдствіе другой, болѣе общей концепціи. Человѣкъ потому осужденъ вращаться на мѣстѣ, что не можетъ идти впередъ; онъ оставилъ золотой вѣкъ народа, и каждый шагъ, удаляющій его отъ этого, есть переходъ отъ дурнаго къ худшему. Въ сравненіи съ этимъ положеніемъ, теорія круговаго движенія представляется уже шагомъ впередъ; застой все же лучше постояннаго паденія.

Притомъ ученіе это, подробно развитое Платономъ и Полибиемъ, представляло нѣкоторое сходство съ исторіей греческихъ республикъ. Выводъ соотвѣтствовалъ наблюдаемымъ фактамъ, но наблюденіе это происходило на слишкомъ тѣсномъ пространствѣ, что сдѣлало самый выводъ узкимъ и одностороннимъ. Но ученіе это сохранило свою силу много вѣковъ; оно жило такъ долго, что даже было забыто, и воскресло.

Прежде всего оказалась несостоятельность формальной классификаціи государственныхъ формъ. Цицеронъ и Полибій не знали уже, куда отнести Римскую республику, и назвали ее четвертою формою. Феодализмъ рѣшительно не укладывался ни въ одну изъ этихъ формъ: государство, выстроенное на несвободной поземельной собственности, сопоставленіе духовной и свѣтской властей, затѣмъ постепенное образованіе представительной системы — всего этого не предвидѣла древняя наука. Далѣе, куда дѣвались рабы, безъ которыхъ не мыслимо было древнее государство? Что сдѣлалось съ безграничными правами отца семейства? Далѣе, знали ли древніе кредитъ, эту могущественную силу, вслѣдствіе которой всякое правительство болѣе или менѣе испытываетъ давленіе общественнаго мнѣнія? Они знали городъ, муниципію, но понимали ли національность? Наконецъ, вся ихъ политическая мудрость заключалась въ развитіи личнаго счастья, справедливости, въ правилѣ *sum cuique*. Неудовлетвореніе этихъ требованій вело къ революціи. Если же это муравьиное блаженство было удовлетворено, то форма общества могла бы существовать безконечно. Что сказали бы они про общественное мнѣніе, которое шагъ за шагомъ подвигаетъ своихъ представителей къ улучшеніямъ и неохотно пускается въ революціи?

Таковы нѣкоторые факты, постигшіе въ обладаніе новой науки, хотя далеко не всѣ. Они дадутъ возможность открыть новые законы соціальнаго развитія, выяснить другія цѣли общества ¹⁾. Во главѣ

¹⁾ Ср. Бюшезъ, стр. I, 23—32.

такихъ законовъ стоитъ законъ, предчувствованный Мессингомъ и Лейбницемъ, выраженный Кантомъ, Тюрго и Кондорсе и окончательно укрѣпившійся въ области социальныхъ и естественныхъ наукъ, послѣ открытій Ламарка, Конта, Дарвина, Гёте и фонъ-Бера. „Законъ прогресса, говоритъ Бюшезъ, есть отрицаніе нѣкоторыхъ главныхъ основаній древней науки и установленіе совершенно противоположныхъ началъ. Законъ этотъ отрицаетъ, что человѣческая порода осуждена на вѣчное вращеніе въ сферѣ постоянныхъ, однородныхъ явленій; онъ утверждаетъ, что общества должны идти впередъ по прямой дорогѣ къ добру, что новое постоянно должно быть лучше стараго. Этотъ законъ доказываетъ, что ни одно устройство не можетъ претендовать на названіе идеальнаго и лучшаго устройства, что оно видоизмѣняется съ видоизмѣненіемъ общества. Наконецъ, онъ ведетъ къ тому заключенію, что каждое общество отъ своего возникновенія до упадка составляетъ одно цѣлое: оно изображаетъ цѣпь, гдѣ каждое звено, то есть, каждая эпоха получаетъ отъ предшествующей больше, чѣмъ та получила отъ предыдущей, и оставляетъ послѣдующему времени наследство большее, чѣмъ получила сама. Были, конечно, ужасные случаи, попадаются разрушенныя цивилизаціи, движенія вспять, вырожденіе цѣлыхъ обществъ. Но эти несчастія до настоящаго времени были исключительными явленіями; въ настоящее время возможность ихъ уменьшается по мѣрѣ развитія и укрѣпленія началъ цивилизаціи. Притомъ эти перерывы были только кажущіеся; преданія, привычки, вѣрованія общества оставались неприкосновенными. Этими остатковъ часто было достаточно для возрожденія прежняго общества; часто во имя этихъ сохранившихся вѣрованій общество возрождалось въ лучшемъ видѣ и продолжало свое развитіе съ неудержимою силой. Историки и лѣтописцы часто видятъ развалины и разрушеніе въ симптомахъ глубокаго перерожденія и переходѣ отъ одной цивилизаціи къ другой“.

Въ чемъ состоитъ этотъ законъ прогресса? Гдѣ причина и условія прогресса? Нельзя сказать, чтобы въ настоящее время социальные науки представляли полную, законченную теорію этого закона. Не смотря на основательные труды Конта, Герберта Спенсера и еще двухъ-трехъ мыслителей, много еще пробѣловъ, темныхъ мѣстъ, противорѣчій. Вотъ почему мысли Бюшеза, кромѣ своего несомнѣннаго внутренняго достоинства, представляютъ еще интересъ какъ дополненіе къ разрозненнымъ попыткамъ выяснить эту идею. Попытка его тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что его теорія есть логическій выводъ изъ

убѣжденій, составленныхъ имъ при занятіи естественными науками. Наконецъ, безъ этой теоріи непонятно будетъ все его социальное ученіе, а потому мы посвятимъ остальныя страницы первой статьи подробному ея изученію.

Отъ Тюрго и С.-Симона Бюшезъ отличается тѣмъ, что они изучали теорію прогресса только на антропологическихъ и социальныхъ фактахъ, тогда какъ онъ строилъ свои выводы на данныхъ, принадлежавшихъ всѣмъ сферамъ наукъ. Онъ первый началъ дѣлать сближенія прогрессивныхъ явленій, доказанныхъ историческими науками, съ аналогическими результатами, добытыми геологіей, сравнительною анатоміей и эмбриологіей, и установилъ соотношеніе между однородными законами міра неорганическаго, органическаго и духовнаго. Сравнительная анатомія доказывала ему, что всѣ классы животныхъ составляютъ лѣстницу, цѣпь, гдѣ низшія породы тѣсно связаны съ высшими; геологія показала, что всѣ эти классы были созданы послѣдовательно, что твореніе началось съ низшихъ организмовъ, за которыми слѣдовали организмы высшаго порядка. Та же наука доказывала, что первыя растительныя и животныя породы сами способствовали образованію земной коры, внося въ нея элементы, необходимые для развитія послѣдующихъ породъ. Наконецъ, эмбриологія показала, что человѣческой зародышъ переживаетъ тѣ же ряды послѣдовательнаго развитія, какіе въ большихъ размѣрахъ представляетъ жизнь вселенной, и что до полнаго своего развитія зародышъ проходитъ весь рядъ органическихъ формъ, представляемыхъ низшими животными. Изъ всѣхъ этихъ данныхъ онъ выводилъ заключеніе, что законъ, проявляющійся въ различныхъ классахъ животныхъ, въ образованіи земли, есть тотъ же, который управляетъ развитіемъ зародыша, и тотъ, который мы назвали закономъ прогресса.

Итакъ, съ физической точки зрѣнія одинъ законъ управляетъ земнымъ шаромъ, одушевленною природою и человѣческимъ организмомъ. Въ этомъ убѣдили Бюшеза естественныя науки. Изученіе исторіи повело его дальше; оно открыло ему тотъ же самый законъ въ примѣненіи къ умственному и нравственному міру. Историческій прогрессъ человѣчества кажется продолженіемъ, въ другихъ только формахъ, прогрессивныхъ преобразованій, пережитыхъ землею до появленія на ней челоуѣка. Нѣтъ, слѣдовательно, ни одного существа, которое бы могло уйти изъ-подъ вліянія этого закона.

Итакъ, сравненіе результатовъ геологіи, сравнительной анатоміи и эмбриологіи съ общими выводами историческихъ наукъ привело

Бюшеза къ установленію всеобщности закона прогресса. Прогрессъ, слѣдовательно, пересталъ быть для него простымъ увеличеніемъ матеріальнаго благосостоянія и успѣховъ просвѣщенія, — которое одни признавали, другіе отрицали, — а сталъ закономъ міроваго порядка.

Но это же сравненіе дало ему возможность понять и характеръ и смыслъ прогресса. Понятіе прогресса смѣшивали и смѣшиваютъ съ понятіемъ совершенствованія¹⁾. Для многихъ ученыхъ прогрессъ представляется постояннымъ усовершенствованіемъ личныхъ способностей и социальныхъ установленій. Но для сравнительной анатоміи и геологій подобное усовершенствованіе — второстепенный фактъ. „Соціальный прогрессъ, говоритъ Гербертъ Спенсеръ, видятъ въ производствѣ большаго количества и большаго разнообразія предметовъ, служащихъ для удовлетворенія человѣческихъ потребностей, въ болшемъ огражденіи личности и собственности, въ расширеніи свободы дѣйствій; между тѣмъ правильно понимаемый социальный прогрессъ заключается въ тѣхъ измѣненіяхъ социальнаго организма, которыя обуславливаютъ эти послѣдствія. Обиходное понятіе о прогрессѣ есть телеологическое... Но чтобы правильно понять прогрессъ, мы должны изслѣдовать сущность этихъ измѣненій, разсматривая ихъ независимо отъ нашихъ интересовъ“. Съ точки зрѣнія естественныхъ наукъ прогрессъ есть та же математическая прогрессія, каждый членъ которой заключаетъ въ себѣ все предыдущее и нѣчто большее, чѣго въ нихъ нѣтъ. Такъ, каждый классъ животныхъ заключаетъ въ себѣ всѣ органы низшаго класса, но болѣе развитые и сложные; каждая геологическая эпоха предполагаетъ всѣ предыдущія, безъ которыхъ она была бы невозможна, но отличается отъ нихъ существованіемъ болѣе совершенныхъ животныхъ и растений. Слѣдовательно, прогрессивность не есть свойство отдѣльнаго члена прогрессіи, но есть достояніе всей строки. Каждый классъ животныхъ не прогрессивенъ самъ по себѣ; низшія породы ихъ представляютъ то же строеніе, какъ при своемъ появленіи. Но каждый классъ стоитъ между сравнительно низшимъ и высшимъ, и изъ сравненія ихъ можно вывести понятіе прогрессивности. То же самое замѣчаемъ мы и въ соціальной сферѣ. Утверждаютъ, говоритъ Бюшезъ, что социальная жизнь есть результатъ развитія нашихъ способностей. Это вѣрно

¹⁾ Всѣ послѣдующія мысли сходны съ положеніемъ, развитымъ Гербертомъ Спенсеромъ въ разныхъ его статьяхъ. Впрочемъ, условія прогресса, представляемая имъ, едва-ли не ближе къ истинѣ, чѣмъ соображенія Бюшеза, не смотря на ихъ положительное достоинство въ примѣненіи къ социальнымъ наукамъ.

только въ томъ смыслѣ, что всѣ способности, отличающія насъ отъ животныхъ, могутъ проявиться только въ сообществѣ. Но когда утверждаютъ, что самый прогрессъ есть не что иное какъ усовершенствованіе тѣхъ же способностей, это положеніе не вѣрно во всѣхъ отношеніяхъ. Греки по развитію своихъ умственныхъ способностей и во всѣхъ предметахъ, зависѣвшихъ исключительно отъ развитія этихъ способностей, не только были равны современному человѣчеству, но едва-ли не превосходили его. Во всѣхъ же отношеніяхъ, зависящихъ отъ степени соціального прогресса, они стоятъ далеко ниже. Чтобы увидѣть истинный прогрессъ, необходимо взять Грецію въ сравненіи съ Египтомъ съ одной стороны и современною цивилизаціей съ другой. Слѣдовательно, идея эта можетъ быть выяснена путемъ сравненія различныхъ цивилизацій или по крайней мѣрѣ поколѣній, но никакъ не отдѣльныхъ личностей. Отдѣльная личность, какова бы ни была ея способность, не могла силою своего мышленія достигнуть нѣкоторыхъ открытій, концепцій, результатовъ, украшающихъ современную науку. Они были бы невозможны безъ массы предшествовавшихъ наблюденій. Эта масса наблюденій, соображеній, гипотезъ, повѣрочекъ, аналогій, вычисленій, соединенныхъ для разьясненія одного и того же предмета, дѣлаетъ изъ теоретика, который послѣ другихъ взялся за его разьясненіе, не только болѣе свѣдущаго или ученаго человѣка, но вліяютъ на силу его изобрѣтательной способности, подсказываютъ ему тѣ гениальныя гипотезы, которымъ наука обязана своими величайшими законами. Теоріи Коперника или Ньютона — неужели продуктъ только ихъ личности¹⁾?

Итакъ, личность способна къ совершенствованію; но прогрессивно одно общество. Оно выдѣляетъ одно понятіе изъ другаго; оно даетъ каждому элементу самостоятельное развитіе; только въ немъ каждой потребности соответствуетъ отдѣльная организація, — словомъ, только оно удовлетворяетъ коренному условію прогресса, высказанному г. Спенсеромъ — постепенному переходу отъ однородности къ разнородности, отъ смѣшенія къ раздѣльности. Усилій личности не достало бы на такое громадное дѣло. Могли ли бы эти усилія выдѣлить релігіозный элементъ изъ свѣтскаго, въ свѣтскомъ отдѣлить экономическія отношенія отъ государственныхъ? Воспитаніе личности продолжительно, жизнь коротка, способности ограничены и продукты ея дѣятельности погибли бы, еслибъ ихъ не сохраняло общество. Оно

¹⁾ См. *ibid.* 35 и слѣд. также Введ. LXIV и слѣд.

не теряетъ ничего, не устааетъ, не ослабѣваетъ. Въ немъ вырабатываются истинно прогрессивные элементы.

Благодаря этому великому закону, въ дѣлѣ прогресса участвуютъ все и всё, даже тѣ, которые не сознавали своей дѣятельности. Въ геологій это не требуетъ особенныхъ доказательствъ. Каждая формація сопровождалась появленіемъ извѣстнаго числа новыхъ животныхъ и растений. Эти животныя могли существовать только потому, что нашли всё нужныя для себя условія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ числѣ этихъ условій не малую роль играли животныя и растения предшествующей формаціи. Вслѣдствіе этого отъ зародышей органической жизни, приспособленныхъ къ исключительно-минеральному періоду, природа постепенно дошла до возможности высшихъ организмовъ. Одинъ порядокъ животнаго царства подготавливаетъ появленіе высшаго порядка, создавая постепенно нужную для того почву, видоизмѣняя моря, очищая воздухъ, реформируя климатъ. И что же? Для того, чтобы произвести всё эти чудеса, всёми этимъ первенцамъ животнаго и растительнаго царства не нужно было обладать особенными способностями. Для поддержанія прогрессивнаго движенія природы имъ нужно было только слѣдовать своимъ инстинктамъ, спокойно жить и умирать. Ихъ простаго присутствія на земной поверхности, соединеннаго съ постояннымъ дѣйствіемъ химическихъ и физическихъ силъ, достаточно было для постепеннаго преобразования этой поверхности. Каждый періодъ творенія имѣлъ такимъ образомъ свою задачу, въ достиженіи которой участвовало все живущее въ каждой отдѣльной формаціи. Но когда преобразование совершилось, когда все было уже готово для принятія новыхъ обитателей, сильнѣйшій переворотъ разрушилъ всё отжившія, то-есть, окончившія свое назначеніе породы¹⁾. Они были, такимъ образомъ, слѣпымъ орудіемъ прогресса, въ которомъ сами не участвовали, ибо въ теченіе всего геологическаго періода ихъ организація, инстинкты и потребности не подвергались особеннымъ измѣненіямъ.

По отношенію къ человѣчеству вопросъ этотъ нѣсколько усложняется. Человѣкъ, существо разумное и свободное²⁾, не только сознаетъ прогрессивное движеніе, въ которомъ онъ участвуетъ³⁾, а самъ

¹⁾ Читатель, вѣроятно, помнитъ, что Бюшезъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ Кювье.

²⁾ Въ слѣдующей статьѣ мы покажемъ, что Бюшезъ называетъ свободой.

³⁾ Всегда ли? Кажется, есть періоды, когда въ этомъ сознаніи участвуютъ немногіе; впрочемъ, это нисколько не измѣняетъ мысли Бюшеза: все-таки есть въ общемъ движеніи доля сознанія. Кто сознаетъ, тотъ ведетъ другихъ.

принимаетъ въ немъ участіе, улучшая условія своего быта. Но общія начала геологическаго прогресса примѣняются и здѣсь: такъ, всякая перемѣна совершается въ теченіе долгаго времени, эпохи, имѣющей эту перемѣну своею задачею. Въ исторіи человѣчества постепенно смѣнявшіяся великія цивилизаціи играли роль постепенно смѣнявшихся геологическихъ формаций. Далѣе, хотя человѣчество въ каждую эпоху и сознаетъ болѣе или менѣе свое назначеніе, но цѣль эта лежитъ внѣ современныхъ поколѣній: каждое изъ нихъ работаетъ для будущаго. Каждый человѣкъ есть органъ великаго соціальнаго организма, какъ каждый отдѣльный общественный организмъ есть органъ человѣчества. Такимъ образомъ, никто не созданъ исключительно для достиженія своихъ мелкихъ, эгоистическихъ задачъ; каждый имѣетъ свою задачу въ міровомъ порядкѣ: всѣ мы работники въ одной великой мастерской и трудимся надъ работою, размѣры и задачи которой далеко переходятъ за предѣлы нашего существованія.

Недостаточно, однако, указать на всеобщность закона прогресса; необходимо показать его примѣненіе къ исторіи человѣчества. Установленіе закона требуетъ повѣрки. Повѣрка даетъ возможность предвидѣнія. Какъ человѣчество двигается впередъ? Какъ опредѣлить его направленіе въ данную минуту? Разрѣшенію этихъ вопросовъ Бюшезъ посвятилъ главнымъ образомъ свое „Введеніе въ науку исторіи“, и кромѣ того много отдѣльныхъ замѣчаній въ различныхъ его статьяхъ и сочиненіяхъ. Мы изложимъ здѣсь его ученіе о прогрессѣ и выведемъ изъ него исходную точку его соціальнаго ученія. Что же касается его теоріи предвидѣнія, то мы постараемся изложить ее въ слѣдующей статьѣ послѣ разбора основныхъ началъ его общественной теоріи.

Мы уже видѣли, что вся исторія человѣчества состоитъ изъ ряда постепенно смѣнявшихся цивилизацій. Что представляетъ собою каждая цивилизація? Почему она составляетъ такое замкнутое цѣлое? Какъ совершается переходъ отъ одной цивилизаціи къ другой?

Подобно всѣмъ теоріямъ Бюшеза и Кошта, и теоріи, касающіяся этихъ вопросовъ, въ зародышѣ находятся уже въ ученіи С.-Симона. Въ общемъ ходѣ знанія и соціальнаго развитія вообще, писалъ онъ, можно замѣтить два постоянно и постепенно смѣняющія другъ друга направленія, или лучше сказать, метода: методъ *a priori* и методъ *a posteriori*. Первый необходимо предшествуетъ второму. Ученые начинаютъ съ того, что подчиняются вліянію какой-нибудь великой системы, основанной гениальнымъ мыслителемъ, и довольствуются приложеніемъ его теоріи къ частнымъ случаямъ. Но постепенно это на-

правление смѣняется стремленіемъ анализировать факты и подробности и отъ нихъ восходить къ обобщеніямъ. Эта послѣдняя работа продолжается до тѣхъ поръ, пока не выработаются элементы для новой могущественной системы, не явится снова гениальная личность. Соціальный строй представляетъ, по его мнѣнію, такія же смѣны двухъ направленій; общество постоянно переходитъ отъ синтетическаго къ аналитическому періоду. Европа уже болѣе одного (по мнѣнію Конта, трехъ) столѣтій переживаетъ послѣдній періодъ: пора уже возвратиться къ методу апіористическому и начать эпоху общественной организаціи.

Эта теорія была мало развита С.-Симономъ, но сильно отразилась на ученіи Конта и Бюшеза. У послѣдняго она приняла форму теоріи органическихъ и критическихъ періодовъ. Слѣдовательно, каждая цивилизація есть продуктъ положительныхъ и отрицательныхъ факторовъ. Положительные устанавливаютъ и опредѣляютъ задачу извѣстной цивилизаціи; отрицательные разрушаютъ то, что въ этой организаціи было временнаго, выдѣляютъ дѣйствительно общія начала и своею политическою работою способствуютъ накопленію новыхъ факторовъ, новыхъ матеріаловъ, изъ которыхъ сложится будущая цивилизація. Такимъ образомъ, каждый изъ этихъ факторовъ выполняетъ и положительную, и отрицательную задачу. Каждая органическая эпоха цивилизаціи доканчиваетъ отрицаніе стараго зданія, которому она противопоставляетъ новое: она освящаетъ дѣло предшествующей критической эпохи; каждый критическій періодъ отрицаетъ старый порядокъ, но своими положительными трудами prepares новый органический періодъ. *De omnibus dubito* — первое слово картезианства, этой эры догматической, или органической эпохи новой философіи: оно предшествуетъ ей — *cogito ergo sum*. Но разница между органическимъ и критическимъ періодами заключается въ большей сосредоточенности сомнѣнія и положительнаго убѣжденія, съ преобладаніемъ послѣдняго надъ первымъ, тогда какъ критическая эпоха, разбрасываясь въ спеціальностяхъ, отдаваясь изслѣдованію частныхъ вопросовъ и фактовъ, не имѣетъ такой общности сознанія, какъ первая эпоха. Дѣйствительно, если мы возьмемъ какую-нибудь критическую эпоху, то убѣдимся, что отрицаніе растетъ въ ней постепенно и притомъ начинается съ анализа самыхъ мелкихъ, частныхъ и удаленныхъ отъ общаго соціальнаго строя фактовъ. Наиболѣе способны для этого вопросы естественныхъ наукъ, не только потому, что они скорѣе могутъ довести до положительныхъ результатовъ, и слѣдовательно, под-

готовить новый органическій періодъ, но и потому, что по трудности усмотрѣть ближайшую связь между ними и общемою массою вѣрованій и установленій, они даютъ возможность людямъ, привязаннымъ еще къ тому и другому, совершенно свободно относиться къ своему предмету. По мѣрѣ паденія установленій и вѣрованій органической эпохи, критицизмъ касается болѣе общихъ вопросовъ, и наконецъ, полное отрицаніе стараго возвѣщаетъ появленіе новаго органическаго ученія. Слѣдовательно, систематическое сомнѣніе есть необходимое условіе возможности новаго органическаго ученія, но никакъ не самое это ученіе. Органическое ученіе создается изъ положительныхъ началъ прежней эпохи, уцѣлѣвшихъ отъ критической работы отрицанія, и положительныхъ фактовъ, добытыхъ аналитическими трудами критической эпохи. Собственно отрицаніемъ мало занимается органическое ученіе. Оно цѣликомъ дается ему критикою непосредственно предшествовавшей ему эпохи. Оно отрицаетъ прошедшее скорѣе догматизмомъ и положительностью своего ученія, чѣмъ критикою этого прошедшаго. Но въ этомъ отношеніи оно идетъ гораздо дальше, чѣмъ самая смѣлая критическая работа. Христіанскій монастырь явился гораздо сильнѣйшимъ отрицаніемъ язычества, чѣмъ всевозможныя насмѣшки скептиковъ послѣднихъ временъ имперіи. Это понятно: въ первомъ случаѣ говорили представители двухъ совершенно различныхъ обществъ; во второмъ только спорили несогласные члены того же самаго общества; здѣсь одно *убѣжденіе* было противопоставлено другому; тамъ *претирались* люди съ различными мнѣніями. Вотъ почему представители стараго общества преслѣдовали новое ученіе, оставляя безъ вниманія насмѣшки скептиковъ. Они прощали невѣріе, но не могли вынести новой религіи. Мало того: самые скептики болѣею частію не только не сочувствовали новому обществу, распространенію котораго они же содѣйствовали, но съ ужасомъ отворачивались отъ него, отчасти потому, что критицизмъ, работая безъ всякой общей цѣли, не всегда предвидитъ результаты своего направленія, отчасти потому, что они только абстрактно, а не въ дѣйствительности, порвали связь съ старымъ обществомъ, а отчасти потому, что по привычкѣ къ отрицанію они неохотно увлекаются органическимъ ученіемъ. Имъ можетъ увлечься только тотъ, въ комъ сомнѣніе также цѣлостно, какъ цѣлостно новое ученіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ потребность вѣрованія сильнѣе критическаго стремленія. Исторія христіанства достаточно доказываетъ это: злѣйшими его врагами явились наиболѣе скептическіе писатели эпохи; женщины, юноши, простые сердца —

первыми его послѣдователями. Эти факты достаточно извѣстны, а потому излишне было бы останавливаться на нихъ. Возвратимся къ Бюшезу.

Сознавая всѣ вышелезенныя истины, онъ въ прогрессивномъ движеніи человѣчества не далъ сомнѣнію такой роли, какую навязалъ ему *Бокль*. Не сомнѣніе устанавливаетъ цѣли, не оно даетъ направленіе, господствующее въ извѣстномъ циклѣ цивилизаціи; оно не начинается съ стройнаго ученія, и возвышается до системы уже въ ту минуту, когда старое общество готово смѣниться новымъ, то-есть, одно органическое ученіе другимъ, такимъ же органическимъ. Далѣе, критицизмъ есть по преимуществу логическая дѣятельность, имѣющая мало элементовъ нравственнаго чувства, на которомъ, по мнѣнію Бюшеза, прежде всего строится всякое органическое ученіе. Въ самомъ дѣлѣ, не только каждая изъ великихъ историческихъ эпохъ отбрасывалась новымъ религіозно-нравственнымъ ученіемъ, но и каждый изъ второстепенныхъ органическихъ періодовъ сопровождался возрожденіемъ нравственнаго и религіознаго чувства. Если бы Бокль, говоря объ отношеніи умственнаго и нравственнаго развитія въ дѣлѣ успѣховъ человѣчества, долѣе остановился на этомъ обстоятельстве, чѣмъ на изолированныхъ примѣрахъ римскихъ императоровъ и испанской инквизиціи, онъ, вѣроятно, пришелъ бы къ другимъ результатамъ. Нравственность, говоритъ онъ, состоитъ изъ немногихъ предписаній, неспособныхъ къ прогрессу; въ теченіе вѣковъ къ нимъ нельзя было прибавить ни одной буквы. Напротивъ, умственное развитіе постоянно подвигается впередъ черезъ приобрѣтеніе новыхъ фактовъ, расширяющихъ сферу его созерцанія. Приобрѣтеніе новыхъ фактовъ зависитъ отъ степени сомнѣнія, которое одно можетъ двинуть человѣка къ новымъ открытіямъ. Слѣдовательно, въ итогѣ только сомнѣніе есть факторъ цивилизаціи: чѣмъ больше общество сомнѣвается, тѣмъ больше оно идетъ впередъ. Слѣдовательно, первые 12 вѣковъ христіанства не были прогрессомъ въ сравненіи съ эпохой возрожденія, обратившейся къ язычеству. Много бы можно привести такихъ „слѣдовательно“; но боясь уклониться отъ предмета, мы сдѣлаемъ лишь немного замѣчаній. Вопервыхъ, нравственность и ея дѣйствительно немногія начала¹⁾ способны къ развитію, особенно если

¹⁾ Не нужно много проникательности, чтобы догадаться, что если бы нравственность имѣла много началъ и сложный механизмъ, она никогда не дѣйствовала бы такъ на массы; ея немногія правила непосредственно говорятъ чув-

подъ нравственностію мы будемъ понимать не правила индивидуальнаго поведенія (какъ это, очевидно, дѣлаетъ Бокль), а совокупность извѣстныхъ началъ общежитія, какъ это дѣлаютъ Контъ и Бюшезъ. Подобно всѣмъ началамъ, прогрессивность нравственности можно усмотрѣть только при сравненіи извѣстнаго ряда смѣнявшихся цивилизацій. Никто, напримѣръ, не станетъ отрицать, что нравственность христіанства рѣзко отличается отъ нравственности греческаго политеизма, отъ нравственности браманизма, что политеизмъ имѣлъ другія нравственныя предписанія, чѣмъ фетишизмъ и т. д. Далѣе, нравственныя начала, какъ основа цѣлой эпохи человѣческой цивилизаціи, по необходимости должны носить нѣкоторый отпечатокъ неподвижности, безъ чего предписанія эти скоро потеряли бы свой авторитетъ, спустились бы въ шаткую сферу индивидуальнаго усмотрѣнія и мнѣнія, что, конечно, привело бы къ паденію соціальной нравственности, слѣдовательно, потрясло бы самыя основы общежитія. Неподвижность эта нисколько не доказываетъ, однако, ихъ неспособности содѣйствовать прогрессу. Никто, напримѣръ, не назоветъ ретроградомъ какого-нибудь человѣка, только потому что онъ имѣетъ одну, постоянную цѣль, которой посвятилъ всю жизнь. О прогрессивности или непрогрессивности извѣстныхъ началъ можно судить не столько по ихъ количеству, сколько по тому, скоро ли ихъ можно осуществить или исчерпать. И самъ Бокль не рѣшился утверждать, что начала, высказанныя христіанствомъ, великія цѣли, имъ установленныя, всѣ достигнуты, и что христіанство исчерпано до дна. Напротивъ, прогрессъ до настоящаго времени заключается въ постепенномъ примѣненіи этихъ началъ, этихъ немногихъ заповѣдей, этихъ „возлюби Бога всѣмъ сердцемъ твоимъ и всѣмъ помышленіемъ твоимъ и ближняго твоего, какъ самого себя“, высказанныхъ за нѣсколько столѣтій. Вотъ въ этомъ-то дѣлѣ постепеннаго примѣненія христіанскихъ началъ заключается пока вся задача соціальныхъ наукъ, и Богъ знаетъ, когда онѣ сдѣлаются достойными этой задачи. Сколько времени нужно было, чтобы рабство, которое христіанство застало, постепенно видоизмѣняясь черезъ крѣпостное состояніе, черезъ феодальныя повинности, черезъ монополіи, дошло до высшаго освобожденія человѣка. И теперь конецъ ли христіанскимъ цѣлямъ въ этомъ отношеніи? Спросите объ этомъ у рабочихъ и пролетаріевъ Лондона и Парижа. Какая же роль сомнѣнія

стуту, доступны сознанію самаго неразвитаго человѣка, тогда какъ та же нравственность, замкнутая въ философскій аппаратъ, была бы достояніемъ немногихъ.

въ этомъ дѣлѣ? Оно, конечно, играетъ важную роль въ этой работѣ; оно не даетъ заснуть человѣку; оно наталкиваетъ его на разные общественныя изысканія; оно показываетъ громадное разстояніе между тѣмъ, что сдѣлано, и тѣмъ, что нужно еще сдѣлать. По въ самомъ пылу своихъ критическихъ работъ, сомнѣніе никогда не должно упускаться изъ вида великой цѣли, установленной органическимъ ученіемъ своей эпохи. Только тогда оно плодотворно. Сомнѣніе, не имѣющее связи съ этою цѣлію и не подчиненное ей, или вовсе не имѣетъ смысла, или имѣетъ смыслъ очень печальный. Оно не имѣетъ смысла и значенія, когда появляется въ эпоху полной силы установленныхъ гдѣлей; оно — печальный симптомъ, когда эти цѣли достигнуты и цивилизація исчерпана: тогда оно доказываетъ близкую гибель стараго общества и явленіе новаго. Пусть простятъ намъ нѣсколько тривиальное сравненіе, которое лучше пояснитъ нашу мысль. Мы сравнимъ роль, принадлежащую, по нашему убѣжденію, сомнѣнію въ дѣлѣ человѣческой цивилизаціи, съ ролью англійской оппозиціи въ дѣлѣ управленія этою страной. Никто такъ рѣзко не осуждаетъ дѣйствій министерства, никто не отрываетъ такихъ пробѣловъ и промаховъ въ администраціи; но никогда члены оппозиціи не забывали, что они служатъ общимъ законамъ страны, общенациональнымъ цѣлямъ Англій и гордо носятъ названіе „оппозиціи ея величества“. Только это общее сознаніе дѣлаетъ плодотворною критику оппозиціи и нападки на дѣйствія правительства.

Между всѣми органическими ученіями христіанство отличается тѣмъ, что оно установило цѣли, требующія наибольшаго времени для своего осуществленія. Такого рода нравственность способна установить цѣли для громадной эпохи, общій характеръ которой, конечно, будетъ болѣе или менѣе соответствовать основному ея ученію. Такія эпохи, или *возрасты* (*âges*) человечества, могутъ распадаться на нѣсколько второстепенныхъ періодовъ, изъ которыхъ каждый будетъ имѣть свой органическій и критическій моментъ. Такъ, напримѣръ, католицизмъ и протестантско-революціонная эпоха суть, очевидно, два момента громаднаго историческаго періода, далеко, однако, не перепавшаго христіанскаго ученія, которому общее и систематическое сомнѣніе революціи предвѣщаетъ скорое и полное обновленіе. Напротивъ, когда какое-либо органическое ученіе составляетъ лишь видоизмѣненіе существующихъ системъ, и притомъ извращенное и приспособленное къ отсталымъ понятіямъ въ видахъ политическаго успѣха, тогда за короткимъ и быстрымъ успѣхомъ слѣдуетъ такое же быстрое па-

деніе. Такъ было съ магометанствомъ, этою помѣсью еврейства и христіанства. Истинное царствіе Божіе всегда „подобно завваскѣ, которую женщина смѣшала съ тремя мѣрами муки и оставила, пока взойдетъ все тѣсто“.

Кѣмъ устанавливается это нравственное ученіе? Воиервыхъ, нравственный законъ не имѣлъ бы никакого принудительнаго характера, еслибъ онъ былъ простымъ выраженіемъ человѣческой воли. Бюшезъ понялъ, что для того, чтобы нравственность была принята человѣчествомъ какъ непреложный и безусловный законъ, чтобы она производила истинное убѣжденіе и энергію, необходимыя для выполненія заключающихся въ ней прогрессивныхъ задачъ, она должна быть освещена религіознымъ авторитетомъ. Онъ замѣтилъ, что всѣ философскія системы нравственности не имѣли большаго значенія для общества, которое всегда руководилось религіозными убѣжденіями. Только основатель религіи учитъ „какъ власть имѣющій“, только онъ можетъ потребовать отъ человѣчества тѣхъ непомерныхъ лишеній, жертвъ и трудовъ, которые необходимы для достиженія указанной имъ цѣли, только его ученіе и направляетъ въ одну сторону общественное сознание.

Вовторыхъ, такое ученіе есть всегда продуктъ личной инициативы. Для того чтобы оно было принято обществомъ, необходимо, чтобы послѣднее находилось въ состояніи сомнѣнія и даже невѣрія, чтобы всѣ прежнія вѣрованія были уничтожены и забыты, чтобы всѣ нравственные ихъ начала были примѣнены во всѣхъ направленіяхъ, и вездѣ оказалась ихъ несостоятельность. Если этихъ условій не будетъ, если старыя вѣрованія будутъ еще жить, новое ученіе будетъ отвергнуто. Но въ противномъ случаѣ оно будетъ принято съ тѣмъ большимъ жаромъ, чѣмъ больше въ немъ будетъ новыхъ истинъ, чѣмъ рѣзче оно будетъ отличаться отъ стараго ученія.

Но есть и другія, чисто-научныя основанія, почему преимущественно на долю религіозно-нравственныхъ идей выпадаетъ задача обновленія человѣчества. Новое ученіе, овладѣвъ массами, основавъ новыя религіозныя и политическія общества, проникнутыя его духомъ, устанавливаетъ такимъ образомъ общую цѣль для цѣлой эпохи цивилизаціи человѣчества. Но могутъ ли они сразу выразиться въ цѣломъ рядѣ соотвѣствующихъ учреждений и установленій? Могутъ ли они перейти тотчасъ въ сферу практической дѣятельности? Исторія доказываетъ противное. Тѣ ученія, которыя стремились тотчасъ захватить въ свои руки практическую дѣятельность, имѣли тѣмъ быстрѣй-

шій успѣхъ, но и тѣмъ болѣе скоротечное существованіе. Таково тоже магометанство, такова же причина скорого паденія всѣхъ этихъ эфемерныхъ „религій“, которыми съ нѣкотораго времени угощаютъ человѣчество его преобразователи. Такъ и религіи древности, непосредственно выражаясь въ государственномъ строѣ, исчерпывались вмѣстѣ съ этимъ строемъ. Напротивъ, чѣмъ меньше, повидимому, ученіе имѣетъ связи съ житейскими вопросами, чѣмъ слѣдовательно, возвышеннѣе его идеалы, чѣмъ медленнѣе люди привыкаютъ связывать эти начала съ житейскими явленіями, тѣмъ долѣе суждено имъ господствовать. Царство не отъ міра сего, конечно, меньше всѣхъ думало о презираемыхъ имъ жизненныхъ интересахъ, и потому, между прочимъ, не перестаетъ распространяться во всѣхъ предѣлахъ вселенной. Прежде чѣмъ извѣстная цивилизація начинается, такъ-сказать, кристаллизироваться въ извѣстныхъ учрежденіяхъ, прежде чѣмъ начала ученія, лежащаго въ ея основѣ, начнутъ выражаться въ будничныхъ, практическихъ актахъ, оно должно предварительно проникнуть собою народное чувство и сознаніе. Слѣдовательно, ученіе, прямо мѣтящее на практическую дѣятельность (какъ это дѣлаютъ нѣкоторыя философскія системы), начинается съ конца и не можетъ имѣть такого значенія, какъ доктрина, придерживающаяся общихъ законовъ зарожденія и проявленія идей, дѣйствующая сначала на чувство, воспитывающая затѣмъ сознаніе, и наконецъ, достигающая господства надъ практической дѣятельностію общества. Такова дѣятельность религіозныхъ понятій; здѣсь причина, почему именно они являются во главѣ каждой цивилизаціи. Бюшезъ дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній объ этомъ ходѣ цивилизаціи, которыя совершенно подтверждаютъ высказанное нами мнѣніе. Прежде всего этотъ ходъ находится въ связи съ логическою дѣятельностію человѣка. Не вдаваясь здѣсь въ подробности, мы остановимся только на нѣкоторыхъ положеніяхъ Бюшеза. Прежде чѣмъ человѣкъ доходитъ до практической дѣятельности, выражающейся въ какомъ-либо актѣ, въ немъ совершается нѣсколько процессовъ. Предварительно совокупность внѣшнихъ ощущеній зарождаетъ въ немъ стремленіе сначала неясное, но послѣ постепенно вырабатывающееся въ опредѣленную *цель*. Здѣсь кончается та часть общаго логическаго процесса, въ которой главнымъ образомъ преобладаетъ чувство. Установленіе цѣли даетъ волѣ большую энергію, заставляетъ человѣка больше сосредоточиваться въ себѣ, выяснить соотношенія этой цѣли съ условіями внѣшняго міра, словомъ, обсудить средства къ ея достиженію: это критическая или чисто-аналитическая работа, переборка отдѣль-

ныхъ фактовъ, частныхъ препятствій, комбинированіе ихъ въ одно цѣлое, сопоставленіе этихъ отрицательныхъ положеній съ положительно-сознаною цѣлью. Въ тѣхъ случаяхъ, когда цѣль торжествуетъ надъ этими отрицательными побужденіями, начинается практическое ея осуществленіе—дѣятельность. Подобные же факты представляетъ и общество. Оно также имѣетъ цѣль, хотя она устанавливается органическимъ ученіемъ, а не вырабатывается изъ ощущеній какъ въ отдѣльномъ человѣкѣ. Она является въ немъ какъ предписаніе нравственно-религіознаго закона. Далѣе, логическій ходъ развитія общества для достиженія этой цѣли совершенно соотвѣтствуетъ тому же процессу въ отдѣльныхъ личностяхъ. Здѣсь даже всѣ эти отдѣльные моменты представляютъ больше раздѣльности, такъ какъ функціи чувства, сознанія и практической дѣятельности, слитыя въ отдѣльномъ человѣкѣ, здѣсь находятъ соотвѣтствующую себѣ организацію. Такъ, религія, искусство, воспитаніе служатъ къ тому, чтобы подготовить человѣчество къ служенію его цѣли. Разуму отдѣльнаго человѣка въ обществѣ соотвѣтствуетъ могущественное установленіе науки; для практическаго осуществленія общественныхъ задачъ мы находимъ экономическія, политическія, административныя установленія.

Сильнѣе аппаратъ, возвышеннѣе цѣль — грандіознѣе результаты. Въ отдѣльной личности чувства, размышленія и дѣйствія состоятъ въ тѣсной связи съ его частною, индивидуальною цѣлью; здѣсь же дѣло идетъ объ общихъ, возвышенныхъ цѣляхъ, и чѣмъ меньше отражаются и на цѣляхъ и на установленіяхъ личное вліяніе и эгоистическія цѣли, тѣмъ совершеннѣе и возвышеннѣе самыя учрежденія. Деспотизмъ никогда не будетъ знать великихъ и блестящихъ установленій свободныхъ странъ. Искусство, теряющее изъ вида общественныя цѣли, говоритъ уже не чувству, а чувственности, изъ руководителя дѣлается слугою массы, или, какъ это было при Людовикѣ XIV, властей предержавшихъ.

Не смотря на то, что всѣ указанныя установленія должны всегда существовать въ каждомъ обществѣ¹⁾, построенномъ на идеѣ раздѣленія труда, однакоже въ порядкѣ историческаго развитія имъ не всегда принадлежала одинаковая роль. Они послѣдовательно смѣняли другъ друга въ дѣлѣ главнаго руководительства обществомъ. Въ первые вѣка органическаго періода, когда общество только-что приняло новос религиозно-нравственное ученіе, оно все отдается наплыву свѣжаго,

¹⁾ См. относит. этого главы: L'Enseignement, la Religion и т. д.

молодаго чувства. Изъ новыхъ вѣрованій черпаетъ оно и свои убѣжденія; на ихъ основаніи строитъ оно свои надежды. Всѣ его силы направлены къ распространенію новыхъ истинъ, вся умственная дѣятельность уходитъ на защиту ученія отъ противоположныхъ ученій и ересей. Культъ и пропаганда являются главнымъ общественнымъ дѣломъ. Иначе и быть не можетъ — необходимо покорить всѣ сердца, измѣнить чувствованія, вдохнуть въ людей новыя стремленія. Вотъ почему въ это время все, что говоритъ чувству, дѣйствуетъ свѣдѣніемъ всѣхъ другихъ общественныхъ установленій. Церкви принадлежитъ первенствующая роль въ этомъ отношеніи. Здѣсь же великое значеніе искусства, которое группируется главнымъ образомъ около основной религіозной идеи. Это синтетическій періодъ искусства, какъ выражается Брюссель. Онъ сходится въ этомъ отношеніи съ О. Контъ. Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ остановиться на оцѣнѣ искусства, сдѣланной Огюстомъ Контъ. Замѣтимъ здѣсь только, что онъ также смотритъ на искусство какъ на средство подготовленія общества къ умственной жизни, въ ту пору, когда вся духовная жизнь его выражается только въ порывахъ чувства, а вся практическая дѣятельность его идетъ на завоеваніе себѣ матеріальныхъ средствъ къ существованію. Идея красоты открываетъ дорогу идеѣ истины. Чѣмъ можно было поддержать духовную жизнь, то-есть, жизнь идей въ средневѣковомъ земледѣльцѣ и ремесленникѣ, какъ не этими изящными образами, этими соборами, этими мадоннами, этою величественною музыкой католическихъ храмовъ? Миннезенгеры и трубадуры необходимо предшествуютъ юристамъ, алхимикамъ, философамъ. Жаль, — скажемъ мы мимоходомъ, — что наши отрицатели искусства не прочли Конта, о которомъ они такъ много писали. Онъ, можетъ-быть, привелъ бы ихъ къ другимъ убѣжденіямъ относительно того времени, когда нужно *вводитъ* искусство, какъ будто можно что-нибудь *ввести* въ духовную жизнь общества. Прежде накормите насъ, а потомъ ведите въ театръ, говорятъ они. Мы не станемъ противорѣчить ихъ личному вкусу. Можно даже наѣсться и вовсе нигуда не пойдти. Но когда рѣчь заходитъ о законахъ исторіи, подобныя возраженія темного помогутъ разъясненію вопроса. Нѣтъ сомнѣнія, что средневѣковая Европа не была особенно богата и часто голодала; но это не помѣшало замѣчательному развитію всѣхъ отраслей искусства, и странное дѣло! ни соборы, ни поэтическія произведенія, ни картины не были произведеніемъ *праздныхъ тысячелѣтій*, а напротивъ, людей народа, которые

много любили и много страдали. Оставляя въ сторонѣ наше „доморощенное отрицаніе“, мы не можемъ не подивиться подобному же мнѣнію, выраженному Гербертомъ Спенсеромъ въ его статьяхъ о воспитаніи. По его мнѣнію (которое, кстати сказать, противорѣчить его же взглядамъ, выраженнымъ въ другихъ мѣстахъ), искусства предназначены для тѣхъ минутъ, когда человекъ *отдыхаетъ*. Таково, по крайней мѣрѣ, то мѣсто, которое онъ отводитъ занятію изящными искусствами въ своей теоріи воспитанія. Извѣстно, что онъ раздѣляетъ всю массу знаній по группамъ, изъ которыхъ каждая должна соотвѣтствовать какой-нибудь потребности человека. Отъ того, какой сравнительно важной потребности удовлетворяетъ извѣстная отрасль знаній, зависятъ и ихъ относительное достоинство. Эта градация, по мнѣнію философа, слѣдующая: знанія, удовлетворяющія потребности самосохраненія, потребности добыванія средствъ къ жизни, потребности исполненія родительскихъ обязанностей, потребности регулированія соціальнаго и политическаго поведенія, и наконецъ, наслажденія искусствами. „Разсмотрѣвъ, говоритъ онъ, какое воспитаніе больше всего подготовляетъ къ удовлетворенію этихъ важнѣйшихъ потребностей, мы должны разсмотрѣть, какое воспитаніе лучше всего подготовляетъ къ различнымъ предметамъ, *не входящимъ сюда*: къ наслажденію природой, литературой и изящными искусствами во всѣхъ ихъ формахъ“. Далѣе онъ сравниваетъ изящныя искусства съ цвѣткомъ соціальной жизни, который во всякомъ случаѣ долженъ уступить мѣсто корнямъ и стволу, на которыхъ онъ выросъ. Наслаждаться можно уже тогда, когда первыя потребности удовлетворены: „Это есть дѣло досуга. Кто не имѣетъ досуга, тотъ не имѣетъ права наслаждаться“. Если бы мы не знали, что эта теорія принадлежитъ Спенсеру, то мы подумали бы, что она создана однимъ изъ учениковъ Мальтуса и написана для откупщиковъ, ростовщиковъ и биржевыхъ игроковъ. Кому же *наслаждаться* какъ не имъ, умѣющимъ беречь свое драгоценное здоровье, прекрасно добывающимъ средства къ жизни, примѣрнымъ отцамъ семейства и отличнымъ гражданамъ Соединеннаго Королевства Великобританіи и... Ирландіи. Но у Спенсера, котораго сочиненія дышатъ любовью къ человеку, это мнѣніе, очевидно, основано на нѣсколько одностороннемъ пониманіи человѣческаго благосостоянія. Онъ, очевидно, не вышелъ изъ сферы индивидуализма. Всѣ цѣли воспитанія устанавливаются имъ исключительно съ индивидуальной точки зрѣнія, и здѣсь онъ совершенно логиченъ. Дайте мнѣ прежде здоровье, потомъ общественное положеніе, потомъ а же-

нюсь, предложу свои услуги избирателямъ, сдѣлаюсь мировымъ судьей, членомъ парламента, шерифомъ, коронеромъ, и въ свободное отъ занятій время буду ходить въ оперу, поѣду въ Италію, буду играть на скрипкѣ. Гдѣ же общество и его великія цѣли? Гдѣ сила общественнаго чувства? Такъ ли создаются граждане, настоящіе дѣятели на пользу общую? Впервыхъ, выше всѣхъ индивидуальныхъ цѣлей стоитъ цѣль общая, выше условій индивидуальнаго совершенствованія—законы общественнаго прогресса. Имѣетъ ли градація, предложенная Спенсеромъ, такое значеніе въ этомъ послѣднемъ отношеніи — это еще вопросъ. Условія самосохраненія, умѣнье добывать средства къ жизни, исполненіе родительскихъ обязанностей только тогда могли бы стоять во главѣ этой іерархіи, если бы человѣкъ, котораго хочетъ воспитывать Спенсеръ, жилъ въ необитаемой степи. Можно подумать, что онъ писалъ инструкцію для новаго Робинзона. Общественность, здраво построенная, до такой степени облегчаетъ удовлетвореніе всѣхъ этихъ потребностей, что они далеко не занимаютъ того верховнаго положенія, какое имъ даетъ авторъ. Между дикаремъ, живущимъ охотой и пуждающимся въ громадныхъ пространствахъ земли, и гражданами цивилизованнаго государства большая разница въ этомъ отношеніи. Общественная гигиѣна и медицинская полиція, сильное развитіе промышленности, возможность для каждаго отдаться какому-нибудь спеціальному занятію, установленіе общественнаго образованія,— все это значительно облегчаетъ достиженіе перваго разряда задачъ воспитанія. Превосходство социальнаго строя передъ изолированнымъ положеніемъ человѣка заключается именно въ томъ, что социальный строй даетъ ему возможность служить болѣе возвышеннымъ цѣлямъ, жить лучшею жизнью, чѣмъ кропотливое добываніе копейки. Задача общества, основаннаго на христіанскомъ ученіи, состоитъ въ томъ, чтобы дать эту возможность наибольшему числу людей. Достигнуть этого, конечно, нельзя иначе, какъ при помощи сильнаго развитія матеріальнаго благосостоянія; но эта забота никакъ не можетъ составить постоянной, высшей задачи общества. Если теперь таково его направленіе, это не значитъ, что оно нормально; напротивъ, оно указываетъ на временную, переходную эпоху. Задача современнаго общества несравненно шире, чѣмъ задачи обществъ прежнихъ: слѣдовательно, шире и разнообразнѣе должны быть и средства. Древнее общество призывало къ умственной жизни только тѣсный кругъ гражданъ. Оно могло успокоиться на рабствѣ. Новое общество ведетъ всѣхъ членовъ одинаково къ политической и умственной жизни: у него нѣтъ

рабства, оно осудило крѣпостное состояніе; оно построено на идеѣ личнаго труда, на томъ понятіи, что каждый долженъ трудиться за себя; понятно, что оно должно завоевать себѣ *средства* для осуществленія этой великой идеи. Но цѣль все-таки — нравственная и умственная жизнь, въ которой искусство занимаетъ такую видную роль. Самъ Спенсеръ называетъ его цвѣткомъ цивилизаціи. Это отчасти ¹⁾ вѣрно. Но почему? Неужели потому, что оно производитъ *волненія* всякаго рода? Неужели потому, что оно *смягчаетъ* нравы, какъ это говорить часто Спенсеръ? Нѣтъ, именно потому, что чрезъ *настоящее* искусство, *истинную* поэзію, человѣкъ начинаетъ отрѣшаться отъ своего чувственнаго, матеріальнаго я, что красота прокладываетъ дорогу истинѣ, что здѣсь начинается связь личности съ обществомъ, что здѣсь выясняются для него общія, великія задачи человечества, что здѣсь готовится онъ служить имъ. Но только готовится. Спенсеръ, сверхъ того, ошибается, опредѣляя отношеніе искусства къ жизни отношеніемъ цвѣтка къ растенію. Оно, пожалуй, вѣрно, если вспомнить, что за цвѣткомъ слѣдуетъ плодъ, что слѣдовательно, послѣ искусства, какъ цвѣтка, долженъ быть какой-нибудь плодъ. Но Спенсеръ смотритъ на этотъ вопросъ съ точки зрѣнія именно любителя цвѣтовъ: для него цвѣтокъ послѣднее выраженіе жизни. Пусть такъ, не будемъ касаться его личныхъ вкусовъ, но дѣло въ томъ, что по отношенію къ искусству это исторически невѣрно. Искусство всегда и вездѣ служило только послѣднимъ выраженіемъ той эпохи, когда чувство было главнѣйшею способностію общества и служило непосредственною ступенью къ чисто-умственной жизни. Наконецъ, задача искусства съ соціальной точки зрѣнія вовсе не есть удовлетвореніе личныхъ вкусовъ, индивидуальное наслажденіе, цекотаніе страстей. Искусство, какъ соціальная сила, есть органъ великихъ идей, лежащихъ въ основѣ данной цивилизаціи, и оно сохраняетъ свое значеніе до тѣхъ поръ, пока служитъ ихъ провозвѣстникомъ; въ ту минуту, когда оно начинаетъ служить *досугомъ, праздношатающимъ*, оно сходитъ съ пьедестала. Хотите ли знать, какая разница между такимъ искусствомъ и искусствомъ Спенсера? Обѣзжайте картинныя галлерей Европы и посмотрите, къ какой эпохѣ относятся лучшія картины, и всякій скажетъ вамъ, что къ той, когда искусство вмѣстѣ съ религіей были во главѣ общественнаго движенія.

¹⁾ Говоримъ: отчасти, потому что умственная жизнь все-таки выше вѣтвической; послѣдняя служитъ частію только приготовленіемъ, частію суррогатомъ первой.

Такое значеніе придаетъ искусству и Бюнезъ. Блестящую эпоху искусства относитъ онъ именно къ періоду преобладанія чувства надъ всѣми другими способностями человѣка. За этою эпохой слѣдуетъ эпоха *научная*. Наука, какъ общественный элементъ, играетъ ту же роль, какъ размышленіе въ отдѣльномъ человѣкѣ. Но и форма и задачи этого *соціального размышленія* выше того же явленія въ сферѣ индивидуальной. Оно имѣетъ въ виду не какой-нибудь отдѣльный актъ, не удовлетвореніе частной потребности, но достиженіе задачи, характеризующей цѣлую эпоху цивилизаціи. Чтобы выполнить эту задачу, наука должна анализировать всѣ понятія, входящія въ составъ этой цивилизаціи. Эпоха исключительнаго господства науки — эпоха безпокойная. Это періодъ теорій, гипотезъ, полемики, изслѣдованій. Всѣ начала извѣстной цивилизаціи провѣряются, подвергаются критикѣ. Ищутся наилучшія общественныя формы, изучаютъ природу и стараются примѣнить ея законы къ общественному строю. Во время великихъ политическихъ движеній, различныхъ попытокъ улучшенія, организаціи и законодательства. Въ теченіе этого научнаго періода мы видимъ борьбу и даже революціи, приводящія общество къ критическому направленію, которое должно господствовать до псанаго примѣненія началъ, возвыщеннаго органическаго ученія.

Этому полному осуществленію задачъ каждой цивилизаціи соответствуетъ особый періодъ — періодъ *практическихъ* стремленій и работъ, направленныхъ къ наиболѣе полному примѣненію началъ, характеризующихъ эту цивилизацію. Въ теченіе этой третьей и послѣдней эпохи всѣ послѣдствія религіозно-нравственнаго ученія перваго эпохи окончательно выражаются въ экономическихъ и политическихъ установленіяхъ. Христіанская цивилизація вступила въ этотъ періодъ послѣ французской революціи. Вотъ чѣмъ объясняется эта *гоньба и учрежденія*, которая такъ не нравилась Конту. Конечно, много въ этомъ отношеніи, какъ мы указали выше, обращаютъ на форумъ больше вниманія, чѣмъ на содержаніе; но это не измѣняетъ сущности дѣла: начала, перевоспитавшія чувство и общественное сознаніе требуютъ себѣ послѣдняго выраженія въ политическомъ и экономическомъ строѣ современной Европы.

Такъ, ходъ цивилизаціи или развитіе челоѣчества переходитъ т логическія ступени, какія представляетъ процессъ развитія идеи и е примѣненія въ отдѣльномъ челоѣкѣ. Вотъ почему каждую ступень каждый періодъ, принадлежащій къ одной и той же цивилизаціи, Бюнезъ называетъ *логическимъ періодомъ* или вѣрнѣе *возрастомъ*.

Изъ того, что въ каждомъ изъ этихъ возрастовъ преобладаетъ одинъ какой-нибудь элементъ, не слѣдуетъ, однако, чтобы въ другихъ они не имѣли значенія. Въ этомъ отношеніи Бюшезъ рѣзко отличается отъ Ф. Конта, который цѣликомъ оставляетъ теологію въ теологическомъ періодѣ и т. д. У Бюшеза каждый возрастъ продолжаетъ дѣло своего предшественника, но характеръ ихъ измѣняется по мѣрѣ приближенія времени практическаго осуществленія цѣлей, установленныхъ религіозно-нравственнымъ ученіемъ, которое поэтому никогда не теряетъ своихъ правъ на верховное положеніе въ обществѣ. Осуществленіе и примѣненіе его началъ остается цѣлю всякой цивилизаціи даже въ то время, когда общество, повидимому, отказывается отъ него и считаетъ истинны, которымъ оно служить, произведеніемъ своего собственнаго ума.

Далѣе, такимъ же образомъ органической и критической періодъ оставляютъ одно цѣлое, ибо въ нихъ развивается одна и та же мысль, только различными путями. Даже самый переходъ органической эпохи въ критическую есть то же прогрессивное движеніе человѣчества, отъ котораго оно не можетъ уклониться ни на минуту. Въ первое время господства новаго ученія дѣло управленія, организаціи общества, слѣдовательно, его прогресса, выпадаетъ на долю людей, наиболѣе проникнутыхъ религіозно-нравственнымъ чувствомъ. Мы видѣли, что въ теченіе этого времени общество посвящаетъ себя пропагандированію, становленію новой организаціи въ противоположность старой, отраженію всѣхъ противныхъ ему ученій, и въ этотъ періодъ, продолжающійся многія столѣтія, управляющіе и управляемые идутъ рука объ руку по пути прогресса. Такъ какъ это движеніе состоитъ въ служеніи идеямъ высшаго нравственнаго порядка, которымъ одинаково подчинены и народы и правительства, такъ какъ правительства стоятъ во главѣ этого движенія, то очень понятно, что прогрессъ совершается здѣсь а priori, то-есть, подъ господствомъ сильнаго систематическаго ученія, подчиняющаго себѣ всѣ общественныя силы.

Черезъ нѣсколько времени правительства, по ученію Бюшеза, уклоняются отъ своего прогрессивнаго назначенія. Это уклоненіе можетъ завязѣть отъ различныхъ причинъ, но главнѣйшимъ образомъ оно оказывается тогда, когда общественныя элементы перерастаютъ правительственную форму и требуютъ другой, при которой было бы возможно дальнѣйшее движеніе, между тѣмъ какъ правительства, въ силу общечеловѣческой логики, принимаютъ вышнее условіе, способствовавшее прогрессу, за самый прогрессъ, форму за содержаніе. Къ этому при-

соединяется и желаніе сохранить руководящую роль даже въ такихъ дѣлахъ, которыя временно были связаны съ задачами извѣстнаго правительства, но не соотвѣтствуютъ его прямому назначенію. Такъ, папство считало свѣтскую власть, соединенную съ духовною въ рукахъ первосвященника, вслѣдствіе феодальной неурядицы, не только за постоянную задачу римскаго престола, но даже за главнѣйшій его атрибутъ, прерогативу; поэтому, начиная съ XIV столѣтія, папы, не замѣчая образованія самостоятельныхъ національностей, усиленія свѣтской власти, видѣли въ этомъ временныя, скоропроходящія попытки мятежа и стали систематически противодѣйствовать каждому прогрессивному движенію, совершавшемуся не въ той формѣ, къ какой издавна привыкло папство. Изъ общественной прогрессивной силы они постепенно сходили на степень индивидуально-консервативнаго явленія. То же самое было съ французскими королями, когда они, освободивъ низшіе классы, стали служить своимъ эгоистическимъ цѣлямъ.

Прогрессивное движеніе, однако, не останавливается, но принимаетъ другую форму и получаетъ другую исходную точку. Въ періодѣ органическомъ общество и правительство дѣйствовали подъ вліяніемъ непосредственныхъ величій религіозно-нравственнаго ученія; безотчетное служеніе имъ, подъ верховнымъ руководствомъ власти — вотъ задача такого періода. Въ такія времена слово первосвященника могло посылать сотни тысячъ на смерть въ Палестину. Но какъ только власть уклоняется отъ своей прогрессивной задачи, какъ только апріористическія начала отождествляются съ ретроградными, а это бываетъ всегда, потому что общество подобно правительству смѣшиваетъ форму съ содержаніемъ, напримѣръ, папство съ христіанствомъ, — исходною точкой, мотивомъ прогрессивнаго движенія становится личный, индивидуальный интересъ, частное недовольство тѣми или другими явленіями старой организаціи. Такъ, индивидуально-эгоистическое стремленіе въ одной сферѣ вызываетъ такое же направленіе въ другой. Отождествленіе формы съ началами въ обѣихъ сферахъ и задерживаніе развитія началъ во имя сохраненія формы въ одной сферѣ отзываются нападеніемъ на начала во имя разрушенія ненавистной формы. Есть и еще одно обстоятельство, на которое Бюшезъ мало обратилъ вниманія, именно, что успленіе эгоистическихъ стремленій въ обѣихъ сферахъ одинаково ведетъ къ подчиненію этихъ началъ органической эпохи индивидуальнымъ интересамъ, слѣдовательно, и тамъ, и здѣсь одинаково возводитъ разумъ на степенъ судінъ всѣхъ принциповъ ученія. Папство, вступившее на ретроградную дорогу, заслонило смыслъ

христіанскаго ученія цѣлою массою разныхъ толкованій и комментариевъ, кипой схоластическихъ тонкостей, такъ что времена первыхъ реформаціонныхъ попытокъ, и особенно великой реформаціи, не знали непосредственно ученія христіанства; этимъ объясняется та энергія, съ которой они стремились возвратить себѣ похищенное у нихъ сокровище. Гуссъ, требовавшій чашы, Лютеръ—евангелія, хотѣли перешагнуть черезъ эту схоластическую пропасть, отдѣлявшую ихъ отъ „Источника живой воды“. Вотъ почему православіе свѣжо и сильно до сихъ поръ; оно всѣмъ даетъ пить изъ этого источника истины и правды и не убиваетъ вѣры бездушнымъ силлогизмомъ. Итакъ, реформація была попыткой нравственнаго возрожденія общества чрезъ возвращеніе къ первобытной простотѣ ученія. Но понятно, что результаты далеко не соответствовали намѣренію. Личный интересъ, индивидуальная критика, ставшіе точкою отправления, отразились на этихъ результатахъ. Общество, проникнутое этими мотивами, стремилось преимущественно къ практическимъ цѣлямъ: все дѣйствительно отвлеченное было ему уже не по силамъ. Вслѣдствіе этого догматическая сторона ученія была уже слабѣе въ протестанствѣ, чѣмъ въ католицизмѣ. Это, какъ думаетъ Бюшезъ, происходило не отъ того, что въ протестанствѣ началось отрицаніе догматовъ; напротивъ, оно стремилось возсоздать ихъ въ первобытной чистотѣ, но не могло оно, будучи само порожденіемъ схоластики и индивидуально-критическаго духа, вызванное индивидуально-ретрограднымъ направленіемъ римскаго престола, выполнить это дѣло. Его работа осуществилась только по отношенію къ *нравственному ученію*, какъ практическому выраженію догматовъ, которые сильно видоизмѣнились. Таковы, по мнѣнію Бюшеза, результаты всякаго практическаго движенія при самомъ его началѣ; вотъ почему во всякой цивилизаціи онъ видитъ свои *протестантизмы* и даже прямо называетъ ихъ этимъ именемъ, прославленнымъ великою эпохой германской реформаціи. Они состоятъ въ видоизмѣненіи религіозныхъ формулъ и сохраняютъ въ полнотѣ только нравственную сторону ученія. Отсюда моральный ригоризмъ протестантскихъ церквей. Но дѣло отрицанія, начавшееся съ критики догмы, на этомъ не останавливается. Оно продолжаетъ свое дѣло, которое состоитъ въ томъ, что нравственное ученіе постепенно освобождается отъ высшей санкціи догматовъ и вслѣдствіе этого теряетъ свою общность и возвышенность, ограничиваясь сферою формальныхъ человѣческихъ отношеній. Наконецъ, философское систематическое отрицаніе догматовъ окончательно отдѣляетъ нравственное ученіе отъ религіознаго и стремится дать имъ

чисто-научную основу. Это послѣдняя ступень каждой цивилизаціи, не пришедшей еще въ упадокъ. Такимъ образомъ, ни протестантство, ни философія не создаютъ въ дѣлѣ нравственнаго ученія ничего новаго: они имѣютъ смыслъ и жизнь только до тѣхъ поръ, пока они завѣдомо или невольно сохраняютъ связь съ великимъ ученіемъ органическаго періода. Въ его они не имѣютъ смысла. Бываютъ времена, когда нравственность, въ смыслѣ общаго ученія, утрачиваетъ свое значеніе не только какъ прогрессивная общественная сила, но и какъ совокупность правилъ индивидуальной дѣятельности. Это бываетъ тогда, когда всѣ учрежденія, всѣ реформы, всѣ улучшения, предвозвѣщенные ею, уже осуществились. Въ такомъ состояніи она можетъ еще служить началомъ охранительнымъ, но не прогрессивнымъ. Таково было состояніе нравственнаго ученія древности во времена Цицерона. Когда общество дошло до этого предѣла, оно готово уступить мѣсто высшей цивилизаціи, которая откроется высшимъ религіозно-нравственнымъ ученіемъ.

Таковы законы, управляющіе, по мнѣнію Бюшеза, прогрессивнымъ движеніемъ человѣчества, таково его ученіе о прогрессѣ вообще. Оно состоитъ въ связи со всѣми ученіями, которыя можно назвать теоріями *органическаго развитія*, тѣми системами, для которыхъ столько сдѣлали Контъ и Спенсеръ въ сферѣ социальныхъ наукъ. Эта теорія научаетъ насъ въ прошедшемъ любить настоящее, въ настоящемъ будущее, въ будущемъ всю сумму идей, управляющихъ нашею цивилизаціей. У такой науки нѣтъ слова осужденія ни прошедшему за то, что оно не было настоящимъ, ни настоящему за то, что оно еще не будущее. Скромное изученіе законовъ развитія, подчиненіе имъ — вотъ ея задача, вотъ прямой результатъ этой теоріи. Къ ней можно примѣнить слова Тиндаля объ индуктивномъ изслѣдованіи, приведенныя Спенсеромъ. Такая наука „требуется терпѣливаго прилежанія и *смирнаго, сознательнаго* принятія откровеній природы. Первое условіе успѣха есть *честная* воспримчивость и готовность оставить всѣ предвзятые понятія, противорѣчащія истинѣ, какъ бы дороги они ни были. Повѣрьте мнѣ, въ частныхъ изслѣдованіяхъ истиннаго служителя науки перѣдко высказывается такое благородное самоотреченіе, о которомъ свѣтъ понятія не имѣетъ“.

Но сходясь въ практическихъ результатахъ, эти теоріи все еще представляютъ лишь разрозненныя части великаго цѣлага, которое создастъ изъ нихъ будущее. Теорія Спенсера рѣзко отличается отъ ученія Бюшеза и Конта, а объ послѣднія теоріи представляютъ много несход-

наго между собою. Теорія Спенсера, безъ сомнѣнія, есть одна изъ удачнѣйшихъ попытокъ приложить къ соціологіи выводы естествознанія. Она даетъ теоріи прогресса новую научную поддержку. Но исчерпываетъ ли она все содержаніе этого ученія — это еще вопросъ. Сколько намъ кажется, соотношеніе между организаціей и разрушеніемъ не установлено Спенсеромъ достаточно полно и противорѣчитъ историческимъ фактамъ. Читатели, знакомые съ трудами Спенсера, припомнятъ, что главнымъ условіемъ прогресса онъ выставляетъ переходъ отъ однороднаго къ разнородному, отъ простаго къ сложному. Эту мысль онъ проводитъ по всѣмъ отраслямъ человѣческой дѣятельности, указывая на осуществленіе въ прогрессѣ политическихъ учрежденій, въ музыкѣ, поэзіи, наукѣ и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что эта теорія въ общихъ чертахъ вѣрна и съ дальнѣйшимъ развитіемъ знаній подтвердится большимъ количествомъ фактовъ. Но что эти условія далеко не единственныя, это ясно и теперь и также подтвердится съ дальнѣйшими успѣхами историческихъ наукъ. Если принять вполнѣ теорію Спенсера, то выйдетъ, что разрушеніе и организація происходили одновременно, что разрушеніе было именно усложненіемъ прежняго однообразнаго строенія, прежнихъ простыхъ формъ, что выдѣлявшіеся элементы тотчасъ принимали соотвѣтствующую имъ организацію, при чемъ они имѣютъ даже больше стройности и самый организмъ получаетъ больше единства и системы. Предшествующее дифференцированіе и послѣдующее слитіе частей, вотъ этотъ законъ, данный зоологіей, сравнительною анатоміей и физиологіей. Соціальный организмъ не знаетъ, слѣдовательно, эпохъ, предназначенныхъ преимущественно къ организаціи, и эпохъ, отличающихся разрушительнымъ направленіемъ. Происхожденіе одного изъ другаго непрерывнымъ дифференцированіемъ и интегрированіемъ частей — непрерывная организація, непрерывное разрушеніе — вотъ теорія Спенсера. Это сосуществованіе и одновременное развитіе критическаго и органическаго элементовъ въ обществѣ вѣрно на столько, на сколько вообще вѣрно положеніе, что въ одномъ періодѣ человѣческаго развитія нѣтъ и не можетъ быть ничего такого, чего бы не было, хотя въ зародышѣ, *in posse*, въ періодѣ предыдущемъ. Но подобное сосуществованіе элементовъ не исключаетъ возможности и даже необходимости послѣдовательнаго преобладанія каждаго изъ нихъ. Мы видѣли, какъ по теоріи Бюшса, подтверждаемой всѣми историческими фактами, были періоды, знавшіе преобладающее вліяніе чувства, затѣмъ научно-критическихъ стремленій, и наконецъ, стремленій практическихъ. Тѣ же

самые историческіе факты подтверждаютъ существованіе эпохъ, гдѣ преобладало какое-нибудь органическое строеніе, и періодовъ, отличавшихся господствомъ разрушительныхъ стремленій. „Вслѣдствіе необходимости, столь же очевидной, сколько и печальной, говоритъ О. Контъ, необходимости, присущей нашей слабой природѣ, переходъ отъ одной социальной системы къ другой не можетъ совершаться непосредственно и непрерывно. Переходъ этотъ предполагаетъ, что по крайней мѣрѣ, нѣсколько поколѣній переживутъ періодъ междуцарствія болѣе или менѣе анархическаго, котораго характеръ и продолжительность зависятъ отъ объема и трудности задачъ новой организациі. Въ такія времена весь прогрессъ сводится на постепенное разрушеніе стараго, уже потрясеннаго въ своихъ существенныхъ основаніяхъ зданія.“ Мы не знаемъ, до какой степени теорія непрерывнаго развитія, выставленная Спенсеромъ, согласуется съ выводами естественныхъ наукъ, но съ точки зрѣнія наукъ историческихъ начала Конта и Бюшеза кажутся намъ болѣе состоятельными.

Не менѣе отличаются выводы Бюшеза и отъ теоріи Конта. По мнѣнію послѣдняго, органическое ученіе каждой новой эпохи заключаетъ въ себѣ тѣ элементы, которые послужили къ разрушенію стараго порядка, и дѣйствительно-прочная организациія новаго зависитъ отъ возможно полнаго разрушенія стараго. Такъ, осуществленіе началъ позитивизма требуетъ полнаго уничтоженія теологическихъ преданій и метафизическихъ пріемовъ. Положительнымъ въ каждомъ періодѣ становится только то, что было отрицаніемъ, элементомъ разрушительнымъ въ старомъ. Сколько намъ кажется, это невѣрно даже по отношенію къ отдѣльнымъ цивилизациямъ. Даже между такими противоположными цивилизациями, какъ христіанская и древняя, есть необходимая органическая связь, не только въ томъ смыслѣ, что одна вышла изъ другой, но и въ томъ, что многія *положительныя, органическія начала одной остались такими же положительными, органическими началами другой.* Тѣмъ менѣе возможно допустить это въ отношеніи къ различнымъ періодамъ одной и той же цивилизациі. Въ ней положительныя начала остаются неизмѣненными уже потому, что одинъ періодъ не въ состояніи исчерпать собою всего ихъ содержанія. Ученіе Бюшеза устанавливаетъ болѣе общую связь между всѣми элементами цивилизациі, даетъ имъ больше стройности, болѣе выясняетъ ихъ общую цѣль. Нечего и говорить, что оно больше скрѣпляетъ связь между положительною наукой и религіей данной цивилизациі, слѣдовательно, вноситъ въ цивилизацию больше жизненныхъ началъ, ибо

религія и наука суть самая жизнь. Оно, слѣдовательно, ближе къ тому идеалу науки, который такъ прекрасно опредѣленъ Спенсеромъ въ его опытахъ о воспитаніи и который такъ мѣтко выраженъ въ словахъ Гексли, приведенныхъ тѣмъ же авторомъ. Вотъ эти слова: „Истинная наука и истинная религія близнецы, и разлученіе ихъ непремѣнно поведетъ къ смерти обоихъ ¹⁾“. Наука процвѣтаетъ именно пропорціонально ея религіозности, а религія процвѣтаетъ именно пропорціонально научной ея глубинѣ и твердости ея основъ. Великія дѣянія философовъ были плодомъ не столько ихъ ума, сколько направленія, приданнаго этому уму существенно религіознымъ тономъ мысли. Истина подалась больше ихъ терпѣнію, любви, добродушію, самоотверженности, чѣмъ тонкости ихъ логики“.

Въ чемъ же должны состоять начала этой новой, положительной науки объ обществѣ и государствѣ, на основаніи всѣхъ предыдущихъ соображеній?

Прежде всего необходимо отказаться отъ нѣкоторыхъ основныхъ положеній, оставленныхъ древностью новой политической наукой. Изъ предыдущаго изложенія можно уже предвидѣть, какія это положенія. Мы должны оставить предположеніе, что родъ человѣческій осужденъ на вѣчное круговращеніе въ сферѣ однихъ и тѣхъ же явленій. Его назначеніе, напротивъ, вѣчное движеніе впередъ, и мы называемъ зломъ все, что въ данную минуту останавливаетъ или отклоняетъ его отъ этого пути. Древніе, дагѣе, допускали неподвижность формъ, неподвижность извѣстныхъ даже породъ. На этомъ основаніи они, во-первыхъ, дробили человѣчество на столько совершенно отдѣльныхъ тѣлъ, сколько было политическихъ обществъ; каждое государство являлось у нихъ совершенно изолированнымъ цѣлымъ во все время отъ своего зарожденія до разрушенія; они допускали существованіе натуръ, предназначенныхъ къ свободѣ и цивилизаціи, къ варварству и даже къ рабству; всѣ временныя различія они возводили въ принципъ, освящали всѣ индивидуализаціи, называемыя теперь ихъ учениками породами, расами. Бюнезъ, напротивъ, утверждаетъ, что родъ человѣческій составляетъ одно цѣлое, котораго части связаны солидарностію. Отдѣльныя политическія общества суть только органы человѣчества. Что касается до различій, замѣчаемыхъ между ними, то причина ихъ заключается въ относительномъ положеніи этихъ обществъ на общемъ имъ всѣмъ пути прогресса, — положеніи, которое зависить или отъ

¹⁾ И прежде, и скорѣе всего къ смерти науки, скажемъ мы отъ себя.

историческихъ, или отъ физическихъ условій, вліяніе которыхъ должно смягчиться съ успѣхами цивилизаціи. Аристотель говоритъ, что въ политическомъ обществѣ форма правленія все; для новой науки эта форма только средство достигнуть цѣли, составляющей обязанность продолжать прогрессивное движеніе общества. Аристотель доказываетъ, что форма правленія есть выраженіе нравственныхъ качествъ гражданъ: отсюда вышла гнусная теорія, что каждый народъ имѣетъ только то, что онъ заслуживаетъ — фраза, которую можетъ сказать или презрѣніе къ человѣчеству или временное отчаяніе. Здравая наука утверждаетъ, что первая задача правительства есть постепенное воспитаніе гражданъ къ лучшей политической формѣ.

Ясно, что здѣсь придется разрушить много установившихся теорій. Ясно, что для солиднаго доказательства вѣрности всѣхъ положеній, высказанныхъ Бюнезомъ въ разныхъ его сочиненіяхъ, въ приложеніи къ социальнымъ вопросамъ, нужно еще много специальныхъ аргументовъ, глубокой анализъ всѣхъ социальныхъ и государственныхъ явленій. Для такой науки недостаточно одной теоріи прогресса. Вопервыхъ, въ обществѣ, какъ организмѣ, не всѣ установленія должны быть предназначены для служенія прогрессу, подобно тому какъ въ организмѣ отдѣльнаго человѣка не всѣ органы предназначены для движенія. Есть институты, на которыхъ этотъ прогрессъ долженъ отражаться, которые лучше всего могутъ служить мѣриломъ степени общественнаго развитія, но которые сами по себѣ не могутъ и не должны играть руководящей роли въ прогрессивномъ движеніи, такъ какъ ихъ задача чисто охранительная, какъ, на примѣръ, семья, собственность, судъ. Въ вторыхъ, если общество движется, то куда оно движется, и какъ выслѣдить это направленіе, и какъ овладѣть этимъ стремленіемъ, чтобы довести его до желанной цѣли?

Другими словами: какъ складывается общество, при какихъ условіяхъ оно движется впередъ, въ чемъ состоитъ это движеніе, кто является его руководителемъ, при какихъ условіяхъ руководитель можетъ выполнить свою задачу? Всѣмъ этимъ разнообразнымъ вопросамъ Бюнезъ посвятилъ два тома, внимательный разборъ которыхъ составитъ содержаніе слѣдующей статьи.

А. Градовскій.

ОПЫТЪ ИСТОРИИ СОСТОЯНІЯ ГОРОДСКИХЪ ОБЫВАТЕЛЕЙ ПРИ ПЕТРЪ ВЕЛИКОМЪ.¹⁾

III.

Въ дѣятельности Петра Великаго, по отношенію къ устройству состоянія городскихъ обывателей, обозначаются два направленія. До учрежденія коллегій и магистратовъ, какъ и во времена предшествовавшія, заботы правительства были направлены къ тому, чтобы опредѣлить положеніе торгово-промышленныхъ людей въ государствѣ соотвѣтственно ихъ значенію и характеру ихъ промысла, и тѣмъ устранить причину недоборовъ государевыхъ доходовъ, которая заключалась въ условіяхъ ихъ общественнаго положенія, не благопріятствовавшихъ занятію свободными промыслами „непашенныхъ“ людей. Поэтому преобразования этого періода дѣятельности великаго царя клонились къ тому, чтобы удовлетворить тѣмъ требованіямъ, которыя не разъ заявлялись торгово-промышленными людьми, какъ необходимое условіе для того, чтобы государевы доходы увеличивались и собирались безъ всякихъ недоимокъ.

Исходною точкою и цѣлью такихъ преобразованій былъ непосредственный интересъ казны. Такое одностороннее направленіе выразилось, напримѣръ, въ томъ, что въ Сибири, гдѣ, по малонаселенности городовъ и бѣдности посадскихъ, сборъ государевыхъ доходовъ не могъ быть возложенъ на ихъ отвѣтственность, а за недоборы отвѣчали назначенные изъ русскихъ городовъ таможенные и кабацкіе головы, правительство сочло излишнимъ эмансипировать торгово-промышленныхъ людей, и право, усвоенное русскимъ посадскимъ и чернослободскимъ уѣзднымъ общинамъ, вѣдаться во всѣхъ дѣлахъ своими выборными, не было распространено на сибирскіе города: во главѣ управленія тамъ по прежнему остались воеводы²⁾.

¹⁾ См. сентябр. и октябрьскую книжки *Журн. Мин. Нар. Просв.* на 1867 г.

²⁾ Полн. Собр. Закон. № 1708.

Исключительное преслѣдованіе финансовыхъ цѣлей было вообще характеристическою чертой традиціонной политики Московскихъ государей, и Петръ въ дѣлѣ устроенія торгово-промышленнаго состоянія, соотвѣтственно непосредственнымъ выгодамъ правительства, довершилъ только то, что начали его предшественники. Независимо отъ личной энергіи преобразователя, причиною, побудившею его къ скорѣйшему и окончательному огражденію торгово-промышленныхъ людей отъ всякихъ притѣсненій со стороны воеводъ и приказныхъ, была особенна нужда въ денежныхъ средствахъ, какія требовались въ то время для веденія войнъ, предпринятыхъ имъ съ цѣлью завладѣть морскимъ побережіемъ и приобрѣсть Россіи мѣсто въ ряду европейскихъ державъ.

Такимъ образомъ, не смотря на иностранныя названія бурмистровъ и ратуши, самое содержаніе новыхъ учреждений опредѣлилось потребностями времени и было органическимъ продуктомъ народнаго развитія.

Съ учрежденіемъ магистратовъ и коллегій, или лучше, со времени второй поѣздки Петра за границу, задачею внутренней политики преобразователя становится возбужденіе промышленной производительности и торговой дѣятельности въ странѣ. Исходною точкою и цѣлью предпринимаемыхъ въ этомъ отношеніи мѣръ остаются по прежнему интересы внѣшней политики; но заботы о денежныхъ выгодахъ не устраниваютъ заботъ о возбужденіи торговли и промышленности посредствомъ благоустройства городовъ.

Занявъ мѣсто въ ряду европейскихъ державъ, Россія должна была удержать и упрочить его за собою. Но бороться съ цивилизованными народами, не заимствовать отъ нихъ тѣхъ средствъ, которыя давали имъ несомнѣнный перевѣсъ, было бы не подъ силу полу-азиатскому государству. Средства эти заключались въ высшемъ техническомъ и промышленномъ развитіи западно-европейскихъ государствъ. Для того, чтобы не быть въ этомъ отношеніи въ постоянной зависимости отъ новыхъ сосѣдей, русскому правительству необходимо было искусственно создать занятія, которыя естественно не требовались тою степенью социальнаго развитія, на которой стоялъ въ то время внутренній бытъ государства. Въ этомъ новомъ дѣлѣ начинателемъ былъ самъ Петръ. Образцомъ для него былъ западно-европейскій бытъ, съ которымъ ему приходилось ознакомить Русскихъ. Народъ могъ поддержать царя въ его начинаніяхъ только безусловнымъ послушаніемъ: совѣта отъ него въ этомъ новомъ дѣлѣ не требовалось, и онъ не могъ бы и дать его.

Въ видахъ предстоявшей задачи — „мануфактуры и купечество размножить“, на русскую почву были механически перенесены средства покровительства и регламентаціи торговли и промышленности и формы сословнаго самоуправления, выработанныя подъ вліяніемъ чуждыхъ Россіи историческихъ условий.

Безъ сомнѣнія, такое дѣленіе не можетъ быть принято за абсолютное. Рѣзкаго перехода отъ политики непосредственнаго увеличенія государственнаго прирѣдка къ благоустройственной не было въ дѣйствительности.

Двумя указами 30-го января 1699 года осуществилось, наконецъ, желаніе торгово-промышленныхъ людей, чтобы по городамъ воеводы ихъ ни въ чемъ не вѣдали, заявленное ими еще на соборѣ 1642 года, и приведено въ исполненіе давно задуманное дѣло устройства приказа, который бы одинъ вѣдалъ торговыхъ людей судомъ и управою.

Характеръ новыхъ учрежденій и цѣль ихъ вполне опредѣляются въ самыхъ этихъ указахъ, а именно: второй изъ нихъ предоставляетъ посадскимъ и уѣзднымъ промышленнымъ людямъ, — буде они хотять, чтобы воеводы въ мірскихъ, расправныхъ и челобитчиновыхъ дѣлахъ и сборахъ государевыхъ доходовъ ихъ не вѣдали, а всѣ такого рода дѣла подлежали вѣдомству самихъ общинъ и земскихъ избъ, — выбрать въ такія избы межъ себя людей добрыхъ и правдивыхъ, „а за тое Его Великаго Государя къ нимъ милость и призрачїе, что они отъ воеводъ и отъ приказныхъ людей въ обидахъ и въ налогахъ и въ поборахъ и во взяткахъ будутъ свободены, они посадскіе, и купецкіе, и промышленные, и уѣздные люди, всякіе Его Величества Государя окладные повсягодные сборы, которые съ нихъ были напередъ сего, въ Его Великаго Государя казну платили противъ прежняго окладу вдвое на Москвѣ по высылкамъ мірскихъ своихъ выборныхъ людей, безъ воеводскихъ и приказныхъ людей высылку, на указные сроки по вся годы сполна безъ доимки, а на Москвѣ принимать у нихъ тѣ доходы указано будетъ гостямъ и торговымъ выборнымъ же людямъ безо всякаго волокиты и убытку“¹⁾.

Пріемъ доходовъ, собираемыхъ съ государевыхъ торгово-промышленныхъ людей, и контроль надъ сборомъ и доставкой ихъ были возложены на учрежденіе, устроенное подобно земскимъ избамъ для управленія городскою Московскою общиною; это учрежденіе названо было Бурмистрскою палатою и должно было быть въ то же время цен-

¹⁾ Полн. Собр. Закон. № 1675.

тральнымъ финансовымъ установленіемъ и высшею судебною инстанціей по розыскнымъ и расправнымъ дѣламъ посадскихъ и купеческихъ людей всего государства. Въ указѣ объ устройствѣ Бурмистрской палаты, переименованной вскорѣ за тѣмъ въ ратушу, читаемъ: „Извѣстно Ему, Великому Государю, учинилось, что имъ гостямъ и гостинныя сотни и всемъ купецкимъ и промышленнымъ людямъ во многихъ ихъ приказныхъ и разныхъ чиновъ отъ людей въ торгахъ ихъ и во всякихъ промыслахъ чинятся имъ большіе убытки и разореніе, а иныя отъ того торговъ и промысловъ своихъ отбыли и оскудѣли, а Его Великаго Государя съ нихъ окладныя многіе доходы учинились въ доимкѣ, а пошлиннымъ сборамъ и инымъ поборамъ большіе недоборы, вслѣдствіе всего этого Государь, милосердствуя къ нимъ гостямъ гостинной сотни, кушцамъ и чернослободцамъ, указалъ ихъ всехъ во всякихъ челобитчиковыхъ, расправныхъ и купецкихъ дѣлахъ и сборахъ вѣдать въ одной учрежденной въ Москвѣ изъ выборныхъ отъ всехъ Московскихъ сотенъ и слободъ Бурмистрской палатѣ“¹⁾.

Изъ всего этого мы видимъ, какъ мы уже и выше сказали, что мотивомъ установленія управленія горожанъ и чернослободцевъ на началахъ автономическихъ былъ правительственный расчетъ, въ тѣсномъ значеніи этого слова; поэтому тамъ, гдѣ устраненіе воеводъ отъ вмѣшательства въ дѣла промышленныхъ общинъ не вело прямо къ увеличенію государевыхъ доходовъ, или не согласовалось съ ближайшими, непосредственными правительственными выгодами, прежнія отношенія воеводъ къ городамъ и промышленнымъ слободамъ не были измѣнены. Такъ, въ Сибири воеводы продолжали смотрѣть за присылаемыми изъ Москвы и другихъ русскихъ городовъ таможенными и кабацкими головами. То же самое было, вѣроятно, и въ другихъ отдаленныхъ краяхъ, какъ можно заключить изъ того, что въ Астрахани сборщики таможенного и кружечнаго двора продолжали подавать свои отчетныя книги для повѣрки въ Приказную палату, и воевода имѣлъ право смѣнить таможенного голову²⁾.

Поводомъ къ такому неблагопріятному для торгово-промышленныхъ людей изъятію была, безъ сомнѣнія, отдаленность Сибирскаго края и Каспійскаго поморья отъ Москвы. Согласно съ характеромъ новыхъ учрежденій, существенною ихъ стороной было строгое подчиненіе мѣстнаго управленія контролю центрального установленія, которое въ свою очередь состояло подъ непосредственнымъ надзоромъ

¹⁾ Полн. Собр. Закон., № 1674.

²⁾ Полн. Собр. Закон., № 1792, 29.

и контролемъ правительства. Контроль центральнаго учрежденія надъ мѣстнымъ управленіемъ, съ устраненіемъ воеводъ, не имѣлъ постоянныхъ областныхъ органовъ, поэтому былъ основанъ на опредѣленныхъ правилахъ отчетности, которая затруднялась дальностью разстоянія. Еще при старыхъ порядкахъ въ 1698 году изданъ былъ именной указъ о сборѣ таможенной пошлины въ сибирскихъ и поморскихъ городахъ. Въ немъ мы встрѣчаемъ извѣстіе, что въ Сибири оказались большія злоупотребленія и недоборы вслѣдствіе именно того, что за дальностью разстоянія таможенные книги въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не могли повѣряться въ Москвѣ¹⁾.

Земскія избы, какъ учрежденіе, замѣнившее воеводъ, предписано было устроить по городамъ. Засѣдавшіе въ нихъ назывались земскими бурмистрами. Число ихъ не было опредѣлено, а предоставлено было на волю выбирающимъ. Земскимъ бурмистрамъ указывалось: собирать и доставлять въ Москву въ опредѣленные сроки всѣ доходы, какіе прежде собирались съ горожанъ и чернослободцевъ въ Приказную избу; отдавать съ торговъ на оброкъ и на откупъ доходные статьи и сборы; смотрѣть за тѣмъ, чтобы торгово-промышленные люди и иногородные торговцы не промышляли въ городѣ, не платя податей, и не торговали безпошлинно; надзирать за производствомъ таможенныхъ сборовъ и распродажею питей и преслѣдовать корчемство; наконецъ, на нихъ же возлагалось производство работъ на земскія средства, какъ то: постройка тюремъ, торговыхъ банъ и т. д., и завѣдываніе отправленіемъ земскихъ повинностей. Прежніе общинные выборные, завѣдывавшіе дѣломъ податныхъ сборовъ и раскладокъ, какъ то: земскіе старосты, сотскіе и десятскіе, были поставлены въ зависимость отъ земскихъ бурмистровъ.

Къ производству питейной продажи и къ таможеннымъ сборамъ предписано было ставить въ городахъ и селахъ ежегодно выбираемыхъ присяжныхъ кабацкихъ и таможенныхъ бурмистровъ. Надъ ними также указано было надсматривать земскимъ бурмистрамъ и общинѣ, ихъ выбравшей. Въ случаѣ недобора окладныхъ или неокладныхъ доходовъ отвѣчали бурмистры и земскіе люди, приставившіе ихъ къ сборамъ государевыхъ доходовъ²⁾. Эта гарантія круговой отвѣтственности, которая составляла основу общиннаго самоуправленія, была такимъ выгоднымъ для правительства условіемъ относительно сбора доходовъ, что оно налагало на отвѣтственность торгово-промышлен-

¹⁾ Полн. Собр. Закон. № 1654.

²⁾ Полн. Собр. Закон. № 1697, 1686, ст. 11, 1704, 1819, 1895, 1955, 2127.

ныхъ общинъ даже такіе сборы, которые по существу своему не требовали компетентности въ торгово-промышленномъ дѣлѣ. Такъ, въ 1706 году, когда изъ опыта прежнихъ лѣтъ правительство убѣдилось въ томъ, „что многіе въ большихъ городахъ изъ людей приказныхъ, а въ меньшихъ и самые воеводы къ приумноженію пошлинъ съ писанія крѣпостныхъ актовъ чинили нерадѣніе“ и своими злоупотребленіями наносили ущербъ государевой казнѣ, сборъ этотъ переданъ былъ въ вѣдомство бурмистровъ съ тѣмъ, что если впредь окажутся недоборы, то они будутъ взысканы съ земскихъ бурмистровъ и съ лучшихъ посадскихъ людей¹⁾. Въ таможенныхъ, кромѣ собственно торговыхъ пошлинъ, взимался, напримѣръ, такой сборъ, какъ хомутный, которымъ ямщики окупали право промышлять извозомъ²⁾. Наконецъ, правительство находило выгоднымъ поручать выборнымъ цѣловальникамъ такіе промыслы, какіе прежде состояли на откупѣ. Такъ, въ 1707 году учреждена была казенная продажа дегтю, коломази, мѣлу, рыбьего жиру и сала, которая прежде отдавалась на откупъ, и производить ее указано было слободскимъ цѣловальникамъ подъ надзоромъ бурмистровъ³⁾.

Въ дѣлахъ сбора и доставки въ Москву государевыхъ доходовъ и въ производствѣ расходовъ земскія пзбы и бурмистры подлежали по закону самому строгому контролю Бурмистрской палаты. Правила отчетности и отвѣтственности были въ этомъ отношеніи весьма обстоятельно опредѣлены.

Для доставки отчетныхъ книгъ, вѣдомостей и денежныхъ суммъ установлены были опредѣленные сроки. Стрѣлецкій и оброчный сборы съ описаніемъ оброчныхъ статей и съ подробною пошлинною росписью, сколько съ кого и какихъ именно поборовъ взято, должны были доставляться въ палату ежегодно. Кабацкіе и таможенные бурмистры подавали въ земскую пзбу еженедѣльные отчеты по сборамъ таможенныхъ и кабацкихъ доходовъ; изъ такихъ отчетовъ земскіе бурмистры составляли мѣсячныя вѣдомости, которыя представлялись своевременно на разсмотрѣніе Бурмистрской палаты. Съ 1703 года введены были новыя правила отчетности и контроля по этимъ сборамъ: таможеннымъ и кабацкимъ бурмистрамъ указано было имѣть дестевыя тетради, скрѣпленныя по листамъ земскими бурмистрами, и въ нихъ записывать подневно всякіе приходы и расходы. По такимъ тетрадямъ земскіе бур-

¹⁾ Полн. Собр. Закон. № 2099.

²⁾ Полн. Собр. Закон. № 1816.

³⁾ Полн. Собр. Закон. № 2153.

мистры составляли свои мѣсячныя вѣдомости; кромѣ того для повѣрки ихъ должны были по временамъ особые ревизоры изъ Москвы. Въ дѣла уѣздныхъ, таможенныхъ и кабацкихъ бурмистровъ, за которыхъ отвѣчали сельскія общины, ихъ выбравшія, земскіе бурмистры непосредственно не вступались, но должны были, подъ страхомъ пени, доводить до свѣдѣнія палаты о всякихъ съ ихъ стороны злоупотребленіяхъ и дѣйствовать въ этихъ случаяхъ по ея указанію; это, впрочемъ, нисколько не исключало уѣздныхъ бурмистровъ отъ общей для всѣхъ ихъ обязанности подавать отчеты въ земскую избу по тѣмъ же правиламъ, какія установлены были для посадскихъ.

Собранныя таможенные пошлины и питейный доходъ предписано было доставлять въ Москву въ ноябрѣ, мартѣ и маѣ мѣсяцахъ. По окончаніи каждаго года таможенные и кабацкіе головы сами должны были являться въ Москву съ своими отчетными книгами, скрѣпленными по листамъ земскими бурмистрами, и съ остаточными суммами въ мѣшкахъ за печатью земской избы. Представленные отчеты повѣрялись въ палатѣ, и если оказывалась недоимка, то она тамъ же съ нихъ и взыскивалась; но если, послѣ мѣсяца стоянія на правожѣ, они продолжали отговариваться, что имъ въ Москвѣ пополнить недочетовъ не чѣмъ, то ихъ высылали на мѣсто жительства и предписывали земскимъ бурмистрамъ взыскать недоимку съ имущества, какое за ними тамъ окажется; буде же такого не ставало для пополненія числа долга на сборникахъ долга, или виновные укрывались отъ платежа, то слѣдующее съ нихъ взыскивалось съ общины, ихъ выбравшей. Если при повѣркѣ отчетовъ бурмистры показывали, что недобранныя деньги числятся по книгамъ на комъ-нибудь изъ жителей подвѣдомственнаго имъ округа и что они не успѣли ихъ съ нихъ взыскать, за скоростью высылки къ отчету, то ихъ отпускали за порукою и съ обязательствомъ доставить такой недоборъ въ опредѣленный срокъ; но если дѣло было спорное, то недоимка, безъ дальнѣйшаго разбора дѣла, взыскивалась съ самихъ бурмистровъ ¹⁾.

Такая же строгая отчетность и отвѣтственность примѣнялись и ко всѣмъ другимъ сборамъ, предоставленнымъ въ вѣдомство бурмистрамъ. Такъ, въ 1705 году велѣно было кабацкимъ бурмистрамъ продавать табакъ, и собранныя деньги вмѣстѣ съ отчетами, „со особымъ подобіемъ питейныя продажи питейныя вѣдомости“, присылать изъ городовъ въ Москву ²⁾.

¹⁾ Полн. Собр. Закон. №№ 1697, 1813, 1816, 1865, 1922, 1777.

²⁾ Полн. Собр. Закон. № 2045.

Въ случаѣ недоставки сборовъ къ законами опредѣленнымъ срокамъ, бурмистры подлежали уплатѣ пени въ десять процентовъ всей суммы дохода.

Подряды и поставки на кружечный дворъ должны были совершаться съ вѣдома и за свидѣтельствомъ земскихъ бурмистровъ. Всякіе расходы и выдачи денегъ производились земскими избами только по указамъ Бурмистрской палаты, или ратуши, какъ она потомъ называлась ¹⁾.

И позволилъ себѣ съ мелочною и утомительною подробностью изложить правила отчетности бурмистровъ по дѣламъ сборовъ, потому что строгій контроль центрального учрежденія надъ мѣстнымъ управленіемъ составлялъ существеннѣйшую сторону новаго устройства торгово-промышленнаго состоянія. Воеводы могли быть удалены отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла посадскихъ и чернослободскихъ общинъ безъ ущерба для государственной казны только подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ ихъ надзоръ былъ замѣненъ контролемъ другаго какаго-либо учрежденія, непосредственно зависящаго отъ правительства. Такимъ установленіемъ, долженствовавшимъ замѣнить по отношенію къ мѣстному управленію непосредственный надзоръ воеводы, явилось центральное учрежденіе, устроенное на тѣхъ же началахъ, какъ и управленіе общинъ; очевидно, что оно могло выполнять свое назначеніе только подъ условіемъ опредѣленныхъ правилъ отчетности и строгой опредѣленности отношеній къ нему мѣсть и лицъ, ему подвѣдомственныхъ.

Достигали ли, при условіяхъ того времени, установленныя мѣры контроля своей цѣли, — это уже другой вопросъ, на который можно отвѣчать только отрицательно.

Самоуправство, лѣность и низкія понятія о нравственности и гражданскомъ долгѣ, которыя допускали даже самыхъ высокопоставленныхъ лицъ грабить казну безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, — эти наслѣдственные болѣзни русскаго общества того времени парализировали и извращали самыя цѣлесообразныя по своей идеѣ учрежденія. Установленныя правила контроля далеко не выполнялись.

Въ октябрѣ 1705 года Курбатовъ, назначенный инспекторомъ ратушскаго правленія, доносилъ государю, что „не точю сначала состоянія ратуши, но еще съ 206 года, съ котораго имъ то чинить велѣно, книгъ Московскія таможи по сей годъ въ ратушу не взято и

¹⁾ Полн. Собр. Закон. № 1697.

бурмистры не считаны и премногая есть доимка, въ чемъ усмотрѣлъ я, что ихъ милость бурмистры другъ другу тяготы носятъ“. „Въ городахъ отъ бурмистровъ“, продолжаетъ онъ дальше, „премногія явились кражи Вашей казны, и въ розыскахъ бурмистры говорили, объявляя о черныхъ сборахъ книгахъ, которыхъ не подаютъ въ ратушѣ, а подаютъ бѣлыя, написавъ какъ хотятъ съ великимъ уменьшеніемъ, и во всѣхъ городахъ такія книги есть, которыя ужъ многія и вынуты“¹⁾... Самыя средства, предпріятыя противъ злоупотребленій, служили только къ ихъ прикрытію; такъ, частая подача вѣдомостей и отчетовъ обращала дѣло контроля въ бесполезное выполненіе формальностей. „И въ нынѣшнихъ вѣдомостяхъ бурмистры паче сборовъ пекутся о вѣдомостяхъ“, говоритъ Посошковъ о питейномъ сборѣ, „да и нельзя имъ не такъ дѣлать, потому что приказные люди преступленіемъ на нихъ того спрашиваютъ, чтобы въ вѣдомостяхъ писали именно, колко въ недѣлю какого нитя продано и колко какого нитя въ другую недѣлю осталось и на сколько цѣною? Гляди, мѣсяцъ пройдетъ, то пакн всѣ водки сличаютъ, и въ таковыхъ вѣдомостяхъ бурмистры, оставя дѣло, да за вѣдомостями трудятся. Такія вѣдомости надлежитъ писать годовыя, ради подлиннаго извѣстія счету послѣ года, а не понедѣльно“²⁾.

Но зло заключалось главнымъ образомъ не въ недостаткахъ учрежденія, а въ нравственной несостоятельности общества.

Воровство бурмистровъ и самоуправныя дѣйствія ихъ не могли быть сдержаны никакими внѣшними мѣрами тѣмъ болѣе, что этихъ самыхъ мѣръ невозможно было осуществить.

Въ 1700 году таможенные бурмистры подали свои счетныя книги, при ревизіи которыхъ оказалось, что они давали торговымъ людямъ выписи въ платежѣ пошлинъ, не занося этого въ книги³⁾. Въ слѣдующемъ году гость Иванъ Исаевъ подалъ царю челобитную, что Брянскіе земскіе и таможенные бурмистры задерживали его людей, которыхъ онъ посылалъ для покупки и промѣна на соль пеньки, и отнимали у нихъ товаръ, „и отъ того ихъ насилія Великаго Государя казнѣ недоборъ, а имъ въ торгѣ помѣшательство“⁴⁾.

Въ 1706 году Курбатовъ писалъ государю: „За городскими бурмистры премногое воровство чрезъ мое бѣднаго усердіе сыскано: въ

¹⁾ Исторія Россіи Соловьева. Т. XVI, стр. 6, 7.

²⁾ Сочин. Ивана Посошкова, Гл. IX, стр. 237.

³⁾ Полн. Собр. Закон. № 1816.

⁴⁾ Полн. Собр. Закон. № 1880.

одномъ Ярославлѣ украдено съ 40.000 рублей. На Псковичей: Никифора Ямскаго и Михайла Супрунова съ сыномъ и на иныхъ лучшихъ людей говорятъ, что во времена точію Шведской войны украдено ими пошлинъ и питей продажи съ 90.000 рублей и больше¹⁾.

Обычай разбавлять напитки и обманывать покупателей табаку и водки въ мѣрѣ и вѣсѣ былъ такъ распространенъ въ Россіи, что это доходило даже до свѣдѣнія иностранныхъ дипломатическихъ агентовъ при Русскомъ дворѣ²⁾.

За выборъ въ бурмистрскую должность платили какъ за доходное мѣсто. Такъ, Венецкіе посадскіе люди произвольно устранили своихъ выборныхъ таможенныхъ и кабацкихъ бурмистровъ за то, что они имъ ничего не дали, и опредѣлили къ отправленію этихъ службъ новыхъ лицъ, которые заплатили имъ за это 120 рублей³⁾.

Контроль центрального учрежденія надъ мѣстнымъ общиннымъ управленіемъ былъ бы еще болѣе затруднителенъ, если бы Московской палатѣ приходилось для этого вступать въ непосредственныя сношенія съ каждымъ отдѣльнымъ городомъ; поэтому вслѣдъ за изданіемъ указовъ 30-го января 1699 года, правительство озабочилось образовать посредствующія инстанціи между отдѣльными посадами и Московскою центральною палатой. Съ этою цѣлью менѣе значительные города были приписаны къ такимъ городамъ, какъ Новгородъ, Псковъ и другіе. Бурмистрамъ этихъ послѣднихъ городовъ указано было надсматривать за приписными земскими, таможенными и кабацкими бурмистрами и быть во всякихъ дѣлахъ посредниками между ними и бурмистрскою палатою, для того, какъ объяснялось въ указѣ, чтобъ изъ Москвы въ приписные города и уѣзды ни за чѣмъ не посылать⁴⁾.

Если правительство не добирало своихъ доходовъ вслѣдствіе небросовѣстности земскихъ выборныхъ, то худшимъ и среднимъ земскимъ людямъ приходилось въ свою очередь переносить всякаго рода притѣсненія и обиды со стороны лучшихъ посадскихъ людей.

Во времена до-Петровскія, въ случаѣ жалобъ бѣднѣйшихъ членовъ общины на самоуправство лучшихъ людей, правительство обыкновенно давало предписаніе воеводѣ не попускать ихъ въ обиду послѣднимъ. Съ тѣхъ поръ, какъ самостоятельность общиннаго управ-

¹⁾ Исторія Россіи Соловьева. Т. XVI, стр. 8.

²⁾ Маркизь де-ла-Шетарди въ Россіи, стр. 81.

³⁾ Полн. Собр. Закон. № 1722.

⁴⁾ Полн. Собр. Закон. № 1706.

ленія была расширена, случаи утѣсеній худшихъ и среднихъ людей лучшими должны были значительно увеличиться. Никакихъ легальныхъ препоновъ къ тому не было въ самомъ учрежденіи общины. Въ какой мѣрѣ различные классы земства имѣли право принимать участіе въ общинныхъ дѣлахъ, кто долженъ былъ подавать голосъ при выборахъ въ общинныя должности и къ отправленію земскихъ службъ, кто принималъ участіе въ составленіи мірскихъ раскладовъ и въ повѣркѣ отчетовъ, которые подавались выборными сборщиками въ земскую избу, законъ этого въ подробностяхъ не опредѣлялъ, возлагая вообще всѣ такого рода дѣла на общину.

Правительство въ интересахъ собственной выгоды стояло только на томъ, чтобы къ сборамъ и въ отвѣтственныя должности выбирались люди состоятельные, съ которыхъ возможно было бы взыскать недоборъ, и чтобы община смотрѣла за своими выборными и отвѣчала за нихъ. Такъ какъ значеніе и взаимное отношеніе различныхъ классовъ въ общинѣ не были опредѣлены закономъ, то относительное положеніе ихъ установилось силою естественнаго преобладанія людей богатыхъ надъ бѣднѣйшими, не сдержанною регулирующею силою искусственной организаціи. Вся власть сосредоточилась въ рукахъ лучшихъ людей, и они пользовались своимъ значеніемъ въ видахъ личной корысти на счетъ менѣе состоятельныхъ членовъ общины.

18-го декабря 1706 года объявленъ былъ именной указъ, въ которомъ читаемъ: „Вѣдомо Ему Великому Государю учинилось, что *едва ли не во всѣхъ городахъ*, въ окладныхъ тяглыхъ и въ случающихся неокладныхъ, и на мірскіе расходы поборахъ налагаютъ пожиточные, пользуя себя, на убогихъ (безъ всякой скудости ихъ торговыхъ промысловъ разсмотрѣнія) платежи тяжкіе, яко забывъ Его Государевы указы, которые указы повелѣваютъ имъ всегдашнее во всякихъ поборахъ съ разсмотрѣніемъ промысловъ и торговъ и пожитковъ имѣти уравненіе; въ иныхъ же городахъ, то объявленное въ указахъ по разсмотрѣнію пожитковъ предлагаютъ они пожиточные (чѣмъ тѣмъ указамъ противленіе) въ новое убогимъ же тягчайшее уравненіе, именно, отставя имущество пожитковъ, равняютъ въ уровнѣхъ съ собою подати числомъ дворовымъ, а такіи числами дворовъ имъ убогимъ злая обиды случалось имъ чинить и во времена солдатъ, работниковъ и подводныхъ поборовъ. И чтобы иные поборы и всякія подати были собираемы по древнему, съ расположеніемъ каждаго въ пожиткахъ имущества, обычаю, многое въ городахъ земскихъ бурмистромъ отъ убогихъ было прошеніе, но они, вѣдая о себѣ, что и сами они изъ числа

первостатейныхъ же, указу имъ не чинили, инымъ же изъ нихъ бурмистровъ за такія о правдахъ прошенія, забывъ Божій и Его Государевъ страхъ, производили въ тюрьмахъ задержаніемъ и чрезъ инныя наказанія, озлобленія, отъ которыхъ многіе изъ числа убогихъ вышли въ стороны городовъ⁴.

Такимъ образомъ интересы государственной казны необходимо требовали, чтобы взаимное отношеніе составныхъ элементовъ общины въ дѣлѣ управленія было регулировано закономъ и преобладаніе денежной силы было сдержано формальными гарантіями. Въ видахъ этого предписано было на будущее время выбирать сборщиковъ окладной подати и другихъ доходовъ всею общиною и выборъ ихъ утверждать подписью лучшихъ и убогихъ людей. Для повѣрки счетовъ указано было также выбирать съ общаго согласія особыхъ присяжныхъ изъ лучшихъ, среднихъ и младшихъ членовъ общины, а общиннымъ сборщикамъ и раскладчикамъ подавать имъ для повѣрки ежемѣсячныя отчетныя вѣдомости. Списки такихъ выборныхъ вмѣстѣ съ перечневими выписками мірскихъ расходовъ должны были доставляться въ Москву¹).

Переходя отъ финансоваго значенія земскихъ избъ и общины къ судебной власти земскихъ бурмистровъ, мы должны предварительно замѣтить, что такъ какъ главною цѣлью новаго учрежденія было увеличеніе доходовъ казны, то въ памятникахъ того времени мы находимъ гораздо болѣе законодательныхъ опредѣленій относительно сбора этихъ доходовъ и отчетности по дѣламъ сборовъ, чѣмъ относительно установленія порядка суда и круга подсудности. Дѣло суда не было установлено на такихъ же подробно и точно изложенныхъ основаніяхъ, какъ дѣло финансоваго контроля.

Въ качествѣ судей земскимъ бурмистрамъ указано было вѣдать кунеческихъ людей и чернослободцевъ во всѣхъ ихъ расправныхъ и челобитчиковыхъ дѣлахъ, то-есть, по дѣламъ гражданскимъ²). Въ случаяхъ жалобъ посадскихъ людей на бѣломѣстцевъ, бурмистры рѣшали дѣло сообща съ приказными. Свои челобитныя о изысканіи долговъ съ бѣломѣстцевъ, и вообще по торговымъ дѣламъ, торгово-промышленные люди могли подавать въ земскія избы и въ ратушу, а по другимъ дѣламъ должны были искать въ тѣхъ приказахъ, суду которыхъ подлежалъ отвѣтъчикъ. Если при производствѣ розыска бурмистрами по дѣламъ, подлежащимъ ихъ подсудности, оказывался замѣшаннымъ бѣломѣстецъ, то имъ дозволялось задерживать его „противъ

¹) Полн. Собр. Закон. № 2127.

²) Полн. Собр. Закон. № 1704.

того какъ велѣно къ розыскнымъ сыщикамъ отдавать посадскихъ людей“¹⁾).

Когда учреждены были ландраты, посадскимъ указано было подавать свои челобитныя на крестьянъ ландратамъ, а крестьянамъ на посадскихъ Бурмистрамъ. Если бы кто изъ ландратовъ или бурмистровъ несправедливо обидѣлъ ту или другую изъ тяжущихся сторонъ, то обиженному предоставлялось бить на него челомъ мѣстному губернатору²⁾).

Отношеніе мѣстной юрисдикціи къ судебной власти центрального учрежденія не было точно опредѣлено закономъ. По словамъ указа объ учрежденіи Бурмистерской палаты, ей было въ общихъ выраженіяхъ предоставлено вѣдать посадскихъ и купеческихъ людей во всякихъ ихъ расправныхъ, челобитчиковыхъ и купеческихъ дѣлахъ и по расправѣ, чинить праведъ, наказаніе и казни. Далѣе въ другомъ указѣ весьма не ясно выражено, что суду палаты, кромѣ розыскныхъ и расправныхъ дѣлъ, касающихся торгово-промышленныхъ людей Москвы и ея уѣзда, подлежали также дѣла, которые или не входили въ кругъ вѣдомства земскихъ бурмистровъ, или не могли быть ими рѣшены по чему-либо другому, или наконецъ, переходили въ палату апелляціоннымъ порядкомъ. „А вѣдать ихъ въ расправныхъ дѣлахъ и доходахъ тѣхъ городовъ выборнымъ бурмистрамъ... а изъ городовыхъ бурмистровъ и всѣхъ купеческихъ чиновъ людей во всемъ вѣдать Московскимъ бурмистрамъ“.

Мы знаемъ только, что жалобы воеводъ на бурмистровъ и горожанъ, такъ какъ по такого рода дѣламъ розыскъ производился Московскими бурмистрами, подавались въ Бурмистерскую палату. Жалобы бурмистровъ и посадскихъ на воеводъ и бѣломѣстцевъ подавались въ приказы, суду которыхъ подлежали отвѣтчики, но въ судѣ принимали участіе и Московскіе бурмистры³⁾).

Кругомъ какихъ дѣлъ ограничивалось вѣдомство городскихъ бурмистровъ и было ли какое-нибудь ограниченіе въ этомъ отношеніи, это трудно разяснить на основаніи тѣхъ немногихъ данныхъ, которые находятся въ Полномъ Собраніи Законовъ. Весьма вѣроятно, что по старому порядку, земскимъ бурмистрамъ предоставлено было на личное усмотрѣніе рѣшать, по какимъ дѣламъ они „указу учинить не могутъ“.

¹⁾ Полн. Собр. Закон. №№ 1808, 1819. ст. 3, 4.

²⁾ Полн. Собр. Закон. № 2879.

³⁾ Полн. Собр. Зак. № 1704.

Изъ того ужь, что органомъ общиннаго самоуправленія предназначено было быть избѣ, состоящей изъ нѣсколькихъ бурмистровъ, а не одному какому-либо должностному лицу, мы можемъ заключать, что царь съ самаго начала намѣревался придать новому учрежденію коллегіальный характеръ; это намѣреніе окончательно опредѣлилось тѣмъ, что указомъ 1-го сентября 1699 года велѣно было Московскимъ бурмистрамъ вершить всякія дѣла съ общаго совѣта, и тѣ изъ нихъ, въ которыхъ вопросъ шелъ о суммѣ болѣе чѣмъ во сто рублей, подписывать всѣмъ, а другія менѣе значительныя бумаги одному только изъ бурмистровъ¹⁾.

Обратимся теперь къ судьбамъ центрального органа самоуправления торгово-промышленнаго состоянія. Онъ былъ устроенъ на тѣхъ же началахъ, какъ и мѣстное общинное самоуправленіе посадскихъ людей. Въ указѣ 30-го января 1699 года предписано было гостямъ, гостинной сотнѣ и всѣмъ другимъ сотнямъ и слободамъ выбрать изъ себя въ палату „сколько похотятъ добрыхъ и правдивыхъ людей“, а изъ нихъ одному сидѣть въ ней по мѣсяцу президентомъ. Составъ и кругъ вѣдомства новаго учрежденія былъ опредѣленъ въ этомъ указѣ только въ общихъ чертахъ. Это вызвало со стороны гостей запросныя статьи о подробнѣйшемъ уясненіи состава и вѣдомства палаты, которыя они и подали въ разрядъ.

Въ этихъ статьяхъ на первомъ планѣ стояла просьба, чтобы государь повелѣлъ выбрать въ бурмистры четырехъ человекъ изъ гостей, четырехъ изъ гостинной сотни и четырехъ изъ всѣхъ остальныхъ сотенъ²⁾. Но давать такой перевѣсъ гостямъ и гостинной сотнѣ не было въ разчетахъ правительства. Оно старалось сгладить слѣды привилегій, установившихся во времена удѣльных и при иныхъ условіяхъ утратившихъ свой смыслъ, а давать предпочтительное значеніе гостямъ не было въ этомъ случаѣ никакого дѣйствительнаго основанія. Лучшіе люди черныхъ сотенъ и городскіе посадскіе люди несли тѣ же общинныя и отъѣзжія службы, какъ и гости, съ тою только разницею, что послѣдніе, какъ сравнительно болѣе состоятельные, посылались въ головы къ болѣе значительнымъ сборамъ, какъ напримѣръ въ Архангельскѣ³⁾. Торговые люди гостинной сотни выбирались также въ земскія должности, на ряду съ другими посадскими людьми. Такъ, торговаго человека гостинной сотни Федора Быкова

¹⁾ Полн. Собр. Закон. № 1696.

²⁾ Полн. Собр. Закон. № 1683.

³⁾ Полн. Собр. Закон. №№ 1708, 1687.

велѣно было выбирать въ службы въ Каргополь¹⁾, изъ чего можно заключить, что члены гостинной торговой корпораціи, избавленные въ прежнее время отъ службъ по выбору тяглыхъ людей, утратили эту привилегію и стали приписываться службами къ тяглымъ общинамъ. Поэтому-то, не смотря на представленіе гостей „о томъ, что въ гостинномъ чинѣ необходимо учинить прибавку“, правительство не нашло нужнымъ увеличивать ихъ числа и предписало быть у новаго дѣла торговымъ людямъ всѣхъ сотень и слободъ и выбирать бурмистровъ всѣмъ городскимъ обществомъ сообща²⁾, а именно, указомъ 17-го апрѣля того же года опредѣлено было ставить въ кандидаты на бурмистерскую должность отъ каждой сотни и слободы, исключая слободъ не болѣе какъ въ 30 дворовъ, по одному выбранному. Изъ такихъ кандидатовъ указано было всѣмъ сотнямъ и слободамъ сообща выбирать лучшихъ 12 человекъ въ бурмистры, такъ чтобы въ теченіе года каждый изъ нихъ могъ быть въ свою очередь президентомъ³⁾. Для веденія приходо-расходныхъ книгъ, согласно съ представленіемъ о томъ гостей, указано было быть при палатѣ подьячимъ по выбору бурмистровъ, и для выемки корчменныхъ нитей и разныхъ разсылокъ—солдатамъ. На предложеніе гостей давать подьячимъ, состоящимъ при палатѣ, жалованье отъ казны, „чтобы ихъ работа была истинная и къ корыстямъ неприхотная“, послѣдовало рѣшеніе давать имъ казенное жалованье только въ теченіе перваго года ихъ службы, а впредь положить кормиться имъ съ дѣлъ. Такимъ образомъ непосредственный интересъ казны перевѣсилъ интересъ торговыхъ людей, потому что онъ-то собственно и былъ исходною точкою и причиною заботливости правительства о томъ, „чтобы купечимъ и промышленнымъ людямъ отъ приказныхъ разныхъ чиновъ убытковъ и раззоренія не было“.

Въ качествѣ высшей инстанціи и центрального учрежденія, Бурмистерской палатѣ указано было надзирать за производствомъ податныхъ и промысловыхъ регальныхъ сборовъ, какіе шли въ казну отъ городскихъ и уѣздныхъ торгово-промышленныхъ общинъ, и за своевременною доставкою ихъ въ Москву, принимать собранныя деньги и повѣрять представляемыя отчетныя вѣдомости и книги. вмѣстѣ съ передачею такого дѣла въ исключительное вѣдомство новаго учрежденія, всѣмъ другимъ приказамъ предписано было передать въ палату

¹⁾ Полн. Собр. Закон. № 1715.

²⁾ Полн. Собр. Закон. №№ 1683, 1686, ст. 1.

³⁾ Полн. Собр. Закон. № 1685.

всѣ указы прежнихъ дѣтъ, относящіеся къ таможенному и кабацкому дѣлу, и всѣ счетныя выписи всѣхъ таможенъ и кабаковъ. Изъ собранныхъ денегъ палата выдавала на расходы въ другіе приказы.

Посредствующимъ органомъ между палатою, какъ центральнымъ органомъ автономическаго сословнаго управленія, и правительствомъ, олицетворяющимъ идею государственнаго единства былъ поставленъ приказъ Большой казны. Бурмистры вносили въ этотъ приказъ остаточныя суммы, и отслуживъ свой годъ, представляли ему перечневые списки прихода-расходныхъ книгъ. О выдачѣ изъ палаты денегъ по требованію приказовъ и о другихъ важнѣйшихъ дѣлахъ указано было бурмистрамъ докладывать по воскресеньямъ самому государю.

О значеніи Бурмистрской палаты, какъ судебной инстанціи, мы ужь говорили; намъ остается только добавить, что кромѣ вышеисчисленныхъ дѣлъ, въ кругъ ея подсудности входило разбирательство по жалобамъ иноземцевъ на русскихъ купцовъ, которое прежде производилось Посольскимъ приказомъ¹⁾.

На Бурмистрскую палату, въ видахъ увеличенія государственныхъ доходовъ, возложено было собирать свѣдѣнія объ экономическомъ состояніи посадскихъ поселеній. Подчиненныя ей мѣста обязаны были доставлять вѣдомости объ оброчныхъ статьяхъ и о торговыхъ людяхъ: о томъ, какими промыслами они промышляютъ, какія подати платятъ и не причиняютъ ли имъ бѣломѣстцы обидъ и утѣсненій.

Но Бурмистрская палата не была только центральнымъ учрежденіемъ: она завѣдывала въ Москвѣ мѣстнымъ управленіемъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ другихъ городахъ и уѣздахъ земскія избы²⁾, съ тою только разницею, что въ Москвѣ, какъ въ столицѣ, социальныя условія и требованія были сравнительно сложнѣе и шире, а потому и самая дѣятельность общины и бурмистровъ была многообразнѣе. Такъ какъ въ Москвѣ можно было допустить самостоятельную земскую полицію, то Московскіе торговые люди по ихъ челобитью были въ 1700 году изъяты изъ вѣдомства посылаемыхъ изъ Стрѣлецкаго приказа объѣзжихъ; отправленіе же полицейскихъ службъ, обыкновенно возлагаемыхъ на объѣзжихъ головъ, было возложено на выборныхъ старостъ и десятскихъ, которые прежде состояли въ распоряженіи объѣзжихъ³⁾, тогда какъ въ другихъ городахъ смотрѣть за тѣмъ,

¹⁾ Полн. Собр. Закон. №№ 1674. 1683, 1686.

²⁾ Полн. Собр. Закон. № 1697.

³⁾ Полн. Собр. Закон. №№ 1787, 1689.

чтобы на посадѣ и въ уѣздѣ разбоя, татбы и инаго никакого воровства не было, указано было воеводамъ¹⁾. Забота объ охраненіи города отъ огня также была возложена по городамъ на восводъ, въ распоряженіи которыхъ состояло по этому дѣлу извѣстное количество посадскихъ и служилыхъ людей. Мѣры, предписываемыя воеводскими наказами, въ видахъ береженія отъ пожаровъ, состояли въ запрещеніи топить въ лѣтнее время въ посадскихъ избахъ и баняхъ и ходить по ночамъ съ огнемъ; на крышахъ домовъ указывалось содержать кадки съ водою и вѣнниками²⁾. Въ Москвѣ пожарная полиція была организована въ особое учрежденіе еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Въ каждой улицѣ и переулкѣ для береженія отъ огня и отъ воровъ приписаны были рѣшетчатые прикащики и сторожа; отъ каждой десяти дворовъ должны были являться на пожаръ по одному человѣку съ рогатинами, крюками и водоливными трубами³⁾.

Такимъ образомъ, установившаяся форма сословно-общиннаго самоуправления обладала свойствомъ растяжимости, необходимымъ условіемъ прочности учрежденія. Въ основаніи ея лежалъ широкій принципъ государственнаго тягла. Съ развитіемъ жизни расширился и кругъ дѣлъ, которыя правительство, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, находило болѣе цѣлесообразнымъ „положить на крестьянскія души“ земскихъ людей.

Такъ, напримѣръ, въ Москвѣ, какъ въ столицѣ, улицы были вымощены, и требовалось наблюдать за поддержаніемъ мостовой въ надлежащемъ видѣ и за содержаніемъ улицъ въ чистотѣ; поэтому въ 1709 году велѣно было выбрать во всѣхъ улицахъ и переулкахъ для досмотра помета и мостовыхъ бревенъ особыхъ десятскихъ; если противъ чьего-нибудь двора изъ мостовой будутъ бревна выломаны или покрадены или какой навозъ, мертвечина и пометъ лявится, то все это очищать и краденныя изъ мостовыхъ бревна замачивать хозяевамъ, противъ чьихъ дворовъ пометъ и краденныя бревна лявятся; ослушниковъ въ первый разъ бить батогами, во второй тоже бить батогами и брать съ нихъ пени по 5 рублей, въ третій бить кнутомъ и брать пени по 10 рублей⁴⁾.

Въ первый же годъ своего существованія Бурмистрская палата

¹⁾ Полн. Собр. Закон. № 1738, ст. 16.

²⁾ Смотри воеводскіе наказы.

³⁾ Полн. Собр. Закон. № 6, 1693.

⁴⁾ Полн. Собр. Закон. № 2225.

была переименована въ ратушу¹⁾. Подъ этимъ новымъ своимъ названіемъ Бурмистрская палата осталась вообще въ прежнемъ своемъ составѣ и при прежнемъ кругѣ вѣдомства²⁾. Частныя измѣненія, состоявшія въ томъ, что тотъ или другой сборъ включался въ кругъ ея вѣдомства, или переходилъ изъ-подъ надзора ратуши въ подвѣдомственность другаго какого-либо центрального учрежденія, вытекали изъ такихъ же частныхъ соображеній и опредѣлялись случайнымъ и временнымъ разчетомъ.

Въ XVII вѣкѣ, какъ мы говорили въ предыдущей главѣ, къ приказамъ „для приказнаго строенія“ приписывались города съ ихъ доходами или извѣстныя отрасли доходовъ. Съ учрежденіемъ Бурмистрской палаты положено было „гостей и гостинныя сотни и всѣхъ Московскихъ сотенъ и слободъ посадскихъ и купецкихъ и промышленныхъ людей и чернослободцевъ въ приказахъ судьямъ и приказнымъ людямъ, гдѣ они напередъ сего судомъ и всякими расправными и челобитчиковымъ и купецкими дѣлами и службами и всякими поборы были вѣдомы... впредь въ тѣхъ приказахъ не вѣдать“; но принятое начало ужь и тогда, какъ кажется, не устраняло нѣкоторыхъ исключеній. Выборные списки земскихъ бурмистровъ указано было доставлять въ тѣ приказы, къ которымъ города были приписаны; слѣдовательно, связь иногородныхъ посадскихъ общинъ съ различными приказами не была окончательно разорвана.

Изъ указовъ 1701 и 1704 годовъ мы заключаемъ, что за Конюшеннымъ приѣздомъ, напримѣръ, остался доходъ съ городскихъ торговыхъ бань, который онъ отдавалъ на откупъ или предоставлялъ сбору бурмистровъ³⁾. Начало полной независимости посадскихъ общинъ по отношенію къ приказамъ не выдерживалось и въ послѣдствіи. Въ 1700 году деньги на мощеніе улицъ въ Москвѣ, которыя прежде собирались ратушею, стали поступать въ Стрѣлецкій приказъ⁴⁾. До 1707 года сборы съ мастеровыхъ и рабочихъ людей, съ лавочныхъ сидѣльцевъ, съ торговыхъ площадей, привальная и отвальная пошлина, пошлины съ продажи скота и кожъ, съ квасныхъ и укусныхъ сусленыхъ промысловъ поступили во вновь учрежденную канцелярію медоваго сбора, а съ этого года стали собираться въ ратушу и отъ нея уже передались въ Ингерманландскую главную кан-

¹⁾ Полн. Собр. Закон. № 1718.

²⁾ Полн. Собр. Закон. №№ 1731, 1819, 1865, 1922, 2220....

³⁾ Полн. Собр. Закон. №№ 1853, 1954.

⁴⁾ Полн. Собр. Закон. № 1789.

целярію¹⁾. Другіе приказы по старому вступались въ дѣла имъ не подвѣдомственные и противозаконно взимали поборы, которые по закону состояли въ исключительномъ завѣдываніи ратуши. Такъ, въ 1705 году Курбатовъ доносилъ государю: „Десятя деньги собираютъ мимо ратуши въ разныхъ приказахъ, отчего торговымъ людямъ не безъ утѣсненія“²⁾.

Однимъ словомъ, когда по челобитью Москвы и городовъ, велѣно было въ 1707 году стольникамъ, дворянамъ и подъячимъ осмотрѣть и переписать городскіе дворы, лавки и всякія ремесленныя заведенія съ показаніемъ доходности ихъ и тягла на нихъ лежащаго, то въ инструкціи, имъ данной, упоминается о доходахъ, которые шли съ этихъ дворовъ и оброчныхъ мѣстъ въ ратушу, и о другихъ, которые собирались приказами³⁾.

Мы сказали выше, что Бурмястрская палата, по первоначальному плану этого учрежденія, была поставлена подъ контроль приказа Большой казны. Другихъ памятниковъ такого отношенія палаты къ приказу не сохранилось въ указахъ и законодательныхъ постановленіяхъ, собранныхъ въ Полномъ Собраніи Законовъ. По первоначальному начертанію, контрольныя средства приказа были ограничены формальною провѣркою перечневыхъ вѣдомостей, которыя подавались отслужившими свой годъ бурмистрами. Эта гарантія, очевидно, не въ состояніи была предохранить правительство отъ своекорыстныхъ уклоненій и нерадѣнія самостоятельно поставленныхъ органовъ самоуправленія торгово-промышленнаго состоянія въ дѣлѣ соблюденія государевыхъ выгодъ.

Въ 1705 году недостатокъ этотъ былъ пополненъ тѣмъ, что установлена была правительственная ревизія надъ самою ратушею въ формѣ особой центральной, непосредственно контролирующей должности инспекторовъ ратушнаго управленія. Къ отправленію этихъ должностей назначены были извѣстный государевъ прибыльщикъ, дьякъ Алексѣй Курбатовъ и другіе, поставленные ему въ товарищи. Инспекторамъ ратушкаго правленія поручена была ревизія ратуши „со всеми ея околичностями“ и непосредственная провѣрка служебной дѣятельности выборныхъ сборщиковъ по городамъ. Если при этомъ кто-либо изъ бурмистровъ оказывался неблагонадежнымъ, то имъ предписано было приставлять къ нимъ „кого-нибудь, дабы за оными смотрѣть

¹⁾ Полн. Собр. Закон. № 2128.

²⁾ Исторія Россіи Соловьева. Т. XVI, стр. 6.

³⁾ Полн. Собр. Закон. № 2150.

могъ". Кроме того, на инспекторовъ была возложена обязанность изыскать, на сколько могутъ быть увеличены окладные доходы съ торгово-промышленныхъ общинъ, безъ особаго отягощенія для народа. Составивъ на основаніи собранныхъ данныхъ новыя прибыльнѣйшія для правительства противу прежнихъ оклады, они должны были сдать ихъ за роспискою земскимъ бурмистрамъ, а тѣ, въ свою очередь, обязаны были обложить всѣхъ подвѣдомственныхъ имъ посадскихъ и уѣздныхъ людей новымъ окладомъ ¹⁾.

Для надзора за прибыльными сборами Архангельской таможни, одинъ изъ инспекторовъ ратушнаго правленія обязанъ былъ присутствовать въ Архангельскѣ въ теченіе ярмарки ²⁾.

Нѣсколько выписокъ изъ донесеній Курбатова, которыя мы приводили выше, достаточно указываютъ на жалкое положеніе ратушнаго вѣдомства, въ какомъ онъ его нашелъ.

Если и Курбатовъ позволялъ себѣ произвольно пользоваться государственнымъ прибыткомъ на томъ основаніи, что онъ преувеличилъ его личнымъ трудомъ, то это только указываетъ на низкій уровень нравственныхъ понятій того времени.

Не смотря на такую узость понятій, онъ честно радѣлъ о государственной прибыли, смѣло вступалъ изъ-за нея въ борьбу съ сильными людьми и своимъ неусыпнымъ стараніемъ значительно преувеличилъ государеву казну.

Такъ, въ 1706 году, извѣщая государя о воровствѣ Псковичей Никифора Ямскаго и Михаила Супрунова, онъ писалъ: „Нынѣ въ такихъ ихъ воровствахъ и противствахъ велѣно сыскать о нихъ Кирилѣ Алексѣевичу Нарышкину, который во многихъ взяткахъ съ нихъ самъ приличенъ и во всемъ имъ дружить какъ онъ сыскать можетъ истину? Умилосердись, Государь, не вели ему ни въ чемъ ихъ вѣдать“.

Съ учрежденіемъ губернаторовъ онъ не упускалъ обличать и ихъ въ нерадѣніи и воровствѣ, дѣятельно преслѣдовалъ корчемство и изыскивалъ новыя источники государственныхъ доходовъ. Такое радѣніе государева прибыльщика сильно не нравилось ратушному правленію. „Которые при мѣ и бургомистры есть“, жаловался Курбатовъ, „ей малое отъ нихъ имѣю помоществованіе, понеже видя они мое усердіе, что я много усмотрѣлъ точію за иными, но и за ними, мало за сіе мя любятъ, и лучшій Цанкратьевъ однажды или дважды въ недѣлю

¹⁾ Полн. Собр. Закон. № 2028.

²⁾ Полн. Собр. Закон. № 2030.

побываетъ въ ратушѣ, а въ банкетахъ по вся дни, а я бѣдный ей ей, государь, едва не всѣмъ управляю своею головою“¹⁾). Это доказываетъ, что если необузданность произвола и самоуправство составляли наслѣдственную болѣзнь Русскаго государства, то совершенное исключеніе личнаго приказнаго элемента изъ государственнаго управленія далеко не было средствомъ къ искорененію зла. Напротивъ того, необходимость его становится тѣмъ очевиднѣе, чѣмъ болѣе дается мѣста развитію другихъ, столь же необходимыхъ элементовъ земской общинной автономіи и коллегіальности.

Мы можемъ прослѣдить существованіе ратуши, какъ центрального учрежденія, до 1710 года. Прямаго указа объ ограниченіи круга ратушнаго вѣдомства нѣтъ, и вѣроятно не было. Это подало поводъ нашему извѣстному юристу-историку Неволину несправедливо предположить, что онъ былъ ограниченъ учрежденіемъ коллегій²⁾.

Мы, напротивъ того, полагаемъ, что рѣшительнымъ моментомъ въ судьбахъ ратуши было не учрежденіе коллегій, а раздѣленіе Россіи на губерніи. Ратуша утратила свое значеніе центрального учрежденія гораздо раньше устройства коллегій. Въ 1709 году указомъ 14-го марта всѣмъ воеводамъ, бурмистрамъ и приказамъ предписано было составить окладныя книги денежныхъ и хлѣбныхъ податей и всякихъ другихъ окладныхъ сборовъ и доставить ихъ „безъ задержанія новопоставленнымъ губернаторамъ“, дабы они противъ посланныхъ имъ росписей городъ со всякими дѣлами и сборами конечно могли принять съ будущаго 1710 года³⁾.

Указъ 9-го января слѣдующаго года подтвердилъ это предписаніе по отношенію къ приказамъ, ратушѣ и Ижорской канцеляріи, поставивъ имъ въ непремѣнную обязанность немедленно сообщить губернаторамъ вѣдомости окладныхъ и неокладныхъ доходовъ каждаго города, а этимъ послѣднимъ указано было по доставленнымъ свѣдѣніямъ составить общую вѣдомость доходовъ съ цѣлой губерніи⁴⁾. Затѣмъ вѣдомости о всякихъ приходахъ и расходахъ каждой губерніи и Московской ратуши велѣно было доставлять каждую третью въ ближнюю канцелярію⁵⁾, а когда былъ учрежденъ сенатъ, то „подлиннаго ради вѣдѣнія и рассмотрѣнія о непужныхъ и напрасныхъ въ губерніяхъ

¹⁾ См. у Соловьева I и III гл. XVI тома его исторіи.

²⁾ Полн. собр. соч. К. Неволіна VI, стр. 231.

³⁾ Полн. Собр. Закон. № 2227.

⁴⁾ Полн. Собр. Закон. № 2244.

⁵⁾ Полн. Собр. Закон. № 2270.

расходахъ⁴⁾, указано было подлинныя книги окладныхъ и неовладныхъ доходовъ съ 1710 года прислать въ канцелярію сената; ратуша съ своей стороны должна была доставить въ сенатъ вѣдомость о сборахъ таможенной пошлины со времени ея учрежденія до 1711 года¹⁾. Впредь указано было губернаторамъ Московской губерніи подавать въ сенатъ вѣдомости о питейной продажѣ, таможенномъ сборѣ и другихъ доходахъ ежемѣсячно²⁾, а губернаторамъ другихъ губерній доставлять туда же приходо-расходные отчеты по третямъ³⁾.

Въ 1714 году послѣдовало новое распоряженіе: указано было всѣмъ приказы и канцеляріи, ратушу, губерніи, денежные дворы и соляной сборъ въ приходахъ и расходахъ считать въ ближней канцеляріи, для чего всѣ эти учрежденія, а изъ губерній губернаторы должны были доставлять туда третныя и годовыя вѣдомости⁴⁾.

Свѣдѣнія о приходѣ въ Архангельскій портъ кораблей и о привезенныхъ ими товарахъ „и все противъ того жъ какъ прежде прислано въ ратушу“ съ 1711 года велѣно было доставлять въ канцелярію правительствующаго сената, и эта обязанность возложена была на Архангельскаго вице-губернатора⁵⁾. Какъ прежде изъ ратуши, такъ теперь изъ сената стали посылаться послушныя памяти къ иногороднымъ бурмистрамъ⁶⁾. Наконецъ, торговымъ людямъ на обиды и притѣсненія въ торговыхъ дѣлахъ указано было жаловаться не въ ратушу, какъ было по старому, а прямо въ сенатъ, а когда учреждены были ландраты, то жалобы на нихъ и бурмистровъ велѣно было подавать губернатору⁷⁾. Однимъ словомъ, ратуша утратила свое значеніе самостоятельнаго центрального учрежденія: всѣ дѣла, ей нѣкогда подвѣдомственныя въ этомъ отношеніи, перешли въ кругъ вѣдомства губернаторовъ, общаго правительственнаго учрежденія сената и ближней канцеляріи, и хотя мы и послѣ того встрѣчаемъ въ памятникахъ того времени упоминанія о Московской ратушѣ, но всякій разъ только въ значеніи мѣстнаго управительнаго органа Московской губерніи, а не общегосударственнаго учрежденія⁸⁾. Она продолжала только по прежнему собирать присылаемые изъ губерній доходы и

¹⁾ Полн. Собр. Закон. № 2349.

²⁾ Полн. Собр. Закон. № 2369.

³⁾ Полн. Собр. Закон. № 2458.

⁴⁾ Полн. Собр. Закон. № 2763.

⁵⁾ Полн. Собр. Закон. № 2409.

⁶⁾ Полн. Собр. Закон. № 2375.

⁷⁾ Полн. Собр. Закон. № 2382.

⁸⁾ Полн. Собр. Закон. №№ 2472, 2610, 2611.

провѣрять представляемые бурмистрами отчеты ¹⁾). Во всемъ остальномъ Московская ратуша снизошла въ положеніе всѣхъ другихъ земскихъ избъ, которыя стали также именоваться ратушами.

Торгово-промышленные и посадскіе люди по прежнему продолжали судиться своимъ судомъ, по прежнему сборомъ податей и отправленіемъ служебныхъ и иныхъ повинностей, на нихъ возложенныхъ, продолжали завѣдывать выбранные ими же бурмистры и другіе сборщики и раскладчики; но между центральной правительственной властью и самоуправляющимися общинами установлена была новая посредствующая инстанція губернаторовъ ²⁾). Съ учрежденіемъ губернаторовъ непосредственное отношеніе земскихъ избъ къ центральнымъ установленіямъ Москвы прекращается. Контролирующая и надзирающая власть правительственныхъ агентовъ переносится изъ столицы въ губерніи.

Такое преобразование состояло въ связи съ введеніемъ постоянного войска. Пока русское войско составлялось изъ ополченій, собиравшихся только въ случаѣ надобности защищать страну или идти на кого-либо войною, необходимыми средствами для покрытія издержекъ снаряженія арміи собирались также по мѣрѣ надобности экстраординарнымъ поборомъ, постоянного же фонда на содержаніе военной силы не требовалось; но когда Петръ создалъ постоянное войско, то на вооруженіе, обмундированіе и прокормленіе его необходимо стало асигновать опредѣленный и постоянный источникъ доходовъ.

Подобно тому, какъ въ прежнее время постоянные расходы приказнаго вѣдомства покрывались доходами городовъ, къ приказу приписанными, такъ и теперь содержаніе полковъ было возложено на губерніи, между которыми они были распределены, и на главнаго начальника всѣхъ состоящихъ при губерніи полковъ, наименованнаго губернаторомъ, возложена была обязанность „о денежныхъ сборахъ и всякихъ дѣлахъ присматриваться и для доношенія Ему Великому Государю о тѣхъ губерніяхъ готовымъ быть, гдѣ оны, Великій Государь, укажетъ“ ³⁾).

Назначеніемъ губернаторовъ правительство не только не имѣло въ виду ограничить общинную автономію торгово-промышленныхъ людей, но даже допустило соучастіе земства въ управленіи губернаторскомъ. Еще въ 1702 году воеводамъ предписано было вѣдать всякія дѣла „съ дворянами и тѣхъ городовъ помѣщиками знатными и добрыми“.

¹⁾ Полн. Собр. Закон. № 3294. ст. 5, 18.

²⁾ Исторія Россіи Соловьева, т. XVI, стр. 10.

³⁾ Полн. Собр. Закон. №№ 2443, 2474, 2475, 2218.

Съ учрежденіемъ губернаторовъ это соучастіе дворянства приняло форму коллегіальнаго установленія ландратовъ, въ которомъ губернаторъ былъ только президентомъ ¹⁾

Эта коллегія съ предсѣдательствующимъ губернаторомъ во главѣ, до учрежденія центральныхъ коллегій, имѣла характеръ децентрализованныхъ высшихъ административныхъ учреждений. Губернаторы, однако съ приказами, состояли въ непосредственномъ подчиненіи верховному правительствующему учрежденію — сенату, который былъ установленъ объединяющимъ правительственнымъ центромъ и посредствующимъ звеномъ между царемъ и администраціей ²⁾.

Главнымъ назначеніемъ губернатора былъ контроль и попечительный надзоръ за ходомъ губернскаго управленія, возложеннаго тягломъ на земскія корпораціи торгово-промышленныхъ людей и на обязанность особыхъ органовъ, установленныхъ для завѣдыванія отдѣльными частями губернской администраціи.

Предположивъ перенести административные центры изъ столицы въ губерніи, Петръ установилъ правила отчетности губернскихъ властей передъ высшимъ правительственнымъ и объединяющимъ центромъ — сенатомъ; но этого было недостаточно: требовалось еще, чтобы въ каждой губерніи существовали органы непосредственнаго правительственнаго надзора, которые не только не подавляли бы самостоятельности земскихъ классовъ, а напротивъ, восполняли бы значеніе земскаго самоуправленія, какъ начала, ограничивающаго произвольнѣйшихъ правительственныхъ агентовъ.

Губернаторы, весьма естественно, нисколько не были добросовѣстнѣе воеводъ. „Въ ратушѣ, Государь, собрано моимъ усердіемъ изъ доходовъ прошедшихъ лѣтъ денегъ тысячъ со сто рублей“, писалъ Курбатовъ. „Изъ губерній ратушскихъ сборовъ прошедшихъ лѣтъ въ ратушѣ въ присылкѣ самое малое число, тако же и бурмистровъ къ отчету да повелитъ Ваше Величество повторить о томъ именными указами. Премногія тысячи донмочныхъ денегъ долѣетъ быть въ сборѣ, въ томъ числѣ съ двухъ городовъ точію, съ Астрахани и съ Казани, со 150.000 рублей. Ничего Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ не присылаетъ, а свазывалъ самъ, что у него въ Астрахани тѣхъ денегъ есть въ сборѣ тысячъ съ 70, а въ ратушу прислано отъ него въ три года только 10.000 рублей“.

¹⁾ Полн. Собр. Закон. №№ 1900, 2673, 2762.

²⁾ См. диссертацию г. Градовскаго: «Высшая администрація Россіи XVIII ст. и Генераль-Прокуроры» стр. 73 и слѣд.

Въ именномъ указѣ, данномъ сенату 5-го марта 1711 года, велѣно было выбрать оберъ-фискала, а ему „тайно надсматривать и провѣдывать про неправый судъ, тако жъ въ сборѣ казны и прочаго и кто неправду учинитъ, того онъ обязанъ позвать передъ сенатъ (какой высокой степени ни есть) и тамо его уличить; и буде уличить кого, то половина штрафа въ казну, а другая ему, фискалу; буде же не уличить, отнюдь фискалу въ вину не ставить, ниже досадовать подъ жестокимъ наказаніемъ и разореніемъ всего имѣнія“. Органами оберъ-фискальскаго надзора указано было быть провинціаль-фискаламъ, которымъ усвоивалась та же власть какъ и оберъ-фискалу, „кромѣ одного, что вышняго судью и генеральнаго штаба на судъ безъ оберъ-фискала позвать не могутъ“. Такихъ фискаловъ предполагалось имѣть по одному у каждаго дѣла, то-есть, при каждомъ органѣ провинціальной администраціи ¹⁾.

При оберъ-фискалѣ установлено было четыре фискала и въ томъ числѣ два изъ купечества „которые бы могли купеческое состояніе тайно вѣдать“; по этому же образцу и при провинціаль-фискалахъ, состоявшихъ у губернаторскаго правленія, указано было быть также четыремъ фискаламъ и въ каждомъ городѣ особымъ городскимъ фискаламъ.

Указъ 17-го марта 1714 года опредѣляетъ такъ кругъ вѣдомства оберъ-и провинціаль-фискаловъ съ ихъ товарищами: „Дѣйствіе же ихъ сіе есть взыскаііе всѣхъ безмасныхъ дѣлъ, то-есть: 1) Всякія преступленія указамъ; 2) Всякія взятки и кражу казны, и прочее, что ко вреду государственному интересу быть можетъ.... 3) Тако же и прочія дѣла народныя, за которыхъ нѣтъ челобитчика“.... По всѣмъ такимъ дѣламъ фискаламъ надлежало провѣдывать, доносить и призывать на судъ лицъ, подпавшихъ обвиненію. Непосредственно вступаться въ какія-либо дѣла имъ было воспрещено подъ страхомъ наказанія. Фискалы о всѣхъ дѣлахъ, подлежащихъ ихъ надзору, доводили до свѣдѣнія оберъ-фискала, а въ важныхъ случаяхъ докладывали самому царю. Городовые фискалы доносили о всѣхъ дѣлахъ городскимъ комендантамъ; если коменданты по донесенію фискала не производили розыска, то фискалъ обязанъ былъ писать о томъ провинціаль-фискалу, который передавалъ дѣло на судъ губернатора, „а буде губернаторъ розыскъ чинитъ будетъ неправый же, или самъ впадетъ въ какое погрѣшеніе и о томъ провинціаль-фискалу писать къ оберъ-фискалу съ товарищи, а ему доносить въ сенатъ“.

¹⁾ Полн. Собр. Закон. № 2331.

Безусловная безнаказанность фискальскихъ доносовъ была нѣсколько ограничена, а именно, установлено было, что въ случаѣ совершенной несправедливости его обличеній, если при этомъ обвиненный не уличить его въ томъ, что онъ донесъ изъ корысти или по злобѣ, фискаль подвергался легкому штрафу, дабы впредь доносить съ большимъ осмотрѣніемъ; въ случаѣ же доказанной предумышленности, подлежалъ тому же наказанію, какое было бы присуждено обвиненному, еслибъ онъ оказался виноватымъ.

Провинціаль-фискаль обязанъ былъ ежегодно объѣзжать губернію и надсматривать за городскими фискалами, и тѣхъ изъ нихъ, которые оказывались нерадивыми къ исполненію своихъ обязанностей, смѣнять вновь выбранными изъ дворянъ и купцовъ.

Хотя такимъ образомъ составъ фискальнаго вѣдомства и пополнялся изъ земства, но личныя выгоды, связанныя съ выполненіемъ служебныхъ обязанностей, возложенныхъ на фискаловъ, побуждали ихъ соблюдать и интересъ правительственный. Изъ штрафныхъ денегъ по дѣламъ, возникшимъ по обвинительной инициативѣ фискала, половина шла въ казну, изъ другой одну часть получалъ фискаль, возбудившій дѣло, а другая дѣлилась между всеми фискалами губерніи и оберъ-фискаломъ¹⁾.

Мы видимъ, что по идеѣ въ должности фискала въ одномъ лицѣ соединялся блюститель правительственныхъ и охранитель земскихъ интересовъ. Этотъ двойственный характеръ учрежденія выразился въ томъ, что фискалы назначались изъ среды земства и въ то же время ихъ личный интересъ былъ тѣсно связанъ съ видами и интересами правительства.

Съ другой стороны, по непосредственной связи своей съ оберъ-фискаломъ, который относился прямо въ сенатъ, фискалы представляли собою общегосударственное учрежденіе, но въ то же время, доводя всякія дѣла прежде всего до свѣдѣнія комендантовъ и губернаторовъ, они являлись и органами губернской администраціи.

Этотъ новый институтъ противорѣчилъ всемъ преданіямъ русской старины и возбудилъ противъ себя всеобщую ненависть. Исконно соединяя съ понятіемъ власти идею активнаго произвола, Русскіе того времени не могли понять пассивнаго значенія должности фискала, и равнодушно относились къ дѣламъ, возбужденнымъ обвинительною инициативой фискаловъ, отказывались признать за ними права, усвоенныя имъ закономъ.

¹⁾ Полн. Собр. Закон. № 2786.

Безнаказанность фискаловъ въ случаѣ несправедливыхъ клеветъ также была несогласна съ убѣжденіями народа о справедливости. Этотъ именно взглядъ выраженъ былъ Стефаномъ Яворскимъ въ его проповѣди 17-го марта 1712 года. „Законъ Господень“, говорилъ мѣстоблюститель патриаршаго престола, „непорочень, а законы человѣческіе бывають порочны; а какой то законъ, на примѣръ, поставити надзирателя надъ судами и дати ему волю кого хочетъ обличити да обличитъ, кого хочетъ обезчестити да обезчеститъ; а хотя того не доведеть, о чемъ на ближняго своего клевететь, то за вину не ставить, о томъ ему и слова не говорить, вольно то ему; не тако подобаетъ симъ быти: искалъ онъ моею головою, поклетъ на меня вложилъ, а не довель, пусть положитъ свою голову; сѣтъ мнѣ скрылъ, пусть самъ вязнетъ въ узкую; ровъ мнѣ ископалъ, пусть самъ впадетъ въ оны“. Племянниковъ называлъ фискаловъ уличными судьями, а князь Яковъ Ѳедоровичъ честилъ ихъ антихристами и плутами ¹⁾.

Въ 1714 году, какъ мы сказали, безнаказанность фискальскихъ доносовъ была ограничена, по уваженію къ фискальской должности отъ этого не возвысилось.

Въ 1719 году оберъ-фискаль Алексѣй Песторовъ доносилъ юстицъ-коллегіи, что изъ многихъ дѣлъ, возбужденныхъ его дописаніями, „по многимъ указу и рѣшенію не учинено, а по некоторымъ немногимъ и рѣшеніе есть, и по тѣмъ казны и штрафовъ не отыскано, а дѣла и помѣщеніе казны усмотрѣно много и пропадаютъ напрасно, отъ чего и фискальскому дѣйству ясности прямой не показано“. Далѣе пишетъ онъ, что въ губерніяхъ по доносамъ провинціаль-фискаловъ „рѣшенія не чинилтъ, въ чемъ есть фискальнымъ дѣламъ превеликая волокита и остановка, и казны штрафы напрасно пропадаютъ“. Причина такого пренебреженія къ дѣламъ, возникшимъ по обвиненіямъ фискаловъ, заключалась въ „укорительномъ подозрѣніи тѣхъ виноватыхъ“, какъ выражался оберъ-фискаль, „якобы фискальство ничто суть“. Объ этомъ „укорительномъ подозрѣніи“ Песторовъ не разъ доводилъ до свѣдѣнія сената. Неоднократно и сенатъ подтверждалъ, чтобы „чинилось рѣшеніе по фискальнымъ дѣламъ“, но указы его продолжались не выполняться ²⁾.

Съ учрежденіемъ коллегій институтъ фискаловъ нѣсколько измѣняется: изъ всей массы фискаловъ выдѣляются съ одной стороны фискалы, имѣющіе судебное значеніе, какъ преслѣдователи преступленій

¹⁾ Исторія Россіи Соловьева, т. XVI, стр. 239 и 233.

²⁾ Полн. Собр. Закон. № 3280.

и безгласныхъ дѣлъ, подчиненные юстиць-коллегии, а съ другой блюстители государственныхъ интересовъ земскіе фискалы, подчиненные камеръ-коллегии¹⁾; но пренебреженіе къ должности фискаловъ продолжало оставаться въ прежней силѣ. Въ донесеніи оберъ-фискала въ 1720 году повторяются прежнія жалобы на то, что „надворныхъ судовъ судьи прилежнаго радѣнія и рѣшенія по фискальнымъ доносамъ и обличеніямъ не чинятъ, но токмо откладываютъ день отъ дня, поспеваютъ къ фискаламъ съ неприятными выговорами, что де у нихъ и опричь фискальныхъ дѣлъ, есть дѣла, въ томъ есть фискаламъ печальное подозрѣніе, а отъ обличенныхъ и укоризны, якобы фискальство ничто суть“²⁾. Самъ Петръ долженъ былъ сознать, что „земскаго фискала чинъ тяжелъ и ненавидимъ“.

Итакъ, въ дѣйствительности учрежденіе фискаловъ прежде всего встрѣчало преграду въ рѣшительномъ отвращеніи къ этой должности правительственныхъ агентовъ. Это отвращеніе возбуждалось, очевидно, не одною несправедливостью безнаказанности доносовъ, такъ какъ со времени указа 1714 года фискаль рисковалъ самъ отвѣтственностью въ случаѣ злоумышленныхъ и несправедливыхъ клеповъ. Причина нелюбви къ этому установленію заключалась, кромѣ того, въ предубѣжденіи, „якобы фискальство ничто суть“, и въ стѣснительности положенія, въ какое поставлены были активные представители власти тѣмъ, что надъ ними были поставлены постоянные надсмотрщики. Вспомнимъ, что на такую же всеобщую нелюбовь жаловался инспекторъ ратушкаго правленія Курбатовъ. Вторымъ препятствіемъ къ плодотворному осуществленію учрежденія фискаловъ была все та же нравственная несостоятельность общества, съ которою такъ много приходилось бороться великому преобразователю. Людей, которымъ правительство могло бы довѣрить охраненіе своихъ и земскихъ интересовъ, на которыхъ можно было бы въ этомъ отношеніи положиться, далеко не ставало на пополненіе многосложнаго учрежденія фискаловъ. Несторовъ, въ то время еще фискаль, жаловался на Московскихъ фискаловъ, добавляя: „а въ другихъ губерніяхъ и спрашивалъ ужъ нечего, многіе фискалы по городамъ ничего не смотрятъ и ни съ кѣмъ оступы принять не хотятъ; добились чрезъ оберъ-фискала своихъ мѣстъ, чтобы отбыть службы и посылки и живутъ какъ сушіе тунейцы въ своихъ деревняхъ; я положилъ на нихъ штрафы, а оберъ-фискаль сложилъ потому, что у нихъ общая дворянская ком-

¹⁾ Градовскаго «Высшая администрація Россіи XVIII ст.» стр. 85.

²⁾ Полн. Собр. Закон. № 3602.

панія, а я между ними замѣшался одинъ только съ сыномъ моимъ, котораго обучаю фискальству“¹⁾).

Въ 1712 году Несторовъ былъ назначенъ оберъ-фискаломъ, и ревностная дѣятельность его въ этомъ званіи доказала, какъ могло бы быть полезно въ то время учрежденіе фискальства при лучшемъ его личномъ составѣ.

Таковы были результаты стремленій Петра согласить требованія автономическаго положенія, торгово-промышленнаго состоянія съ требованіями правительственнаго надзора и контроля.

Прослѣдивъ перемѣны, какія воспослѣдовали въ устройствѣ общиннаго самоуправленія посадскихъ людей отъ 1699 года до установленія коллегій, обратимся теперь къ судьбамъ торгово-промышленнаго состоянія въ этотъ промежутокъ времени.

Въ кругъ этого состоянія входили всѣ посадскіе, чернослободцы и уѣздные люди поморскаго края, вообще всѣ государевы крестьяне, за исключеніемъ дворцовыхъ, или лучше, все торгово-промышленное населеніе края²⁾).

Поэтому если и въ границахъ дворцоваго вѣдомства оказывались крестьяне, промышлявшіе торговлею и промысловыми оборотами, то ихъ указано было приписывать тягломъ къ городу³⁾).

Успѣхи торгово-промышленнаго развитія побудили правительство нарушить принципъ крѣпостной замкнутости крестьянскаго состоянія и допустить помѣщичьихъ крестьянъ къ занятію городскими промыслами подъ условіемъ приниски къ посадскому тяглу. Всѣхъ владѣльческихъ людей, которые имѣли по городамъ лавки и промыслы „и тѣмъ у посадскихъ людей промыслы отнимали“, велѣно было „взять въ посады“, а который изъ помѣщичьихъ и вотчинныхъ крестьянъ не захочетъ быть въ тягѣ, тому впредь велѣно было въ лавкѣ не торговать и промысловъ не держать, а жить за своимъ помѣщикомъ; но тѣхъ изъ владѣльческихъ людей, которые торговали онымъ привознымъ товаромъ и не имѣли за собою въ городѣ постоянныхъ лавокъ и промышленныхъ заведеній, указано было въ посады не принимать⁴⁾).

¹⁾ Исторія Россіи Соловьева. XVI, стр. 241.

²⁾ Полн. Собр. Закон. №№ 1715, 1737, 17 ст.: «А посадскихъ и торговыхъ и всякихъ промышленныхъ людей въ сборѣ великаго государя всякихъ доходовъ и межъ ими въ расправныхъ всякихъ дѣлахъ велѣно вѣдать выборнымъ ихъ городовымъ бурмистрамъ».

³⁾ Полн. Собр. Закон. № 1718.

⁴⁾ Полн. Собр. Закон. № 1723.

Что касается бѣломѣстцевъ, то они, не смотря на запрещеніе, продолжали торговать по прежнему, и правительству оставалось только заботиться о томъ, чтобы взыскивать съ ихъ торговъ узаконенныя пошлины, что и ставилось въ обязанность земскимъ бурмистрамъ. Не разрѣшая наложеннаго на служилыхъ людей запрещенія промышлять городскими промыслами, оно такимъ образомъ косвенно допускало нарушенія закона, предупредить и остановить которыя было не въ состояніи ¹⁾.

Только въ 1709 году велѣно было, для пополненія купечества, приписать къ посаду тѣхъ изъ бѣломѣстцевъ, которые торговали въ Москвѣ на сумму во сто и болѣе того рублей, а кто изъ нихъ къ тяглу приписаться не захочетъ, съ тѣхъ брать промысловый оброкъ въ количествѣ, соразмѣрномъ съ промысловою податью, платимую посадскими людьми ²⁾.

Въ 1711 году предложено было сенату рассмотреть, возможно ли допустить, чтобы торговлю могли промышлять лица всякаго званія, и если къ тому не существуетъ никакихъ препятствій, разрѣшить свободный торгъ съ платою установленныхъ пошлинъ ³⁾. Сенатъ рѣшилъ сдѣлать запросъ торговымъ людямъ, не будетъ ли имъ убыточно, если право заниматься торговлею будетъ распространено на людей всякаго званія, и „буде подлинно купецкимъ людямъ никакого препятствія и обиды въ торговыхъ ихъ промыслахъ не будетъ“, — привести Высочайшій указъ въ исполненіе и взимать подать съ лицъ, не принадлежавшихъ по своему званію къ тяглу состоянію противъ ихъ торговъ ⁴⁾. Петръ остался недоволенъ такимъ рѣшеніемъ: „не такъ поступили вы и въ позволеніи торговать всѣмъ чинамъ“, писалъ онъ имъ, „ибо вовсе не нужно было спрашивать торговыхъ людей, не будетъ ли отъ этого имъ убытку? Развѣ могутъ они сказать, что не будетъ убытка?“ ⁵⁾.

Разрѣшеніе лицамъ всякаго званія торговать въ Москвѣ розничнымъ торгомъ послѣдовало въ 1714 году. Сенатскимъ указомъ 4-го февраля этого года предписано было всѣмъ бѣломѣстцамъ и всякимъ владѣльческимъ крестьянамъ, торгующимъ въ Москвѣ розничнымъ торгомъ, отбывать всѣ тягости посадскаго состоянія, исключая зем-

¹⁾ Полн. Собр. Закон. №№ 1674, 1675.

²⁾ Полн. Собр. Закон. № 2220.

³⁾ Полн. Собр. Закон. № 2327.

⁴⁾ Полн. Собр. Закон. № 2349.

⁵⁾ Голицына — Дѣянія Петра Великаго. XII, стр. 415.

скихъ службъ. Дворцовые и помѣщичьи крестьяне оставались при этомъ въ своемъ прежнемъ званіи и къ посадскому состоянію не причислялись. „А быть имъ дворцовымъ въ дворцовыхъ волостяхъ, а помѣщиковымъ за помѣщиками во крестьянствѣ по прежнимъ крѣпостямъ и всякіе помѣщиковы доходы платить въ равенствѣ съ своею братією крестьяны“¹⁾.

Это положило начало тому, что классъ торгово-промышленныхъ людей, составлявшій прежде одно особое состояніе, легально распался на тяглыхъ государевыхъ людей, подлежащихъ вѣдѣнію бурмистровъ, и торговцевъ-промышленниковъ, которые по своему званію не причислялись къ тяглому состоянію посадскихъ и чернослободцевъ. Занятіе городскими промыслами перестало быть исключительною привилегіей послѣдняго.

Возложивъ на тяглое торгово-промышленное состояніе обязанность общиннаго посадскаго и чернослободскаго самоуправленія, значеніе котораго заключалось въ томъ, что вольнымъ государевымъ людямъ подъ гарантію ихъ круговой отвѣтственности довѣрено было самостоятельно отбывать налагаемое на нихъ тягло, правительство озабочилось поддержать и еще болѣе утвердить значеніе и силу этого состоянія.

Всѣхъ тяглыхъ людей ратушскаго вѣдомства, которые со времени учрежденія ратуши перешли въ служилые люди или записались въ дворцовые или владѣльческіе крестьяне, указывалось снова приписывать къ посадскому тяглу „и впредь въ такіе чины такихъ людей не принимать, ради того, дабы отъ того тяглые люди въ слободахъ не умалились, и отъ напраснаго излишняго платежа за обывателей не разорились, и его Государевымъ податямъ умаленія не учинилось“²⁾.

Въ указѣ о единонаслѣдіи мы видимъ, что новый порядокъ наслѣдованія былъ установленъ, между прочимъ, и въ видахъ размноженія торгово-промышленнаго состоянія. Въ числѣ аргументовъ, приведенныхъ въ этомъ указѣ въ доказательство превосходства майоратства въ наслѣдованіи недвижимыхъ имуществъ, указывается на то, что младшіе члены фамилій „не будутъ праздно, ибо принуждены будутъ хлѣба своего искать службою, ученіемъ, торгами и прочимъ“.

Препятствіемъ къ переходу кадетовъ дворянскихъ семействъ въ купеческій чинъ могли быть сословные предразсудки дворянства, и правительство, желая пополнить промышленное состояніе такими каде-

¹⁾ Полн. Собр. Закон. № 2770.

²⁾ Полн. Собр. Закон. № 2220.

тами, предприняло зависящія отъ него мѣры къ устраненію этого препятствія. Въ виду этого указъ предписывалъ не ставить перехода изъ дворянства въ купечество ни въ какое безчестіе ни переходящимъ, ни ихъ роду, ни словесно, ни письменно¹⁾.

Указъ о единонаслѣдіи распространень былъ и на посадскихъ людей. Дворъ и лавка переходили къ первородному; но такъ какъ при этомъ движимость, то-есть, капиталъ, въ которомъ заключается все значеніе промышленныхъ людей, шелъ въ раздѣлъ между прочими сонаслѣдниками, то мѣра, предпринятая вообще въ видахъ возвысить благосостояніе податнаго класса для того, „чтобы государевы доходы были справнѣ“, не могла содѣйствовать усилению тяглаго промышленнаго состоянія въ частности.

Распространеніе правилъ единонаслѣдія въ дворянскихъ имуществвахъ на переходъ наслѣдства послѣ смерти лицъ торгово-промышленнаго состоянія было впрочемъ не болѣе какъ недосмотромъ. Поземельныя отношенія посадскихъ и слободскихъ тяглецовъ къ правительству стали при Петрѣ Великомъ различаться отъ отношеній по промыслу. Условная связь тягла съ владѣніемъ опредѣленнымъ поземельнымъ участкомъ была нарушена еще въ 1682 году указомъ, предписавшимъ тѣхъ изъ посадскихъ, которые перешли изъ одного города въ другой до новой перенеси, на старыя ихъ мѣста не сводить, а быть имъ въ тяглѣ по мѣсту жительства²⁾.

При Петрѣ отношенія по состоянію стали совершенно независимы отъ отношеній поземельныхъ. Подати по прежнему раздѣлялись на постоянныя, лежавшія на тяглыхъ людяхъ постояннымъ обладомъ, и временныя, взимаемыя по мѣрѣ надобности. За норму послѣдняго рода сборовъ былъ принятъ для торговыхъ и посадскихъ людей окладъ промысловый въ десять денегъ съ рубля³⁾. Въ послѣдній разъ временный поборъ былъ взысканъ съ посадскихъ людей въ формѣ подворной подати, какъ кажется, въ 1705 году⁴⁾. Съ тѣхъ поръ только постоянная обкладная подать оставалась подворною⁵⁾, всѣ же другія стали взиматься съ промысловъ торговыхъ людей. Когда къ торгамъ были допущены всякихъ чиновъ люди, то и они, независимо отъ мѣ-

1) Полн. Собр. Закон. № 2789. III. I. 15.

2) Полн. Собр. Закон. № 980.

3) Полн. Собр. Закон. №№ 2246, 2837, 3243.

4) Полн. Собр. Закон. № 2121.

5) Полн. Собр. Закон. № 2707.

ста своего поселенія, стали подлежать этой промысловой подати, которая получила общее названіе десятой деньги¹⁾.

Еще задолго до введенія подушной подати начали исчезать слѣды существованія вольныхъ гулящихъ людей; они были уравнены обязанностью платить постоянныя подати съ тяглыми владѣльцами земельныхъ участковъ, и такимъ образомъ матеріальная ихъ зависимость отъ окрѣпшаго государства выразилась наконецъ формально.

Въ 1704 году издавъ былъ указъ, чтобы всѣ мастеровые и гулящіе люди, торгующіе по площадямъ различными товарами въ разность, ежегодно являлись для внесенія ихъ въ особый списокъ въ Москвѣ въ Семеновскую канцелярію медоваго сбора, а въ городахъ къ воеводамъ. За внесеніе ихъ въ этотъ списокъ положено было брать съ плотниковъ, кременныхъ бойцовъ, каменщиковъ, сапожниковъ и иныхъ всякихъ мастеровыхъ людей по двѣ гривны въ годъ, а съ такихъ работниковъ, которые кормились черною работою по найму — по два алтына въ годъ съ человѣка²⁾. Въ слѣдующемъ году послѣдовало новое распоряженіе брать съ торговыхъ людей, которые сидятъ въ лавкахъ и торгуютъ отпускными товарами, въ годъ по 16-ти алтынъ и 4 деньги; съ хлѣбниковъ и калачниковъ — съ хозяевъ по 10-ти алтынъ, а съ ихъ работниковъ по 3 алтына и 2 деньги³⁾. Положеніе такого сбора находится, очевидно, въ связи съ обложеніемъ постояннымъ поборомъ торговцевъ носчими товарами. Правительство особенно нуждалось въ то время въ деньгахъ, и разъ остановившись на мысли обложить гулящихъ людей постоянною податью въ формѣ сбора за право заниматься извѣстнымъ промысломъ, примѣнило эту подать и къ лавочнымъ торговцамъ. Оно пользовалось всякимъ предлогомъ открыть новые источники доходовъ. „Денегъ какъ возможно собирать“, предписываетъ Петръ сенату, „понеже деньги суть артерію войны“.

Эта нужда въ деньгахъ особенно тяжело отзывалась на торгово-промышленномъ состояніи. Еще на соборахъ, какъ мы видѣли, заявлялся взглядъ на купеческихъ людей, какъ на состояніе, по преимуществу обязанное доставлять денежные средства на содержаніе войска. Обязанность эта была тягломъ торгово-промышленныхъ людей, какъ служба государству — тягломъ служилого состоянія, а работа на помѣщика брестыанскимъ тягломъ.

¹⁾ Полн. Собр. Закон. №№ 1916, 1975, 2076, 2774.

²⁾ Полн. Собр. Закон. № 1972.

³⁾ Полн. Собр. Закон. № 2084.

„Купечество воинству товарищѣ“, говорилъ Посошковъ; „воинство воюеть, а купечество помогаетъ и всякія потребности имъ уготовляетъ. И того ради и о нихъ попеченіе неоскудное надлежитъ имѣть: якобы душа безъ тѣла не можетъ быти, тако и воинство безъ купечества пробыть не можетъ“¹⁾).

Съ тѣхъ поръ, какъ воеводы были устранены отъ вмѣшательства въ общинныя дѣла торгово-промышленнаго состоянія, которое избавлено было такимъ образомъ отъ произвольныхъ воеводскихъ поборовъ, правительство находило возможнымъ и цѣлесообразнымъ усилить податной сборъ съ него.

Подобно тому, какъ во времена царя Ивана Васильевича для общинъ, отъ которыхъ намѣстники и волостели были отставлены, обязанность намѣстничьихъ кормовъ замѣнена была обязанностью выплачивать опредѣленный оброкъ, такъ и въ 1699 году, избавивъ посадскихъ и торговыхъ людей отъ подвѣдомственности воеводамъ, правительство потребовало отъ нихъ, чтобъ они съ этого времени выплачивали окладныя подати въ двойномъ размѣрѣ. Изъ этого мы можемъ заключить, какъ велики были воеводскіе поборы и по достоинству оцѣнить значеніе Петрова преобразованія.

Мы видѣли, что въ царствованіе Феодора Ивановича посадскіе люди, взамѣнъ земскихъ и полоняничныхъ, обложены были стрѣлцкою подворною податью. Та же подать собиралась съ нихъ и при Петрѣ, а потомъ на содержаніе постоянного войска установлена была такая же постоянная подать въ 8 денегъ съ двора или съ рубля²⁾; но эти подати не избавляли ихъ отъ обязанности давать подводы и прогонныя деньги: льгота состояла только въ томъ, что земская повинность не была возложена на нихъ постояннымъ податнымъ окладомъ³⁾.

Кромѣ общихъ и постоянныхъ окладныхъ податей и одновременныхъ поборовъ на особые государственные расходы⁴⁾, съ посадскихъ собирались также подати на частные расходы города и общины⁵⁾.

Съ учрежденіемъ губерній къ нимъ приписаны были полки, которые онѣ должны были содержать на счетъ собираемыхъ доходовъ; вслѣдствіе этого доходность ихъ была сосчитана. Оказалось, что приходъ не покрываетъ требующихся расходовъ въ общей сложности на

¹⁾ Сочин. Ивана Посошкова. Гл. IV. стр. 112.

²⁾ Полн. Собр. Закон. № 1813, 2121.

³⁾ Полн. Собр. Закон. № 1784, 1788, 1882.

⁴⁾ Полн. Собр. Закон. № 2076.

⁵⁾ Полн. Собр. Закон. №№ 1718, 2072, 2076.

сумму 82.083 рублей¹⁾. Поэтому подати были увеличены и наложены на губернии постоянными окладами. Общая податная сумма для всѣхъ восьми губерній была опредѣлена въ 3.133.879 рублей. Изъ этого прихода въ 1700 году шло на генеральный штабъ 91.090 рублей, на кавалерію 764.671 рубль, на инфантерію 882.435 рублей, на гарнизоны, приписанные къ губерніямъ, 422.980 рублей. Затѣмъ изъ оставшаго опредѣлено было выдавать въ адмиралтейство 433.999 рублей, въ Посольскій приказъ 148.031 рубль, на артиллерію 221.800 рублей, на дворцовую походную канцелярію 60.000 рублей, царицѣ и царевнамъ 50.500 рублей. Въ остаткѣ все еще оставалось 58.375 рублей. Въ 1711 году велѣно было раздѣлить по губерніямъ, на основаніи оклада 1710 года, содержаніе армейскихъ и гарнизонныхъ полковъ, флота, Посольской канцеляріи и артиллеріи, а прочіе расходы дѣлать съ остаточныхъ суммъ по разсмотрѣнію²⁾. Въ случаѣ особенной надобности въ деньгахъ, оклады и послѣ того продолжали возвышаться, и это дѣлалось главнымъ образомъ на счетъ торговаго состоянія. Такъ, въ 1714 году повелѣно было сенату: положить таможенные, кабацкіе и оброчные сборы на купечество по большому окладу, а откупы и счеты отставить и отъ двороваго съ крестьянъ и съ купечества сбору отличить и собирать особо³⁾.

Мы видимъ, что потребности государственныхъ точно опредѣлились, и вслѣдствіе того случайные сборы прежняго времени обратились въ постоянную окладную подать. Впрочемъ, какъ увидимъ ниже, особые неокладные поборы продолжали взиматься и послѣ того, до самаго введенія подушной подати. Сборъ окладныхъ податей былъ возложенъ на земскихъ комиссаровъ, подъ надзоромъ полковниковъ состоящихъ при губерніяхъ гарнизонныхъ, но не смотря на это, подати эти не доставлялись сполна. При установившейся опредѣленности расходовъ эта несправность была особенно ощутительна. Главною причиною недоборовъ были большія злоупотребленія при переписи дворовъ и не меньшія, какъ должно полагать, при опредѣленіи промысловъ торговыхъ людей; поэтому Петръ рѣшился замѣнить дворовую и промышленную подати подушною. Въ 1722 году изданъ былъ указъ о взиманіи съ посадскихъ людей подушной подати по 40 алтынъ или по рублю двадцати копѣекъ съ души⁴⁾; но приведеніе въ дѣйствіе

¹⁾ Соловьевъ, XVI, стр. 44.

²⁾ Полн. Собр. Закон. № 2319.

³⁾ Соловьевъ, XVI, стр. 227.

⁴⁾ Полн. Собр. Закон. № 3983.

этого указа началось только съ 1724 года. Со введеніемъ этой подати послѣдніе остатки формальной условности отношеній подданныхъ къ государству окончательно исчезли.

Сборъ торговыхъ пошлинъ и завѣдываніе государственными промыслами по прежнему лежали повинностью на посадскихъ и слободскихъ общинахъ. Недоборы кабацкихъ и таможенныхъ бурмистровъ взыскивались съ посадовъ въ двойномъ количествѣ¹⁾. Въ 1710 году указано было взыскивать недоборы по питейнымъ, таможеннымъ и конскимъ пошлинамъ съ таможенныхъ и кабацкихъ бурмистровъ; буде же они окажутся несостоятельными, то съ земскихъ бурмистровъ, при которыхъ недоимка учинилась отъ ихъ перадѣлія и несмотрѣнія и съ лучшихъ посадскихъ людей „для того, что тѣ бурмистры за выборомъ ихъ²⁾“. Кромѣ того, купеческіе и посадскіе люди служили и отъѣзжія службы. Такъ, они посылались въ иногородныя таможи³⁾, ставились къ приемамъ провіанта⁴⁾ и назначались въ разныя канцеляріи и къ губернаторамъ для сведенія счетовъ⁵⁾. Ремесленные люди высылались также изъ губерній для постройки Петербурга, и на это дѣло собирался особый денежный сборъ⁶⁾.

Еще въ началѣ 1712 года Петръ писалъ: „Какъ вино, такъ и прочія вещи надлежитъ отдавать на откупъ, дабы въ службѣ находящимся торговымъ людямъ не было раззоренія“⁷⁾. Въ этомъ желаніи облегчить тягло торгово-промышленнаго состоянія выразилось уже новое благоустройство направленіе политики. Первымъ шагомъ къ облегченію служебныхъ обязанностей купеческихъ и промышленныхъ людей, въ видахъ содѣйствія усиѣхамъ торгово-промышленнаго развитія, былъ указъ 1713 года, которымъ предписано было купеческимъ людямъ быть у государевыхъ дѣлъ погодно и на другой годъ ихъ ни въ какія службы не ставить⁸⁾. Затѣмъ въ 1714 году установлено было въ канцеляріяхъ и въ губерніяхъ у приёма и у расходовъ всякихъ податей и доходовъ изъ купеческихъ людей счетчикамъ не быть, для того, что какъ отъ выбора въ счетчики, такъ и отъ

¹⁾ Полн. Собр. Закон. №№ 1697, 1922.

²⁾ Полн. Собр. Закон. № 2307.

³⁾ Полн. Собр. Закон. № 2766.

⁴⁾ Полн. Собр. Закон. №№ 2664, 2835.

⁵⁾ Полн. Собр. Закон. № 2805.

⁶⁾ Соловьевъ, XVI, стр. 212.

⁷⁾ Соловьевъ, XVI, стр. 205.

⁸⁾ Полн. Собр. Закон. № 2711.

многихъ недочетовъ купеческимъ людямъ чинятся великія раззоренія¹⁾, а въ 1715 году посадскіе „за умноженіемъ службъ“ были избавлены отъ повинности быть у продажи соли по селамъ, торжкамъ и ярмаркамъ²⁾. Наконецъ, въ 1722 году сдѣлана была рѣшительная, впрочемъ не удавшаяся, попытка совершенно избавить торгово-промышленное состояніе отъ всякихъ обязательныхъ службъ.

Тягости посадскаго состоянія были во времена Петра значительно увеличены рекрутскою и постоянной повинностью. Рекрутскою повинности посадскіе люди подлежали въ одинаковой мѣрѣ съ владѣльческими крестьянами, и выставляя рекрута, обязаны были снарядить его и снабдить хлѣбнымъ запасомъ³⁾. Собственно торговые (купеческіе) люди, какъ кажется, лично не подлежали набору, но повинность ставить рекрутъ распространялась и на нихъ, такъ какъ и они, если и не владѣли вотчинами и помѣстьями, то во всякомъ случаѣ имѣли за собою крестьянъ, приписанныхъ, вѣроятно, въ качествѣ задворныхъ, къ ихъ тяглымъ участкамъ⁴⁾. Обязанность снабжать войска провіантомъ, подводами и рабочими людьми также распространялась какъ на крестьянъ, такъ и на посадскихъ людей. Определенныхъ границъ этой повинности не было установлено. Бурмистрамъ прямо было предписано во всѣхъ такого рода дѣлахъ быть послушными Провіантскому приказу⁵⁾.

Что касается постоянной повинности, то она всею тяжестью падала преимущественно на горожанъ. Набранныхъ солдатъ указано было ставить на станціяхъ по городамъ на постоянныхъ дворахъ, „по сколькоу человекъ на дворъ доведется“. Хотя при этомъ имъ, подъ страхомъ смертной казни, предписывалось жить смиренно и никакихъ обидъ своимъ хозяевамъ не наносить⁶⁾, но это не ограждало горожанъ отъ притѣсненій и самоуправства. „И при квартирахъ солдаты и драгуны такъ не смиренно стоятъ, и обиды страшныя чинятъ, что и исчислить ихъ не можно“, говоритъ Посошковъ⁷⁾, „а гдѣ офицеры ихъ стоятъ, то и того горше чинятъ... и того ради многіе и домамъ своимъ не рады, а во обидахъ ихъ суда никакъ сыскать негдѣ: военный судъ

¹⁾ Полн. Собр. Закон. № 2805.

²⁾ Полн. Собр. Закон. 2878.

³⁾ Полн. Собр. Закон. №№ 2036, 2096, 2161, 2182.

⁴⁾ Полн. Собр. Закон. № 2106.

⁵⁾ Полн. Собр. Закон. № 2036.

⁶⁾ Полн. Собр. Закон. № 2036. 5.

⁷⁾ Сочин. Посошкова гл. 11. стр. 33—35.

аще и жестоко учиненъ, да и жестоко достигать его; понеже далеко онъ отъ простыхъ людей: не токмо простолюдинъ достигнуть по нему, но и военный челоуѣкъ не на равнаго себѣ не скоро судъ сыщеть“.

Вообще, не смотря на то, что состояніе торгово-промышленныхъ людей было устроено Петромъ на началахъ самоуправленія и отношеніе его къ правительственнымъ органамъ ограничивалось отчетностью, положеніе этого состоянія далеко не было обезпечено; и если при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, установленный Петромъ институтъ городской автономіи могъ бы обезпечить возможность успѣховъ торгово-промышленнаго развитія, то съ другой стороны обременительность тягла значительно уменьшала благія послѣдствія того независимаго положенія, въ какое поставлены были торгово-промышленные люди.

Правда, на дѣлѣ законъ, ограждавшій посадскихъ отъ обидъ и притѣсненій, далеко не всегда выполнялся. До насъ дошло, на примѣръ, что Путивльскій воевода Алимовъ и Орловскій Шеншинъ самопроизвольно вѣдали торговыхъ людей, били ихъ, брали съ нихъ взятки и „чинили помѣшательство въ сборахъ и остановки въ земскихъ дѣлахъ“¹⁾. Безъ сомнѣнія, такіе факты не были въ то время исключительнымъ явленіемъ; но съ развитіемъ правительственныхъ средствъ, съ возвышеніемъ уровня общественной нравственности и торгово-промышленнаго значенія горожанъ и корпоративной ихъ солидарности, возможность такихъ злоупотребленій должна была болѣе и болѣе ограничиваться. Ограниченіе начала личнаго произвола, которое Петръ положилъ основою всѣхъ своихъ преобразованій, должно было рано или поздно принести свои плоды. Попытки Петра гармонически согласить необходимые элементы общинной автономіи и начала непосредственнаго правительственнаго надзора, причина несостоятельности которыхъ заключалась въ нравственной несостоятельности самого общества, при дальнѣйшемъ ходѣ развитія въ томъ же самомъ направленіи, какое ему далъ Великій Преобразователь, должны были осуществиться при его преемникахъ. Но во второй половинѣ своего царствованія уже самъ Петръ, изъ видовъ благоустройственныхъ, въ самой идеѣ измѣнилъ отношенія правительственныхъ административныхъ органовъ и центральныхъ учреждений къ мѣстному управленію въ ущербъ самостоятельности земской автономіи.

Съ другой стороны, если, обременительность государственнаго тягла

¹⁾ Полн. Собр. Закон. № 1760.

и стѣспяла успѣхи промышленнаго развитія, то это необходимое зло съ избыткомъ искупалось тѣми выгодами, которыя куплены были его цѣною. Средства, собираемыя Петромъ, шли на устройство портовъ и флота, на содѣйствіе развитію мануфактуръ и фабрикъ, на веденіе войнъ, которыя открывали Русскимъ новыя торговые пути, и французскій агентъ Лоли, состоявшій при Русскомъ дворѣ во времена Анны Иоанновны, сравнивая въ своей запискѣ, поданной кардиналу Флери, состояніе Россіи при Петрѣ съ положеніемъ ея при его преемникахъ, имѣлъ полное основаніе сказать, что не поборы и налоги, какіе были при Петрѣ, истощили государство, а разорено оно было при его наследникахъ „роскошью, введенною при дворѣ, дурнымъ управленіемъ министровъ, переводомъ за границу суммъ... наконецъ, безплодною распущенностью, тщеславіемъ и суетностью“¹⁾.

А. Пригара.

¹⁾ Маркизь де-ла-Шетарди въ Россіи, стр. 24.

ЗАМѢТКА О ТОПОГРАФИЧЕСКИХЪ НАЗВАНІЯХЪ ВООБЩЕ.

Въ октябрьской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за нынѣшній годъ помѣщена замѣтка гг. Эрбена и Ламанскаго о славянскихъ топографическихъ названіяхъ. Любопытное содержаніе ея подастъ мнѣ поводъ поговорить о географическихъ именахъ вообще. Нѣтъ сомнѣнія, что ученіе географіи приобрѣло бы несравненно болѣе смысла и интереса, если бы встрѣчающіяся въ ней названія мѣстъ и урочищъ были, болѣе нежели до сихъ поръ дѣлалось, освѣщаемы филологіей, то-есть, по мѣрѣ возможности объясняемы и переводимы. Топографическое имя почти никогда не бываетъ случайнымъ и лишнимъ значенія. Въ немъ по большей части выражается или какой-нибудь признакъ самаго урочища, или характеристическая черта мѣстности, или намекъ на происхожденіе предмета, или наконецъ, какое-нибудь обстоятельство, болѣе или менѣе любопытное для ума или воображенія. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что высочайшія горы на самыхъ разнообразныхъ языкахъ называются по имени покрывающаго ихъ снѣга или его близости: *Mont-Blanc* значитъ бѣлая гора; *Sierra Nevada* (въ Испаніи) — снѣжная цѣпь; *Snowdon* (въ Валлисѣ) — снѣжный холмъ; *Snöhätta* (на Сканд. полуостр.) — снѣжная пляпа; *Schneeckorpe* или *Sněžka* (въ Чехіи) — снѣжная вершина; *Вѣлуха* въ Сибири; *Гималай* — жилище снѣга или зимы; *Давалагири* — бѣлая гора ¹⁾, и проч. Какъ наглядны становятся для насъ многія урочища, когда намъ объяснятся ихъ названія: такъ, имя длиннѣйшаго въ мірѣ горнаго хребта *Cordilleras de los Andes*, перестаетъ быть для насъ мертвымъ звукомъ, когда мы узнаемъ, что *Anta* у туземцевъ значитъ мѣдь или вообще металлъ, а *Cordillera* на испанскомъ языкѣ — цѣпь, и такимъ образомъ это названіе сближается съ герман-

¹⁾ Можетъ-быть, и слово *Альпы* сродни латинскому *albus*, по мнѣнію другихъ, оно на кельтскомъ языкѣ значитъ: гора.

скимъ Erzgebirge (Рудный хребетъ)¹⁾. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ немногія географическія имена такъ ясны, какъ приведенныя названія горъ.

Конечно, большое число именъ, по древности своего происхожденія или по неизвѣстности языковъ, изъ которыхъ они возникли, уже не могутъ быть теперь объяснены; но сколько еще остается такихъ, которыхъ значеніе понятно или можетъ сдѣлаться понятнымъ при помощи лингвистики, этнографіи и исторіи и — прибавлю — которыхъ объясненіе можетъ, наоборотъ, оказать большую услугу этимъ наукамъ. Потому очень желательно было бы, чтобъ языковеднѣе и болѣе вносило въ область свою и этотъ предметъ изслѣдованія. Самою удобною формою для изложенія результатовъ изысканій надъ географическими названіями была бы форма лексикона или глоссарія въ алфавитномъ порядкѣ. Попытка этого рода сдѣлана уже въ Англійи небольшою книжкою подъ заглавіемъ: „The Geographical Word-Expositor or Names and Terms occurring in the Science of Geography, etymologically and otherwise explained, by Edwin Adams“²⁾. Но попытка эта, къ сожалѣнію, очень несовершенна: 1) „Словотолкователь“ г. Адамса далеко не полонъ и не содержитъ въ себѣ даже множества такихъ именъ, которыя объяснить было бы очень легко при болѣе обширномъ знаніи языковъ, нежели каковымъ располагалъ авторъ; 2) многія толкованія у него совершенно не вѣрны. Такимъ образомъ, за книжкою его остается почти только одно достоинство идеи и начала выполненія ея. Въ особенности неудовлетворительно у него все относящееся къ сѣверному и восточному міру. Такъ, напримѣръ, при имени *Muscovy* замѣчено, что оно означаетъ преимущественно тѣ части Россіи, которыя лежатъ около Чернаго и Каспійскаго морей, и что онѣ такъ названы по первобытному свосму населенію, потомству шестаго Іафетова сына „Mescschesch“. Разумѣется, что міръ западно-славянскій остался для автора совершенною *terra incognita*. Кромѣ названій топографическихъ собственно, онъ счелъ нужнымъ вносить въ свой словарь и термины географическіе, напримѣръ, reefs, straits и т. п., что по настоящему уже не относится къ предмету его сочиненія, тѣмъ болѣе, что эти термины объясняетъ онъ только по ихъ вещественному значенію, остав-

¹⁾ По другому толкованію, Anti на языкѣ Перуанцевъ значитъ востокъ.

²⁾ То-есть, Географическій Словотолкователь, или имена и термины, встрѣчающіеся въ наукѣ землеописанія, съ этимологическими и другими объясненіями, соч. Эдвина Адамса. Книжка эта вышла въ Лондонѣ, 2-мъ изданіемъ, въ 1856 году.

ляя въ сторонѣ словопроизводство, которое, при именахъ собственныхъ составляетъ главную его задачу.

Что касается до топографическихъ именъ славянскихъ, то въ нашей литературѣ уже давно была заявлена мысль о необходимости умѣть приводить ихъ въ подлинникѣ (см. *Съв. Пчела* 1849 №№ 6—15)¹⁾; но эта мысль, тѣперь возобновленная въ научной обстановкѣ г-мъ Эрбеномъ, можетъ быть вполнѣ осуществлена только тогда, когда будетъ составленъ соответствующій практической потребности словарь такихъ именъ: надобно, чтобы возлѣ каждого установившагося давнимъ употребленіемъ нѣмецкаго имени можно было отыскивать первоначальное славянское, и наоборотъ. Примѣромъ для подобнаго труда можетъ служить словарь латинскихъ географическихъ названій, изданный въ 1861 году въ Дрезденѣ подъ заглавіемъ: «*Orbis latinus oder Verzeichniss der lateinischen Benennungen der bekanntesten Städte etc., Meere, Seen, Berge und Flüsse in allen Theilen der Erde, nebst einem deutsch-lateinischen Register derselben, von Dr. J. G. Th. Gracse*»²⁾. Въ славяно-нѣмецкомъ и нѣмецко-славянскомъ географическомъ словарѣ представилось бы много случаевъ для любопытныхъ лингвистическихъ сближеній и соображеній. Мимоходомъ позволю себѣ указать на одинъ подобный случай: мѣста, обильныя производствомъ соли, называются у Славянъ и у Нѣмцевъ подобозвучнымъ именемъ, находящимъ себѣ объясненіе въ греческомъ названіи соли, ἅλα: Галиція, Галичъ (Сольгаличъ), Halle, Hallein, Hallstadt, Reichen-Hall, и проч.

¹⁾ Въ № 6 авторъ статьи, *Іоаннъ Рыльский*, подписавшійся С., такъ жалуется на господствующее у насъ незнаніе первобытныхъ мѣстныхъ именъ въ странахъ, искони населенныхъ славянскими племенами: «Географическіе учебники, по большей части передѣлываемые съ нѣмецкихъ, наполнены искаженіями именъ городовъ и мѣстечекъ славянскихъ; если бы хоть въ скобкахъ ставили настоящее имя, какъ оно произносится тѣмъ славянскими туземцами, напримѣръ, Лембергъ (Львовъ), Аграмъ (Загребъ), Эссекъ (Осѣкъ) и т. д., но и того нѣтъ! Славянскій міръ, начинающій занимать любопытство всей Европы, остается совершенно неизвѣстнымъ нашему юношеству, обучающемуся изъ учебныхъ книжекъ всякаго рода ошибкамъ историческимъ и географическимъ». Въ № 15 самъ издатель *Съв. Пчелы*, покойный Н. И. Гречъ, хотя и глумится надъ мыслью замѣнять нѣмецкія географическія названія славянскими, однакожь не отвергаетъ необходимости знать ихъ и приводить азбучный списокъ такихъ именъ (около 300), извлеченный изъ брошюры, напечатанной въ 1847 г. въ Вѣнѣ на *иллирійскомъ* языкѣ.

²⁾ То-есть, Списокъ всѣхъ латинскихъ названій извѣстнѣйшихъ городовъ и проч., морей, озеръ, горъ и рѣкъ во всѣхъ частяхъ земнаго шара, съ приложеніемъ нѣмецко-латинскаго реестра ихъ, доктора Грессе.

Независимо отъ общаго географическаго словотолкователя или кор-пслова, о какомъ выше упомянуто, для насъ особенный интересъ имѣлъ бы этимологическій словарь многоязычныхъ географическихъ именъ въ предѣлахъ Россіи. Богатый матеріалъ для подобнаго словаря заключается уже въ лѣтописяхъ и въ Книгѣ Большому Чертежу. Въ древней Руси обнаруживается замѣчательное стремленіе переводить инородческія топографическія названія. Правда, нѣкоторыя изъ нихъ вошли въ лѣтопись въ своемъ первоначальномъ и не всегда легко-объяснимомъ видѣ, какъ то: Колываль (Ревель), Ругодивъ (Нарва), Раковоръ (Везенбергъ), Кесь (Венденъ), Людеревъ (Або); но многія другія, финскія, шведскія и нѣмецкія названія являются либо переведенными по-русски, либо передѣланными на русскій ладъ.

Приведу нѣсколько примѣровъ того и другаго случая.

1) *Примѣры перевода.*

Подъ 1054 г. Кединивъ, по другимъ спискамъ Кепедивъ, Декипивъ, переведено: *солнца рука*. Это переводъ слова *kädepäivä*, состоящаго изъ *käsi* (родит. пад. *käden*) — рука и *päivä* — солнце. Вѣроятно, финское слово было искажено лѣтописцемъ или переписчикомъ его. См. Соф. Лѣт. I, 156; Никон. I, 144 и Карамз. II, пр. 144.

Подъ 1116 г. Оденне — *Медвѣжья голова*; по настоящему должно бы быть: *Ohdonpäi* — городъ недалеко отъ Дерпта (объ этомъ во многихъ спискахъ; ср. Кар. II, прим. 217, 218).

Подъ 1300 г., при описаніи похода Торкеля Кнутсона и построения имъ города на Невѣ, сказано: „похвалившись окаяннѣи, нарекоша его Вѣнецъ земли“ (Нов. I, 67). Такъ переведено имя *Landskrona*; на нѣмецкомъ языкѣ точнѣе было бы: вѣнецъ края или страны.

Подъ 1311 г., въ описаніи похода на Емь, упомянуты разныя урочища, которыхъ мѣстоположеніе до сихъ поръ сомнительно, между прочимъ рѣки: Купецкая и Черная; подлинныя финскія имена нигдѣ не означены. (Новг. лѣт. I, 69; Соф. I, 295. Ср. Карамз. IV, 107 и прим. 214).

Подъ 1318 г. *Auga joki* переведено: *Полная рѣка*. Настоящее финское названіе *Auga joki* (*auga* — обильный, обширный). Аукою и теперь называется рѣка, на которой стоитъ городъ Або. (Нов. I, 72. Ср. Кар. IV, 112, пр. 228 и еще Арх. Лѣт. подъ 1496 г.).

Подъ 1342, 1370, 1406 и 1444 г. *Neuhausen* переведено *Новый городокъ*, *Новгородокъ* (въ Новгор., Соф. и др. лѣтоп. Ср. Кар. IV, пр. 336, 338).

Подъ 1407 г. Вейсенштейнъ названъ *Бѣлый камень* (Псков. лѣт.). Въ другихъ мѣстахъ онъ иногда означается еще и чудскимъ именемъ Пайда.

Подъ 1496 г., въ описаніи похода въ Каляскую землю, на *десять рѣкъ*, упомянуты между прочимъ рѣки: *Силовая* и *Снѣжная* — названія, до сихъ поръ сохранившіяся въ финскихъ именахъ двухъ рѣкъ Lumijoki и Siikajoki, текущихъ по Остроботніи: обѣ впадаютъ въ Ботнической заливъ въ югу отъ Улеборга. Имя послѣдней, Сиваіоки, является вторично въ исторіи финляндскаго похода 1808 г. (см. Описаніе Михайловскаго-Данилевскаго, стр. 84; ср. Соф., Ниеон., Арх. лѣт. и Кар. VI, пр. 432).

Подъ 1582 г. городъ Вольмаръ названъ *Володимерцемъ* въ спискѣ договора Запольскаго (Кар. IX, пр. 600). Это названіе встрѣчается и въ лѣтописи.

Потребность объяснять себѣ значеніе иноязычныхъ мѣстныхъ названій замѣчается рѣже у Шведовъ: даже названіе рѣки *Сестры*, по которой Орѣховскимъ миромъ утверждена граница между обоими смежными государствами, не переведено въ шведской редакціи договора 1323 года. Тамъ рѣка эта называется *Sester*; да еще и гораздо позднѣе, въ XVI вѣкѣ, встрѣчается она подъ этимъ именемъ въ шведскихъ актахъ. Ныѣшнее ея переводное названіе, отчасти употребляемое и у насъ — *Systerbäck* — утвердилось въ шведской дипломатіи не прежде какъ во 2-й половинѣ XVI столѣтія. Настоящее финское имя этой рѣки — *Raja-joki* — явно возникло тогда, когда она сдѣлалась пограничною рѣкой (*raja* — граница, край¹⁾), а *joki* — рѣка); впрочемъ, это значеніе имѣла она съ незапамятныхъ временъ, ибо договоръ Орѣховскій заключенъ былъ, какъ говоритъ лѣтописецъ, „по старой пошлѣ“, то-есть, по старинѣ.

Въ этомъ договорѣ, какъ и въ другихъ шведскихъ памятникахъ, Новгородъ постоянно называется *Nogard* или *Nougardt*; такъ и въ названіи *Нижняго* Новгорода ни Шведы, ни другіе иностранцы никогда не давали себѣ труда объяснить и перевести приданный собственному имени эпитетъ.

Касательно названія *Орѣховъ*, *Орѣховецъ* или *Орѣвскъ*, замѣтимъ, что Русскіе, построивъ эту крѣпость въ 1323 году, наименовали ее

¹⁾ Любопытно это слово *raja* въ финскомъ языкѣ: по-санскр. *rājis*, по-русски *край* значать то же самое. Вѣроятно, Финны заимствовали это слово у Русскихъ, откинувъ начальную согласную, какъ часто бываетъ при переходѣ иноязычныхъ словъ въ финскій языкъ.

такъ потому, что Финны самый островъ звали Päähkinä-saari (орѣховый островъ). Въ послѣдствіи и Шведы, овладѣвъ этою крѣпостію, перевели на свой языкъ русское ея названіе словомъ Nöteborg.

2) *Примѣры передѣлокъ.*

Рядомъ съ переводными названіями попадаются въ древней русской географіи и такія, которыя составлены безъ всякой мысли о значеніи ихъ на другомъ языкѣ; тутъ проявляется часто та же потребность въ другомъ видѣ: чуждымъ звукамъ придается такая форма, въ которой бы они представляли уму какой-нибудь смыслъ, хотя бы и ни на чемъ не основанный. Это бываетъ особенно тогда, когда подлинное названіе трудно объяснить, или когда происхожденіе его сомнительно. Сюда надобно отнести названіе *Сердоболя*, города, впрочемъ, новаго, возникшаго уже послѣ Столбовскаго мира. Оно происходитъ, вѣроятно, отъ финскаго причастія *sörttawa*, разсѣкающей, потому что селеніе построено у залива, далеко вдавашагося въ берегъ Ладожскаго озера¹⁾; слогъ *ль* служитъ часто окончаніемъ мѣстныхъ именъ. Городъ *Стокгольмъ* называли у насъ постоянно и очень долго, даже въ началѣ XVIII столѣтія (см. „Первыя Русскія Вѣдомости“) — *Стеколма*²⁾. Подлинное названіе значить *островъ бревна* и основано, по преданію, на томъ, что когда Новгородцы и Чудь разорили городъ Сигтуну, то жители этого города спрятали много золота и серебра въ бревно, которое и пустили по озеру Мелару, съ тѣмъ чтобы заложить новое селеніе на мѣстѣ, куда бревно будетъ прибито волнами: оно остановилось у острова, гдѣ и основался Стокгольмъ (при Биргерѣ Ярлѣ, въ XIII столѣтіи). *Царское село* первоначально называлось *Сарскимъ* отъ финскаго слова *saari*, означающаго островъ или возвышенность посреди большаго равнаго мѣста, на какой построено это селеніе; названіе: *Царское*, вѣроятно, утвердилось въ народѣ еще прежде, нежели оно перешло въ официальный языкъ³⁾. Ливонскій городъ *Виндау* въ нашихъ лѣтописяхъ попадаетъ подъ именемъ: *Вдовъ* (Кар. IV, прим. 304).

Касательно имени *Холмогоры* были въ нашей литературѣ разныя объясненія (см. между прочимъ Карамз. II, прим. 62, и статью Ве-

¹⁾ См. моя «Перевзды по Финляндіи», стр. 14.

²⁾ Мнѣ случилось еще недавно слышать это названіе изъ устъ простолюдiana.

³⁾ Въ официальныхъ актахъ это селеніе называлось *Царскимъ* уже съ 1725 года, но въ частномъ быту употреблялось еще долго и прежнее названіе, на примѣръ, оно встрѣчается у Ломоносова и Державина.

рещагина въ *Иллюстраціи* 1847, № 25). Замѣтимъ, что оно въ лѣтописяхъ чаще пишется *Колмогоры*, а у Никона находимъ даже *Калмогары* (ч. IV, стр. 303). Основываясь на этомъ, финляндскій профессоръ М. Авиандеръ (*Utdrag ur Ryska Annaler*, стр. 129) предлагаетъ новую догадку: такъ какъ есть поводъ думать, что чудское кладбище находилось близъ Колмогаръ на Курь-островѣ¹⁾, то первую половину имени можно производить отъ финскаго слова *kalma* — трупъ, покойникъ. Что касается до второй половины, то у Зырянъ, Пермьяковъ и Вотьяковъ *kar* значитъ городъ, и около рѣки Оби есть много названій, въ составъ которыхъ входитъ *kar* — Войкаръ, Уркаръ, Шеркаръ, Искаръ (см. Книга Большому Чертежу, изд. г. Спасскимъ, стр. 204—207); все это были имена городовъ. На историческомъ атласѣ г. Павлицева, а также на подробной картѣ генерала Шуберта названіе *Гари* означено во многихъ мѣстахъ, гдѣ нѣкогда жили финскія племена, напримѣръ, близъ впаденія Унжи въ Волгу и проч.

Нѣкоторыя мѣстныя имена являются просто передѣланными по требованіямъ народнаго слуха или выговора. Такъ, подъ 1310 г. встрѣчается названіе рѣки *Узъерва* (Новг. лѣт.; Узрево и Узерва по Кн. Больш. Черт.): оно взято съ финскаго *uusi-järwi*, что значитъ: новое озеро, то-есть, такое озеро (не рѣка), которое образовалось на глазахъ народа, — вѣроятно, нынѣшнее *Суванто* близъ зап. берега Ладожскаго озера. Это *Суванто* произошло, какъ думаютъ, такимъ образомъ, что рукавъ Вокши, который здѣсь также вливался въ Ладожское озеро, запрудился въ своемъ устьѣ — отъ того ли, что вода въ озерѣ убывла, или отъ устройства искусственной плотины; притомъ же и слово *Суванто* по-фински значитъ: тихая вода въ *рѣкѣ*, *плесо*. Неудивительно, что лѣтописецъ по преданію назвалъ это озеро рѣкою. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ перешеекъ, отдѣлявшій *Суванто* отъ Ладожскаго озера, прорытъ, и обѣ массы воды опять соединились.

Карамзинъ (ч. IV, пр. 214) говоритъ: „Нынѣ обѣ сѣи рѣки, Узерва и Вокса, называются Вокшею“. Остановимся нѣсколько и на этомъ послѣднемъ названіи. *Wuoksi*, финское названіе рѣки, славящейся водопадомъ Иматрою, есть нарицательное имя и значитъ: теченіе, потокъ; Русскіе называютъ ея Окса, Вокша (Кар. VII, прим. 154). Вѣроятно, того же происхожденія имя *Векса*, принадлежащее нѣсколькимъ рѣчкамъ въ губерніяхъ Ярославской, Костромской и Владимірской.

¹⁾ См. статью Базилевскаго въ *Сынъ Отечества*, 1847 г.

Названіе *Устюгъ* въ первой половинѣ своей русское, а во второй—финское: *югъ* образовалось изъ *juga* или правильнѣе *joki* (у Зырянъ *ju*), что значитъ *рѣка*; потому Устюжане въ финскихъ памятникахъ иногда зовутся *joensuiset*, то-есть, живущіе при *устѣхъ рѣки*. Вторая половина приведеннаго имени (*Устюгъ*) встрѣчается и въ названіи *Пинега*, которое въ переводѣ значитъ: *малая рѣка* (*pieni* = маленькій, *joga* = рѣка). Покойный П. Г. Бутковъ высказалъ предположеніе, что имя *Ока* есть также измѣненное финское слово *joki*. Это съ перваго взгляда можетъ показаться невѣроятнымъ потому, что Русскіе, заимствуя иностранныя слова, иногда не только не отбрасываютъ въ началѣ ихъ звукъ юты, но, напротивъ, приставляютъ его, когда слово начинается чистою гласною. Такъ, имя *якорь* соответствуетъ греческому *ἄχουρα*, скандинавскому *akkeri* и проч. Но съ другой стороны, въ русскомъ языкѣ еще болѣе случаевъ противоположнаго измѣненія, то-есть, при заимствованіи слова, имѣющаго въ началѣ своемъ юту, эта послѣдняя откидывается и звуки *йе*, *йо* превращаются въ *о* или *а*. Такъ, изъ именъ Евстафій, Иосифъ, Евдокія, Елена образованы Астафій, Осипъ, Авдотья, Олена. Первообразомъ такого явленія служатъ нѣкоторыя слова, начинающіяся съ буквы *о*, напримѣръ, озеро, олень, осень, которымъ въ церковно-славянскомъ соответвуютъ начинающіяся съ *e*: езеро, елень, есень. То же требованіе языка могло обнаружиться при передѣлкѣ слова *joki*, которое, впрочемъ, въ другихъ частяхъ Россіи, какъ показано, перешло къ намъ въ иномъ видѣ.

Въ древнѣйшей изъ Новгородскихъ подлинныхъ грамотъ (Кар. IV, прим. 114) между волостями Новгородскими упоминается и *Перемь*: вотъ, слѣдовательно, первоначальная у насъ форма названія страны, которую Скандинавы переименовали въ *Віармію*. Объясненія имени *Пермь* должно, повидимому, искать въ сложномъ финскомъ словѣ: *Perämaa*, которое значитъ задняя, дальняя страна (*perä* = позади, *maa* = земля). Въ Географическомъ Словарѣ Щекатова, подъ словомъ *Пермяки*, приведено сообщенное Лепехинымъ преданіе, будто на Камѣ, верстахъ въ 50-ти отъ Гойны, жилъ необыкновенный силачъ, племени Чудскаго, который назывался *Перя*, отъ чего, по мнѣнію составителя словаря, сначала семейство этого Геркулеса получило прозваніе *Перяковъ*, а потомъ и весь народъ стали, „для удобнѣйшаго выговора“, звать *Пермяками*. Коренные жители Перми сами себя называютъ *Коми* (*Komi*, *Komilaiset*, *Komu*) ¹⁾, по имени р. Камы или, по ихъ

¹⁾ Кастренъ въ *Suomi* 1845, стр. 9, и Акиандеръ въ *Utdrag*, стр. 123.

произношенію, *Кумы*, почему г. Акиандеръ и думаетъ, что Куманы, иначе Команы или Каманы, народъ, извѣстный въ нашихъ лѣтописяхъ подъ именемъ Половцевъ, были одного происхожденія съ Пермляками, то-есть, Зыряне.

Здѣсь стоить нѣсколько остановиться на названіяхъ финскихъ народовъ вообще. По замѣчанію Кастрена¹⁾, они или получили имена свои отъ какой-нибудь опредѣленной водной мѣстности, или слово *вода* просто входитъ въ составъ ихъ именъ. Такъ, *Мордва* въ переводѣ значить: народъ у воды; *Зыряне*, *Мокшане*, *Печора* — также названія, заимствованныя отъ водъ. Отъ финскихъ словъ, означающихъ *воду*, удобно производятся также названія Води, Вотяковъ и Веси. Это понятіе на финскихъ языкахъ выражается звуками: *wa* (зыр.), *wi* (вот.), *wit* (черем.), *wesi* или собств. *wete* (финск.), *wäd* (морд.); тотъ же корень встрѣчается во многихъ индо-европейскихъ языкахъ: вода, *Wasser*, *vatten*. Нѣкоторые финскіе народы сами себя называютъ просто людьми — *mort* (Зыряне) или *maга* (Черемисы). Отъ послѣдняго изъ этихъ словъ произошло, по мнѣнію Кастрена, встрѣчающееся у Нестора названіе финскаго народа Мери, жившаго къ западу отъ Черемисы около древняго Ростова. Такъ какъ этотъ теперь исчезнувшій народъ носилъ одно имя съ своими сосѣдями, Черемисою, то можно съ вѣроятіемъ принять, что Меря находилась въ близкомъ съ ними родствѣ. Другой, также не существующій болѣе народъ жилъ къ югу отъ Мери или къ западу отъ нынѣшней Мордвы, въ странѣ, гдѣ находится горомъ Муромъ. Слово *Мурома* составлено изъ *тиг* (а это то же, что *mort* или *murt* — челоуѣкъ) и *та*, земля, край. Итакъ, въ буквальномъ переводѣ Муромъ значитъ народъ на землѣ, какъ Мордва — народъ у воды. Такимъ образомъ, судя по этимъ названіямъ, оба народа принадлежали къ одному и тому же племени, которое раздѣлялось на двѣ отрасли: жилища одной (Мордвы) были при рѣкѣ или озерѣ, а другая (Мурома) жила въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ воды. Чтобы совершенно выяснитъ генеалогію Мери и Муромы, надобно бы внимательно разсмотрѣть всѣ географическія имена не русскаго происхожденія, какія можно отыскать въ предѣлахъ древнихъ жилищъ обоихъ этихъ народовъ²⁾.

Эти замѣчанія естественно приводятъ насъ къ одному названію, употребляемому Петербургскими жителями для означенія Финновъ,

¹⁾ Suomi, 1845, стр. 7.

²⁾ Кастренъ въ упомянутой статьѣ.

населяющихъ окрестныя мѣста: разумѣю названіе *Маймистъ*. Оно образовалось изъ финскаго сложнаго слова *maa-mies*, или *maan-mies* (maa — земля, mies — мужъ), которое значитъ: сельскій житель, туземецъ, землякъ. Отсюда видно, какъ нелѣпо мнѣніе тѣхъ, которые объясняли приведенное названіе финскимъ словомъ *en muista* — „не понимаю“.

Страна, въ которой возникъ Петербургъ, издревле называлась Ижерскою землею по имени обитавшаго въ ней финскаго народа, который самъ себя называлъ *Ingrikot*¹⁾, а въ нашей лѣтописи и другихъ старинныхъ памятникахъ именуется Ижерянами, Ижерцами или Ижерою. Это русское названіе очевидно передѣлано изъ иноземнаго съ опущеніемъ несвойственнаго намъ носоваго звука послѣ начальной гласной и съ обращеніемъ буквы *g*, по общему закону, въ *ж* передъ гласною *e* (*Ingermanland*). Обратимъ вниманіе на нѣкоторыя географическія имена въ здѣшнемъ краю. Ладожское озеро, какъ было извѣстно и Карамзину (II. Г. Р. I, пр. 485 и III, пр. 244), нѣкогда называлось *Альдога*, отъ чего получилъ названіе и городъ *Альдейгаборгъ* — вѣроятно, старая Ладога, упоминаемый въ скандинавскихъ сагахъ. Имя Альдога легко могло обратиться у насъ въ Ладога, потому что такое перемѣщеніе звуковъ — въ духѣ славянскихъ языковъ, которые вообще не начинаютъ словъ съ буквы *a*. По чтѣ за слово *Альдога*? По-фински *Aalto* значитъ волна, валъ, и не удивительно было бы, еслибъ озеро, грозное своими бурями, своимъ волненіемъ, отъ этого признака получило свое названіе на языкѣ коренныхъ обитателей своихъ береговъ; въ такомъ случаѣ первоначальною формою имени его было бы *Aaltoka*. Впрочемъ надобно прибавить, что нынѣшніе Финны зовутъ это озеро, по примѣру Русскихъ — *Laatoka*.

Въ Лѣтописи и въ Книгѣ Большаго Чертежа оно носитъ еще названіе *Нево*, которое на финскомъ языкѣ (*neva*) значитъ болото или топь. Замѣчательно, что подобно нашей Невѣ многія рѣчки Рязанской губерніи означаются именемъ, которое на мѣстномъ нарѣчій имѣетъ то же значеніе, это имя: *Ряса*²⁾; оно такъ объяснено въ Опытѣ Областнаго Словаря: „топкое или и просто мокрое мѣсто“. Шведы не-

¹⁾ Отъ слова *inger*-рѣчка (Акиандеръ въ *Utdrag*, стр. 54).

²⁾ Конечно, отсюда и названіе города Ряска, который давно забылъ свое происхожденіе и къ книжному языкѣ принялъ форму *Рязька*. Народное чутье до сихъ поръ отвергаетъ эту форму, и окрестные жители называютъ этотъ городъ всегда прилагательнымъ именемъ *Ряскій*; они говорятъ: изъ *Ряскаго*, въ *Ряскомъ*.

редѣляли финское названіе нашей Невы въ Nuen (произн. Нюэнь), такъ что когда въ XVIII столѣтіи они построили на ней новое укрѣпленіе; то наименовали его *Nuenskans*, то-есть, Невскій (шанецъ). Такое сложное слово для Русскихъ было слишкомъ мудрено, и при взятіи Нюэнсканса Петромъ Великимъ, они сократили это имя и стали произносить его просто: *Канцы* (см. „Первыя Русскія Вѣдомости“); государь переименовалъ новозавоеванное укрѣпленіе въ *Шлотбургъ* (шв. Slott = нѣм. Schloss, замокъ).

Названіе озера *Ильмень*, иначе *Ильмерь*, по мнѣнію нѣкоторыхъ, передѣлано изъ финскаго *ylī-meri*, верхнее море. Можно бы также думать, что оно въ средствѣ съ финскимъ прилагательнымъ *ilmeinen* — открытый, обширный; но отъ этого сближенія заставляеть отказаться свѣдѣніе, доставляемое Областнымъ Словаремъ. Тамъ мы находимъ слово *Ильмень*, какъ нарицательное имя съ двоякимъ значеніемъ: 1) широкій разливъ рѣки, похожій на озеро; 2) озеро, обросшее камышемъ. Въ первомъ значеніи слово подслушано въ Астраханской губерніи, во второмъ оно отнесено къ землѣ Донскихъ Казаковъ. Первое напоминаетъ слово *Лиманъ*; мы и его находимъ въ Областномъ Словарѣ съ такимъ объясненіемъ: „Чистое озеро, безъ камыша и тростника. Дон.“. Итакъ, и Ильмень, и Лиманъ означаютъ: во 1-хъ, широкій разливъ рѣки; во 2-хъ, озеро. Отсюда рождается вопросъ: не одно ли это слово въ двухъ разныхъ формахъ, изъ которыхъ послѣдняя представляетъ только перемѣщеніе звуковъ въ началѣ слова и другую гласную въ срединѣ его? Такое предположеніе совершенно подтверждается Книгою Большаго Чертежа, гдѣ о рѣкѣ Днѣпрѣ нѣсколько разъ упоминается, что она впадаетъ въ „проливу морскую въ *Ильмень*“ (см. изд. Спасскаго, стр. 77, 99 и 102). Тожество обоихъ словъ было уже замѣчено г. Спасскимъ, который поставилъ ихъ рядомъ въ своемъ Указателѣ, а въ примѣчаніяхъ говоритъ: „Лиманъ, а по старинному Ильмень“. Только напрасно, кажется, онъ производитъ эти названія отъ греческаго слова Λίμνη — озеро, прудъ, „отъ котораго“, прибавляетъ г. Спасскій, „вѣроятно получило свое имя и озеро Ильмень близъ Повгорода“. Сходство звуковъ здѣсь объясняется скорѣе средствомъ языковъ одного корня: слово *Ильмень*, конечно, славянское. Вѣроятно, въ родствѣ съ нимъ находится и названіе германской рѣки Птеспау, впадающей въ Эльбу (Лабу), по берегамъ которой нѣкогда жили Славяне (въ Птеспау окончаніе есть нарицательное имя *аи*, *аие*, которое сродни латинскому

aqua, готскому ahwa и значить: 1) рѣка, 2) страна, лежащая при водахъ и плодородная). Есть и городъ Ппенан.

Въ тѣхъ частяхъ Россіи, гдѣ первобытное населеніе состоитъ, или прежде состояло, изъ инородцевъ, которыхъ языки не исчезли, большее число названій объясняется очень легко. Это относится, между прочимъ, къ Сѣверной Россіи: въ Олонецкой и въ Архангельской губерніяхъ многія, повидимому, русскія мѣстныя имена образованы изъ финскихъ словъ. Нѣсколько примѣровъ тому уже приведено выше; такъ, и названіе извѣстнаго водопада *Кивачъ* происходитъ отъ слова *kivi* (камень, порогъ); названіе *Кандалажской* губы состоитъ изъ словъ: *kanta* (край, уголь, рогъ, отъ нѣм. *Kante*) и *lahti* (заливъ): это угольная, рогаобразная губа Вѣлаго моря. Легко было бы привести цѣлый рядъ такихъ именъ. Извѣстно, что иногда и коренныя русскія названія мѣстъ и урочищъ объясняются областными или и общеупотребительными нарицательными именами: напримѣръ, Кострома, Калуга, Тула, Великія Луки, Свирь, Мотыра, Лукавка (см. Словари Областной и Дала). Особенно интересную сторону дѣла представило бы сравненіе русскихъ топографическихъ названій съ западно-и южно-славянскими.

Вотъ нѣсколько, хотя и очень недостаточныхъ, матеріаловъ и намековъ для русскаго географическаго словотолкователя. Но покуда осуществится идея подобнаго труда, требующаго большой учености и даже участія нѣсколькихъ лицъ, на первый случай было бы весьма полезно издать, по мысли покойнаго академика Кешпена, простой алфавитный списокъ всѣхъ географическихъ именъ въ предѣлахъ Россійской Имперіи съ означеніемъ на каждомъ имени ударенія. Это было бы тѣмъ нужнѣе, что въ издаваемомъ П. П. Семеновымъ „Географическомъ и Статистическомъ Словарѣ“ произношеніе именъ не отмѣчено, тогда какъ оно во многихъ случаяхъ сомнительно; напримѣръ, не всѣ знаютъ, какъ выговаривать: Сухона, Кубенское (оз.), Мезень, и къ сожалѣнію, въ общемъ употребленіи этихъ и другихъ названій преобладаетъ произношеніе ошибочное. При такихъ именахъ, какъ *Мезень*, надобно бы означать и родъ ихъ (муж. или женск.).

Я. Гротъ.

НОВЫЙ ИКОНОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ.

Caractéristiques des Saints dans l'art populaire, énumérées et expliquées par le P. Ch. Cahier, de la Compagnie de Jésus. Tome premier. A—F. Pages 1 à 440. Paris. Librairie Poussielgue frères. 1867.

Занятія христіанскою иконографіею, какъ наукой, получили начало свое въ XVI столѣтіи вслѣдствіе спора католиковъ съ протестантами о почитаніи иконъ. Только съ этого времени начали обращать вниманіе на особыя черты и атрибуты, характеризующіе, въ памятникахъ искусства, лица, прославленныя церковью. При самомъ началѣ своемъ, ученая дѣятельность по части христіанской иконографіи получила двойное направленіе: одни ученые начали составлять именныя списки, иногда въ календарномъ порядкѣ, гдѣ при каждомъ лицѣ обозначались тѣ признаки, по которымъ его можно было легко отличить отъ другихъ лицъ, другіе — ратовать противъ погрѣшностей и ошибокъ, въ которыя впадаютъ живописцы, не довольно знакомые, по источникамъ, съ событіями церковной исторіи, и давать совѣты и наставленія художникамъ, какимъ образомъ слѣдуетъ изображать то или другое событіе, ту или другую личность. Изъ всѣхъ сочиненій съ XVI по XVIII-й вѣкъ, относящихся къ первой категоріи, самое замѣчательное принадлежитъ профессору богословія въ семинаріи въ Лёвенѣ (Louvain) Моланусу († 1585): *De picturis et imaginibus sacris liber unus tractans de vitandis circa eas abusibus et de earum significationibus*. Lovan. 1570, котораго четвертое изданіе было исправлено Пакд и появилось въ свѣтъ въ 1771 году. Во второй же категоріи самое видное мѣсто принадлежитъ двумъ сочиненіямъ: архіепископа Миланскаго Федерико Борромео, брата и наслѣдника знаменитаго Карла Борромео: *De pictura sacra libri duo*. Mediol. 1634, и Испанца Аяала (Ayala)—*Pictor christianus eruditus*. Madrid. 1730. Но вслѣдствіе антирелигіознаго направленія XVIII вѣка, эта важная вѣтъ христіанской археологіи была вскорѣ предана совершенному забвенію и воскресла

къ новой и болѣе полной жизни только въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія. Странно, что это возрожденіе науки христіанской иконографіи произошло не въ католическихъ, а въ протестантскихъ странахъ. Авторъ сочиненія, заглавіе котораго выписано въ началѣ этой статьи, приписываетъ это явленіе не научному духу этихъ странъ, не умственной дѣятельности, вызвавшей къ жизни обширную область христіанской археологіи, не пламенной любви и энтузіазму къ среднимъ вѣкамъ, которые побудили романтическую школу устремиться съ свойственнымъ юности жаромъ къ изученію ихъ письменныхъ и вещественныхъ памятниковъ, преданій и вѣрованій, а совершенно другимъ и вовсе не столь похвальнымъ побужденіямъ. „Христіанская иконографія, говоритъ онъ (стр. 6 предисловія), должна была содѣлаться загадкою для протестантовъ, тогда какъ во Франціи воспоминанія и церковная служба поддерживаютъ *порядочное* знаніе нѣкоторыхъ фактовъ“. Но едва-ли научное равнодушіе можетъ быть оправдываемо такимъ образомъ. Если монументальные памятники христіанскаго искусства суть, какъ выразился одинъ гениальный человѣкъ, книга для не умѣющихъ читать, то измѣнившійся характеръ всего воспитанія новѣйшаго общества требуетъ объясненія многихъ мѣстъ ея даже для высшихъ классовъ. Эти-то потребности, вѣроятно, и вызвали современное возрожденіе и болѣе широкое развитіе христіанской иконографіи. Съ тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія появились въ свѣтъ, въ Германіи, сочиненія Радовица, Гельмслорфера, Менцля и Шипера, въ Англіи — Паркера, мистриссъ Джемисонъ, Юзенбеса (Husenbeth), изъ которыхъ нѣкоторыя суть капитальныя приобрѣтенія науки, а другія — первыя попытки привести въ систематическій порядокъ тотъ матеріалъ, который собранъ съ такою эрудиціей и въ столь обширныхъ разумахъ авторомъ лежащаго передъ нами сочиненія. Въ самомъ дѣлѣ, никто, казалось, съ извѣстной точки зрѣнія, не былъ способенъ иезуита Кайэ предпринять во Франціи ученый и обширный трудъ по этому предмету. Во Франціи, кромѣ небольшого сочиненія аббата Кронъ, которое, впрочемъ, не упоминается въ разсматриваемой нами книгѣ, не существуетъ ни одного сочиненія по части христіанской иконографіи (словарь Генбо (Guénebauld) не можетъ сюда причисляться). О. Кайэ давно уже пользуется почетною извѣстностью въ археологическомъ мірѣ: имя его неразлучно связано съ именемъ другаго французскаго ученаго, недавно умершаго иезуита Артюра Мартена, въ сотрудничествѣ съ которымъ онъ издалъ два знаменитыя въ археологической литературѣ сочине-

нія: *Les vitraux de Bourges* и *Mélanges d'Archéologie*. Въ обоихъ собрана не только масса иконографическихъ свѣдѣній и матеріала, но и о. Кайэ, глубоко знакомый съ твореніями отцовъ церкви, посвятилъ въ обоихъ сочиненіяхъ множество страницъ весьма счастливому и глубокомысленному толкованію христіанской символики. Никто во Франціи многолѣтними занятіями не былъ болѣе приготовленъ къ разьясненію таинственного смысла древне-христіанскихъ символовъ, атрибутовъ и измѣненій въ типахъ, какъ оставшійся въ живыхъ издатель *Mélanges d'archéologie*. Можно было также предполагать, что въ бумагахъ своего друга онъ найдетъ много матеріаловъ и рисунковъ съ незаданныхъ памятниковъ, пригодныхъ для его новаго труда. Поэтому неудивительно, что новое произведеніе его пера, при первыхъ выпускахъ, было встрѣчено съ сочувствіемъ археологическими журналами.

Нынѣ лежитъ передъ нами вполне оконченный первый томъ христіанской иконографіи о. Кайэ: это половина цѣлаго труда, котораго словарная форма позволитъ уже нынѣ, еще до выхода въ свѣтъ полнаго сочиненія, обсудить его цѣль, направленіе и ученые достоинства. Уже внѣшній видъ этой книги привлекателенъ: превосходно напечатанная въ типографіи Клэ (*Claye*) и украшенная полиптиками, она издана въ форматѣ большаго in 4°, подходящаго къ фоліо, и состоитъ изъ 439 страницъ убористой печати, въ два столбца. Правда, этотъ форматъ и самый объемъ сочиненія дѣлаютъ книгу совершенно неудобною для практическаго употребленія: подобные иконографическіе словари назначаются собственно для справокъ въ картинныхъ галлереяхъ, въ соборахъ или церквахъ, въ книгохранилищахъ или собраніяхъ гравюръ, при разсматриваніи памятниковъ искусства, гдѣ встрѣчаешь изображенія лицъ, которыя могутъ быть узнаны только по характеристическимъ ихъ атрибутамъ. Но этотъ недостатокъ, можетъ-быть, будетъ устраненъ: самъ авторъ высказываетъ надежду, что явится компиляторъ, который передастъ массѣ публики, для вышеозначенныхъ практическихъ цѣлей, въ сжатой формѣ его большой трудъ. За то публичныя бібліотеки и археологи получили сочиненіе, которое составитъ украшеніе каждой бібліотеки.

Понятно, что въ иконографическомъ сочиненіи, задуманномъ и исполненномъ въ столь обширныхъ размѣрахъ, иллюстрація или способъ посредствомъ рисунковъ съ извѣстныхъ памятниковъ объяснять текстъ, должна играть важную роль. Что авторъ нашего сочиненія понималъ это значеніе иллюстраціи въ своей книгѣ, видно изъ многихъ

весьма любопытныхъ памятниковъ, имъ представляемыхъ, видно изъ многихъ снимковъ, вѣрно передающихъ стиль оригиналовъ. Безъ сомнѣнія, никто не станетъ требовать отъ него, чтобы каждая статья его словаря была иллюстрирована: есть безчисленное множество лицъ, которыхъ атрибуты достаточно описать нѣсколькими словами, чтобы читатель съ перваго взгляда ихъ узналъ. Но въ христіанской иконографіи есть великія личности, измѣненія типа которыхъ во времени непременно надлежитъ прослѣдить по монументальнымъ памятникамъ. Здѣсь иллюстрація должна сопровождать каждую строку пера писателя. Здѣсь дѣло идетъ не только о томъ или другомъ атрибутѣ, но и объ измѣненіяхъ, которымъ подвергается весь типъ, то-есть, черты лица, внѣшнія формы тѣла, поза, измѣненія въ возрастѣ, костюмѣ и т. д. Авторъ отлично понималъ эту научную цѣль христіанской иконографіи и выразилъ эту задачу ея въ заглавіи своего сочиненія. Онъ не назвалъ его: объ атрибутахъ святыхъ, о христіанскихъ символахъ и т. п. образомъ, а: *Caractéristiques des Saints dans l'art*. Только, въ сожалѣнію, онъ не исполнилъ своей задачи: нигдѣ въ его книгѣ мы не встрѣчаемъ исторіи развитія типовъ великихъ христіанскихъ личностей. Иногда даетъ онъ, въ удачномъ снимкѣ, тотъ или другой важный памятникъ христіанскаго искусства, который представляетъ извѣстный моментъ въ развитіи типа, но нигдѣ, во всей книгѣ, нѣтъ у него и слѣда, даже желанія показать историческое развитіе типовъ. А между тѣмъ это есть единственный научный методъ, возможный въ христіанской иконографіи, понимаемой въ смыслѣ строгой науки. Сопоставляя такимъ образомъ монументальные памятники, имѣющіе значеніе въ историческомъ развитіи извѣстнаго типа, мы только этимъ путемъ получимъ твердое хронологическое основаніе для опредѣленія времени происхожденія новооткрываемыхъ памятниковъ, не обозначенныхъ годами.

По этимъ задачи иллюстраціи иконографическаго сочиненія, столь обширно задуманнаго, какъ книга о Кайѣ, еще далеко не исчерпаны. Не менѣе важную роль играетъ и самый *выборъ* памятниковъ. Какіе памятники искусства должны быть представлены читателю въ подобномъ сочиненіи? Памятники ли древне-христіанскаго искусства и среднихъ вѣковъ, кончая вѣкомъ реформаціи, или, кромѣ нихъ, и всякаго рода изображенія, находимыя и въ гравюрахъ новыхъ гравировъ, какъ, напримѣръ, Калло, и въ картинахъ новыхъ и новѣйшихъ живописцевъ, какъ, напримѣръ, Гверчино, Овербека, Фландрена? Можно ли заказывать современному художнику, по идеѣ автора, ил-

люстраціи въ иконографической статьѣ о той или другой личности, которой старинныя изображенія не дошли до насъ или которая жила и прославилась только въ недавнее время? Всякій, понимающій христіанскую иконографію въ смыслѣ науки, безъ сомнѣнія, приметъ границу для иконографическихъ изслѣдованій эпоху реформаціи и даже въ выборѣ средневѣковыхъ памятниковъ будетъ поступать съ большою трезвостью. Не такъ думаетъ, къ сожалѣнію, о занимающемъ насъ вопросѣ о Кайэ. Онъ не любитъ того, что называетъ *archéologie toute crue*, и потому избралъ второй способъ иллюстраціи и широкою рукою иллюстрировалъ свое сочиненіе совершенно бесполезными для науки рисунками. Затраченъ большой капиталъ на уплату за труды художника и рѣзчиковъ на деревѣ, и къ двойному сожалѣнію, потеряно множество драгоценнаго мѣста въ книгѣ, которое могло бы быть посвящено памятникамъ, исторически важнымъ.

И въ дѣлѣ *выбора* иконографическихъ иллюстрацій заглавіе сочиненія о Кайэ, по мысли автора, должно было выразить ту систему, которой онъ слѣдовалъ. Его характеристики взяты изъ области *народнаго искусства* (*dans l'art populaire*). Подъ именемъ *народной поэзіи, народной литературы* извѣстны произведенія словесности, созданныя фантазіей народа, безъизвѣстныхъ личностей, вышедшихъ и исчезнувшихъ въ массѣ. Въ этомъ смыслѣ *народная поэзія* противопоставляется *поэзіи искусственной, поэзіи поэтовъ* (*Volksdichtung und Kunstdichtung*). Въ этомъ смыслѣ и мы думали, что авторъ противопоставляетъ искусству народному, безличному — искусству живописцевъ, *l'art populaire et l'art des peintres*, искусству древне-христіанскому или средневѣковому — искусству живописцевъ, каковы Фезоле, Перуджино, Леонардо да-Винчи, Рафаэль, Беллини и Франчіа. Правда, онъ весьма тщательно избѣгаетъ это искусство живописцевъ, *l'art des peintres*, и нигдѣ не цитуетъ какъ иконографическій авторитетъ то или другое изображеніе Фезоле, Перуджино или какого-либо другаго живописца. Но каково было наше удивленіе, когда мы, въ числѣ его иконографическихъ памятниковъ, встрѣтили Гверчино (I, стр. 337, изображеніе св. Джеминиано, епископа Моденскаго)! Но этимъ еще далеко не ограничился авторъ: онъ нарочно пригласилъ молодого и по его мнѣнію, талантливаго художника г. Гримѣ (Grimaux), который изобильною рукою иллюстрировалъ его книгу самыми безцвѣтными, по нашему мнѣнію, изображеніями. Г. Гримѣ, какъ видно изъ созданій его карандаша, слабый подражатель уважаемаго нами живописца Фландрена. Онъ рабски подражаетъ позамъ этого худож-

ника, никогда не достигал идеальности и возвышенности его фигуръ. И къ какому обогащенію иконографической науки служатъ его изображенія св. Годаберты (стр. 49), св. Бернарда Толентинскаго (стр. 85), св. Соланжъ (стр. 90), св. Жана Капистранскаго (стр. 330), св. Сира и св. Жюлиитты (стр. 350), св. Эдмонда (стр. 415) и tutti quanti? Наконецъ, вслѣдствіе увѣренности въ самомъ себѣ, вытекающей изъ многолѣтняго занятія иконографіей, авторъ самъ сталъ сочинять иконографическіе типы и замѣнять, по собственному произволу, одинъ атрибутъ другимъ. Примѣръ тому мы находимъ на стр. 329. „Византійская императрица св. Пульхерія, † 453, можетъ быть, говорить онъ, изображаема представляющею Богу надпись, которую она посвятила въ церковь св. Софій, чтобы публично засвидѣтельствовать свой обѣтъ дѣвственности. Я предпочелъ дать ей таблицу, на которой начертано слово Θεοτόκος, въ воспоминаніе осужденія несторіанской ереси на Эфесскомъ соборѣ“. И послушный карандашъ г. Гримѡ изобразилъ на слѣдующей 330 страницѣ св. Пульхерію по предписаніямъ этого новаго отца католической церкви. Странное и неуважительное обращеніе съ наукой!

Всѣмъ извѣстно, что иконографическіе типы получили свое начало въ эпоху древне-христіанскаго искусства. Ихъ развили далѣе и окончательно установили Византія и византизмизированный Востокъ, Італія и Германія. Франція, даже въ эпоху самаго высшаго процвѣтанія своей религіозной жизни, не проявляла сильнаго, самостоятельнаго творчества въ этомъ дѣлѣ. Замѣчательны только въ значительной степени порталы ея готическихъ соборовъ, гдѣ разказаны легенды мѣстныхъ святыхъ и т. п. Даже многочисленныя французскія Livres d'Heures, созданныя въ такомъ огромномъ количествѣ XV-мъ и XVI-мъ столѣтіями, не представляютъ иконографу обильной жатвы. Нѣкоторыя франкскія миниатюры, нѣсколько средневѣковыхъ произведеній живописи на стеклѣ и замѣчательныхъ скульптуръ — вотъ все ея богатство. Оригинальнаго религіознаго искусства Франція никогда не имѣла. Хотя національное самолюбіе ученаго археолога давно должно было бы сознать эту истину, но о. Кайэ даже глубоко убѣжденъ, что религіозное искусство можетъ процвѣтать во Франціи XIX вѣка, хотя и сознается, что Франція потеряла религіозную жизнь. Вотъ почему онъ облѣпилъ драгоцѣнныя страницы своей книги „современными композиціями“ (compositions contemporaines), жалкими, безцвѣтными и безхарактерными. Такъ поступаютъ католическія общества, издающія

назидательныя книжицы для народнаго чтенія съ картинками, назначенными поддерживать и распространять благочестіе.

Перейдемъ къ научной сторонѣ сочиненія о. Кайэ. Всѣмъ извѣстно, какъ богато христіанское искусство символами. Символы — даже любимѣйшій способъ выраженія въ древне-христіанскомъ искусствѣ, или лучше сказать, это единственный языкъ, на которомъ говорило христіанское искусство въ эпоху преслѣдованія церкви. Всякій, безъ сомнѣнія, непремѣнно станетъ искать объясненія этихъ символовъ въ словарѣ символовъ и атрибутовъ, издаваемомъ о. Кайэ, какъ найдетъ ихъ въ словарѣ Менцли, изданномъ на нѣмецкомъ языкѣ (*Menzel*, — Wolfgang. Christliche Symbolik. Zweite Auflage. Regensburg. 1856. 2 тома). Никто во всей Франціи не могъ бы глубокомысленнѣе обработать этотъ предметъ, даже въ формѣ словаря, чѣмъ авторъ столь многочисленныхъ диссертаций о христіанскихъ символахъ, о христіанской символикѣ, находящихся въ названныхъ выше изданіяхъ имъ двухъ сочиненійхъ; но тщетно читатель будетъ искать подробнаго изложенія и объясненія символовъ древне-христіанскаго искусства, которыя слѣдуетъ встрѣтить подъ первою половиною буквъ французскаго алфавита. Если въ рѣдкихъ случаяхъ необходимость заставляетъ его объяснить тотъ или другой символъ, то онъ дѣлаетъ это кратко и неохотно. Внося въ свой словарь всѣ символы, онъ тщательно избѣгаетъ, устраняетъ отъ себя всѣ символическія разсужденія. Это направленіе своего сочиненія онъ ясно высказалъ не только въ предисловіи (стр. 8), но и во многихъ введеніяхъ въ статьи символическаго содержанія (напримѣръ, на стр. 65). Тщетно читатель на вышедшихъ въ свѣтъ страницахъ будетъ искать символическаго объясненія изложенныхъ тутъ словъ: агнецъ, яворъ, символическія животныя (напримѣръ, единорогъ) деревья, корабль, олень, вѣнецъ, райскія рѣки и т. д. Авторъ преслѣдовалъ совершенно другія цѣли: главною его цѣлію было — дать опытъ *историческаго объясненія* атрибутовъ, съ которыми изображается то или другое лицо. Авторъ — *историкъ и только историкъ*. Съ неутомимою ревностью, въ теченіе многихъ лѣтъ, — потому что сочиненіе это задумано было имъ еще въ 1838 г., — собралъ онъ огромный историческій матеріалъ, который объясняетъ пять исторій, то-есть, изъ житій, сказаній и легендъ, дошедшія до насъ изображенія лицъ, которыхъ корни, по его мнѣнію, всегда кроются въ исторіи. Если мнѣніе это относительно и справедливо, то автору, безусловно вѣрующему въ его непогрѣшимость, въ такомъ случаѣ не слѣдовало бы иногда относиться къ своимъ источникамъ весьма скепти-

чески. *Словарь характеристикъ святыхъ въ народномъ искусствѣ, о. Кайэ*, разсматриваемый какъ собраніе историческаго матеріала для разъясненія атрибутовъ тѣхъ или другихъ лицъ, есть громадный иконографическій реперторіумъ, которому подобнаго нѣтъ во всей европейской литературѣ.

Совершенно иной вопросъ: практически ли расположенъ этотъ матеріалъ? Авторъ далъ своему сочиненію форму словаря. Матеріалъ въ этой формѣ долженъ быть расположенъ такъ, чтобы найдя на какомъ-либо памятникѣ изображеніе неизвѣстнаго намъ лица съ атрибутомъ, мы, зная атрибутъ, могли тотчасъ взять для справки книгу о. Кайэ и подъ алфавитною буквою этого атрибута найти удобно и опредѣлить личность находящагося передъ нами на памятникѣ неизвѣстнаго намъ лица. Таково практическое назначеніе всѣхъ энциклопедическихъ словарей. Къ сожалѣнію, словарь о. Кайэ представляетъ въ этомъ отношеніи безвыходную путаницу: почти въ каждой статьѣ встрѣчаются десятки ссылокъ на другія статьи, которыя должно отыскать, прочесть и сличить, чтобъ открыть искомую личность. Я приведу нѣсколько примѣровъ. Предположимъ, что на картинѣ, находящейся передъ нами, мы видимъ, изображеніе епископа, котораго мы узнаемъ по костюму, въ сопровожденіи ангела. Беру словарь о. Кайэ и отыскиваю подъ статьею: anges, рубрику: saints caractérisés par la présence d'un ange. Но по словарю о. Кайэ, епископовъ, изображаемыхъ съ ангелами, — 18. Чтобы распознать, который изъ 18-ти епископовъ изображенъ на нашей картинѣ, мы должны еще отыскать, прочесть и сличить эти 18 описаній съ статьями: colombe, cruche, lampe, lingé, aigle, clef, tombeau, calice, cygne, mer, bœuf etc. etc. Прочесть полсловаря для одной справки, признаемся, это — не очень удобно. Но затрудненіе наше возрасло бы вдвое, если бы вмѣсто епископа на нашей картинѣ изображенъ былъ просто какой-либо священнослужитель. Такихъ священнослужителей, изображаемыхъ съ ангелами, авторъ насчитываетъ 44. Пусть читатель отгадаетъ, сколько тутъ новыхъ справокъ. Но предположимъ, что мы начинаемъ догадываться, что изображенный на нашей картинѣ священнослужитель есть св. Иоакимъ, отецъ Пресвятой Дѣвы Маріи, которому ангелъ объявляетъ, что онъ будетъ вскорѣ отцомъ. Чтобъ окончательно убѣдиться въ томъ, что это св. Иоакимъ, мы должны, по желанію автора, отыскать, прочесть и сличить еще статьи: troupeau, porte, groupes (!) и embrasement. Женщинъ, изображаемыхъ съ ангелами, 24; женщинъ, изображаемыхъ съ кольцомъ въ рукахъ, 6; алтарь изображается при 29

святыхъ, и само собою разумѣется, одного послѣдняго признака недостаточно, чтобъ отличить св. Аквиліна, епископа города Эврэ, отъ Нантскаго епископа св. Гоарда, и вотъ опять начинается безконечный рядъ ссылокъ на другія статьи... Посохъ (*bâton*) — атрибутъ, придаваемый 42 святымъ; ясно, что нужны еще другіе признаки, чтобъ узнать лицо, изображенное на памятникѣ съ посохомъ, и вотъ опять ссылки на статьи: *serpents*, *bœufs*, *calice*, *coupe*, *fleuve*, *sseau* и т. д., и т. д.

Но этимъ далеко не ограничивается безвыходная путаница словаря о. Кайэ: въ рубрикаціи матеріала господствуетъ удивительный произволъ. Предположимъ, что передъ нами находится древне-христіанскій памятникъ, на которомъ изображенъ Даниилъ во рву львиномъ; голова пророка облечена въ фригійскую митру. Гдѣ искать объясненія этой подробности восточнаго костюма, подъ словомъ: *mitre phrygienne* или словомъ: *tiare*? Нисколько. Фригійская шапка объяснена и изображена подъ словомъ: *bonnets singuliers*! Такой же произволъ въ рубрикаціи словъ или въ размѣщеніи иконографическаго матеріала подъ алфавитный порядокъ, мы встрѣчаемъ въ словарѣ о. Кайэ на каждомъ шагѣ. Подъ словомъ: *bœuf* изложены безъ различія всѣ *bêtes bovines*, или, какъ говорятъ, *bêtes à cornes*, то-есть, *taureau*, *vache*, *bœuf*, *buffle* и даже *les bœufs ou taureaux artificiels*. *Монеты*, изображаемыя на памятникахъ, на примѣръ, въ рукахъ различныхъ лицъ, должно искать подъ словами: *argent* и *aigle*. Подъ словомъ: „*assassinat*“ читатель найдетъ только „*les guets-arens assez clairement exprimés par les artistes*“ (!). Объясненіе изображенія Воскресенія Лазаря слѣдуетъ искать подъ словами: *cadavre* и *mort ressuscité*; извѣстную монограмму имени Спасителя подъ двумя словами: *chiffre* (стр. 219) и *chrisme* (стр. 221), и не смотря на то, обѣ статьи, судя по важности предмета, очень кратки, потому что авторъ отсылаетъ читателей къ новымъ трудамъ Де-Росси по этому вопросу. Но эти труды написаны на языкѣ, мало извѣстномъ во Франціи и вообще въ Европѣ; слѣдовательно, отчего бы не изложить результаты ихъ въ популярной формѣ въ сочиненіи, назначенномъ не для однихъ ученыхъ археологовъ, но и для художниковъ и образованной публики вообще? Авторъ самъ, повидимому, избирѣталъ разныя ухищренія въ дѣлѣ рубрикаціи своего матеріала, чтобы только ввести читателя въ затрудненіе при справкѣ, а не облегчить ему дѣло. Такъ, всѣ суда, изображаемыя на памятникахъ съ одною мачтою, въ его словарѣ должно искать подъ статью: *barque*, а если мачтъ болѣе, то подъ статью: *vaisseau*. Это раздѣленіе судовъ, ни на чемъ не основанное,

есть чистый произволъ фантазіи автора. Вообще изъ чтенія одной статьи словаря о. Кайэ никто не получитъ полнаго отвѣта на одинъ вопросъ: необходимо прочесть десятокъ статей. Такъ, чтобы составить себѣ понятіе объ инсигніяхъ епископской власти, должно прочесть слова: *épiscopat, chape, croix, crosse, mitre* и т. д. Кромѣ нѣкотораго внѣшняго порядка въ распредѣленіи описываемыхъ лицъ, въ сочиненіи О. Кайэ нѣтъ строгой научной методы. Но богатство историческаго матеріала и достоинство нѣкоторыхъ статей дѣлаютъ его книгу необходимымъ пособіемъ при изученіи христіанской иконографіи, если не для большинства "ублнки, то для ограниченнаго круга специалистовъ. Самъ авторъ чувствовалъ, что практическаго значенія его книга никогда не приобрететъ (стр. 11). Къ замѣчательнѣйшимъ ея статьямъ принадлежатъ: *apôtres, calendrier, crosse, évangélistes* и нѣкоторыя другія. Въ статьѣ о календаряхъ мы думали, что авторъ, по характеру сообщаемыхъ имъ матеріаловъ, дастъ намъ полную исторію не писанныхъ, но рисованныхъ календарей, назначенныхъ для употребленія неграмотныхъ классовъ общества. Къ сожалѣнію, надежды наши не сбылись. Авторъ ограничился сообщеніемъ двухъ подобныхъ календарей: Бретонскаго и Скандинавскаго. Хотя оба памятника въ высшей степени интересны, но самый предметъ статьи ими далеко не исчерпывается.

Наконецъ, при чтеніи сочиненія о. Кайэ не должно терять изъ виду отношенія автора къ наукѣ вообще: онъ католикъ и іезуитъ. Какъ католическій писатель о наукѣ, имѣющей, по его мнѣнію, релігіозный характеръ, онъ не знаетъ научной объективности и относится враждебно ко всѣмъ иконографическимъ явленіямъ, вышедшимъ не изъ лона римско-католической церкви, а созданнымъ, напримѣръ, византійскою церковью. Таково, напримѣръ, его мнѣніе объ изображеніи греческою церковью Іоанна Крестителя съ крыльями (стр. 26). Какъ іезуитъ, онъ говоритъ съ іезуитскою изворотливостью ума во многихъ мѣстахъ своей книги, напримѣръ, о чудесахъ.

Мы посвятили разбору новаго труда о. Кайэ болѣе мѣста, чѣмъ позволяетъ, можетъ-быть, программа *Журн. Мин. Нар. Просв.* ¹⁾ Намъ

¹⁾ Скъемъ думать, что читатели наши будутъ намъ только признательны за помѣщеніе замѣтокъ, о важнѣйшихъ сочиненіяхъ по части исторіи искусствъ, такого знатока дѣла, какъ К. К. Гёрцъ, уже 10 лѣтъ преподающій этотъ предметъ въ Московскомъ университетѣ, и надѣмся, что почтенный авторъ не откажетъ намъ въ дальнѣйшемъ своемъ сотрудничествѣ по предметамъ его специальности. *Ред.*

побуждали къ тому, какъ обширность и значеніе этого труда, такъ и желаніе обратить на него вниманіе русскихъ читателей. Намъ казалось, что слѣдуетъ указать на его достоинства и недостатки въ такой странѣ, гдѣ христіанская иконографія составляетъ живую науку, гдѣ нѣсколько лицъ исключительно посвящаютъ себя ея изученію, гдѣ составилось даже цѣлое общество съ цѣлю изучать памятники отечественной иконографіи, гдѣ цѣлый классъ художниковъ работаетъ для удовлетворенія иконографическихъ потребностей. Указанія на чужія достоинства и ошибки не пройдутъ, можетъ-быть, совершенно безъ слѣда на томъ пути, который мы сами пролагаемъ въ этой наукѣ.

К. Гёрцъ.

ОБОЗРѢНІЕ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

V. Географія Россіи.

Поѣздка въ Окинскій караулъ князя *Крапоткина*. — Мнѣніе *г. Скороговорова* о вулканическомъ происхожденіи Байкала. — Путешествіе *г. Лопатина* по верхнему теченію рѣки Витима. — Экспедиція для отысканія скотопрогоннаго пути изъ Олекминскаго округа въ Нерчинскій. — Плаваніе *г. Хилковского* по рѣкѣ Сунгари. — Поѣздка *г. Шмидта* на сѣверъ Сибири для изслѣдованія трупъ мамонта. — Изслѣдованіе Каратаусскихъ горъ въ Туркестанѣ. — Труды *г. Абиши* по географіи Кавказа. — Кавказскіе нефтяные источники.

Богатые матеріалы по географіи Россіи сообщаютъ *Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества*, въ особенности труды отдѣловъ его Сибирскаго и Кавказскаго.

Сибирь, преимущественно восточная часть ея, представляетъ до сихъ поръ множество мѣстностей, еще не тронутыхъ наукою. Сибирскій отдѣлъ географическаго общества, поставивъ главною своею задачею изученіе этого обширнаго края, сошелся въ своихъ стремленіяхъ съ частными лицами и различными правительственными вѣдомствами, которыя не менѣе его заинтересованы въ знакомствѣ съ странною для чисто-практическихъ цѣлей. Благодаря постороннимъ пособіямъ, скудный по средствамъ отдѣлъ имѣлъ возможность въ прошедшемъ и зашедшемъ годахъ нарядить нѣсколько важныхъ экспедицій въ различныя части восточной Сибири. Свѣдѣнія объ этихъ экспедиціяхъ сообщены въ отчетѣ его за 1866 года, помѣщенномъ въ *Извѣстіяхъ Императорскаго Географическаго Общества* т. III. № 1-й. Мы прежде всего остановимся на поѣздкѣ въ Окинскій караулъ князя Крапоткина.

Поводомъ къ этой поѣздкѣ послужило появившееся въ 1864 году въ Петербургскихъ газетахъ извѣстіе о находящихся въ Иркутской губерніи Окинскихъ водопадахъ, которые будто бы до того велики, что одинъ изъ нихъ превосходитъ всѣ существующіе въ мірѣ. Князь

Крапоткинъ принялъ на себя обязанность развѣдать о неслыханныхъ водопадахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ осмотрѣть долину Оки и надписи на утесахъ, замѣченныя близъ Окинскаго караула. Путевыя записки любознательнаго путешественника начинаются отъ самаго Иркутска. За холмистою мѣстностью, на которой расположены деревни Смоленщина, Баклаши и другія, дорога все болѣе и болѣе углубляется въ гористую страну, въ которой хлѣбопашество ослабѣваетъ, и жители болѣе занимаются лѣсопромышленностью, сплавляя лѣсъ въ Иркутскъ. Далѣе отъ деревни Моты до Култука начинается уже вполне альпійская страна; горы покрыты густою чащею лиственницы. Отъ Култука дорога тянется по падямъ рѣкъ Култушной и Ильчи и затѣмъ, послѣ ряда небольшихъ хребтовъ, добирается до Торской котловины, въ которой течетъ Иркутъ. Котловина шириною до 9-ти верстъ и длиною 20 верстъ. Здѣсь путешественникъ рисуетъ намъ прекрасную горную картину; даже растительность принимаетъ иной видъ: вмѣсто мелкихъ лиственницъ и кедровъ, утомлявшихъ взглядъ въ окрестностяхъ Култука, является рослая береза и толстая сосна. Скотоводство существуетъ здѣсь въ широкихъ размѣрахъ; только хлѣбопашество при изобиліи скота весьма ничтожно.

На дорогѣ отъ Торской станціи до селенія Тунки, идущей по отрогамъ горъ лѣваго берега Иркуты, князь Крапоткинъ спускался въ пещеру, которая находится въ одномъ изъ холмовъ. Узкая труба, покрытая ледяною (*sic!*) накипью, служитъ входомъ въ пещеру, которая имѣетъ до 15-ти шаговъ длины, 10 ширины и высоты до 3 сажень; стѣны и полъ состоятъ изъ пемзовидной лавы, покрытой известковыми натеками; на двѣ просачивается вода, имѣющая, какъ и всѣ колодцы Тунки, сѣрный вкусъ. Самое селеніе Тунка состоитъ изъ 350 душъ и разбросано на нѣсколько верстъ по обоимъ берегамъ Иркуты. Тунку населяютъ казаки, потомки древнихъ пограничныхъ казаковъ, живущіе здѣсь съ 1709 года и уже смѣшавшіеся съ кореннымъ бурятскимъ населеніемъ, отчего они, какъ племя малочисленное, приняли монгольскій типъ. Казаки занимаются хлѣбопашествомъ, звѣринными промыслами, преимущественно бѣлками, и мелочною торговлею съ пограничными Монголами. Кромѣ казаковъ, въ Тункѣ есть ясачные осѣдлые Буряты, перенимающіе всѣ русскіе обычаи осѣдлой жизни и уже въ значительной степени потерявшіе тотъ безобразный типъ, который такъ часто попадается между чисто бурятскими племенами.

На дорогѣ изъ с. Тунки вверхъ по Иркуту попадаетъ замѣчательная кумирня. Она имѣетъ видъ трехъэтажной деревянной башни въ китайскомъ вкусѣ и интересна по разнообразію идоловъ, какое рѣдко можно встрѣтить въ другихъ кумирняхъ; напримѣръ, въ верхнемъ этажѣ есть идолъ Цаганъ-Убукгуна съ большою бѣлою бородою, единственное изъ всѣхъ буддійскихъ изображеній съ бородою. Около него стоятъ два человѣка; надъ однимъ изъ нихъ свѣтитъ бѣлое солнце, а надъ другимъ красное. Рядомъ съ большою кумирнею помѣщаются нѣсколько маленькихъ; вѣсѣ ограды располагаются юрты ламъ.

Миновавъ Нилову пустынь, живописно расположенную среди высокихъ горъ, заросшихъ хвойными лѣсами, нашъ путешественникъ вступилъ въ холодную гористую мѣстность, бѣдную древесною растительностью. Отсюда во всей красѣ открывался видъ на снѣжный Мунку-Сардыкъ, составляющій водораздѣлъ между Окой и Иркутомъ. Вершины хребта безлѣсны: ихъ покрываютъ яркіе мхи и разноцвѣтные лишай. Онѣ состоятъ изъ трехъ гребней горъ, высшая точка которыхъ 7292". Спустившись съ гольца при хорошей погодѣ, путешественникъ достигъ озера Иркута, изъ котораго беретъ начало Бѣлый Иркутъ; недалеко отсюда находится другое Окинское озеро, верховье рѣки Оки. Они раздѣляются низкимъ болотистымъ уваломъ, поросшимъ лиственницею. Отправившись внизъ по теченію Оки, князь Крапоткинъ далъ себѣ отдыхъ въ юртѣ Бурята. Усталому путешественнику долго мечталась величественная грозная картина снѣжныхъ гольцовъ. Онъ полагаетъ, что мѣстность, посѣщенная имъ, представляетъ важный интересъ для геологическихъ изслѣдованій: сравнительное геологическое изслѣдованіе верховьевъ Иркуты, Китая, Оки и Бѣлой должно привести къ рѣшенію многихъ существенныхъ вопросовъ объ образованіи горныхъ системъ центральной Азіи.

На пути къ Окинскому караулу князь Крапоткинъ посѣтилъ Алиберовскій графитный приискъ. Мѣстороженіе графита здѣсь извѣстно было еще съ 1842 года. Алиберъ купилъ за 300 руб. этотъ приискъ и съ 1847 года открылъ разработку. Въ настоящее время приискъ совершенно брошенъ со всѣми орудіями, домашнимъ обзаведеніемъ, садомъ и огородами, устройство которыхъ на высотѣ 7.000 футовъ стоило немовѣрныхъ трудовъ.

Окинскій караулъ состоитъ изъ ветхой казармы, амбара и часовни. Кромѣ обязательнаго русскаго поселенія, состоящаго изъ 4-хъ казачковъ, въ караулѣ живутъ еще двѣ семьи, поселившіяся за нѣсколько десятковъ лѣтъ. Въ окрестностяхъ считается до 300 Бурятъ, зани-

мающихся скотоводствомъ. Недалеко отъ караула есть высокій, известковый утесъ Монгольжинъ. На немъ видны надписи клинообразно-сердцевидной формы съ точкою въ срединѣ, сдѣланныя на камнѣ красною и малиноюю краской. Краска эта большею частію смылась, и самыя куски бѣлаго известняка, на которыхъ были нѣкогда надписи, отвалились. Три рисунка уцѣлѣли на одной площадкѣ, своимъ наклоннымъ положеніемъ предохраненной отъ дождей; отъ другихъ же остались только блѣдныя слѣды въ видѣ пятенъ. Кромѣ того сохранились остатки построекъ, состоящія изъ груды камней, на которыхъ видны явныя слѣды насѣвшей отъ огня копоти.

Съ окончаніемъ послѣднихъ степныхъ мѣстъ, привольныхъ для скотоводства, съ появленіемъ горъ и быстрыхъ узкихъ рѣчекъ, гдѣ луговую растительность смѣняетъ оленій мохъ, начинается бродячая жизнь оленяго народа Карагасовъ. Современные этнографы сообщаютъ о нихъ лишь очень скудныя свѣдѣнія; намъ извѣстно только, что есть Карагасы, кочующіе между Окой и Нижнеудинскомъ, что они разъ въ годъ выходятъ къ Нижнеудинску, гдѣ ихъ женятъ и крестятъ всѣхъ за годъ родившихся дѣтей, и что затѣмъ они удаляются въ самыя дикія мѣстности, въ гольцы и въ вершины бурливыхъ рѣчекъ. Ихъ происхожденіе, образъ жизни и языкъ остаются еще неизвѣстными.

Прибывъ къ главной цѣли своей поѣздки, князь Крапоткинъ убѣдился, что величественные Окинскіе водопады не что иное, какъ плодъ фантазіи досулаго корреспондента. Одинъ изъ рукавовъ рѣчки Джуйбулака, впадающей въ Оку, образуетъ дѣйствительно водопадъ высотой отъ 70 до 80-ти футовъ; вода падаетъ съ отвѣсной стѣны; ширина ручья въ самую большую воду бываетъ въ 28 футовъ, наибольшая глубина 5 футовъ, а вертикальное сѣченіе въ самую большую воду 70 квадратныхъ футовъ; скорость теченія, судя по навороченнымъ камнямъ, должна быть очень велика. Но водопадъ бываетъ только весною; лѣтомъ же нѣтъ не только его, но даже и воды. О второмъ ручьѣ въ $\frac{3}{4}$ версты отъ Джуйбулака не стоить и говорить. Высота паденія воды 15 футовъ; количество падающей воды такъ ничтожно, что всю струю можно собрать въ сороковую бочку. Въ подлинности этихъ водопадовъ сомнѣваться нельзя, потому что мѣстность оказалась вполнѣ согласною съ описаніями корреспондента; притомъ же по теченію всей Оки и впадающихъ въ нея ручьевъ нѣтъ другихъ водопадовъ.

Исполнивъ такимъ образомъ возложенное на него порученіе, князь

Крапоткинъ не захотѣлъ возвратиться прежнимъ путемъ въ Иркутскъ, а предпочелъ продолжить свои изслѣдованія внизъ по Окѣ. Онъ желалъ спуститься на лодкѣ, но Буряты рѣшительно отказали въ этомъ, увѣряя, что на Окѣ есть пороги, и что они не умѣютъ плавать. Поэтому онъ вынужденъ былъ отправиться верхомъ. Долина Оки, по которой проѣзжалъ нашъ путешественникъ, шириною около 12-ти верстъ, состоитъ изъ аллювіальныхъ наносовъ, теперь занятыхъ лавою, въ которыхъ рѣка промшла себѣ русло. Тамъ, гдѣ рѣка прижимается къ горамъ какого-либо берега, на противоположномъ являются хорошіе дуга, по которымъ разсѣяны лѣтники и зимники Бурятъ. Окрестные холмы усѣяны осиною, хвойными деревьями и березой. Переваливъ за высокій хребетъ, князь Крапоткинъ поѣхалъ по рѣкѣ Айнаку, которая течетъ въ ущелья, пробитомъ въ сѣрыхъ известнякахъ и поросшемъ лиственницею, кедромъ, елью, осиною, рябиной и кустарниками. Затѣмъ онъ переѣхалъ рѣчку Урду-Оку, и преодолевая на пути значительныя трудности, по дикой тайгѣ и россыпямъ поднялся на вершину высокаго гольца (6.942 футовъ). Съ этой высоты, гдѣ страшный вѣтеръ сбивалъ съ ногъ, открылся видъ на обширную горную страну. Съ гольца Крапоткинъ спустился въ надъ Далдармы, слѣдуя которою вышелъ опять на рѣку Оку. Здѣсь долина Оки не всегда удобопроходима, такъ что путешественнику пришлось снова переваливать черезъ горы, чтобы миновать утесистые берега. Но за устьями рѣчки Тигилтэя горы отходятъ въ сторону и только въ одномъ мѣстѣ праваго берега встрѣчается одинокое возвышеніе Будорикъ, которому Буряты воздаютъ поклоненіе и не шумятъ, проѣзжая его. Эту гору можно принять за границу распространенія большихъ сосновыхъ и мѣшанныхъ лѣсовъ по Окѣ. Отсюда почти исключительно идутъ рѣдкіе березовые лѣса по превосходнымъ дугамъ.

Пройдя деревню Карноты, населенную Бурятами, весь бытъ которыхъ составляетъ подражаніе быту русскихъ крестьянъ, князь Крапоткинъ чрезъ Зиминскую станцію по тракту возвратился въ Иркутскъ. Онъ привезъ съ собою болѣе 200 образцовъ горныхъ породъ, которыя могутъ дать полное понятіе о геогностическомъ характерѣ посѣщенныхъ имъ мѣстностей.

Не выходя изъ предѣловъ Иркутской губерніи, мы сообщимъ нѣкоторыя новыя свѣдѣнія о Байкалѣ, заимствованныя отчетомъ Сибирскаго отдѣла изъ статьи г. Скороговорова: „Нижеудинскій и Иркутскій округа“.

Монголы и Буряты называютъ Байкаль Байгаломъ (стояніе огня, отъ *бай* — стой и *каль* — огонь). Самое названіе, а еще болѣе сложность и перепутанность минеральныхъ породъ на берегахъ Байкала, нахождение лавы въ нѣкоторыхъ окрестностяхъ Байкала и существованіе минеральныхъ источниковъ, свидѣтельствуютъ, что когда-то, въ отдаленныя времена, на мѣстѣ обширнаго озера дѣйствовалъ огромный вулканъ. Это мнѣніе подтверждается наблюденіями надъ дномъ Байкала. По измѣренію 1819 года, при истокѣ Ангары оказалось 867 сажень глубины, около устья Селенги 246 сажень, а далѣе къ Баргузинской губѣ и устью Ангары дно несравненно мелче. Г. Скороговоровъ подтвердилъ это и собственнымъ наблюденіемъ. Ему нѣсколько разъ приходилось переплывать въ лодкѣ отъ Лиственничной станціи къ ручью Ворончугажъ, въ двухъ верстахъ отъ Ангары. Въ тихую погоду, внимательно всматриваясь въ глубь озера, можно на 10 саж. разсмотрѣть дно, которое отъ береговъ постепенно склоняется на протяженіи 56 саж. и потомъ на глубинѣ 15 саж. разомъ нисходитъ отвѣсною скалой въ бездну провала. Во время полного затмѣнія у подводной скалы видна только черная глубь. Сравненіе береговъ Байкала отчасти помогаетъ опредѣлить первоначальное направленіе провала. Весь юго-западный берегъ Байкала, начиная отъ Култука вплоть до острова Ольхона, почти вездѣ обрывается отвѣсными скалами въ глубь озера, между тѣмъ какъ противоположный сѣверо-восточный берегъ является повсюду отлогимъ, не смотря на высоту горъ. Отъ Туркнскихъ горячихъ водъ до Баргузинской губы дно озера представляетъ собою отмель, простирающуюся иногда отъ 5 — 10 верстъ. На сѣверной сторонѣ Баргузинской губы берегъ является сплошными скалами, нисходящими въ неизмѣримыя глубины озера, и это тянется до устья верхней Ангары, предъ которыми снова появляются отмели. Обрывы скалъ наиболѣе замѣтны отъ истока нижней Ангары къ Култуку. Такимъ образомъ представляется вѣроятнымъ, что провалъ первоначально имѣлъ направленіе зигзагомъ отъ южнаго конца къ сѣверному, то-есть, отъ деревни Култука къ нижней Ангарѣ, далѣе тѣмъ же берегомъ до острова Ольхона, отъ него на востокъ къ Баргузинской губѣ, и отъ нея уже сѣверо-восточнымъ берегомъ до устья верхней Ангары. Есть нѣкоторое основаніе думать, что дѣйствіе вулканическихъ силъ не прекратилось и донынѣ. Такъ, въ мартѣ и апрѣлѣ бывають постоянныя разномы льда между станціями Голоустной и Кадильной, приближающіеся къ Иркутскому юго-западному берегу, между тѣмъ какъ ледъ на озерѣ держится до мая. Далѣе, во

всю зиму, особенно въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ, дѣлаются во льду Байкала широкія трещины, всегда вдоль озера. Трещина, начинаясь отъ истоковъ Ангары, тянется къ Баргузинской губѣ и далѣе къ устью верхней Ангары. Наконецъ, случается нерѣдко слышать подледный гулъ отъ происходящаго волненія воды и трескъ отъ разрыва льда. Эти три обстоятельства указываютъ, по мнѣнію автора, на продолжающееся дѣйствіе осѣвшаго вулкана, воронка котораго лежитъ между истокомъ Ангары, станціями Голоустной и Кадильной и устьями рѣки Селенги.

Замѣчательно, что дно Байкала постепенно осѣдаетъ. Доказательствомъ тому служатъ горизонтально и параллельно расположенныя полосы въ обнаженныхъ скалахъ, въ особенности по сѣверо-западному берегу и отъ Баргузинской губы по сѣверо-восточному къ устью Ангары. Въ 1811 г. такихъ полосъ, означавшихъ, конечно, уровень воды въ Байкалѣ, было четыре, и верхняя изъ нихъ была отъ поверхности воды не болѣе 5½ фут.; въ 1830 г. г. Скороговоровъ насчиталъ уже пять полосъ, изъ которыхъ верхняя отстояла отъ поверхности воды выше сажени, а нижняя на четверть фута.

Предположенія о дѣйствіяхъ вулканическихъ силъ подтверждаются явленіями, происходящими по берегамъ Байкала. На юго-западной сторонѣ Байкала поднимается высокая гора Ныкэ-дабанъ. Въ 1807 г. 6-го января въ Тункинской станицѣ были слышны раскаты грома со стороны Ныкэ-дабана и затѣмъ пошелъ сильный проливной дождь. Въ 1820 и 1830 годахъ въ концѣ декабря точно также былъ слышенъ громъ и вслѣдъ затѣмъ упалъ камень, величиною съ кулакъ, который по изслѣдованіи состоялъ изъ продолговатыхъ желѣзныхъ зеренъ, связанныхъ крѣпкимъ цементомъ изъ пепла. Г. Скороговоровъ говоритъ, что въ 1812 году около Тункинской станицы было три желѣзнокислыхъ минеральныхъ источника, которыхъ въ 1825 г. онъ уже не нашелъ. Источники исчезли, и самая мѣстность измѣнилась. Въ-мѣсто отложения, покрытаго густыми деревьями берега Иркутка явился голый, крутой и каменный. На золотыхъ промыслахъ Бирюсинской системы, не вдалекѣ отъ Георгіевскаго-Рязановскаго прииска, въ небольшой равнинѣ находится гора, которая ночью освѣщается разноцвѣтными огнями, выходящими изъ трещинъ. Огоньки свѣтятъ, какъ зажженная свѣчка. Такіе же огоньки, по свидѣтельству Туркинскихъ казаковъ, замѣчены и въ Саянскихъ горахъ. Основываясь на всѣхъ этихъ данныхъ, можно заключить, что не только Байкалъ, Ныкэ-да-

бань, но и вся цѣль Саянскихъ горъ отъ Енисея до Селенги и далѣе на востокъ заключаютъ въ себѣ плутоническія силы.

Переходя за тѣмъ къ Забайкальскому краю, мы должны упомянуть о двухъ экспедиціяхъ, описанныхъ въ отчетѣ Сибирскаго отдѣла. Это 1) путешествіе Лопатина на верхнее теченіе рѣки Витима и 2) экспедиція для отысканія скотопроегоннаго пути изъ Олекминскаго округа въ Нерчинскій.

Цѣль экспедиціи г. Лопатина состояла въ изслѣдованіи геологическаго строенія нагорной верхне-витимской страны, въ которой уже нѣсколько лѣтъ разрабатываются золотые прииски. Выѣхавъ изъ Иркутска 18-го апрѣля 1865 г., г. Лопатинъ 24-го апрѣля былъ уже въ Баргузинѣ и прожилъ въ городѣ до 18-го мая, выжидая, пока окончательно стаятъ снѣга на перевалѣ отъ вершинъ Аргоды на Витимъ. Онъ сдѣлалъ было попытку ранѣе этого времени перейти одинъ изъ хребтовъ, раздѣляющихъ долину Баргузина отъ Байкала, но нашелъ, что на вершинѣ перевала лежали цѣлые сугробы снѣга, хотя у подошвы на солнечной сторонѣ уже видны были цвѣтушіе кустарники. 18-го мая отрядъ Лопатина тронулся въ путь, направляясь долиною Баргузина къ устью рѣки Аргоды. Изъ этой долины, имѣющей отъ 10 — 15 верстъ ширины, отрядъ направился вверхъ по Аргодѣ. Вершина Аргоды была неприступна для прохода лошадыми, а потому на перевальный хребетъ путешественники поднялись съ большими затрудненіями. Растительности не было никакой, въ лощинахъ даже лежалъ глубокій снѣгъ; ночью вода въ стаканахъ замерзала. Видъ окружающей мѣстности наводилъ уныніе на путешественника. Спустившись съ хребта, Лопатинъ достигъ верховьевъ Витимкана, который въ соединеніи съ рѣкою Чикой принимаетъ названіе Витима. По притокамъ Витимкана вездѣ есть золото, но небогатаго содержанія, а скучено только мѣстами или ямами. Отъ устья рѣки Джиллинды Витимъ прорывается сквозь мраморное ущелье и течетъ по долинѣ, имѣющей до 4 верстъ ширины. Лопатинъ изслѣдовалъ всѣ притоки верхняго Витима и горные хребты, раздѣляющіе ихъ. Но мы не имѣемъ возможности изложить послѣдовательно ходъ его пути, потому ограничимся только бѣглой замѣткой о посѣщенныхъ имъ мѣстностяхъ. Вершины рѣки Витима занимаютъ большую часть Баргузинскаго округа и протекаютъ по сплошной возвышенности, имѣющей отъ 3.000 до 5.000 футовъ надъ уровнемъ моря. Окраины этой возвышенности, на-

зывается Байкальскими горами, покрыты снѣгомъ до конца мая. Вообще вся плоская Витимская возвышенность имѣетъ столь суровый климатъ, что только въ теченіе одного лѣтняго мѣсяца не бываетъ тамъ заморозковъ и пнеевъ. Земли на глубинѣ отъ 1—2 аршинъ вѣчно замерзшая. Отъ этого Витимская возвышенность неудобна для хлѣбопашества. Хотя золотопромышленники дѣлали опыты разводить тамъ хлѣбныя растенія, но попытки не удались, такъ какъ растенія замерзали. Но при изобиліи луговыхъ мѣстъ, тамъ можетъ съ большимъ успѣхомъ привиться скотоводство. Что касается до геологическаго строенія, то Витимская возвышенность покрыта большою частію метаморфическими породами. Изъ плутоическихъ породъ преобладаетъ гранитъ, преимущественно на главныхъ водораздѣлахъ. Изъ прочихъ породъ наиболѣе распространены лавы, непрерывные потоки которыхъ попадались Лопатину на протяженіи около 120 верстъ, преимущественно въ той части Витимской возвышенности, гдѣ она примыкаетъ къ склонамъ Яблоноваго хребта. Есть и осадочные пласты, видимо новѣйшаго образованія. Въ нихъ встрѣчаются органическіе остатки, наиримѣръ, прослойки бурога угля. Здѣшнія золотыя россыпи залегаютъ исключительно на древнихъ метаморфическихъ породахъ. Кромѣ геологическихъ изслѣдованій, г. Лопатинъ собралъ нѣкоторые замѣтки относительно племенъ, съ которыми приходилось сталкиваться. Такъ, онъ дѣлаетъ важное замѣчаніе, что Орочены, обитатели Верхне-Витимской тайги, которыхъ въ настоящее время считается не болѣе 300 душъ, замѣтно вымираютъ. Причина этого явленія заключается частію въ болѣзняхъ, частію въ недостаткѣ пропитанія отъ упадка звѣринаго промысла, составлявшаго исключительное средство ихъ существованія.

Вторая экспедиція была наряжена по инициативѣ и на средства частныхъ лицъ. Увеличивающееся развитіе золотыхъ промысловъ Олекминской системы въ значительной степени усилило потребность въ рогатомъ скотѣ и лошадяхъ. Въ настоящее время скотъ доставляется въ эту мѣстность изъ Якутска, изъ долины Вилюя; а между тѣмъ, если бы удалось открыть удобный путь изъ Олекминскаго въ Нерчинскій округъ, то скотъ гораздо дешевле могъ бы получаться изъ Забайкальской области. Это обстоятельство заставило золотопромышленниковъ обратиться къ содѣйствию Сибирскаго отдѣла, который поручилъ князю Крапоткину многотрудное дѣло изслѣдованія скотопроектнаго пути. Ко времени составленія отчета экспедиція не была еще кончена, но отъ князя Крапоткина было уже получено шесть писемъ, изъ кото-

рыхъ въ отчетѣ сдѣлано извлеченіе. Въ первыхъ числахъ мая 1866 года экспедиція, состоявшая изъ князя Крапоткина съ одинадцатью спутниками, собралась въ селеніи Качугѣ, не далеко отъ истоковъ Лены. Мелководье Лены задержало отправленіе экспедиціи до 15-го мая и въ началѣ много замедляло ея плаваніе. Отъ селенія Крестовскаго она на лошадяхъ отправилась въ Тихоно-задонскій пріисскъ. „Съ удаленіемъ отъ Лены, замѣчается Крапоткинъ, начинается глухое лѣсистое предгорье, и съ каждымъ шагомъ впередъ пади рѣчекъ становятся круче и глубже, а самыя рѣчки быстрѣе. По сторонамъ выступаютъ отроги хребтовъ, достигающіе до 4.800 фут. высоты. Хребты и пади покрыты большею частью лѣсомъ и чрезвычайною жидкою луговою растительностію, за то повсюду встрѣчается изобиліе оленьяго мха“. На Тихоно-задонскомъ пріисскѣ экспедиція пробыла отъ 12-го іюня до 2-го іюля съ цѣлю окончательнаго снаряженія для дальнѣйшаго путешествія и выждать появленія на гольцахъ корма для лошадей, и за тѣмъ тронулась въ дальнѣйшій путь. Спустившись внизъ по рѣчкѣ Ныгры, мимо Павловскаго пріиска и переѣхавъ рѣчку Вачу, экспедиція слѣдовала вверхъ по пади рѣки Чипко, среди гольцевъ, лишенныхъ растительности. Это вполне дикая страна, въ которой только одинъ оленій Тунгузъ находитъ себѣ раздолье, а для прохода лошадьми предстоитъ не мало затрудненій. Тропинки бродячихъ Тунгузовъ мало облегчаютъ прокладку пути по этимъ дебрямъ. Такими-то тропами съ большими затрудненіями экспедиція пробралась къ Витиму. Съ приближеніемъ къ Витиму растительность стала измѣняться. Послѣ мховыхъ мочажинъ стала появляться сочная трава, показались береза, черемуха и тополь. Не излагая путешествія Крапоткина по берегамъ Витима, мы замѣтимъ только, что пройденная экспедиціею горная страна состоитъ изъ нѣсколькихъ рядовъ параллельныхъ горныхъ цѣпей, отлого спускающихся къ сѣверу и очень круто падающихъ къ югу. По Витиму находятся двѣ обширныя равнины: одна по обѣимъ сторонамъ рѣки Муи, притока Витима, а другая ниже Парамскаго порога, гдѣ Витимъ разбивается на множество протокъ. Экспедиція собрала много растений, которыя вполне характеризуютъ флору этой дикой страны.

Прежде чѣмъ оставимъ сѣверовосточную Азію, мы скажемъ еще нѣсколько словъ о плаваніи г. Хилковскаго по рѣкѣ Сунгари, которое хотя и выходитъ за границы Россіи, но совершенно русскимъ путешественникомъ. Свѣдѣнія объ этомъ плаваніи сообщены въ *Изв. Геогр. Общ.* т. II № 8. Хилковскій отправился на пароходѣ вверхъ

по рѣкѣ Сунгари съ цѣлю завязать съ Манчжуріею торговлю хлѣбомъ. 15-го іюня 1866 г. пароходъ прошелъ Санъ-синь, китайскій городъ, принадлежащій къ Гиринскому генераль-губернаторству. Санъ-синь ведетъ значительную торговлю съ кочевымъ народомъ — Гольдами, живущими выше и ниже р. Усури. Главное продовольствіе Гольдовъ составляетъ просо. Не имѣя возможности приобрести его ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, Гольды по необходимости каждый годъ въ іюнѣ и іюлѣ отправляются въ Санъ-синь за покушкою проса и оставляютъ взамѣнъ его значительную часть пушнаго товара, преимущественно соболей, которые при другихъ условіяхъ переходили бы въ руки русскихъ торговцевъ. Манчжурскіе чиновники обращаются съ Гольдами очень небрежно, собираютъ съ нихъ значительные ясаки и за малѣйшую ошибку въ словахъ или дѣйствіяхъ наказываютъ ихъ бамбуками. Хилковскій сообщаетъ нѣкоторыя подробности о посѣщеніи имъ части Манчжуріи. Промышленность манчжурскаго простонародья состоитъ въ хлѣбопашествѣ, рыбной ловлѣ, снабженіи городовъ дровянымъ и подѣлочнымъ лѣсомъ, а отчасти въ скотоводствѣ, впрочемъ не въ большихъ размѣрахъ. Въ городахъ купцы торгуютъ преимущественно бумажными товарами, годными для простолюдиновъ. Манчжури очень желаютъ открытія торговли съ Русскими. Вверхъ по рѣкѣ Хулану, впадающей въ Сунгари, пароходъ достигъ города Хулана. Городъ этотъ, состоящій въ вѣдомствѣ Цицигарскаго генераль-губернаторства, довольно великъ и многолюденъ. Среди города большая площадь, на которой находится базаръ. Внѣ города, саженьяхъ въ 150, расположено до 70 казенныхъ магазиновъ, наполненныхъ просомъ, изъ которыхъ ежегодно отправляется въ Цицигаръ продовольствіе для служащихъ лицъ. Въ Хуланѣ существуетъ нѣсколько торговыхъ домовъ, которые закупаютъ въ большомъ количествѣ скотъ, пригоняемый съ сѣвера, весьма вѣроятно и съ нашей сибирской границы. Верстахъ въ 90 отъ Хулана и въ 15 отъ берега Сунгари стоитъ городъ Баянсу, очень большой и обнесенный стѣною. Въ окрестностяхъ его много деревень, въ которыхъ, по распоряженію правительства, выселено въ послѣднее время значительное число Китайцевъ-хлѣбопашцевъ. На этомъ пространствѣ населеніе очень значительно и занимаетъ исключительно хлѣбопашествомъ. Плаваніе ограничилось городомъ Бабунэ-хотонъ, откуда пароходъ отправился въ обратный путь. Хилковскій собралъ свѣдѣнія о цѣнахъ на хлѣбъ. Самая высокая цѣна хлѣбовъ на наши деньги представляется въ слѣдующихъ цифрахъ: пшеница отъ 2 р. 20 к. до 2 р. 90 к. за мѣру въ одиннадцать пудовъ;

просо (буда) за 12 пудовъ отъ 1 р. 10 к. до 1 р. 50 к.; ячмень около 20 к. пудъ; греча отъ 1 р. 10 к. до 1 р. 50 к. за мѣру въ 9 и 9½ пудовъ. Хилковскій на первый разъ купилъ 500 пудовъ пшеницы.

Говоря объ ученыхъ путешествіяхъ по Сибири, мы не можемъ не упомянуть о совершенной въ прошедшемъ году поѣздкѣ магистра Шмидта на сѣверъ Сибири для изслѣдованія трупа мамонта. Хотя прямая цѣль этой экспедиціи, предпринятой по порученію Императорской Академіи Наукъ, не входитъ въ область географіи, но нѣкоторые результаты ея имѣютъ важность и для этой науки¹⁾. Мамонты, эти допотопныя четвероногія, уже нѣсколько тысячелѣтій исчезнувшія изъ царства живыхъ существъ, скрываются неповрежденными единственно въ предѣлахъ Россіи, въ мерзлой почвѣ сѣверной Сибири. Трупы ихъ изрѣдка показывались тамъ на обрывахъ по берегамъ рѣкъ или моря, но обыкновенно эти трупы пропадали безслѣдно для науки. Если же иногда и доходили о нихъ извѣстія, то уже въ то время, когда мягкія части успѣвали сгнить или же были истребляемы хищными звѣрями и собаками мѣстныхъ дикарей. Такимъ образомъ все, что намъ до сего времени извѣстно о мамонтахъ, основывается на изученіи отдѣльныхъ костей, череповъ и только двухъ неполныхъ скелетовъ, изъ которыхъ одинъ хранится въ зоологическомъ музеѣ Академіи Наукъ, а другой въ музеѣ Московскаго университета. Между тѣмъ подробное изслѣдованіе остатковъ мамонтовъ пролило бы свѣтъ на исторію послѣднихъ переворотовъ въ образованіи земнаго шара. „Содержимое въ брюшной полости мамонта показало бы, чѣмъ онъ питался, и слѣдовательно, среди какой природы онъ жилъ, а положеніе трупа въ землѣ и свойства облежавшихъ его пластовъ разъяснили бы вопросъ о томъ, жили ли мамонты въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятся нынѣ ихъ трупы, на сѣверѣ Сибири, или же они занесены туда водою уже по смерти своей. Отсюда можно было бы почерпнуть указанія о томъ, какова была природа Ледовитаго моря нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ и какимъ климатическимъ и геологическимъ переворотамъ подверглись эти прибрежья въ теченіе времени. Такіе перевороты не могли однако ограничиваться одними прибрежьями Ледовитаго моря; они должны были простереть свое вліяніе на климатъ близъ-лежащихъ странъ, то-есть, всего про-

¹⁾ Свѣдѣнія о поѣздкѣ магистра Шмидта сообщены въ *Изв. Имп. Геогр. Общ.* III № 5.

странства, занимаемаго нынѣ Сибирью и Европейскою Россіей. Наконецъ, мамонты, какъ доказано новѣйшими изслѣдованіями, исчезли съ лица земли не ранѣе появленія на ней человѣка. Остатки человѣческихъ костей, встрѣчаемыхъ вмѣстѣ съ мамонтовыми костями, и особенно изображеніе этого животнаго на пластинкѣ изъ мамонтовой кости, найденное геологомъ Ларте во Франціи, неоспоримо доказываютъ, что человѣкъ—созданіе, отчасти современное мамонтамъ. Вышеозначенныя изслѣдованія мамонтовыхъ труповъ на мѣстѣ ихъ открытія могутъ; слѣдовательно, пролить свѣтъ и на періодъ первобытнаго, доисторическаго существованія рода человѣческаго“.

Сознавая важность этихъ вопросовъ, Академія Наукъ еще въ 1860 году обѣщала денежные преміи тѣмъ лицамъ, которыя, въ случаѣ открытія неповрежденныхъ труповъ мамонта, немедленно дадутъ ей знать о томъ. Въ январѣ 1866 г. г. Гуляевъ изъ Барнаула сообщилъ, что въ тундрѣ близъ Тазовской губы открытъ трупъ мамонта еще не совершенно попорченный, и слѣдовательно, дающій возможность добыть мягкія части животнаго. Академія тотчасъ же отправила магистра Шмидта, который двинулся въ путь въ февралѣ 1866 г., а вернулся въ Петербургъ въ январѣ 1867 г. Мамонтъ отысканъ не на Тазовской губѣ, а на вершинѣ рѣки Гыды, къ сожалѣнію однако далеко не въ такомъ состояніи, какъ можно было ожидать по первоначальнымъ извѣстіямъ. Мягкихъ частей тѣла не оказалось, и самый скелетъ былъ не полонъ. Такимъ образомъ ожиданія не оправдались. Но при всемъ томъ подробное изслѣдованіе пластовъ, въ которыхъ найдены остатки мамонта, а также геологическое изслѣдованіе страны по нижнему теченію Енисея и его притоковъ до самаго Ледовитаго моря могутъ повести къ рѣшенію нѣкоторыхъ изъ указанныхъ выше вопросовъ. Такъ, напримѣръ, г. Шмидтъ собралъ много данныхъ въ пользу того предположенія, что климатъ сѣверной Сибири и прибрежій Ледовитаго моря прежде былъ умѣреннѣе нынѣшняго и что тамъ росли высокія деревья. Если же это такъ, то мамонты могли жить въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ находятъ ихъ трупы.

Обозрѣніе географическихъ работъ по Азіатской Россіи мы заключимъ изслѣдованіями по Туркестанскому краю. Эти изслѣдованія шли въ теченіе прошлаго года успѣшно, не смотря на неблагопріятное положеніе дѣлъ въ Средней Азій. Г. Сѣверцовъ въ теченіе лѣта 1866 года совершилъ нѣсколько поѣздокъ въ Туркестанскую область съ цѣлю опредѣлить болѣе точнымъ образомъ отношеніе горной системы Каратау къ Тянь-Шаньской. Онъ изслѣдовалъ всю юговосточную часть

Каратаусскихъ горъ отъ Турланскаго прохода, между городами Туркестаномъ и Чулакъ-Курганомъ до рѣкъ Арыса и Терси. Система этихъ горъ, весьма сложная, начинается у рѣки Терси (впадающей въ Сыръ-Дарью) высокою площадью, сѣверовосточный край которой представляетъ крутые сланцевые обрывы; западнѣе, между рѣками Арысомъ и Болордаемъ (притокомъ Арыса), примыкаютъ къ этой площади нѣсколько параллельныхъ короткихъ известковыхъ хребтовъ довольно скалистыхъ и крутыми обрывами упирающихся въ рѣку Болордаю. Далѣе, къ сѣверо-западу отъ Болордая и Терси Терсинское плоскогорье переходитъ въ склонъ; далѣе, къ сѣверо-западу отъ озера Билью-Куль являются узкіе параллельные хребты; еще далѣе къ сѣверо-западу у рѣкъ Арысъ-Тамды и Батнаксу, Каратау понижается и почти сливается съ окрестною степью. Еще западнѣе, у рѣкъ Бабаты и Турлана, Каратау переходитъ въ рядъ узкихъ, длинныхъ, почти сливающихся хребтовъ. Наибольшей высоты (около 7.000) Каратау достигаетъ около Туркестана. Общее направленіе горныхъ подъемовъ отъ юго-востока къ сѣверо-западу.

Каратаускія горы заключаютъ въ себѣ обильныя минеральныя богатства. Уже г. Сѣверцовъ открылъ въ нихъ обширный каменноугольный бассейнъ отъ рѣки Болордая къ сѣверо-востоку до рѣки Бабаты, а также цѣлую систему золотыхъ росыпей по притоку рѣки Терси. Но болѣе обильныя свѣдѣнія объ этихъ богатствахъ сообщены въ статьѣ г. Татаринова — «О современномъ положеніи каменноугольнаго и золотатаго дѣла въ Туркестанской области», помѣщенной въ т. III № 2 *Изв. Геогр. Общ.*

Каменноугольная почва, по свѣдѣтельству г. Татаринова, идетъ отъ рѣки Турлана, по которой проходитъ дорога изъ Туркестана въ Чулакъ-Курганъ, до р. Болордая. Ископаемый горючій матеріалъ является преимущественно по долинамъ рѣкъ, и какъ кажется, составляетъ одинъ непрерывный бассейнъ, который тянется въ длину почти на 150 верстъ. Лучшій уголь попадаетъ по рѣкѣ Большой Бугойѣ и ея притокамъ; онъ имѣетъ блестящій черный цвѣтъ, слоистое сложеніе и неровный изломъ. Онъ очень удобенъ для домашняго отопленія и для нагрѣванія паровыхъ котловъ. Добываніе угля тамъ уже началось. Понятно, какъ важенъ успѣшный ходъ этого дѣла для безлѣсной страны, въ которой Аральская флотилія и вновь прибывающее русское населеніе требуютъ все бѣльшаго топлива. Положеніе золотатаго дѣла въ Туркестанской области не такъ удачно, какъ добываніе каменнаго угля. О богатствѣ этого края золотомъ уже давно ходили

преувеличенные слухи. Еще Петръ Великій узналъ о существованіи золотого песку на берегахъ Аму-Дарьи. Ему донесли, что тамъ золото перенимается мѣстными жителями во время половодья съ помощью попоны, ковровъ и суконъ. Придавъ большое значеніе обладанію золотыми россыпями, Петръ приказалъ снарядить двѣ экспедиціи: одну отъ береговъ Каспійскаго моря въ Хиву, подъ начальствомъ поручика князя Бековича-Черкаскаго, а другую изъ южной Сибири въ Малую Бухарію подъ начальствомъ гвардіи капитана Бухгольца. Бековичъ въ 1717 году дошелъ до Хивы, но погибъ тамъ со всѣмъ своимъ отрядомъ. Бухголецъ и назначенный въ послѣдствіи на его мѣсто генераль Лихаревъ дошли до снѣжнаго Тянь-Шаня и распространили молву о богатствѣ золота. Эта молва поддерживалась съ теченіемъ времени, и естественно, обратила на себя вниманіе покореніи края Русскими. Золотопромышленники бросились въ новый край, но всѣ разказы оказались преувеличенными. Правда, золото есть по системамъ рѣкъ Таласа, Чирчика и Терси, но до сихъ поръ не было встрѣчено ничего, кромѣ слабыхъ признаковъ. Если мѣстные жители и занимаются промывкою песковъ, то лишь потому, что не высоко цѣнятъ свой трудъ и не употребляя никакого капитала, они въ состояніи промывать песокъ, весьма скудный золотомъ. Партіи же золотопромышленниковъ не имѣли усіяха. Г. Татариновъ видѣлся въ Средней Азійи съ Кулибинимъ, очень опытнымъ въ своемъ дѣлѣ инженеромъ. На вопросъ о томъ, съ какимъ усіяхомъ шли работы, г. Кулибинъ вынулъ изъ жилетнаго кармана завернутое въ бумажку ничтожное количество золота и объяснилъ, что эта драгоценность составляетъ результатъ работъ цѣлаго лѣта. Не смотря на неудачи предпринятыхъ до сихъ поръ поисковъ, признаки золота по многимъ рѣкамъ даютъ основаніе надѣяться, что могутъ быть найдены и болѣе богатые россыпи. Нужна только энергія, настойчивость въ трудѣ и пожертвованіе капиталомъ на развѣдки. Г. Татариновъ совѣтуетъ кромѣ того объявить золотой промыселъ свободнымъ, то-есть, предоставить всякому добывать металлъ безъ особыхъ разрѣшеній на право развѣдокъ и на полученіе отводовъ. Чтобы золото не шло въ сосѣднія страны, можно было бы назначить за каждый золотникъ плиховаго золота извѣстную цѣну, которая должна быть не постоянною, а измѣняющеюся съ измѣненіемъ обстоятельствъ.

Географическія работы на Кавказѣ, о которыхъ сообщаетъ отчетъ Кавказскаго отдѣла географическаго общества за 1865 г. (помѣщенный

въ т. II, № 9), не такъ многочисленны и интересны, какъ труды Сибирскаго отдѣла. Первое мѣсто въ нихъ принадлежитъ изслѣдованіямъ академика Г. В. Абиха, уже давно извѣстнаго своими работами по изученію Кавказскаго края. Г. Абихъ поставилъ своею задачею изслѣдовать центральную основную причину вулканическихъ явленій и землетрясеній юго-восточной части Кавказа, Апшеронскаго полуострова и дна Каспійскаго моря, проявленія которыхъ обнаружались землетрясеніемъ въ Шемахѣ въ 1859 г., появленіемъ на Каспійскомъ морѣ острова Кумани и поднятіемъ прилежащей части дна морскаго. По мнѣнію Абиха, вулканическая сила, образовавшая островъ Кумани, проявляется въ разныхъ степеняхъ по всему Кавказу, въ особенности на оконечностяхъ его—полуостровахъ Апшеронскомъ и Таманскомъ. Сосредоточивъ потому все вниманіе на геологіи Таманскаго и Керченскаго полуострововъ, Абихъ доказываетъ связь орографическихъ явленій съ вулканическими. Поднятія представляютъ тамъ только зачатки хребтовъ, обнаружившіеся рядами сопокъ, извергающихъ грязь и нефть. Направленіе этихъ рядовъ представляетъ продолженіе или кавказскихъ или крымскихъ поднятій. Такое же состояніе этихъ явленій г. Абихъ нашелъ и на Апшеронскомъ полуостровѣ. Всѣ нефтяныя источники и горячіе минеральныя ключи расположены на линіяхъ поднятій сопокъ. Въ 1865 году Абихъ расширилъ свои наблюденія изслѣдованіемъ горы Шахъ-дага. Судя по замѣчательному соотношенію въ расположеніи горы Шахъ-дага и пяти окружающихъ ее горячихъ источниковъ (Елису, Хновъ, Халтанъ, Бумъ и Ахты), можно предполагать, что именно поднятіе Шахъ-дага, измѣнившее положеніе лежащихъ внизу породъ, дало выходъ упомянутымъ минеральнымъ водамъ. Мысленно соединивъ источники Елису, Бумъ, Ахты и Халтанъ прямыми линіями, мы получимъ трапецію; на поперечной діагонали ея будутъ находиться горячія воды Бумъ и Ахты, а на продольной діагонали воды Елису, Хновъ и Халтанъ. Съ этою послѣднею линіею также совпадаютъ выходы горячихъ углеродисто-водородныхъ газовъ близъ Хипалуга, и наконецъ, на серединѣ ея находится гора Шахъ-дагъ.

Изъ проявленій вулканической силы особенное вниманіе обращаютъ на себя нефтяныя источники по практической ихъ важности. Для изслѣдованія ихъ въ прошедшемъ году былъ командированъ г. Комкуль, который въ своемъ отчетѣ сообщаетъ свѣдѣнія о нефтяныхъ источникахъ, лежащихъ между рѣками Кубанью, Пшехою и главнымъ хреб-

томъ. Всѣхъ нефтяныхъ источниковъ въ видѣ ямъ, сдѣланныхъ горцами, и колодцевъ, устроенныхъ казаками-поселенцами, г. Кошкуль нашелъ въ изслѣдованной мѣстности 623. Изъ нихъ только одна треть, а именно 234 источника, доставляли нефть, въ количествѣ 96 ведеръ въ сутки. Самыя богатяя нефтью мѣстности расположены по системамъ рѣкъ Псифъ, Кудакъ, Шekoць и Туха. Г. Кошкуль, на основаніи стрoснiя почвы Таманскаго полуострова и близь-лежащей страны, доказываетъ, что на всемъ пространствѣ этой мѣстности должно быть такое же обиліе нефти, какъ и въ указанныхъ выше мѣстностяхъ, и что вообще количество нефти, добываемой на Таманскомъ полуостровѣ и въ Закубанскомъ краѣ, можетъ быть значительно увеличено открытіемъ новыхъ источниковъ посредствомъ буровыхъ работъ. Результаты изслѣдованій г. Кошкуля обнаружались открытіемъ посредствомъ буровыхъ работъ источниковъ нефти по рѣкѣ Кудакъ. У самой дороги изъ станціи Крымской въ Варнавинскую, гдѣ она пересѣкаетъ рѣку Кудакъ, было пробито пять буровыхъ скважинъ почти на одной линіи на глубину отъ 50—60 футовъ. Когда среднія скважины пробуровали на 40 футовъ, нефть брызнула фонтаномъ темно-зеленаго цвѣта безъ воды. Въ четырнадцать дней съ двухъ скважинъ собрали 40 пятидесятиведерныхъ бочекъ. Но самыя блестящія результаты были достигнуты въ февралѣ 1866 г. буреніемъ, доведеннымъ до большей глубины. 3 февраля около 5-ти часовъ вечера пробитъ былъ полутора-футовой камень, встрѣтившійся на глубинѣ 120-ти футовъ отъ поверхности земли. Черезъ 20 минутъ земля поколебалась, раздался трескъ, и высокимъ фонтаномъ брызнула соленая вода; черезъ 26 минутъ съ дымомъ, пѣной и осколками камней, полетѣвшими вверхъ, полилась нефть совершенно чистой, которой добывалось тогда изъ одной струи отъ пятнадцати до двадцати тысячъ ведеръ въ сутки. „Утѣшительный фактъ этотъ, прибавляетъ отчетъ Кавказскаго отдѣла, торжество науки и первые плоды столькихъ трудовъ и жизней, положенныхъ на западномъ Кавказѣ, оцѣненъ по достоинству, а честь всего дѣла отдана нашими газетами все-таки иностранцу Петерсу, машинисту при работахъ“.

ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

VI. ЭСТЕТИКА.

Лекція Тэна „Объ идеалѣ въ искусствѣ“. — Статя Л. Террье по поводу эстетическихъ воззрѣній Тэна. — Продолженіе Якобомъ Буркхардтомъ и Вильгельмомъ Любке — Куллеровой „Исторіи зодчества“. — „Рафаэль“, сочиненіе Эриста Фёрстера. — „Гольбейнъ и его время“ Альфреда Вольтманна. — „Абсолютная гармоника Грековъ“ О. Пауля. — Брошюра Вагнера „Объ учрежденіи въ Мюнхенѣ нѣмецкой музыкальной школы“.

Теорія искусства въ послѣднее время, очевидно, стремится формулироваться иначе, съ тѣмъ чтобы принять въ свою область тѣ новые, многочисленныя виды художественной дѣятельности, которые не находили себѣ мѣста въ старой, исключительно-нѣмецкой теоріи искусства. При такихъ переходныхъ положеніяхъ существенная задача каждаго разумнаго человѣка должна состоять преимущественно въ томъ, чтобы не осудить огуломъ всего стараго и сумѣть опредѣлить точно, что въ немъ подлежитъ отмѣнѣ, какъ временное, преходящее, и что составляло въ немъ существенное, незамѣнимое. Въ числѣ именно такого рода новыхъ дѣятелей въ области теоріи искусства, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимаетъ французскій писатель Тэнъ, счастливо соединяющій въ себѣ солидное философское образованіе и основательное практическое знакомство съ памятниками искусства и ихъ исторіей. Одно изъ новѣйшихъ сочиненій Тэна по теоріи искусства, именно его „Введеніе въ курсъ исторіи итальянской живописи“, вышедшее потомъ отдѣльною книжкой, подъ заглавіемъ *«Philosophie de l'art»*, уже переведено на русскій языкъ. Мы познакомятъ теперь читателей съ содержаніемъ лекціи Тэна, „объ идеалѣ въ искусствѣ“, составляющей продолженіе вышеупомянутаго курса, въ парижской *École des beaux arts* и напечатанной въ одномъ французскомъ обзорѣи¹⁾.

¹⁾ *Revue des cours littéraires de la France et de l'étranger.* № 23. 4 Mai 1867.
ЧАСТЬ СXXXVI. 22

Въ самомъ началѣ своей лекціи Тэнъ объявляетъ, что будетъ изучать предметъ своего изслѣдованія по естественному способу, то-есть, подвергнетъ его анализу, съ тѣмъ чтобы получить въ результатѣ не дилемму въ честь идеала, но его ясный законъ. Затѣмъ онъ приступаетъ прямо къ анализу самаго слова. Напомнивъ уже высказанное имъ прежде (въ упомянутой выше брошюрѣ) опредѣленіе, что произведенія искусства „имѣютъ цѣлью обнаружить нѣкоторый существенный или наиболѣе рельефный характеръ, болѣе полнымъ и яснымъ образомъ, нежели какимъ онъ представляется въ предметахъ дѣйствительныхъ“, профессоръ объясняетъ далѣе, что для достиженія этой цѣли артистъ долженъ составить себѣ идею этой формы и сообразно ей измѣнить дѣйствительный предметъ. Измѣненный такимъ образомъ дѣйствительный предметъ становится *соответствующимъ идее*, другими словами, *идеальнымъ*. Отсюда ясно, что вещи изъ дѣйствительныхъ превращаются въ идеальныя тогда, когда артистъ воспроизводитъ ихъ, измѣняя сообразно своей идеѣ, а измѣняетъ онъ ихъ сообразно своей идеѣ тогда, когда усмотрѣвъ и отдѣливъ въ нихъ какой-либо особенно знаменательный характеръ, онъ систематически передѣлываетъ естественныя отношенія ихъ частей, для того чтобы сдѣлать эти характеристическія черты болѣе очевидными и господствующими.

Естественный вопросъ, который возникаетъ за этимъ, есть слѣдующій: между различными характерными чертами даннаго предмета, какія можетъ открыть въ немъ художникъ, передѣлывающій или идеализирующій предметъ, какъ мы видѣли, сообразно главнѣйшей, усмотрѣнной чертѣ, можно ли указать высшій характеръ для каждаго предмета, который былъ бы именно обязательенъ для художника, такъ что отступленіе отъ него могло бы назваться ошибкою? На первый взглядъ, замѣчаетъ Тэнъ, кажется необходимымъ отвѣчать отрицательно. Дѣйствительно, одинъ и тотъ же сюжетъ обрабатывался, какъ это легко видѣть въ исторіи искусства, весьма различно, сообразно эпохѣ, народности, различнымъ школамъ, наконецъ, личному настроенію художника. И при этомъ часто трудно, почти невозможно отдать предпочтеніе тому или другому воззрѣнію на предметъ, тому или другому способу его обработки. За примѣрами ходить не далеко. Вспомнимъ, какъ разнообразно обработанъ хоть бы такой сюжетъ, какъ отецъ, оскорбленный своими неблагодарными дѣтьми, въ трехъ художественныхъ произведеніяхъ, каковы *Эдипъ въ Колонѣ* — Софокла, *Король Лиръ* — Шекспира и *Père Goriot* — Бальзака. А любовь двухъ молодыхъ людей развѣ не разрабатывалась и не будетъ вѣчно раз-

рабатываться въ самыхъ разнообразныхъ варіаціяхъ! Эта свобода въ выборѣ того или другаго характера въ данномъ предметѣ столько же, если еще не болѣе, установилась въ живописи. Вспомнимъ только, что дюжина лицъ и нѣсколько мѣологическихъ и евангелическихъ событій послужили сюжетомъ для множества величайшихъ произведеній живописи; принципъ произвола артиста, кажется, подтвердился въ нихъ самымъ яркимъ образомъ, какъ въ разнообразіи произведеній, такъ и въ громадномъ равномерномъ успѣхѣ многихъ изъ нихъ. Тѣмъ напоминаетъ далѣе въ яркихъ и живыхъ краскахъ обработку нѣсколькихъ извѣстныхъ сюжетовъ различными художниками. Такъ, онъ указываетъ на Рембрандтовъ — „Пиръ въ Эммаусѣ“ и на обработку того же сюжета въ трехъ картинахъ Веронеза, на „Парнассъ“ Рафаэля и Рубенса, наконецъ, на три обработки мѣа о Ледѣ, принадлежація тремъ великимъ художникамъ — Леонарду да-Винчи, Микель-Анджело и Корреджіо. Къ сожалѣнію, мы не можемъ передавать здѣсь мастерскія, хотя и краткія описанія этихъ картинъ, сдѣланныя Тэнномъ. Намъ интересуется главнѣйшимъ образомъ основная нить развиваемыхъ имъ идей.

Остававшаяся лишь на выбранныхъ примѣрахъ изъ живописи, нѣтъ повидимому никакой возможности отдать первенство той или другой обработкѣ извѣстнаго сюжета, такъ что приходится какъ будто признать, что всякое дѣйствительное и высоко цѣнимое произведеніе живописи имѣетъ равное достоинство, служа наилучшимъ выраженіемъ того или другаго воззрѣнія, въ которомъ сказались мѣстныя, историческія и другія условія, дополняя такимъ образомъ другъ друга и расширяя сферу нашего созерцанія. „И однако, говоритъ Тэнъ, въ мірѣ фантазій, какъ и въ мірѣ дѣйствительномъ, существуютъ различныя степени оцѣнки, потому что существуютъ и различныя степени достоинства. Публика и знатоки умѣютъ дѣлать этотъ разборъ, и въ критикѣ произведеній искусства, какъ и во всемъ остальномъ, существуютъ общепризнанныя истины. Каждый признаетъ нынѣ, что нѣкоторые композиторы, какъ Моцартъ и Бетховенъ, занимаютъ въ своемъ искусствѣ первое мѣсто. Такое же мѣсто приписывается, на примѣръ, Гёте между всѣми писателями нашего вѣка. Между фламандскими живописцами никто не оспариваетъ его у Рубенса; между Голландцами — у Рембрандта; между Нѣмцами — у Альбрехта Дюрера; между Венеціанцами — у Тиціана. Точно также три артиста эпохи возрожденія искусствъ въ Италіи: Леонардо да-Винчи, Микель-Анджело и Рафаэль, возвышаются, по общему признанію, надъ

всѣми другими". Это сужденіе, какъ показываетъ далѣе Тэнъ, основывается, вопервыхъ, на сужденіи современниковъ и на приговорѣ нѣсколькихъ пресмственныхъ вѣковъ, что уже само по себѣ представляетъ нѣкоторую гарантію вѣрности, такъ какъ трудно вообразить себѣ согласіе столь многихъ вѣковъ, народовъ и личныхъ взглядовъ, если оно не основано на дѣйствительныхъ и несомнѣнныхъ достоинствахъ. Но еще болѣе это сужденіе становится достовѣрнымъ вслѣдствіе приемовъ современной критики, особенно если ея приговоръ согласуется съ приговоромъ инстинктивнаго вкуса массы. Современный критикъ знаетъ, что его личный вкусъ не имѣетъ полной цѣны, что для вѣрнаго суда надъ художественнымъ произведеніемъ прошлаго времени, онъ долженъ перенестись совершенно въ ту эпоху, въ положеніе людей и художника того времени и т. д. А такъ какъ подобный трудъ состоитъ изъ анализовъ, то онъ, подобно всякой научной операціи, подлежитъ повѣркѣ и совершенствованію. Къ изложенію этого критическаго приѣма и переходитъ далѣе Тэнъ.

Прежде всего онъ считаетъ нужнымъ для этой цѣли подвергнуть болѣе подробному анализу уже приведенное нами выше опредѣленіе цѣли всякаго произведенія искусства. Выставить на видъ преобладающимъ образомъ существенный характеръ предмета, вотъ эта цѣль. Чѣмъ болѣе произведеніе искусства удовлетворяетъ этому условію, тѣмъ оно выше. Но въ этомъ условіи заключаются два другія: первое, чтобы замѣченный характеръ предмета былъ дѣйствительно существеннымъ; второе, чтобы онъ былъ въ произведеніи искусства дѣйствительно преобладающимъ. Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію порознь каждаго изъ этихъ условій, авторъ оговаривается, что онъ, для краткости, будетъ имѣть въ виду лишь подражающія искусства, такъ какъ въ другомъ мѣстѣ¹⁾ уже объяснилъ живую связь ихъ съ искусствами, не подражающими дѣйствительнымъ предметамъ.

Что же именно, спрашиваетъ Тэнъ, составляетъ этотъ существенный характеръ и какъ узнать, существуютъ ли между основными и главными чертами какого-либо предмета нѣкоторыя болѣе важныя, чѣмъ остальные? Для точнаго разрѣшенія этого вопроса онъ считаетъ нужнымъ обратиться за помощію къ естествознанію, гдѣ сто лѣтъ тому назадъ открытъ особый законъ для оцѣнки степеней характерныхъ чертъ; это *начало ихъ подчиненности*, на которомъ основаны

¹⁾ *Philosophie de l'art* (un volume de la Bibliothèque de philosophie contemporaine), page 47.

всѣ классификаціи естественныхъ предметовъ. Тамъ, чертами или свойствами наиболѣе важными признаны такія, которыя подвержены *наименьшей измѣнчивости*, при чемъ предполагается, что они обладаютъ болѣею силой противъ другихъ, такъ какъ они упорнѣе сопротивляются всѣмъ внутреннимъ и внѣшнимъ вліяніямъ, которыя могли бы уничтожить или измѣнить ихъ. Къ сожалѣнію, мы опять таки не можемъ излагать здѣсь подробно развитія этой основной мысли и различныхъ примѣровъ для ея уясненія, какъ это дѣлаетъ Тэнъ въ своей лекціи. Предполагаемъ однако, что каждый, сколько нибудь знакомый съ классификаціями въ естественныхъ наукахъ, пойметъ очень хорошо, что хочетъ сказать Тэнъ.

Если, идя далѣе, мы будемъ разыскивать причину, которая придаетъ извѣстнымъ свойствамъ или характернымъ чертамъ болѣшую важность и неизмѣнность противу другихъ, то, какъ говоритъ Тэнъ, мы найдемъ ее въ слѣдующемъ соображеніи: во всякомъ живомъ существѣ есть двѣ стороны — основные его элементы и придатки (*Accessent*); первыя существенны и первобытны, вторыя являются уже какъ послѣдствія первыхъ; вторыя можно измѣнить, испортить, не повредивъ существенныхъ элементовъ; первыя нельзя измѣнить, не повредивъ и придаточнымъ частямъ. Таково существенное начало той плодотворной теоріи, на основаніи которой Жоффруа Сентъ-Илеръ разъяснилъ строеніе животныхъ, а Гете — растений. Исслѣдованія надъ животными и растениями приводятъ къ тому, что для открытія существеннаго характера какого-либо существа, надобно изслѣдовать его при его зарожденіи или въ тѣхъ матеріалахъ, изъ которыхъ оно образовалось, наблюдать его въ его простѣйшей формѣ, какъ это дѣлается въ эмбриологіи, или отмѣчать отличительныя качества, общія его элементамъ, какъ это дѣлается въ анатоміи и общей физиологіи. Такимъ-то именно путемъ естественныя науки выработали и завѣщали наукамъ нравственнымъ нѣкоторыя общія положенія о характерныхъ чертахъ, которыя Тэнъ, какъ увидимъ далѣе, и прилагаетъ къ вопросу объ искусствѣ и различной оцѣнкѣ его произведеній. Положенія эти таковы: характерныя черты важны по столько, по сколько онѣ суть силы болѣе или менѣе могущественныя, при чемъ сила ихъ измѣряется степенью сопротивленія нападению, такъ что окончательнымъ образомъ ихъ болѣшая или меньшая неизмѣняемость даетъ имъ и право на болѣе или менѣе высокое мѣсто въ іерархической лѣстницѣ; наконецъ, эта неизмѣняемость тѣмъ прочнѣе, чѣмъ болѣе онѣ принадлежатъ къ основнымъ элементамъ организма, а не къ придаткамъ.

Поясняя свою мысль въ примѣненіи къ искусству, Тэнъ приводитъ нѣсколько примѣровъ, въ которыхъ искусство, изображающее чело-
вѣческую природу, касается или только тѣхъ верхнихъ слоевъ ея
которые въ данномъ народѣ составляютъ лишь временную, переход-
ную, наружную покрывку людей, — однимъ словомъ, то, что можно
назвать модою для извѣстнаго короткаго времени. И безъ сомнѣнія,
есть произведенія словесности, равно какъ и другихъ искусствъ,
которыя разрабатываютъ и изображаютъ лишь типы этого перваго,
низшаго порядка, скоро исчезающіе безвозвратно. Далѣе слѣдуютъ при-
знаки, болѣе глубокіе, болѣе прочныя и сохраняющіе существованіе
въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Затѣмъ нѣкоторыя произве-
денія искусства берутъ типы изъ третьяго, еще болѣе глубокаго
ряда признаковъ, сохраняющихъ свою жизнь цѣлыя столѣтія, цѣ-
лыя большіе періоды жизни человѣчества, каковы періоды сред-
нихъ вѣковъ, возрожденія и классической. Еще глубже лежатъ тотъ
разрядъ признаковъ, который можно сравнить съ первобытными, вѣ-
ковѣчными горными породами. Это признаки, составляющіе корен-
ныя отличительныя черты цѣлыхъ историческихъ народностей, тѣ
признаки, которые мы узнаемъ невольно, какимъ бы перемѣнамъ
ни подвергались судьбы самаго народа и какия бы внѣшнія перемѣны
ни происходили въ образѣ жизни, привычкахъ и т. д. его представи-
телей. „Такъ, Ахейянинъ Гомера, говоритъ Тэнъ, рѣчистый и болтли-
вый герой, который на полѣ битвы разглагольствуетъ своему противнику
свою генеалогію и цѣлыя исторіи, прежде чѣмъ поразить его копьемъ,
въ сущности есть тотъ же самый типъ, какъ и Аопяннинъ Эврипида,
философъ, софистъ и спорщикъ, который излагаетъ со сцены сен-
тенціи своей философской школы и защитительная рѣчи агоры; его
же вновь видимъ мы въ позднѣйшемъ типѣ *graculus*, этого услужли-
ваго паразита-дилетанта эпохи римскаго владычества; еще позднѣе
мы узнаемъ его въ критикѣ-библіофилѣ изъ Александріи и т. д. Всѣ
эти лица, принадлежащія къ столь различнымъ эпохамъ и встрѣчаю-
щіяся въ столь различныхъ положеніяхъ, для насъ явно суть пря-
мые потомки Нестора и Улисса, и на всѣхъ ихъ лежитъ одна общая
печать. Наконецъ, въ самомъ нижнемъ слоѣ встрѣчаются характе-
рные черты, свойственныя всякой высшей и способной къ самобит-
ной цивилизаціи расѣ, такой, однимъ словомъ, расѣ, которая при-
звана къ созданію идей, составляющихъ исключительное достоинство
человѣка и побуждающихъ его къ основанію обществъ, религій, фи-
лософскихъ системъ и искусствъ; эти послѣднія способности и пред-

расположенія существуютъ въ людяхъ одинаково, не смотря на всевозможное различіе расъ, и фізіологическія особенности, обнаруживающія свою силу во всемъ остальномъ, не имѣютъ надъ ними никакой власти.

„Таковъ, говоритъ Тэнъ, порядокъ, въ которомъ наслены пласты чувствъ, идей, способностей и инстинктовъ, составляющихъ человѣческую душу“. Чѣмъ глубже мы спускаемся отъ верхнихъ слоевъ къ болѣе глубокимъ, тѣмъ встрѣчающіеся намъ пласты имѣютъ характеръ болѣе простой, болѣе внутренней и болѣе общій. Поэтому и здѣсь, какъ и въ натуральной исторіи, нужно восходить къ зарождающемуся уму, чтобы найти въ немъ зачатки будущаго развитаго и совершеннаго ума; по строенію языка и характеру мѣтовъ, мы можемъ уже провидѣть здѣсь будущую форму религіи, философіи, обществности и искусства, точно также, какъ по присутствію, отсутствію или числу сѣменодолей можно угадать уже классъ, къ которому принадлежитъ растеніе и главнѣйшія черты его типа.

Перечисленнымъ ступенямъ различнаго достоинства характеристическихъ чертъ соотвѣтствуетъ и такая же лѣстница литературныхъ или вообще художественныхъ достоинствъ произведеній искусства.

Прежде всего, говоря пока только о словесныхъ произведеніяхъ, существуетъ литература моды; существованіе и значеніе ея длится не долѣе самой моды, какихъ-нибудь три, четыре года обыкновенно; по прошествіи нѣкотораго времени произведенія этого рода становятся уже скучными и даже мало понятными, между тѣмъ какъ въ свое время они возбуждали наибольшее вниманіе толпы. Мы не будемъ перечислять вмѣстѣ съ Тэномъ различныя формы произведеній этого рода, каковы модный романъ, водевиль и т. д.

Слѣдующій за тѣмъ разрядъ произведеній литературы соотвѣтствуетъ болѣе прочнымъ характернымъ чертамъ. Обыкновенно они представляются высшими образцами для тѣхъ поколѣній, которыя ихъ читаютъ. Но слѣдующія поколѣнія уже смотрятъ на нихъ не столь ослѣпленными глазами, и недостатки ихъ, незамѣтные для современниковъ, выступаютъ для нихъ уже очень рѣзко. Какъ на примѣръ подобныхъ явленій, Тэнъ указываетъ на знаменитую *Астрейю*, пасторальный романъ, написанный *д'Урфе* въ началѣ XVIII вѣка, на романы мадемоазель *Скюдери*, пасторали *Гесснера* и другія позднѣйшія. Замѣчательно при этомъ, говоритъ Тэнъ, что одинъ и тотъ же писатель можетъ иногда написать дюжину такихъ, скоро забываемыхъ, произведеній и въ то же время оставить одно, переживающее

далеко и его самого и всю его эпоху. Въ такомъ случаѣ несомнѣнно, что въ этомъ послѣднемъ, вслѣдствіе особаго труда и усилій таланта, онъ успѣлъ захватить и выразить болѣе глубокіе слои человѣческой души. Примѣрами могутъ служить хоть бы Лесаажъ и аббатъ Прево. Кто знаетъ теперь всѣ многочисленныя, подражательныя романы перваго и трагическія или трогательныя повѣсти втораго, и кто въ то же время не читалъ и въ наше время *Жилъ-Блаза* и *Манонъ-Леско*? Наконецъ, замѣчаетъ далѣе Тэнъ, въ одномъ и томъ же произведеніи одного автора могутъ встрѣчаться черты, уже давно потерявшія свой интересъ и почти смыслъ, и въ то же время другія вѣчныя, не умирающія. Шуты Шекспира уже почти не занимаютъ насъ, а молодые джентльмены его кажутся странными; ихъ каламбуры неприятны, ихъ метафоры непонятны, ихъ бессмысленныя и отзывающіяся претензіями длинныя тирады суть очевидно условныя приемы искусства XVI вѣка, какъ отшлифованныя тирады и особая приличность манеръ составляютъ условный приемъ XVII вѣка. Это тоже модныя лица въ произведеніяхъ Шекспира, черты поверхностныя, проходящія. И въ то же время въ остальномъ Шекспирѣ, конечно, вѣковѣчень.

Вотъ почему, продолжаетъ Тэнъ, если мы сдѣлаемъ пересмотръ величайшимъ произведеніямъ литературы, то откроемъ, что всѣ они представляютъ глубокой и прочный характеръ и что мѣсто, ими занимаемое, тѣмъ выше, чѣмъ болѣе преобладаютъ въ нихъ именно указанныя свойства. Они представляютъ намъ обыкновенно подъ чувственною формою сводъ, живое воплощеніе то главнѣйшихъ чертъ известнаго историческаго періода, то основные инстинкты и способности цѣлой расы, то нѣкоторыя черты человѣка вообще и тѣ элементарныя психологическія силы, которыя суть первыя причины событій въ человѣческой жизни. Для убѣжденія въ справедливости этого положенія нѣтъ даже нужды, какъ весьма мѣтко замѣчаетъ Тэнъ, дѣлать дѣйствительный пересмотръ всѣхъ литературъ. Достаточно обратить вниманіе на значеніе, какое начинаютъ получать въ наше время литературныя произведенія въ дѣлѣ исторіи. Ими-то начинаютъ пополнять недостатокъ въ мемуарахъ, дипломатическихъ актахъ и другихъ положительныхъ документахъ. Въ нихъ авторы съ изумительною точностью и ясностью успѣваютъ показать намъ чувствованія различныхъ эпохъ, инстинкты и способности различныхъ расъ, всѣ тѣ скрытыя пружины, которыхъ равновѣсіе поддерживаеетъ общества и которыхъ разладъ ведетъ къ революціямъ. Положительная исторія и хронологія древней Индіи, замѣчаетъ Тэнъ въ видѣ примѣра, почти не

существуютъ, но намъ остаются ея героическія и священные поэмы, и въ нихъ-то мы видимъ наголо ея душу, другими словами, характеръ и степень ея фантазій, громадность и оригинальное сочетаніе ея порывовъ, глубину и смутность ея философско-религіозныхъ идей, внутреннее начало ея религіи и учреждений. — За другими примѣрами мы принуждены отослать читателя къ самой лекціи Тэна.

Для того, чтобъ окончательно исчерпать вышеназначенную задачу, остается отыскать такую же лѣстницу признаковъ для человѣка физическаго и изображающихъ его искусствъ — живописи и ваянія, какая была указана сейчасъ для человѣка духовнаго и искусства поэтическаго.

Прежде всего ясно, говорить Тэнь, что модное, напримѣръ, платье есть характеристическая черта далеко не первостепенная: оно мѣняется каждые два года, или много черезъ каждыя десять лѣтъ. Почти то же можно сказать и вообще объ одеждѣ; ее можно снять въ нѣсколько минутъ; существенное въ живомъ тѣлѣ — само тѣло. Но даже нѣкоторыя характерныя черты, принадлежащія собственно тѣлу, не представляютъ большой важности. Таковы, напримѣръ, особенности тѣлеснаго сложенія и манеръ, связанныя съ извѣстными особенностями профессіи и ремесла; ибо хотя онѣ при постоянствѣ разъ избраннаго образа жизни и владутъ на человѣка неизгладимую печать, но въ сущности онѣ также измѣнчивы по своей природѣ; достаточно напомнить хоть бы рѣзкую перемѣну, какая происходитъ въ осанкѣ и приемахъ поселнина послѣ пребыванія его нѣсколько времени въ солдатахъ.

Другія вліянія, оказывающія весьма сильное дѣйствіе на душу человѣка, оставляютъ однако на тѣлѣ лишь очень слабый отпечатокъ: таковы вліянія извѣстной исторической эпохи. Всего болѣе при этомъ подвергается измѣненію лицо и его выраженіе; наконецъ, если принять въ соображеніе особенно длинные періоды времени, то, пожалуй, можно замѣтить нѣкоторыя перемѣны въ самой формѣ головы, въ которой объемъ мозга увеличивается съ теченіемъ времени, какъ учить физиологія. Но всѣ эти измѣненія не представляютъ однако достаточно данныхъ для установленія для тѣла человѣческаго такой же правильной постепенности признаковъ, какую мы открыли выше для духа.

Такимъ образомъ приходится избрать въ этомъ случаѣ иной путь, на которомъ, впрочемъ, тою же руководящею нитью послужить намъ начало подчиненія признаковъ. Выше уже было замѣчено, что если

признакъ отличается большею стойкостью, то это потому, что онъ принадлежитъ къ болѣе основнымъ, элементарнымъ. Понцемъ же въ живомъ тѣлѣ признаковъ, свойственныхъ основнымъ, элементарнымъ началамъ. Ясно, что скелетъ человѣка и покрывающіе его мускулы, связанные столь цѣлесообразно между собою, и составляютъ основу видимаго, тѣлеснаго человѣка. Принимая при этомъ въ соображеніе различныя вліянія климата, расы и темперамента, способныя оказывать измѣняющія дѣйствія на организмъ человѣка, мы получимъ въ этой основѣ тѣла все то, чѣмъ распоряжается скульптура или рисованье.

Но надъ этимъ основнымъ элементомъ тѣла лежитъ другой слой: это — кожа съ ея многочисленными видоизмѣненіями въ цвѣтѣ, нѣжности и прочемъ, какъ относительно различныхъ частей одного и того же тѣла, такъ и относительно различныхъ расъ, темпераментовъ и климатовъ. Таковы-то самыя глубокія, существенно-характерныя черты человѣка физическаго, которыя, конечно, отличаются характеромъ постоянства потому, что составляютъ неизбѣжную принадлежность всякаго живаго человѣка.

Указанной постепенности въ характеристическихъ чертахъ наружнаго человѣка соотвѣтствуютъ, по мнѣнію Тэна, и пластическія степени достоинства въ живописи и ваяніи. При всѣхъ другихъ равныхъ условіяхъ картина или статуя тѣмъ прекраснѣе, чѣмъ существеннѣе характерныя черты, въ ней воплощенныя. Поэтому-то на низшей степени живописи должны быть поставлены тѣ рисунки, акварели, пастели, статуэтки, которыя изображаютъ въ человѣкѣ не его самого, но его одежду, въ особенности модную одежду. Таковы бѣольшая часть рисунковъ въ иллюстрированныхъ изданіяхъ и бѣольшая часть портретовъ на выставкахъ. Нѣсколько высшую степень занимаютъ тѣ произведенія живописи и ваянія, въ которыхъ художники обращаютъ преимущественное вниманіе на особенности ремесла, профессіи, воспитанія, наружнаго отпечатка добродѣтели или порока, страсти, привычки. Гогартъ, Уильки (Wilkie), Молреди (Mulready) стоятъ, по мнѣнію Тэна, на этой ступени. Въ физическомъ человѣкѣ они видятъ лишь человѣка нравственнаго; поэтому-то краски, рисунокъ, естественность и красота тѣла занимаютъ въ ихъ произведеніяхъ лишь второстепенное мѣсто. Они заходятъ, по словамъ Тэна, въ область, чуждую живописи, въ область литературы, сатиры, драмы, между тѣмъ какъ красота пластическаго произведенія должна быть прежде всего пластическою, а всякое стремленіе придать произведеніямъ какого-

либо искусства оттѣножь, чуждый истинному характеру этого искусства, ведетъ къ паденію.

Тэнъ подробно развиваетъ и подкрѣпляетъ далѣе свою мысль указаніемъ на главнѣйшія эпохи итальянской живописи, принимая за эпоху высшаго процвѣтанія итальянской живописи то время, когда, по его выраженію, „животный человѣкъ, скелеть, облеченный мускулами, тѣломъ и кожей, дышащій красками и жизнью, былъ понятъ и любимъ самъ для себя и выше всего остальнаго“. Всѣ школы обращались, какъ замѣчаетъ Тэнъ, къ этой высшей эпохѣ за образцами и поученіями и только тѣ изъ послѣдующихъ живописцевъ, которые оставались въ сущности ей вѣрными, произвели истинно высокія произведенія и даже отчасти подвинули далѣе ея дѣло. Рафаэль учился у ея прямыхъ учениковъ: Андреа дель-Сарто, Фра-Бартоломео, Микель-Анджело, и половина его генія, по выраженію Тэна, принадлежитъ имъ. Послѣдній шагъ въ изображеніи собственно тѣла сдѣлали Корреджіо и Венеціанцы, и съ этой поры итальянское искусство начинаетъ падать. „Оно становится менѣ пластическимъ и болѣе литературнымъ“, замѣчаетъ Тэнъ.

Если обратиться затѣмъ къ великимъ школамъ живописи другихъ націй, то вездѣ, какъ утверждаетъ Тэнъ, ихъ процвѣтаніе и преросходство условливались преобладаніемъ того же существеннаго и основнаго характера, свойственнаго живописи вообще, и то же чувство физической жизни вездѣ порождало лучшія произведенія. Сущственно отличаетъ одну школу отъ другой то, что каждая изъ нихъ представляетъ извѣстный національный темпераментъ, создавая такимъ образомъ въ каждой странѣ „цѣлую особую расу тѣлъ“, по выраженію Тэна. Такимъ образомъ, національныя школы живописи раскрываютъ для историка „физическое строеніе и инстинкты извѣстнаго народа, а литература открываетъ ему духовное строеніе и задатки, создавшіе извѣстную цивилизацію“.

„Соотвѣтствіе такимъ образомъ оказывается полнымъ, говоритъ Тэнъ въ заключеніе своей лекціи, и характерныя черты вносятъ съ собою въ произведеніе искусства ту же степень достоинства, какую онѣ уже имѣютъ въ дѣйствительности. Чѣмъ больше сами по себѣ эти достоинства, тѣмъ выше и произведеніе. Когда они, переходя черезъ сознаніе писателя или артиста, переносятся изъ міра реальнаго въ міръ идеальнѣй, то не теряютъ ничего изъ своего бытія; послѣ этого путешествія они являютъ тѣми же самыми, какими были до него; по прежнему они остаются силами, болѣе или менѣ могуще-

ственными, болѣе или менѣе способными къ сопротивленію и прочными и въ то же время обнаруживающими свою дѣятельность въ болѣе или менѣе глубокихъ и обширныхъ результатахъ. Отсюда понятно, почему въ іерархіи произведеній искусства лишь повторяется ихъ собственная іерархія. На вершинѣ природы существуютъ высшія силы, преобладающія надъ всѣми остальными; на вершинѣ искусства существуютъ высочайшія произведенія, превосходящія всѣ прочія; обѣ вершины лежатъ на одномъ уровнѣ, и высшія силы природы находятъ себѣ выраженіе въ высшихъ же произведеніяхъ искусства“.

Вслѣдъ за лекціей Тэна мы считаемъ умѣстнымъ передать сужденіе о его взглядѣ на искусство, высказанное недавно однимъ французскимъ писателемъ *L. Terrès* и напечатанное въ № 34 *Revue des cours littéraires de la France et de l'étranger*. Замѣтимъ, между прочимъ, что статья *L. Terrès* вызвана появленіемъ въ печати трехъ сочиненій г. Тэна¹⁾.

По Тэну, говоритъ нашъ критикъ, „произведеніе искусства опредѣляется совокупностью общаго состоянія умовъ и современныхъ нравовъ“: это продуктъ множества силъ, дѣйствующихъ въ различныхъ пропорціяхъ на умъ артиста. Роль критики, какъ она понимается нынѣ, состоитъ въ томъ, чтобы разобрать эти силы, указать степень участія каждой изъ нихъ въ созданіи художественнаго произведенія, отличить въ немъ то, что онъ заимствовалъ отъ окружающаго его общества и отъ обстоятельствъ, среди которыхъ онъ жилъ, отъ историческаго періода, которому онъ принадлежалъ, отъ народности и расы, изъ которыхъ онъ происходилъ.

Критика, какъ понимаетъ ея роль Тэнъ, должна стараться только понять и объяснить, а не произносить свой судъ и не предписывать правилъ. Если искусство въ каждую эпоху есть роковая равно дѣйствующая совокупность всѣхъ вліяній, оказывающихъ всемогущее дѣйствіе на умъ людей, то зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, давать совѣты, которыхъ, конечно, не послушаютъ? Съ другой стороны, какое право имѣемъ мы считать нашъ взглядъ на вещи лучшимъ въ сравненіи со взглядомъ нашихъ предшественниковъ? Все, что намъ остается, это переноситься мысленно, при помощи исторіи, въ вѣка прошедшіе и открывать связь художественныхъ произведеній съ породившими ихъ причинами. Эстетическая критика дѣлается такимъ образомъ лишь одною изъ отраслей исторической науки, при помощи которой мы

¹⁾ *Philosophie de l'art. — Philosophie de l'art en Italie. — De l'idéal dans l'art.* 3 vol., par H. Taine. (Bibliothèque de philosophie contemporaine).

проникаемъ глубже въ духъ народовъ и вѣковъ, изучая ихъ искусство. Музеи, въ которыхъ хранятся произведенія предыдущихъ эпохъ, являются при такомъ взглядѣ какъ бы своего рода собраніями ископаемыхъ предметовъ, помогающихъ намъ возстановить при помощи науки и оживить въ нашемъ воображеніи состоянія и духъ обществъ, въ различныя эпохи жизни человѣчества.

Ясно, что при такомъ взглядѣ на дѣло человѣкъ представляется какъ бы лишеннымъ до известной степени свободы, и притомъ въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ, повидимому, имѣетъ наиболѣе мѣста проявленіе человѣческой индивидуальности и произвола. Безпрестанно попадаются у Тэна сравненія, которыми человѣкъ какъ бы приравнивается къ растеніямъ. Артистъ является у него какъ бы деревомъ, которое приноситъ лишь известные плоды, потому что не можетъ приносить другихъ, которое не можетъ расти и цвѣсти иначе, какъ подъ известною широтой и на известной почвѣ. Но уже первое важное различіе между растеніемъ и человѣкомъ состоитъ въ томъ, что одно постоянно производитъ почти одинаковые плоды, между тѣмъ какъ произведенія другаго чрезвычайно разнообразны. Другое весьма важное различіе, даже если и допустить вѣрность сравненія вообще, заключается въ томъ, что условія, при которыхъ производится плодъ растеніемъ, весьма легко опредѣлимы, между тѣмъ какъ на основаніи даже самой системы Тэна, условія и вліянія, содѣйствующія появленію художественнаго произведенія, такъ многочисленны, что нѣтъ никакой возможности опредѣлить ихъ всѣ.

Отсюда-то невозможность подчинить рожденіе художественныхъ произведеній столь же простымъ, строгимъ и немногимъ законамъ, какіе мы можемъ установить во многихъ случаяхъ для произведеній природы. Безъ сомнѣнія, говоритъ Л. Террье, въ біографическихъ и критическихъ этюдахъ Сень-Бѣва, обычные приемы котораго Тэнъ лишь облекъ въ систему, насъ чрезвычайно пріятно поражаетъ то, что писатели какъ бы оживаютъ на нашихъ глазахъ среди всей ихъ дѣйствительной обстановки, подъ вліяніемъ тысячи теченій и противотеченій, изъ которыхъ каждое приноситъ имъ что-либо свое. Но такое мастерское изображеніе не есть уже дѣло науки; это дѣло индивидуальное; оно возможно лишь при особомъ тактѣ, богатомъ личномъ опытѣ, тонкой проницательности, почти провидѣніи. Наука, съ своей стороны, можетъ имѣть въ виду лишь общія начала. Конечно, въ искусствахъ существуютъ также непреложные законы; но нѣтъ никакой возможности подвергнуть всѣ явленія его точнымъ форму-

ламъ. Впрочемъ, можетъ-быть, именно эта-то кажущаяся научная точность и строгость, замѣчаетъ Террье, и привлекають всего болѣе къ системѣ Тэна, въ которой все какъ-будто ясно и отчетливо, на все есть отвѣтъ.

По мнѣнію г. Террье, такая строгая точность законовъ, которую думаетъ ввести Тэнъ въ объясненіе причинъ появленія того или другаго рода художественныхъ произведеній, есть своего рода натяжка, и самъ Тэнъ, прилагая ее къ частнымъ явленіямъ изъ исторіи искусства, не всегда счастливо выходитъ изъ борьбы съ безчисленною сложностію условій, которыя приходится ему разбирать. Но этого мало. Желая все объяснить съ своей точки зрѣнія и открыть непременно въ каждой эпохѣ искусства и въ каждомъ знаменитомъ художникѣ ихъ особый, преобладающій характеръ, онъ часто придаетъ этому характеру значеніе, котораго онъ не имѣлъ въ дѣйствительности: Рубенсъ для него живописецъ тѣла, мяса, не болѣе; Микель Анджело — олицетворенная энергія, и только. „Къ этюдамъ самого Тэна, весьма колко замѣчаетъ Террье, можно бы приложить его собственное опредѣленіе произведенія искусства: онъ систематически измѣняетъ въ нихъ соотношеніе частей, съ тѣмъ чтобы выставить болѣе рельефнымъ образомъ одну характерную черту“.

Если мы припомнимъ приведенное выше мнѣніе Тэна о современныхъ задачахъ критики искусства, то, очевидно, не будемъ въ правѣ ожидать отъ него какихъ-либо приговоровъ о произведеніяхъ искусства и тѣмъ менѣе какихъ-либо совѣтовъ и наставленій художникамъ. Но ясно, какъ справедливо замѣчаетъ Террье, что со времени изданія 1-го тома (*Philosophie de l'art*) въ мысляхъ Тэна произошла нѣкоторая перемѣна. Тамъ онъ, повидимому, готовъ былъ признать одинаковое достоинство за всѣми художественными проявленіями человеческой мысли. Напротивъ, въ своемъ послѣднемъ томѣ (*De l'idéal dans l'art*), онъ, какъ и всѣ, кому серьезно и долго приходилось заниматься эстетикою, уже располагаетъ произведенія искусства по степенямъ ихъ достоинства, и конечно, даетъ извѣстныя правила художникамъ, ибо говоритъ имъ, что такой-то родъ выше, а другой ниже, не значитъ ли рекомендовать родъ высшій? Но заимствуя въ этомъ случаѣ принципъ, на которомъ основана послѣдовательность степеней художественныхъ произведеній, изъ естествознанія, авторъ, по мнѣнію Террье, приходитъ къ выводамъ не совсѣмъ точнымъ. Если идеаль есть тотъ образъ, который артистъ носитъ въ своемъ умѣ о данномъ предметѣ, а этотъ образъ есть уже нѣкоторымъ обра-

зомъ искаженное представленіе о предметѣ съ цѣлью сдѣлать наиболѣе наглядною характерную его черту, если, наконецъ, качество этой характерной черты и болѣе или менѣе энергическое его выраженіе составляютъ главное достоинство идеала въ искусствѣ, то, натянувъ немного это положеніе, можно придти къ весьма страннымъ выводамъ. Можно тогда, пожалуй, допустить, что сторукий Бриарей, выражающій только характеръ силы, или произведенія Китайцевъ, нагромождающихъ одну на другую страшныя черты, для произведенія исключительно чувства ужаса, удовлетворяютъ требованіямъ идеала въ искусствѣ.

Къ счастью, самъ Тэнъ отчасти пояснилъ и исправилъ то, что въ этомъ отношеніи могло бы показаться слишкомъ исключительнымъ въ его системѣ. Существенный характеръ предмета, по его дальнѣйшему поясненію, есть тотъ, изъ котораго вытекаетъ множество другихъ и который оказываетъ наиболѣе сопротивленія разрушающимъ вліяніямъ. Въ этомъ именно смыслѣ, какъ мы видѣли выше, устанавливаетъ онъ свою лѣстницу духовныхъ наслоеній въ человѣкѣ, на вершинѣ которой оказываются инстинкты и наклонности первобытнаго человѣка. Но и здѣсь уже можно было бы весьма справедливо замѣтить Тэну, что изображеніе однихъ характерныхъ чертъ первобытнаго человѣка безъ прибавленія къ нимъ чертъ, установленныхъ эпохою, вѣрою, расою и тому подобнымъ, едва-ли бы дало намъ настоящее художественное произведеніе. Впрочемъ, гораздо болѣе серьезныхъ замѣчаній слѣдуетъ сдѣлать ему противъ того, что онъ говоритъ о живописи.

Здѣсь, по его ученію, задача живописи есть изображеніе тѣла по преимуществу, и потому-то онъ ищетъ градаціи характерныхъ свойствъ, изображаемыхъ живописью, исключительно въ физической природѣ человѣка. Но, во первыхъ, нельзя не замѣтить, что такимъ образомъ поле живописи странно суживается, и Тэнъ, между прочимъ, вычеркиваетъ ландшафтъ изъ сферы этого искусства. Весьма вѣроятно, замѣчаетъ Террье, что автору не стоило бы большаго труда ввести и его въ свою систему, но напрасно онъ этого не сдѣлалъ и такимъ образомъ подалъ поводъ къ недоразумѣніямъ.

Обращаясь затѣмъ собственно къ изображенію тѣла человѣческаго, что, по ученію Тэна, составляетъ первенствующую задачу живописи, критикъ нашъ останавливается подробно на этомъ положеніи Тэна. Мы уже видѣли выше, что характерная черта, выставляемая преимущественно въ произведеніи искусства вообще, должна

быть, по ученію Тэна, важною, существенною. Но этого мало, ибо иная черта, не смотря на свою важность, можетъ быть недостаточна для полнаго развитія бытія и дѣятельности того существа, которому она принадлежитъ. Отсюда второе условіе, поставляемое Тэномъ, это характеръ благотворности избранной черты. Этимъ уже устраняется, конечно, высказанное выше предположеніе о чудовищахъ, выражающихъ слишкомъ одностороннюю черту, разрушающую гармонію, и идеаломъ физическаго человѣка рекомендуется тѣло во всей полнотѣ его жизни и дѣятельности. Затѣмъ Тэнь допускаетъ выраженіе души въ этомъ совершенномъ тѣлѣ посредствомъ движенія, жеста, выраженія физиономіи, но въ мѣру и не забывая все-таки тѣла, главнаго предмета живописи, и этимъ оканчивается задача воплощенія въ живописи идеальной фигуры человѣка. Обращаясь затѣмъ собственно къ приемамъ искусства, Тэнь высказываетъ требованіе сосредоточенія эффектовъ, и этимъ исчерпываются, по его ученію, все требованія, какія должны быть прилагаемы къ сужденію о произведеніи живописи. Нельзя спорить противъ того, что все высказанныя правила согласно ведутъ къ одной главной цѣли—именно къ требованію особенной ясности, рельефности характерной черты, и дѣйствительно составляютъ въ своей совокупности довольно простой приемъ для оцѣнки достоинства произведенія живописи съ точки зрѣнія Тэна. Но вполнѣ ли удовлетворительна самая эта точка зрѣнія? Не слишкомъ ли мало мѣста оставляетъ Тэнь въ живописи красотѣ духовной, нравственной? Неужели только тѣлесною красотой восхищаемся мы въ „Тайной Вечери“ Леонардо да-Винчи, въ его „Юнондѣ“, или въ его Св. Іоаннахъ и даже Бахусахъ? А Рафаэль? Въ самомъ Микель-Анджело, наконецъ, хоть бы въ его безсмертномъ произведеніи „Сотвореніе женщинъ“, неужели вся идея картины исчерпывается красотой тѣла? „Мы не говоримъ уже о портретахъ, заключаетъ Террье, которые однако занимаютъ такое видное мѣсто, на примѣръ, между трудами живописцевъ эпохи возрожденія и которыхъ исключительною задачею никакъ нельзя признать красоту тѣлесную“.

Окончательнымъ образомъ Террье видитъ въ эстетической системѣ Тэна лишь повтореніе того же, что высказываемо было другими серьезными эстетиками, — повтореніе, облеченное лишь въ новые научные термины, которые на первый разъ скрываютъ это сходство. Тэнь говоритъ, что произведеніе искусства имѣетъ цѣлью сдѣлать преобладающею главнѣйшую, существенную черту предмета; прежде говорили, что искусство выражаетъ идею, обнаруживаетъ невидимое. Когда Тэнь

говорить о благотворности выбираемыхъ чертъ, не повторяетъ ли онъ въ сущности уже стараго мнѣнія, что красота есть выраженіе блага, а благо есть соотвѣтствіе существъ съ ихъ назначеніемъ? То, что онъ называетъ сосредоточеніемъ эффектовъ, не есть ли старое единство? А когда, наконецъ, мы соединимъ вмѣстѣ всѣ требованія его отъ произведенія искусства, не ясно ли, что они вполнѣ окажутся соотвѣтствующими извѣстной идеѣ красоты, хотя Тэнъ и старательно избѣгаетъ этого выраженія въ большей части своего труда?"

Собственно за Тэнномъ Л. Террье оставляетъ только „новые доводы въ защиту старыхъ идей“ и нѣкоторую натянутость цѣлой системы, происходящую отъ стремленія подвести подъ самыя строгіе законы то, что по природѣ своей не подчиняется имъ; наконецъ, блестящій талантъ, который позволяетъ ему при изложеніи дѣла мастерскими и вѣрными картинками прошлаго то, что есть слабаго собственно въ его теоріи.

Изложивъ довольно обстоятельно мнѣнія двухъ противниковъ по существеннымъ вопросамъ эстетики, мы перейдемъ прямо къ отдѣльнымъ сочиненіямъ, вышедшимъ въ послѣднее время по исторіи искусства.

Прежде всего мы укажемъ на *Куглера* — „Исторію зодчества“¹⁾, которой нынѣ вышли 1-й и 2-й выпуски 4-го тома. Впрочемъ, появившееся нынѣ начало 4-го тома, приступающаго къ исторіи новѣйшей архитектуры, носитъ имя Куглера лишь изъ уваженія къ памяти покойнаго, такъ какъ оно составляетъ непосредственное продолженіе собственнаго труда его, доведеннаго до конца готическаго искусства. Поэтому вышедшіе теперь 2 выпуска носятъ также и другое заглавіе: „Исторіи новѣйшаго зодчества“ — *Якоба Буркхардта* и *Вильгельма Любке*.

Продолжая непосредственно трудъ Куглера, упомянутые авторы приступили къ эпохѣ возрожденія и притомъ раздѣлили между собою трудъ такъ, что исторію развитія архитектуры этой эпохи собственно въ Италіи взялъ на себя Буркхардтъ (она-то и исчерпывается въ вышедшихъ теперь двухъ выпускахъ IV тома); разработка же исторіи архитектуры эпохи возрожденія, на сколько она развивалась въ другихъ странахъ, внѣ Италіи, выпала на долю Любке, который и изложитъ ее въ остальныхъ выпускахъ IV тома. Кромѣ того онъ же, въ V томѣ, будетъ излагать періодъ вкуса рококо и новѣйшія стремленія архитектурнаго искусства.

¹⁾ *Kugler* Franz, — *Geschichte der Baukunst mit Illustrationen*. 4 Bd. 1. 2. Liefer. Stuttgart. 1867. Ebner u. Seubert.

Что касается уже напечатаннаго нынѣ труда Буркхардта, то по отзыву одного нѣмецкаго журнала ¹⁾, онъ представляетъ вообще богатый сводъ почти совершенно новыхъ объясненій и подробностей, основанныхъ какъ на глубокомъ изученіи источниковъ, такъ и на многолѣтнемъ личномъ созерцаніи и изученіи самихъ архитектурныхъ памятниковъ. Нельзя не поблагодарить также автора за то, что излагая исторію времени возрожденія въ итальянской архитектурѣ, онъ не ограничилъ своей задачи исключительно этимъ искусствомъ, но сообразно съ духомъ той эпохи, ввелъ въ свой трудъ также сады при виллахъ и вообще декоративныя работы того времени изъ камня, металла и дерева, равно какъ расписываніе фасадовъ, внутреннюю штукатурку и живопись, обдѣлку и форму домашней утвари, и наконецъ, украшенія, устраивавшіяся въ торжественныхъ случаяхъ.

По исторіи живописи укажемъ на вышедшій въ нынѣшнемъ году 1-й томъ сочиненія Эрнста Фёрстера — „Рафаэль“ ²⁾. Казалось бы странно, говоритъ нѣмецкій журналъ, изъ котораго мы заимствуемъ сообщаемый ниже отзывъ ³⁾, приступать къ сочиненію о Рафаэлѣ послѣ отличнаго большаго труда Пассавана и небольшой, но прекрасно составленной біографіи Рафаэля фонъ-Вольцогеномъ, которая сдѣлала доступнымъ для публики все существенное о его жизни. И однако книга Фёрстера есть все-таки трудъ далеко не лишній. Она, безъ сомнѣнія, будетъ хорошимъ вкладомъ въ богатую литературу о великомъ художникѣ и конечно, будетъ содѣйствовать еще болѣе къ возбужденію любви и уваженія къ знаменитому мастеру.

Сообразно своимъ воззрѣніямъ на дѣло, высказаннымъ въ „Приготовительной школѣ къ исторіи искусства“ (Vorschule der Kunstgeschichte), авторъ старается представить Рафаэля въ связи съ общей исторіей человѣчества. По этому случаю онъ даетъ намъ прекрасное изложеніе культурно-историческихъ условій Италіи въ XV и XVI столѣтіи, проводитъ передъ нами людей, содѣйствовавшихъ пробужденію классической древности и постепенному совершенствованію итальянскаго искусства, указываетъ на тѣхъ художниковъ и на тѣ произведенія, которые имѣли наибольшее вліяніе на самого Рафаэля. Затѣмъ, держась основательныхъ изслѣдованій Пассавана, онъ проходитъ шагъ за шагомъ исторію развитія Рафаэля, слѣдитъ за первыми впечатлѣніями, которыя встрѣтили его въ родномъ городѣ, за отношеніями его къ

¹⁾ *Literarisches Centralblatt* — 1867, № 25.

²⁾ *Foerster, Ernst -- Raphael*. Leipzig. 1867. T. O. Weigel. Bd. 1.

³⁾ *Literarisches Centralblatt*. 1867. № 36.

учителю, къ товарищамъ и друзьямъ, за его путешествіями и т. д. Далѣе онъ перечисляетъ въ хронологическомъ порядкѣ всѣ его извѣстныя произведенія, сообщаетъ краткую исторію каждаго изъ нихъ, его нынѣшняго владѣльца, гравюры, которыя съ него сдѣланы, и т. д. При этомъ Фёрстеръ не упускаетъ также изъ вида развитія въ Рафаэлѣ личнаго характера, его семейныхъ отношеній, и вообще старается представить намъ не просто живописца, но цѣлаго *человѣка* въ связи съ его вѣкомъ и другими условіями. Книга Фёрстера написана не исключительно для специалистовъ по искусству, какъ почтенный трудъ Писсавана, но назначается преимущественно для всѣхъ образованныхъ классовъ, и къ этой цѣли она приспособлена очень хорошо.

Вышедшій нынѣ первый томъ, кромѣ общаго введенія, содержаніе котораго указано выше, и краткаго изложенія состоянія литературы и искусства въ Италіи во времена Рафаэля, излагаетъ жизнь и труды его въ періодъ пребыванія его во Флоренціи и Римѣ до смерти папы Юлія II, въ 1513. Книга украшена гравированнымъ портретомъ Рафаэля, сдѣланнымъ съ портрета его собственной работы, находящагося въ Уффици во Флоренціи.

Коснувшись сочиненій по исторіи живописи, упомянемъ также о трудѣ Альфреда *Вольтманна* — „Гольбейнъ и его время“¹⁾. Уже снискавъ прежде своими небольшими, но многочисленными трудами, почетную извѣстность, какъ знатокъ Гольбейна, авторъ приступилъ нынѣ къ своему большому труду объ этомъ мастерѣ, отъ котораго ожидали весьма многого. Вышедшій теперь первый томъ, въ которомъ описано время жизни Гольбейна въ Аугсбургѣ и Базелѣ, дѣйствительно, не обманулъ ожиданій. „Авторъ, какъ говоритъ рецензентъ одного нѣмецкаго критическаго журнала²⁾, съ успѣхомъ избѣжалъ въ своемъ трудѣ обѣихъ крайностей, въ какія обыкновенно впадаютъ біографы художниковъ. Онъ не вдавался исключительно ни въ разборъ отдѣльныхъ произведеній, упуская при этомъ изъ вида личность самого мастера и его художественное развитіе, какъ дѣлаютъ многіе, а съ другой стороны онъ строго держится избранной личности, какъ центра, и не вдается въ общую исторію культуры. Объ Аугсбургѣ, Базелѣ, Базельскихъ гуманистахъ мы узнаемъ изъ его книги достаточно для того, чтобы понять среду, окружавшую Гольбейна, но въ то же время не упускаемъ ни на минуту изъ вида самого художника. Воспользо-

¹⁾ *Woltmann*, D-r. Alfred — Holbein und seine Zeit. 1. Theil mit 31 Holzschnitten u. 1. Photolithographie. Leipzig, 1866. Seemann.

²⁾ *Literarisches Centralblatt* . . 1867, № 9.

вавшись тщательными изысканіями Гербергера и Гейслера, Вольтманнъ много разъяснилъ намъ также семейныя отношенія Гольбейна, и наконецъ, съ точностью опредѣлилъ годъ рожденія художника (1495), о которомъ еще до сихъ поръ не существовало полного согласія. Съ такою же полнотою, какъ внѣшнія обстоятельства жизни Гольбейна, авторъ изслѣдуетъ и художественное его развитіе. За краткою, но прекрасною характеристикою отца, котораго манера, безъ сомнѣнія, имѣла большое вліяніе на сына, слѣдуетъ въ его книгѣ подробное описаніе собранія эскизовъ (Skizzenbuch) этого послѣдняго, — эскизовъ, сохранившихся намъ еще отъ времени его юности и находящихся отчасти въ Берлинскомъ кабинетѣ гравюръ, частью въ Копенгагенѣ, Бамбергѣ, Базелѣ и проч. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности излагать подробно все содержаніе книги Вольтманна и ограничимся въ заключеніе указаніемъ на одну новую точку зрѣнія, съ которой нашъ авторъ смотритъ на Гольбейна. Именно онъ относитъ его къ эпохѣ возрожденія нѣмецкаго искусства, о которой нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ почти не существовало даже идеи, не только строгаго опредѣленія границъ этой эпохи. Напротивъ, заслуги Гольбейна Вольтманнъ и цѣнитъ по преимуществу съ этой точки зрѣнія, указывая, какъ и когда именно онъ разорвалъ связи съ старымъ, средневѣковымъ міросозерцаніемъ и какое вліяніе въ этомъ отношеніи имѣли на него художники времени возрожденія въ Италіи и въ особенности Ломбардская школа.

Въ заключеніе нашего обзорѣнія, мы упомянемъ о вышедшемъ въ нынѣшнемъ году сочиненіи *Пауля* — „Абсолютная гармоника Грековъ“¹⁾. Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе содержанія этого сочиненія, мы замѣтимъ только, что оно принадлежитъ къ числу многихъ сочиненій, посвященныхъ въ послѣднее время изслѣдованію музыки въ древности и пролившихъ на эту темную до сихъ поръ область много свѣта, при чемъ лучше разъяснилась и связь новѣйшей музыки съ древнею.

Авторъ означеннаго выше сочиненія, напимѣрь, считаетъ музыкальное искусство Грековъ фундаментомъ, на которомъ покоится вся позднѣйшая западно-европейская музыка. Въ этомъ строеніи, какъ утверждаетъ Пауль, абсолютная гармоника Грековъ составляетъ одну изъ главныхъ частей, и ее-то исчерпываетъ въ настоящемъ своемъ трудѣ авторъ, удачнымъ воссозданіемъ греческихъ системъ тоновъ

¹⁾ *Paul*, D-r O.—Die absolute Harmonik der Griechen. Eine Abhandlung. Leipzig. 1867. Dörfel.

(Tonsysteme). Въ скоромъ времени онъ обѣщаетъ продолженіе своего труда, въ которомъ будетъ рѣчь о прикладной гармоникѣ Грековъ.

О „Докладѣ Рих. Вагнера его величеству королю Баварскому, Людвигу II объ основаніи въ Мюнхенѣ нѣмецкой музыкальной школы“, ¹⁾ къ сожалѣнію, мы находимъ лишь краткое извѣстіе въ одной нѣмецкой газетѣ, притомъ, очевидно, не совсѣмъ безпристрастное, такъ какъ Вагнеръ задѣваетъ въ своемъ докладѣ нѣмецкое самолюбіе. И въ самомъ дѣлѣ есть чѣмъ обидѣться. Вагнеръ доказываетъ въ своей брошюрѣ, что не только дѣятельность всѣхъ существующихъ въ Германіи музыкальных консерваторій совершенно бесполезна, но что Нѣмцы вообще даже не способны къ передачѣ классическихъ музыкальных произведеній, какъ прошедшаго, такъ и настоящаго времени. Далѣе онъ говоритъ, что школа должна начать съ правильной выработки органа пѣнія, такъ какъ вообще пѣніе въ Германіи стоитъ на весьма низкой степені. Не смотря на очевидное неудовольствіе противъ идей, высказанныхъ Вагнеромъ, нѣмецкій рецензентъ не можетъ однако не сознаться, что брошюра содержитъ превосходныя замѣтки, и притомъ не только по вопросу объ улучшеніи пѣнія, но и о музыкальномъ образованіи вообще.

---

¹⁾ *Wagner, Rich.* — Bericht an seine Majestät den König Ludwig II von Bayern über eine in München zu errichtende deutsche Musikschule. München. 1866. Kaiser. 10 Sgr.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ПРИГOTOВИТЕЛЬНЫЙ КУРСЪ ЛАТИНСКАГО ЯЗЫКА.

... Pueris olim dant crustula blandi
Doctores, clementa velint ut discere prima.
Sat. Horat. I.

- Латинская грамматика.** Ав. *Ананьева*. Москва. 1864.
- Латинская грамматика** доктора *Мадни*, сокращенная для гимназій *Тинеромъ*.
Переводъ съ нѣмецкаго. Издавъ *В. Басовъ*. Москва. 1865.
- Элементарная грамматика** доктора *Р. Кюнера*, дополненная сообразно съ новымъ уставомъ министерства народнаго просвѣщенія для гимназій и прогимназій. 2-е изданіе. Составилъ преподаватель латинскаго языка въ 4-й (Ларинской) С.-Петербургской гимназій магистръ *Игнатій Косовичъ*. С.-Петербург. 1866.
- Руководство къ изученію латинскаго языка** для трехъ низшихъ классовъ гимназій. Составилъ *Яковъ Смирновъ*. Москва. 1866.
- Латинская грамматика** по *Р. Кюнеру*. Составилъ и дополнилъ *Я. Кремеръ*, перевелъ *О. Кейзеръ*. 1867 г. Москва. Изданіе братьевъ *Салаевыхъ*.

Не смотря на 1864—1867 годы, выставленные на изданіяхъ, заглавія которыхъ выписаны, — новаго, въ смыслѣ облегчающаго малюткъ-учениковъ первыхъ классовъ гимназій, эти книги мало представляютъ.

Теперь, когда на преподаваніе латинскаго и вообще древнихъ языковъ обращено особенное вниманіе, удивительнымъ кажется такое невниманіе учебной литературы къ вопіющей потребности.

Всякій понимаетъ, что руководство годное, пожалуй, какъ было два года тому назадъ, для 3-го класса гимназій, съ котораго началось тогда преподаваніе латинскаго языка, мало или почти бесполезно теперь для дѣтей перваго класса. Составители руководствъ, вѣроятно, лучше меня знакомы съ гимназическою программой, и для нихъ не секретъ, что въ первомъ классѣ ученики лишь со втораго полугодія начинаютъ этимологию русскаго языка.

Но родной языкъ дѣло другое: здѣсь ученики имѣють дѣло съ

знакомыми звуками, съ знакомыми предметами, ихъ названіями и измѣненіями; къ языку же латинскому, полагаю, дѣти иначе нѣсколько относятся. Отсюда понятно, что не только учителя, но и руководства по этому предмету должны приурочиваться къ дѣтямъ. Въ латинскихъ нашихъ руководствахъ даже послѣдняго времени, какъ мы увидимъ ниже, этого *приурочиванія* къ понятіямъ русскихъ дѣтей нѣтъ ни въ методѣ, ни въ самомъ ихъ содержаніи, то-есть, въ тѣхъ предметахъ, о которыхъ хотятъ съ дѣтьми бесѣдовать на латинскомъ языкѣ.

Въ то время, когда русскій учитель читаетъ съ дѣтьми и начинаетъ разбирать какую-нибудь маленькую басенку въ родѣ „Муха и Волъ“, — тѣмъ же дѣтямъ приходится изучать ораторское искусство въ Римѣ: „Ораторы краснорѣчивы. Краснорѣчіе ораторовъ волнуетъ наши души. Народъ слушаетъ ораторовъ“ и пр. (Элементарная грамматика Кюнера, стр. 38), или еще дальше: „Пифагора мы цѣнимъ за его мудрость. Объ Орестѣ и Пиладѣ, объ Эпаминондѣ и Пелопидѣ исторія рассказываетъ многіе и величественные случаи“. (Тамъ же, стр. 30). Еще раньше, на самой первой страницѣ: „Они пробуютъ сражаться“ (стр. 22).

Такія и подобныя имъ фразы начинаютъ курсъ латинскаго языка перваго класса по Кюнеру.

„Римляне побѣдили Карфагенянъ“ и „императоръ Титъ разрушилъ Іерусалимъ“, — приводитъ г. Смирновъ въ примѣръ для объясненія *внимательнаго* надежа, тоже на первыхъ страницахъ своего руководства къ изученію латинскаго языка для трехъ низшихъ классовъ гимназій (стр. 12). „Мы старались терпѣть“ (стр. 17). Таковы фразы для перевода съ дѣтьми перваго класса въ указанныхъ двухъ грамматикахъ; латинская же грамматика доктора Мадвига, сокращенная для гимназій Тишеромъ, равно какъ латинская грамматика Аѳ. Ананьева, неизвѣстно впрочемъ для чьего употребленія такъ распространенная (400 стр.), что прибавлено къ ней еще 8 страницъ *опечатокъ*, не даютъ никакихъ фразъ, а одно собраніе словъ и правилъ.

Г. Ананьевъ даже и словъ не хотѣлъ помѣщать въ видѣ словаря, съ необходимымъ показаніемъ окончанія родительнаго надежа существительныхъ, главныхъ формъ глаголовъ, и окончаній и родовъ прилагательныхъ, по слѣдующему соображенію:

„Такъ какъ собраніе словъ и ихъ значеніе собственно составляетъ предметъ словаря (который однакоже у него, замѣтимъ въ скобкахъ, при грамматикѣ не приложенъ), то помѣщеніе небольшого

собранія ихъ въ грамматикѣ, пожалуй, сочтется *противозаконнымъ явленіемъ чужой собственности*“, говоритъ онъ (См. предисловіе къ Граммат. стр. 11). Въ силу этого страннаго взгляда на собраніе латинскихъ словъ, грамматика г. Ананьева, чего бы нельзя было ожидать по предыдущему, заключаетъ въ себѣ несчетное число однихъ словъ и сухихъ правилъ, но ни одного упражненія въ переводѣ. И какъ видно, г. Ананьевъ хочетъ научить латинскому языку не переводя, — плавать безъ воды. „*Механическое* затверживаніе примѣра съ переводомъ каждой формы, говоритъ онъ еще въ предисловіи, по моему убѣжденію, основанному на практикѣ и наблюденіяхъ, вовсе *безполезно*, если не *осмыслено* значеніемъ сущности дѣла. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже бываетъ *необходимо* въ послѣдствіи времени *отучать* ученика отъ буквальнаго перевода формы одного языка соответствующею формою другаго, какъ это особенно видно въ склоненіи именъ прилагательныхъ“. (См. предисловіе V стр.).

Изъ этихъ словъ мы открываемъ, что г. Ананьевъ 1) издалъ свою грамматику также для учениковъ гимназій, 2) издалъ по новой, необыкновенной методѣ, не допускающей перевода, что называетъ составитель *механическимъ затверживаніемъ* (а вытверживаніе множества однихъ правилъ и словъ, это разумное, осмысленное изученіе языка?) и 3) что не только не слѣдуетъ учениковъ учить умѣнью переводить, но старательно должно ихъ *отучать* отъ этой заразы...

Издатель латинской грамматики Мадвига, сокращенной для гимназій Тишеромъ, вмѣсто предисловія пишетъ: „*Издатель* (?) имѣя въ виду издать (?) выборъ латинскихъ и греческихъ классиковъ съ ссылками на грамматику, рѣшился издать (?) прежде предлагаемую книгу. Грамматическія объясненія въ предполагаемомъ выборѣ латинскихъ писателей будутъ предложены преимущественно на этой грамматикѣ; вотъ причина, по которой она издается“. (См. предисловіе).

Издана, стало быть, грамматика Мадвига съ одной стороны куда *безъ* причины, потому что приложение собранія правилъ, помещенныхъ въ этой грамматикѣ, еще впереди; съ другой же стороны — *по* причине, потому что она сокращена *для гимназій*. Во всякомъ случаѣ, намъ кажется, издавать грамматику, по крайней мѣрѣ, этимологию съ такою специальною цѣлью, странно. Мы понимаемъ, что въ конструкціи тотъ или другой писатель имѣетъ свои особенности, — могутъ встрѣчаться у того или другаго писателя ему лично свойственныя выраженія, — и въ такомъ случаѣ сводъ подобныхъ оборотовъ въ особомъ синтаксисѣ, специально изданномъ для ссылокъ при чте-

ни и объясненіи извѣстнаго автора, можетъ имѣть разумное основаніе; что же касается до этимологій, то мы не думаемъ, чтобъ она была какая-нибудь особенная въ предполагаемомъ сборникѣ статей писателей. Во всякомъ случаѣ, пока еще начнетъ преподаватель читать авторовъ, собранныхъ въ будущемъ сборникѣ, ученика надо научить переводить легкія фразы, научить составлять предложенія, то есть, научить основаніямъ этимологій, безъ которыхъ какъ *sine Jove nec redet tunc* въ латинскомъ, да и въ русскомъ языкѣ.

Въ томъ же предисловіи издатель хвалитъ грамматику Мадвига.

„Что же касается достоинства самой грамматики д-ра Мадвига, то издатель, не желая выразить своего *собственного мнѣнія*, ссылается въ этомъ случаѣ на германскихъ ученыхъ, по безпристрастному суду которыхъ эта грамматика признается изъ лучшихъ“. (См. предисловіе).

Въ свою очередь мы не имѣемъ цѣлю разбираеть со *всѣхъ* сторонъ грамматики, заглавія коихъ выписаны, не изъ благоговѣнія къ авторитету германскихъ ученыхъ, которые, если хвалятъ грамматику Мадвига, то вѣроятно знаютъ приложимость ея, а потому что желаемъ уяснить себѣ только слѣдующій вопросъ: на сколько эти грамматики удовлетворительны *для первоначальнаго курса въ низшихъ гимназіяхъ*? Что хорошо въ Германіи, даже по безпристрастному суду нѣмецкихъ ученыхъ, пригодно ли *намъ*? Переводя на русскій языкъ извѣстное руководство, непременно, кажется, слѣдуетъ имѣть въ виду *русскія* школы и *русскихъ* дѣтей. Мало того, слѣдуя пословицѣ: одежда по росту, книга по уму, — необходимо еще спеціальнѣе преслѣдовать цѣль при переводѣ какого-либо иностраннаго руководства, отнюдь не упуская изъ вида для *какихъ* классовъ гимназій, для *какого* возраста та или другая книга назначается?

Правда, что *sine lingua latina nemo cogitari potest*: языкъ латинскій — общечеловѣчскій, латинская же грамматика — прабабушка всѣхъ грамматикъ европейскыхъ, — все-таки бабушка эта 6-лѣтнему внучку сказывать должна, какъ и всякая бабушка, инныя сказки и иннымъ складомъ, нежели та же бабушка 16-лѣтнему внуку станетъ дѣлать наставленія. Въ Германіи число учебныхъ руководствъ необыкновенно велико. Тамъ дѣло обученія латинскому языку ведется съ разумною, педагогически-разчитанною постепенностью. Тамъ изученію этимологій, болѣе или менѣе систематическому, предпосылается приготовительный курсъ (*Vorschule für den Lateinischen Elementarunterricht*). Книжечки, назначенныя для этого возраста, не превышаютъ 22-хъ страницъ (см. изданія Lattmann, Ostermann, 1865).

Въ предисловіи къ одной изъ этихъ книжечекъ составитель пишетъ: „Необходимымъ считаю для перваго класса (Septima) пройти приготовительный курсъ, который бы обезпечилъ основательное преподаваніе въ низшихъ классахъ. Для этого составленъ краткій учебничекъ (pensum), который въ себѣ содержитъ общія основанія этимологии. Этому я старался достигнуть, взявъ изъ этимологии (Formenlehre) столько матеріаловъ, сколько необходимо, чтобы можно было практиковать учениковъ въ составленіи предложенія въ его обыкновенныхъ формахъ при извѣстномъ количествѣ словъ (весь словарь заключаетъ 320 словъ). Для восьмилѣтнихъ и девятилѣтнихъ учениковъ довольно этой работы при 4—6 часахъ въ недѣлю въ продолженіе полугода, а другое полугодіе посвящается для повторенія этой книжечки“. (См. *Vorschule für den Lateinischen Elementarbuch von Lattmann. Göttingen. 1865. Vorwort zur zweiten Auflage*). Если мы сопоставимъ съ этимъ учебникомъ грамматику г. Ананьева, гдѣ 400 страницъ, болѣе 800 правилъ въ одной части, гдѣ уже на первый урокъ предлагается 242 слова (см. стр. 13, существительныя *перваго* склоненія), между коими есть *vesica* — *мочевой пузырь* и *scrofa* — *опоросившаяся свинья*, да къ тому прибавимъ восемь страницъ опечатокъ, — пропорція окажется не очень въ пользу родной дидактики. Учить такъ учить: вотъ тебѣ на первый разъ 240 словъ; печатать такъ печатать все: изъ большаго не выпадеть, или иначе, *melius haurire ex magno fonte...* Бѣдныя дѣти!

Такимъ образомъ грамматику г. Ананьева и д-ра Мадвига, изданную г. Басовымъ, какъ не удовлетворяющія рѣшительно требованіямъ дидактическимъ въ дѣлѣ первоначальнаго преподаванія латинскаго языка, мы оставляемъ въ сторонѣ¹⁾.

Тѣмъ съ большимъ вниманіемъ постараемся разсмотрѣть другія: Элементарную грамматику д-ра Кюнера, *составленную* (кто же составилъ?) Игнатіемъ Коссовичемъ, Латинскую грамматику по Кюнеру г. Кремера, и Руководство къ изученію латинскаго языка для трехъ низшихъ классовъ гимназій, составленную Яковомъ Смирновымъ.

Одно изъ этихъ изданій (Кюнера) состоялось въ С.-Петербургѣ, другія же Кюнера и г. Смирнова въ Москвѣ. Стало быть, мы имѣемъ здѣсь представителей дидактики въ двухъ центрахъ нашего просвѣщенія. Это обстоятельство еще лучше уясняетъ отношеніе русской

¹⁾ Латинская грамматика г. Ананьева пригодна, конечно, только для высшихъ классовъ гимназій, и только для нихъ и одобрена министерствомъ народнаго просвѣщенія. См. *Журн. Мин. Нар. Просв.* за сентябрь, 1866 г. I отд., стр. 51. *Ред.*

педагогической мысли къ дѣлу, насъ занимающему. Повторяю опять, что руководства и рассматриваю со стороны практическаго ихъ употребленія *въ первомъ классѣ гимназій*. *Initium — dimidium facti* — старая истина, и доказывать важность именно перваго шага въ преподаваніи считаю здѣсь лишнимъ. Преподаваніе латинскаго языка необходимо имѣть связь съ преподаваніемъ языка русскаго, поэтому дабы выяснитъ цѣлесообразность того и другаго учебника по латинскому языку, мы скажемъ нѣсколько словъ о взаимномъ отношеніи этихъ языковъ при первоначальномъ ихъ преподаваніи.

Слѣдовало бы, по всей справедливости, одному и тому же учителю преподавать оба языка во избѣжаніе многихъ неудобствъ, что и дѣлается въ Германіи, а такъ какъ это у насъ пока еще *primum desiderium*, то во всякомъ случаѣ очень не мѣшаетъ установить общую по возможности методу для преподаванія этихъ языковъ: учителямъ русскаго и латинскаго должно *стѣться* заранѣе и идти рука объ руку для взаимнаго достиженія разумной цѣли.

Намъ кажется разумнымъ предпослать преподаванію латинскаго языка въ первомъ классѣ гимназій практическое ознакомленіе учениковъ съ составомъ простаго предложенія русскаго, ограничиваясь самымъ общимъ разборомъ. Хотя руководства г. Коссовича (по Кюнеру), г. Кремера и г. Смирнова начинаются общими этимологическими понятіями, но мы рѣшительно не согласны съ принятою ими системой. Ни этимологическія объясненія въ такомъ отрывочномъ видѣ, ни таблицы окончаній склоненій и спряженій, помѣщаемыя въ началѣ перваго курса, не ведутъ къ желаемой цѣли и не оправдываются требованіями логической дидактики. Гг. Коссовичъ, Кремеръ и Смирновъ на первыхъ двухъ страницахъ курса объясняютъ этимологическія формы и латинскія ихъ названія.

Если мы сопоставимъ этотъ пріемъ въ курсѣ латинскаго языка съ послѣднею программой для русскаго языка въ первомъ классѣ гимназій, которою предписывается только во второмъ полугодіи начинать разборъ простаго предложенія, а глаголы проходить черезъ годъ во второмъ уже классѣ, намъ покажется чрезвычайно страннымъ желаніе составителей грамматики познакомить учениковъ въ одинъ урокъ со всею этимологіей. Не говорю уже о методѣ изложенія этимологии русскою въ латинскомъ курсѣ. Она сама по себѣ, а уроки латинскаго языка сами по себѣ. Если бы, положимъ, вызубрили ученики такую наивную номенклатуру падежей: именительный (*nominativus*) на вопросъ: *кто, что?* — родительный (*genitivus*) на вопросъ:

кого, чего? и т. д., что изъ этого вышло бы? Какое понятіе составилъ бы десятилѣтній первоклассникъ о назначеніи и роли падежей въ предложеніи? Въ такомъ видѣ предпосланная латинской грамматикѣ этимологія ни къ чему не ведетъ: и преподавателя ставитъ въ тупикъ, и понапрасну увеличиваетъ изданіе. Подобная этимологія для учениковъ 1-го класса, совсѣмъ незнакомыхъ и съ русскою грамматикой, не годится по своей сухой голословности; для учениковъ же другихъ классовъ не нужна, потому что, предполагается, они ее знаютъ. Къ чему же она?

Вслѣдствіе подобной рутины въ изложеніи русской и латинской этимологіи нерѣдко бываетъ, что ученики, выйдя изъ гимназій, при переводахъ и сочиненіяхъ смѣниваютъ падежи между собою. Знаменитые вопросы: *кто, что, чего?* нисколько не объясняютъ дѣла въ словѣ, отдѣльно взятомъ. Самыя названія падежей остаются для многихъ, изучившихъ русскую и всякую другую грамматику, знакомъ вопроса, загадкою. „*Родительный — genitivus... дательный — dativeus...*“ учитъ мальчикъ: „*Кого, чего, кому, чему?...*“ Премудрость!... То же можно сказать о всѣхъ терминахъ грамматическихъ формъ: *залоги (genus), наклоненія (modus), склоненія, спряженія* и проч. Ужели можно о нихъ *прежде всего* толковать съ ребенкомъ? А по системѣ Кюнера и его переводчика - составителя и г. Смирнова *непрямьно* толковать надо. Всякій взрослый знаетъ по себѣ, что сознательное постиженіе этихъ формъ является развѣ въ концѣ, въ заключеніе грамматическаго курса, если только когда-нибудь является, благодаря нашимъ толковымъ учебникамъ, а для ребенка эти названія и эти формы представляютъ, Богъ знаетъ, какіе, покрытые мхомъ вѣковъ, іероглифы. Самый *падежь?...* Очевидно, въ первоначальномъ курсѣ латинской грамматики и всякой другой нельзя съ пользою предлагать выше указанную номенклатуру этимологіи отдѣльно отъ предложенія, какъ самой разумной, законченной формы мысли.

Винительный, напримѣръ, падежь, какъ падежь, показывающій *вину, причину*, предметъ дѣйствія подлежащаго, будетъ понятъ только тогда, когда мы поставимъ его для объясненія въ цѣломъ предложеніи: *Гусь пьетъ воду*. Слово „*воду*“, какъ *вину, предметъ дѣйствія*, производимаго *гусемъ*, наглядно уразумѣютъ дѣти и не смѣшаютъ этого падежа съ другимъ.

Творительный, выражающій своимъ окончаніемъ *орудіе*, которымъ предметъ дѣйствующій (подлежащее) *творитъ, дѣйствуетъ*, — получить смыслъ и значеніе своего названія для ребенка также въ пред-

ложеніи, напримѣръ: „мальчикъ пишетъ перомъ“. Точно также разумно болѣе или менѣе могутъ быть объяснены въ каждой грамматикѣ и особенно въ латинской, какъ установившейся и прототипѣ всѣхъ грамматикъ въ мірѣ, и всѣ другія формы грамматическія.

Латинскій языкъ, между прочимъ, и потому еще важенъ въ школьномъ обученіи, что онъ *officina* всей номенклатуры формъ грамматическихкихъ и много поможетъ здравому ея объясненію при изученіи русскаго и всякаго другаго языка.

По нашему мнѣнію, курсъ латинскаго языка, особенно приготовительный, долженъ быть расположенъ въ примѣрахъ простаго предложенія, постепенно распространеннаго, и въ строгой параллели съ курсомъ русской грамматики, благо это возможно.

Соображаясь съ развитіемъ учениковъ I-го класса, для которыхъ спеціально назначается первоначальный или лучше, приготовительный курсъ, размѣры этого курса можно ограничить, при довольномъ запасѣ словъ, ознакомленіемъ учениковъ съ составомъ простаго предложенія. Слѣдовательно, въ содержаніе этого приготовительнаго курса войдутъ: пять правильныхъ склоненій существительныхъ, имена прилагательныя, правильныя степени, личныя и притяжательныя мѣстоименія, числительныя имена несклоняемыя, и тѣ, которыхъ склоненія подходятъ къ правильному склоненію именъ прилагательныхъ, то-есть, порядковыя, изъ количественныхъ же *unus, duo, tres, mille*, нарѣчія, предлоги, глаголь *sunt* и глаголь перваго спряженія, въ дѣйствительномъ залогѣ. Вотъ все содержаніе приготовительнаго курса.

Въ первой части, то-есть, букварѣ, тотчасъ послѣ изображенія буквъ и правилъ ихъ произношенія, необходимо должны слѣдовать слова, раздѣленныя на группы и уроки. Въ первой группѣ будутъ имена существительныя перваго склоненія женскаго рода самыя краткія и по значенію знакомыя дѣтямъ; во второй подобранныя къ нимъ прилагательныя въ женскомъ родѣ; въ третьей глаголы, обозначающіе дѣйствія предметовъ, имена которыхъ помѣщены въ первой группѣ; въ четвертой — нарѣчія, предлоги и союзы. О склоненіи и спряженіи этихъ словъ здѣсь и помину нѣтъ.

Помѣщеніе этихъ группъ словъ (числомъ всего около 50) будетъ имѣть тройную цѣль. Во-первыхъ, они будутъ служить для чтенія, во-вторыхъ, для объясненія общихъ признаковъ частей рѣчи, и в-третьихъ, для выучиванія наизусть. Такимъ образомъ вышеуказанный отдѣлъ курса будетъ нѣкоторымъ введеніемъ въ этимологию, которая начинается не таблицами окончаній, не парадигмами склоненій и спря-

женій, а краткимъ, двусловнымъ предложеніемъ. Предложеніе изъ одного глагола, какъ это сдѣлано у Кюнера и г. Смирнова, менѣе удобно, такъ какъ глаголъ безъ имени или съ подразумеваемымъ подлежащимъ, или мѣстоименіемъ, не объясняетъ ребенку, какъ мы выше сказали, сущности предложенія, какъ связи подлежащаго и сказуемаго, то-есть, предмета и его дѣйствія. *Rigat* — орошаетъ менѣе понятно, нежели *aqua rigat*; *flet* плачетъ — нежели *puella flet* и т. д.

Послѣ того, какъ ребенку во введеніи, о которомъ мы говорили, станутъ уже отчасти знакомы слова, нѣкоторыя существительныя и глаголы, то уже не трудно будетъ поставить ихъ въ предложеніе. Если знакомо слово *aqua* — вода, *luna* — луна, *theca* — сумка, *luscinia* — соловей, *mano* — теку, *collustro* — освѣщаю, *bona* или *pulchra*, — то тѣ же слова, поставленныя въ предложеніе, не много потребуютъ вниманія, чтобы понять и запомнить окончаніе одного 3-го лица: *aqua manat* — вода течетъ, *luna collustrat* — луна освѣщаетъ и т. д. Окончанія *a* и *at*, напечатанныя въ текстѣ крупно и рельефно, останутся въ головѣ мальчика и останутся поняты, сознанныя.

Увеличивая предложеніе дополненіемъ, на примѣръ, вода орошаетъ землю — *aqua rigat terram*, мы знакомимъ ученика съ *внимательнымъ* падежемъ и *дополненіемъ*. Для этого слѣдуютъ въ учебникѣ нѣсколько примѣровъ съ именами перваго склоненія въ *внимательномъ падежѣ*. Окончаніе *at*, по примѣру окончанія именительнаго падежа, печатается крупно, рельефно. Такимъ путемъ знакомятся ученики съ значеніемъ всѣхъ падежей и падежныхъ окончаній перваго склоненія существительныхъ и прилагательныхъ, съ окончаніями лицъ глагола, формами времени и проч. Разумѣется, количество словъ и фразъ для перевода, распределенное по урокамъ, равно какъ и размѣръ предложенія, постепенно увеличивается.

Замѣтимъ, что глава о *первомъ склоненіи* должна быть самая обширная, такъ какъ здѣсь дѣти практически знакомятся съ частями предложенія и значеніемъ каждаго падежа отдѣльно. По нашей системѣ, первое склоненіе будетъ заключать въ себѣ *остовъ всей этимологии*. Въ концѣ перваго склоненія, предложенія или фразы для перевода, въ началѣ состоявшія изъ двухъ словъ, на примѣръ, *aqua manat*, приметъ такой видъ: *Frigida aqua e terra manat suisque undis multas plantas atque herbas abunde rigat*, то-есть, вода течетъ изъ земли и своими волнами обильно растенія и травы орошаетъ. Или: *Magnae balaenae cito natant in aquis profundis et parvas maritimas feras captant*, и т. д.

Въ концѣ перваго склоненія также могутъ быть помѣщены, для повторенія *предыдущаго*, съ логическою послѣдовательностью выведенныя изъ переводовъ *таблицы* съ одними окончаніями падежными именъ перваго склоненія и лицъ перваго спряженія, какъ *результатъ* пройденнаго. Въ началѣ же курса, какъ мы это старались доказать выше, таблицы безцѣльны.

Да не смущается читатель, что для большаго количества фразъ или предложеній, назначаемыхъ къ переводу съ русскаго на латинскій, и наоборотъ, въ проектируемомъ учебникѣ не достанетъ словъ (именъ и глаголовъ) *перваго* склоненія и *спряженія*. Словъ съ избыткомъ достанетъ; латинскій языкъ богатъ. Мы ограничиваемся только этими словами съ тою цѣлью, дабы не заваливать малютокъ-учениковъ разнообразіемъ формъ.

Укрѣпившись въ переводѣ и разборѣ вышесказанныхъ примѣровъ, ученики съ двойною скоростью пройдутъ другія склоненія, такъ какъ надежныя окончанія остальныхъ склоненій сходны съ окончаніями перваго. *Chi va sano, va sano. Chi va piano, va piano.* Медленность въ этомъ случаѣ выкупается основательностью. Поспѣшность въ первоначальномъ обученіи — большое зло.

Замѣтимъ еще разъ: содержаніе переводныхъ фразъ необходимо должно быть прицелено къ дѣтскому міросозерцанію и развитію. Также, не выходя изъ предѣловъ перваго склоненія и спряженія необходимо помѣщать для разнообразія краткія басенки и маленькіе рассказы. Они, какъ извѣстно всякому, особенно любимы дѣтьми и легко вдуваются наизусть. Желательно бы не лишать этого *живаго* удовольствія дѣтей и при обученіи *мертвому* языку. Предвидимое мною возраженіе читателя относительно невозможности, по причинѣ недостаточности формъ, составить желаемый рассказъ въ этой части курса, я постараюсь разрѣшить, приводя здѣсь его образчикъ.

Nostrae dominae ambulabant heri cum suis bonis ancillis prope altam ripam, ubi agricolae arabant fecundam terram. Ibi etiam est densa silva, vaccae cubant in herba, alaudae cantant et volant. Sub frigida silvae umbra multae rusticae puellae pulchras coronas parabant ex variis plantis. Filia nostrae dominae pecuniam donat ob coronas. Dominae vero capras et vaccas spectabant et magnam incolarum diligentiam laudabant¹⁾ и проч.

Въ родѣ этого можетъ быть придуманъ рассказъ для перевода съ

¹⁾ Мы охотно сознаемся въ явковой неклассичности подобной латыни, но полагаемъ, что этотъ недостатокъ можетъ быть допущенъ въ приговорительномъ курсѣ ради другихъ важнѣйшихъ въ эту пору цѣлей.

русскаго только формами одного *перваго* склоненія и *перваго* спряженія. Здѣсь ребенку все понятно.

Г. Коссовичъ по Кюннеру и г. Смирновъ, подражавшій ему въ первомъ курсѣ, начинаютъ переводы съ предложеній изъ одного глагола. Хорошая сторона въ этомъ приѣмѣ заключается въ его практичности; неудовлетворительность—въ бессознательной сухости заучиванія однихъ глаголовъ, въ отсутствіи логической системы въ расположеніи примѣровъ и смыслъ самихъ примѣровъ. Одинъ глаголъ не можетъ быть примѣромъ въ наглядномъ предложеніи, такъ какъ употребляется безъ мѣстоименія, которое могло бы дать понятіе ученику о подлежащемъ. *Аго*—я люблю. Для ребенка не ясно, гдѣ же предметъ дѣйствующій и гдѣ подлежащее? *Tentant amare* — *пытаются любить*—примѣръ, кромѣ своей бессмыслицы, никоимъ образомъ не оставляющій въ памяти ребенка представленія или мысли, а потому трудно удерживаемый, не можетъ никакъ дать понятія о предложеніи, ни о согласованіи, вводя особую форму—неопредѣленное наклоненіе, объясненіе котораго, по нашему мнѣнію, должно быть отнесено къ времени дальнѣйшаго изученія глагольныхъ формъ. „Кто же старается любить?“ спросить себя мальчикъ, и отвѣта не получить. Если же получить, то данный отвѣтъ: „*Они*“ стараются любить, какъ пустой звукъ для ребенка мало объяснить ему подлежащее.

Худо еще то въ этихъ первыхъ урокахъ Кюннера, что онъ мѣшаетъ дѣйствительную и страдательную форму и сверхъ того еще болѣе усложняетъ дѣло, вводя безъ всякой надобности четыре спряженія въ настоящемъ времени. Для мальчика четыре спряженія по 12-ти лицамъ (считая дѣйствительный и страдательный залогъ), да 8 окончаній неопредѣленнаго, да 8 повелительнаго, итого 64 окончанія, какъ хотите, вещь не переваримая. Къ тому же эти окончанія должны быть вызубрены безъ всякаго сознанія ихъ значенія. „*Насъ колютъ*“. Что за предложеніе, какой здѣсь смыслъ и по-русски; а мальчикъ долженъ перевести эту бессмыслицу по латыни....

Здѣсь приходится объяснять *неопредѣленное наклоненіе*. Шутка.... Прямо *неопредѣленное*.... Узели это педагогическій приѣмъ—начинать урокъ съ ребенкомъ десяти лѣтъ *неопредѣленнымъ наклоненіемъ*? Что же можетъ быть *опредѣленное* въ его головѣ?.... Еще: здѣсь также должно имѣть дѣло съ страдательнымъ залогомъ. *Меня любить*—*amor*. Что такое *меня*? Почему въ русскомъ два слова, а въ латинскомъ одно?.... Опять дѣло останется темнымъ для ученика и при объясненіи учителя. Если читателю кажутся эти подробности ме-

лостью, пусть онъ вышенетъ въ дѣло на самомъ *днль*, — на первыхъ страницахъ и урокахъ вѣдь мы имѣемъ дѣло съ *мелочами*, отдѣльными словами, и разумно желать, чтобы слова эти были по возможности осмыслены и давали образъ наглядный, такъ какъ онъ скорѣе воспринимается и долѣе удерживается въ памяти ученика-ребенка. Не понятнѣе ли, не усвоимъ ли открыть курсъ группами словъ, какъ мы говорили? Разумѣется, такія слова должны быть даваемы въ строгой количественной постепенности, начиная съ пяти словъ, а не съ 123, въ числѣ которыхъ, какъ мы уже говорили, есть много рѣдко или никогда не встрѣчаемыхъ и еще такихъ, коихъ „значение темно (для дѣтей) или ничтожно“. Ничто не сомнѣвается, еще разъ повторяемъ, что для ребенка гораздо любѣе и понятнѣе слово aqua — вода, нежели маю — теку; luna — луна, нежели ferio — поражаю, puella — дѣвочка, нежели vincio — связываю, alauda — жаворонокъ, нежели scrofa — опорошившаяся свинья. Первые страницы у Кюнера заняты одними глаголами. Смотрите стр. 21, то-есть, первую, на которой начало этимологій.

§ 11. 0 глаголѣ. Всѣ глаголы (verba) латинскаго языка раздѣляются на четыре класса или спряженія, различающіеся между собою окончаніемъ *неопредѣленною* наклоненія:

Первое спряженіе: аге, напримѣръ, *amare* — любить,

второе спряженіе: еге, напримѣръ, *monere* — напоминать (?...) и т. д.

Положимъ, учитель начинаетъ съ этого (а начинаютъ всѣ почти учителя съ этого, иначе дальнѣйшее будетъ неудобно проходить, такъ какъ далѣе употребляются глаголы въ этой формѣ): онъ долженъ сначала пуститься въ объясненіе *неопредѣленнаго* наклоненія, а такъ какъ дѣти еще не знаютъ, что такое *глаголь* и его формы даже по-русски, то учитель обязанъ пройти болѣе или менѣе всѣ формы глагола. Это такъ, иначе невозможно. Ужели мальчикъ 10-ти или 11-ти лѣтъ способенъ, вовсе не учившись никакой грамматикѣ вдругъ все это обнять? Скажутъ намъ: начните со склоненій. Хорошо. Но уже въ первой задачѣ для перевода употребляется *страдательная* форма четвертаго спряженія: *terra vestitur plantis*. Если это невозможно, диктуйте слова по своей методѣ... Но вѣдь въ первомъ классѣ только букварь начинаютъ латинскій, и что же окажется въ тетрадяхъ ученическихъ вмѣсто словъ? — каракули, по которымъ не было бы возможности ученику повторить урокъ. Притомъ, сколько бы потребовалось времени поправлять эти, ни къ чему не ведущія тетради?

Кромѣ указанныхъ недостатковъ, примѣры для переводовъ у Кюнера чрезвычайно неудовлетворительны. Въ его курсѣ 300 разъ повторяется примѣръ: „Полководецъ ведетъ солдатъ въ городъ и выгоняетъ неприятелей изъ города“ и т. п. Согласитесь, такое *воинственное* направленіе, хотя отчасти характеризуетъ Римлянъ, по преимуществу *воиновъ*, — однако же слишкомъ односторонно и скучно въ учебникѣ, имѣющемъ цѣлю приготовить *мирныхъ* гражданъ. Фразы Кюнера съ первой страницы до послѣдней одинаковаго размѣра. На первой страницѣ вы встрѣтите: „Полководецъ ведетъ солдатъ въ городъ“, и на послѣдней — „полководцу повинуются солдаты“. Эти примѣры не разнообразятся никакими краткими баснями въ текстѣ или подобранными на извѣстную форму разказами, или просто для разнообразія поставленными въ текстѣ. Басни эти или разказы, разумѣется, должны быть написаны приблизительно къ степени знанія языка въ извѣстномъ классѣ. Впрочемъ, простится для этой полезной цѣли нѣкоторая *неклассичность* (хотя правильно построенныхъ фразъ) *конструкціи*. Фразы и фразы наскучатъ; разказъ же или басня обаятельно дѣйствуетъ на дѣтей.

Имѣя въ виду одну лишь цѣль — знакомство съ главными формами именъ и глаголовъ (1-го спряженія), составитель, разумѣется, сочтетъ лишнимъ помѣщать, такъ какъ это еще совсѣмъ не нужно дѣтямъ перваго класса, въ первомъ же склоненіи, какъ это сдѣлалъ переводчикъ Кюнера во 2-мъ изданіи, склоненіе именъ греческихъ. Покуда ученики незнакомы съ исторіей Греціи, странно звучать въ ихъ ушахъ имена Пелопидовъ, Энаминоидовъ, Цирцей, Арго, Сократа и другихъ. Учителямъ остается или опустить этотъ отдѣлъ, или разказывать факты историческіе, или передавать звуки именъ, не говоря о ихъ значеніи. Перваго сдѣлать учитель не можетъ, второе слишкомъ преждевременно, послѣднее вредно. Чтò же ему дѣлать? Чтò ему дѣлать и съ подобною фразой на первыхъ страницахъ: *Pietas est fundamentum omnium virtutum* ¹⁾. *Homines facile indulgent spei vanae? Conditio rerum humanarum est dubia. О, вѣрность друзей, ты готовишь несчастнымъ людямъ вѣрную пристань! Пивагора мы чтимъ за его мудрость. Vitia nobis virtutum nomine obrepunt*. Вообще о многомъ множествѣ фразъ для перевода въ руководствѣ г. Кюнера, Коссовича *тожь*, можно сказать, что онѣ какъ *ogacula*

¹⁾ Намъ случилось слышать такой переводъ этой фразы, сдѣланный ученикомъ 1-го класса: *благочестіе* есть основаніе добродѣтели. Переводилъ *русскій мальчикъ*.

ancipita et similia sunt aenigmatibus, то-есть, подобно Дельфійскимъ изрѣченіямъ двусмысленны, а для дѣтей бессмысленны и похожи на загадки (фразы изъ его же учебника).

Примѣры у Кюнера для перевода (а эта часть въ руководствѣ главное дѣло, по нашему мнѣнію), какъ мы видѣли, слишкомъ мудрены для гимназистовъ перваго класса, а примѣры въ дальнѣйшихъ курсахъ слишкомъ кратки, отрывочны и однообразны.

Примѣры эти должны постепенно усложняться, и такъ сказать, умудряться, такъ что примѣры послѣдняго курса исключительно должны представлять выдержки изъ писателей, и во всякомъ случаѣ содержаніемъ своимъ рисовать римскій міръ, древнюю, классическую жизнь. Тамъ, въ этихъ курсахъ, на мѣстѣ будутъ и Сократы, и Демосфены, и ораторы, и Соокль, и Эсхиль, и даже: „оThemistocle, o Pericle, o Sokrate! ваши заслуги Аѳинскому государству были весьма велики“, и „Alkiviade ne prestavala pomagat' otechestvu“, и „съ Сократомъ говорили музы“ и „ancipitum fatorum via est obscura“, и „естъ предчувствіе въ умахъ нашихъ будущиъ вѣковъ“, и наконецъ, пожалуй: „случай естъ то, что происходитъ такъ, что могло случиться и иначе, по желанію судьбы“, и проч., и проч.

Но для перваго класса гимназій такая философія ужъ слишкомъ мудрена! Къ тому же первоначальный курсъ руководства Кюнера наполненъ множествомъ формъ, исключеній, парадигмъ, таблицъ иностранныхъ словъ, именъ городовъ, а въ послѣднемъ изданіи, какъ будто на зло новой программѣ и первокласснымъ мальчикамъ, всѣмъ этимъ добромъ переполненъ, такъ что тяжело книгу таскать!... Какъ же тяжело учить ее первоклассному гимназисту!?

Опять повторяемъ, что мы здѣсь не вдаемся въ разборъ всего руководства Кюнера, переведеннаго Коссовичемъ, а только перваго курса, и откровенно скажемъ, что въ новомъ изданіи нисколько не видно у переводчика желанія припоровить курсъ къ новой программѣ; переводчикъ положительно не имѣлъ въ виду малолѣтнихъ учениковъ I-го класса, почему не мудрено на дѣлѣ исполненіе смысла одной изъ безчисленныхъ фразъ съ загадочнымъ, какъ изрѣченія Дельфійскаго оракула, значеніемъ, что *complurium discipulorum ingenia a litterarum studio abhorrent*, то-есть, *умы многихъ учениковъ получаютъ отеращеніе* отъ изученія латинскаго слова.

Оговоримся. Вѣроятно, изъ нашихъ словъ читатель не вывелъ заключенія, что мы относимся неблагоклонно вообще къ системѣ Кюнера. Практицизмъ методы составляетъ прекрасную сторону этого

учебника. Наши замѣчанія направлены лишь противъ неприложимости *первою*, разбираемаго нами, курса руководства къ возрасту малолѣтнихъ учениковъ въ нашихъ гимназіяхъ.

Г. Коссовичъ могъ, оставивъ методу Кюнера неприкосновенною, все-таки приблизить первоначальный курсъ, многое въ немъ передѣлавъ, къ возрасту и понятіямъ учениковъ русскихъ гимназій при послѣднемъ своемъ изданіи. Если Кюнерь говоритъ о нѣмецкихъ, для дѣтей-Нѣмцевъ, рѣкахъ Эльбѣ, Везерѣ, о коихъ наши дѣти не имѣютъ понятія, г. переводчикъ могъ сказать о Невѣ, Волгѣ, Дибирѣ и проч. Дѣло было бы лучше.

Г. Кремеръ, составившій и дополнившій латинскую грамматику также по Кюнеру, отнесся болѣе критически къ своему оригиналу, нежели г. Коссовичъ. „Мы *слегка* коснулись *этимологии* (Грамматика Кюнера), пишетъ онъ (см. предисловіе); нѣкоторые параграфы прибавлены нами, нѣкоторые дополнены; примѣры, которые казались намъ слишкомъ отвлеченными, замѣнены другими, болѣе понятными для учениковъ“.

Сравнивая грамматику Кюнера въ редакціяхъ г. Коссовича и гг. Кремера и переводчика его Кейзера, мы отдаемъ изданію послѣдняго полное преимущество. Жаль только, что г. Кремеръ, издавая грамматику Кюнера, обратилъ свое вниманіе на одни почти примѣры для перевода, оставивъ неприкосновенными всѣ другіе, указанные уже мною, недостатки въ первомъ курсѣ *этимологии*, которую мы и разбираемъ въ этой статьѣ. Поэтому мы совершенно несогласны съ гг. Кремеромъ и Кейзеромъ относительно удовлетворительности въ системѣ Кюнера *этимологии* и недостаточности синтаксиса.

„Воспитаніе юности, пишетъ г. Кейзеръ въ предисловіи, въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ недавно получило новое направленіе; новый уставъ этихъ заведеній отдалъ первое мѣсто въ преподаваніи древнимъ языкамъ, на которое онъ указываетъ, какъ на основу прочнаго образованія.

„Всѣдствие нововведеній должна была измѣниться прежняя гимназическая программа: отсюда новыя потребности, отсюда понятно, что учебныя руководства должны соответствовать современнымъ требованіямъ. Сознавая это, мы рѣшились заняться обработкою одного изъ самыхъ извѣстныхъ и употребительныхъ учебниковъ, латинской грамматики Кюнера. Но грамматика Кюнера еще могла быть достаточна только при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ было поставлено преподаваніе латинскаго языка до изданія новаго устава. При настоящихъ же условіяхъ нельзя не замѣтить, что *если первая часть Кюнера, этимологія, еще можетъ быть употреблена съ успѣхомъ, то о второй, синтаксисѣ, нельзя сказать того же....* Онъ не соответствуетъ требованіямъ программы и рѣшительно не можетъ удовлетворять учениковъ высшихъ клас-

совъ. Мы тѣмъ охотнѣе взяли за новое изданіе Кюнера, что желали облегчить ученикамъ, на сколько позволяютъ наши слабыя силы, изученіе древнихъ языковъ и болѣе глубокое ознакомленіе учащихъ съ духомъ классической древности.

„Предпринимая это новое изданіе, мы остались вѣрны методу Кюнера, пользу которой показали огромный практическій успѣхъ и двадцать три изданія“ (Пред. IV).

Если гг. Кремеръ и Кейзеръ предприняли изданіе съ благою цѣлію *облегчить труды учениковъ высшихъ классовъ* вслѣдствіе новыхъ требованій и предписаній новаго устава,—еще бы лучше сдѣлали они, облегчивъ главнымъ образомъ труды низшихъ классовъ. Маленькія дѣти болѣе нуждаются въ облегченіяхъ, нежели взрослые. Новый уставъ, главнымъ образомъ, коснулся трехъ низшихъ классовъ гимназій; почему намъ казалось бы естественнѣе составителямъ новыхъ учебниковъ обратить большее вниманіе на *этимологию*. Отъ начала зависить дальнѣйшій успѣхъ, какъ мы пространно объ этомъ заявляли и повторять не станемъ. По нашему убѣжденію, въ высшихъ классахъ всякій курсъ синтаксиса удовлетворителенъ именно потому, что учитель имѣетъ здѣсь дѣло со взрослыми слушателями и потому можетъ дополнять его, измѣнять, излагать по своей системѣ. Въ первоначальномъ курсѣ этого сдѣлать нельзя, какъ выше мы сказали. Благоговѣніе составителейъ предъ двадцатю тремя изданіями Кюнера въ этомъ отношеніи совершенно излишне.

Правда, г. Кремеръ много улучшилъ и упростилъ примѣры для переводовъ въ первомъ курсѣ. Около десяти лишь мы нашли во всемъ *первомъ* курсѣ такихъ, какіе сплошь и рядомъ встрѣчаются въ грамматикѣ, переведенной Коссовичемъ: напримѣръ, стр. 18: Пороки Грековъ были причиною побѣды Римлянъ; стр. 23: Александръ, сынъ Филиппа, любитъ поэта Гомера; Cicero orator Romanus multorum Romanorum defensor erat; Tacitus scriptor Romanus mores aliquorum Germanorum laudat; Dii lenti, sed certi vindices (sunt); стр. 24: Amici probitate parantur, non fraude; Legibus obtemperate, cupiditatibus imperate; Necessitas non habet legem; Неясная совѣсть есть великое бремя; стр. 25: Mores mutantur tempore. Вотъ почти все *мудренныя* фразы. Остальныя, что составляетъ большую заслугу новаго изданія, упрощены, подобраны разумно. Количество примѣровъ для переводовъ увеличено. Еще разъ пожалѣемъ, что изъ благоговѣнія ли къ авторитету Кюнера, или по другимъ причинамъ, гг. Кремеръ и Кейзеръ оставили неприкосновенною методу Кюнера перваго курса въ другихъ отношеніяхъ.

совъ. Мы тѣмъ охотнѣе взяли за новое изданіе Кюнера, что желали облегчить учащимся, на сколько позволяютъ наши слабыя силы, изученіе древнихъ языковъ и болѣе глубокое ознакомленіе учащихся съ духомъ классической древности.

„Предпринимая это новое изданіе, мы остались вѣрны методу Кюнера, пользу которой показали огромный практический успѣхъ и двадцать три изданія“ (Пред. IV).

Если гг. Кремеръ и Кейзеръ предприняли изданіе съ благою цѣлю *облегчить трудъ учениковъ высшихъ классовъ* въслѣдствіе новыхъ требованій и предписаній новаго устава,—еще бы лучше сдѣлали они, облегчивъ главнымъ образомъ труды низшихъ классовъ. Маленькія дѣти болѣе нуждаются въ облегченіяхъ, нежели взрослые. Новый уставъ, главнымъ образомъ, коснулся трехъ низшихъ классовъ гимназій; почему намъ казалось бы естественнѣе составителямъ новыхъ учебниковъ обратить большее вниманіе на *этимологию*. Отъ начала зависитъ дальнѣйшій успѣхъ, какъ мы пространно объ этомъ заявляли и повторять не станемъ. По нашему убѣжденію, въ высшихъ классахъ всякій курсъ синтаксиса удовлетворителенъ именно потому, что учитель имѣетъ здѣсь дѣло со взрослыми слушателями и потому можетъ дополнять его, измѣнять, излагать по своей системѣ. Въ первоначальномъ курсѣ этого сдѣлать нельзя, какъ выше мы сказали. Благоговѣніе составителей предъ двадцатью тремя изданіями Кюнера въ этомъ отношеніи совершенно излишне.

Правда, г. Кремеръ много улучшилъ и упростилъ примѣры для переводовъ въ первомъ курсѣ. Около десяти лишь мы нашли во всемъ *первомъ* курсѣ такихъ, какіе сплошь и рядомъ встрѣчаются въ грамматикѣ, переведенной Коссовичемъ: на примѣръ, стр. 18: Пороки Грековъ были причиною побѣды Римлянъ; стр. 23: Александръ, сынъ Филиппа, любитъ поэта Гомера; Cicero orator Romanus multorum Romanorum defensor erat; Tacitus scriptor Romanus mores aliquorum Germanorum laudat; Dii lenti, sed certi vindices (sunt); стр. 24: Amici probitate parantur, non fraude; Legibus obtemperate, cupiditatibus imperate; Necessitas non habet legem; Нечистая совесть есть великое бремя; стр. 25: Mores mutantur tempore. Вотъ почти всѣ *мудренныя* фразы. Остальныя, что составляетъ большую заслугу новаго изданія, упрощены, подобраны разумно. Количество примѣровъ для переводовъ увеличено. Еще разъ пожалѣемъ, что изъ благоговѣнія ли въ авторитету Кюнера, или по другимъ причинамъ, гг. Кремеръ и Кейзеръ оставили неприкосновенною методу Кюнера перваго курса въ другихъ отношеніяхъ.

Недостатки Кюнера въ первоначальномъ курсѣ нами указаны. Составителямъ, извѣстно, что въ Германіи руководству Кюнера, хотя оно и начинается съ *азовъ*, предшествуютъ приготовительные курсы. Между тѣмъ наши дѣти должны *начинать* по этому руководству. Во всякомъ же случаѣ можно начинать по руководству Кюнера, *какъ оно есть*, только тогда, когда дѣти уже знакомы съ этимологіей роднаго языка. Кюнерь кратко касается этимологій только ради системы, какъ бы ссылается на то, что уже знакомо дѣтямъ; въ *нашихъ же гимназіяхъ* такое голословное начинаніе бесполезно, потому что не логично. Всякій, даже незнакомый практически съ преподаваніемъ языка, скажетъ, что для десятилѣтнихъ дѣтей открывать курсъ главами объ удареніяхъ, о составѣ словъ, формами 4-хъ спряженій въ дѣйствительномъ и страдательномъ загогахъ, совершенно бесполезно, *ибо превышаетъ дѣтское разуміе*.

Все, что мы сказали о грамматикѣ Кюнера въ переводѣ г. Коссовича, должно сказать и о новомъ изданіи его въ передѣлкѣ Кремера и Кейзера. Подобно г. Коссовичу, Кремеръ и Кейзеръ раболѣпно слѣдуютъ системѣ Кюнера: исключенія, парадигмы, непонятная терминологія, многочисленныя формы глагола украшаютъ первый курсъ грамматики.

Слѣдуетъ еще поблагодарить Кремера за то, что онъ все-таки упростилъ этимологію, исключивъ греческія склоненія изъ перваго курса.

Мы еще разъ повторимъ, что всѣмъ разобраннѣйшимъ грамматикамъ, какъ труднѣйшимъ для перваго класса, долженъ предшествовать приготовительный курсъ въ размѣрахъ нами указанныхъ.

Вѣроятно, желаніе избѣжать недостатковъ, замѣченныхъ нами въ *первомъ курсѣ* Кюнера, заставило г. Смирнова предпринять изданіе грамматики *спеціально для трехъ низшихъ классовъ гимназій*. Хотя г. Смирновъ и заявляетъ, что онъ желалъ упростить свой курсъ, но въ сущности его грамматика составлена, какъ увидимъ, по системѣ Кюнера. И въ этой грамматикѣ мы обратимъ вниманіе только на *первый курсъ*.

Г. Смирновъ пишетъ въ предисловіи, что онъ первый курсъ своей грамматики *упростилъ*. По нашему мнѣнію, онъ *упростилъ* свой курсъ мало и упростилъ только въ количествѣ, то-есть, *уменьшилъ* число формъ, а не въ *качествѣ* самаго содержанія и пріемовъ дидактическихъ.

Такъ, вмѣсто четырехъ спряженій у Кюнера, г. Смирновъ даетъ

на первых урокахъ *два* спряженія только, и не въ двухъ залогахъ (дѣйств. и страд.), а въ одномъ дѣйствительномъ. И за то благодарны. Но жаль, что г. Смирновъ увлекся Кюннеромъ и началъ, по его примѣру, ученіе о предложеніяхъ *одноглагольными* предложеніями; точно также русскую этимологию параллельно съ латинскою помѣстилъ въ началѣ грамматики отдѣльно отъ латинскаго текста для переводовъ. Подобно Кюннеру, г. Смирновъ останавливаетъ дѣтское вниманіе на первомъ, самомъ *важномъ* склоненіи для уразумѣнія надежныхъ окончаній столько же, если не меньше, чѣмъ и на другихъ склоненіяхъ, забывая, что первые уроки самые существенные въ обученіи. Одинаково съ Кюннеромъ, парадигмы въ грамматикѣ г. Смирнова предшествуютъ примѣрамъ и объясненію каждаго отдѣльнаго надежа въ особомъ отдѣльномъ предложеніи. Что еще странно: г. Смирновъ для парадигмы перваго склоненія, то-есть, именъ женскаго рода приводитъ въ своихъ примѣрахъ, вмѣсто *характернаго* существительнаго перваго склоненія, слова: *agricola, nauta*, то-есть, начинаютъ прямо съ *исключенія*. *Agricola arat terram. Anatomus agricolam. O, agricolae tolerate inopiam* (какой милый совѣтъ!) *Мы благопріятствуемъ земледѣльцу*. Слова: *terra*—земля, *luna*—луна, *rosa*—роза, *aqua*—вода, и короче и понятнѣе характеризуютъ смыслъ перваго склоненія. Всѣмъ этимъ *agricola, nauta, scriba* и пр. не мѣсто здѣсь въ началѣ перваго склоненія, а развѣ въ концѣ его въ видѣ исключенія, хотя вообще исключеній, какъ мы заявили, въ первоначальномъ курсѣ слѣдовало бы избѣгать, чтобы не рябило въ глазахъ и понятіяхъ дѣтей разными примѣчаніями, неправильностями, аномаліями. Но вѣрный старой привычкѣ и примѣрамъ допотопныхъ грамматикъ и не отрѣшившихся отъ рутинны новѣйшихъ руководствъ, г. Смирновъ пишетъ на первой страницѣ своего учебника нѣсколько примѣчаній относительно *abus*—*dea, filia*, бывало еще *equa*—кобыла, *plurabia tantum*, потому что *такъ* бывало *встарину*. Всѣ эти особенности, затрудняя учениковъ, для цѣлей первоначальнаго курса рѣшительно не нужны. Чѣмъ проще, тѣмъ лучше.

Во *второмъ* склоненіи 17 правилъ помѣщаетъ г. Смирновъ и только *десять* строевъ предложеній или фразъ для переводовъ. Здѣсь также не мало исключеній и примѣчаній. Сюда забѣжало даже *nullus* съ своими *ius* въ родительномъ, *i* въ дательномъ: *Nulli inimico pose. Никому не завидуйте!* (стр. 26). Ученикъ переводитъ и думаетъ: „Сказано: окончанія въ родительномъ и дательномъ *i, o...* здѣсь же какія-то *ius, i*,—кто его знаетъ.... не поймешь“!... Даже Кюннеръ этого

не дѣлаетъ. *Nullius, nulli, totius, ti* сбиваетъ съ толку, а если еще сказать, а не сказать нельзя, что *nullus* отвергаетъ отрицаніе, у мальчика *зарябитъ* въ глазахъ....

На страницѣ 26-й, г. Смирновъ пишетъ: „*Заучить наизусть слѣдующія слова*“, и слѣдуютъ 44 (?) слова, тутъ же и *blatta*—мокрица... Хорошо. Слова слѣдуетъ заучивать наизусть, не меньше того слѣдуетъ составлять изъ нихъ предложенія. На 17 правилъ у г. Смирнова только десять строкъ для перевода. Пусть ученики не учатъ только правила, не только переводятъ, но и *свои* составляютъ предложенія изъ словъ, вклученныхъ наизусть. Помѣщенные въ книжкѣ переводы и переведенные въ классѣ, записанные въ тетрадь съ поправками учителя, какъ извѣстно, переходятъ по наслѣдству отъ одного курса учениковъ къ другому. По этимъ тетрадямъ предшественниковъ (шпаргалы) готовятся слѣдующія поколѣнія. Вотъ почему особенно слѣдуетъ приучать учениковъ къ составленію *своихъ* предложеній. Возможно-долгая остановка на этомъ упражненіи принесетъ хорошіе результаты. Вслѣдствіе того же обстоятельства многополезно каждому учителю съ одной стороны составлять свой учебникъ, держась своей системы, съ другой—сколько возможно разнообразить курсъ различными упражненіями. Такъ, книжка того же г. Смирнова могла разнообразиться, по нашему разумѣнію, слѣдующимъ *пріемомъ* при изученіи каждаго склоненія. Такъ, на примѣръ, не мѣшало бы поставить особый параграфъ въ родѣ слѣдующаго: *Слова для выучиванья наизусть и составленія предложеній самими учениками.* За тѣмъ должны были бы слѣдовать слова, которыя мы беремъ изъ 44 словъ г. Смирнова: *aurum* — золото; *templum, i*, — храмъ; *pulcher, a, um* — красивый, ая, ое; *opridum, i*, — городъ; *oster, a, um*, — нашъ, а, с; *multum* (нар.) много; *orno* — украшаю.

Ученики, думаемъ, не затруднились бы, много упражнявшись въ переводахъ при изученіи еще перваго склоненія (чего г. Смирновъ не предлагаетъ), составить хоть такую, на примѣръ, фразу на слова, выше помѣщенія. „Золото много украшаетъ прекрасные храмы нашихъ городовъ“. Здѣсь бы ученики имѣли случай сознательно поставить части предложенія, самими ими составленнаго, на своемъ мѣстѣ; скорѣе бы уразумѣли и подлежащее, и дополнение, и сказуемое, и обстоятельственные слова, и т. д. Такимъ образомъ можно бы сгруппировать въ учебникѣ всѣ 44 слова вмѣсто ихъ простаго заучиванья. Трудъ *самостоятельный*, никто не сомнѣвается, несравненно полезнѣе *пассивнаго*. Между тѣмъ этотъ пріемъ, мы знаемъ по опыту, осо-

бенно любь дѣтѣмъ и живо ихъ интересуеть, точно такъ, какъ и переводъ и заучиванье легкой басенки, чего тоже нѣтъ и не бываетъ въ текстѣ первоначальнаго курса нашихъ латинскихъ учебниковъ.

Замѣтимъ еще, что и Кюнерь и г. Смирновъ въ предложеніяхъ для перевода не держатся никакой системы. Вниманіе все обращено на одни надежи. Предложеніе, краткое въ первомъ склоненіи, такъ же кратко во второмъ, третьемъ и т. д.

Третье склоненіе въ грамматикѣ г. Смирнова заключаетъ въ себѣ около 30-ти парадигмъ, исключеній и примѣчаній, правилъ, между тѣмъ только 29 словъ для заучиванья и пять строкъ для перевода съ русскаго и столько же съ латинскаго. Тутъ же замѣшался и *страдательный* залогъ безъ всякаго предварительнаго объясненія и въ странномъ предложеніи: *rogor — меня просятъ*. Думаемъ, что мальчику будетъ удобопонятнѣе смыслъ страдательной формы, если мы ее поставимъ въ полное предложеніе: напримѣръ, *утка пьетъ воду* и *утка зарытана кухаркою*. Различіе самостоятельнаго дѣйствія подлежащаго (*пьетъ*) и пассивнаго состоянія (*зарытана*) сразу бросается въ глаза.

30 примѣчаній!... Не угодно ли ихъ зазубрить!... Да еще безъ переводовъ!... Роды: мужескій, женскій и средній смѣшаны у г. Смирнова; слова и предложенія и переводы на каждый родъ существительныхъ должны быть отдѣлены: тогда можетъ легче уясниться различіе падежныхъ окончаній.

Воинственное или марціальное направленіе Кюнера сказывается и у г. Смирнова. Такъ, на стр. 36-й, изъ семи фразъ, назначенныхъ для перевода, *пять* племоблещущихъ.... *Ante urbem atrox editur proelium. Ne proelium daretur daturus daturus daturus daturus daturus. Milites animo audaci pugnam conserunt. Hostes duplici proelio profligantur* и проч. (см. стр. 36).

Въ четвертомъ склоненіи такихъ побѣдоносныхъ фразъ, наводящихъ страхъ на дѣтей — враговъ такихъ фразъ — оказалось еще больше. (См. стр. 39). „*Войска съ обѣихъ сторонъ выступаютъ въ битву*“.... „*Храбрость войска необыкновенна*“.... „*Dux exercitum contra hostes educit*“.... „*Ne cede hostibus, o fortis exercitus*“.... „*Полководцы обратно отводятъ (reducere) свои войска въ лагерь*“.... „*Полководцы съ своими войсками возвращаются (revertor?) въ отечество*“.... „Теперь ужь мирно“, думаете вы.... Не тутъ-то было! На слѣдующей страницѣ (см. 41) въ пятомъ склоненіи снова рога трубятъ, бьютъ барабаны, войска рвутся опять неудержимо въ битву: „*Milites primae aciei pugnam conserunt*, то-есть, *войска перваго*

строй завязываютъ снова сраженіе“.... „За первымъ слѣдуетъ второй (тоже рвется въ битву!) *primae aciei succedit altera*.... (не утерпѣлъ!) и вотъ уже полководецъ устриваетъ тройной взводъ — *dux triplicem aciem instruit* (см. *ibid*). Опять *proclium a prima acie incipitur* — первый строй начинаетъ сраженіе“ (*ibidem*). (О войнахъ см. также стр. 52—53).

Чисто марсово поле на страницахъ латинскихъ грамматикъ!

Такъ же, какъ у Кюнера, встрѣчается и у г. Смирнова глубокомысленный духъ нѣмецкой философіи въ грамматикѣ для 10-лѣтнихъ дѣтей: „Душа — часть меня (стр. 49). Познай самого себя — *nosce te ipsum!* Нѣкоторая надежда миѣ представляется въ моемъ затрудненіи (!!). Духъ во время сна спокоенъ отъ заботъ (стр. 56). Историки древнія событія представляютъ предъ глаза, какъ настоящія (*ibid*). Нѣтъ ничего совершеннаго подъ солнцемъ!“... (Тамъ же).

Слѣдъ послѣднимъ изрѣченіемъ я свой разборъ и заключу.... Какъ видѣлъ читатель, г. Смирновъ во многомъ копируетъ Кюнера: и по системѣ и методѣ, и по содержанію, и по многочисленности исключеній, сему послѣднему подобенъ. Вся современность перваго по крайней мѣрѣ курса книги г. Смирнова только въ заглавіи, гдѣ четко напечатано: *для трехъ низшихъ классовъ гимназій*.

Г. Смирновъ въ предисловіи къ своему изданію пишетъ: „Предлагаемый учебникъ есть сокращеніе изданнаго мною въ 1864 году „Руководства къ изученію латинскаго языка“, во многомъ впрочемъ измѣненное и приспособленное къ потребностямъ учениковъ *трехъ низшихъ классовъ гимназій*.... Примѣры для переводовъ, какъ латинскіе, такъ и русскіе, *большою частію* упрощены“. (См. предисловіе).

Если *большою частію* только, по признанію составителя, примѣры для переводовъ упрощены, — какъ упрощены, мы видѣли, — почему же бы не упростить *все* примѣры, а вмѣстѣ уже и самыя правила, и почему бы не выбросить изъ перваго курса исключенія и оставить спряженіе глагола только перваго спряженія во *всѣхъ* временахъ *только действительнаго* залога, почему бы не провести и параллели между русскою и латинскою этимологіей, почему бы и не поставить въ текстѣ бассейнъ и проч.? Тогда бы новое руководство имѣло прямую и полную цѣль.

Не смотря на указанные недостатки въ разбираемой грамматикѣ г. Смирнова, мы съ удовольствіемъ поблагодаримъ русскаго составителя за новый учебникъ тѣмъ болѣе, что у насъ учебники вообще появляются рѣдко. Составитель, какъ видно, хорошо знаетъ латинскій

языкъ, и за свое желаніе пособить дѣтямъ русскихъ гимназій имѣеть полное право на искреннюю благодарность. Наши замѣчанія относятся лишь къ дидактическимъ приемамъ.

Чѣмъ больше будетъ издаваться учебниковъ, тѣмъ зрѣлѣе будутъ наши взгляды на обученіе. Тогда будетъ по крайней мѣрѣ возможность выбора.

Если же мы сопоставимъ руководство г. Смирнова въ отношеніи перваго курса съ хваленою грамматикой Кюнера, то всегда отдадимъ преимущество руководству г. Смирнова, по крайней мѣрѣ въ томъ, что онъ подумалъ о нашихъ дѣтяхъ, хотѣлъ облегчить трудъ ихъ, издавъ не столь тяжелую книгу, между тѣмъ какъ элементарная грамматика Кюнера, переведенная - составленная г. Коссовичемъ, явилась въ новомъ изданіи *прумноженная и дополненная... затрудненіями*.

А. Радонезскій.

Поправки. Въ замѣткѣ В. И. Ламанскаго: „О славянскихъ топографическихъ названіяхъ (*Журн. Минист. Народн. Просв.*, октябрь, 1867 г.) вкрался нѣкоторая погрѣшности, требующія исправленія. Такъ, на стр. 253, въ выноскѣ, названъ В. В. Григоровичъ, вм. В. В. Григорьева, который еще въ 1850 г. указывалъ на неправильность нашей современной географической номенклатуры; на стр. 255, строки 9-я и 10-я сверху, напечатано: *Mitth... Geographie Galiziens; слѣдуетъ: Zur geschichtlichen Geogr. Gal. Mitth. d. k. k. geograph. Ges. Wien, 1865. S. 83 — 100*; на стр. 255, 26-я строка, Гуралы, *слѣдуетъ: Гурале*; на стр. 259, строка 5, zs = ш, *слѣдуетъ: zs = ж*.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ПО ВОПРОСУ О СПОСОБАХЪ ОБРАЗОВАНІЯ КРЫМСКИХЪ ТАТАРЪ.

Какъ ни мало въ настоящее время число Татаръ въ Крыму¹⁾, вопросъ о способахъ распространенія между ними русскаго языка и русскаго просвѣщенія имѣетъ великую важность, какъ самъ по себѣ — по отношенію его къ пользамъ самихъ Татаръ, къ благосостоянію края и къ политическимъ интересамъ Россіи, такъ и потому, что удовлетворительное рѣшеніе этого вопроса въ Крыму подготовило бы такое же и относительно многочислѣннѣйшихъ магометанскихъ подданныхъ Россіи на восточныхъ окраинахъ ея, гдѣ уже въ прошломъ году былъ возбужденъ вопросъ подобнаго же рода, но гдѣ меньше, чѣмъ въ Крыму, было сдѣлано опытовъ въ этомъ отношеніи. Для удовлетворительнаго разрѣшенія вопроса такой важности прежде всего

¹⁾ По окладнымъ листамъ Таврической казенной палаты, въ Таврической губерніи, во вторую половину 1867 года, было 40.514 Татаръ мужскаго пола, а по свѣдѣніямъ магометанскаго духовнаго управленія за 1866 годъ — 48.912 муж. и 46.373 женск. пола, всего же 95.285; по свѣдѣніямъ же статистическаго комитета (см. Памятную книжку Таврической губерніи на 1867 г., стр. 356) — 109.305 душъ обоюга пола. Показанія магометанскаго духовенства, очевидно, ошибочны въ томъ отношеніи, что число лицъ женскаго пола оказывается меньшимъ, чѣмъ число мужчинъ, тогда какъ по общему статистическому закону, число женщинъ всегда и вездѣ превышаетъ число мужчинъ, а въ Крыму у Татаръ должно превышать его болѣе чѣмъ гдѣ-либо, такъ какъ у нихъ женщины несколько не обременены работами и такъ какъ при недавнемъ переселеніи цѣлыхъ массъ Татаръ въ Турцію, безъ сомнѣнія, на мѣстѣ осталось болѣе женщинъ, чѣмъ мужчинъ. Но можно ли полагать, чтобы при этомъ было преувеличено число лицъ мужскаго пола, которое, вслѣдствіе обрѣзанія, можетъ быть въ точности извѣстно магометанскому духовенству, тогда какъ на число женщинъ оно можетъ обращать меньшее вниманіе?

необходимо воспользоваться опытами прошедшаго (а въ нихъ, какъ увидимъ, не было недостатка въ Крыму) и изъ этихъ опытовъ извлечь наставленія для дальнѣйшей дѣятельности по этому предмету. Такимъ образомъ предварительно слѣдуетъ изложить исторію этого вопроса въ Крыму за недавно прошедшее время¹⁾.

Мысль о распространеніи русскаго языка между крымскими Татарами относится еще къ концу царствованія императора Александра I. Неизвѣстно по чьему внушенію, Татары, воспользовавшись путешествіемъ Его Величества по Крыму, сами просили его о доставленіи имъ способовъ научиться русскому языку, дабы узнать русскіе законы. Какъ кажется, вслѣдствіе этой ихъ просьбы, въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ уѣздныхъ училищахъ, напримѣръ, въ Феодосійскомъ, было введено преподаваніе татарскаго языка, какъ предмета обязательнаго равно для всѣхъ учениковъ: разрѣшая эту мѣру, правительство, очевидно, руководилось желаніемъ содѣйствовать вообще сближенію между Русскими и Татарами, а также надѣялось этимъ способомъ привлечь татарскихъ дѣтей въ общія для всѣхъ училища, какъ это, между прочимъ, и высказалъ бывшій директоръ училищъ Таврической губерніи А. В. Самойловъ въ запискѣ, составленной имъ въ 1843 году по поводу назначенной попечителемъ Одесскаго учебнаго округа ревизіи училищъ для опредѣленія успѣшности преподаванія въ нихъ татарскаго языка.

Дальнѣйшею и болѣе энергическою мѣрой правительства было учрежденіе при Симферопольской гимназій татарскаго училищнаго отдѣленія, послѣдовавшее на основаніи Высочайшаго повелѣнія отъ 14-го февраля 1827 года. Цѣль этого училищнаго отдѣленія, какъ можно заключить изъ текста Высочайшаго повелѣнія, состояла въ подготовленіи достойныхъ и способныхъ учителей для Татаръ, изъ ихъ же среды, не только по одному русскому языку, но и по другимъ предметамъ, и не только для городскихъ и сельскихъ школъ, которыя само правительство предполагало учредить для нихъ, но и для тѣхъ, которыя уже существовали и содержались на счетъ доходовъ съ вакуфовъ, то-есть, для магометанскихъ школъ высшаго разряда (медресе или согда) и низшаго (мектебе). Согласно съ этимъ назначеніемъ, татарскія дѣти, имѣвшія поступить въ отдѣленіе, должны были проходить, — разумѣется, на русскомъ языкѣ, — не только всѣ

¹⁾ Къ сожалѣнію, дѣла канцеляріи попечителя Одесскаго учебнаго округа и бывшаго татарскаго училищнаго отдѣленія въ Симферополь оставляютъ много пробѣловъ въ этой исторіи.

предметы уѣздныхъ училищъ и гимназій, кромѣ иностранныхъ языковъ и предметовъ, относящихся до религій, но и предметы, преподаваемые въ медресе, для чего и былъ назначенъ особый татарскій учитель съ жалованьемъ въ 400 рублей. Казеннокоптныхъ учениковъ полагалось имѣть всего 20, и на содержаніе каждаго изъ нихъ назначалось по 300 руб., да на жалованье двумъ надзирателямъ при нихъ 600 р.; всего же на татарское училищное отдѣленіе первоначально исчислено было расхода до 8.500 рублей асс. въ годъ. Въ послѣдствіи, Высочайше утвержденнымъ 3-го мая 1838 года положеніемъ комитета министровъ, преподаваніе татарскихъ предметовъ въ отдѣленіи было поставлено въ нѣсколько лучшія условія, а именно преподаваніе закона магометанской вѣры было предоставлено особому учителю — муллѣ (съ жалованьемъ въ 200 р.), который избирался Симферопольскимъ муфтіемъ, а жалованье татарскаго учителя было увеличено до 1.200 р., то-есть, сравнено съ тогдашнимъ жалованьемъ младшихъ учителей гимназій, при чемъ ему вмѣнено въ обязанность давать не менѣе 12 уроковъ въ недѣлю. Но усиливая средства преподаванія татарскихъ предметовъ, правительство не терпело изъ вида главной своей цѣли — возможно лучшаго усвоенія русскаго языка будущими наставниками татарскаго юношества, и въ одно время (3-го мая 1838 года) состоявшимся, съ утвержденія бывшаго министра С. С. Уварова, новымъ положеніи татарскаго училищнаго отдѣленія, прямо выставляло на видъ, что воспитанники отдѣленія обязаны изучать русскій языкъ преимущественно предъ всеми прочими науками. Въ этомъ духѣ полного предпочтенія русскаго языка прочимъ предметамъ, и въ особенности татарскому языку, все дѣло было ведено, какъ въ татарскомъ училищномъ отдѣленіи, такъ и въ прочихъ училищахъ, болѣе или менѣе предназначавшихся для Татаръ. Объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ упомянутая выше записка, составленная А. В. Самойловымъ. Онъ сознается, что мѣстное начальство, будучи озабочено успѣхами учениковъ въ русскомъ языкѣ, не вникало въ положеніе татарскаго языка въ училищахъ и что его преподавали лица, въ немъ не свѣдущія; но, повидимому, такому пренебреженію къ татарскому языку въ училищахъ, предназначенихъ для Татаръ, онъ не придавалъ никакого значенія.

Надобно правду сказать, что преподаваніе татарскаго языка представляло въ то время большія трудности и даже неудобства, на которыя сначала не было обращено надлежащаго вниманія. За исключеніемъ кое-какихъ ханскихъ ярлыковъ, сохранившихся отъ стараго

времени, и изданных и объясненных лишь въ послѣдствіи, — отчасти бывшимъ въ то время профессоромъ восточныхъ языковъ въ Ришельевскомъ лицѣѣ, В. В. Григорьевымъ, — на крымскомъ татарскомъ языкѣ не было никакой письменности, и вся даже словесность, въ обширномъ смыслѣ этого слова, ограничивалась нѣсколькими нѣснями, да нѣкоторыми народными пословицами и поговорками; вообще же татарскій языкъ былъ только разговорнымъ языкомъ, и въ самихъ татарскихъ магометанскихъ школахъ и по сію пору (по крайней мѣрѣ, въ большей части ихъ) онъ не составляетъ предмета особаго изученія: никто не учится ни читать, ни писать на немъ, а всякій, въ случаѣ надобности, примѣняетъ къ нему, какъ умѣетъ, выученныя въ школѣ арабскія писмена. Такимъ образомъ не было никакихъ учебныхъ пособій для преподаванія татарскаго языка: ни азбуки, ни грамматики, ни книги для чтенія. Единственная печатная книга на татарскомъ языкѣ было Евангеліе, изданное Русскимъ Библейскимъ Обществомъ, да и то на казанскомъ нарѣчьи, отъ котораго крымское нарѣчіе далеко отстываетъ, такъ что крымскіе и казанскіе Татары едва въ состояніи понимать другъ друга. Если дѣйствительно это Евангеліе, какъ можно заключить по одному выраженію покойнаго Самойлова, было въ употребленіи въ татарскихъ школахъ его дирекціи, въ качествѣ учебной книги татарскаго языка, то это одно обстоятельство могло уже отвратить татарскихъ магометанскихъ дѣтей отъ ихъ просвѣщенія.

Какъ бы то ни было, но ревизія татарскихъ училищъ въ Крыму, произведенная въ 1843 году, дала совершенно новый оборотъ дѣлу, и въ послѣдовавшую за нею пору прежнее небреженіе татарскимъ языкомъ уступило мѣсто преувеличенной заботливости объ его преподаваніи въ училищахъ Таврической губерніи. Прежде всего была составлена г. Кузьминскимъ, преемникомъ по кафедрѣ В. В. Григорьева, перешедшаго въ другое вѣдомство, инструкція въ видѣ подробной программы для преподаванія татарскаго языка, какъ въ Симферопольскомъ училищномъ отдѣленіи, такъ и въ возникшихъ тогда волостныхъ татарскихъ школахъ вѣдомства государственныхъ имуществъ. Предметомъ изученія, согласно съ этою инструкціей, долженъ былъ стать языкъ образованнаго городского, а не степнаго общества, языкъ, переполненный заимствованіями изъ языковъ магометанской литературы — арабскаго и персидскаго, формы и синтаксисъ которыхъ и долженствовали быть объясняемы ученикамъ училищнаго отдѣленія, тогда какъ ученики волостныхъ школъ должны были изучить только

10 главныхъ формъ арабскаго языка. Ученикамъ училищнаго отдѣленія, сверхъ того, было предположено объяснять еще особенности джагатайскаго, казанскаго и оренбургскаго нарѣчій татарскаго языка, а равно уклоненія отъ нихъ степнаго крымскаго нарѣчія, и изученіе послѣдняго начинать съ чтенія пословицъ и народныхъ поговорокъ впрочемъ, въ случаѣ преподаванія на русскомъ языкѣ, дозволялось прописывать татарскія слова не арабскими, а русскими буквами. Противъ приведенныхъ пунктовъ инструкціи г. Кузьмина, свѣдущіе учителя татарскаго языка, бывшіе питомцы училищнаго отдѣленія, гг. Газіевъ, Селимовъ и Боданинскій, на запросъ о ней попечителя Одесскаго учебнаго округа, совершенно основательно замѣтили, что преподавать должно степной языкъ, потому что изъ тогдашнихъ 140.000 Татаръ на немъ говорятъ по меньшей мѣрѣ 120 тысячъ, а показывать уклоненія этого языка отъ прочихъ нарѣчій почли неудобнымъ, потому что онъ весь есть уклоненіе.

Имѣя въ виду столь обширную программу преподаванія татарскаго языка, бывшій въ то время попечитель Одесскаго учебнаго округа, въ представленіи своемъ министру, выразилъ опасеніе, будто бы воспитанники училищнаго отдѣленія, занимаясь преимущественно русскимъ языкомъ, забываютъ свой природный, и для того, чтобъ усилить и расширить преподаваніе татарскаго языка, ходатайствовалъ: 1) объ ограниченіи курса ученія въ Симферопольскомъ училищномъ отдѣленіи первыми тремя классами гимназій, съ присоединеніемъ дополнительнаго четвертаго года; 2) о назначеніи особаго инспектора при училищномъ отдѣленіи, который сверхъ преподаванія въ немъ, согласно инструкціи г. Кузьмина, началъ арабскаго, персидскаго и турецкаго языковъ, имѣлъ бы надзоръ за преподаваніемъ татарскаго языка въ другихъ училищахъ Таврической губерніи, и 3) о скорѣйшемъ составленіи и изданіи въ свѣтъ учебныхъ пособій, а именно азбуки и грамматики татарскаго языка, татарской христоматіи съ татарско-русскимъ словаремъ, составленною изъ крымско-татарскихъ пѣсень, изъ ханскихъ ярлыковъ, изъ *турецкихъ* пословицъ, обращающихся въ Крыму, образцовъ разнаго рода писемъ и приличныхъ переводовъ съ русскаго, поручивъ переводъ учителямъ Газіеву, Селимову и Боданинскому, и наконецъ, о составленіи и изданіи въ свѣтъ русской христоматіи съ русско-татарскимъ словаремъ, которая представляла бы собою нѣчто въ родѣ энциклопедіи основныхъ космографическихъ, географическихъ, физическихъ, этнографическихъ и историческихъ свѣдѣній, преимущественно же по исторіи Крыма, съ обзоромъ мѣръ правительства на пользу образованія Татаръ, важнѣйшихъ

уголовныхъ и гражданскихъ законовъ в постановленій относительно сельскаго управленія и съ присоединеніемъ образцовъ дѣловыхъ бумагъ примѣнительно къ быту Татаръ. Замѣчательнѣе всего предположеніе — за неимѣніемъ ничего ни писаннаго, ни печатнаго на крымскомъ татарскомъ нарѣчій, ввести въ употребленіе, до изданія упомянутыхъ пособій, турецкую книжку Сулейманъ Намо и на турецкомъ же языкѣ сочиненіе Бельмета, издавна въ Парижѣ: „Les quarantes vizirs“, значительно сокративъ его, при чемъ принималась во вниманіе близость татарскаго крымскаго нарѣчія къ турецкому языку. Надзоръ и руководство всѣми этими работами предполагалось поручить В. В. Григорьеву, а за переходомъ его на службу въ другое вѣдомство они возложены были на г. Кузьмина.

Всѣ эти предположенія дѣйствительно были осуществлены, или вполнѣ, или отчасти. На первомъ планѣ долгое время стояла забота о составленіи руководства къ изученію татарскаго языка. Наконецъ, въ апрѣлѣ 1848 года, были доставлены въ Одессу къ попечителю округа слѣдующія рукописи, просмотрѣнныя предварительно г. Кузьминимъ и направленныя авторами по его указаніямъ: 1) Букварь крымско-татарскаго языка съ краткими объясненіями, — г. Газіева, учителя Сарабузскаго татарскаго училища; 2) Грамматика крымско-татарскаго языка, составленная учителемъ Симферопольской гимназій г. Хорасановымъ; 3) „Другъ дѣтей“, книга для чтенія, переведенная на татарскій языкъ воспитанниками училищнаго отдѣленія подъ руководствомъ Абдуррамана Челеби, бывшаго прежде преподавателемъ закона магометанской вѣры въ татарскомъ классѣ въ Бахчисараѣ, а въ послѣдствіи помощникомъ инспектора Симферопольской гимназій (по татарскому училищному отдѣленію): къ этой книгѣ былъ присоединенъ Джеваириль-Исламъ (вѣроятно, въ татарскомъ же переводѣ), то-есть, краткое объясненіе обязанностей мусульманина, и наконецъ, 4) переводъ „Сельскаго чтенія“, изготовленный г. Газіевымъ.

Правильное преподаваніе закона магометанской вѣры также озабочивало училищное начальство, хотя и въ меньшей мѣрѣ, нежели преподаваніе татарскаго языка. Окончательно курсъ этого предмета опредѣлился слѣдующимъ образомъ: I. Для татарскаго училищнаго отдѣленія — въ 1-й годъ: чтеніе 1-й и 2-й частей Афтеикъ (10-й части Корана) съ выучиваніемъ папзустъ нѣкоторыхъ краткихъ главъ ея; во 2-й годъ — 3-я часть Афтеикъ и Джеваириль-Исламъ (краткое изложеніе обязанностей мусульманина); въ 3-й и 4-й годы — выучиваніе 10-й части Илимъ-Хала (о Богѣ и пророкахъ) и чтеніе Алькорана съ начала

до 10-й части; въ 5-й годъ—Иствали (подробное изложеніе обязанностей мусульманина) и продолженіе Алькорана съ напѣвомъ и Сейруннеби (біографія Магомета). II. Для уѣздныхъ училищъ полагалось то же самое, но сокращенно, а для сельскихъ, съ 4-лѣтнимъ курсомъ. то же, но безъ Сейруннеби. Такъ какъ перевода Корана на татарскій и даже на турецкій языкъ въ то время не было—подобный переводъ издается только теперь въ Константинополѣ и оттуда усиленно распространяется и въ Крыму между Татарами—и такъ какъ арабскій языкъ не былъ предметомъ преподаванія даже въ училищномъ отдѣленіи, да и обыкновенно сами учителя татарскіе не только не понимаютъ Корана, но и едва-ли правильно умѣютъ читать его, то очевидно, что все это ученіе было чисто-механическое и безплодное.

Создать должность особаго инспектора татарскаго училищнаго отдѣленія съ обязанностию наблюдать во всѣхъ училищахъ за преподаваніемъ татарскихъ предметовъ, не удалось за неимѣніемъ денежныхъ средствъ; но было учреждено званіе помощника инспектора Симферопольской гимназій, на котораго было возложено ближайшее заведываніе училищнымъ отдѣленіемъ, и въ эту должность былъ назначенъ магометанинъ Абдурраманъ Челеби.

Наконецъ, курсъ татарскаго училищнаго отдѣленія былъ преобразованъ согласно съ вышеприведенными предположеніями, на основаніи проекта, составленнаго въ 1847 году бывшимъ тогда директоромъ Самойловымъ. Курсъ ученія остался 8-лѣтній; первые 4 года ученики получали приготовительное образованіе въ самомъ отдѣленіи, занимаясь, подъ наблюденіемъ помощника инспектора и подъ руководствомъ надзирателя и соучениковъ, уже посѣщавшихъ классы 4 года, чтеніемъ, письмомъ, выучиваніемъ словъ и фразъ на русскомъ языкѣ и 4-мя дѣйствіями ариѳметики; затѣмъ въ продолженіе 3-хъ лѣтъ они посѣщали классы гимназій, и 8-й годъ посвящали на изученіе исторій и географій въ гимназій и практически занимались съ младшими учениками отдѣленія. Какъ и прежде, отдѣленіе поручалось главному надзору Таврическаго губернатора: отъ него зависѣло опредѣленіе дѣтей Татаръ на казенное содержаніе, для чего директоръ гимназій долженъ былъ немедленно сообщать ему о всякой вновь открывающейся вакансіи.

Въ такомъ видѣ татарское училищное отдѣленіе существовало до вторженія въ Крымъ непріятели въ 1854 году, когда воспитанники были разосланы по домамъ своихъ родителей и родственниковъ, самое зданіе было занято подъ военный госпиталь, и учебное заведеніе перестало существовать фактически. Оно не было восстановлено и по

заключеніи мира: напротивъ, бывшій попечитель Одесскаго учебнаго округа П. Г. Демидовъ, 22-го мая 1856 года, ходатайствовалъ передъ министромъ объ окончательномъ его упраздненіи; ходатайство его было поддержано его преемникомъ, П. И. Пироговымъ, и училищное отдѣленіе было въ 1859 г. окончательно закрыто, а часть средствъ его назначена на учрежденіе особаго отдѣленія при пансіонѣ Симферопольской гимназіи для дѣтей мурзъ. Въ относящемся сюда Высочайшемъ повелѣніи, отъ 9-го февраля 1859 года, приняты во вниманіе недостатки учебнаго заведенія въ Крыму, въ которомъ мурзы могли бы воспитывать своихъ дѣтей въ правилахъ своей вѣры, а потому сверхъ 5-ти казеннокоштныхъ воспитанниковъ (съ содержаніемъ въ 200 руб. въ годъ на каждого и безъ всякой обязательной службы), предполагалось принимать столько же своекоштныхъ пансіонеровъ, сколько можно будетъ помѣстить въ этомъ особомъ отдѣленіи: они должны были изучать всѣ предметы гимназическаго курса наравнѣ съ другими, а сверхъ того мулла (съ жалованьемъ въ 57 руб. 15 коп.) долженъ былъ обучать ихъ закону ихъ вѣры, надзиратель и вмѣстѣ учитель татарскаго языка (съ жалованьемъ въ 343 руб. 10 коп.) преподавать этотъ языкъ, а репетиторъ (200 р.), изъ знающихъ русскій и татарскій языки, упражнять ихъ въ русскомъ языкѣ.

Ходатайствуя объ упраздненіи татарскаго училищнаго отдѣленія, П. Г. Демидовъ ссылался главнѣйшимъ образомъ на доказанную опытомъ бесполезность его, такъ какъ въ продолженіе 28-лѣтняго существованія его (1827—1854 г.) въ немъ окончили курсъ всего 25 человекъ, и содержаніе ихъ, если раздѣлить только на нихъ всю израсходованную за это время сумму, обошлось каждому въ 3.360 р. (вѣрнѣе сказать, нѣсколько менѣе чѣмъ въ 3.000 р. — $74.730 : 25$, такъ какъ, очевидно, при разчетѣ не было принято во вниманіе, что до 1838 года расходовалось на отдѣленіе не 3.000 въ годъ, а 2.430 р. сер.). Но на основаніи подобныхъ же соображеній, пришлось бы закрыть почти всѣ наши гимназіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ отдѣленіи при комплектѣ въ 20 человекъ и при восьмилѣтнемъ курсѣ, въ продолженіе 28 лѣтъ окончили бы курсъ всего 70 человекъ, даже когда бы всѣ поступающіе оканчивали курсъ; такимъ образомъ 25 человекъ, окончившихъ курсъ въ отдѣленіи, составляютъ болѣе одной трети наибольшаго числа лицъ, которыя могли бы только окончить въ немъ курсъ, — пропорція, какой не представляетъ почти ни одна изъ нашихъ гимназій. Во всякомъ случаѣ, татарское училищное отдѣленіе доставляло большее число учителей, нежели какое требовалось: доказательствомъ служить разрѣ-

шеніе, внесенное въ послѣдующіе уставы отдѣленія, принимать окончившихъ курсъ въ отдѣленіи не только въ учителя, но и въ переводчики и вообще на государственную службу. Когда палата государственныхъ имуществъ начала учреждать волостныя училища для образованія писарей изъ Татаръ, то въ учителяхъ, знающихъ татарскій и русскій языки, недостатка не оказалось, и А. В. Самойловъ справедливо свидѣтельствовалъ (въ упомянутой выше запискѣ), что „училищное отдѣленіе оказало истинную услугу, снабдивъ первоначально открытыя училища хорошими учителями“. Что воспитанники отдѣленія, по крайней мѣрѣ въ началѣ, хорошо усвоивали себѣ русскій языкъ, видно уже изъ преувеличеннаго, безъ сомнѣнія, опасенія попечителя округа, какъ бы они совсѣмъ не забыли своего роднаго нарѣчія. Что въ послѣдствіи, когда вниманіе было преимущественно обращено на татарскій языкъ, они успѣвали и въ татарской грамотѣ, видно изъ того, что питомецъ отдѣленія Газіевъ составилъ татарскій букварь съ грамматическими правилами и перевелъ на татарскій языкъ „Сельское чтеніе“, и что сами ученики, подъ руководствомъ Абдуррамана Челеби, перевели книгу: „Другъ дѣтей“. Если же въ управленіи и въ самой организаціи татарскаго училищнаго отдѣленія могли быть существенныя недостатки, то казалось бы, что необходимо было позаботиться только объ устраненіи этихъ недостатковъ, не уничтожая самого заведенія. Во всякомъ случаѣ, изъ всѣхъ учебныхъ заведеній для Татаръ это отдѣленіе дѣйствовало съ наибольшимъ успѣхомъ и наибольшею пользою.

Польза его, а равно и самыя успѣхи, были бы гораздо значительнѣе, если бы та цѣль, для которой оно было основано, преслѣдовалась съ большею энергіей; но къ сожалѣнію, этого вовсе не было. Предполагалось, какъ мы видѣли, учредить для Татаръ училища по городамъ и селамъ и снабдить собственныя ихъ школы хорошо подготовленными учителями; но что же было сдѣлано въ этомъ направленіи? *Прежде всего*, какъ уже было упомянуто, для привлеченія Татаръ въ общія училища, было введено преподаваніе татарскаго языка въ Осодосійскомъ и Перекопскомъ, а въ послѣдствіи (въ 1859 году) и въ Симферопольскомъ уѣздныхъ училищахъ. Благодаря этой мѣрѣ, многіе изъ Русскихъ научились по-татарски; но число Татаръ, поступавшихъ въ эти уѣздныя училища, было совершенно ничтожно, не смотря на то, что еще попечитель Княжевичъ обращался за содѣйствіемъ къ Симферопольскому муфтію, главѣ магометанскаго духовенства въ Крыму, и просилъ его, въ іюлѣ 1839 года, внушить Та-

тарамъ, что собственная ихъ польза требуетъ отъ нихъ изученія русскаго языка и посѣщенія съ этою цѣлю общихъ училищъ. *Востокъ*, въ 1837 году были учреждены въ Бахчисараѣ и въ Карасубазарѣ татарскіе классы (съ двухлѣтнимъ, много трехлѣтнимъ курсомъ), отдѣльно отъ тамошнихъ приходскихъ училищъ, и въ этихъ классахъ преподавалась татарская и русская грамматика, а въ Бахчисарайскомъ классѣ и законъ магометанской вѣры собственно для увеличенія числа учениковъ изъ Татаръ; но отъ введенія этого послѣдняго предмета число учениковъ изъ Татаръ не только не увеличилось, а еще уменьшилось, вѣроятно, вслѣдствіе недовѣрія родителей Татаръ къ преподаванію закона ихъ вѣры въ училищѣ, учрежденномъ не ихъ духовенствомъ, а христіанскимъ правительствомъ. Этотъ фактъ засвидѣтельствованъ въ 1838 г. штатнымъ смотрителемъ Симферопольскаго уѣзднаго училища, который въ то же время въ доносеніи директору не совсѣмъ одобрительно отзывался и о самомъ преподаваніи Абдурраманомъ Челеби закона магометанской вѣры. Въ 1839 г. князь М. С. Воронцовъ, въ видахъ лучшаго усвоенія татарскими дѣтьми русскаго языка, пожелалъ соединенія татарскихъ классовъ съ общими приходскими училищами, и оно дѣйствительно состоялось въ Бахчисараѣ, и притомъ такъ, что собственно приходское училище присоединилось къ татарскому классу, и ученики приходскаго училища ходили въ зданіе татарскаго класса для слушанія общихъ предметовъ, и удалялись въ прежнее свое помѣщеніе на уроки закона Божія. Но ничто не помогало, и въ татарскихъ классахъ бѣольшую часть учениковъ составляли не Татары, число конхъ въ пору полевыхъ работъ уменьшалось даже до 3-хъ, а мѣстные Греки и Армяне, которые здѣсь учились и по-русски, и по-татарски;—и эти классы, равно какъ и введеніе татарскаго языка въ уѣздныя училища, только содѣйствовали распространенію знанія татарскаго языка въ мѣстномъ населеніи не-татарскаго происхожденія, освобождая Татаръ отъ необходимости изученія русскаго языка; сами же Татары предпочитали по прежнему обучаться въ своихъ мектебе и медресе. Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ, упомянутый выше смотритель пришелъ къ убѣжденію, заслуживающему серьезнаго вниманія, именно что безъ закрытія мектебе и медресе, учебныя заведенія, учреждаемыя правительствомъ для Татаръ, никогда не будутъ имѣть достаточнаго числа учениковъ.

Не рѣшаясь еще прибѣгнуть къ этой мѣрѣ, которая не много снуетя была примѣнена къ еврейскимъ хедерамъ, гдѣ однако же и внѣшній порядокъ, и самое ученіе все-таки нѣсколько лучше чѣмъ

въ татарскихъ школахъ, правительство вознамѣрилось ввести преподаваніе русскаго языка въ медресе, не подвергая ихъ какимъ-либо другимъ кореннымъ преобразованіямъ. Попытка эта также не увѣчалась успѣхомъ. „Надо было, такъ-сказать, ворваться въ нѣдра медресе“, пишетъ А. В. Самойловъ въ апрѣлѣ 1843 года; „правительство назначило туда учителей русскаго языка, и первоначально въ главной медресе въ Бахчисаряѣ и Карасубазарѣ, что и исполнено; но какъ не было поставлено въ непремѣнную обязанность всеѣмъ посѣтителямъ медресе слушать курсъ русскаго языка, то учителя проповѣдывали въ пустынь“. Результатомъ всеѣхъ опытовъ было убѣжденіе этого директора, что вообще для образованія Татаръ въ русскомъ духѣ необходимо введеніе принудительной системы ученія.

Именно этой системы держалось министерство государственныхъ имуществъ при учрежденіи своихъ волостныхъ училищъ для Татаръ, и какъ кажется, не безъ успѣха, при чемъ надобно однако имѣть въ виду, что оно заботилось только о подготовленіи писарей, а не собственно объ образованіи Татаръ. Кромѣ училища въ Ногайскѣ, которое шло съ наибольшимъ успѣхомъ, имъ были учреждены собственно въ Крыму слѣдующія училища: 1) училище въ Симферополѣ, при палатѣ государственныхъ имуществъ, въ послѣдствіи переведенное въ Сарабузы, 2) въ Сакахъ, 3) въ Таракташѣ и 4) позднѣе въ Ушюнѣ. Каждая волость была обязана посылать въ одно изъ этихъ училищъ известное число поселянскихъ мальчиковъ, которые и жили въ селеніяхъ, гдѣ помѣщались училища, въ тамошнихъ татарскихъ семьяхъ, а въ послѣдствіи было рѣшено поручать содержаніе мальчиковъ самому учителю, собирая ихъ въ одномъ домѣ, для чего и было предписано строить особые дома. Курсъ въ этихъ училищахъ былъ 4-лѣтній. Преподавались: языки русскій и татарскій, законъ магометанской вѣры, ариметика, счетоводство и дѣлопроизводство волостныхъ и сельскихъ управленій. Нынѣ все эти училища закрыты, какъ кажется, потому что палата государственныхъ имуществъ убѣдилась, что вольнонаемные писаря, знающіе по-русски и по-татарски, обойдутся дешевле, нежели приготовленіе писарей изъ Татаръ въ особо-учрежденныхъ для нихъ училищахъ.

Таковы были попытки къ образованію Татаръ въ Крыму, начиная съ 1827 года. Были испробованы всевозможныя системы: пытались привлечь Татарскихъ дѣтей въ общія училища, введеніемъ въ нихъ преподаванія татарскаго языка; учреждали особые татарскіе классы отдѣльно и въ связи съ приходскими училищами (къ этимъ особымъ

училищамъ для Татаръ должны быть отнесены и волостныя училища вѣдомства государственныхъ имуществъ и само татарское училищное отдѣленіе); наконецъ, пробовали ввести преподаваніе русскаго языка въ медресе. Однакожь всѣ эти попытки остались безъ замѣтнаго результата для образованія массы Татаръ, и наибольшимъ еще успѣхомъ увѣнчались татарское училищное отдѣленіе и волостныя училища, но очевидно, потому что поступленіе въ нихъ зависѣло не отъ доброй воли татарскихъ родителей, а отъ назначенія татарскихъ дѣтей въ первое изъ нихъ Гаврическимъ губернаторомъ, а въ послѣднія — палатою государственныхъ имуществъ и ея чиновниками. Такимъ образомъ опыты прошедшаго, повидимому, говорятъ прежде всего въ пользу принудительной системы обученія Татаръ въ Крыму, каковая впрочемъ установлена и вездѣ въ Россіи, гдѣ заведены училища для инородцевъ, и удержаніе которой на первыхъ порахъ, въ предѣлахъ Казанскаго учебнаго округа, считаетъ необходимымъ даже такой ревнитель добровольной системы ученія, какъ Н. И. Золотницкій, нынѣ инспекторъ чувашскихъ школъ въ упомянутомъ округѣ.

Но если для образованія крымскихъ Татаръ въ русскомъ духѣ, судя по опытамъ прошедшаго, прежде всего необходимо установленіе принудительной системы ученія (которую не слѣдуетъ смѣшивать съ общимъ обязательствомъ посылать дѣтей въ школу), то при этомъ необходимо принять къ свѣдѣнію, что у Татаръ существуютъ свои духовныя магометанскія училища, посѣщеніе которыхъ считается у нихъ обязательнымъ въ возрастѣ отъ 6-ти до 15-ти лѣтъ и гдѣ ученіе происходитъ ежедневно (кромѣ пятницы) въ продолженіе 7-ми часовъ (по 4 часа до обѣда и по 3 послѣ обѣда). Впрочемъ, обязательность эта только нравственнаго свойства и въ настоящее время въ примѣненіи является ослабленною до значительной степени. Такъ, не считая Феодосійскаго уѣзда, объ училищахъ коего не имѣется свѣдѣній въ магометанскомъ духовномъ правленіи, первоначальныхъ магометанскихъ училищъ — медресе — считается въ Крыму 136 на 77.406 Татаръ обоаго пола (1 училище на 570 человекъ), тогда какъ мечетей въ тѣхъ же уѣздахъ 648 (или 1 почти на 120 жит.). Отношеніе числа татарскихъ школъ къ числу Татаръ все-таки въ высшей степени благоприятно; но число учениковъ въ школахъ далеко не соответствуетъ тому, котораго можно было бы ожидать при всеобщей обязательности ученія въ возрастѣ отъ 6-ти до 15-ти лѣтъ. На этотъ возрастъ, на основаніи общихъ статистическихъ данныхъ, приходится отъ $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{4}$ всего населенія; принимая лишь $\frac{1}{5}$, мы получили бы слиш-

комъ 15.000 мальчиковъ и дѣвочекъ, обязанныхъ посѣщеніемъ школъ, а между тѣмъ дѣйствительно посѣщающихъ школы оказывается гораздо менѣе $\frac{1}{3}$ этого числа (именно 4.471); если взять отдѣльно мальчиковъ, то изъ общаго ихъ числа (8.000), посѣщающихъ школы окажется немного менѣе $\frac{1}{3}$ (2.918), а изъ общаго числа дѣвочекъ (7.000) немного болѣе $\frac{1}{5}$ (1.553). Есть мѣстности, довольно населенныя Татарами, какъ напримѣръ, Феодосія, въ которыхъ нѣтъ вовсе общественныхъ школъ, а есть только частныя, существующія на добровольныя приношенія родителей. Какъ бы то ни было, отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ всѣхъ татарскихъ дѣтей учится ежедневно, по 7 часовъ въ день, въ магометанскихъ школахъ, и родители ихъ вмѣщаютъ себѣ въ религіозную обязанность таковое ихъ обученіе. Совмѣстное существованіе другихъ, исключительно-свѣтскихъ, школъ, съ обязательнымъ же ученіемъ, оказалось бы или невозможностью, или же явнымъ нарушеніемъ того, что почитается татарскими родителями за священную обязанность. Очевидно, необходимо совмѣщеніе въ однихъ и тѣхъ же школахъ свѣтскаго и духовнаго обученія. Въ этомъ смыслѣ высказывались частнымъ образомъ и сами Татары, между прочимъ, въ селеніи Отузахъ и въ Феодосіи. Но въ какомъ видѣ можетъ быть допущено это совмѣщеніе? Должны ли быть закрыты медресе и мектебе тамъ, гдѣ были бы учреждены правительственныя училища для Татаръ, но подъ условіемъ, чтобы въ послѣднія было введено преподаваніе закона магометанской вѣры; или же преподаваніе свѣтскихъ предметовъ, и прежде всего русской грамоты, должно быть введено въ нынѣшнія магометанскія школы? Послѣднее было бы весьма желательнымъ, но безъ радикальнаго преобразованія мектебе и медресе, это едва-ли возможно. Въ настоящемъ своемъ видѣ эти училища представляютъ собою не что иное, какъ народныя сходки, на которыхъ муллы читаютъ Коранъ, едва-ли правильно, и безъ всякихъ объясненій, за незнаніемъ арабскаго языка. Они посѣщаются людьми всѣхъ возрастовъ, когда и кому угодно, при чемъ дѣти учатся читать и писать по арабски. Очевидно, что министерство народнаго просвѣщенія не можетъ присоединить своихъ заведеній къ подобнымъ училищамъ, не преобразовавъ ихъ на европейскій ладъ, не ограничивъ числа часовъ, употребляемыхъ на господствующее тамъ бессмысленное ученіе, и даже не измѣнивъ педагогическаго характера послѣдняго. Слѣдовательно, такъ или иначе, по правительству пришлось бы принять на себя крайне непріятныя и по принципу несвойственныя ему заботы о правильномъ обученіи магометанскому закону, какъ оно приняло на себя подобныя

заботы по отношенію къ еврейскому закону. Впрочемъ, могъ бы быть одинъ исходъ изъ этого положенія, а именно можно было бы, опредѣливъ планъ свѣтскаго ученія татарскихъ дѣтей и предоставивъ духовное ихъ обученіе по прежнему мулламъ, принудить послѣднихъ сообразоваться въ ихъ учебномъ планѣ (то-есть, во времени и въ числѣ ежедневныхъ часовъ ученія) съ учебнымъ планомъ министерства. Во всякомъ случаѣ, этотъ вопросъ заслуживаетъ дальнѣйшаго обстоятельнаго обсужденія.

Учебный планъ предполагаемыхъ вновь татарскихъ училищъ могъ бы быть опредѣленъ слѣдующимъ образомъ. Чтобы не стѣснять излишне хотя и безплоднаго преподаванія въ нихъ магометанскихъ предметовъ, слѣдовало бы назначить курсъ 6-лѣтній. Въ первый періодъ дѣти учатся, въ связи съ нагляднымъ обученіемъ и при помощи татарскаго нарѣчія, русскому разговорному языку, а во второй періодъ, по достаточномъ усвоеніи русскаго языка, изучаютъ русскую грамоту (чтеніе и письмо) и первые 4 дѣйствія ариѳметики надъ цѣлыми числами простыми и именованными, и выслушиваютъ курсъ русской исторіи, который долженъ имѣть для нихъ воспитательное значеніе и напечатлѣть въ ихъ умахъ понятіе о величинѣ и могуществѣ Русскаго народа и Русскаго государства. Преподаваніе закона магометанской вѣры оставляется на попеченіи магометанскаго духовенства, которое, какъ сказано, въ назначеніи числа и времени часовъ подчиняется общему учебному плану. Преподаваніе татарскаго языка и татарской грамоты вовсе не полагается по той простой причинѣ, что это языкъ только разговорный, а не грамотный, не письменный или литературный, и слѣдовательно, учиться ему не для чего и не по чему, и самыя правила его не могли твердо установиться. Въ этомъ отношеніи указанія прошедшаго не оставляютъ никакого сомнѣнія. Не мало было потрачено и силъ, и средствъ, и времени на то, чтобы сдѣлать татарскій языкъ предметомъ, способнымъ къ правильному преподаванію, и все это съ цѣлью привлечь Татаръ въ школы; но всѣ эти усилія остались напрасны тѣмъ болѣе, что и въ своихъ собственныхъ школахъ Татары не изучаютъ своего языка и занимаются лишь грамотою арабской. Татарскій языкъ тѣмъ менѣе можетъ быть предметомъ преподаванія, что онъ не служитъ для Татаръ-магометанъ даже и языкомъ религіи, хотя повидимому, въ послѣднее время турецкое правительство и заботится о томъ, чтобы придать ему этотъ характеръ, почему и содѣйствуетъ переводу Корана на татарскій языкъ. На время полевыхъ или садовыхъ работъ, — время, которое въ точности должно быть

опредѣлено разъ на всегда мѣстными училищными совѣтами, — дѣти должны быть распускаемы по домамъ, въ пору же ученія должны жить при училищахъ, какъ было въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ.

При изысканіи и назначеніи на предполагаемыя училища матеріальныхъ средствъ, слѣдовало бы, какъ кажется, держаться правила, чтобъ интересы магометанскаго духовенства по возможности не понесли при этомъ ущерба и чтобъ оно такимъ образомъ не было заранѣе возбуждено противъ образованія Татаръ.

Наконецъ, остается вопросъ объ учителяхъ. Само собою разумѣется, что учителя въ татарскихъ училищахъ должны быть въ нравственномъ и политическомъ отношеніи люди вполне благонадежные, и удовлетворяя прочимъ требованіямъ своего званія, должны владѣть татарскимъ языкомъ. Въ послѣдствіи при нѣкоторыхъ начальныхъ татарскихъ училищахъ могли бы быть устроены педагогическіе курсы съ 2-хъ или съ 3-лѣтнимъ дополнительнымъ курсомъ, въ продолженіе котораго кандидаты въ учителя изучали бы русскій языкъ грамматически, русскую исторію и географію съ большою протѣвъ прежняго подробностью, проходили бы весь курсъ арифметики и краткое обзорѣніе всеобщей исторіи, и въ послѣдній годъ, подъ руководствомъ учителя, занимались бы съ учениками соответствующаго начального татарскаго училища. Таковы могли бы быть, вкратцѣ и въ общихъ чертахъ, мѣры къ образованію крымскихъ Татаръ въ русскомъ духѣ. Обнародывая всѣ эти данныя и соображенія, министерство народнаго просвѣщенія желало бы, чтобы предметъ такой важности подвергся всестороннему обсужденію въ нашей литературѣ со стороны людей свѣдущихъ. Вотъ вопросы, на которые при этомъ слѣдовало бы обратить особенное вниманіе и разъясненіемъ коихъ поручено заняться особой комиссіи въ Симферополѣ:

1) Можетъ ли дѣло образованія Татаръ въ русскомъ духѣ быть предоставлено доброй ихъ волѣ, или же должно быть установлено въ этомъ случаѣ принудительное ученіе, тѣмъ болѣе, что трудно ожидать, чтобы нашлись люди въ ихъ собственной средѣ, которые силою убѣжденія успѣли бы восторжествовать надъ ихъ апатіей, а убѣжденія христіанскихъ дѣятелей едва-ли могутъ имѣть какой-либо успѣхъ въ татарско-магометанской средѣ?

2) Въ какія отношенія должны быть поставлены предполагаемыя школы къ существующимъ татарскимъ медресе и мектебе? Должны ли эти школы быть и свѣтскими, и духовными вмѣстѣ, замѣняя со-

бою медресе и мектебе, какъ это было отчасти съ татарскимъ училищнымъ отдѣленіемъ и волостными татарскими училищами государственныхъ имуществъ? Должно ли преподаваніе свѣтскихъ предметовъ быть введено въ медресе и мектебе и должно ли послѣднія подвергнуть коренному преобразованію; или же учреждая свѣтскія школы и упраздняя медресе и мектебе, въ то же время должно предоставить магометанскому духовенству установить въ этихъ новыхъ школахъ, или внѣ ихъ, преподаваніе закона магометанской вѣры, но не въ ущербъ свѣтскому ученію?

3) Какія мѣстности прежде всего могутъ быть избраны для учрежденія татарскихъ начальныхъ училищъ съ наибольшою надеждою на успѣхъ послѣднихъ?

4) Какія средства могутъ быть указаны на покрытіе издержекъ, какъ по первоначальному устройству татарскихъ училищъ, такъ и по дальнѣйшему ихъ содержанію?

5) Какія лица имѣются въ виду для замѣщенія въ татарскихъ начальныхъ училищахъ учительскихъ должностей, при чемъ надлежитъ имѣть въ виду, чтобъ они, удовлетворяя всѣмъ требованіямъ своего званія, обладали знаніемъ татарскаго языка и по нравственному своему характеру были бы способны стать миссіонерами европейской цивилизаціи и русскаго гражданскаго чувства въ средѣ Татаръ?

Совокупность свѣдѣній и мнѣній по всѣмъ этимъ вопросамъ послужила бы къ окончательному разъясненію дѣла и къ установленію его на прочныхъ основаніяхъ, столь необходимому для дальнѣйшаго его преуспѣянія.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

Объ открытіи двухъ новыхъ кафедръ въ медицинскомъ факультетѣ Харьковскаго университета. — О вскрытіи труповъ въ клиническихъ зданіяхъ того же университета. — О порядкѣ производства окончательныхъ испытаній въ юридическомъ факультетѣ университета св. Владиміра. — Возведенія въ ученыя степени.

Въ полученныхъ нами въ послѣднее время книжкахъ *Университетскихъ Извѣстій* напечатаны большею частію протоколы лѣтнихъ засѣданій университетскихъ совѣтовъ, а какъ въ лѣтніе мѣсяцы число обсуждаемыхъ въ совѣтахъ дѣлъ вообще бываетъ весьма ограничено, и притомъ это большею частію текуція дѣла въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова, то посему наша нынѣшняя лѣтопись по необходимости должна быть скудна содержаніемъ.

Въ совѣтѣ Харьковскаго университета происходили разсужденія объ открытіи двухъ новыхъ медицинскихъ кафедръ и о порядкѣ вскрытія труповъ. По финансовой смѣтѣ означеннаго университета отпущается содержаніе на 14 экстраординарныхъ профессоровъ; но до мая сего года была занята лишь одна вакансія, остальные же 13 были свободны. Имѣя въ виду это обстоятельство и принимая во вниманіе необходимость такихъ наукъ, какъ гистологія и медицинская химія, медицинскій факультетъ рѣшился ходатайствовать объ учрежденіи, на остатки отъ суммы личнаго состава, кафедръ: 1) медицинской химіи и физики и 2) гистологіи, эмбриологіи и сравнительной анатоміи. При этомъ факультетъ рекомендовалъ совѣту кандидатовъ для замѣщенія упомянутыхъ кафедръ, именно доцентовъ: доктора химіи *Тихоновича* и доктора медицины *Хржанцевскаго*, которыхъ факультетъ считаетъ вполне достойными занять эти кафедры, какъ показала произведенная

въ факультетѣ баллотировка. Совѣтъ призналъ полезнымъ ходатайствовать объ открытіи означенныхъ кафедръ и постановилъ предварительно подвергнуть гг. Тихоновича и Хржонщевскаго баллотированію на званіе экстраординарнаго профессора по упомянутымъ кафедрамъ (*Прот. Харьк. унив. № 4*).

Въ факультетской терапевтической клиникѣ Харьковскаго университета былъ случай вскрытія трупа умершаго въ этой клиникѣ больного, не совсѣмъ согласно съ § 83 Положенія о клиникахъ. Такъ какъ это произошло отъ нѣкоторой неполноты означенной статьи Положенія, въ которой не опредѣляется ни мѣста, ни времени для вскрытія больныхъ, умершихъ въ клиникахъ, то медицинскій факультетъ, во избѣжаніе на будущее время подобныхъ недоразумѣній, положилъ: впредь въ клиническихъ зданіяхъ не производить вскрытій, назначивъ мѣстомъ для этого анатомическій театръ, представляющій для сего наиболѣе удобствъ, и время для вскрытій избирать на каждое полугодіе такъ, чтобы при нихъ могли присутствовать по возможности студенты 3-го, 4-го и 5-го курсовъ. Совѣтъ утвердилъ предположеніе факультета, съ тѣмъ чтобы предложенное имъ дополненіе къ § 83 Положенія о клиникахъ принято было къ руководству и исполненію. При этомъ одинъ членъ совѣта, профессоръ *Сокальскій* выразилъ слѣдующее мнѣніе: „Въ дѣлахъ медицинскаго факультета, въ которыхъ затронуты научныя медицинскіе вопросы, ни одинъ факультетъ не можетъ быть вполне компетентнымъ судьей, кромѣ медицинскихъ же факультетовъ другихъ университетовъ. Поэтому считаю неудобнымъ передавать подобныя дѣла на обсужденіе совѣта для окончательныхъ рѣшеній, пока не высказались о тѣхъ же вопросахъ другіе медицинскіе факультеты“. (*Прот. Харьк. унив. № 5*).

— Юридическій факультетъ университета св. Владиміра установилъ слѣдующій порядокъ окончательнаго испытанія студентовъ этого факультета, утвержденный совѣтомъ: 1) Приступая къ первой половинѣ окончательнаго испытанія (полукурсовое испытаніе), студенты объявляютъ, по какому разряду (чисто-юридическихъ или административныхъ наукъ) они желаютъ испытываться, однакожь не воспрещается перемѣнять разрядъ, приступая ко второй половинѣ окончательнаго испытанія; но за тѣмъ новая перемѣна уже не допускается. Лица постороннія, подвергающіяся окончательному испытанію по обѣимъ половинамъ разомъ, дѣлаютъ вышеупомянутое объявленіе однажды, въ началѣ испытанія. 2) Отмѣтки по энциклопедіи права и исторіи положительныхъ законодательствъ не сливаются въ одну; то же самое

прилагается и къ отмѣткамъ по гражданскому праву и судопроизводству, по уголовному праву и судопроизводству, по русскому и иностранному государственному праву. 3) Отмѣтка *весьма удовлетворительно*, которую испытуемые обязаны имѣть по всѣмъ главнымъ предметамъ для полученія степени кандидата, должна быть составляема на основаніи устныхъ отвѣтовъ по всѣмъ отдѣламъ каждаго главнаго предмета, а въ тѣхъ предметахъ, по которымъ испытуемый даетъ письменный отвѣтъ, на основаніи и этого послѣдняго; кромѣ того, при удостоеніи степени кандидата, факультетъ принимаетъ во вниманіе и практическія занятія студентовъ. Такимъ же образомъ составляется отмѣтка *удовлетворительно*, которую испытуемые должны имѣть по второстепеннымъ предметамъ для полученія степени кандидата, и по всѣмъ предметамъ для полученія званія дѣйствительнаго студента. 4) Испытанія послѣ каникулъ производятся въ слѣдующемъ порядкѣ: а) съ 16-го августа по 1-е сентября — полукурсовыя испытанія по росписанію; б) въ теченіе сентября, октября и ноября — окончательныя испытанія. При этомъ всѣ предметы раздѣляются на двѣ группы: въ первой принадлежатъ энциклопедія права и исторія положительныхъ законодательствъ, русское государственное право, гражданское право съ судопроизводствомъ и римское право¹⁾; во второй — политическая экономія, статистика, финансовое право, полицейское право, международное право и иностранное государственное право. Испытанія по каждой изъ этихъ группъ будутъ производиться въ опредѣленный день попеременно: въ одно засѣданіе по первой, а въ другое — по второй и т. д. Предоставляется подвергаться испытанію въ каждое засѣданіе испытательной комиссіи по всѣмъ предметамъ известной группы, или же только по нѣкоторымъ, съ тѣмъ впрочемъ, чтобы каждое испытующееся лицо окончило испытаніе по всѣмъ предметамъ въ теченіе не болѣе одного мѣсяца. (*Кіев. Унив. Изв.* № 9).

— 8-го октября, въ С.-Петербургскомъ университетѣ, въ публичномъ засѣданіи историко-филологическаго факультета, происходило защищеніе магистерской и докторской диссертаций. Кандидатъ *Макушевъ* защищалъ диссертацию на степень магистра славянской филологіи, подъ заглавіемъ: „Исслѣдованія объ историческихъ памятникахъ

¹⁾ Къ этой же группѣ относится и уголовное право съ судопроизводствомъ, изъ которыхъ окончательное испытаніе въ текущемъ году производилось одновременно съ испытаніями полукурсовыми по случаю надобности преподавателю этихъ предметовъ (г. *Кистяковскому*) отправиться въ командировку.

и бытописателяхъ Дубровника“, а магистръ *Билбасовъ* — диссертацию подъ заглавіемъ: „Поповскій король Генрихъ IV Распе“, написанную имъ для полученія степени доктора всеобщей исторіи. Тотъ и другой утверждены совѣтомъ, въ засѣданіи 9-го октября, въ помянутыхъ ученыхъ степеняхъ.

ГИМНАЗИИ.

Отчетъ профессора Новороссійскаго университета Карастелева объ окончательныхъ испытаніяхъ въ Симферопольской и Александровской-Керченской гимназіяхъ. — Донесеніе профессора того же университета Струве объ испытаніяхъ изъ древнихъ языковъ въ Одесскихъ гимназіяхъ. — Рѣчь директора Кишиневской гимназіи Яловскаго, произнесенная на публичномъ актѣ гимназіи. — О результатахъ переводныхъ и выпускныхъ испытаній въ Казанскихъ гимназіяхъ. — О ревизіи тѣхъ же гимназій по предмету преподаванія всеобщей исторіи. — Результаты испытанія учениковъ VII-го класса гимназій и постороннихъ лицъ по Московскому и Харьковскому учебнымъ округамъ. — Открытіе гимназій и прогимназій въ Варшавскомъ учебномъ округѣ.

По распоряженію г. попечителя Одесскаго учебнаго округа, профессоръ Новороссійскаго университета *К. И. Карастелевъ* командированъ былъ въ Симферопольскую и Александровскую-Керченскую гимназіи для присутствованія на окончательныхъ испытаніяхъ учениковъ VII-го класса и молодыхъ людей домашняго пригтовленія на право полученія свидѣтельствъ въ знаніи полного гимназическаго курса. Отчетъ г. Карастелева объ этой командировкѣ напечатанъ въ № 9-мъ *Циркуляра Одесскаго учебнаго округа*. Не имѣя возможности присутствовать на всѣхъ испытаніяхъ въ обѣихъ гимназіяхъ, г. Карастелевъ посѣщаль Симферопольскую гимназію во время испытаній изъ закона Божія, физики, русскаго языка и словесности, математики и французскаго языка, а въ Керченской гимназіи на испытаніяхъ изъ математики, русскаго языка и словесности, физики и математической географіи, всеобщей и русской исторіи. Въ минувшемъ учебномъ году учениковъ, подвергавшихся испытанію для полученія права поступить въ высшія учебныя заведенія, въ Симферопольской гимназіи было 15, а въ Керченской 3. Незначительное число учениковъ въ послѣдней объясняется тѣмъ, что въ текущемъ году эта гимназія, послѣ недавняго открытія, произвела первый выпускъ окончившихъ въ ней полный курсъ. Постороннихъ молодыхъ людей въ первой гимназіи подвергалось испытанію 7, а во второй 3. Въ обѣихъ гимназіяхъ испытанія учениковъ VII-го класса были посѣщаемы родителями учениковъ, ихъ родственниками и посторонними лицами,

интересующимися успѣхами народнаго образованія. Въ Керченской гимназій на всѣхъ безъ исключенія экзаменахъ присутствовали г. градоначальникъ, вице-адмиралъ А. А. Сплицынь. Онъ съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за отвѣтами учениковъ и неоднократно благодарилъ директора гимназій *Надренъ-де-Карне* за то, что его стараніями и усердіемъ гимназія приведена въ послѣднее время въ весьма удовлетворительное состояніе, какъ въ педагогическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. На экзаменѣ изъ закона Божія въ Симферопольской гимназій (по отзыву г. Карастелева, вообще вполне удовлетворительномъ) онъ обратилъ вниманіе на одно обстоятельство, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ: между учениками былъ одинъ, принадлежащій къ лютеранскому вѣроисповѣданію, г. Брунсъ. Онъ экзаменовался наравнѣ съ православными учениками изъ исторіи ветхозавѣтной и евангельской, а также изъ исторіи церкви вселенской и русской. Отвѣты его были весьма отчетливы, и по общему и единодушному мнѣнію всѣхъ присутствующихъ, признаны весьма удовлетворительными. Такъ какъ г. Карастелевъ имѣлъ возможность присутствовать на испытаніяхъ изъ математики, русскаго языка и словесности и физики въ обѣихъ гимназіяхъ, то онъ въ отчетѣ своемъ говоритъ о той и другой вмѣстѣ. Признавая вообще удовлетворительными успѣхи учениковъ по упомянутымъ предметамъ въ Симферопольской гимназій, г. Карастелевъ отдаетъ однако преимущество успѣхамъ въ Керченской гимназій. Такъ, по отзыву его, отвѣты учениковъ этой гимназій изъ математики были отчетливѣе, основательнѣе и обнаруживали большой навыкъ въ рѣшеніи задачъ, письмо подъ диктовку и сочиненія на русскомъ языкѣ отличались большою правильностію въ грамматическомъ и логическомъ отношеніяхъ, а изъ отвѣтовъ по физикѣ можно было замѣтить, что при преподаваніи этого предмета обращается особенное вниманіе на тѣ вопросы, которые заключаютъ въ себѣ математическіе выводы.

Въ той же 9-й книжкѣ *Циркуляра по Одесскому учебному округу* напечатано извлеченіе изъ донесенія профессора Новороссійскаго университета *Ф. А. Струве*, присутствовавшего, по распоряженію г. попечителя округа, на испытаніяхъ изъ древнихъ языковъ въ обѣихъ Одесскихъ гимназіяхъ, изъ коихъ греческій языкъ пока преподается только во второй. Результатами окончательныхъ испытаній изъ латинскаго языка, по отзыву г. Струве, въ обѣихъ гимназіяхъ можно быть болѣе довольнымъ, чѣмъ въ прошедшихъ годахъ: молодые люди свободнѣе переводили авторовъ и въ грамматическомъ разборѣ оказались

болѣе свѣдущими. А по поводу присутствія на испытаніяхъ изъ того же языка въ четвертомъ классѣ обѣихъ гимназій г. Струве выражаетъ надежду, что по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, уровень познаній по латинскому языку будетъ гораздо выше прежняго, и за тѣмъ присовокупляетъ, что этотъ уровень и теперь уже ближе къ желаемой цѣли. Въ заключеніе г. Струве свидѣтельствуетъ о вполне удовлетворительномъ преподаваніи греческаго языка во 2-й Одесской гимназій г. *Нищинскимъ*, который, какъ сказано въ отчетѣ, не только хорошо владѣетъ своимъ предметомъ, но и имѣетъ много педагогическаго такта, почему и воспитанники его оказали весьма удовлетворительные успѣхи. Основываясь на этомъ засвидѣтельствованіи, г. попечитель округа выразилъ г. Нищинскому искреннюю благодарность за его усердіе къ службѣ, доказанное успѣхами учениковъ.

Въ февральской книжкѣ нашего журнала (Соврем. лѣт. стр. 178) мы обратили вниманіе на рѣчь г. директора Кишиневской гимназій *Яновскаго*, произнесенную имъ въ публичномъ актѣ гимназій, 28-го августа 1866 года. Въ этой рѣчи г. Яновскій, указавъ на главные результаты дѣятельности гимназій, просилъ содѣйствія общества и родителей обучающихся дѣтей стремленіямъ гимназій развить въ нихъ тѣ качества, которыя только и могутъ обезпечить ихъ будущее благосостояніе и дать имъ право на званіе истинныхъ гражданъ Россіи. Рѣчь, произнесенная г. Яновскимъ въ текущемъ году на актѣ 27-го августа (*Цирк. Одесск. учебн. окр.*), служить какъ бы продолженіемъ рѣчи, произнесенной въ прошломъ году, потому что онъ доводитъ до свѣдѣнія присутствующихъ о томъ, на сколько по наблюденіямъ начальства гимназій успѣли питомцы развить въ себѣ помянутыя качества, какъ велико было содѣйствіе общества въ дѣлѣ гимназическаго образованія, и въ заключеніе рѣчи онъ опять проситъ оказать помощь въ воспитательномъ отношеніи на будущее время.

Число учениковъ Кишиневской гимназій, переведенныхъ въ высшіе классы въ текущемъ году, составляетъ почти 70% числа учащихся, между тѣмъ какъ въ прошломъ году число переведенныхъ учениковъ составляло лишь 66%. „Изъ этого видно, говоритъ г. Яновскій, что успѣхи нашихъ учениковъ были въ прошломъ году лучше, чѣмъ въ прошломъ. Къ этому нужно прибавить и то, что изъ числа 23-хъ учениковъ, бывшихъ въ VII-мъ классѣ, 20 выпущены съ аттестатами объ успѣшномъ окончаніи курса наукъ и только 3 изъ нихъ не удостоены аттестатовъ. Изъ этого вы видите, что результаты по части учебной вышли у насъ болѣе удовлетворительныя. Эти резуль-

таты показываютъ, что наши ученики достаточно трудились въ истекшемъ году, и что со стороны учителей и воспитателей было достаточно приложено заботливости объ улучшеніи успѣховъ учащихся". Перейдя за симъ къ нравственной сторонѣ учащихся, г. Яновскій свидѣтельствуетъ, что нравственность ихъ, за исключеніемъ весьма немногихъ, была въ прошломъ учебномъ году удовлетворительна. „Въ числѣ различныхъ средствъ для достиженія нашей цѣли, сказалъ г. Яновскій, существуетъ одно самое главное, — это требованіе отъ дѣтей и юношей выполненія извѣстныхъ правилъ; въ этомъ требованіи заключалась воспитательная мѣра для развитія въ ученикахъ съ дѣтства чувства уваженія къ существующей законности; эту мѣру мы считаемъ слишкомъ важною для блага самихъ дѣтей въ будущемъ, для поддержанія порядка въ заведеніи и для успѣшнаго веденія дѣла воспитанія пятисотъ нашихъ воспитанниковъ". Кишиневское общество, по засвидѣтельствованію г. Яновскаго, съ большимъ участіемъ относилось къ трудному матеріальному положенію воспитанниковъ гимназій. Въ пользу недостаточныхъ учениковъ устроены были обществомъ два музыкальные вечера и прочтена одна публичная лекція, по случаю столѣтняго юбилея Карамзина, которые доставили 1.348 руб. Изъ этихъ денегъ выдано въ пособіе ученикамъ 52 руб., окончившимъ курсъ 278 руб., выдано заимообразно ученикамъ 58 руб., построено платья и обуви 29-ти ученикамъ на 188 руб., уплачено за право ученія 53-хъ учениковъ 430 руб. Далѣе г. Яновскій упоминаетъ въ своей рѣчи о пожертвованіяхъ, сдѣланныхъ на гимназическую церковь, и о распредѣленіи суммъ, которыми располагаетъ Бессарабское дворянство, и которыя идутъ, по опредѣленію и ходатайству этого словія, въ пользу окончивающихъ курсъ въ гимназій и поступающихъ въ университетъ. Затѣмъ г. директоръ обращается къ изложенію нравственнаго содѣйствія общества, которое особенно выразилось въ посѣщеніи гимназій родителями и родственниками учащихся для полученія свѣдѣній объ успѣхахъ и поведеніи ихъ и для совѣщанія съ начальствомъ гимназій о мѣрахъ къ улучшенію ихъ. Дабы доказать, какава именно среда имѣла наибольшее вліяніе на успѣхи учащихся, г. Яновскій, по примѣру прошлаго года, раздѣляетъ всѣхъ бывшихъ въ концѣ учебнаго года учениковъ на три категоріи: а) на учениковъ-пансіонеровъ, б) на учениковъ, живущихъ у родителей и родственниковъ, и в) на учениковъ, живущихъ на частныхъ квартирахъ безъ родственнаго надзора, и потомъ представляетъ процентъ успѣвшихъ по каждой категоріи. Первое мѣсто по успѣхамъ занимаютъ пан-

сіонеры, и процентъ ихъ по успѣхамъ возвысился въ истекшемъ году съ 68 на 82. Ученики, живущіе у родныхъ, по успѣхамъ занимають первое мѣсто послѣ пансіонеровъ, и процентъ успѣховъ ихъ возвысился до 70-ти; между тѣмъ въ теченіе прошлыхъ 5 лѣтъ такіе ученики были хуже не только пансіонеровъ, но и учениковъ, живущихъ на квартирахъ безъ всякаго надзора. Послѣдніе ученики находятся по успѣхамъ почти на такой же степени, какъ и въ прошлые годы: прежде средній процентъ успѣховъ этой категоріи былъ 67, а въ 1867 г. — почти 66. „Изъ полученныхъ выводовъ, говоритъ г. Яновскій, обращаетъ на себя особенное вниманіе тотъ выводъ, который указываетъ на утѣшительное, до сихъ поръ небывалое явленіе, а именно на большую заботливость родителей и родныхъ о своихъ дѣтяхъ, обучающихся въ гимназіи“. Этимъ заключилась первая часть рѣчи; во второй части г. Яновскій проситъ родителей, родственниковъ и попечителей наблюдать за точнымъ исполненіемъ учениками религіозныхъ обязанностей и сколь возможно чаще посѣщать, въ назначенный день, гимназію, съ тѣмъ чтобы сообща изыскивать средства для уничтоженія пропуска классовъ и опаздыванія на уроки, ввести между учащимися опрятность, приличіе въ отношеніяхъ между собою и къ другимъ лицамъ и вообще улучшить успѣхи и нравственность учащихся; далѣе онъ выясняетъ пользу гимнастики и пѣнія, введенныхъ въ гимназіи въ качествѣ необязательныхъ предметовъ, и приглашаетъ родителей и родственниковъ учащихся заохочивать дѣтей заниматься этими предметами; обращаетъ вниманіе на выборъ квартиръ и респетиторовъ для дѣтей, и наконецъ, въ заключеніе, касается предмета, который хотя и не относится до теперешнихъ воспитанниковъ гимназіи, но который имѣетъ прямое отношеніе къ дѣтямъ, подготовляющимся для поступленія въ гимназію. Г. Яновскій, по поводу открытой, по его совѣту, въ Кишиневѣ, школы по методѣ Фребеля, разъясняетъ пользу устройства такой школы и предлагаетъ воспользоваться ею.

— Въ *Цирк. по Казанск. учебн. окр.* (№ 18) мы нашли извлеченіе изъ отчета г. помощника попечителя округа о переводныхъ и выпускныхъ испытаніяхъ въ обѣихъ Казанскихъ гимназіяхъ въ 1867 г. По отзыву этого отчета, въ общемъ выводѣ о сихъ испытаніяхъ можно сказать, что при одинаковой удовлетворительности въ познаніяхъ учащихся по закону Божію, математикѣ, исторіи и географіи, перевѣсъ въ развитіи собственно классическаго элемента, выражающагося въ остальныхъ предметахъ, находится на сторонѣ воспитанниковъ первой гимназіи. Исключеніе представляетъ только одинъ

французскій языкъ, преподаваніе котораго во 2-й гимназій идеть лучше. Вотъ что замѣчено въ отчетѣ относительно испытанія изъ закона Божія :

Пока учащіяся будутъ обязаны отвѣчать на окончательномъ экзаменѣ изъ всѣхъ четырехъ отдѣловъ преподаванія по закону Божію, ожидать законченныхъ и полныхъ отвѣтовъ изъ каждой части этого предмета будетъ невозможно, потому что какъ экзаменаторы, такъ и экзаменующіеся, справедливо опасаясь отъ передачи отвѣта въ его научной цѣльности и строгой послѣдовательности утомленія и даже невыполненія дѣла, невольно подчиняются вліянію торопливости и довольствуются изложеніемъ даннаго вопроса съ пропусками и скачками. Большая, разумѣется, разница для настроенія вниманія въ одинаковомъ размѣрѣ, быть приготовленнымъ къ выслушанію 16 и 20, или 64 и 80 отвѣтовъ. Къ тому же ни въ одной отрасли гимназическаго курса ученія не встрѣчается столько близкихъ и тѣсныхъ сопряженій между отдѣльными частями, какъ въ законѣ Божіемъ, а это весьма много способствуетъ возможности сосредоточенія въ одномъ вопросѣ какъ указаній на ученіе катихизиса, такъ и сообщеній изъ священной исторіи и ученія о богослуженіи.

Въ № 14 *Цирк. по Казанск. учебн. окр.* помѣщено окончаніе извлеченія изъ отчетовъ по ревизіи обѣихъ Казанскихъ гимназій, произведенной въ 1866 году, которое заключаетъ въ себѣ результаты, полученные ревизіонною комиссіей на испытаніяхъ изъ всеобщей исторіи. Комиссія, между прочимъ, пришла къ заключенію, что большинствомъ учениковъ не усвоена связь между отдѣльными эпохами, и историческія ихъ свѣдѣнія даже относительно отдѣльной извѣстной эпохи не всегда восходятъ на степень цѣльнаго представленія этой эпохи; комиссіи случалось слышать такіе отвѣты, которые показываютъ знакомство отвѣчающаго съ подробностями вопроса, но которые въ то же время обнаруживаютъ сбивчивое пониманіе существенно важныхъ фактовъ въ томъ же вопросѣ. По мнѣнію комиссіи, въ видахъ ослабленія этого недостатка, отъ котораго совершенно освободить гимназій едва-ли возможно, было бы полезно принять слѣдующія мѣры: 1) *Отмѣнить учебникъ Шульгина*, такъ какъ эту книгу, хотя имѣющую несомнѣнныя достоинства, едва-ли можно признать вполне пригоднымъ для гимназистовъ учебникомъ, потому что онъ слишкомъ обширенъ, и факты излагаются въ немъ по предвзятому и обыкновенно впереди фактическаго изложенія помѣщенному воззрѣнію. Изъ всѣхъ имѣющихся у насъ учебниковъ по всеобщей исторіи, по мнѣнію комиссіи, учебникъ г. Иловайскаго наиболѣе имѣетъ право занять мѣсто учебной книги г. Шульгина. 2) *Установить генеральныя репетиціи.* Какъ скоро пройденъ извѣстный отдѣлъ, и преподаватель считаетъ

нужнымъ повторить его, то у учениковъ требовать отчета не по урокамъ только, но и за весь отдѣлъ, и отмѣтки, полученныя ученикомъ по такимъ репетиціямъ, почитать за одно изъ главнѣйшихъ основаній для общей оцѣнки историческихъ знаній ученика при переводѣ его въ другой классъ.

— Въ августовской и сентябрьской книжкахъ нашего журнала напечатаны результаты испытаній учениковъ VII класса гимназій и постороннихъ молодыхъ людей, пожелавшихъ получить свидѣтельства о знаніи полного гимназическаго курса, которыя производились въ текущемъ году въ гимназіяхъ С.-Петербургскаго и Кіевскаго учебныхъ округовъ (*Соврем. Литоп.* стр. 206 и 333). Нынѣ мы получили нижеслѣдующія свидѣнія о результатѣ таковыхъ же испытаній въ гимназіяхъ Московскаго и Харьковскаго учебныхъ округовъ.

по Московскому учебному округу.

а) Относительно учениковъ гимназій.

ВЪ КАКОЙ ГИМНАЗИИ.	Число учениковъ VII класса.	ИЗЪ ТОГО ЧИСЛА.				Изъ числа удостоенныхъ аттестатами, награждены медалями.	
		Удостоены аттестатовъ.	Получили свидѣтельства.	Остались на второй годъ.	По доказанной болѣзни подвергались экзамену въ августъ.	Золотыми.	Серебрян.
Московской 1-й.	18	15	—	3	—	1	5
» 2-й.	23	18	—	5	2	3	—
» 3-й.	30	23 ¹⁾	1	6	—	3	3
» 4-й.	38	29	4	5	—	1	2
» 5-й.	24	21	—	3	—	5	2
Тверской.	17	16	—	1	—	2	1
Владимірской.	17	5	7	5	—	—	—
Рязанской.	18	8	7	3	—	—	1
Тульской.	14	13	—	1	—	1	3
Калужской.	15	14	—	1	—	2	—
Ярославской.	22	17 ²⁾	2	3	1	1	2
Костромской.	16	15	—	1	—	—	1
Смоленской.	30	8	9	13	1	—	—
Всего.	282	202	30	50	4	19	20

¹⁾ Въ числѣ 23-хъ, получившихъ аттестаты, 5 учениковъ окончили курсъ по реальному отдѣленію.

²⁾ Въ числѣ 17-ти, получившихъ аттестаты, 6 учениковъ окончили курсъ по служебному отдѣленію.

б) Относительно постороннихъ молодыхъ людей.

ВЪ КАКОЙ ГИМНАЗИИ.	Изъ числа просившихъ о допущеніи къ экзамену назначено подвергнуться испытанію.	Дѣйствительно явились на экзаменъ.	Изъ числа явившихся:		
			Получили удорительныя свидѣтельства.	Прекратили экзаменъ прежде окончанія его.	
				По болѣзни.	По неусидѣнности.
Московской 1-й	31	22	3	9	10
» 2-й	32	20	8	7	5
» 3-й	32	23	9 ¹⁾	3	11
» 4-й	70	56	18	—	38
» 5-й	55	42	11	—	31
Тверской	5	4	1	—	3
Владимирской	5	5	4	—	1
Рязанской	3	2	2	—	—
Тульской	5	1	—	—	1
Калужской	1	1	—	—	1
Смоленской	3	3	1	—	2
Всего	242	179	57	19	103

Въ Ярославской и Костромской гимназіяхъ изъ постороннихъ молодыхъ людей никто не подвергался испытанію.

¹⁾ Изъ числа 9-ти, получившихъ свидѣтельства, 5 человекъ экзаменовались для поступленія въ Петровскую земледѣльческую и лѣсную академию

По Харьковскому учебному округу.

а) Относительно учениковъ гимназій.

ВЪ КАКОЙ ГИМНАЗИИ.	Число учениковъ VII класса.	Изъ того числа.				Изъ числа удостоенныхъ аттестатовъ награждены медалями.	
		Удостоены аттестатовъ.	Получили свидѣтельства.	Осталось на второй годъ.	Въ держанъ экзамена безъ достаточной причины и выгнаны безъ права кончить курсъ.	Золотыми.	Серебрян.
Харьковской 1-й	18	16	—	2	—	1	2
» 2-й	31	18	—	7	6	2	2
» 3-й	14	14	—	—	—	3	3
Бурской	7	5	—	2	—	—	—
Орловской	15	9	1	5	—	1	—
Воронежской	21	11	6	4	—	2	—
Тамбовской	22	12	—	5	5	3	—
Новгородской	38	20	7	11	—	—	—
Всего	166	105	14	36	11	12	7

б) Относительно постороннихъ молодыхъ людей.

ВЪ КАКОЙ ГИМНАЗИИ.	Изъ числа просившихъ о допущеніи къ экзамену назначено подвѣрнуться испытанію.	Дѣйствительно явилось на экзаменѣ.	Изъ числа явившихся получили свидѣтельства.	
			Удовлетворительныя.	Неудовлетвор., хотя продолжали экзаменъ до конца.
Харьковской 1-й	42	26	7	19
» 2-й	25	23	9	14
» 3-й	46	46	25	21
Орловской	5	5	1	4
Воронежской	2	2	1	1
Тамбовской	2	2	2	—
Новгородской	11	11	6	5
Всего	133	115	51	64

Въ Курской гимназій изъ постороннихъ молодыхъ людей никто не подвергался испытанію.

Изъ помѣщенныхъ выше свѣдѣній оказывается слѣдующее: а) по Московскому учебному округу: изъ 282-хъ учениковъ VII класса гимназій 202 (или 71,6%) удостоены аттестатовъ, и изъ нихъ 39 награждены медалями, а изъ 179 постороннихъ молодыхъ людей, подвергавшихся испытанію въ знаніи полного гимназическаго курса, 57 (или 31,8%) получили удовлетворительныя свидѣтельства; б) по Харьковскому учебному округу: изъ 166 учениковъ VII класса гимназій 105 (или 63,2%) удостоены аттестатовъ, и изъ нихъ 19 награждены медалями, а изъ 115 постороннихъ молодыхъ людей удовлетворительныя свидѣтельства получили 51 (или 44,3%).

— Въ Варшавскомъ учебномъ округѣ, въ теченіе августа и сентября сего года, открыты двѣ гимназій и три прогимназій, а именно: 2-го августа — въ Варшавѣ двѣ смѣшанныя гимназій, мужская и женская, преобразованныя, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 6-го апрѣля сего года, первая изъ 4-й Варшавской мужской прогимназій, а

вторая — изъ четырехклассной женской смѣшанной прогимназіи; 21-го августа — въ Ловичѣ, женская трехклассная прогимназія для польскаго населенія; 26-го августа — въ г. Сѣдльцѣ, русская греко-уніатская женская четырехклассная прогимназія, и 1-го сентября — въ г. Замостьѣ, русская мужская классическая прогимназія для греко-уніатскаго населенія.

НАЧАЛЬНЫЯ НАРОДНЫЯ УЧИЛИЩА.

Мѣры и предположенія земскихъ собраній Орловскаго, Козловскаго, Лебедянскаго, Тираспольскаго, Александрійскаго, Ставропольскаго, Бугурусланскаго, Слободскаго, Макарьевскаго и Ржевскаго. — Дѣятельность училищныхъ совѣтовъ Варнавинскаго, Угличскаго, Чистопольскаго и Саратовскаго. — Сѣзды народныхъ учителей въ Чистополѣ и Иркутскѣ. — Дѣятельность приходскихъ попечительствъ въ епархіяхъ Полтавской и Подольской. — Распоряженія Гродненскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. — Дѣйствія братствъ Кіевскаго Свято-Владимірскаго и Казанскаго святителя Гурія. — Указъ святѣйшаго синода на имя епископа Вологодскаго.

Орловское земство обратило вниманіе на дѣло народнаго образованія съ самаго начала открытія своихъ дѣйствій. Еще въ первый созывъ, губернское земское собраніе поручило своей управѣ представить докладъ о томъ, что можно сдѣлать на первое время въ пользу народнаго образованія въ губерніи и съ этою цѣлію войти въ подробное разсмотрѣніе настоящаго положенія грамотности у крестьянъ государственныхъ и бывшихъ удѣльныхъ. Исполняя это порученіе, губернская управа отнеслась въ іюлѣ прошлаго года въ уѣздныя земскія управы, въ палату государственныхъ имуществъ и въ удѣльную контору о доставленіи необходимыхъ свѣдѣній, и вмѣстѣ съ тѣмъ просила присовокупить свои соображенія по этому важному предмету. Результатомъ этихъ сношеній были нижеслѣдующія свѣдѣнія, напечатанныя въ №№ 69—70 *Всеобщей Газеты*. Представляемъ ихъ здѣсь въ извлеченіи.

По вѣдомству государственныхъ имуществъ на 222.620 ревизскихъ душъ имѣется 96 мужскихъ и 10 женскихъ школъ; въ нихъ учащихся мальчиковъ 6.312, дѣвочекъ 541, наставниковъ и наставницъ 132. Сборъ на этотъ предметъ съ государственныхъ крестьянъ, прекратившійся съ 1867 года, въ прошломъ 1866 году простирался до 10 коп. съ души, всего на сумму 21.336 руб. Кромѣ этихъ училищъ открыты при нѣкоторыхъ церквахъ мѣстнымъ духовенствомъ безмездныя школы, въ числѣ 50.

По удѣльному вѣдомству на 36.218 ревизскихъ душъ имѣется сельскихъ училищъ 10, въ нихъ учащихся мальчиковъ 381, наставниковъ 19; сверхъ того частныхъ и приходскихъ школъ 46; въ нихъ обучающихся 438 мальчиковъ и 360 дѣвочекъ. Средство содержанія этихъ школъ — общественный сборъ съ удѣльныхъ крестьянъ уравнительно по каждой волости, простирающійся до 17 $\frac{1}{2}$ коп., всего на сумму 6.238 руб. въ годъ; изъ этой суммы $\frac{2}{5}$ отчисляются на содержаніе десяти сельскихъ училищъ, а $\frac{3}{5}$ на вспомошествованіе приходскимъ и частнымъ школамъ.

По вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ школы содержатся на счетъ самихъ учащихся и только нѣкоторые получаютъ незначительныя пожертвованія отъ частныхъ лицъ и обществъ.

Отношеніе числа учащихся къ количеству населенія представляется въ слѣдующемъ видѣ: по вѣдомству государственныхъ имуществъ — мужскаго пола какъ 1 къ 35, женскаго какъ 1 къ 411; обученіе каждаго учащагося стоило обществу въ годъ около 3 $\frac{1}{4}$ руб.; по удѣльному вѣдомству — мужскаго пола какъ 1 къ 46, женскаго какъ 1 къ 120; ученіе каждаго обходилось въ годъ болѣе 5 $\frac{1}{2}$ руб.; по вѣдомству крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, за неимѣніемъ данныхъ, ни число учащихся, ни отношеніе ихъ къ числу населенія, ни расходъ на содержаніе не опредѣлены.

Училища вѣдомства государственныхъ имуществъ снабжены въ достаточномъ количествѣ книгами и другими учебными пособиями: изъ нихъ 20 помѣщаются въ общественныхъ домахъ и 80 въ наемныхъ. На содержаніе каждаго училища ассигнуется 246 р. 50 к., а въ тѣхъ училищахъ, въ которыхъ не полагается помощниковъ учителю, 171 р. Училища и приходскія школы удѣльнаго вѣдомства имѣютъ достаточныя средства къ своему существованію. Школы крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, за самымъ малымъ исключеніемъ, не имѣютъ никакихъ учебныхъ пособій и находятся въ крайне неудовлетворительномъ положеніи. Преподавателями во всѣхъ вѣдомствахъ состоятъ преимущественно церковно-служители и находящіеся на кондичіяхъ семинаристы.

Въ отзывахъ, представленныхъ пока только нѣкоторыми земскими управами, высказаны слѣдующія мнѣнія: *Карачевская* управа сообщила, что за исключеніемъ пяти школъ по вѣдомству государственныхъ имуществъ и одной частной школы, содержимой помѣщикомъ Кирѣевскимъ, всѣ остальные находятся въ самомъ печальномъ положеніи, и вмѣсто пользы, приносятъ одинъ вредъ. Причину этого при-

скорбнаго явленія Карачевская управа видитъ въ отсутствіи надлежащаго контроля и въ недостаткѣ матеріальныхъ средствъ и наставниковъ. Изъ числа 67 сельскихъ священниковъ, только трое приняли на себя безвозмездное обученіе и четверо съ жалованьемъ отъ 50 до 100 р., прочіе же требуютъ отъ крестьянъ бѣльшаго вознагражденія. Вслѣдствіе этого, Карачевская управа считаетъ необходимымъ для устройства училищъ составить капиталъ изъ общественнаго сбора или позаимствовать потребную для этого сумму изъ другихъ источниковъ земства, безъ чего народное образованіе не подвинется впередъ.

Ливиская управа нашла, что школы грамотности годъ отъ году болѣе закрываются, не отъ недостатка средствъ, а отъ недостатка учителей; для устраненія этого затрудненія, она считаетъ необходимымъ учредить на счетъ земства особую школу, въ которую бы поступали хорошо окончившіе ученіе въ волостныхъ училищахъ, съ тѣмъ чтобы по полученіи высшаго безвозмезднаго образованія въ земской школѣ, они обязывались прослужить извѣстный срокъ учителями въ общественныхъ школахъ, за опредѣленное жалованье.

По сообщенію *Сысской* управы, школы временно-обязанныхъ крестьянъ находятся въ крайне неудовлетворительномъ положеніи и по недостатку средствъ и по отсутствію надъ ними надлежащаго надзора, такъ какъ надзоръ безграмотныхъ волостныхъ начальниковъ не приноситъ никакой пользы. Школы въ удѣльныхъ имѣніяхъ находятся въ лучшемъ положеніи, но со времени выхода ихъ изъ удѣльнаго вѣдомства, онѣ все болѣе и болѣе упадаютъ въ своемъ благосостояніи. Школы же государственныхъ крестьянъ, не смотря на средства, которыми онѣ располагаютъ, ничѣмъ не отличаются отъ школъ другихъ вѣдомствъ, вслѣдствіе той же причины, то-есть, недостаточнаго надзора, а потому управа считаетъ необходимымъ установить за школами правильный надзоръ и оказать хоть незначительное пособіе существующимъ школамъ, дабы онѣ могли имѣть у себя такихъ преподавателей, которые бы сколько-нибудь удовлетворяли своему назначенію.

Кромская управа относить неудовлетворительность существующихъ нѣнѣ школъ къ дурной ихъ организаціи, и въ доказательство указываетъ на тотъ фактъ, что временно-обязанные крестьяне расходуютъ на свое образованіе вчетверо менѣе, чѣмъ государственные, а между тѣмъ незамѣтно, чтобы степень образованія крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, была пропорціонально ниже, чѣмъ у кре-

стьянъ государственныхъ. Эта непроизводительная затрата денегъ и была одною изъ главныхъ причинъ замѣчаемаго въ крестьянахъ равнодушія къ устройству школъ. Кромская управа указываетъ также на потребность устройства женскихъ школъ, существующихъ пока только у государственныхъ крестьянъ; здѣсь число учащихся дѣвочекъ по отношенію къ мальчикамъ выражается какъ 1 къ 28.

Наконецъ, *Трубчевская* управа высказала, что причина нежеланія крестьянъ отдавать дѣтей въ школы заключается въ ихъ бѣдности и семейныхъ дѣлежахъ, ставящихъ ихъ въ такое положеніе, въ которомъ родителямъ нельзя обойтись безъ помощи дѣтей, а *Малоархангельская* заявляетъ о необходимости сдѣлать отдачу дѣтей въ школы обязательною для крестьянъ.

Орловской губернской земской управѣ было предъявлено извѣстное нашимъ читателямъ письмо оберъ-прокурора святѣйшаго синода къ предсѣдателямъ управъ, отъ 5-го марта 1866 года, объ оказаніи со стороны земства пособія церковно-приходскимъ школамъ, и приложенная при письмѣ книга „Начальныя народныя училища“, въ которой изложены свѣдѣнія о состояніи церковно-приходскихъ школъ и представлены заявленія духовенства разныхъ епархій, въ томъ числѣ и Орловскаго, относительно средствъ улучшить и упрочить состояніе упомянутыхъ школъ.

Прислуная къ составленію предположеній объ устройствѣ начальнаго народнаго образованія въ Орловской губерніи, губернская земская управа нашла, что необходимо сдѣлать безотлагательное распоряженіе о сохраненіи существующихъ сельскихъ училищъ по вѣдомству государственныхъ имуществъ, такъ какъ общественный сборъ, на счетъ котораго училища эти содержались доселѣ, съ 1867 года долженъ былъ прекратиться; но вслѣдствіе нынѣшняго стѣсненнаго положенія всѣхъ классовъ земства, увеличеніе налоговъ на училища не смотря на всю экономію въ расходахъ, можетъ возбудить въ народѣ неудовольствіе и недовѣріе къ земскимъ учрежденіямъ. Управа нашла также, что причина плохаго состоянія вообще сельскихъ школъ заключается въ отсутствіи правильнаго надзора и руководства, а по вѣдомству крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, кромѣ того, въ недостаточности матеріальныхъ средствъ. Впрочемъ, первое обстоятельство устраняется открытіемъ училищныхъ совѣтовъ; что же касается матеріальныхъ средствъ, то представляется необходимымъ подчинить крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, одинаковымъ пожертвованіямъ съ крестьянами прочихъ вѣдомствъ. Управа

находить далѣе, что не численность школъ, а благоустройство ихъ поведетъ къ достиженію цѣли ихъ учрежденія; что содержаніе одного сельскаго училища, при постоянно возрастающихъ цѣнахъ на всѣ предметы первой потребности, обойдется нынѣ обществу не менѣе 280 рублей; что населеніе въ различныхъ волостяхъ распредѣлено неравномѣрно, колеблясь между 700 и 5.000 ревизскихъ душъ. Все это приводитъ къ необходимости соображать размѣръ училищъ и сборъ на содержаніе ихъ съ дѣйствительными потребностями и средствами. Что же касается ходатайства духовнаго начальства относительно обезпеченія содержанія открытыхъ священно-служителями Орловской епархіи 888 школъ, то не входя въ обсужденіе степени достовѣрности свѣдѣній, заключающихся въ книгѣ „Начальныя народныя училища“, и не разсуждая ни о пользѣ, приносимой церковно-приходскими школами, ни о примѣнимости началъ, полагаемыхъ въ нихъ въ основаніе народнаго образованія, управа считаетъ нужнымъ заявить, что не смотря на благую цѣль духовенства, не представляется возможности обезпечить устройство и содержаніе приходскихъ школъ въ предпологаемыхъ духовенствомъ количествахъ и размѣрахъ, потому что для этого потребуются такой значительный сборъ съ прихожанъ, какой, при всей ихъ готовности, будетъ имъ не по силамъ. Еще менѣе возможно обратить въ общую земскую повинность потребный на содержаніе 888 школъ расходъ, который, по приблизительному разчету, долженъ простираться для Орловской губерніи свыше 100.000 рублей.

Желая, на основаніи приведенныхъ соображеній, придти къ правильнымъ заключеніямъ, Орловская губернская управа бросаетъ взглядъ на бытовыя условія крестьянъ. При разсмотрѣніи вопроса о распространеніи въ народѣ грамотности, разсуждаетъ она, упускаютъ изъ вида, что грамотность принесетъ тогда только существенную пользу въ крестьянскомъ быту, когда она будетъ успѣвать пропорціонально развитію ихъ вещественнаго благосостоянія, и что желаніе воспользоваться предлагаемыми средствами къ обученію дѣтей грамотѣ пробудится въ крестьянахъ не иначе, какъ вслѣдствіе убѣжденія въ дѣйствительной пользѣ грамотности для учащихся и ихъ семействъ; въ противномъ случаѣ, они не захотятъ жертвовать отвлеченной пользѣ существенною пользою, приносимую дѣтьми съ ранняго возраста ихъ быту. Букварная грамотность, преподаваемая въ безмездныхъ и вообще въ безконтрольныхъ деревенскихъ школахъ, нисколько не облегчаетъ земледѣльцу средствъ къ выходу изъ его суроваго образа жизни: она только охлаждаетъ въ дѣтяхъ привязанность къ домашнему хо-

злѣйству и пробуждаетъ въ нихъ наклонность къ празднои и разгульной жизни. Принудительныя мѣры къ отдачѣ крестьянскихъ дѣтей въ школы не будутъ соответствовать ни положенію крестьянъ, ни степени заботливости родителей о просвѣщеніи дѣтей. Одна часть крестьянъ, по мѣрѣ возрастанія благосостоянія, сознаетъ необходимость не только букварной грамотности, но и болѣе основательнаго изученія тѣхъ отраслей науки, которыя относятся къ предметамъ ихъ занятій и нуждъ; другая же часть, при крайней ограниченности средствъ, будетъ сосредоточивать все свое вниманіе на обеспеченіи семейныхъ нуждъ, не имѣя возможности довести дѣтей своихъ до той степени образованія, которая могла бы имѣть полезное практическое примѣненіе. Для первой категоріи крестьянъ нужно только содѣйствіе къ осуществленію ихъ желанія видѣть дѣтей грамотными, тогда какъ всѣ усилія къ распространенію грамотности между послѣднею категоріею крестьянъ останутся безплодными. Это неизбѣжно даже въ томъ случаѣ, если бы школы были учреждены въ каждомъ приходѣ, вслѣдствіе разбросанности приходскаго населенія на нѣсколько верстъ, при чемъ крестьяне не могутъ по бѣдности ни какъ слѣдуетъ одѣвать своихъ дѣтей въ холодное время, ни содержать ихъ на квартирахъ вблизи школъ. Управа обращаетъ также вниманіе на то обстоятельство, что если учрежденіе и содержаніе училищъ будетъ предоставлено собственному попеченію крестьянъ, то несомнѣнно, что при нынѣшнемъ понятіи крестьянъ о дѣлѣ грамотности, составившемся частію и вслѣдствіе неправильнаго пути, какимъ ведено было доселѣ народное образованіе, не только вновь не будетъ учреждено школъ, но и существующія школы, за небольшимъ исключеніемъ, закроются, и крестьяне будутъ лишены возможности имѣть въ своей средѣ людей грамотныхъ.

Выводя изъ вышеизложенныхъ соображеній предположеніе, что въ настоящее время только нѣкоторые изъ зажиточныхъ крестьянъ и водворившихся въ селеніяхъ дворовыхъ людей желаютъ обучать дѣтей своихъ грамотѣ, управа думаетъ, что было бы достаточно учредить въ каждой волости съ населеніемъ свыше 2.000 душъ по два училища — одному мужскому и одному женскому, а въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ населеніе менѣе двухъ тысячъ, по одному мужскому училищу, съ тѣмъ чтобы содержаніе этихъ училищъ обезпечивалось мѣрскимъ сборомъ въ предѣлахъ каждой волости, какъ это уже введено по распоряженію высшаго управленія по удѣльному вѣдомству, при чемъ не воспрещать сельскимъ обществамъ, независимо отъ волостныхъ учи-

лицъ, на основаніи Положенія 19-го февраля, учреждать, съ разрѣшенія училищнаго совѣта, на свой счетъ особыя школы.

Основанія, на которыхъ, по мнѣнію губернской управы, предположенія эти могутъ быть приведены въ исполненіе, заключаются въ слѣдующемъ:

1) Волостнымъ начальствамъ, каждому въ предѣлахъ его волости, вмѣнить въ обязанность немедленно предложить мѣрскимъ сходкамъ — сдѣлать добровольный сборъ на устройство и содержаніе въ каждой волости по одному или по два училища, соотвѣтственно размѣрамъ населенія волости. 2) Определеніе размѣра училищъ, количества сбора и способа его взиманія, а также избраніе попечителей для завѣдыванія хозяйственною частію по устройству и содержанію училищъ, согласно 11 и 12 ст. Положенія о народныхъ училищахъ, предоставить мѣрскимъ волостнымъ сходкамъ, подъ руководствомъ мировыхъ посредниковъ. 3) Такъ какъ сосредоточеніе въ вѣдѣніи приходскаго духовенства, какъ преподаванія, такъ равно и матеріальнаго благосостоянія училищъ, требуемое нѣкоторыми епархіальными начальствами, представляетъ неудобство вслѣдствіе невозможности для священниковъ располагать даже и тѣмъ свободнымъ временемъ, которое остается отъ служебныхъ обязанностей, соединенныхъ съ ихъ саномъ, а причетники не всегда могутъ удовлетворять тѣмъ условіямъ, какія требуются отъ наставниковъ, къ тому же одностороннее направленіе понятій юношества (?) въ послѣдствіи можетъ неблагопріятно отразиться въ стрѣй гражданской жизни, — то, примѣняясь къ ст. 15 и 16 Положенія о народныхъ училищахъ, возложить на приходскихъ священниковъ наблюденіе за религіозно-нравственнымъ образованіемъ и преподаваніе закона Божія, за извѣстное вознагражденіе; обученіе же прочимъ предметамъ предоставить лицамъ разныхъ званій, не исключая и духовнаго, если они получаютъ на то разрѣшеніе отъ училищнаго совѣта. 4) Для пріобрѣтенія собственныхъ средствъ къ послѣдовательному развитію, волостныя сельскія училища должны мало по малу скоплять запасный капиталъ, на предметъ увеличенія даннаго имъ въ началѣ размѣра или на устройство при нихъ мастерскихъ школъ. Начальное основаніе училищнаго капитала можетъ быть положено сборомъ съ cadaго ученика по 2 руб. и съ каждой ученицы по 1 руб. въ годъ и определеніемъ, исключительно на этотъ предметъ, штрафныхъ суммъ, взыскиваемыхъ съ виновныхъ по приговорамъ мировыхъ посредниковъ или волостныхъ начальствъ. 5) Избранныхъ отъ земства членовъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ про-

силь, чтобъ они, независимо отъ представленія отчета уѣздными совѣтами губернскому училищному совѣту, доставляли чрезъ каждые три мѣсяца въ губернскую управу свѣдѣнія о положеніи сельскихъ училищъ, дабы управа имѣла возможность заблаговременно принять мѣры къ устраненію неблагопріятныхъ обстоятельствъ посредствомъ ходатайства или вспомошествованія средствами, находящимися въ ея распоряженіи. 6) Что же касается до способа приготовленія учителей для сельскихъ народныхъ училищъ, то этотъ вопросъ предложить на обсужденіе губернскаго училищнаго совѣта.

Изъ Тамбовской губерніи пишутъ въ газету *Голосъ* (№ 299), что *Козловское* земство рѣшило завести школы въ каждомъ селѣ. Корреспондентъ считаетъ это дѣло тѣмъ болѣе прочнымъ, что починъ его вышелъ изъ среды крестьянъ, которые живо поддерживали его въ послѣднемъ собраніи. Рѣшено, что школы будутъ возможно чаще ревизоваться мировыми посредниками и гласными, съ цѣлью не дать заглухнуть дѣлу грамотности. За матеріальными средствами дѣло, по увѣренію корреспондента, не станетъ, потому что потребность въ грамотности и грамотникахъ хорошо понята и прочувствована народомъ. До сихъ поръ грамотность существовала тамъ только въ видѣ исключенія и монополіи, и вмѣсто пользы, приносила вредъ. Разные писаря, цѣловальники, конторщики въ большихъ помѣщичьихъ имѣньяхъ и проч. — тяжелое бремя для неграмотнаго народа.

Корреспондентъ газеты *Москва* (№ 168), сообщая о закрытіи въ *Лебедянскомъ* уѣздѣ (Тамбовской губерніи) 11 училищъ, содержимыхъ на особыя суммы министерства государственныхъ имуществъ, выдача которыхъ въ настоящее время прекратилась, упоминаетъ объ учрежденіи въ замѣнъ того трехъ училищъ, съ назначеніемъ отъ общества полнаго для нихъ содержанія. Школы эти явились вслѣдствіе мѣры, принятой очереднымъ земскимъ собраніемъ къ развитію народнаго образованія въ уѣздѣ въ 1866 году, посредствомъ особо приглашенныхъ попечителей. Мѣстный училищный совѣтъ, въ виду поступившихъ отъ нѣкоторыхъ старостъ и старшинъ заявленій о томъ, что крестьяне тогда только откроютъ училища, когда будетъ сдѣлано по этому предмету официальное распоряженіе, постановилъ: представить высшему правительству, не признаетъ ли оно возможнымъ и полезнымъ сдѣлать о томъ свое указаніе, съ тѣмъ чтобы обязательное назначеніе къ обученію мальчиковъ дѣлалось волостными и сельскими сходами изъ тѣхъ семей, отдѣленіе отъ которыхъ одного мальчика или двухъ не можетъ составить для домохозяина какою-либо по-

тери, наблюденіе же за этимъ дѣломъ поручить мировымъ посредникамъ.

Въ *Тираспольскомъ* (Херсонской губерніи) земскомъ собраніи, въ засѣданіи 27-го прошлаго сентября, былъ читанъ докладъ особой комиссіи по народнымъ школамъ, изъ котораго въ *Одесскомъ Вѣстникѣ* (№ 227) извлечены нижеслѣдующія данныя.

Въ 1865 году земское собраніе постановило: выдавать ежегодно училищному совѣту 1.200 р., изъ которыхъ онъ долженъ былъ поддерживать существованіе народныхъ школъ, оказывать пособія учителямъ, и проч. Но училищный совѣтъ нашелъ эти средства недостаточными и потому, не приступая къ исполненію задачи, указанной земскимъ собраніемъ, ограничился ежегодною тратою 200 р. на покупку книгъ и другихъ школьныхъ принадлежностей. Такимъ образомъ, составила сумма въ 2.000 р., которая, если присоединить къ ней слѣдующіе на нынѣшній годъ 1.200 р., будетъ составлять 3.200 р.

Комиссія, при обсужденіи мѣръ къ улучшенію народныхъ школъ и для образованія народныхъ учителей, выслушала нѣсколько мнѣній по этому вопросу. Между прочимъ, ею было разсмотрѣно мнѣніе гласнаго Базили объ устройствѣ въ Одессѣ школы при фермѣ общества сельскаго хозяйства, для образованія народныхъ учителей. Комиссія, одобривъ въ принципѣ проектъ г. Базили, нашла его, однакожь, неудобноисполнимымъ по недостатку денежныхъ средствъ. Съ своей стороны, Тираспольская земская управа предложила двѣ слѣдующія мѣры: во первыхъ, обратиться въ епархіальному начальству, въ распоряженіи котораго находится достаточное число молодыхъ семинаристовъ, желающихъ занять должности народныхъ учителей, съ тѣмъ чтобы назначить имъ жалованье въ 250 р., изъ которыхъ 100 р. выдавались бы отъ земства, а остальные отъ сельскихъ обществъ; во вторыхъ, избрать нѣсколько мальчиковъ отъ сельскихъ обществъ и отдавать ихъ въ уѣздное училище, гдѣ они учились бы подъ надзоромъ училищнаго совѣта и управы, и затѣмъ посылать ихъ въ педагогическое отдѣленіе при Одесскомъ уѣздномъ училищѣ, съ выдачей ежегодной стипендіи по 100 р. По окончаніи ученія, воспитанники эти должны поступать на должность учителей народныхъ школъ съ жалованьемъ въ 150 рублей и съ обязательствомъ прослужить 4 года. При этомъ предполагалось ходатайствовать о дарованіи подобнымъ учителямъ нѣкоторыхъ льготъ, какъ-то: освобожденіе отъ подушной подати, отъ рекрутской повинности и т. п. Но ни то, ни другое предположеніе земской управы комиссіею принято не было.

Между тѣмъ положеніе народныхъ школъ въ Тираспольскомъ уѣздѣ весьма неудовлетворительно, что засвидѣтельствовано и гласными въ собраніи. Учителя плохи, и все образованіе въ школахъ состоитъ въ томъ, что мальчики научаются кое-какъ читать и писать. Имѣя это въ виду, комиссія постановила: назначенные земствомъ 1.200 руб. распредѣлить между всѣми существующими школами. Противъ такого постановленія комиссіи возражалъ одинъ изъ членовъ ея, г. Жеребко. По его мнѣнію, назначенные комиссіею 1.200 р. не принесутъ ожидаемой пользы, по недостаточности этихъ денегъ на существующія школы; поэтому лучше имѣть 10 хорошихъ школъ, нежели большее число плохихъ. Не смотря на это, земское собраніе приняло предложеніе комиссіи по большинству голосовъ; вопросъ о народныхъ школахъ въ своихъ подробностяхъ не былъ, впрочемъ, рѣшенъ собраніемъ окончательно.

Въ томъ же засѣданіи собранія, заштатный городъ Дубосары заявилъ, что на собственныя средства онъ не можетъ учредить школу и проситъ пособія отъ земства.

Авторъ статьи, изъ которой мы заимствовали эти свѣдѣнія, упоминаетъ объ одномъ доходѣ земства, пользованіе которымъ уѣздное земское собраніе въ 1866 году предоставило народнымъ школамъ: это штрафъ по 3 р. въ сутки съ тѣхъ гласныхъ, которые не явятся въ собраніе, не представивъ на то уважительныхъ причинъ. Штрафовъ этихъ накопилось въ настоящее время 273 рублей.

Вотъ еще нѣсколько свѣдѣній о дѣятельности земскихъ собраній въ пользу народнаго образованія:

Александрійское земское собраніе (Херсон. губ.) назначило на этотъ предметъ 3.000 р.

Богодуловское (Харьков. г.) земство приняло въ свое завѣдываніе школы бывшихъ казенныхъ крестьянъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ управою въ 1866 г., какъ значится въ *Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* (см. *Всеобщ. Газ.* № 75), всего въ уѣздѣ было 28 школъ, съ 921 ученикомъ. Всего въ уѣздѣ числится 207 населенныхъ мѣстностей и изъ нихъ 182 не имѣютъ ни одной школы; слѣдовательно, одна школа приходится на 7 слишкомъ поселеній. Далѣе, оказывается, что изъ 660 лицъ духовнаго званія только 35 занимаются преподаваніемъ.

Ставропольское (Самарской губ.) земское собраніе ассигновало въ прошломъ году 10.000 р. на потребности народнаго образованія;

въ нынѣшнемъ же году, собравъ свои средства, ограничилось назначеніемъ на этотъ предметъ 3.000 рублей.

Бугурусланское (той же губерніи) земское собраніе, въ одномъ изъ засѣданій своихъ, происходившихъ въ прошломъ ноябрѣ мѣсяцѣ и описанныхъ въ *Самарскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* (№ 20), по выслушаніи записки гласнаго, священника В. Умова, о назначеніи стипендіатовъ отъ земства при Самарской духовной семинаріи изъ воспитанниковъ этого заведенія, съ тѣмъ чтобъ они прослужили, по окончаніи курса наукъ, въ земскихъ школахъ столько лѣтъ, сколько содержались на средства земства въ семинаріи, постановило большинствомъ: имѣть 2-хъ стипендіатовъ отъ Бугурусланскаго земства въ семинаріи, съ отпускомъ на каждого по 100 рублей. Въ томъ же собраніи, другой гласный, священникъ Д. Смѣльскій, заявилъ собранію, что открытыя уѣзднымъ духовенствомъ церковно-приходскія школы крайне нуждаются въ средствахъ помѣщенія, въ учебныхъ пособіяхъ и въ поощреніи наставниковъ, трудящихся въ сихъ школахъ безмездно, но съ успѣхомъ, чему доказательствомъ служитъ то, что нѣкоторые изъ нихъ, за усердіе къ дѣлу народнаго образованія, удостоены денежныхъ наградъ отъ губернскаго училищнаго совѣта, по ходатайству производившаго ревизію училищъ въ 1866 году председателя Бугурусланскаго училищнаго совѣта. Собраніе единогласно признало необходимымъ оказать пособіе означеннымъ школамъ, и въ видѣ опыта, назначило 1.000 р., предоставивъ училищному совѣту распределить эту сумму по своему усмотрѣнію на церковно-приходскія школы въ уѣздѣ. Обѣ упомянутыя суммы внесены собраніемъ въ смѣту расходовъ на 1868 годъ.

Слободское (Вятской губ.) земство приняло на свой счетъ содержаніе 18-ти существующихъ уже приходскихъ училищъ, при чемъ оно измѣнило предположенія управы, увеличивъ расходъ на этотъ предметъ съ 4.779 р. до 5.139 р. Главная прибавка при этомъ состоитъ въ увеличеніи жалованья наставникамъ (съ 75 р. до 120 р. въ годъ).

Макарьевское (Костромской губ.) земское собраніе, опредѣливъ, по свидѣтельству корреспондента *Современнаго Листка* (№ 93), особую сумму на поддержаніе грамотности въ крестьянскомъ населеніи, возложило заботу по сему предмету, между прочимъ, на мѣстное духовенство, которому ввѣрило и самое дѣло обученія. Плата учителямъ опредѣлена отъ 3 до 5 рублей за каждого хорошо обученнаго мальчика.

Корреспонденція *Современнаго Листка*, изъ которой мы взяли

приведенное свѣдѣніе, представляеть, между прочимъ, любопытный образчикъ того, какъ иногда крестьяне наши смотрятъ на потребности своего образованія. Когда постановленіе земства было сообщено крестьянамъ села Мамонтова, то послѣ нѣсколькихъ проволочекъ, они собрались на мірской сходъ. „Откуда земство возьметъ денегъ на обученіе дѣтей грамотѣ?“ спросили крестьяне. На это старшина объявилъ имъ, что деньги уже собираются съ нихъ въ числѣ прочихъ повинностей. „Ну, если деньги собираются, ничего невидя, возразили крестьяне, то-есть, не зная, будемъ ли мы еще согласны устроить у себя училище, то что же будетъ, если многіе пожелаютъ отдавать дѣтей своихъ на обученіе духовенству? Тогда и расходы на школы и подати съ насъ увеличатся, а вѣдь не всякій изъ насъ желаетъ обучать дѣтей своихъ грамотѣ. За что же всё-то мы должны будемъ окунать эти расходы? Кто хочетъ, да имѣетъ достатокъ, тотъ и безъ нашей помощи обучитъ дѣтей своихъ грамотѣ и денегъ на то не пожалѣетъ. А кому не нужно это обученіе, такъ тотъ и въ даровое училище не пошлетъ дѣтей“. Такимъ образомъ, устройство училища въ селѣ Мамонтовѣ не состоялось, и постановленіе мірскаго схода въ этомъ смыслѣ было препровождено въ земскую управу.

Въ заключеніе настоящаго обзорѣнія дѣятельности земскихъ собраний въ пользу народнаго образованія, обращаемъ вниманіе читателей на слѣдующее постановленіе *Ржевскаго* (Тверской губ.) земскаго собранія (*Русск. Инвалидъ* № 317): „Въ изъявленіе вѣрнооданническихъ чувствъ Ржевскаго земства, собраніе это назначило выдать, въ началѣ будущаго академическаго года, 1.000 р. на пять стипендій по жребію мальчикамъ всѣхъ сословій, обучающимся въ народныхъ школахъ, содержимыхъ на земскій сборъ, и оказавшимъ способности въ наукахъ, для того чтобы дать имъ въ послѣдствіи времени средства окончить курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Стипендіи эти именовать Александровскими - земскими, въ память избавленія Государя Императора отъ опасности, грозившей отъ руки убійцы 25-го мая сего года въ Парижѣ, повергнувъ предварительно просьбу о семь къ стопамъ Его Величества“.

Отъ дѣятельности земскихъ собраний на пользу народнаго образованія перейдемъ къ обзорѣнію дѣйствій и отчетовъ училищныхъ совѣтовъ.

— Въ *Костромскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 30) напечатанъ отчетъ г. Щенетильникова объ осмотрѣ народныхъ училищъ, состоящихъ въ вѣдѣніи *Варнавинскаго* уѣзднаго училищнаго совѣта.

Изъ отчета этого оказывается, что вообще осматрѣнныя училища находятся въ удовлетворительномъ положеніи. Нѣкоторые факты, относящіеся до этихъ училищъ, обращаютъ на себя особенное вниманіе. Такъ, законоучитель школы, находящейся въ селѣ Лапшагѣ, священникъ Кротковъ, даетъ ей отъ себя готовое помѣщеніе, весьма удобное, не требуя за то никакого вознагражденія. Училище открыто лишь въ январѣ настоящаго года, а между тѣмъ, ко времени осмотра, происходившаго въ маѣ мѣсяцѣ, учащихся въ немъ было 46, что доказываетъ, по словамъ отчета, явную потребность грамотности и довѣрія къ училищу сельскаго общества.

Учитель Шудскаго училища, г. Соколовъ, занимается съ учениками по воскресеньямъ въ вакаціонное время. Въ отчетѣ выражено только сожалѣніе, что Шудское волостное правленіе мало сочувствуетъ интересамъ училища и остается равнодушнымъ къ заявленіямъ наставниковъ. Это равнодушіе, между прочимъ, было причиною, что училищный совѣтъ постановилъ закрыть существовавшую въ с. Шудѣ женскую школу, съ тѣмъ впрочемъ, чтобы въ замѣнъ ея открыть такую же школу въ с. Благовѣщенскомъ, когда изысканы будутъ необходимыя для того средства.

Въ с. Черномъ, наставнику священнику Лампову предложено было сообщать ученикамъ свѣдѣнія о столярномъ производствѣ, съ которымъ о. Ламповъ знакомъ, и онъ изъявилъ на то согласіе.

Въ Тонкинскомъ училищѣ г. Щепетильниковъ встрѣтилъ, какъ онъ выражается, „единственнаго преподавателя, съ отличнымъ педагогическимъ тактомъ, съ полною любовью посвятившаго себя дѣтямъ и заслужившаго уваженіе въ сельскомъ обществѣ, которое замкнуто въ грубую оболочку раскола“. При испытаніи, въ училищѣ этомъ находилось 30 учениковъ.

Говоря въ заключеніе своего отчета объ удовлетворительномъ состояніи осматрѣнныхъ училищъ, г. Щепетильниковъ прибавляетъ, что образовательное значеніе этихъ училищъ было бы гораздо болѣе, если бы волостныя правленія сочувствовали интересамъ училищъ и не встрѣчалось со стороны нѣкоторыхъ изъ нихъ противофѣйствій. Педагогическій уровень въ нихъ стоялъ бы также выше, если бы въ каждомъ училищѣ введены были однообразные учебники и потребное ихъ количество; разнообразіе и недостатокъ учебниковъ были препятствіями въ занятіяхъ, а слѣдовательно, задерживали, по отзывамъ наставниковъ, и успѣхи учащихся. Г. Щепетильниковъ обращаетъ на эти препятствія вниманіе училищнаго совѣта.

Въ одномъ изъ засѣданій того же совѣта былъ возбужденъ вопросъ о двухклассномъ ремесленномъ училищѣ, предполагаемомъ къ открытію въ с. Уренѣ на счетъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія. Министерство предложило для открытія этого училища слѣдующія условія: сельская община должна пожертвовать изъ общественнаго надѣла потребное количество усадебной земли для помѣщенія училища, и принять на себя ежегодный расходъ на отопленіе, освѣщеніе и ремонтъ училищнаго дома, а если возможно, то и постройку самаго дома. Начало этого дѣла, по порученію министерства, уже было положено мировымъ посредникомъ г. Поливановымъ: по его убѣжденію, сельское общество согласилось на покупку лѣснаго матеріала для производства работъ и на ежегодный расходъ по отопленію, освѣщенію и ремонту. Но переводъ г. Поливанова въ другой участокъ приостановилъ дальнѣйшій ходъ этого дѣла, и потому совѣтъ обратился къ г. предсѣдателю съ просьбою принять это дѣло въ собственное его завѣдываніе.

Училищный совѣтъ выражаетъ надежду, что образованіе значительнаго капитала, изъ котораго содержатся вновь открытыя въ Варнавинскомъ уѣздѣ училища и который составился изъ пожертвованій сельскихъ обществъ, по предположенію г. предсѣдателя, дастъ возможность въ скоромъ времени устроить въ с. Уренѣ училищный домъ, а затѣмъ открыть и самое училище.

Ярославскія Губернскія Вѣдомости (№№ 44 и 45) сообщаютъ отчетъ о первоначальныхъ училищахъ города Углича и Угличскаго уѣзда, состоящихъ въ вѣдѣніи Угличскаго училищнаго совѣта, съ 1-го августа 1866 года по 1-е августа 1867 года. Изъ этого отчета видно, что при нѣкоторыхъ отрядныхъ явленіяхъ въ ходѣ народнаго образованія въ упомянутой мѣстности, осталось еще не мало рутинны; преподаваніе не вездѣ производится сообразно съ выработанными педагогическими приемами; оттого и успѣхи учениковъ по мѣстамъ неудовлетворительны. Предсѣдатель училищнаго совѣта, осматривавшій училища, свидѣтельствуетъ, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ ученики читаютъ по верхамъ и безъ пониманія прочитаннаго. Училища эти содержатся по преимуществу дьячками. Какъ исключеніе, г. предсѣдатель указываетъ на училище, содержимое дьячихою Тихомировою на собственный счетъ. Въ этомъ училищѣ состояло мальчиковъ 29, дѣвочекъ 6. Школа, при тѣсномъ помѣщеніи, находится въ хорошемъ порядкѣ и чистотѣ; успѣхи учащихся и нравственное развитіе удовлетворительны. Для большаго знакомства съ новѣйшими приемами пре-

подаванія и для руководства, г. предсѣдатель счелъ полезнымъ выдать г-жѣ Тихомировой безмездно три книги „Роднаго Слова“ г. Ушнискаго и нѣкоторыя другія книги и учебныя пособия. Въ подобномъ же положеніи находится школа дѣвицы Ипполитовой въ г. Угличѣ. Г-жѣ Ипполитовой также даны средства познакомиться съ новѣйшими педагогическими методами.

Г. предсѣдатель съ особенною похвалою отзывается о народномъ училищѣ, открытомъ въ с. Заозерьѣ Угличскимъ уѣзднымъ училищнымъ совѣтомъ и содержащемся на счетъ земскихъ суммъ. Учащихся въ теченіе года въ немъ было 85 муж. пола и 28 жен., всего 113 человекъ. Училище находится въ отличной исправности и порядкѣ, преподаваніе происходитъ по новѣйшимъ методамъ, и успѣхи учениковъ „превосходятъ, какъ сказано въ отчетѣ, всѣ отрядныя ожиданія“. Такіе успѣхи, равно какъ веселый, бодрый видъ учащихся, при хорошей нравственности, г. предсѣдатель относитъ къ усиленнымъ трудамъ и отличному педагогическому такту законоучителя священника Симеона Рудинскаго и учителя Василя Марьинскаго. При училищѣ есть руководѣльный классъ для дѣвочекъ; г. предсѣдатель выражаетъ желаніе, чтобы въ немъ было обращено особенное вниманіе на шитье и починку необходимо нужныхъ вещей въ домашнемъ быту.

Въ *Казанскомъ Справочномъ Листкѣ* (№№ 123 и 124) помѣщенъ отчетъ о дѣйствіяхъ Чистопольскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, со времени его открытія въ апрѣлѣ сего года по 1-е октября. Отчетъ сообщаетъ прежде всего нѣсколько статистическихъ данныхъ объ училищахъ, находившихся въ Чистопольскомъ уѣздѣ ко дню открытія училищнаго совѣта. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что штатныхъ приходскихъ училищъ въ Чистопольскомъ уѣздѣ находилось 12 мужскихъ съ 454 учащимися и 1 женское съ 46 ученицами. Кроме того, было 8 школъ пеностоянныхъ, не получавшихъ никакихъ средствъ на поддержаніе и не имѣвшихъ никакихъ учебныхъ пособій. Двѣ изъ этихъ школъ включены въ послѣдствіи земскимъ собраніемъ въ число штатныхъ.

Со времени открытія училищнаго совѣта, учреждено еще три школы, изъ которыхъ школа, находящаяся въ с. Шереметевкѣ, включена земскимъ собраніемъ, по мысли училищнаго совѣта, въ число штатныхъ училищъ, съ ассигнованіемъ необходимой на содержаніе и учебныя пособия суммы, по причинѣ многолюдности означеннаго села и потому что по сравнительной развитости обывателей, желающихъ учиться въ школѣ больше, чѣмъ въ прочихъ селахъ уѣзда.

Изъ осмотра нѣкоторыхъ училищъ, произведеннаго г. председателемъ училищнаго совѣта, видно, что не ото всѣхъ училищъ можно было надѣяться успѣха. Въ трехъ изъ нихъ, находящихся въ селахъ Новотроицкомъ и Изгарахъ и отчасти въ училищѣ Волчьей слободы, дѣло преподаванія ведется правильно и послѣдовательно. За то въ прочихъ осматрѣнныхъ училищахъ дѣло это идетъ малоуспѣшно, и дѣти придерживаются почти одного только механическаго ученія, безъ участія ума. Чтеніе хорошо идетъ только тамъ, гдѣ наставники занимались по звуковой методѣ, отдавая преимущество, при первоначальномъ обученіи чтенію, гражданской печати предъ славянскою, и вели дѣло осмысленнымъ способомъ, разказывая и объясняя прочитанное учениками. Въ тѣхъ училищахъ, гдѣ наставники держатся стариннаго способа обученія чтенію, съ азозъ, успѣхи оказались неудовлетворительными и развитіе учащихся слабо. Многіе наставники отозвались, что народъ любитъ больше читать церковно-славянскія книги и требуетъ, чтобы дѣти ихъ преимущественно обучались славянскому чтенію по псалтырю. Относительно этого предмета, г. председатель училищнаго совѣта заявилъ, что по его мнѣнію, такое желаніе крестьянъ похвально, но при первоначальномъ обученіи бесполезно. Славянскій текстъ неудобнѣе для неразвитыхъ дѣтей; поэтому слѣдуетъ прежде учить дѣтей читать книги гражданской печати и преимущественно доступныя ихъ пониманію, а церковно-славянскій грамотѣ обучать ихъ лишь тогда, когда мальчики достигнутъ извѣстной степени умственнаго развитія. Ариѳметика идетъ хуже другихъ предметовъ: дѣти вовсе незнакомы съ умственнымъ вычисленіемъ, будучи слабы и въ рѣшеніи задачъ на доскѣ. Письмо идетъ также неудовлетворительно; на письмо подѣ диктовку не обращается никакого вниманія. Шнїю обучаютъ только въ одномъ училищѣ, котораго наставникъ самъ знакомъ съ этимъ дѣломъ. Такую неудовлетворительность школъ председатель училищнаго совѣта относитъ къ тому, что наставники еще не привычны къ обученію дѣтей. Посѣщеніе школъ учениками неисправно, потому что большею частію крестьяне мало имъ сочувствуютъ, не сознавъ еще пользы грамотности.

Для того, чтобъ ознакомить наставниковъ съ дѣломъ обученія, г. председатель училищнаго совѣта пришелъ къ весьма удачной мысли устроить съѣздъ всѣхъ сельскихъ наставниковъ уѣзда въ г. Чистополь. Сюда же ко времени съѣзда онъ пригласилъ окружнаго инспектора г. Золотницкаго, котораго просилъ познакомить наставниковъ съ упрощеннымъ способомъ обученія. Съѣздъ дѣйствительно состоялся

25-го прошлаго ноября, и г. Золотницкій ознакомилъ наставниковъ съ упрощенными пріемами при обученіи дѣтей чтенію, письму и счисленію, показавъ примѣры на нарѣзныхъ буквахъ, классной доскѣ и счетахъ. Пріемы показаны г. Золотницкімъ, по свидѣтельству г. председателя совѣта, такъ наглядно и понятно, что усвоить ихъ было не трудно. Въ этотъ же сѣздъ розданы училищнымъ совѣтомъ учебныя пособія для всѣхъ школъ. „Такимъ образомъ, говоритъ г. председатель, наставники, ознакомившись съ разумнымъ способомъ обученія дѣтей и съ запасомъ учебныхъ пособій, отправились по мѣстамъ съ твердою рѣшимостью повести въ школахъ дѣло повымъ порядкомъ, отъ котораго можно ожидать успѣховъ большихъ, чѣмъ какіе были до сего времени. Это вмѣстѣ съ тѣмъ должно устранить и предубѣжденіе крестьянъ противу школъ“. На пріѣздъ наставниковъ въ г. Чистополь земское собраніе выдало, по ходатайству училищнаго совѣта, 150 руб.

Чистопольское земское сообраніе вообще сочувствуетъ дѣлу народнаго образованія. Увеличивъ число школъ въ уѣздѣ и истрачивая на это дѣло до 3.495 руб., собраніе озабочивается также пополненіемъ недостатка въ наставникахъ. Съ этою цѣлью оно постановило выбрать 3 лучшихъ мальчиковъ изъ сельскихъ школъ на должности сельскихъ учителей, назначивъ на содержаніе каждаго изъ нихъ по 60 руб. въ годъ. Къ сожалѣнію, при осмотрѣ училищъ председателемъ, такихъ мальчиковъ пока не оказалось: не было ни желающихъ, ни достаточно подготовленныхъ. Поэтому председатель училищнаго совѣта нашелъ необходимымъ готовить требуемыхъ мальчиковъ на земскія средства прежде въ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ, и затѣмъ, если будетъ нужно, отправлять ихъ въ педагогическую школу. Земское собраніе изъявило согласіе на это мнѣніе председателя училищнаго совѣта, и училищный совѣтъ занять въ настоящее время пріислаіемъ изъ сельскихъ школъ мальчиковъ, которые по способностямъ и успѣхамъ могли бы оправдать избраніе.

Въ засѣданіи *Саратовскаго* губернскаго училищнаго совѣта, происходившемъ 27-го сентября, состоялось, какъ видно изъ *Саратовскаго Справочнаго Листка* (№ 230), между прочимъ, слѣдующее заслуживающее вниманія постановленіе: „Чтобы за выбытіемъ наставниковъ, въ сельскихъ школахъ не прекращалось вовсе ученіе, просить его преосвященство сдѣлать распоряженіе, дабы приходскіе священники, впродъ до назначенія новаго наставника, непремѣнно занимали его должность, получая за это время опредѣленное въ томъ училищѣ жалованье“.

Выше мы упоминали о сѣздѣ народныхъ учителей въ г. Чистополѣ, Казанской губерніи. Въ *Сибирскомъ Вѣстникѣ* мы находимъ свѣдѣніе, что въ іюлѣ мѣсяцѣ настоящаго года происходилъ также педагогическій сѣздъ народныхъ учителей въ Иркутскѣ. Задача этого сѣзда, впрочемъ, была обширнѣе, нежели та, съ которою былъ созванъ сѣздъ Чистопольскій. Зачинъ этого дѣла въ Иркутскѣ принадлежитъ директору училищъ Р. К. Мааку. На сѣздѣ присутствовали народные учителя, созданные изъ ближайшихъ къ Иркутску мѣстъ. Здѣсь были 5 законоучителей городскихъ приходскихъ училищъ и 4 приходскихъ учителя тѣхъ же школъ, 16 учителей иногородныхъ школъ, въ томъ числѣ 5 прибывшихъ изъ Нижнеудинскаго округа, учителя Иркутскаго уѣзднаго училища и 1 Нижнеудинскаго, инспекторъ, законоучитель и нѣкоторые учителя гимназій, 2 преподавателя прогимназій и наконецъ 1 бывший приходскій учитель. Къ участію въ своихъ трудахъ сѣздъ пригласилъ педагоговъ постороннихъ вѣдомствъ и лицъ, извѣстныхъ своею опытностію въ дѣлѣ народнаго образованія и сочувствіемъ къ нему; но изъ этихъ лицъ отозвались на призывъ лишь двое. Засѣданій или бесѣдъ сѣздъ имѣлъ 7, подвергнувъ въ теченіе ихъ тщательному разсмотрѣнію всѣ подробности устройства училищъ, начиная отъ самыхъ важныхъ (учебно-воспитательной части) и кончая формой класснаго журнала. Въ протоколахъ сѣзда, говоритъ редація *Сибирскаго Вѣстника*, интересующіеся найдутъ и здравыя педагогическія мысли, и краснорѣчивыя статистическія свѣдѣнія о настоящемъ положеніи нашихъ училищъ, и не менѣе краснорѣчивыя факты о томъ, съ какими препятствіями приходится бороться нашимъ педагогамъ. Тѣмъ болѣе цѣнной должна быть ихъ скромная дѣятельность. Все выработанное сѣздомъ, на сколько это зависить отъ непосредственнаго распоряженія дирекціи училищъ, будетъ приложено къ дѣлу тотчасъ же. Такимъ образомъ, заключаетъ *Сибирскій Вѣстникъ*, будущій сѣздъ, предполагаемый въ 1868 году, будетъ имѣть возможность провѣрить труды своего предшественника.

— Мы не разъ уже имѣли случай заявлять о благотворной дѣятельности приходскихъ попечительствъ на пользу народнаго образованія. Въ настоящее время мы имѣемъ только нѣсколько данныхъ по этому предмету.

Въ *Полтавской* епархіи, гдѣ дѣятельность приходскихъ попечительствъ особенно замѣтна, постоянно открываются новыя попечительства, постановляющія приговоры объ учрежденіи и поддержаніи

народныхъ училищъ. Газета *Москва* (№ 173), извлекая относительно этого предмета свѣдѣнія изъ мѣстныхъ *Епархіальныхъ Вѣдомостей*, приходитъ къ заключенію, что убѣжденіе въ необходимости приходскихъ школъ и въ необходимости обученія дѣтей, постепенно усваивается сельскимъ людомъ: иначе крестьяне относились бы къ этому дѣлу болѣе равнодушно и не принимали бы на себя довольно значительныхъ денежныхъ взносовъ и издержекъ. Не ограничиваясь частными пожертвованіями, обязываясь употребить безилатно свой трудъ на постройку домовъ для помѣщенія училищъ, поставить нужные для постройки матеріалы, прихожане назначаютъ сверхъ того денежные сборы для поддержанія училищъ, для выдачи жалованья наставникамъ и для покупки учебныхъ пособій. Цифра этихъ сборовъ весьма разнообразна: онъ назначается въ 2 и 4 к., а въ двухъ попечительствахъ и по 15 коп. съ души въ годъ. Газета *Москва*, изъ этого установленія подушнаго сбора со всѣхъ прихожанъ, выводитъ заключеніе, что сами приходы признаютъ обязательность обученія дѣтей равною для всѣхъ, хотя изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ ею приговоровъ только въ одномъ (с. Брашнецъ, Лохвицкаго уѣзда) прямо высказано правило, что „каждый долженъ отдавать своихъ дѣтей въ училище“. Здѣсь прихожане установили даже штрафъ въ 1 руб. съ тѣхъ крестьянъ, которые не будутъ посылать дѣтей въ школу. За то есть приговоръ (с. Хорошево, Лубенскаго уѣзда), въ которомъ устанавливается противоположное начало; въ приговорѣ этомъ сказано: „не принуждать никого къ непремѣнной отдачѣ дѣтей въ обученіе“. Сверхъ подушнаго взноса, почти во всѣхъ училищахъ назначается отдѣльная плата съ каждаго ученика (отъ 50 коп. до 1 р. 50 коп. въ годъ), при чемъ оговаривается, что плата эта вносится за годъ впередъ, и что въ случаѣ, если ученикъ перестанетъ посѣщать школу, внесенныя деньги остаются въ пользу училища. Въ способѣ вознагражденія наставниковъ замѣтно разнообразіе: въ одномъ приходѣ (с. Жуково, Полтавскаго уѣзда) назначено наставнику 160 руб. въ годъ; въ другихъ предоставляется ему весь подушный сборъ; третьихъ назначается ему опредѣленное жалованье и сверхъ того сборъ съ каждаго ученика. Ко всему этому, прихожане установили правильный контроль надъ лицами, которыхъ уполномочили къ сбору и расходованію денегъ, обязавъ ихъ, по окончаніи года, отдавать приходу отчетъ въ употребленіи суммъ.

Въ *Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* (№№ 14—19) печатается рядъ статей, въ полномъ очеркѣ представляющихъ дѣятель-

ность приходскихъ попечительствъ въ Подольской епархіи. И здѣсь дѣятельность ихъ на пользу народнаго образованія выразилась въ разнообразныхъ фактахъ, которые однако же всё сводятся къ единодушному стремленію прихожанъ помочь развитію народной грамотности всѣми возможными для нихъ способами. Мы не будемъ входить въ подробное описаніе этой дѣятельности, предоставляя желающимъ ознакомиться съ нею самимъ прочесть любопытныя статьи протоіерея П. Троицкаго; но считаемъ полезнымъ указать на нѣкоторые наиболѣе замѣчательные факты.

Въ Лeticевскомъ уѣздѣ, всѣ учрежденныя въ благочиніи священника Слободинскаго попечительства приговорили отдать собираемые съ шинковъ доходы въ полномъ количествѣ на устройство народныхъ школъ; въ нѣкоторыхъ же другихъ мѣстностяхъ отдѣляется на тотъ же предметъ часть штейнаго дохода. Въ вѣдѣніи благочиннаго Базалисскаго (Ямпольскаго уѣзда) выписываются для школы народные журналы *Мирской Вѣстникъ*, *Народная Бесѣда* и *Другъ Народа*. Сербянское приходское попечительство (въ Балтскомъ уѣздѣ), желая избавить церковный причтъ отъ труда самому собирать почти ежедневно крестьянскихъ дѣтей въ школу, опредѣлило: возложить на одного изъ своихъ членовъ—почетнаго крестьянина обязанность ежедневно и неопустительно, утромъ и вечеромъ, посѣщать сельскую школу, повѣрять учениковъ и ученицъ по списку и затѣмъ черезъ мѣстныхъ сельскихъ урядниковъ настоятельно побуждать родителей къ своевременной высылкѣ дѣтей въ школы. Нѣкоторымъ изъ такихъ доблѣренныхъ лицъ попечительство выдало за труды известную сумму денегъ. Мѣру эту протоіерей Троицкій считаетъ разумною и рекомендуетъ другимъ попечительствамъ воспользоваться ею вмѣсто того, чтобы вести бесполезную, обременительную и часто не имѣющую никакихъ послѣдствій переписку съ волостными правленіями о томъ, чтобы они побуждали мальчиковъ и дѣвочекъ неопустительно посѣщать классы, и родителей — не отвлекать ихъ дѣтей подъ разными неосновательными предлогами отъ школьныхъ занятій. Молодшинское приходское попечительство постановило платить по 10 руб. за труды по обученію грамотѣ не только дьячку и пономарю, обучающимъ въ мѣстной школѣ, но и одному изъ лучшихъ учениковъ той же школы, на столько развитому и оказавшему успѣхи, чтобы онъ былъ въ состояніи обучать своихъ товарищей. Въ благочиніи священника Курчинскаго (Ямпольскаго уѣзда) попечительства наняли особыхъ учителей для школъ, а гдѣ нельзя было найдти благонадежныхъ людей

для обученія дѣтей грамотѣ, вошли въ сношенія съ причетниками, давая имъ за обученіе извѣстную плату. Это послѣднее обстоятельство замѣчательно, по словамъ протоіерея Троицкаго, въ томъ отношеніи, что многіе изъ крестьянъ доселѣ держатся мысли, что духовенство обязано безмездно обучать дѣтей грамотѣ и что вообще ему не слѣдуетъ давать за это вознагражденія, такъ какъ въ обученіи дѣтей оно имѣетъ будто бы какіе-то виды: „иначе, разсуждаютъ крестьяне, оно не побуждало бы ни родителей посылать дѣтей въ школы, ни дѣтей обучаться грамотѣ“. Нѣкоторыя попечительства дѣлаютъ особую прибавку въ жалованью учителя, съ тѣмъ чтобъ онъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ читалъ имъ житіе святаго или другую какую-либо духовнаго содержанія книгу. Ярмолинецкое попечительство (въ Проскуровскомъ уѣздѣ), въ поощреніе успѣховъ учащихся, приобрѣло на 10 руб. книгъ, которыя поручило раздать лучшимъ ученикамъ на публичномъ экзаменѣ въ присутствіи ихъ родителей и родственниковъ. Въ благочиніи священника Соханѣвича (Ушицкаго уѣзда) исключительная дѣятельность попечительства была сосредоточена на благолѣпін церквей и на улучшеніи быта священнослужителей, и въ нихъ какъ будто не замѣтно заботы объ образованіи дѣтей. Протоіерей Троицкій объясняетъ это обстоятельство крайнею бѣдностію Ушицкаго уѣзда и прибавляетъ, что мѣстные священники, въ благодарность прихожанамъ за участіе и содѣйствіе послѣднихъ къ улучшенію ихъ быта и до тѣхъ поръ, пока увеличатся средства попечительства, принимаютъ исключительно на себя заботу о сельскомъ образованіи, не доводя прихожанъ до излишнихъ расходовъ. Такимъ образомъ, они даютъ помѣщенія подъ училища, нанимаютъ учителей, выписываютъ и раздаютъ на свой счетъ учебныя пособія, какъ-то: книги, бумагу и т. п.

Двое изъ благочинныхъ замѣчаютъ, что въ нѣкоторыхъ приходяхъ попечительства дѣйствуютъ слабо, и что они могли бы приносить гораздо болѣе пользы, если бы лица, руководяція ими, имѣли болѣе усердія и умѣны повести дѣло какъ слѣдуетъ. „Тамъ только хорошо и дѣйствуютъ попечительства, говоритъ о. Соханѣвичъ, гдѣ председателями священники; гдѣ же председательствуютъ крестьяне, тамъ попечительства оказываютъ слабость и несостоятельность“. Не смотря, однакожь, на это, необходимость грамотности болѣе и болѣе сознается, по словамъ протоіерея Троицкаго, крестьянами, и они приходятъ къ убѣжденію, что и пожертвованіе въ пользу существующей въ ихъ приходѣ школы есть также дѣло святое и богоугодное.

Прекращеніе общественнаго сбора съ государственныхъ крестьянъ на содержаніе училищъ, состоявшихъ въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ и переданныхъ нынѣ въ завѣдываніе земства, поставило въ затруднительное положеніе эти училища, и нѣкоторые изъ нихъ, какъ мы сообщали о томъ въ предыдущихъ обзорѣніяхъ, должны были закрыться. Читателямъ нашимъ извѣстно (см. въ сентябрьской книжкѣ Совр. лѣт. стр. 245), что правительство озабочивается новымъ положеніемъ, въ которое нынѣ поставлены школы вѣдомства государственныхъ имуществъ. Слѣдствіемъ этого была, между прочимъ, разсылка изъ министерства внутреннихъ дѣлъ особаго циркулярнаго предложенія на имя начальниковъ губерній—объ изысканіи способовъ къ поддержанію существующихъ нынѣ училищъ и школъ въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ. Между прочимъ такое предложеніе было предъявлено, по словамъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* (№ 317), Гродненскому губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію. По собраннымъ присутствіемъ свѣдѣніямъ оказалось, что всѣхъ народныхъ училищъ въ Гродненской губерніи 354; изъ нихъ содержится на суммы дирекціи 153, на счетъ вѣдомства государственныхъ имуществъ 59 и на счетъ самихъ крестьянъ 142. Губернское присутствіе, обсудивъ предложенный на разсмотрѣніе его вопросъ, сдѣлало слѣдующее постановленіе: 1) Назначить со всего крестьянскаго населенія ежегодный сборъ по 9 коп. съ ревизской души, предоставивъ раскладку его волостному сходу. 2) Сообразно количеству сбора, получаемого съ каждой волости, измѣнить и размѣръ содержанія, отпускаемого изъ суммъ дирекціи народныхъ училищъ, что должно быть предоставлено ей ближайшему усмотрѣнію; при этомъ принимать за правило, чтобы въ каждой волости было по крайней мѣрѣ одно училище, обеспеченное полнымъ содержаніемъ. 3) Впредь до взноса сбора, предоставить волостямъ покрывать расходы по содержанію училищъ, въ назначенномъ размѣрѣ, изъ свободныхъ суммъ производившагося подесятиннаго сбора. 4) На училища, содержащіеся до настоящаго времени на счетъ крестьянъ и не вошедшія по настоящему предложенію въ число штатныхъ, предоставить дирекціи выдавать, изъ суммъ подушнаго сбора, на содержаніе наставникамъ сумму, не свыше 70 руб. на каждое. 5) Остающіяся за означеннымъ распределеніемъ свободныя суммы и вообще могущіе оказаться остатки предоставить въ распоряженіе дирекціи на непредвидимые расходы по училищамъ; при чемъ, однако, принимать за правило, чтобы всѣ суммы подушнаго

сбора расходовались не иначе, какъ на потребности училищъ той волости, съ которой этотъ сборъ поступилъ.

— Сообщаемъ нѣсколько свѣдѣній о дѣятельности *братствъ* въ пользу народнаго образованія.

Въ *Кіевскомъ Телеграфѣ* (№ 128) напечатанъ отчетъ *Кіевского Свято-Владимірскаго братства* за третій годъ его существованія, съ августа 1866 по іюль 1867 года. Изъ отчета видно, что совѣтъ братства обращалъ особенное вниманіе на народное образованіе, хотя по ограниченности своихъ средствъ и въ незначительныхъ размѣрахъ. Такимъ образомъ отдѣлено было изъ суммъ братства на поддержаніе церковно-приходскихъ школъ или на пособіе имъ книгами, равно какъ на поддержаніе открытой при Кіевской духовной семинаріи воскресной школы, болѣе 500 руб.; воспитывалось на суммы братства 6 учащихся, въ томъ числѣ 2 крестьянскихъ мальчика, и выдано денежное пособіе отъ братства нѣсколькимъ лицамъ, занимавшимся безвозмездно въ церковно-приходскихъ школахъ. Особенное вниманіе въ этомъ отношеніи обращено было совѣтомъ братства на дьячка Нестеровскаго, который своимъ усердіемъ привлекъ въ школу, въ собственной квартирѣ, не только дѣтей (35 муж. и 3 жен. пола), но и 12 человѣкъ взрослыхъ, отцовъ семействъ, и сверхъ того устроившаго изъ крестьянскихъ мальчиковъ отличный хоръ пѣвчихъ. Ему выдано изъ суммъ братства 20 руб.

Очертивъ свою дѣятельность, совѣтъ братства заявляетъ, что кромѣ ограниченности средствъ, онъ встрѣчалъ важное затрудненіе къ развитію этой дѣятельности въ томъ, что не всегда имѣлъ возможность приводить въ исполненіе свои заявленія по вопросамъ, составляющимъ задачу его дѣятельности. Для устраненія этого препятствія, попечитель братства, высокопреосвященный митрополитъ Арсеній, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы Свято-Владимірское братство имѣло наблюденіе за дѣйствіями всѣхъ состоящихъ въ Кіевской епархіи попечительствъ, какъ находящихся въ непосредственной связи съ Кіево-Владимірскимъ братствомъ по предметамъ и цѣли, и чтобы попечительства о своихъ дѣйствіяхъ доносили братству неопустительно и всѣ законныя требованія его исполняли безпрекословно и безъ замедленія. Вслѣдствіе этого, совѣтъ братства постановилъ вступить въ сношенія съ церковно-приходскими попечительствами, между прочимъ, касательно состоянія церковно-приходскихъ школъ.

Въ засѣданіи того же братства, происходившемъ 14-го сентября, сообщено было свѣдѣніе о женской церковно-приходской школѣ гра-

мѣстности, существующей въ такъ-называемомъ Новомъ Строеніи въ Кіевѣ. Школа эта состоитъ изъ двухъ классовъ; въ ней дѣти обучаются закону Божію, чтенію, письму, арифметикѣ, географіи и русской исторіи. Число учащихся не менѣе 170-ти.

Православное Мстерское братство, открытое, по словамъ отчета братства, помѣщеннаго во *Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 43), въ видахъ противодѣйствія господствующему въ слободѣ Мстерѣ (Владимірской губ.) расколу разныхъ толковъ: перекрещенцевъ, нѣтовцевъ и австрійскаго посвященія, желая дать единовѣрїю православное направленіе, прежде всего обратило вниманіе на воспитаніе дѣтей въ духѣ православія, въ мѣстномъ приходскомъ училищѣ; но встрѣтило препятствіе со стороны партіи раскольниковъ и вслѣдствіе того стало пріискивать средства къ открытію собственныхъ училищъ. Намѣреніе братства вскорѣ исполнилось, и оно въ прошедшемъ году открыло два училища—женское и мужское. Въ училищахъ этихъ состояло учащихся: въ женскомъ 59 дѣвочекъ, въ томъ числѣ православныхъ 43, единовѣрческихъ 9, перекрещенскаго толка 5, нѣтовскаго 2; въ мужскомъ 54 мальчика, изъ нихъ 46 православныхъ, 2 единовѣрца, 6 перекрещенскаго толка, всего 115. Дѣти — болынею частію бѣдныхъ родителей не изъ одной слободы Мстеры, но отчасти и изъ окрестныхъ селъ и деревень.

Предметы преподаванія тѣ же, какъ и вообще въ народныхъ школахъ; но въ способѣ преподаванія есть нѣкоторыя особенности, заслуживающія упоминанія. Для дѣтей старообрядцевъ и единовѣрческихъ допущено обученіе по ихъ любимымъ азбукамъ и псалтырямъ, изданнымъ при патриархахъ Филаретѣ и Іосифѣ. По необходимости соблюдаются до времени, по желанію старообрядцевъ, слѣдующія условія: не касаться ихъ любимаго двуперстїя, не принуждать вмѣстѣ съ православными ходить въ церковь и вообще быть при церковныхъ службахъ. И замѣтно, что дѣти строго держатся внушеній своихъ отцовъ, матерей, дѣдовъ и бабушекъ. Впрочемъ, какъ и не держаться?—замѣчаетъ составитель отчета: при малѣйшемъ опущеніи, бьютъ ихъ безпощадно. По предмету чистописанія, ученики списывали съ прописей, составленныхъ учителемъ г. Успенскимъ, „примѣнительно, какъ сказано въ отчетѣ, къ мѣстности, противъ раскольниковыхъ мнѣній, суевѣрій и замѣченныхъ нравственныхъ недостатковъ въ дѣтяхъ, съ цѣлію вредное уничтожить, доброе возбудить, развить и дать указаніе въ послѣдствіи осуществить въ жизни“. Далѣе излагается въ отчетѣ то, какимъ способомъ учитель думаетъ

достигнуть упомянутых цѣлей чрезъ преподаваніе чистописанія. „Всѣхъ прописей 32, говоритъ авторъ отчета: дѣвочки и мальчики должны мѣняться оными, по неоднократномъ списываніи и заучиваніи на память, — мѣняться со спросу и по указанію наставника, такимъ образомъ: если замѣтится въ мальчикахъ или дѣвочкахъ, вынужденный отъ старухъ и стариковъ раскольниковъ, неодобрительный отзывъ о церкви Христовой и ея св. таинствахъ,—противъ сего дается пропись, по содержанію направленная въ защиту церкви Христовой и ея св. таинствъ; если замѣтится въ дѣтяхъ склонность къ нарядамъ, надменности и т. д., дается противъ нея равносильное врачевство тоже въ прописи“. Нельзя не замѣтить, что едва-ли не въ первый разъ встрѣчается въ учебномъ заведеніи такой оригинальный способъ преподаванія чистописанія, возведеннаго на степень врачевства противъ духовныхъ недуговъ и средства къ защитѣ церкви и ея установленій!

По классу руководѣлій дѣвочки занимаются шитьемъ, вязаньемъ и вышиваньемъ полотенецъ, салфетокъ и т. п.

Средства къ содержанію училищъ и учащихся состоятъ въ частныхъ пожертвованіяхъ, во главѣ которыхъ стоятъ пожертвованія отъ Государыни Императрицы. Братство не только учитъ безвозмездно, но доставляетъ даромъ всѣ нужныя пособія для обученія. Срокъ обученія полагается въ два года и шесть мѣсяцевъ. Лучшимъ воспитанникамъ и воспитанницамъ выдаются, по окончаніи ученія, одобрительныя свидѣтельства за подписью и печатью братства. При училищахъ существуетъ, между прочимъ, журналъ о поведеніи. При женскомъ училищѣ заведена стараніемъ учителя г. Успенскаго бібліотека.

Постоянное наблюденіе за обученіемъ въ обоихъ училищахъ имѣютъ попечитель и члены братства, равно какъ и родители обучающихся дѣтей. „Въ училища заходятъ и глаголемые старообрядцы, сказано въ отчетѣ, полюбоваться учащимися, послушать, что имъ толкуется, коихъ (родителей) наставникъ всегда принимаетъ съ радушіемъ, примѣтно ухаживать всегда съ доброю улыбкою на лицѣ и хорощимъ желаніемъ на языкѣ, а тамъ, смотришь, приводятъ своихъ дѣтей“.

Вновь учрежденное въ Казани *братство Святителя Гурія* съ перваго же своего собранія, бывшаго 11-го октября, обратило вниманіе на дѣло народнаго образованія въ тамошнемъ краѣ. Въ *Казанскомъ Справочномъ Листкѣ* (№ 125) извѣщаютъ, что рассмотрѣвъ прошеніе учителя изъ Татаръ Василія Тимофѣева, въ которомъ онъ просилъ совѣтъ братства оказать пособіе сиротамъ, а также дѣтямъ недостаточныхъ родителей, мальчикамъ и дѣвочкамъ изъ крещенныхъ

Татаръ въ его Казанской школѣ, совѣтъ братства положили назначить къ выдачѣ Тимофѣеву 500 руб., обѣщаясь и впредь поддерживать по мѣрѣ своихъ средствъ школу крещеныхъ дѣтей изъ Татаръ.

Въ прошеніи сказано, между прочимъ, что многіе мальчики желаютъ поступить въ Казанскую школу для обученія; равнымъ образомъ и въ отношеніи дѣвочекъ, крещеные Татары не прочь обучать своихъ дочерей грамотѣ,—только они православно-грамотное образованіе дѣвицъ не считаютъ на столько важнымъ и полезнымъ, чтобы расходоваться на содержаніе всѣхъ своихъ дочерей въ школѣ.

Въ томъ же засѣданіи, членъ братства Н. И. Золотницкій заявилъ совѣту братства о необходимости открыть горно-черемисскую школу въ с. Петнурахъ, Козмодемьянскаго уѣзда, и указалъ въ то же время на одного грамотнаго Черемиса, который, при расположеніи, очень способенъ быть учителемъ въ школѣ черемисской, и притомъ желаетъ быть среди Черемисъ некрещенныхъ, чтобы произвести опытъ обращенія ихъ въ христіанство. Совѣтъ единогласно опредѣлялъ выдавать отъ себя ежемѣсячно по 10 руб.

Въ заключеніе настоящаго нашего обзоренія, мы считаемъ нужнымъ упомянуть о напечатанномъ въ *Вологодскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* (№ 21) указѣ святѣйшаго синода на имя преосвященнаго Павла, епископа Вологодскаго, отъ 4-го прошедшаго октября. Въ указѣ этомъ объяснено, что исправляющій должность оберъ-прокурора святѣйшаго синода представлялъ на Высочайшее воззрѣніе вѣдомость о церковно-приходскихъ школахъ за вторую половину 1866 г. и при семъ всеподданнѣйше доложилъ, что въ теченіе этого времени, сравнительно съ предшествовавшимъ, по нѣкоторымъ епархіямъ произошло значительное сокращеніе школъ и учащихся въ нихъ, такъ что общее по тѣмъ епархіямъ число уменьшилось на 1.804 школы, а цифра учащихся на 20.018 мальчиковъ и 3.164 дѣвочки. Государь Императоръ, на всеподданнѣйшемъ по сему предмету докладѣ, въ 17-й день августа, собственноручно изволилъ написать: „*Результатъ не весьма утѣшительный!*“ Изъ вѣдомости, приложенной ко всеподданнѣйшему докладу, между прочимъ, видно, что за вторую половину 1866 г., сравнительно съ предшествовавшею половиною, по Вологодской епархіи уменьшилось: школъ на 238, и учащихся на 3.733 человека. Святѣйшій синодъ, сообщая объ означенной Высочайшей резолюціи касательно церковно-приходскихъ школъ преосвященному епископу Вологодскому, предписалъ, чтобы его преосвященствомъ обращено было особенное архипастырское вниманіе на этотъ пред-

метъ и приняты были зависящія съ его стороны мѣры къ преусиженію церковно-приходскихъ школъ въ Вологодской епархіи.

По поводу этого указа святѣйшаго синода состоялась слѣдующая резолюція преосвященнаго Павла: „Сущность сего указа напечатать въ мѣстныхъ *Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* съ объявленіемъ мѣстнымъ причтамъ, гдѣ есть школы, но уменьшилось количество учащихся, и особенно тѣмъ, у коихъ не открыта доселѣ школа и не откроется къ 1-му января слѣдующаго 1868 года, что старшіе въ тѣхъ причтахъ, то-есть, священники, изъ лучшихъ приходовъ непремѣнно будутъ переводимы къ худшимъ и бѣднѣйшимъ приходамъ, а состоящіе при бѣдныхъ приходахъ со временемъ и совсѣмъ будутъ оставляемы за штатомъ“.

ПРЕНІЯ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ПАЛАТѢ ПО ПОВОДУ ПРОЕКТА НОВАГО ЗАКОНА О НАЧАЛЬНОМЪ ОБУЧЕНІИ.

Во второй половинѣ февраля нынѣшняго года (съ 1-го по 11-е марта нов. ст.), во французской законодательной палатѣ происходили пренія по поводу представленнаго правительствомъ проекта новаго закона о мѣрахъ къ усиленію элементарнаго обученія ¹⁾.

Пренія эти весьма замѣчательны, въ особенности по единодушному одобренію, съ какимъ основная мысль проекта встрѣчена была въ палатѣ. Между ея членами, принадлежащими къ различнымъ партіямъ, не нашлось никого, кто не признавалъ бы важности, пользы и своевременности проектируемаго закона. Напротивъ, всѣ наперерывъ старались выказать свое живѣйшее сочувствіе и свое искреннѣйшее доброжелательство къ предположеніямъ правительства, цѣль которыхъ: возможное распространеніе въ народной массѣ элементарнаго образованія, улучшеніе матеріальнаго быта начальныхъ учителей и учительницъ и возвышеніе ихъ моральнаго значенія.

Конечно, въ частностяхъ не обошлось безъ возраженій и даже горькихъ упрековъ не только со стороны членовъ оппозиціи, но и со стороны нѣкоторыхъ друзей правительства. Тѣ и другіе не преминули воспользоваться недавно дарованнымъ французскому народному представительству, въ замѣнъ преній объ адресѣ, правомъ поправокъ (*droit d'amendement*). Эти поправки и въ особенности краснорѣчивое изложеніе мотивовъ, которые ихъ вызвали, даютъ довольно ясное понятіе о духѣ и современныхъ политическихъ, научныхъ и религиозныхъ стремленіяхъ партій, на которыя раздѣляются члены французской законодательной палаты, о точкахъ зрѣнія, съ которыхъ партіи смотрятъ на практическіе вопросы, касающіеся, съ одной стороны,

¹⁾ Journal général de l'instruction publique. 1867. №№ 8—31. Revue de l'instruction publique 1867. №№ 44—52.

педагогическихъ интересовъ, съ другой, — интересовъ финансовыхъ, то-есть, денежныхъ расходовъ по начальному обученію, падающихъ на семейства, общины, государство. Самая пылкость преній доказываетъ, что кромѣ собственно школьныхъ вопросовъ, были здѣсь затронуты и другіе вопросы. Политика безпрестанно вривалась на сцену, даже помимо воли тѣхъ, которые принимали участіе въ преніяхъ. Школьные тезисы служили ареною, гдѣ каждый сражался за свои убѣжденія, принявъ за девизъ, смотря по цвѣту знамени, то свѣтское обученіе (*l'enseignement laïque*), то обученіе свободное и конгреганистское (*l'enseignement libre, congréganiste*), то обязательное (*obligatoire*), то даровое для всѣхъ (*la gratuité absolue*), то обученіе на счетъ государства (*l'enseignement de l'État*), и наконецъ, назначеніе учителей въ общественныя начальныя школы (*les écoles publiques*) то ректорами академій (почечителями учебныхъ округовъ), то префектами департаментовъ.

Не очень много труда стоило министру народнаго просвѣщенія и правительственнымъ комиссарамъ поддержать проектированныя законоположенія; несравненно труднѣе было бороться противъ увлеченій доброжелательства и финансовой щедрости со стороны членовъ законодательной палаты въ пользу начальныхъ школъ и личнаго ихъ состава.

Въ собственно педагогическомъ отношеніи, всего замѣчательнѣе и интереснѣе означенныя пренія тѣмъ, что въ нихъ, какъ членами французскаго правительства, такъ и самими компетентными въ педагогическомъ дѣлѣ изъ членовъ законодательной палаты, высказано было много глубокихъ истинъ и дѣльныхъ практическихъ указаній, могущихъ всегда и вездѣ найти полезное примѣненіе къ дѣлу при устройствѣ элементарнаго народнаго образованія. Для полнѣйшаго уразумѣнія обсуждавшихся въ этихъ преніяхъ педагогическихъ вопросовъ, необходимо предварительно сообщить нѣсколько пояснительныхъ свѣдѣній о постепенномъ развитіи во Франціи, какъ организациі элементарныхъ школъ, такъ и законодательства о начальномъ обученіи.

Въ сонмѣ государствъ образованнаго міра Франція занимала доселѣ, сравнительно, не очень высокое мѣсто въ дѣлѣ образованія народнои массы. По признанію многихъ ораторовъ французской законодательной палаты, а въ числѣ ихъ и самаго министра Дюрюи, Франція стояла доселѣ въ этомъ отношеніи не только ниже Германіи

Швейцаріи и Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, но едва ли не ниже Англии, Бельгіи, Голландіи и государствъ Скаандинавскаго полуострова, и только безспорно опередила Италію, Россію, Португалію, Испанію и Турцію.

Первое королевское повелѣніе, которымъ французское духовенство обязывалось заводить повсюду при церквахъ приходскія школы, явилось около тридцатыхъ годовъ прошедшаго столѣтія. Но французское духовенство, подобно духовенству и другимъ католическимъ государствамъ, не обнаружило въ тѣ времена особеннаго усердія къ образованію низшихъ слоевъ народа. Заведенныя имъ приходскія школы были весьма не многочисленны, а революція и тѣ уничтожила, не оставивъ послѣ себя ничего, кромѣ двухъ неосуществившихся проектовъ объ организаціи школъ для народнаго образованія, составленныхъ — одинъ Галейраномъ, другой Кондорсе. Первая имперія обратила все свое вниманіе на устройство высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, ограничившись относительно первоначальнаго обученія пѣвляемъ желаніемъ, чтобы каждая община (*commune*) имѣла свою начальную школу (*l'école primaire*), и дозволеніемъ духовнымъ конгрегаціямъ или ассоціаціямъ (*congrégation, association religieuse*), существованіе которыхъ признано общепользымымъ (*d'utilité publique*), а именно, такъ-называемому братству христіанскаго ученія или христіанскихъ школъ (*les frères de la doctrine chrétienne, des écoles chrétiennes*), заводить начальныя школы, какъ общественныя (*publiques*), содержимыя на счетъ общины, такъ и свободныя или частныя (*écoles libres, privées*), содержимыя собственными средствами конгрегацій. Въ томъ и въ другомъ случаѣ конгрегационскія школы состояли въ строгой зависимости и подъ контролемъ французскаго университета (*l'Université de France*), какъ высшаго центральнаго органа управленія народнымъ просвѣщеніемъ, учрежденнаго Наполеономъ I. Реставрація также повидимому немного способствовала распространенію начальнаго обученія. Только уже подъ конецъ ея существованія, въ государственномъ бюджетѣ Франціи 1829 года встрѣчается назначеніе 100.000 фр. на вспоможеніе начальнымъ школамъ. Все-таки, однакожъ, достоверно извѣстно, что въ первые годы іюльскаго правительства, въ 1833 году, состояло во Франціи до 10.000 общественныхъ школъ (*publiques*) и до 13.000 школъ частныхъ или свободныхъ, содержимыхъ духовными конгрегаціями или частными лицами, такъ что изъ 37.000 французскихъ общинъ только 14.230 не имѣли у себя никакой, ни общественной, ни свободной или частной, школы.

Пока учрежденіе общественныхъ школъ, то-есть, на общинныя средства, зависѣло отъ доброй воли общинъ, до тѣхъ поръ почти повсюду во Франціи, какъ и въ другихъ государствахъ Европы, замѣтно было крайнее равнодушіе къ элементарному образованію простаго народа, и въ самомъ мѣстномъ населеніи, и въ муниципальных, и въ департаментскихъ властяхъ; а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ отрицаніе потребности обученія дѣтей доходило даже до того, что населенія отказывались отъ предлагаемыхъ имъ правительствомъ бесплатныхъ школъ и даровыхъ учебныхъ книгъ. Не мало усиливало въ народѣ это равнодушіе къ школамъ недостатокъ хорошихъ учителей, огромное большинство которыхъ обнаруживало крайнее невѣжество въ научномъ и грубость въ нравственномъ отношеніи.

Правильное устройство начальныхъ народныхъ школъ (écoles primaires) и правильное развитіе начального обученія (l'enseignement primaire) начинается во Франціи съ эпохи іюльскаго правительства, или точнѣе, со временъ изданія закона 18-го іюля 1833 года о начальномъ обученіи, выработаннаго тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія, знаменитымъ Гизо, при содѣйствіи не менѣе знаменитаго профессора Кузена, въ краснорѣчивомъ отчетѣ котораго о состояніи и степени развитія народнаго образованія въ Германіи, куда для изученія этого предмета онъ былъ нарочно командированъ Гизо, составители проекта закона нашли много полезныхъ свѣдѣній и здравыхъ педагогическихъ сужденій, а члены законодательной палаты — самыя убѣдительныя доказательства необходимости безотлагательно положить прочныя основанія правильной организациі начального обученія во Франціи.

Главнѣйшія постановленія закона Гизо о начальномъ обученіи были слѣдующія:

1) Каждая община обязана имѣть, по крайней мѣрѣ, одну общественную школу начального обученія, исключая крайне бѣдныхъ, изъ коихъ двумъ или тремъ общинамъ можетъ быть разрѣшено имѣть одну школу.

2) Для образованія начальныхъ учителей (l'instituteur), въ каждомъ департаментѣ должна быть учительская семинарія (école normale primaire). Впрочемъ, въ случаѣ необходимости, два и три департамента могутъ довольствоваться одною семинаріей.

3) Начальныя школы суть или общественныя (publiques), содержащія на счетъ общинъ, или свободныя, то-есть, частныя (libres), от-

кряваемые духовными конгрегаціями (congrégation, association religieuse), или частными лицами, на собственные средства.

4) Общественными школами завѣдываютъ ректоры академій: а) по части учебнаго и нравственнаго надзора — чрезъ академическихъ (окружныхъ) инспекторовъ (l'inspecteur de l'académie), опредѣляемыхъ по одному для каждаго департамента, и чрезъ училищныхъ инспекторовъ (l'inspecteur primaire), опредѣляемыхъ по одному для каждаго округа (arrondissement), и непосредственно подчиненныхъ академическимъ инспекторамъ; б) по хозяйственной части — чрезъ муниципальные и департаментскіе совѣты (conseils municipaux, départementaux). Частныя или свободныя школы, по принципу свободы ученія, не подчиняются правительственному надзору ни по учебной (méthode d'enseignement), ни по хозяйственной части, но не освобождаются отъ нравственнаго и санитарнаго надзора.

5) Каждый совершеннолѣтній Французъ, не опорооченный по суду, можетъ быть учителемъ начальной школы, ежели представитъ законное удостовѣреніе въ способности (brevet de capacité), отъ чего освобождаются священнослужители и имѣющіе аттестаты среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній.

6) Право опредѣленія, перемѣщенія и увольненія учителей начальныхъ школъ принадлежитъ ректору.

7) Минимумъ жалованья учителя въ общественныхъ школахъ (le traitement fixe) — 200 фр. и квартира. Въ пользу учителя идетъ также плата за ученіе, взимаемая съ учащихся.

8) Начальные учителя, давшіе обязательство прослужить десять лѣтъ въ общественной школѣ и дѣйствительно выполнившіе такое обязательство, освобождаются отъ военной службы.

9) Общественная школа содержится средствами своей общины, какъ обыкновенными, такъ и специально для этой цѣли назначенными.

Въ случаѣ недостатка своихъ средствъ, община получаетъ пособіе (la subvention) отъ департамента и отъ правительства.

Законъ 1833 года дѣйствовалъ 17 лѣтъ безъ всякой перемѣны, оказавъ, между прочимъ, слѣдующіе результаты: а) изъ 14.230 общинъ, не имѣвшихъ въ 1833 году никакой школы, оставалось въ 1840 году — 4.196, а въ 1852 году только 950 самыхъ бѣдныхъ и небольшихъ общинъ, разбросанныхъ другъ отъ друга на значительное разстояніе, такъ что устроить общую школу для двухъ или трехъ такихъ общинъ не представлялось возможности; б) въ 1833 году изъ 37.000 общинъ только 10.000 общинъ имѣли собственные школьные

дома, а спустя 14 лѣтъ (1847), оказалось школьныхъ домовъ 23.000; в) въ 1833 г. по государственному бюджету на расходы по начальному обученію назначалось — 1.500.000, а въ 1849 г. — 4.854.378 фр.; г) въ 1833 г. число учительскихъ семинарій доходило до 40, а въ 1843 г. было ихъ уже 76, и въ нихъ 3.012 воспитанниковъ; въ томъ числѣ стипендіатовъ министерства народнаго просвѣщенія — 249, департаментскихъ — 2.244, общинныхъ — 86, пансіонеровъ — 389 и экстерновъ — 44.

Но по мѣрѣ того какъ развивалось въ народѣ сознаніе потребности элементарнаго образованія, стали постепенно обнаруживаться недостатки закона 1833 г. Между прочимъ: 1) въ немъ ничего не сказано о женскихъ элементарныхъ школахъ (*écoles primaires des filles*), тогда какъ потребность въ нихъ развивалась столь быстро и сильно, что уже въ 1843 г., кромѣ 8.755 частныхъ, числилось 7.830 общественныхъ этого рода школъ. 2) Программа учебнаго курса, обязательная для всѣхъ безъ изъятія начальныхъ училищъ, оказалась слишкомъ многосложною. 3) Чрезвычайно скудное *minimum* основнаго (fixe) жалованья (200 фр.), при несопредѣленности платы за ученіе и при незначительности въ малочисленныхъ школахъ денежнаго сбора, ставило начальныхъ учителей въ крайне стѣснительное, и можно сказать, бѣдственное положеніе, и 4) въ случаѣ, ежели кто изъ начальныхъ учителей, по старости лѣтъ или по болѣзни, вынужденъ былъ выйти въ отставку, то оставался безъ всякаго призрѣнія и средствъ къ жизни, рѣшительно нищимъ.

Поэтому были издаваемы разновременно (1850, 1852, 1853, 1854, 1862) различныя законоположенія, имѣвшія цѣлью, сообразно съ потребностями времени, измѣнить, дополнить, улучшить организацію начальнаго обученія 1833 г. Главнѣйшія измѣненія, дополненія и улучшения состояли въ слѣдующемъ:

1. Каждая община, имѣющая 800 душъ населенія и болѣе, обязана имѣть элементарную женскую школу (*école primaire des filles*).

2. Въ элементарныхъ женскихъ школахъ, кромѣ обыкновенныхъ учебныхъ предметовъ, должно обучать дѣвочекъ швейнымъ работамъ (*les travaux à l'aiguille des filles*).

3. Во всѣхъ женскихъ школахъ обучаютъ учительницы, для образованія которыхъ учреждаются учительницкія семинаріи въ двадцати департаментахъ.

3. Начальные учителя раздѣляются на два разряда (*classe*): жалованье учителей 1-го разряда должно быть не ниже 700 фр., а учи-

телей 2-го разряда не ниже — 600 фр. (1852 и 1862). Въ составъ жалованья входятъ: а) основное жалованье — 200 фр., б) плата за ученіе, в) дополненіе до 700 или 600 фр. изъ средствъ общины, а въ случаѣ недостатка изъ средствъ департамента и государства.

4. По поводу увеличенія *минимум* жалованья начальныхъ учителей, разрѣшено ввести добавочный налогъ по 4 сантима въ пользу общинной кассы и по 2 въ пользу департаментской.

5. Преподавателямъ общественныхъ начальныхъ школъ, прослужившимъ въ учительской должности 30 лѣтъ, при выходѣ въ отставку, обращается въ пенсію $\frac{30}{60}$ частей средняго количества, выведенныхъ изъ суммы полученнаго ими жалованья за шесть послѣднихъ лѣтъ; прослужившимъ 35 лѣтъ назначается въ пенсію $\frac{35}{60}$ частей по тому же вычисленію; но выше $\frac{40}{60}$ пенсія начальнаго учителя простираться не можетъ (1850, 1853, 1854).

6. Департаментскіе совѣты, въ случаѣ надобности, опредѣляютъ въ многолюдныя начальныя школы одного или двухъ помощниковъ къ штатному учителю, съ жалованьемъ по усмотрѣнію префекта (1850).

7. Минимумъ учебныхъ предметовъ въ каждой начальной школѣ опредѣлено (1850) слѣдующее: а) законъ Божій и нравоученіе, б) чтеніе, в) письмо, г) начала грамматики, д) счисленіе и ознакомленіе съ различными системами вѣса и мѣры. Смотря, однакожь, по требованію мѣстныхъ условій, могутъ быть вводимы въ начальныхъ школахъ: начала французской исторіи и географіи; начала естествовѣдѣнія; начальныя основанія планиметріи и землемѣрія; линейное черченіе; начальныя понятія о сельскомъ хозяйствѣ, промышленности и гигиенѣ; пѣніе, гимнастика.

8. Плата за ученіе опредѣлена, смотря по мѣстностямъ, по 1, по $1\frac{1}{2}$ и по 2 фр. за учебный мѣсяць съ каждаго ученика. Освобождается отъ платы только тотъ, кто дѣйствительно платитъ не въ состояніи, по заключенію муниципальнаго совѣта, утвержденному префектомъ (1850, 1854).

9. Общинамъ дозволяется вводить у себя и общую бесплатность ученія, но только на свои собственныя средства, безъ пособія отъ департамента и казны. (1850, 1854).

9. По закону 1833 г., какъ было сказано, опредѣленіе, перемѣщеніе и увольненіе начальныхъ учителей принадлежали ректорамъ академій, которыхъ въ то время было 24; но въ 1849 г. число ректоровъ сравнено съ числомъ департаментовъ, а въ слѣдующемъ году власть ихъ назначать, перемѣщать и увольнять учителей, въ силу по-

наго органическаго закона, перешла къ муниципальнымъ совѣтамъ. Такое однакожь распоряженіе вскорѣ оказалось неудобнымъ, и въ 1853 году означенное право опять было возвращено ректорамъ. Наконецъ, въ 1854 году, по особеннымъ административнымъ и политическимъ соображеніямъ, признано было нужнымъ сократить число академій до 16-ти, и въ то же время и завѣдываніе начальнымъ обученіемъ раздѣлить между ректорами и префектами, предоставивъ ректорамъ наблюденіе собственно за учебною частію (методы, книги и т. д.), и ввѣривъ префектамъ, подъ главнымъ начальствомъ министра народнаго просвѣщенія (sous l'autorité du ministre de l'instruction publique), какъ хозяйственную часть, такъ и назначеніе учителей и учительницъ и нравственный надзоръ за ними и за школами. По хозяйственной части префектъ дѣйствуетъ чрезъ посредство департаментскаго совѣта, а по назначенію учителей и по нравственному надзору чрезъ посредство академическихъ инспекторовъ.

10. Для учительницъ изъ числа сестеръ духовныхъ женскихъ конгрегацій письменное назначеніе ихъ духовнымъ начальствомъ (lettres d'obédience) замѣняетъ аттестатъ о способности (brevet de capacité).

11. Муниципальные совѣты имѣютъ право заявлять, кого они предпочитаютъ имѣть учителями и учительницами въ своихъ общественныхъ школахъ, свѣтскія или духовныя лица.

Не смотря однакожь на всѣ улучшенія, введенныя въ теченіе 15-ти лѣтъ (1850—1865) въ области начальнаго обученія, народное образованіе далеко еще не достигало желаемыхъ результатовъ. По собранному въ 1864 году въ министерствѣ народнаго просвѣщенія статистическимъ свѣдѣніямъ, оказалось, что во Франціи: а) въ 1863 году, 818 общинъ не имѣли ни одной элементарной школы, а число дѣтей отъ 7-ми до 13-тилѣтняго возраста, не посѣщавшихъ школъ, простиралось до 884.877; б) всѣ тѣ дѣти, которыя посѣщали школы, оставались въ нихъ гораздо менѣе трехъ лѣтъ, а болѣе трети дѣтей (34,6%) оставались въ школахъ менѣе шести мѣсяцевъ; в) изъ 657.400 учениковъ, вышедшихъ изъ школы въ 1865 году, только 395.392 или 60%, умѣли читать, писать, считать; остальные 262.008 или не вынесли изъ школы ровно никакихъ свѣдѣній, или вынесли самыя ничтожныя; г) изъ 100 конскриптовъ (рекрутъ) было въ 1862 году 27,40% не умѣвшихъ ни читать, ни писать; д) изъ 100 мужчинъ, вступившихъ въ бракъ въ томъ же году, 28,54%, а изъ 100 женщинъ — 43,26%, не умѣли подписать своего имени.

Въ видахъ доставленія взрослому простонародію возможности вознаграждать сколько-нибудь упущенія школьнаго возраста, французское министерство народнаго просвѣщенія, еще въ 1863 году, обратилось съ приглашеніемъ, съ одной стороны, къ муниципальнымъ совѣтамъ — открыть при общественныхъ школахъ даровые или оплачиваемые вечерніе классы для обученія грамотѣ взрослыхъ (*cours d'adultes*), съ другой, ко всѣмъ учителямъ и учительницамъ, какъ общественнымъ, такъ и частнымъ школъ — пожертвовать на обученіе въ этихъ классахъ часть своего времени и преподавательскихъ трудовъ. Успѣхъ превзошелъ всякія ожиданія, особенно со стороны лицъ учебнаго сословія, охотно поспѣшившихъ на призывъ съ пожертвованіемъ не только своего учебнаго труда, но и денегъ на необходимыя классныя принадлежности¹⁾, такъ что къ 1-му январю 1866 года оказалось до 25.000 открытыхъ вечернихъ школъ для взрослыхъ, а къ 1-му марта (н. ст.) нынѣшняго года, то-есть, ко времени открытія сессіи законодательной палаты, число ихъ возрасло до 30.000, а посѣтителей до 600.000 человѣкъ.

Между тѣмъ, нынѣшній министръ народнаго просвѣщенія, въ глубокомъ убѣжденіи, что „успѣхи нравственности страны идутъ въ уровень съ успѣхами народнаго образованія и что увеличеніе числа учащихся въ школахъ совпадаетъ съ убылью заключаемыхъ въ тюрьмы“, вопель въ 1865 году съ докладомъ къ императору Наполеону, въ которомъ, доказавъ осазательно цифрами, что элементарное образованіе во Франціи находится въ весьма неудовлетворительномъ состояніи²⁾, и что

¹⁾ См. въ *Журн. Мин. Народн. Просв.*, за мартъ 1867 г., Совр. Лѣт. стр. 408—421.

²⁾ Впрочемъ, состояніе начальнаго обученія во Франціи, повидимому, нѣсколько улучшилось въ послѣднее время. Въ отчетѣ министра Дюрюи, представленномъ императору въ январѣ нынѣшняго года, о состояніи учебной части, значится, что къ 1-му январю 1866 года состояло: А. Начальныхъ школъ: 1) общественныхъ, для мальчиковъ и дѣтей обоого пола — 38.629, въ нихъ учащихся — 2.424.445; б) для дѣвочекъ — школъ 14.721; учащихся — 1.053.888. — 2) Частныхъ школъ: а) для мальчиковъ — 3.289; б) для дѣвочекъ — 13.057; учащихся въ тѣхъ и другихъ — 964.074. — 3) Приюты (salles d'asile): а) общинныхъ — 2.484; б) частныхъ — 1.088; въ нихъ дѣтей обоого пола — 418.768. — 4) Вечернихъ школъ для взрослыхъ — 30.000; въ нихъ посѣтителей до 600.000. — Итого — заведеній для начальнаго обученія дѣтей и взрослыхъ — 98.268, учащихся — 5.461.184. — Такимъ образомъ, при 37.000.000 (по послѣдней переписи) народонаселенія во Франціи, приходится: Б) школъ начальныхъ: 1) общинныхъ обоого пола — 1 на 712 душъ; — 2) общинныхъ и частныхъ школъ вмѣстѣ — 1 на 345 душъ. — 3) Всѣхъ заведеній для начальнаго обученія дѣтей обоого пола — 1 на 517 душъ. — 4) Всѣхъ заведеній для начальнаго обученія дѣтей и взрослыхъ — 1 на 388

поэтому необходимо принять безотлагательно самыя энергическія мѣры ко всеобщему и прочному распространенію его въ народѣ, — въ то же время, примѣрами Германіи, Швейцаріи и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ старался убѣдить, что лучшая и вѣрнѣйшая въ этомъ отношеніи мѣра — обязательное и для всѣхъ безъ изыятія даровое обученіе (*l'enseignement obligatoire et la gratuité absolue*). Но государственный совѣтъ, куда министерскій докладъ былъ переданъ на обсужденіе, признавъ единодушно безотлагательность многихъ улучшеній въ области начального обученія, не вполне согласился съ министромъ касательно дароваго обученія и совершенно отвергъ его мнѣніе о введеніи обязательности обученія.

Составленный въ государственномъ совѣтѣ проектъ новаго закона объ улучшеніяхъ въ области начального обученія внесенъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія въ законодательную палату еще въ началѣ прошлаго 1866 года; но спеціальная коммиссія, назначенная палатою изъ ея членовъ для разсмотрѣнія и обсужденія правительственнаго проекта, опоздала съ представленіемъ изготовленнаго ею доклада, такъ что потребовалось отложить пренія до сессіи нынѣшняго года.

Новый законъ въ своей окончательной редакціи, выработанной въ коммиссіи по предварительному соглашенію съ правительствомъ, состоитъ изъ двадцати двухъ статей, которыя и приводимъ здѣсь въ сокращенномъ видѣ.

Ст. 1. Каждая община (*commune*), состоящая изъ 500 душъ и болѣе, обязана имѣть, по крайней мѣрѣ, одну женскую школу. Въ каждой смѣшанной школѣ (*école mixte*, для дѣтей обоого пола), которою завѣдываетъ учитель, должно имѣть женщину для обученія дѣвочекъ швейнымъ работамъ (*les travaux à l'aiguille des filles*). Назначеніе ей назначаетъ префектъ, по представленію муниципальнаго совѣта.

Ст. 2. Департаментскій совѣтъ опредѣляетъ, сколько въ каждой душъ. — В) Учащихся: 1) Въ общественныхъ школахъ дѣтей обоого пола — 1 изъ 9,9 всего населенія. 2) Въ общественныхъ и частныхъ школахъ вмѣстѣ, дѣтей обоого пола — 1 изъ 8,13 всего населенія. 3) Во всѣхъ заведеніяхъ для начального обученія дѣтей обоого пола — 1 изъ 7,8 всего населенія. 4) Во всѣхъ заведеніяхъ для начального обученія дѣтей и взрослыхъ обоого пола — 1 изъ 6,9 всего населенія. — Д) Изъ всего числа учащихся дѣтей посѣщали школу: отъ 1 до 6 мѣсяцевъ — 31,4%⁰, 2) отъ 6 до 9 мѣсяцевъ — 18,8%⁰, 3) въ теченіе цѣлаго года — 49,8%⁰. — Е) Общинъ, не имѣющихъ ни одной школы, оставалось къ 1-му января 1866 г. — 694.

общинѣ должно быть общественныхъ школъ для мальчиковъ и для дѣвочекъ; какія общественныя женскія школы могутъ быть, смотря по числу воспитанницъ, поручаемы исправляющимъ должность учительницъ (*institutrices-adjointes*¹⁾), и въ какихъ случаяхъ могутъ быть открываемы одна или нѣсколько деревушечныхъ школъ (*écoles de hameau*²⁾), подъ руководствомъ помощниковъ учителей или помощницъ учительницъ (*adjoints ou adjointes*).

Ст. 3. Всякаго званія преподавателямъ и преподавательницамъ въ деревушечныхъ школахъ общины обязываются доставить помѣщеніе для нихъ и для школы, классную мебель и жалованье.

Ст. 4 и 5. Учительницы (*institutrices*) и исправляющіе должность учителей (*instituteurs-adjoints*) раздѣляются на два разряда: причисленные къ первому разряду получаютъ жалованья не менѣе 500, ко второму не менѣе 400 фр. Жалованье исправляющихъ должность учительницъ (*institutrices-adjointes*) 350 фр. Помощникамъ и помощницамъ, завѣдывающимъ деревушечными школами, жалованье назначаетъ префектъ, по заключенію муниципальнаго и департаментскаго совѣтовъ.

Ст. 6. Если при какой-либо общественной школѣ имѣется одинъ или нѣсколько учительскихъ помощниковъ или помощницъ, въ такомъ случаѣ часть платы за ученіе, съ разрѣшенія департаментскаго совѣта, идетъ на увеличеніе ихъ жалованья.

Ст. 7. Учителямъ и учительницамъ за преподаваніе въ общинной школѣ для взрослыхъ можетъ быть назначено денежное вознагражденіе министромъ народнаго просвѣщенія на счетъ суммъ государственнаго казначейства, по ходатайству префекта, основанному на представленіи муниципальнаго совѣта.

¹⁾ Во Франціи три степени начальныхъ учителей и учительницъ: 1) *Instituteurs* и *Institutrices titulaires*, 2) *Instituteurs-adjoints* и *Institutrices-adjointes*, 3) *adjoints* и *adjointes*. Первое званіе получается послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы: это дѣйствительные учителя и учительницы, которыхъ способности испытаны, и которымъ поэтому ввѣряются уже школы помногочуднѣе и съ бѣльшимъ содержаніемъ. Второе званіе присвоится начинающимъ учебную службу: это какъ бы еще исправляющіе должность учителей или учительницъ. Третьи опредѣляются обыкновенно въ помощь къ дѣйствительнымъ учителямъ и учительницамъ, и по новому закону, въ деревушечныя школы, учителями и учительницами: это собственно помощники и помощницы.

²⁾ *Hameau* — деревенька, деревушка, поселокъ, селеніе, состоящее изъ двухъ, трехъ или нѣсколькихъ домовъ, а даже и одиночная усадьба, малороссійскій хуторъ.

Ст. 8. Каждой общинѣ, желающей содержать одну или нѣсколько совершенно безплатныхъ школъ (*entièrement gratuites*), сверхъ существующихъ денежныхъ средствъ, предоставляется установить и взимать на этотъ предметъ экстраординарный налогъ въ опредѣленномъ количествѣ (не выше 4 сантимовъ). Въ случаѣ недостаточности средствъ общины, ей можетъ быть выдано пособіе изъ суммъ департамента и государственнаго казначейства.

Ст. 9, 10, 11, 12, 13 и 14 касаются преимущественно состава жалованья начальныхъ учителей и учительницъ. Учительское жалованье въ общинѣ, гдѣ введена *la gratuité absolue*, составляютъ:

- 1) Основное жалованье (*le traitement fixe*) — 200 франковъ.
- 2) Вознагражденіе взаменъ платы за ученіе съ cadaго изъ наличныхъ учениковъ, по таксѣ ежегодно устанавливаемой префектомъ, по заключенію муниципальнаго и департаментскаго совѣтовъ.
- 3) Дополненіе изъ суммъ общинныхъ, департаментскихъ и государственнаго казначейства въ случаѣ, если основное жалованье и вознагражденіе, въ сложности, не достигаютъ опредѣленнаго закономъ 1862 года и настоящимъ закономъ *minimum* учительскаго жалованья.

Жалованье во всѣхъ другихъ общинахъ, сверхъ основнаго жалованья и въ потребномъ случаѣ дополненія, какъ выше изъяснено, составляютъ:

- 1) Плата за ученіе.
- 2) Вознагражденіе за всѣхъ наличныхъ учениковъ, освобожденныхъ отъ платы за ученіе, по таксѣ установленной префектомъ, какъ выше сказано.

Ст. 15. Муниципальный совѣтъ, съ разрѣшенія префекта, можетъ учредить въ каждой общинѣ школьную кассу, съ цѣлью поощрять и облегчать посѣщеніе школы награжденіемъ воспитанниковъ исправныхъ и доставленіемъ пособія бѣднымъ. Доходъ кассы составляютъ: добровольная складчина, пособіе отъ общины, департамента и казны; дарственные записи и духовныя завѣщанія. Разрѣшено соединяться нѣсколькимъ общинамъ для образованія одной общей школьной кассы.

Ст. 16. Начальныя основанія французской исторіи и географіи входятъ въ составъ обязательныхъ предметовъ начальнаго обученія.

Ст. 17. Подчиняются университетской инспекціи, наравнѣ съ общественными школами, школы свободныя, учрежденныя вмѣсто общественныхъ (*demi-publiques*) или получающія пособія отъ общины, департамента или казны.

Ст. 18. Обязательство посвятить себя, въ теченіе десяти лѣтъ, общественному обученію, данное съ цѣлью освободиться отъ военной службы, до вынутаго жребія, можетъ быть выполнено учителями и помощниками ихъ, какъ въ общественныхъ, такъ и въ полубообщественныхъ школахъ, по указанію министра народнаго просвѣщенія.

Ст. 20. Свободные учителя и учительницы, принимающіе въ свою школу, безъ разрѣшенія департаментскаго совѣта, первые — дѣвочки и послѣднія — мальчики, подвергаются взысканію.

Ст. 21. Никакая начальная школа, общественная ли она или свободная, не можетъ, безъ разрѣшенія департаментскаго совѣта, принимать дѣтей ниже шестилѣтняго возраста, если имѣется въ общинѣ пріютъ (*salle d'asile*) общественный или частный (*publique ou libre*).

Проектъ закона разсматривался и обсуждался въ законодательной палатѣ съ двухъ сторонъ. Первые два засѣданія (1-го и 2-го марта нов. ст.) употреблены были на общія пренія, имѣвшія предметомъ цѣль и основанія предложеннаго закона о начальномъ обученіи; въ остальныхъ же пять засѣданій (7, 8, 9, 10 и 11-го марта нов. ст.) обсуждались отдѣльныя статьи.

Пренія происходили подъ предсѣдательствомъ графа Валевскаго, а въ отсутствіи его, подъ предсѣдательствомъ вице-президента (нынѣ президента) Шнейдера. Кромѣ докладчика, Шошара, и нѣкоторыхъ другихъ членовъ палатской комиссіи, защищали проектъ, со стороны правительства, министръ народнаго просвѣщенія Дюрюи, президентъ государственнаго совѣта Вюнтри, юстиціи и вѣроисповѣданій Барошъ, и правительственные комиссары Карль Роберъ и Жантеръ.

Пренія открылись рѣчью *Кольбъ-Бернара*, депутата ультра-клерикальной партіи. Рѣчь его была направлена противъ господствующей правительственной системы, духа и направленія народнаго образованія во Франціи вообще. Отчасти потому, что ораторъ читалъ свою рѣчь по тетради невнятнымъ голосомъ, но главное, кажется, потому, что ультра-клерикальная партія очень мало имѣетъ сторонниковъ въ законодательной палатѣ, товарищи Кольбъ-Бернара слушали рѣчь его безъ особеннаго вниманія. Вотъ что сказано о ней въ *Revue de l'instruction publique* (2-го марта 1867 г., № 49): „Кольбъ-Бернаръ, представитель одного изъ округовъ Сѣвернаго департамента, могъ бы быть отличнѣе представителемъ журнала *le Monde* (прежній *l'Univers*). Почтенный депутатъ, къ сожалѣнію, не ораторъ. Когда онъ говорилъ, то-есть, когда онъ читалъ свое объемистое произведеніе, слышанъ былъ глухой шопотъ, и видно одно только тихое маханье рукою съ

правильностью маятника; но этотъ шопоть произносилъ проклятія, а эта десница бросала молніи. Университетъ, въ лицѣ Дюрюи, принималъ въ открытую грудь бросаемый въ упоръ градъ священннхъ стрѣлъ. Одни только стенографы видѣли ихъ. Палата не подозрѣвала ничего. Только уже на другой день палата узнала о событіи, когда Дюрюи доводилъ до свѣдѣнія господъ депутатовъ нѣкоторые изъ выраженій, обращенныхъ къ нему. Тогда-то поднялся шумъ и крикъ между депутатами: „Мы ничего не слышали, а то бы непременно протестовали“. Правда; но все это было сказано, и по счастью, записано и напечатано“.

Хотя и въ самомъ дѣлѣ рѣчь Кольба-Бернара сильно пропитана духомъ ультрамонтанства и съ явными признаками отсталости, въ ней, однакожь, приведено нѣсколько весьма важныхъ уликъ, обнаруживающихъ существенные, особенно нравственные недостатки народнаго образованія во Франціи, — уликъ, основательности которыхъ все краснорѣчіе министра Дюрюи, вся ловкость его діалектики, ораторскихъ приемовъ и фразы не въ состояніи были вполнѣ опровергнуть. Поэтому замѣчательнѣйшія мѣста изъ рѣчи Кольба-Бернара, безъ сомнѣнія, будутъ прочтены не безъ интереса ¹⁾.

„Проектъ закона, говорилъ ораторъ, особенно въ томъ видѣ, какъ онъ внесенъ въ палату, вообще достоинъ похвалы; но онъ имѣетъ связь съ общею системою народнаго образованія во Франціи, духъ, направленіе и цѣль которой необходимо изслѣдовать. Чтò могутъ отъ нея выиграть интересы народнаго воспитанія, семейства, общества и свободы обученія? Чтò такое общественное обученіе? Чтò такое французскій университетъ, его орудіе? Какое его назначеніе и въ какихъ предѣлахъ можетъ онъ расширять и суживать свою дѣятельность? Въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда-либо, эти вопросы требуютъ разъясненія; ихъ окружаютъ недоверіе, боязнь, скрытыя угрозы. Необходимо узнать, идемъ ли мы къ централизациі, монополиі, или къ развитію свободы обученія?

„Оба эти направленія очень важны: они соотвѣтствуютъ двумъ ве-

¹⁾ Какъ изъ рѣчи Кольба-Бернара, такъ и изъ рѣчей другихъ ораторовъ, принимавшихъ участіе въ преніяхъ, только самыя замѣчательныя мѣста приводятся здѣсь цѣликомъ; болшею же частію извлекается сокращенно только то, чтò существенно и чтò можетъ быть одинаково интересно какъ для Француза, такъ и для Русскаго.

ликимъ идеямъ, оспаривающимъ другъ у друга власть надъ политическимъ міромъ. Одна, посредствомъ децентрализаціи, ведетъ индивидуальныя и коллективныя силы къ самостоятельному измѣнію; другая мечтаетъ о центральномъ абсолютизмѣ, какъ о первообразѣ соціальной организаціи. Центральный абсолютизмъ — это родъ политическаго пантеизма, въ которомъ всѣ права частныя и общественныя должны слиться, поглотить другъ друга и уничтожиться. Что такое французскій университетъ? Это обучающее государство (l'Etat enseignant). Но государство, расширяя свои притязанія и свои права въ области обученія, въ ущербъ свободы семьи, постоянно оказывалось не соответствующимъ неправильно присвоенному призванію. Спросите какого угодно отца семьи, какое, въ своемъ понятіи и согласно съ своими цѣлями, желаетъ онъ положить первое основаніе воспитанію дѣтей своихъ? Кто бы ни былъ этотъ отецъ семьи, каковы бы ни были его понятія, чувства, доктрины, онъ громко и отъ сердца отвѣтитъ: „Религіозное основаніе!“

„Религіозное основаніе, поэтому, есть первое условіе, которое семья имѣетъ право требовать и найти въ обученіи. Это-то условіе дѣлается для французскаго правительства все болѣе и болѣе невыносимымъ. Французское правительство усвоило себѣ новый принципъ, постоянно устраняющій изъ официальнаго словаря „господствующее вѣроисповѣданіе“, религію большинства, признавая общее равенство всѣхъ вѣроисповѣданій, всѣхъ вѣрованій и даже всѣхъ безвѣрій; оно принимаетъ безъ разбора въ свои гимназій (collèges) католиковъ, протестантовъ, евреевъ, магометанъ, и ввѣряетъ кафедры профессорамъ всѣхъ вѣроисповѣданій и даже не принадлежащимъ ни къ какому вѣроисповѣданію. Ясно, что такое правительство не въ состояніи поселить религію въ сердцахъ молодаго поколѣнія, призываемаго имъ въ свои школы. Удивительно ли, что это поколѣніе, выходя изъ общественныхъ школъ, спрашиваетъ: „Что такое истина?“

„Вотъ гдѣ подводный камень, котораго французскій университетъ не могъ миновать никогда. Его безсиліе особенно обнаруживается въ преподаваніи философіи, которое онъ то отмѣняетъ, то сводитъ къ одной логикѣ. Когда же онъ рѣшился ввести въ свои школы философію собственно, то принялъ систему противорѣчій и отрицаній, которая создаетъ изъ истины полузаблужденіе, а изъ заблужденія истину, — словомъ, систему эклектизма. Но такая система, какъ ни логична она, не образуетъ ни твердыхъ убѣжденій, ни твердой воли, то-есть, не образуетъ людей. Изъ того, что образуется такимъ спо-

собомъ, выходитъ поколѣніе безпокойное, жадное къ нововведеніямъ, страстное къ политическимъ переворотамъ, въ которыхъ оно надѣется отыскать то слово истины, котораго не сказала ему школьная наука. Такимъ, быть-можетъ, образомъ приготовляются тѣ студенческіе конгрессы¹⁾, на которыхъ проповѣдываютъ, именемъ прогресса, отрицаніе Бога, святость насилія, верховную власть убійства, челоуѣколюбіе, дѣйствующее посредствомъ гильотины. Революціями колеблютъ почву, на которой Французы столько лѣтъ строятъ свои шаткія зданія. Равнымъ образомъ, путемъ логической послѣдовательности, въ видѣ прогресса, развивается подъ именемъ реальныхъ школъ, система конечнаго разъединенія религіи съ наукою.

„Въ системѣ французскаго обученія какое мѣсто занимаетъ сердце? Воспитанникъ учебныхъ заведеній вообще любитъ ли своихъ наставниковъ и товарищей? Лицен составляютъ ли семью, или, вѣрнѣе, это казармы, гдѣ строгость дисциплины, иго безплоднаго труда и какаятто болѣзненная скороспѣлость подавляютъ чистыя, наивныя радости юности? Не тамъ ли, съ чувствомъ досады и скуки, развивается вражда и отвращеніе, тотъ скороспѣлый плодъ семени мятелей, которое столь быстро всыхиваютъ въ нѣдрахъ французскаго общества, если не укрощаетъ ихъ добровольная дисциплина сердца, которое охотно повинуется тогда только, когда оно любитъ и уважаетъ

„Вотъ неисправимый недостатокъ французскаго университета, горько оплакиваемый родителями и болѣзненно ощущаемый обществомъ. Сознавая свое радикальное безсиліе въ этомъ отношеніи, университетъ хлопочетъ только о пустыхъ реформахъ въ системѣ народнаго обученія, наводняетъ Францію циркулярами, узаконеніями, инструкціями, статистическими цифрами. Сегодня отмѣняетъ преподаваніе философіи; но завтра возстановляетъ его для прикритія ничтожества своей воспитательной программы. То вводитъ раздвоеніе курсовъ (bifurcation), подъ предлогомъ способствованія успѣхамъ общественнаго обученія; то отмѣняетъ его, будто убѣдясь, что оно ослабляетъ ученіе; то снова возстановляетъ его въ формѣ спеціальнаго обученія, въ которомъ нѣтъ ничего спеціальнаго, и которое, на самомъ дѣлѣ, не иное что, какъ ослабленіе классической науки“.

Ораторъ строго порицаетъ введенное министромъ Дюрюи преподаваніе въ лицейхъ и коллежахъ курса современной исторіи, потому что это преподаваніе вводитъ, по его мнѣнію, юные умы въ бурную

¹⁾ Авторъ намекаетъ на бывшій весной нынѣшняго года конгрессъ въ Лютихъ.

атмосферу политической раздражительности, несправедливости и клеветы, между тѣмъ какъ первѣйшую потребность для нихъ составляетъ совершенное усиленіе политическихъ страстей.

Г. Кольбъ-Бернаръ съ величайшею похвалою отзывается о законѣ 15-го марта 1850 года, открывшемъ, по его мнѣнію, широкое поле для свободнаго обученія, какъ предоставленіемъ муниципальнымъ совѣтамъ выбора и назначенія учителей въ начальныя школы, такъ и тѣмъ, что онъ, признавъ законною и необходимою принадлежностью духовныхъ конгрегацій дѣятельное участіе въ дѣлѣ народнаго обученія, не требовалъ отъ сестеръ-конгрегацистокъ, для занятія должности начальныхъ учительницъ, другой гарантіи, кромѣ письменнаго назначенія ихъ со стороны ихъ духовнаго начальства (*lettres d'obédience*). Но ораторъ возстаетъ противъ законовъ 1852 и 1854 годовъ, яко бы изданныхъ по ходатайству университета, то-есть, министра народнаго просвѣщенія, въ видахъ стѣсненія свободы обученія вообще, а въ частности свободы обученія, предоставленной духовнымъ конгрегаціямъ. „Господствовать и помощать“, — такова, по словамъ Кольбъ-Бернара, цѣль, преслѣдуемая французскимъ правительствомъ, или министромъ народнаго просвѣщенія, въ отношеніи къ свободному обученію. Министерство окружаетъ его все болѣе и болѣе стѣснительными формальностями и подозрительнымъ надзоромъ, слѣдя за его книгами для чтенія и для ученическихъ наградъ и постоянно давая ему чувствовать духъ инквизиціи и недовѣрія. А между тѣмъ казалось бы, что духовныя конгрегаціи должны въ настоящее время составлять одинъ изъ существенныхъ органовъ народнаго образованія. Опасности общества, потрясеннаго такимъ множествомъ бездушныхъ доктринъ, теперь болѣе, чѣмъ когда-либо усиливаютъ потребность въ подобномъ органѣ. Обученіе нуждается въ нравственномъ обузданіи, которое послужило бы несомнѣннымъ обезпеченіемъ религіи, семьи, собственности, одинаково угрожаемыхъ. Поэтому казалось бы необходимымъ дать народу такихъ наставниковъ, которые, въ его глазахъ, подавали бы примѣръ тѣхъ высокихъ добродѣтелей послушанія и самоотверженія, на которыхъ зиждется всякая человѣческая жизнь, какъ общественная, такъ и индивидуальная. Но церковь, это первѣйшее великое народное установленіе, никогда не отказывавшаяся отъ своего учительскаго призванія свыше, показала правительству, въ дѣлѣ народнаго обученія, подозрительною и стѣснявшею соперницею, отъ которой нужно было избавиться. Вотъ почему общины лишились права выбора и назначенія начальныхъ учителей и учи-

тельницъ. Сперва духъ централизаціи предоставилъ было назначеніе ихъ ректорамъ академій, но потомъ политическія соображенія заставили передать это право въ руки префектовъ. Казалось бы, однакожь, что всякія мѣры, затрудняющія путь, особенно сестрамъ-конгрегантисткамъ, къ занятію преподавательской должности, неумѣстны со стороны правительства въ настоящее время, когда при его стремленіи увеличить число начальныхъ школъ, свѣтскихъ кандидатокъ въ учительницы является очень мало. Да и между наличными свѣтскими учительницами есть молодыя дѣвщцы, желающія выйти замужъ, или матери, обремененныя семейными заботами, тогда какъ сама религія устранила сестеръ-конгрегантистокъ отъ заботъ сего міра, связавъ ихъ обѣтами самоотверженія и цѣломудрія и посвятивъ ихъ всецѣло высокому и трудному призванію не только учить, но и воспитывать дѣтей народа. По университетъ или министерство народнаго просвѣщенія не только не признаетъ *lettres d'obédience* достаточною гарантіей учительской способности сестеръ-конгрегантистокъ, но еще и предлагаетъ новый законъ, по силѣ котораго братія-послушники духовныхъ конгрегацій, занимающіеся обученіемъ, могутъ быть освобождены отъ военной службы въ такомъ только случаѣ, когда они занимали учительскую должность въ продолженіе десяти лѣтъ въ общественныхъ или въ такъ-называемыхъ полубообщественныхъ школахъ (*publiques ou semi-publiques*), во всемъ строго подчиненныхъ администраціи.

Оратору кажется, что нынѣшній министръ народнаго просвѣщенія едва-ли не болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ стремится къ стѣсненію и монополизаціи обученія; онъ изъ числа тѣхъ, которые хотятъ подчинить религію философіи и на всѣхъ ступеняхъ водворить не столько религіозное, сколько философское образованіе.

Слѣдующій ораторъ, *Малезьё* (*Malezieu*), принадлежащій, повидимому, къ умѣренной фракціи правительственнаго большинства, но, въ то же время, сторонникъ дароваго обученія, доказывалъ въ своей рѣчи, что невѣжество — главная причина бѣдственнаго положенія простаго народа во Франціи, что поэтому элементарное образованіе есть общественный долгъ, и что вѣрнѣйшее средство распространить въ народѣ необходимое элементарное образованіе, это введеніе во всѣхъ начальныхъ школахъ абсолютно-дароваго обученія.

„Еще недалеко то время, — такъ началъ свою рѣчь г. Малезьё, — когда во Франціи самыя серьезныя и безъ сомнѣнія, умныя и честныя люди считали

вреднымъ излишнее распространеніе въ простомъ народѣ элементарнаго образованія. Кромѣ катихизиса, которому легко выучить даже и не умѣющихъ ни читать, ни писать, дальнѣйшее обученіе, по ихъ мнѣнію — это печальный подарокъ для дѣтей, назначеніе которыхъ жить трудами рукъ своихъ, и опасный для общества. Образованный ремесленникъ вскорѣ почувствуетъ презрѣніе и отвращеніе къ своему ремеслу, считая его унижительною для себя; вздумаетъ перемѣнить настоящее свое положеніе на другое, болѣе, какъ ему кажется, соответствующее его вкусамъ и способностямъ, и съ той поры сдѣлается непослушнымъ, резонеромъ, — словомъ, дурнымъ работникомъ. По мѣрѣ того, какъ будетъ распространяться образованіе среди сельскаго населенія, все труднѣе будетъ управлять работникомъ, и, живеть ли сельскій философъ, по необходимости, въ деревнѣ, или, увлекаясь гордостію и честолюбіемъ, переселится въ городъ, во всякомъ случаѣ это будетъ исполнѣнъ созрѣвшій ученикъ революціонныхъ демагоговъ самаго низкаго сорта. Поэтому, такъ какъ распространеніе элементарнаго образованія между рабочими классами не болѣе какъ политическая закваска безпорядковъ, неповиновенія и социальнаго разврата, то не лучше ли, въ интересѣ общественнаго спокойствія и безопасности, въ интересѣ производительности и народнаго богатства и даже въ интересѣ собственной пользы рабочихъ классовъ, оставить ихъ въ блаженномъ невѣжествѣ, удаляющемъ ихъ отъ безумныхъ желаній и отъ безумнѣйшихъ стремленій къ осуществленію невозможной будущности? Когда всѣ рабочіе люди будутъ умѣть читать и писать, тогда кто же станеть за нихъ пахать землю? Наконецъ, когда проповѣдники распространенія грамотности въ простомъ народѣ горячо настаивали на томъ, что долгъ каждаго общества выучить чтенію и письму каждаго изъ своихъ членовъ и въ свою очередь, долгъ каждаго образованнаго человѣка просвѣщать себя подобными, разсудительные консерваторы отвѣчали имъ слѣдующимъ правиломъ, почерпнутымъ, какъ они говорили, изъ вѣковаго опыта и народной мудрости: „Нужно всякому дать образованіе, соответствующее его спеціальному положенію въ обществѣ; а слѣдовательно, ремесленника не должно учить ничему болѣе, кромѣ того, что строго необходимо для производства его ремесла“.

„А между тѣмъ, пока въ образованныхъ слояхъ общества спорили о вредѣ или пользѣ образованія рабочихъ классовъ, классы эти не только коспѣли въ невѣжествѣ, но и не чувствовали ни малѣйшей потребности въ образованіи. Привыкшіе жить кое-какъ, перебиваясь со дня на день, плодами своей работы, они вообще были равнодушны къ обученію дѣтей, и иногда питали даже къ нему и враждебное чувство, такъ какъ оно лишало ихъ нѣсколькихъ копѣекъ, которыя могли для нихъ заработать дѣти ихъ, достигшія школьнаго возраста.“

„Только очень недавно еще, благодаря прогрессу либеральныхъ идей, во Франціи дѣло народной грамотности подвинулось впередъ, и теперь всѣ уже согласны въ томъ, что распространенія его въ массѣ народа требуетъ не только общественный долгъ, но и общественная польза“.

Въ доказательство того, что образованное населеніе производитъ и болѣе и лучше невѣжественнаго, ораторъ приводитъ примѣръ Шот-

ланцевъ, которые, въ старое время, почитались ни къ чему негодными, кромѣ солдатчины, и охотно продавали свою жизнь всякому, кто платилъ имъ. А теперь Шотландцы въ такой степени понятливы и способны мастера, что каждый, кому нуженъ, въ метрополи или въ колоніяхъ, дѣльный управитель для сельскаго хозяйства, для торговли или для мастерской, выбираетъ предпочтительно Шотландца. Какая же причина такого перерожденія? Учреждено множество элементарныхъ школъ по всей Шотландіи; на мѣсто стараго явилось поколѣніе новос, дѣятельное, промышленное, образованное и въ добавокъ, въ превосходной степени нравственно и религіозное.

„Съ тѣхъ поръ, въ мнѣніи экономистовъ, невѣжество считается проказою, которая отнимаетъ у соціальнаго тѣла здоровье, крѣпость, силу, энергію, дѣятельность, не представляя въ то же время никакого ручательства за общественную безопасность. Въ невѣжественномъ населеніи не трудно яростному демагогу воспламенить самыя дикія страсти. Отсюда слѣдуетъ, что нужно строить школы, чтобы не имѣть надобности строить тюрьмы“.

(Многочисленные голоса на скамьяхъ: „Очень хорошо.— Тамъ, гдѣ нѣтъ удачи жаждарму, удается народному учителю.— Гдѣ полны школы, тамъ тюрьмы пусты“).

Впрочемъ, по увѣренію г. Малезьё, въ настоящее время, потребность элементарнаго образованія проникаетъ и во всѣ слои французскаго общества: самыя бѣдныя люди готовы приносить величайшія жертвы, готовы отнять у себя послѣдній кусокъ хлѣба, лишь бы только доставить дѣтямъ элементарное образованіе. Дѣло, слѣдовательно, элементарнаго образованія окончательно выиграно, по крайней мѣрѣ, въ теоріи; ибо на практикѣ нужно еще преодолѣть не мало препятствій.

Главное препятствіе къ распространенію элементарнаго образованія во Франціи г. Малезьё полагаетъ въ недостаточномъ развитіи бесплатности ученія (*la gratuité*). По официальнымъ свѣдѣніямъ, среднее число не платящихъ учениковъ во французскихъ начальныхъ школахъ вообще составляетъ отъ 35 до 40%. Но здѣсь слѣдуетъ принимать въ соображеніе отнюдь не большіе города и не богатыя общины, гдѣ введена бесплатность обученія, или абсолютная, или въ широкихъ размѣрахъ; здѣсь нужно имѣть въ виду сельскія общины, которыхъ до 30.000, и въ которыхъ среднее число бесплатныхъ учениковъ не превышаетъ и 20%. Притомъ же, хотя по закону 1850 года освобождаются отъ платы за ученіе всѣ дѣти, семейства кото-

рыхъ признаны несостоятельными муниципальнымъ совѣтомъ, но декретъ 1853 года сдѣлалъ какъ будто шагъ назадъ, предоставивъ префекту, въ концѣ каждаго учебнаго года, опредѣлить *maximim* числа дѣтей, которые могутъ быть освобождены отъ платы. Такимъ образомъ даровое обученіе сводится до 10% и даже ниже, именно въ такихъ сельскихъ общинахъ, гдѣ бѣдныхъ семействъ вдвое, втрое и даже вчетверо болѣе, нежели въ общинахъ большихъ городовъ.

Правда, обсуждаемый законъ, предоставляя всѣмъ безъ изъятія общинамъ право вводить у себя абсолютно-даровое обученіе (*la gratuité absolue*), разрѣшаетъ въ то же время установленіе новаго экстраординарнаго, спеціально на этотъ предметъ назначаемаго налога и въ случаѣ недостаточности его, обезпечиваетъ пособие отъ департамента и отъ казны; но все же, и при этихъ условіяхъ, только болѣе зажиточныя общины, для которыхъ взиманіе новаго налога не окажется слишкомъ обременительнымъ, будутъ въ состояніи ввести абсолютную или общую для всѣхъ дѣтей бесплатность. Всѣ же прочія общины останутся при условіяхъ закона 1850 г., то-есть, только семейства, официально признанныя бѣдными, не будутъ платить за ученіе дѣтей своихъ, а между тѣмъ, многія изъ семействъ, не попавшихъ въ списокъ бѣдныхъ, будучи не менѣе попавшихъ въ него несостоятельными, навѣрное предпочтутъ послать дѣтей своихъ въ школу и платѣ за ученіе послать ихъ на фермы или на фабрики, чтобы воспользоваться ихъ копѣчными заработками.

Изъ всего сказаннаго ораторъ выводитъ безусловную необходимость изысканія мѣръ къ введенію повсемѣстно во Франціи абсолютно-дароваго начальнаго обученія.

Но г. Малезьё полагаетъ, что и при абсолютной бесплатности все еще многія дѣти не будутъ посѣщать школы потому единственно, что родители не въ состояніи снабдить ихъ необходимою одеждою и классными принадлежностями: „Больные, хилые, старики, нищія призражаются въ больницахъ и богадѣльняхъ на послыльныя подаванія въ христіанскомъ духѣ; но можетъ ли быть что-либо творимо въ болѣе христіанскомъ духѣ, какъ подаваніе ученія“? Результатомъ такихъ соображеній, по мнѣнію оратора, является въ проектѣ новаго закона (ст. 15) учрежденіе школьной кассы.

По официальнымъ статистическимъ свѣдѣніямъ числится еще болѣе 600 общинъ, не имѣющихъ никакой школы. Очевидно, это самыя бѣдныя общины, а главное то, что составляющія ихъ семейства живутъ разсѣянно, по одиночѣ, или небольшими деревушками, въ разстояніи

болѣе версты отъ школы. Ходить дѣтямъ въ такую отдаленную школу зимою, въ осеннюю и весеннюю распутицу, и вообще въ дурную погоду, весьма неудобно, особенно для дѣвочекъ. Предполагаемое учрежденіе деревушечныхъ школъ (écoles de hameau ст. 3 и 6) способно въ значительной степени устранить это неудобство. Школы этого рода столь же необходимы, какъ и женскія. Въ томъ и другомъ отношеніи остается еще много сдѣлать во Франціи; есть множество маленькихъ деревушекъ безъ школъ; но есть и большіе города, въ 30.000 жителей и болѣе, въ которыхъ имѣется только по одной женской школѣ. А между тѣмъ кому неизвѣстно, что образованная и притомъ получившая хорошее нравственное и религіозное воспитаніе женщина есть оплотъ семейныхъ добродѣтелей, источникъ добродѣтелей общественныхъ, путеводительница къ идеалу политическаго и соціальнаго совершенства? Слѣдовательно, необходимы женскія школы повсюду, и въ то же время, повсюду, гдѣ нужно, школы деревушечныя.

Въ интересъ личнаго состава начальныхъ мужскихъ и женскихъ школъ, ораторъ того мнѣнія, что 1) ежели лишь малое число дѣвицъ, какъ вообще жалуются, посвящаетъ себя педагогическому призванію, то главная причина та, что положеніе учительницъ недостаточно обезпечено. Чтобъ удержать хорошихъ учительницъ, состоящихъ на службѣ, и поощрить дѣвицъ, получившихъ нужное педагогическое образованіе, къ поступленію на учебное поприще, есть только одно средство: нужно обезпечить положеніе учительницъ такъ, чтобы и вышедши замужъ, онѣ могли оставаться на службѣ, находя въ своемъ жалованьи болѣе или менѣе достаточный источникъ средствъ для удовлетворенія своихъ хозяйственныхъ потребностей. 2) Касательно же учителей, находя настоящее ихъ жалованье весьма скуднымъ, ораторъ желалъ бы увеличить его до такой степени, чтобъ оно обезпечивало учителю нѣкоторую степень независимости и значенія въ обществѣ. Нельзя отказать учителю въ правѣ быть избирателемъ, и ежели какому избирателю необходима тайная подача голоса, то, безъ сомнѣнія, начальному учителю. Но употреблять его электоральнымъ агентомъ, какъ это дѣлали нѣкоторые префекты, значитъ быть врагомъ начальнаго обученія.

Главное же, по мнѣнію оратора, слѣдуетъ отмѣнить декретъ 1854 года, предоставляющій префекту назначеніе начальныхъ учителей и учительницъ. Декретъ этотъ объясняли, во первыхъ, необходимостью предоставить назначеніе учителей власти, ближайшей къ поприщу учительской дѣятельности. Но въ такомъ случаѣ слѣдовало возложить это

дѣло на академическихъ инспекторовъ, а никакъ не на префектовъ. Повторныхъ, увѣрили, что это сдѣлано съ цѣлью децентрализація училищнаго управленія. Но предоставлять префекту назначеніе агентовъ специальной администраціи, вовсе не значитъ децентрализировать управленіе: это значитъ въ правильный организмъ общественнаго управленія вводить элементъ разстройства. Вотъ что въ 1833 году говорилъ объ этомъ Гизо: „Когда дѣло идетъ о выборѣ учителей, собственно о личномъ учебномъ составѣ, объ управленіи учебною частію, о надзорѣ за обученіемъ и методами, тогда всѣ эти атрибуты должны принадлежать не общей администраціи, не префектамъ и вице-префектамъ, но администраціи специальной — ректорамъ и инспекторамъ.

Депутатъ *Деламаръ*, бывшій префектъ одного изъ департаментовъ, обратилъ вниманіе палаты на слѣдующіе предметы:

1. Такъ какъ цѣль проекта новаго закона распространить учрежденіе женскихъ начальныхъ школъ въ сельскихъ общинахъ, то очень жаль, что коммиссія не обратила вниманія на средство пополненія и возобновленія личнаго состава начальныхъ учительницъ. Грустно сказать, что нормальныя школы для образованія начальныхъ учительницъ существуютъ только въ 11-ти департаментахъ, а въ другихъ 52 департаментахъ учреждены только нормальные курсы (педагогическіе). Между тѣмъ, однакожь, можно смѣло сказать, что департаменты, въ которыхъ обученіе сдѣлало наиболѣе успѣховъ, суть именно тѣ, въ которыхъ уже двадцать слишкомъ лѣтъ существуютъ женскія нормальныя школы. Департаментъ Крѣзь (*Creuse*), одинъ изъ самыхъ бѣдныхъ, который до 40.000 дѣтей своихъ высылаетъ ежегодно далеко искать средствъ пропитанія, въ университетской статистикѣ занимаетъ весьма видное мѣсто, благодаря существованію въ немъ, съ 1843 года, нормальной женской школы.

2. Почти всѣ административныя власти во Франціи приняли за правило не опредѣлять чиновника къ должности на его родинѣ. Это ошибка. Въ чужой странѣ новичка-чиновника окружаютъ интересаны, которые подслуживаніемъ, лестію, напештиваніемъ стараются завладѣть имъ и сбиваютъ съ толку. Самыя странныя ошибки, самыя возмутительныя беззаконія часто происходятъ единственно отъ незнанія молодыми чиновниками лицъ и дѣлъ той среды, въ которой они обречены жить. Случается, конечно, что чиновнику трудно съ точностію исполнять свою должность и среди родныхъ. Но такіе случаи весьма

рѣдки, и тогда чиновникъ или учитель и самъ пожелаетъ, чтобъ его перевели на другое мѣсто. Поставить же правиломъ, что учитель не можетъ занимать должность въ той общинѣ, въ которой онъ родился, или въ сосѣдней, значить лишить его лучшей опоры, въ которой онъ нуждается, особенно въ началѣ своей учебной дѣятельности. Затрудненіе бѣднаго молодаго учителя еще увеличится, ежели онъ попадетъ въ такое чужое селеніе, въ которомъ его естественные руководители, сельскій старшина (maître) и приходскій священникъ, въ непрерывной ссорѣ между собою. Въ мѣстности, съ которою онъ съ дѣтства знакомъ, учитель знаетъ мѣстныя причины вражды. Благоразуміе и совѣты родныхъ убѣдятъ его въ необходимости устраниваться отъ всякихъ интригъ и сосредоточиться на занятіяхъ по должности и на семейной любви.

3. Съ нѣкотораго времени слишкомъ бѣзцеремонно стали перемѣщать учителей изъ одной общины въ другую безъ всякой уважительной причины, большію частію единственно по капризу того или другаго вліятельнаго лица въ общинѣ. А между тѣмъ, произвольное перемѣщеніе, оскорбляя достоинство учителя и въ то же время разоряя его, часто влечетъ за собою охлажденіе къ должности въ перемѣщаемомъ. А потому необходимо: 1) чтобы мотивы перемѣщенія учителей разсматривались предварительно въ департаментскомъ совѣтѣ; 2) вызывались бы учителя къ объясненію, и 3) перемѣщаемымъ выдавалось бы денежное пособіе.

4. Чрезвычайно скудное учительское жалованье (700, 600, 500, 400 фр.) подвергается значительному вычету, именно:

a) 5% съ 700 фр. на пенсіонный капиталъ	35 фр.
b) Личной подати	1—50 сант.
c) За двери и окна	4—20 "
d) За мебель	3—70 "
e) За 3 дня работы въ натурѣ (trois journées de prestation)	4—50 "
f) На выписку департаментскаго училищнаго бюллетеня	3— " "
g) Ежегодный проѣздъ въ департаментскій городъ для присутствованія при раздачѣ наградъ учителямъ за отличіе по преподаванію въ вечернихъ школахъ для взрослыхъ	"—20 "
Итого	66 фр. 90 сант.

Затѣмъ чистаго учительскаго жалованья остается всего 633 фр. 10 сант.

Знакомый оратору учитель, отецъ восьмерыхъ дѣтей, будучи не въ состояніи заплатить 4 фр. 50 сант. за *trois journées de prestation*, работалъ три дня на сосѣднихъ дорогахъ съ заступомъ и ломомъ въ рукахъ. Работа, конечно, не унизила его, но три дня потеряны для ученія.

5. Законъ 1853-го года о пенсіяхъ, выгодный для административныхъ чиновниковъ, которые съ лѣтами повышаются въ должностяхъ и въ жалованьи, весьма невыгоденъ для начальныхъ учителей. Большая часть жалованья учителя состоитъ изъ платы за ученіе, сумма которой естественно уменьшается, по мѣрѣ того какъ съ лѣтами слабѣютъ его физическія силы, и онъ теряетъ возможность справиться съ многочисленною школою. По деревнямъ во Франціи нерѣдко встрѣчаются почтенные старцы, опрятно, но плохо одѣтые, согбенные подъ бременемъ лѣтъ и недуговъ, которые бродятъ отъ дома до дома, обращаясь за подаваніемъ къ частной благотворительности. Это учителя начальныхъ общественныхъ школъ, которые провели болѣе полустолѣтія въ обученіи дѣтей, образовали три или четыре поколѣнія честныхъ гражданъ! Такое зрѣлище достойно ли великой націи?

6. Обсуждаемымъ нынѣ закономъ отмѣняется бывшее у префектовъ право опредѣлять наибольшее число бесплатныхъ учениковъ въ каждой начальной школѣ; по новому закону, будетъ освобождаться отъ платы за ученіе всякій, кто не въ состояніи платить. Сверхъ сего, предоставляется департаментскимъ совѣтамъ, въ случаѣ опредѣленія въ какую-либо начальную школу помощниковъ или помощницъ, часть сбора денегъ за ученіе обращать въ прибавку къ ихъ жалованью. Оба эти распоряженія произведутъ очевидный ущербъ въ содержаніи учителя или учительницы, которые завѣдываютъ школою (*instituteur dirigeant une école*). Между тѣмъ предполагаемое вознагражденіе за курсы для взрослыхъ нельзя считать восполненіемъ этой потери, какъ потому что съ курсами для взрослыхъ увеличиваются учебныя занятія, такъ и потому, что это вознагражденіе составитъ какихъ-нибудь 50 или 60 фр., не болѣе. Оратору желательно, чтобы правительство сдѣлало изъ начального обученія такую професію, которая позволила бы честному человѣку за сего полезныя труды прожить скромно, но безбѣдно, и воспитать дѣтей; — чтобы учитель, услуги котораго драгоцѣннѣе для общества услугъ всякаго другаго чиновника, могъ исполнять свои, сами по себѣ тяжелыя обязанности,

не терзалъсь боязнію страдать вѣчно подъ гнетомъ нужды. Вѣдь повторяютъ же безпрестанно, что Франція достаточно богата, чтобъ оплачивать свою славу. Но есть ли слава больше, чище и долговѣчѣе той, которая приобрѣтается обезпеченіемъ народу образованія а тѣмъ, кто даетъ его, — существованія не роскошнаго, но по крайней мѣрѣ, почтеннаго (honorable).

Вслѣдствіе всѣхъ высказанныхъ имъ соображеній, г. Деламаръ предлагаетъ отослать проектъ въ комиссію, чтобъ въ немъ: 1) вычеркнуть статью 6-ю, 2) измѣнить законъ 1833-го года о пенсіяхъ начальныхъ учителей (loi sur la retraite des instituteurs); 3) ассигновать въ распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія ежегодно по 150.000 фр. на увеличеніе учительской пенсіи, по крайней мѣрѣ, до 365 фр.; 4) вотировать для внесенія въ государственный бюджетъ по министерству народнаго просвѣщенія кредитъ въ 13.600.000 ежегодно, на увеличеніе постояннаго или основнаго (fixe) жалованья начальныхъ учителей до 700 фр., вмѣсто прежнихъ 200, независимо отъ платы за ученіе.

Г. Карно, членъ оппозиціи, бывшій министръ народнаго просвѣщенія и вѣроисповѣданій въ 1848 году, съ удовольствіемъ признаетъ, что проектъ новаго закона дѣлаетъ шагъ впередъ въ народномъ образованіи, потому что его главная цѣль — организація начальнаго обученія дѣтей женскаго пола, слѣдовательно, исполненіе прискорбнаго пробѣла въ законѣ 1833 года. Государственныхъ людей, которые, имѣя власть въ тѣ времена, не упрочили женскаго образованія, ожидаетъ, по мнѣнію г. Карно, безпощадное осужденіе исторіи. Ошибка ихъ, парализовавъ плодотворное вліяніе женщины на цивилизацію, задержала прогрессъ цѣлаго поколѣнія.

По мнѣнію оратора, необходимо учредить для женщинъ высшія общественныя учебныя заведенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ создать особую систему обученія женскаго пола, такъ чтобъ во всѣхъ женскихъ начальныхъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ образованіе получило извѣстную степень опредѣленности, которой недостаетъ ему теперь. Но всего важнѣе то, чтобъ во всѣхъ женскихъ школахъ, по крайней мѣрѣ, въ послѣдній годъ воспитанія занимать дѣвицъ преимущественно такими упражненіями, которыя приготовили бы ихъ въ учительницы своихъ младшихъ подругъ. Ораторъ очень сожалѣетъ, что комиссія вовсе умолчала о нормальныхъ школахъ для образованія учительницъ. Въ воспитаніи дѣвочекъ, какъ и въ воспитаніи мальчиковъ, невоз-

можно достигнуть подлежащихъ результатовъ безъ хорошо организованныхъ этого рода педагогическихъ заведеній.

„Абсолютная бесплатность, продолжаетъ г. Карно, сдѣлала въ послѣднее время замѣчательные успѣхи. По словамъ министра народнаго просвѣщенія, она введена уже въ 7.889 начальныхъ школахъ, въ которыхъ обучается болѣе милліона дѣтей. А вотъ слова докладчика: „Все важнѣйшіе города вводятъ у себя даровое начальное обученіе, для всѣхъ дѣтей безъ изыатія. Въ самомъ дѣлѣ, даровое обученіе, разсматриваемое съ соціальной точки зрѣнія, рано вводитъ въ соприкосновеніе различные классы народа, и устанавливая добрыя отношенія между гражданами, должно производить весьма хорошія послѣдствія. Когда дѣти сидятъ на однихъ и тѣхъ же скамьяхъ, то непремѣнно перенимаютъ другъ отъ друга лучшія качества ума, сердца, обращенія. Уровень стоящихъ низко поднимается. Связи дѣтства, прочно сохраняясь въ воспоминаніи до зрѣлыхъ лѣтъ, будутъ поддерживать между людьми, поставленными въ положенія самыя перовныя, взаимное доброжелательство и послужатъ новымъ элементомъ согласія. Слѣдовательно, должно поздравить тѣ города, которые сумѣли, часто съ значительными пожертвованіями, обезпечить для себя этотъ счастливый результатъ“.

Когда же докладчикъ возразилъ, что комиссія одобряетъ абсолютную бесплатность, вводимую по доброй волѣ, но не навязываетъ ее не желающимъ, г. Карно сказалъ:

„Да, комиссія, выразивъ то, что вы слышали, ограничилась совѣтами. Она допускаетъ абсолютную бесплатность на счетъ общины, но не допускаетъ ее на счетъ казны. Отсюда непремѣнно разовьется большое неравенство въ степени цивилизаціи департаментовъ соразмѣрно съ ихъ средствами и съ состояніемъ въ нихъ образованія, во вредъ національному единству, — неравенство, которое не иначе можетъ исчезнуть, какъ съ установленіемъ болѣе прочной солидарности между населеніями чрезъ недопущеніе даровому обученію обратиться въ мѣстную привилегію богатства и образованности.“

„Но не довольно ввести даровое обученіе, а остается еще одно, — сказано въ докладѣ комиссіи, — довести недостаточныхъ родителей до сознанія всей важности благодѣянія, которое общественная щедрость обезпечиваетъ бѣднымъ семействамъ. Анатія, равнодушіе, своскорыстіе могутъ оставить школы пустыми и при абсолютной бесплатности. Недавно одинъ муниципальный советъ съ прискорбіемъ заявилъ въ своемъ протоколѣ, что изъ 50-и бѣдныхъ дѣтей, допущенныхъ въ школу бесплатно, едва лишь нѣсколько посѣщаютъ ее“. Отсюда видно, что однихъ совѣтовъ и увѣщаній мало, и что единственное средство преодолѣть слѣпое упорство, — это узаконить обязательность обученія (*obligation d'enseignement*). Напрасно противники ее приводятъ въ свое оправданіе свободу обученія. Обязательное обученіе не означаетъ обученія по извѣстной методѣ или въ извѣстныхъ школахъ; оно только заставляетъ отца семьи дать своимъ дѣтямъ элементарное образованіе, лишая его жалкой свободы — оставлять дѣтей своихъ въ невѣжествѣ!

„Въ Пруссіи тогда только принуждаютъ дѣтей посѣщать школу, когда отецъ не заботится обучать ихъ дома или въ другомъ мѣстѣ. То, что называется

въ Пруссіи школьнымъ понужденіемъ, до такой степени вошло въ привычку жителей, что оно теперь почти лишнее; а привычка дѣйствительно успѣшнѣе понужденія. Известно, что прусскіе солдаты все умѣютъ, по крайней мѣрѣ, читать и писать, и сознаютъ, что австрійскіе солдаты въ этомъ отношеніи гораздо ниже ихъ. Вотъ что одинъ изъ нихъ писалъ въ своемъ родномъ послѣ сраженія подъ Садовой: „Вы думаете, что игольчатныя ружья выиграли сраженіе подъ Садовой, а я утверждаю, что выигралъ его учитель начальной школы“.

Въ число обязательныхъ предметовъ начального женскаго обученія, кромѣ французской исторіи и географіи, г. Карно желалъ бы включить элементарныя понятія гігіены, знаніе которыхъ необходимо въ деревенской жизни, гдѣ часто слишкомъ молодья дѣвушки ухаживаютъ за дѣтьми. Не было бы лишнимъ также и понятіе о домашнемъ хозяйствѣ, такъ какъ заботы о домѣ лежатъ на обязанности женщины.

По совмѣстному докладу министра сельскаго хозяйства, торговли и публичныхъ дорогъ и министра народнаго просвѣщенія, состоялся въ нынѣшнемъ году императорскій декретъ о распространеніи въ начальныхъ школахъ обученія земледѣлію. Ораторъ искренно сочувствуетъ этому декрету, потому что по его мнѣнію, обученіе земледѣлію нигдѣ не можетъ быть болѣе полезнымъ, чѣмъ во Франціи: въ ней земледѣльческое сословіе, относительно, многочисленнѣе, нежели въ какой-нибудь другой странѣ¹⁾. На 37.000.000 жителей во Франціи приходится до 19-ти милліоновъ пахарей, тогда какъ въ Англіи при 20-ти милліонахъ жителей, ихъ только 2 милліона. Опасаются измѣненія этого отношенія по случаю переселенія земледѣльческаго населенія въ города. Есть только одно средство остановить это стремленіе — выучить крестьянина извлекать болѣе выгоды изъ своего состоянія. Французскій крестьянинъ менѣе нуждается въ деньгахъ, чѣмъ въ правильномъ понятіи объ употребленіи ихъ. Онъ часто занимаетъ деньги на покупку земли, но очень рѣдко на ея улучшеніе; покупаетъ землю по неимовѣрной цѣнѣ и скупились на расходы по ея воздѣлыванію!

По ежели обученіе земледѣлію должно преобладать въ сельскихъ школахъ, то рисованіе и черченіе необходимо усилить, по мнѣнію г. Карно, въ промышленныхъ центрахъ. Ораторъ убѣжденъ, что нація, въ которой обучаютъ рисованію и черченію наравнѣ съ чтеніемъ и письмомъ, вскорѣ превзойдетъ другія націи въ искусствахъ, требующихъ вкуса. Поэтому необходимо усилить, какъ въ школахъ для маль-

¹⁾ Кромѣ, разумеется, Россіи, а также и Австріи. *Прим. Ред.*

чиковъ, такъ и въ школахъ для дѣвочекъ, обученіе преимущественно орнаментному рисованію.

Г. Карно, также какъ и предшествовавшіе ему ораторы, не довольны тѣмъ, что назначеніе начальныхъ учителей остается и на дальнѣйшее время въ рукахъ префектовъ, на основаніи закона 1854-го года, изданнаго, по его словамъ, въ такое время, когда подъ вліяніемъ ревнивой реакціи, преобладало повсюду политическое недовѣріе.

Въ заключеніи, ораторъ совѣтуетъ второй имперіи разливать просвѣщеніе щедрою рукой, и въ доказательство благотворнаго дѣйствія просвѣщенія на народную нравственность, приводитъ слѣдующій примѣръ. 6-го іюня 1866 года, въ Безансонѣ долженъ былъ открыться ассизный судъ; но засѣданіе не состоялось, потому что не было записано на очереди ни одного уголовного дѣла. А надо знать, что Дубскій (du Doubs) департаментъ, гдѣ главный городъ Безансонъ, числится вторымъ въ сравнительной таблицѣ элементарнаго образованія во Франціи. Почти всѣ его жители получили это образованіе въ школахъ. „Вотъ краснорѣчивый фактъ, восклицаетъ ораторъ, — который убѣдительно рѣчи Мирабо“.

На другой день, 2-го марта (19-го февраля), открылъ засѣданіе законодательной палаты министръ народнаго просвѣщенія *Дюрюи* рѣчью, заключающею въ себѣ отвѣты каждому изъ вчерашнихъ ораторовъ: Кольбъ-Бернару, Малезьё, Деламару и Карно. Въ отвѣтъ Кольбъ-Бернару г. Дюрюи, ловко воспользовавшись съ одной стороны очевидною невнимательностію палаты къ рѣчи несчастнаго ультраклерикальнаго депутата, съ другой, дѣйствительно оскорбительною рѣзкостію нѣкоторыхъ его выраженій и наконецъ, преувеличенными клерикальными притязаніями, легко отразилъ всѣ слабыя и неловкіе удары, и такъ удачно, что уже почелъ возможнымъ не коснуться опроверженіемъ болѣе существенныхъ нападеній противъ духа и направленія французскаго образованія со стороны религіи и нравственности.

По словамъ министра, изъ всѣхъ членовъ палаты, высказавшихъ свое мнѣніе въ предыдущемъ засѣданіи, одинъ только г. Кольбъ-Бернаръ съ горечью заявилъ свое неудовольствіе противъ университета и того, кто въ настоящее время имѣетъ честь быть во главѣ его.

Одно лишь г. Кольбъ-Бернаръ признаетъ хорошимъ, — это конгреганистское обученіе. А такъ какъ университетское обученіе дурно, то и слѣдуетъ замѣнить послѣднее первымъ.

Но министръ завѣряетъ защитника духовныхъ конгрегацій въ томъ, что: 1) университетъ не учебное государство, а учебное сословіе, дѣйствующее посредствомъ учителей, которые проникнуты его духомъ и воодушевлены потребностію дать національное воспитаніе вѣрнымъ ихъ руководству дѣтямъ; 2) университетъ давнымъ давно отказался отъ монополіи. Нынѣ во Франціи каждый гражданинъ можетъ открыть школу начальнаго, средняго общаго и даже средняго спеціальнаго обученія; требуется только представить подлежащей власти двѣ бумаги: *brevet de capacité* и заявленіе желанія открыть школу. Такое же право предоставлено и духовнымъ ассоціаціямъ, участіе которыхъ въ дѣлѣ обученія значительно усилилось противъ прежняго: въ 1840 г., въ конгреганистскихъ школахъ обучалось 22% всего школьнаго населенія, а нынѣ обучаются въ нихъ 38%; въ 1840 году, лица, принадлежащія къ духовнымъ конгрегаціямъ, составляли 20% всего учебнаго сословія, а нынѣ составляютъ 43%.

„Сверхъ сего, продолжаетъ министръ, нѣтъ во Франціи ни одной университетской школы, которая не имѣла бы своей домашней церкви, своей церковной службы, своего законоучителя и не подчинялась бы епископскому надзору. Въ чемъ же, послѣ этого, состоитъ монополія университета? Чѣмъ стѣняется свобода ученія?

„Не могутъ отказать университету въ познаніяхъ, такъ какъ доказательства на лицо, въ его дѣйствіяхъ и людяхъ, которыхъ образовалъ онъ; поэтому отказываютъ ему въ сердцѣ, что, конечно, легче. „Да, говорятъ, вы весьма ученые люди; ученіе-то у васъ идетъ хорошо; но въ воспитаніи вы ничего не смыслите“. Но я долженъ энергически протестовать противъ такого обвиненія, какъ человекъ, который самъ былъ тридцать лѣтъ профессоромъ и собственнымъ опытомъ убѣдился, что эти двѣ вещи, обученіе и воспитаніе, нераздѣльны. Неуспѣшная заботливость о томъ, чтобы направить юные умы на путь истины и добра, очистить сердца учащихся, истребить въ однихъ ложныя понятія, въ другихъ дурныя чувства, неужели это не воспитаніе? А въ этихъ трудахъ и заботахъ проходитъ вся жизнь наставниковъ юношества отъ перваго до послѣдняго часа. Исторія, литература, положительныя науки (*sciences*), въ лекціяхъ, достойныхъ своего званія профессоровъ, возвышаютъ душу. А все то, что возвышаетъ душу, приближаетъ ее къ Богу. Потому-то наставники и ставятъ предъ глазами своихъ воспитанниковъ то, что безпрестанно имъ подсказываетъ: „Горѣ нѣтъ сердца!“

Далѣе министръ переходитъ къ разсмотрѣнію двухъ вопросовъ, которые, хотя о нихъ и не упоминается въ проектѣ закона, требуютъ, однакожъ, разъясненія со стороны правительства, потому что ихъ коснулись предшествовавшіе ораторы; это — назначеніе начальныхъ учителей префектомъ и высшее образованіе дѣвицъ.

Вступая въ должность министра народнаго просвѣщенія, г. Дюрюи,

по собственному увѣренію его, считалъ первѣйшимъ долгомъ своимъ предложить измѣненіе нынѣшняго порядка назначенія начальныхъ учителей. Но дальнѣйшій опытъ убѣдилъ его, что это лучшая организація и что ежели бы не было ея, то было бы необходимо изобрѣсть ее. Кому, спрашивается, поручить назначеніе начальныхъ учителей? Общинѣ? Она слишкомъ близко. Ректору? Онъ слишкомъ далеко, и въ его завѣдываніи иногда девять департаментовъ и до 8.000 лицъ учебнаго сословія. Академическому инспектору? Онъ самъ подчиненъ ректору. — Какой же нынѣ порядокъ? Префектъ назначаетъ начальнаго учителя не иначе, какъ по представленію академическаго инспектора. Такимъ образомъ, академическому инспектору, какъ ближайшему начальнику учебнаго дѣла, предоставляется выборъ учителя, префекту — окончательное опредѣленіе. А ежели бы префектъ рѣшилъ неправо, то у него есть также начальникъ. По дѣламъ начальнаго обученія префектъ — прямой агентъ министра народнаго просвѣщенія. Министръ получаетъ ежемѣсячно вѣдомость о перемѣнахъ по учебному вѣдомству, происшедшихъ въ департаментѣ, съ объясненіемъ побудительныхъ причинъ. Объ увольненіи же учителя каждый разъ представляется министру особое донесеніе съ изложеніемъ законныхъ мотивовъ, а въ случаѣ неудовлетворительности ихъ, министръ поручаетъ генеральному инспектору произвести изслѣдованіе.

Префектъ, во время объѣзда департамента, ревизуетъ начальныя школы, контролируетъ муниципальный бюджетъ, наблюдаетъ за правильнымъ употребленіемъ фондовъ, назначенныхъ на потребности обученія; председательствуетъ въ департаментскомъ совѣтѣ и доноситъ генеральному совѣту о всѣхъ расходахъ по департаменту, — словомъ, онъ не что иное какъ хозяинъ департамента, которому должны быть извѣстны всѣ матеріальныя и нравственныя интересы управляемыхъ. Не справедливо ли послѣ этого, что префекту принадлежитъ назначеніе начальныхъ учителей, тогда какъ самую существенную частію начальнаго обученія — методой, учебными курсами и книгами — завѣдываетъ ректоръ?

Говорили о многочисленныхъ перемѣщеніяхъ учителей (Деламаръ): цифры преувеличены. Бѣольшая часть перемѣщеній происходитъ въ видѣ награды. Въ началѣ своего служенія учитель получаетъ небольшую школу и небольшое жалованье. Но мѣрѣ того, какъ обнаруживаются его способности, усердіе и опытность, его перемѣщаютъ въ школу помноголюднѣе, гдѣ больше труда, но больше и выгоды. Дис-

циплинарныхъ перемѣненій сравнительно бываетъ очень мало, а еще менѣе удаленій отъ должности, и число ихъ ежегодно уменьшается.

Касательно увеличенія эмеритальной пенсіи начальнымъ учителямъ, при выходѣ ихъ въ отставку, по крайней мѣрѣ, до 365 фр., по числу дней въ году, министръ завѣряетъ, что правительство симпатизируетъ этому желанію, и готово употребить все стараніе, чтобъ оно осуществилось; но мѣра эта требуетъ особаго и тщательнаго изученія, такъ какъ она повлечла бы за собою измѣненіе общаго закона о пенсіяхъ.

О необходимости высшаго и спеціальнаго женскаго образованія министръ раздѣляетъ мнѣніе г. Карно. Элементарнаго образованія недостаточно для дѣвицъ, нужно больше. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи частная инициатива осуществила уже профессиональное или спеціальное образованіе. Существуютъ для дѣвицъ рабочіе классы и нѣсколько спеціальныхъ школъ. Въ одной изъ подобныхъ школъ, содержимой на ограниченныя средства частной благотворительности и назначенной исключительно для приходящихъ дѣвицъ, заведенъ слѣдующій порядокъ. Утромъ — совершенствованіе въ предметахъ начальнаго обученія; вечеромъ — вся школа, состоящая изъ 200 ученицъ, раздѣляется на пять или шесть мастерскихъ, между которыми достойны особаго вниманія: 1) швейная, гдѣ ученицы шьютъ домашнее бѣлье; 2) торговая, гдѣ счетныя книги ведутся въ отличной исправности и чистотѣ по всемъ торговымъ операціямъ. Напримѣръ: одна изъ воспитанницъ занимаетъ роль негоціанта въ Бордо, другая въ Петербургѣ; онѣ ведутъ между собою переписку по коммерческимъ дѣламъ и такимъ образомъ приготовляются въ секретари къ негоціантамъ. Всѣ онѣ обучаются англійскому языку и многія въ состояніи вести на немъ бесѣду. Школа эта недавно существуетъ, но уже 12 дѣвицъ изъ нея помѣщены въ торговыхъ домахъ. 3) Школа рисованія, въ которой дѣвчата приготовляются къ двумъ искусствамъ: гравированію на деревѣ и живописи на фарфорѣ.

Вотъ, заключаетъ министръ, образецъ профессиональныхъ школъ, которыя желательнаго завести во всѣхъ большихъ городахъ имперіи.

„Но для дочерей богатыхъ или достаточныхъ семействъ, продолжалъ г. Дюрюи, нужно что-нибудь другое, нужно образованіе болѣе литературное, — именно: свободные курсы (cours libres), которые дѣвчаты посѣщали бы въ сопровожденіи матерей. Такіе курсы уже и преподаются кое-гдѣ. Утрежденіе лицеевъ для дѣвицъ едва-ли осуществимо, да и не желательно. Другое дѣло интернаты для мальчиковъ: имъ нужно воспитаніе мужественное, дисциплина строгая и въ особенноти, безпрестанное, полирующее соприкоспо-

веніе другъ съ другомъ, то, наконецъ, лицейское товарищеское воспитаніе, которое, въ нѣкоторомъ отношеніи, такъ же необходимо, какъ и воспитаніе классное, потому что оно смягчаетъ шероховатости и съ дѣтства приучаетъ къ жизни. Дѣвица — созданіе, не скажу, хрупкое, но весьма нѣжное, которое нужно окружать такимъ множествомъ предосторожностей и береженій, что страшно и подумать о разлукѣ ея съ матерью. Поэтому не желалъ бы и учреждать для дѣвицъ интернаты (пансіоны), подобныя существующимъ мужскимъ интернатамъ. Для образованія дѣвицъ должны быть открыты другіе пути: экстернаты для образованія профессиональнаго, и свободные курсы для высшаго образованія. Изъ предметовъ, преподаваемыхъ на свободныхъ курсахъ, можно было бы держать серіозные экзамены (въ Hotel de ville de Paris), которые пользуются такою извѣстностію, что многія весьма богатые семейства подвергаютъ имъ дочерей своихъ, и конечно, не съ цѣлью посвятить ихъ званію учительницы, но единственно ради аттестата о ихъ знаніи“.

Затѣмъ министръ обратился къ апологіи новаго закона. Вотъ какими чертами онъ характеризуетъ его:

„Законъ 1867 года есть законъ органическій, какъ и законы 1833 и 1850 годовъ. Особенность его состоитъ въ томъ, что это законъ справедливости, воздаянія, гуманности. Слѣдовательно, это законъ совершенно въ духѣ нашего столь оклеветаннаго времени, которое, однакожъ, несравненно лучше тѣмъ говорить о немъ.“

„Въ отношеніи къ учителямъ, законъ 1867 года: 1) учреждаетъ 8.000 женскихъ школъ и 2.000 школъ дсревунисчныхъ, а это значить дать возможность образованію проникнуть въ самыя отдаленныя уголки имперіи; 2) учреждаетъ 13.000 учительницъ швейныхъ работъ въ смѣшанныхъ школахъ (école mixte). Работы этого рода будутъ, безъ сомнѣнія, способствовать введенію въ семействахъ болѣе благоприличія и порядка. Я согласенъ съ тѣми, которые думаютъ, что одежда имѣетъ нѣкоторое значеніе въ достоинствѣ человека, и что лохмотья на тѣлѣ часто обнаруживаютъ нищету духа. 3) Нынѣшній законъ увеличиваетъ число помощниковъ и помощницъ (adjoints, adjointes), это необходимое подспорье всякаго хорошаго обученія; 4) санкціонируетъ существованіе курсовъ для взрослыхъ; 5) упрочиваетъ содержаніе 15.000 учительницъ; 6) обезпечиваетъ участь 14.600 помощниковъ, жалованье которыхъ, а слѣдовательно, и существованіе зависѣло доселѣ отъ произвола общинъ и учителей школы (instituteur titulaire); 7) облечаетъ въ законную силу декретъ 1862 года, опредѣлившій для 35.000 учителей возвышенное *minimum* жалованья, которое общины и департаменты иногда отказывались пополнять, за неутвержденіемъ законодательною властью финансовыхъ распоряженій; 8) добавочною статьею обезпечиваетъ вознагражденіе за труды 30.000 учителей и учительницъ, преподающихъ въ вечернихъ школахъ для взрослыхъ, и наконецъ, 9) даетъ возможность муниципальнымъ и департаментскимъ властямъ возвышать жалованье учителей, соответственно ихъ заслугамъ, и чрезъ то поддерживать между ними соревнованіе.“

„Въ отношеніи къ учащимся: прежніе законы имѣли въ виду только бѣдность гражданъ; нынѣшній законъ заботится и о бѣдности общинъ. Была рѣчь о существованіи 8.000 начальныхъ школъ съ общимъ для всѣхъ дѣтей даро-

вымъ обученіемъ. Но гдѣ же такія школы? Въ большихъ городахъ. Въ другихъ мѣстностяхъ подобныя школы встрѣчаются очень рѣдко и существованіемъ своимъ, болѣею частію, обязаны какому-нибудь частному благотворителю. Сельскія населенія и въ особенности, населенія самыя бѣдныя, лишены дароваго обученія. Жалуются, что города притягиваютъ къ себѣ всѣхъ рабочихъ изъ селъ. Но зачѣмъ же въ городахъ скучено все, что только въ состояніи приманить рабочаго: даровыя больницы, искуснѣйшіе врачи, общества взаимной помощи для калѣкъ и хилыхъ; подневная плата выше сельской; жизнь не столь тяжелая, удовольствія, расточаемыя рабочему классу наравнѣ съ высшимъ классомъ? Какъ же рабочему не бросать села, гдѣ нѣтъ ничего подобнаго? — Доставьте же этимъ искутомимымъ труженикамъ, сельскимъ рабочимъ, которые всѣхъ кормятъ, составляя настоящую силу государства, военную и политическую, — доставьте имъ, по крайней мѣрѣ, одно изъ безчисленныхъ благодѣаній, которыя вы скопили вокругъ городскихъ рабочихъ, — доставьте имъ даровое обученіе, утвердивъ статью новаго закона, въ которой сказано, что когда общины, желающія ввести у себя абсолютно-даровое обученіе, употребятъ всѣ свои ординарныя и экстраординарныя средства — свои три спеціальныя сантима и четыре нынѣ требуемые экстраординарные сантима — на составленіе законнаго *minimum* учительскаго жалованья, и когда, однакожь, всѣхъ этихъ средствъ окажется недостаточно, и тѣмъ бѣдность общинъ сдѣлается очевидною; — въ такомъ случаѣ эти общины могутъ получать пособіе на этотъ предметъ отъ департамента и отъ казны.

„Какая же на все это потребуетъ сумма? Всего только до семи милліоновъ фр., которыми придется постепенно, — потому что законъ не можетъ вдругъ быть приведенъ въ исполненіе, — увеличить государственный бюджетъ.

„Обязательное обученіе (*l'obligation*) подняло было страшную бурю; но бываетъ, что буря прибываетъ корабль къ пристани. Палата, конечно, имѣла основаніе не показаться расположенною къ этой мысли; но, быть-можетъ, взглянувъ на дѣло ближе и пристальнѣе, она убѣдится, что и министръ, предлагавшій ее, былъ не совсѣмъ неправъ¹⁾. И въ самомъ дѣлѣ, что значатъ эти 30.000 курсовъ для взрослыхъ, которые были открыты въ теченіе прошедшей зимы? Не доказывается ли этимъ необходимость обязательнаго обученія, вызываемая правомъ общей подачи голосовъ (*suffrage universel*)? Что значатъ эти приходскіе священники, приносящіе церковныя свѣчи въ школу, въ которой не имѣется средствъ на освѣщеніе? Что значатъ эти безчисленныя толпы народа, которыя, не выирая ни на вѣтеръ, ни на дождь, ни на бездорожье, снѣжатъ въ вечернія школы? Послѣ всего этого, заключаетъ свою рѣчь министръ, я нисколько не въ претензіи, что мое отечество какъ бы однимъ скачкомъ достигло, или, по крайней мѣрѣ, коснулось той точки, на которой стоятъ иностранныя націи, не подъ влияніемъ понудительнаго закона, нисходящаго сверху, но по добровольному, свободному порыву патриотизма и чести, восходящихъ снизу.

¹⁾ Намекъ на докладъ министра Дюрюи въ мартѣ 1865 года, о которомъ сказано выше въ пояснительныхъ свѣдѣніяхъ.

(Живыя и многочисленныя одобренія, сопровождаемыя рукоплесканіемъ; министра, сѣвшаго на свою скамью, окружаетъ толпа депутатовъ, которые поздравляютъ его).

Жюль Симонъ, членъ оппозиціи, съ удовольствіемъ подастъ голосъ въ пользу предложеннаго закона, но считаетъ нужнымъ высказать предварительно свое мнѣніе по нѣкоторымъ изъ вопросовъ, о которыхъ разсуждали депутаты Малезьё и Карно и министръ Дюрюи, именно по вопросамъ: о даровомъ и обязательномъ обученіи, о замѣнѣ власти ректоровъ властью префектовъ по управленію начальными школами и объ учрежденіи высшихъ школъ для дѣвицъ. Мнѣніе оратора о даровомъ и обязательномъ обученіи давно извѣстно палатѣ: онъ всегда и вездѣ защищалъ и будетъ защищать эти общіе идеи. Сегодня, однакожь, онъ ихъ не коснется, и ограничится обсужденіемъ двухъ остальныхъ вопросовъ.

1. Г. Жюль Симонъ рѣшительно несогласенъ съ мнѣніемъ министра народнаго просвѣщенія, будто законъ 1854 года, раздѣлившій университетъ на двѣ части: учебную, завѣдываемую ректоромъ, и политическую, управляемую префектомъ, или вѣрнѣе, отрѣзавшій отъ университета самую существенную, самую жизненную изъ его принадлежностей — обученіе народной массы, будто такой законъ имѣлъ въ основаніи идею мудрую, практическую, сообразную съ интересами обученія.

Великая сила закона 1833 г., по мнѣнію оратора, состоитъ именно въ томъ, что онъ ввѣряетъ управленіе школами людямъ школы и въ выборѣ учителей предоставляетъ значительное, даже преобладающее вмѣшательство людямъ, имѣющимъ на то наибольшее право, и сужденіе которыхъ, въ подобномъ вопросѣ, самое вѣрное, то-есть, онъ предоставляетъ выборъ начальныхъ учителей отцамъ семействъ, или прямымъ ихъ представителямъ (муниципальному совѣту). Палата знаетъ, что сдѣлалъ законъ 1854 г., и по какимъ побужденіямъ; она знаетъ, что это законъ политическій отъ начала до конца. Министръ сказалъ, что муниципальные совѣты слишкомъ близко, а ректоры слишкомъ далеко. Но вѣдь до закона 1854 г. ректоры были гораздо ближе и даже слишкомъ близко, потому что съ 1850 года было по ректору на каждый департаментъ. Но при дѣйствіи закона 1833 г., ректоры не были ни слишкомъ близко, ни слишкомъ далеко: ихъ тогда было 26; вслѣдствіе чего, каждый изъ нихъ могъ вполне знать и весь личный составъ школъ, и нужды всѣхъ мѣстностей своего округа. Законъ 1854 года, сокративъ число ректоровъ до 16, лишилъ ихъ

половины принадлежавшихъ имъ правъ. Въ настоящее время элементарными школами завѣдываетъ лицо, совершенно чуждое школѣ. По словамъ г. министра, ректоры и агенты ихъ, инспекторы, сохраняютъ надзоръ за личнымъ составомъ начальнаго обученія относительно метода и результатовъ преподаванія. Но ректоръ не имѣетъ власти ни назначать, ни удалять начальныхъ учителей; власть эта перешла къ префектамъ; какое же, спрашивается, послѣ этого остается за ректоромъ значеніе и вліяніе по начальному обученію? Такое положеніе вѣрно, немислимо.

Во Франціи, продолжаетъ ораторъ, безпрестанно дѣлать обученіе на нѣсколько степеней. Это, конечно, имѣетъ свое основаніе, но не слѣдуетъ увлекаться маніей классификаціи. Правда, что начальное обученіе не то же самое, что обученіе среднее. Не должно, однакожь, забывать, что школа вездѣ школа, и что нужно имѣть одинаковый родъ способностей для управленія школами различныхъ степеней. Педагога затрудняютъ эти нѣсколько поверхностныя подраздѣленія, тѣмъ болѣе, что учащіеся въ начальныхъ школахъ большею частію переходятъ въ среднія учебныя заведенія, которые суть ихъ продолженіе и развитіе. Такое раздвоеніе училищной администраціи, которая должна быть единая, не оправдывается ни практикой, ни теоріей. — Каковъ бы ни былъ личный составъ инспекторовъ начальныхъ школъ (*inspecteur primaire*), все же это, по крайней мѣрѣ, люди школы, обладающіе важнѣйшимъ изъ качествъ, нужныхъ для управленія начальными школами, — знаемъ, что такое школа. Но гдѣ компетентность ихъ главнаго непосредственнаго начальника, префекта? Кто станетъ утверждать, что декретъ, напечатанный въ *Монитерн*, сообщать ему такое качество, которое пріобрѣтается только продолжительнымъ изученіемъ и продолжительною опытностію? Есть, конечно, должности, гдѣ въ нѣкоторой степени можно обойтись безъ компетентности и пополнить ее особенною понятливостію и гибкостію ума; но есть другія, гдѣ знаніе и опытность рѣшительно необходимы. А всякій согласится, что учебная должность требуетъ самаго спеціальнаго знанія, и самаго продолжительнаго приготовленія. Не было ли бы безуміемъ, на примѣръ, захватить врасплохъ на базарѣ челоувѣка, который до тридцати пяти или до сорока лѣтъ своей жизни занимался торговлею или фабричною промышленностію, произвести его въ ректоры академіи и ввѣрить ему управленіе сердцемъ, умомъ и всею будущностію новыхъ поколѣній? Но не то же ли самое значить — ввѣрить управленіе начальными школами префекту?

Когда министр народнаго просвѣщенія предполагаетъ ввѣрить какому-либо чиновнику одну изъ шестнадцати академій, то собираетъ предварительно самыя точныя справки о его прошедшемъ: о его службѣ, познаніяхъ, характерѣ, имѣя въ виду, что онъ снимаетъ съ себя и возлагаетъ на ректора значительную часть своей отвѣтственности. По префектъ, которому ввѣряется управленіе всѣми начальными школами въ департаментѣ, есть чиновникъ, не зависящій отъ министра народнаго просвѣщенія, который не опредѣляетъ и не увольняетъ его. А хотя, по закону, префектъ и считается его агентомъ, но прежде всего онъ агентъ и представитель министра внутреннихъ дѣлъ, который, опредѣляя префекта, едва-ли спрашиваетъ о его педагогическихъ способностяхъ; да онъ и не можетъ и не долженъ спрашивать о нихъ. Ему нуженъ только искусный администраторъ и вѣрный исполнитель его политики.

Такимъ образомъ, говоритъ далѣе Жюль Симонъ, навязываютъ во Франціи общественнымъ школамъ такихъ руководителей, которые ничего не смыслятъ въ школьномъ дѣлѣ, а напротивъ, у тѣхъ, которые провели всю жизнь въ этого рода занятіяхъ и которые изучили труднѣйшую изъ всѣхъ наукъ — науку педагоги, отнимаютъ важнѣйшую ихъ принадлежность! Возраженіе, что академическій инспекторъ есть представитель ректора въ департаментѣ, не основательно. Академическій инспекторъ въ департаментѣ — чиновникъ, кругомъ подчиненный; у него два начальника: ректоръ, отъ котораго онъ зависитъ въ нѣкоторой части своихъ обязанностей, и префектъ, чуждый педагогическому сословію и призванію, отъ котораго онъ зависитъ во всемъ остальномъ. При такой двойной зависимости отъ университета и отъ политики, инспекторъ не въ состояніи защищать своихъ убѣжденій, ни обезпечить успѣха своимъ представленіямъ. Чтобы возраженія оратора потеряли свою силу, есть только, по его мнѣнію, одно средство: предоставить академическому инспектору прежнія права ректора; но пока инспекторъ во власти префекта, возраженія его неопровержимы.

Словомъ, Жюль Симонъ стоитъ на томъ, что самое разумное и самое практичное назначеніе начальныхъ учителей будетъ только то, когда будетъ предоставлено: ректору, или его естественному представителю въ департаментѣ, право рѣшать по экзамену о способностяхъ учительскихъ кандидатовъ, а муниципальному совѣту — право выбирать школьнаго учителя изъ числа лицъ, помѣщенныхъ учебнымъ начальствомъ въ сообщенномъ муниципальному совѣту спискѣ кандидатовъ.

2. Касательно необходимости учебныхъ заведеній для высшаго образованія дѣвицъ, о которой говорилъ Карно, Жюль Симонъ доволенъ сочувствіемъ, которое заявилъ къ этому дѣлу министръ Дюрюи: но онъ сожалѣетъ, что не дослышалъ окончательнаго о томъ заключенія министра, и потому не знаетъ, согласенъ ли онъ съ мнѣніемъ его или нѣтъ. Жюль Симонъ не увѣренъ, сказалъ ли министръ: „создадимъ эти школы сейчасъ“, или: „не сегодня такъ завтра мы создадимъ ихъ“.

На это министръ Дюрюи далъ слѣдующее объясненіе. Слово *высшій (superieur)* нѣсколько запутываетъ понятіе: во Франціи высшее образованіе дается въ Collège de France, въ факультетахъ. Не такое высшее образованіе нужно для дѣвицъ; но его нельзя назвать и элементарнымъ: оно должно идти выше. Впрочемъ, въ рѣчи своей министръ уже достаточно объяснилъ сущность высшихъ учебныхъ заведеній для женскаго образованія. Правительство готово поддерживать и поощрять подобныя частныя предпріятія, а можетъ-быть, и само учредить образцовыя курсы, лишь только разрѣшенъ будетъ на этотъ предметъ спеціальныи кредитъ.

Послѣ такого объясненія Жюль Симонъ заявилъ, что желанія министра и его согласны во всемъ, кромѣ одного пункта: *министръ отлагаетъ исполненіе, а онъ желаетъ его ускорить*. Когда же на эти послѣднія слова кто-то изъ членовъ палаты, сидѣвшихъ прямо противъ трибуны, отозвался: „нужны деньги“, то этотъ отзывъ подалъ поводъ Жюль Симону высказать нѣсколько весьма замѣчательныхъ мыслей.

„Говорятъ, возразилъ ораторъ: „нужны деньги!“ Но спрашивается, что значить такое возраженіе? Оно можетъ имѣть только одно значеніе, то-есть, что деньги, которыя у насъ есть, имѣютъ лучшее назначеніе. У насъ, слава Богу, довольно крупный бюджетъ и большое разнообразіе расходовъ. Разница между нами и тѣми, которые говорятъ, что „нужны деньги“, только въ томъ, что мы ставимъ расходы на женское образованіе въ числѣ постоянныхъ и вѣчныхъ расходовъ, тогда какъ другіе думаютъ, что есть потребности выше потребности создать серьезное образованіе для дѣвицъ. Но вопіющая несправедливость обходиться такъ съ дѣвицами, какъ обходятся съ ними во Франціи. Женщины часто жалуется, и не безъ негодованія повторяютъ:

Du coté de la barbe est toute la puissance.

„Я оставляю въ сторонѣ тѣхъ женщинъ, которыя заявляютъ притязаніе на мужскія должности, потому что ихъ притязанія безумны, и успѣхъ поубилъ бы ихъ. Что же касается образованія, то пусть кто-либо, обладающій здравымъ смысломъ, укажетъ, чѣмъ можно оправдать оставленіе дѣвицъ на низшей степеніи умственнаго развитія, по недостатку воспитанія? Я глу-

боко убѣжденъ, что такое неравенство, столь долго и столь беззаботно сохраняемое, — вопиющая несправедливость.

„Честь настоящему закону за увеличеніе числа начальныхъ школъ для дѣвочекъ; но недостаточно умножать ихъ, нужно учредить ихъ столько же, сколько учреждено ихъ для мальчиковъ. И недовольно элементарныхъ школъ, нужны высшія женскія школы, и безотлагательно. Откладываніе — не только политическая, но и социальная несправедливость. Не только оно лишаетъ значительную часть человечества принадлежащаго ей права, но и тяготѣть надъ мужчинами еще болѣе, нежели надъ женщинами; ибо нѣтъ сомнѣнія, что ежели бы во Франціи существовали высшія женскія школы, умственныя силы страны, а быть-можетъ, и богатство значительно увеличились бы. Женщины обладаютъ въ равной мѣрѣ и нравственнымъ и экономическимъ могуществомъ, которымъ Франція не пользуется въ великому вреду своему.

„Въ числѣ новыхъ школъ учреждаются и школы-деревушечныя, хотя едва ли возможно учредить ихъ столько, сколько нужно. Кто же истинный наставникъ въ деревушкѣ и въ одиночной усадьбѣ? Мать семейства. Школьные учитель и учительница суть не болѣе, какъ помощникъ и помощница настоящей наставницы. Настоящая наставница — мать семейства, которая преподаетъ одновременно своему ребенку и первыя начала человѣческихъ знаній, и священнѣйшія наставленія нравственности.

„Элементарнаго обученія недостаточно для того, чтобы поднять уровень человѣческаго знанія. Кто хочетъ, чтобы дѣвочки были учительницами, не долженъ забывать, что тому, кто обучаетъ, нужно знать болѣе того, чему онъ обязанъ обучать. Поэтому и хорошая учительница должна знать болѣе тѣхъ элементарныхъ свѣдѣній, которыя она обязана преподавать дѣтямъ.

„Въ городахъ, по словамъ докладчика — изобиліе учебныхъ заведеній, такъ что отцы семействъ затрудняются въ выборѣ. Но вопросъ въ томъ, хороши ли эти учебныя заведенія? Свобода, которой все желаютъ въ дѣлѣ обученія, очень рѣдко вознаграждаетъ учебныя труды. А потому и невозможно разчитывать единственно на свободныхъ учительницъ. Необходимо, чтобы правительство не пожалѣло денегъ и приняло самое дѣятельное участіе въ учрежденіи такихъ женскихъ школъ, которыя доставили бы дѣвочкамъ умственное и нравственное образованіе выше элементарнаго, и тѣмъ подняло бы уровень и самаго элементарнаго обученія. Если бы не дѣлалось этого въ пользу лицесей, Франція, Богъ вѣсть, куда пришла бы. Не дѣлается этого въ пользу дѣвочки, и потому онѣ, даже въ известнѣйшихъ пансіонахъ, получаютъ образованіе неполное, поверхностное, въ которомъ нѣтъ ничего ни серьезнаго, ни возвышеннаго. Природа надѣлила женщинъ быстротою и ясностію ума, вѣрностію такта, нѣжностію и деликатностію сердца, способностію понимать и любить все возвышенное въ литературѣ, быть милыми и полезными сотрудницами мужчинамъ въ научныхъ занятіяхъ; а мужчины что сдѣлали изъ женщинъ? они обратили ихъ въ разряженныхъ куколъ (*idoles parées*). Не правда ли?

„Никто не станетъ отрицать, что одно изъ важнѣйшихъ золь современнаго (французскаго) общества — это все рѣшительнѣе устанавливающійся раздѣлъ мужа съ женой. Мужъ посѣщаетъ клубы, предается упражненіямъ спорта и

отыкаеть отъ семейной жизни, тогда какъ жена вынуждается жить только съ другими, подобно ей покинутыми женами, вдали отъ ума и сердца своего мужа. Причина такого явленія — въ отсутствіи въ женщинахъ высшаго образованія, историческаго и литературнаго, при которомъ мужъ находилъ бы въ бесѣдѣ съ женою не только постоянное удовольствіе, но и самое побужденіе къ семейной жизни. Много счастья потеряно, много зарыто сокровищъ по винѣ мужчинъ. Пренебрегая воспитаніемъ женщинъ, Франція губить цѣль своей цивилизаціи. Давно бы пора отвести эти забытыя женскіе умы въ общую мастерскую и возвратить искусствамъ и наукамъ это могучее и полезнѣйшее подспорье. Необходимо, чтобы женщины явились тѣмъ, чѣмъ онѣ должны быть, то-есть, настоящими наставницами человѣческаго ума, здраваго сужденія, нравственной кротости, граціи, нѣжности сердца и источникомъ непрерывнаго побужденія къ возвышеннымъ помысламъ и благороднымъ подвигамъ“.

Слѣдующій ораторъ, *Рулло-Дюгажъ* (Roullaux-Dugage), одинъ изъ членовъ палатской комисіи, бывшій нѣкогда префектомъ, защищалъ законъ 1854 года, предоставившій префектамъ назначеніе начальныхъ учителей, и защищалъ не въ качествѣ члена комисіи, но въ качествѣ обыкновеннаго члена законодательной палаты. Такъ какъ онъ не сказалъ ничего новаго, а только подробнѣе повторилъ и обстоятельнѣе развилъ и объяснилъ сказанное прежде по этому предмету министромъ Дюрюи, то достаточно привести изъ рѣчи его только одно мѣсто, наиболѣе замѣчательное. Депутатъ Рулло-Дюгажъ объяснилъ, между прочимъ, что подало поводъ къ измѣненію статьи закона 1850 года, которая предоставляла муниципальнымъ совѣтамъ выборъ начальныхъ учителей.

По словамъ оратора, опытъ доказалъ, что назначеніе муниципальными совѣтами дѣлалось вообще подъ вліяніемъ соображеній, несовмѣстныхъ съ цѣлью. Очевидно, что муниципальные совѣты находились слишкомъ близко; оттого нерѣдко мѣстныя вліятельныя лица и семейныя отношенія рѣшали выборъ. Случалось, что у отца семейства, засѣдавшаго въ муниципальномъ совѣтѣ, сынъ только-что окончилъ курсъ въ нормальной школѣ; партія, къ которой принадлежалъ отецъ, тотчасъ навязывала въ учителя сына, не взирая на то, нравилось ли или не нравилось обществу такое назначеніе. Члены муниципальных совѣтовъ не столь образованны, чтобы въ выборахъ руководствоваться просвѣщеннымъ безпристрастіемъ. Конечно, въ городахъ муниципальные совѣтники образованнѣе. Но не должно забывать, что огромное большинство составляютъ сельскія общины, въ которыхъ муниципальные совѣтники, призываемые къ выбору учителя, не всегда умѣютъ

подписать свое имя. Вотъ мотивы, вслѣдствіе которыхъ законъ 1854 года измѣнилъ этотъ неудобный порядокъ, предоставивъ назначеніе начальныхъ учителей префектамъ, въ зависимости отъ министра народнаго просвѣщенія (sous l'autorité du ministre de l'inst. publ.).

Депутатъ *Hucentjens* находилъ тотъ важный пробѣлъ въ проектѣ обсуждаемаго закона, что въ немъ ничего не сказано о школьныхъ бібліотекахъ. На отзывъ докладчика г. Шошара, что ораторъ вѣроятно не требуетъ, чтобъ эти бібліотеки были обязательны, послѣдній возразилъ, что напротивъ, онѣ должны быть вполне обязательны, такъ какъ бібліотека составляетъ необходимое дополненіе школы. Какъ ни значительны расходы, которые палата опредѣляетъ на школы, они принесутъ дѣйствительную пользу тогда только, когда при каждой школѣ явится бібліотека. А то вотъ что происходитъ въ школахъ, по мнѣнію оратора. Дѣти посѣщаютъ школу два или три года, что составляетъ важную жертву для родителей и для государства, смотря по тому, богаты или бѣдны воспитанники. По выходѣ же изъ школы большая часть изъ нихъ забываетъ все, чему выучилась въ тѣ два или три года. Слѣдовательно, время и деньги потрачены даромъ. Единственное практическое средство сохранить въ ихъ умахъ и даже развить съ успѣхомъ то немногое, чему они выучились въ школѣ—это поселить въ нихъ вкусъ къ чтенію. Въ настоящее время 2.000 общинъ просятъ объ учрежденіи школьныхъ бібліотекъ, но имъ отказываютъ; свидѣтель—министръ народнаго просвѣщенія.

Министръ. „Точно, поступаетъ много просьбъ, но мало имѣется денежныхъ средствъ. Впрочемъ, 100.000 фр. внесены въ бюджетъ 1868 года, которые будутъ употреблены на заведеніе бібліотекъ въ тѣхъ общинахъ, въ которыхъ еще нѣтъ ихъ“. (*Общес одобреніе*).

Г. Hucentjens, съ удовольствіемъ присоединяясь къ заявленіямъ одобренія словамъ министра, все-таки находитъ сумму 100.000 фр. недостаточною на бібліотеки. Онъ полагаетъ, что расходуя ежегодно по 100.000, едва-ли будетъ возможно снабдить бібліотекой каждую школу въ 20 или даже въ 25 лѣтъ. А потому лучше ассигновать на это за одинъ разъ 2 или 3 милл. По мнѣнію оратора, такую сумму не трудно найдти тамъ, гдѣ столь значительный кредитъ употребляется на игольчатия ружья и новыя орудія.

Предшествовавшіе ораторы краснорѣчиво говорили о роли, какую занимаетъ мать семейства у домашняго очага, раздѣляющая умственная удовольствія съ мужемъ и поселяющая къ нимъ любовь въ дѣтяхъ. Самое простое средство водворить вкусъ къ умственнымъ удо-

вольствіямъ у домашняго очага, — это доставить семьѣ книги для чтенія. Оратору знакомы сельскія общины, въ которыхъ, въ теченіе одного или двухъ годовъ, при бібліотекахъ отъ 100 до 120 томовъ, достигнуты подобныя результаты, и въ добавокъ, число учащихъ въ дневныхъ школахъ громадно увеличилось, и удвоилось число посѣтителей вечернихъ школъ для взрослыхъ.

Въ краткомъ отвѣтѣ своемъ докладчикъ, г. *Шошаръ*, заявилъ, что комиссія неравнодушно отнеслась къ школьнымъ бібліотекамъ, какъ это доказываетъ докладъ; но, полагая, что этого рода расходъ долженъ быть существенно муниципальный, комиссія пригласила общины озаботиться школьными бібліотеками. Министръ съ своей стороны поощряетъ ихъ включеніемъ въ бюджетъ 100.000 фр. на бібліотеки, и еслибъ удалось ему доставить по сорока томовъ для каждой общины, то это былъ бы громадный результатъ. Оставалось бы сдѣлать хорошій выборъ книгъ и найти читателей. Хотя предшествующій ораторъ и утверждаетъ, что читатели найдутся, были бы только занимательныя книги; однакожъ всякій, опытный въ этомъ дѣлѣ человекъ знаетъ, что гораздо труднѣе найти извѣстное число читателей, нежели собрать нужное количество книгъ.

Этимъ окончились во французской законодательной палатѣ общія пренія по проекту закона о начальномъ обученіи; частное же его обсужденіе по отдѣльнымъ статьямъ отложено было на 7-е марта (23-е февраля).

ОТКРЫТІЕ ИМПЕРАТОРСКАГО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА.

Сего 26-го ноября, 1867 года, въ воскресенье, въ день Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія, послѣдовало открытіе Императорскаго историко-филологическаго института. Это скромное торжество, на которое не было даже разослано никому пригласительныхъ билетовъ и на которое приглашались любители просвѣщенія только черезъ газеты, собрало въ актовую залу института, кромѣ его преподавателей и студентовъ, довольно многочисленное общество, состоявшее преимущественно изъ лицъ, принадлежащихъ къ министерству народнаго просвѣщенія, изъ бывшихъ питомцевъ главнаго педагогическаго института, а также изъ студентовъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета. Г. министр народнаго просвѣщенія не могъ лично присутствовать на этомъ торжествѣ, такъ какъ еще 24-го ноября онъ отбылъ въ Москву по случаю кончины высокопреосвященнѣйшаго митрополита Московскаго Филарета, и мѣсто его сѣтельства занималъ г. товарищъ министра статсъ-секретарь И. Д. Деляновъ.

По обыкновенію, торжество открытія новаго учебнаго заведенія началось молебствіемъ, которое совершалъ законоучитель института протоіерей Знаменскій. По окончаніи молебствія и по возмашеніи многолѣтня Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ, Государю Наслѣднику Цесаревичу и Государынѣ Цесаревнѣ Маріи Осодоровнѣ и всему царствующему дому, а также учащимъ и учащимся, на каедру взошелъ г. товарищъ министра, и прочелъ Высочайшій указъ отъ 27-го іюля, правительствующему сенату объ открытіи въ нынѣшнемъ еще году Императорскаго историко-филологическаго института. За тѣмъ г. директоръ института, И. Б. Штейнманъ, произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Конференція Императорскаго историко-филологическаго института, по порученію его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія, честь имѣеть представить къ свѣдѣнію всѣхъ ревнителей просвѣщенія краткій обзоръ своихъ дѣйствій.

„По назначеніи Высочайшимъ указомъ, отъ 4-го іюля, дѣректора Императорскаго историко-филологическаго института, опредѣлены были приказами по министерству народнаго просвѣщенія, отъ 4-го и 18-го августа и 1-го сентября, тѣ профессоры и преподаватели, которые будутъ читать лекціи въ теченіе перваго 1867/8 учебнаго года. Въмѣстѣ съ симъ назначеніемъ составилаь, на основаніи § 26 устава, конференція изъ наличнаго числа профессоровъ: 2-хъ ординарныхъ и 4-хъ экстраординарныхъ.

„Конференція начала свои засѣданія съ окончаніемъ каникулярнаго времени, съ первыхъ чиселъ сентября мѣсяца, и съ тѣхъ поръ собирается по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю. По обсужденіи условій приѣма, которыя выражены въ краткой программѣ, напечатанной въ свое время въ газетахъ, конференція приступила къ составленію общаго плана преподаванія въ институтѣ и въ особенности программы лекцій, которыя имѣютъ читаться въ теченіе перваго года. По этой программѣ кромѣ древнихъ языковъ, на которые отдѣлено 16-ть лекцій, студенты института будутъ слушать законъ Божій, отечественную словесность съ церковно-славянскимъ языкомъ, психологію и логику, древнюю всеобщую и отечественную исторію и два новыхъ языка.

„Принимая въ соображеніе краткость времени, остающагося для исполненія программы настоящаго перваго курса, и въ виду необходимости усилить практическія письменныя упражненія, преимущественно по древнимъ языкамъ, въ нынѣшнемъ году оказалось необходимымъ увеличить число еженедѣльныхъ лекцій до 34-хъ.

„На основаніи составленной программы лекцій конференція озаботилась приобрѣтеніемъ книгъ и учебныхъ пособій, необходимыхъ для занятій студентавъ на первыхъ порахъ. Книги, отчасти купленныя въ Петербургѣ, отчасти выписанныя изъ Москвы и изъ-за границы, получены сполна и розданы студентамъ.

„Одновременно съ занятіями по установленію учебнаго плана, конференція приступила къ исполненію обязанностей, возложенныхъ на нее §§ 24, 29 и 36 устава: къ составленію инструкцій для всѣхъ служащихъ въ институтѣ, какъ по учебной, такъ и по административной и хозяйственной частямъ, и правилъ для студентавъ. Редакція этой

общей инструкціи и правилъ для студентовъ института нынѣ окончена и представлена на утвержденіе г. министра.

„Во время всѣхъ этихъ работъ, которыми должны были установиться основныя положенія и условія жизни института, и которыя служатъ дополненіями, предусмотрѣнными самимъ Высочайше утвержденнымъ уставомъ, насталъ срокъ къ производству повѣрочныхъ испытаній для приѣма молодыхъ людей, явившихся для поступленія въ число студентовъ. Экзамены, согласно съ объявленіемъ, напечатаннымъ въ газетахъ, начались 23-го октября. Всѣхъ изъявившихъ желаніе поступить въ институтъ къ тому времени оказалось 156. Изъ этого числа явилось на экзаменъ 75, изъ сихъ послѣднихъ бѣльшая часть, именно 62 принадлежатъ къ разряду окончившихъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, небольшое число, именно 11, студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній, и наконецъ 2 учителя, уже прослужившихъ нѣкоторое время въ учебномъ вѣдомствѣ. Такъ какъ со стороны министерства народнаго просвѣщенія послѣднимъ срокомъ явки къ экзамену назначено было 15-е ноября, и молодые люди, по различному разстоянію мѣста жительства своего отъ Петербурга являлись постепенно, то экзаменъ былъ произведенъ въ три приѣма: отъ 23-го по 31-е октября, отъ 2-го по 7-е ноября и отъ 15-го по 18-е ноября. Изъ всѣхъ подвергавшихся испытанію, произведенному въ присутствіи членовъ конференціи и наставниковъ института, удовлетворили требованіямъ условій приѣма 28; изъ нихъ бѣльшая часть, именно 17, бывшихъ воспитанниковъ семинаріи, 5 окончившихъ курсъ въ гимназіи, 4 студента университетовъ, 1 студентъ духовной академіи и 1 бывший учитель уѣзднаго училища. По представленію конференціи всѣ удовлетворительно окончившіе повѣрочное испытаніе утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія въ званіи студентовъ Императорскаго историко-филологическаго института.

„Отъ имени начальства и будущихъ наставниковъ вашихъ привѣтствую васъ, молодые питомцы института, на которыхъ палъ выборъ конференціи при составленіи перваго курса нашего института. Вамъ чрезъ 4 года суждено быть первыми представителями успѣшной дѣятельности нашего заведенія. Потому выборъ нашъ прежде всего обязываетъ васъ неуслыннымъ прилежаніемъ и неукоризненнымъ поведеніемъ оправдать преимущество, которое дано вамъ единственно по успѣхамъ вашимъ въ наукахъ. Институтъ, въ который вы радужно приняты питомцами, имѣетъ цѣлю образоватъ изъ васъ достойныхъ

во всѣхъ отношеніяхъ учителей, скромныхъ труженниковъ и полезныхъ дѣятелей на высшемъ и важномъ поприщѣ воспитанія возрастающаго юношества. Для достиженія этой цѣли институтъ имѣетъ два средства. Одно изъ нихъ: специальное обученіе, общее нашему институту съ прочими высшими учебными заведениями нашего отечества. Преподаваніе въ институтѣ доставитъ вамъ, кромѣ положительныхъ знаній научныхъ, умѣнье сознательно владѣть предметомъ въ той степени, чтобъ отличать существенныя истины отъ дополнительныхъ, второстепенныхъ, отдѣлять положительные научные вопросы отъ подлежащихъ еще изслѣдованію; упражненіе подъ руководствомъ опытныхъ преподавателей научитъ васъ группировать отдѣльныя части науки и вѣрно выбирать тѣ знанія, которыя вы будете обязаны передавать ученикамъ вашимъ. Успѣшнѣйшее средство при обученіи юношества, которому вы посвящаете будущую свою дѣятельность, состоитъ въ способности преподавателя снисходить на степень разумѣнія учащагося, и тѣмъ самымъ сдѣлать возможнымъ живое взаимодѣйствіе между учителемъ и ученикомъ. Но институтъ нашъ имѣетъ и другую высокую цѣль: сдѣлать васъ способными успѣшно и благодѣтельно дѣйствовать на нравственность будущихъ вашихъ питомцевъ, воспитывать ихъ. Изъ всѣхъ средствъ воспитанія, примѣръ есть надежнѣйшее, вѣрнѣйшее, прямо ведущее къ желаемой цѣли, и въ этомъ отношеніи институтъ нашъ есть заведеніе воспитательное. Время, которое вамъ назначено для курса наукъ, должно быть для васъ временемъ сознанія самихъ себя, періодомъ самообразованія подъ руководствомъ опытныхъ педагоговъ. Пользуйтесь временемъ, приучайте себя къ усильному прилежанію, которое вознаградитъ ваши труды желаемымъ успѣхомъ, вѣрно приведетъ васъ къ нравственному усовершенствованію и содѣлаетъ изъ васъ образцовыхъ наставниковъ молодаго поколѣнія. Трудъ и благонравіе да будутъ плодомъ вашего пребыванія между нами, да будутъ они данью благодарности вашей за попеченіе и щедроты Монаршіа!

„Многоуважаемые, почтенные сотрудники!

„Высочайшимъ указомъ, прочитаннымъ въ нынѣшнемъ собраніи, повелѣно: Императорскій историко-филологическій институтъ учредить еще въ текущемъ 1867 году. Благодаря живому участию вашему къ общему дѣлу и неутомимымъ трудамъ вашимъ, съ завтрашняго дня, ровно чрезъ 5 мѣсяцевъ послѣ подписанія Высочайшаго указа, открывается правильный курсъ занятій студентовъ. Да будетъ этотъ

первый очевидный успѣхъ залогомъ дальнѣйшаго развитія и процвѣтанія благаго нашего дѣла. Мы исполнили волю возлюбленнаго Государя, Господь Богъ благословилъ нашъ трудъ. Да укрѣпитъ насъ Господь и впредь твердою волею и неослабною силою трудиться для блага отечества и исполнять благословенныя начертанія Государя нашего“!

По окончаніи этой рѣчи хоръ пѣвчихъ пропѣлъ національный гимнъ, и за тѣмъ законоучитель протоіерей Знаменскій, обратясь къ собравшимъ предъ нимъ студентамъ историко-филологическаго института, произнесъ рѣчь о связи занятій, предстоящихъ студентамъ, съ изученіемъ слова Божія.

Благословивъ, въ заключеніе, всѣхъ студентовъ подареннымъ имъ ихъ наставниками образомъ Спасителя, къ которому всѣ они поочередно приложились, протоіерей Знаменскій, сопровождаемый г. товарищемъ министра и всѣми присутствующими, при пѣніи пѣвчими: *Спаси, Господи, люди твоя*, обошелъ комнаты обновленнаго зданія для окропленія ихъ святою водою. Помѣщеніе института не роскошно, но весьма удобно. Присутствующіе, очевидно, обращали особенное вниманіе на жилыя комнаты студентовъ, которыя будутъ служить имъ и спальнями, и мѣстомъ для частныхъ ихъ занятій: это высокія, свѣтлыя комнаты, освѣщаемыя въ вечернее время газомъ сверху, въ которыхъ, смотря по ихъ обширности, помѣщаются отъ 2-хъ до 6-ти кроватей, по одному или по два большихъ стола для занятій, соответствующее число стульевъ и комнатная бібліотека, съ отдѣленіями для каждаго студента и съ однимъ отдѣленіемъ для общихъ справочныхъ книгъ.

Торжество открытія института завершилось скромнымъ завтракомъ, который совпалъ со временемъ обѣда студентовъ и происходилъ чрезъ одну отъ нихъ комнату. Когда г. товарищъ министра провозгласилъ тостъ за здоровье Государя Императора и всей августѣйшей фамиліи, — тостъ, встрѣченный восторженными кликами: *ура!* — въ комнаты студентовъ раздалось довольно стройное пѣніе національнаго гимна. Съ большимъ также сочувствіемъ были встрѣчены тосты за здоровье г. министра народнаго просвѣщенія, г. товарища министра, директора института и всѣхъ членовъ конференціи, и наконецъ, бывшихъ питомцевъ главнаго педагогическаго института, съ честью трудившихся и трудящихся на поприщѣ отечественнаго образованія.

Какъ ни скромно было торжество открытія Императорскаго историко-филологическаго института, оно произвело на всѣхъ присутство-

вавших благоприятное впечатлѣніе, и многіе изъ нихъ покинули зданіе этого новаго учебнаго заведенія, безъ сомнѣнія, съ искреннѣйшими пожеланіями, чтобъ изъ него въ продолженіе многихъ и многихъ поколѣній выходили достойные наставники нашего юношества, — люди умственно-зрѣлые, воспитанные серіозною наукой и способные водворить серіозное классическое ученіе въ нашихъ гимназіяхъ, люди нравственно-развитые, религіозно-настроенные, всею душою преданные своему высокому призванію и проникнутые безпредѣльною любовью къ отечеству и къ Государю.

ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ ВЫШЛО ВЪ СВѢТЪ 6 ТОМОВЪ

**ЗАПИСКИ ОДЕССКАГО ОБЩЕСТВА
ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ,**

СОДЕРЖАНІЕ КОИХЪ СЛѢДУЮЩЕЕ:

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Предисловіе.

ОТДѢЛЕНІЕ 1-е. РАЗСУЖДЕНІЯ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

I. Археологія. Геродотова Скиѳія, объясненная чрезъ сличеніе съ мѣстностями. О куфическихъ монетахъ VIII, IX, X и отчасти VII и XI вѣка, находимыхъ въ Россіи и при-Балтійскихъ странахъ, какъ источникахъ для древнѣйшей отечественной исторіи,

II. Исторія. О числѣ русскаго войска, завоевавашаго Болгарію и сражавшагося съ Греками во Фракіи и Македоніи въ 967 — 971 годахъ. — О походѣ Руссовъ на Сурожъ. — Переселеніе Грековъ изъ Крыма въ Азовскую губернію и основаніе Готейской и Кафійской епархій. — Остатки греческихъ легионовъ въ Россіи или нынѣшнее населеніе Балаклавы.

III. Географія. О древнихъ нагорныхъ укрѣпленіяхъ въ Крыму. — О мѣстоположеніи древняго города Персеѳина, принадлежавшаго народу Угличамъ.

IV. Статистика. Сравнительный взглядъ на Очаковскую область въ 1790 и 1840 годахъ.

ОТДѢЛЕНІЕ 2-е. СБОРНИКЪ МАТЕРІАЛОВЪ.

I. Памятники монументальныя. О двухъ эллинскихъ надписяхъ, найденныхъ вблизи села Троицкаго, въ имѣніи помѣщика А. О. Кобле. — О надгробномъ памятникѣ Потамоновомъ. — О латинской надписи съ именемъ Воспорскаго царя Савромата II. — Надпись на окладѣ Евангелія въ монастырѣ Кипріана. — Славянская надпись въ Кидійской церкви св. Ни-

колая. — Монеты Джучидовъ, Генуэзцевъ и Гиреевъ, битвы на Таврическомъ полуостровѣ и принадлежащія обществу. — О нѣкоторыхъ малоизвѣстныхъ монетахъ, имѣющихся въ Одессѣ. — Остатки христіанскихъ древностей въ Крыму. Уѣздъ Феодосійскій. — Церковь св. великомученицы Екатерины въ Херсонской крѣпости. — О нѣкоторыхъ городкахъ и курганахъ въ Днѣпровскомъ уѣздѣ Таврической губерніи.

II. Документы и акты. Договорная грамота Сербскаго краля Стефана Уроша съ Дубровникомъ. — Ярлыкъ Тохтамыша и Сеадеть-Герая. — Грамота Молдавскаго воеводы Александра о пожалованіи Михаила Попли за службу двумя селами. — Грамота, данная монастырю Кипріяна въ Бессарабіи Іо. Антіохомъ Константиномъ, воеводою Молдо-влахійскимъ въ 1698 году. — Грамота Петра I 14-го октября 1704 года. — Указъ Петра I 21-го сентября 1724 года о прискахъ каменнаго угля. — Донесеніе російскаго резидента при крымскомъ ханѣ Пикифорова о низложеніи Крымъ-Гирея.

III. Повѣствованія и сказанія. Извлеченіе изъ турецкой рукописи общества, содержащей исторію крымскихъ хановъ.

IV. Современная библиографія. *Skythien und die Skythen des Herodot und seine Ausleger, nebst Beschreibung des heutigen Zustandes jener Länder, von Dr. F. L. Lindner.* — *Périple de Marcien d'Heraclée, Épitome d'Artémidore, Isidore de Charax etc. ou supplément aux dernières éditions des petits géographes d'après un manuscrit grec de la Bibliothèque royale, par E. Miller.* — *Fragments des poèmes géographiques des Scymnus de Chio et du faux Dicéarque, restitués principalement d'après un manuscrit de la Bibliothèque royale, par M. Letronne.* — *Ueber die Bedeutung des schwarzen Meeres für den Handel und Verkehr der alten Welt, von Dr. L. Preller.* — Путешествіе чрезъ южную Россію, Крымъ и Одессу въ Константинополь, Малую Азію, сѣверную Африку, Мальту, Сицилію, Италію, южную Францію и Парижъ въ 1836 и 1837 годахъ. Н. С. Всеволожскаго. — *Voyage dans la Russie méridionale et la Crimée par la Hongrie, la Valachie et la Moldavie, exécuté en 1837 par Mr. A. Demidoff.* — *Reisen in Südrussland, von J. G. Kohl.* — *Voyage du Maréchal Duc de Raguse en Hongrie, en Transilvanie, dans la Russie méridionale, en Crimée et sur les bords de la mer d'Azoff, à Constantinople, dans quelques parties de l'Asie mineure, en Syrie, en Palestine et en Égypte.* — Путешествіе маршала Мармона, герцога Рагузскаго, и пр., перев. съ французскаго. — *Podole, Wołyń, Ukraina. Obrazy miejsc i czasów, przez Alexandra Przewdzickiego.* — *Beiträge zur Geschichte des russischen Reiches. Von Dr. Ernst Herrmann.*

V. Путешествія и розыски по порученіямъ общества. Отчетъ о путешествіи, совершенномъ въ 1840 и 1841 годахъ по южно-славянскимъ землямъ. — Поѣздка на островъ Левки, или Фидониси, въ 1841 году

ОТДѢЛЕНІЕ 3-е. СМѢСЬ.

I. Лѣтопись общества. Учрежденіе, составъ и дѣйствія общества. — *Некрологъ:* Михайлъ Михайловичъ Кирьяковъ. Кириллъ, архіепископъ Подольскій и Брацлавскій. Графъ Альбертъ Эдлингъ. Михайлъ Трофимовичъ Каченовскій. Аптоній-Францисъ Спада.

II. Корреспонденція. Дніпровскіе курганы. — Каменные бабы. — Курганы и валы въ Киевской губерніи. — Новооткрытые слѣды древнихъ поселеній въ окрестностяхъ Керчи. — Ровъ и валъ въ Перекопѣ. — Преданія о Старомъ-Перекопѣ и объ основаніи Армянскаго Базара. — Гробница Овидія. — Достопримѣчательности Воскресенской церкви въ Бериславѣ. — Надгробія кошевыхъ Гордѣенки и Ерофѣева. — Абрикосовое дерево, посаженное императрицею Екатериною II. — Часы новороссійскаго издѣлья. — Разрытія кургановъ возлѣ Керчи и Тамани въ 1842 и въ началѣ 1843 года. — Древности, найденныя въ Валахіи. — Древности, открытыя въ селѣ Порутинѣ на развалинахъ Ольвіи. — Генуэзскій мечъ, найденный въ Крыму. — Янтарь на берегахъ Дябѣра. — Нѣкоторыя подробности о церкви св. Іоанна Предтечи въ Керчи. — Открытіе древностей близъ селенія Карталъ. — Находки древностей на Абхазскомъ берегу и около Кубани. — Пирамидки изъ глины, найденныя при Акмечетской бухтѣ. — Свадебные обряды въ Бессарабіи.

III. Извѣстія. Коллекція древнихъ памятниковъ, присланныхъ изъ Николаева. — Древніе памятники, подаренные д. ч. Дестунисомъ. — Древности, переданныя изъ Одесскаго городского музея. — Турецкіе акты, хранящіеся въ Одесскомъ городскомъ музеѣ. — Татарскіе и турецкіе акты, доставленные въ общество. — Древніе еврейскіе кодексы и другіе памятники. — Рисунки Василья Барскаго. — Приобрѣтеніе обществомъ не изданныхъ сочиненій Бларамберга. — Приобрѣтеніе обществомъ сочиненій дю-Брюкса.

Прибавленіе. Дополненія и поправки къ статьѣ: Монеты Джучидовъ, Генуэзцевъ и Гиреевъ, битыя на Таврическомъ полуостровѣ.

Сверхъ того къ 1-му тому приложено 16 литографированныхъ листовъ, а также некрологъ Дмитрія Максимовича Княжевича.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Предисловіе.

ОТДѢЛЕНІЕ 1-е. РАЗСУЖДЕНІЯ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

I. Археологія. Замѣчанія на нѣкоторыя мѣста древней географіи Тавриды. — О мѣстоположеніи древняго города Каркинита и о его монетахъ. — О памятникахъ нѣкоторыхъ народовъ варварскихъ, древле обитавшихъ въ нынѣшнемъ Новороссійскомъ краѣ. — О еврейскихъ манускриптахъ, хранящихся въ музеѣ Общества. — Источники для удѣльнаго періода русской исторіи.

II. Исторія. Исторія города Херсона, сочиненіе императора Константина Порфиророднаго. — Хронологико-историческое описаніе церквей епархій Херсонской и Таврической. — Начало книгопечатанія въ Новороссійскомъ краѣ. — Жизнь и ученая дѣятельность Бларамберга. — Павелъ дю-Брюксъ.

III. Географія. Безымяннаго перилья Понта Евксинскаго и Меотійскаго озера. — Описаніе Ираклійскаго полуострова и древностей его. — Геническъ и Арабатская стрѣлка. — Историческое описаніе рѣки Сѣвернаго Донца, близъ Святыхъ горъ. — Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ православныхъ монастыряхъ епархій Херсонской и Кишиневской.

IV. Статистика. Историческій и статистическій взглядъ на успѣхи умственнаго образованія въ Новороссійскомъ краѣ. — О вѣнчиней торговлѣ Новороссійскаго края и Бессарабїи въ 1846 г. — Историческая и статистическая записка о военномъ городѣ Елисаветградѣ.

Сверхъ того къ 1-му отдѣленію 2-го тома, составляющему отдѣльную книгу, приложено 12 литографированныхъ листовъ.

ОТДѢЛЕНІЕ 2-е. СБОРНИКЪ МАТЕРІАЛОВЪ.

I. Памятники монументальныя. Эллинскіе памятники, найденные въ Новороссійскомъ краѣ: въ Ольвіи и на о. Левки, или Фидониси. — Тирасъ и Тириты, — изъясненіе надписи, представляющей два рескрипта, данныхъ римскими императорами на имя Тиритовъ. — Римскій барельефъ, извѣстный подъ именемъ образа св. Георгія въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. — Аккерманскія греческія надписи. — Килійская церковь св. Николая и ея достопримѣчательности. — Бахчесарайскія арабскія и турецкія надписи. — Эски-крымская арабская надпись. — О городищахъ въ земляхъ славянскихъ, преимущественно западныхъ. — Примѣчательнѣйшіе курганы Бессарабской области въ Бендерскомъ уѣздѣ. — Стѣны лагеря Карла XII возлѣ Бендеръ у селенія Варницы.

II. Документы и акты. Молдавлахійскія грамоты, хранящіяся въ Бессарабїи. — Статейный списокъ великаго государя его царскаго величества посланниковъ: стольника Василія Михайлова Тупкина, дьяка Пикиты Зотова къ крымскому хану Мурадъ-Гирею въ 1681 году. — Высочайшіе рескрипты; данные императрицею Екатериною II на имя Екатеринославскихъ гражданскихъ губернаторовъ. — Собственноручныя распоряженія князя Потемкина-Таврическаго во время второй Турецкой войны въ царствованіе императрицы Екатерины II. — Крымскіе ханскіе ярлыки. — Фирманъ, данный турецкимъ султаномъ Мустафою митрополиту Гедеоу на Крымскую епархію.

III. Новѣствованія и сказанія. Сказанія священника Іакова. — Деваръ Сарааимъ.

VI. Современная библиографія. Исслѣдованія объ исторіи и древностяхъ города Херсониса-Таврическаго, соч. Б. В. Кенс. — Die Völker des südlichen Russlands in ihrer geschichtlichen Entwicklung, von Karl Friedrich Neumann. — Études sur le commerce au moyen-âge. Histoire du commerce de la mer Noire et des colonies Génoises de la Crimée, par F. de la Primaudaie. — Betrachtungen des Anton Ritter Rawicz von Myslowsky über den Getreidhandel aus Galizien nach Odessa und über die Einführung einer Dampfschiffahrt auf dem Dniester, und Regulirung des obern Theiles dieses Flusses von dem Dorf Roswadow aus bis in das Schwarze Meer. — Атласъ Чернаго моря, гравированный по Высочайшему повелѣнію съ описей, произведенныхъ съ 1825 до 1837 годъ капитаномъ 1-го ранга Е. Манганари. — Воспорское царство съ его палеографическими и надгробными памятниками, росписными вазами, планами, картами и видами; соч. Антона Аника.

V. Занятія общества. Записка о содержаніи старыхъ письменныхъ актовъ Новороссійскаго края.

ОТДѢЛЕНІЕ 3-Е. СМѢСЬ.

I. Лѣтопись общества. Обзоръ дѣйствій общества съ 14-го ноября 1843 по 14-го ноября 1849 г. — *Некрологи*: Дмитрій, архіепископъ Кишиневскій и Хотинскій. Спиридонъ Юрьевичъ Дестунисъ.

II. Корреспонденція. О Бессарабіи и ея древнихъ крѣпостяхъ. — Археологическія розысканія въ Керчи. — Запорожская старина: а) надписи, находящіяся на могильныхъ крестахъ и склепахъ; б) надписи на домовыхъ сволахъ; в) надписи въ Екатеринодарскомъ войсковомъ соборѣ Черноморскихъ казаковъ; г) укрѣпленія Запорожскихъ казаковъ въ городѣ Александріи и Александрійскомъ уѣздѣ; д) Ново-Московский Свято-Троицкій соборъ. — Путевыя замѣтки, въ проѣздѣ нѣкоторыхъ уѣздовъ Херсонской и Екатеринославской губерній.

III. Новѣстія. Инструментъ разграниченія земель между Россіею и Портою въ 1742 году. — Реляція отъ 24-го сентября 1761 года о заложеніи, по Высочайшему Е. И. В. соизволенію, новой крѣпости св. Дмитрія Ростовскаго. — Монеты, отысканныя на островѣ Фидониси. — Достопримѣчательные рисунки и чертежи, хранящіеся въ музеѣ Общества. — Историческіе портреты, находящіеся въ залѣ Общества.

Сверхъ того ко 2-му и 3-му отдѣленіямъ втораго тома, составляющимъ отдѣльную книгу, приложено 11 литографованныхъ листовъ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Предисловіе.

ОТДѢЛЕНІЕ 1-Е. РАЗСУЖДЕНІЯ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

I. Археологія. О сѣверномъ берегу Чернаго моря и прилежащихъ къ нему степяхъ до водворенія въ этомъ краѣ Монголовъ. — О мѣстоположеніи Тираса.

II. Исторія. Изслѣдованія о времени крещенія св. и Равноапост. великаго князя Владиміра. — Отрывокъ повѣствованія о Новороссійскомъ краѣ, изъ оригинальныхъ источниковъ почерпнутый. Періодъ отъ основанія въ Новороссійскомъ краѣ Новой Сербіи до учрежденія наместничества Екатеринославскаго, съ упраздненіемъ губерній Новороссійской и Азовской, за коимъ послѣдовало упраздненіе и Славянской епархіи, съ 1751 по 1786 годъ.

III. Географія. Периплъ Скилакса Каріандскаго (греческій текстъ съ русскимъ переводомъ). — Скимна Хиосскаго отрывки. — Сравнительная таблица эллинскихъ поселеній по Евксинскому Понту, безымяннаго автора, съ мѣстами, назначенными на меркаторской картѣ Чернаго моря, послѣдней описи 1836 года, капитанъ-лейтенанта Манганари. — Берегъ Понта Евксинскаго отъ Истра до Бориссена въ отношеніи къ древнимъ его колоніямъ.

IV. Статистика. Цемесская (Новороссійская) бухта на восточномъ берегу Чернаго моря. — Городъ Алешки.

ОТДѢЛЕНІЕ 2-Е. СБОРНИКЪ МАТЕРІАЛОВЪ.

I. Памятники. О генсалоги и монетахъ Спартокидовъ. — Монеты, отысканныя на островѣ Левки, или Фидониси. — Ольвійскія древности.

II. Документы и акты. Молдо-Влахійскія грамоты, хранящіяся въ Бессарабіи: 1) Восводы Стефана 1495 года, 2) В. Стефана 1815 г., 3) В. Петра 1528 г., 4) В. Стефана 1551 г., 5) В. Іоанна 1574 г., 6) В. Ереміи Могилы 1605 г., 7) В. Радула 1615 г., 8) В. Константина Могилы 1611 г., 9) В. Гашиара 1615 г., 10) В. Стефана 1618 г., 11) В. Александра Иліяна 1621 г., 12) В. Стефана Томши 1623 г., 13) В. Василия Луцула 1635 г., 14) его же 1647 г., 15) его же того же года. — Списокъ съ отписки къ государямъ царямъ и великимъ князьямъ всея Руси Іоанну Алексѣевичу и Петру Алексѣевичу боярина Бориса Шереметьева о взятіи и разореніи города Казыкермея. — Журналъ Высочайшему ея Императорскаго Величества путешествію изъ С.-Петербурга въ Кіевъ, изъ Кіевъ чрезъ Кременчугъ въ Херсонъ и Старый Крымъ, а оттуда чрезъ Полтаву въ С.-Петербургъ, продолжавшемуся 1789 года января съ 2-го дня іюля по 12-е число. — Описаніе городовъ и уѣздовъ Азовской губерніи (1779 г.).

III. Повѣствованія. Карлъ XII въ южной Россіи. — Исторія Одессы.

IV. Современная библиографія. Voyages et ambassades de messire de Lamoignon 1339 — 1450. — Опытъ статистическаго описанія Повороссійскаго края А. Скальковскаго. — La Bessarabie ancienne et moderne par M. Vignion.

ОТДѢЛЕНИЕ 3-е. СМѢСЬ.

Лѣтопись общества съ 14-го ноября 1849 по 14-е ноября 1852 года. — Некрологи: А. О. Панагюдора-Никовула, В. Н. Кузьмина и Г. И. Саволова.

I. Корреспонденція. О сходствѣ кургановъ въ южной Россіи съ курганами въ южной Сибири. — Александропольскій курганъ. — Археологическія розысканія въ Керчи, произведенныя въ 1852 году по сѣверному наклону, идущему отъ горы Митридата къ Золотому кургану. — Генуэзскіе консулы города Кафы. — Путешествіе по Повороссійскому краю Іоны, митрополита Русскаго въ 1791 году. — Въ Востъ почившему свѣтл. князю Г. А. Потемкину-Таврическому послѣднее пѣлованіе Амвросія, архієпископа Екатеринбургскаго и Херсонска-Таврическаго, 1791. — Греческое древнее кадило. — Древности, открытыя въ Херсонской губерніи.

II. Извѣстія. Описаніе рѣки Днѣпра отъ м. Черволочнаго до Чернаго моря. — Днѣпровскіе пороги. — Всподданнѣйшее донесеніе императрицѣ Екатеринѣ II генералъ-поручика Текелія объ уничтоженіи Запорожской Сѣчи. — Предѣлы кочевья Кубашцевъ съ російскими пладѣвьями въ 1789 году. — Застроеніе города Гаджибея, теперѣ Одессы, въ 1794 году.

Сверхъ того къ 3-му тому приложено 10 литографированныхъ листовъ.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ОТДѢЛЕНИЕ 1-е. РАЗСУЖДЕНІЯ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Описаніе разваливъ и слѣдовъ древнихъ городовъ и укрѣпленій, нѣкогда существовавшихъ на европейскомъ берегу Босфора Киммерійскаго отъ входа въ проливъ близъ Еникальскаго маяка до горы Опукъ включительно, при Черномъ морѣ. — Старый Крымъ (изъ путевыхъ записокъ о Крымѣ). — Цань, божь-покровитель Пантикапейской территоріи, по монетамъ Веспора Кимме-

рійскаго. — О двухъ Ольвійскихъ надписяхъ. — О заслугахъ Калининга, по надписи Ольвійской. — О новооткрытыхъ монетахъ города Херсониса Таврическаго. — Описаніе Бѣлозерскаго городка.

Сверхъ того къ 1-му отдѣленію 4-го тома, составляющему отдѣльную книгу, приложено 4 литографированныхъ листа.

ОТДѢЛЕНІЕ 2-е. СБОРНИКЪ МАТЕРІАЛОВЪ.

О соперничествѣ Венеціи съ Генуею въ XIV вѣкѣ. — Сборникъ Венеціано-Генуэзскихъ грамотъ (1342 — 1494 г.). — О позднѣйшихъ названіяхъ древней Гилеп. — Берегъ Чернаго моря между Днѣпромъ и Днѣстромъ, по морскимъ картамъ XIV и XV столѣтій. — Начало учрежденія російскаго флота на Черномъ морѣ и дѣйствія его съ 1778 по 1798 годъ. — Описаніе Маяцкому городку, 1666 года. — Экстрактъ объ Азовѣ: какимъ случаемъ оный отъ имперіи Всероссійской дошелъ въ турецкое владѣніе. — Матеріалы для исторіи Молдавіи: грамоты: 1) Воеводы Стефана 1395 г., 2) В. Ивана Мирчи 1403 г., 3) его же, 4) В. Ильша 1434, 5) В. Богдана 1510 года. — Молдо-Влахійскія грамоты, хранившіяся въ Бессарабіи: 1) Воеводы Стефана 1525 года, 2) В. Янкула 1543, 3) В. Петра 1546, 4) В. Ильша 1547, 5) В. Богдана 1570, 6) В. Еремии Могилы 1600, 7) его же 1603, 8) В. Константина Могилы 1609, 9) В. Стефана Томши 1623, 10) В. Александра Ильша 1632, 11) В. Петра 1633, 12) Василя Лунула 1636 и 13) В. Ильша Александра 1667. — Записка о Сербскомъ дѣлѣ, 1752 года. — Отводъ земли Грекамъ, переселившимся изъ Крыма къ Азовскому морю. — Ордера князя Потемкина-Таврическаго: 1) распоряженія по устройству флота и города Николаева, 2) по Новороссійскому краю. — Собственноручныя письма Константинопольскаго патріарха Григорія V. — Мѣдныя монеты города Кафы.

ОТДѢЛЕНІЕ 3-е. СМѢСЬ.

Лѣтопись общества съ 14-го ноября 1852 по 14-е ноября 1859 г. — Очеркъ заслугъ, сдѣланныхъ наугамъ почетнымъ президентомъ общества, свѣтлѣйшимъ княземъ М. С. Воронцовымъ. — *Некрологи*: А. О. Пегри, Э. В. Тетбу-де-Марини и А. Д. Черткова. — Дневникъ генерала Бурхарда Христофа фонъ-Мюнниха. — Нравы и обычаи Болгаръ, живущихъ въ Бессарабскихъ колоніяхъ. — О Евангеліи Александропольскомъ. — Пребываніе іезуитовъ въ Крыму. — Нѣсколько новыхъ документовъ о Запорожской Сѣчи и ея земляхъ. — Забѣтки о положеніи Херсонскихъ кургановъ. — Свѣдѣнія о походной типографіи князя Потемкина-Таврическаго. — Историческіе портреты, находящіеся въ залѣ общества.

Сверхъ того къ 2-му и 3-му отдѣленіямъ 4-го тома, составляющимъ отдѣльную книгу, приложено 13 литографированныхъ листовъ.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

ОТДѢЛЕНІЕ I-е.

I. Археологія. Изясненіе двухъ новонайденныхъ надписей изъ Пантикапей. — О надписяхъ на ручкахъ греческихъ амфоръ и кускахъ древней
ЧАСТЬ СXXXVI.

черепицы. — О памятникѣ Абаса, сына Конона. — Богиня Артемида и ея значеніе въ нумизматикѣ Веспора-Киммерійскаго и Херсониса-Таврическаго. — Слѣды древняго рѣчнаго пути изъ Днѣпра въ Азовское море. — Генуэзскія надписи въ Крыму.

II. Исторія. Историческое и дипломатическое собраніе дѣлъ, происшедшихъ между русскими великими князьями и бывшими въ Крымѣ татарскими царями, съ 1462 по 1533 годъ. — Продолженіе очерка о Поворосійскомъ краѣ. Періодъ 1787 — 1837 г.

III. Статистика. Этнографія Бессарабской области.

ОТДѢЛЕНІЕ 2-е. СБОРНИКЪ МАТЕРІАЛОВЪ.

Три отрывка Ольвійскихъ надписей. — Монета Склопскаго царя Фарсеія. — Замѣтки XII — XV вѣка, относящіяся къ Крымскому городу Сугдеѣ (Судаку), приписанныя на греческомъ Синаксарѣ. — Уставъ для Генуэзскихъ колоній въ Черномъ морѣ, изданный въ Генуѣ въ 1449 году. Латинскій текстъ съ переводомъ и примѣчаніями. — Молдо-Влахійскія грамоты, хранящіяся въ Бессараби: 1) Воеводы Стефана 1495 г., 2) В. Радула 1618 г., 3) В. Евстратія Дабжи 1622 г. — Сношенія Малороссійской коллегіи съ Крымскимъ ханомъ. — Дѣйствія Черноморскаго флота съ 1798 по 1806 г. (*Продолженіе*).

ОТДѢЛЕНІЕ 3-е. СМѢСЬ.

Лѣтопись общества съ 14-го ноября 1859 по 14-е ноября 1862 года. — *Искропки*: И. А. Стемпковскаго; А. Б. Ашика; пресвитера К. Икономоса; Гавриила, архіепископа Еватеринославскаго, Херсонскаго и Таврическаго; М. Г. Палеолога. — Рецензія: Отзывъ, представленный С.-Петербургской академіи наукъ академиками гг. Келеромъ и Грефе о сочиненіи Вларамберга: *Observations sur quelques points relatifs à la géographie ancienne de la Tauride*. — *Acta et diplomata graeca medii aevi; sacra et profana*. Ed. F. Miclosicz. T. I. *Acta patriarchatus Constantinopolitani*. 1315—1372. T. II. 1379—1402. Viennae, 1802. — Обмѣльніе Азовскаго моря. Приложеніе къ *Морскому Сборнику*. С.-Петербургъ, 1861. — Описаніе музея князя В. В. Кочубея (составленное по его рукописному каталогу) и изслѣдованія объ исторіи и нумизматикѣ греческихъ поселеній въ Россіи, равно какъ царствъ: Понтійскаго и Босфора-Киммерійскаго. Соч. В. Кеѣна. С.-Петербургъ, 1855 г. — Корреспонденція: Донесеніе о поѣздѣ въ Крымъ въ 1861 году. — Донесеніе объ осмотрѣ архива Ванка св. Георгія. — Донесеніе о поѣздѣ къ устьямъ рѣкъ Буга и Днѣпра въ 1862 г. — Греческая надпись изъ древняго города Одиссеса. — Херсонисская церковь св. Василія (Владимира). — Разказъ римско-католическаго миссіонера, доминиканца Юліана, о путешествіи въ страну прп-Волжскихъ Венгерцевъ, совершенномъ передъ 1235 годомъ, и письма папы Бенедикта XII къ хану Узбеку, его жепѣ Тайдолѣ и сыну Джанибеку въ 1340 году. — О мѣстѣ погребенія тѣла фельдмаршала князя Потемкина-Таврическаго.

Сверхъ того къ 5-му тому приложено 6-ть литографированныхъ листовъ.

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

ОТДѢЛЕНИЕ 1-е.

I. Археологія. Новыя надписи Ольвійскія. — Двѣ Аморгосскія надписи, принадлежащія музею Общества. — О мнимыхъ Норманнскихъ именахъ (Днѣпровскихъ порогахъ) въ Русской исторіи. — Взглядъ на автономію и исторію Пантикапеи.

II. Статистика. Описаніе Бессарабской области, въ 1816 г.

ОТДѢЛЕНИЕ 2-е. СБОРНИКЪ МАТЕРІАЛОВЪ.

Армянскія надписи, находящіяся на югѣ Россіи. — Описаніе Крыма (*Tartariae descriptio*), Мартына Броневскаго. — Продолженіе дѣйствій Черноморскаго флота съ 1806 по 1856 г. — Древніе акты Константинопольскаго патриархата, относящіеся къ Новороссійскому краю. — О нѣкоторыхъ малоизвѣстныхъ монетахъ.

ОТДѢЛЕНИЕ 3-е. СМѢСЬ.

Лѣтопись общества съ 14-го ноября 1862 по 14-е ноября 1866 года. — *Некрологи*: С. В. Сафонова; А. Я. Фабра; графа А. С. Строгонова; П. И. Кеппена и З. А. Аркаса. — Геркулесовы столбы на Днѣпрѣ. — Манускриптъ греческаго древняго Евангелія. — Славянская надпись въ Оргѣвской церкви св. Дмитрія. — Предполагаемое кельтійскіе жертвенники на южномъ берегу Крыма. — Исарчикъ или Буюкъ-Мускомское древнее укрѣпленіе въ Крыму. — Матеріалы для исторіи Запорожья: Никополь; надписи на надгробныхъ крестахъ; священникъ Іоаннъ Ковалевскій и очеркъ Залорожца. — Краткій очеркъ городищъ, находящихся по Днѣпру и его лиману. — Забѣтки о происхожденіи Новороссійскихъ Армянъ. — Археологическія изысканія въ южной Россіи, по отчетамъ Императорской археологической комиссіи. — Забѣтки изъ архива Готтійской епархіи въ Крыму. — Гаджибейскій замокъ. — Событія подъ Очаковомъ въ 1788 году съ сентября до половины ноября. — Матеріалы для мѣстной исторіи. — Археологическія забѣтки по поводу посѣщенія Аккермана и его окрестностей въ лѣтнее время 1866 года. — О дипломатическихъ сношеніяхъ Египетскаго султана Бибарса съ Золотоордынскимъ ханомъ Берке. — Списокъ сочиненій о Крымѣ. — Поправка и приращеніе.

Сверхъ того къ 6-му тому приложено 9 литографированныхъ листовъ.

Желающіе имѣть Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей могутъ обращаться съ требованіемъ прямо въ Общество, уплачивая за I, III и IV томы по 3 руб., а за II, V и VI по 4 руб. за каждый и сверхъ того за пересылку по вѣсу.

ОБЪ ИЗДАНИИ
ТРУДОВЪ
ИМПЕРАТОРСКАГО ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
въ 1868 году.

ТРУДЫ И. В. Э. О. въ будущемъ 1868 году будутъ издаваться по прежней программѣ.

Въ составъ ихъ войдутъ статьи: по сельскому хозяйству и его отраслямъ; политической экономіи, сельско-хозяйственной технологіи, естественнымъ наукамъ; разборъ книгъ, относящихся къ сельскому хозяйству и промышленности; хозяйственныя и промышленныя, отечественныя и иностранныя, извѣстія; указанія на движеніе цѣнъ хозяйственныхъ произведеній; журналы общихъ собраній, отдѣленій, комитетовъ и совѣта Общества, и наконецъ, объявленія о сельско-хозяйственныхъ и промышленныхъ предметахъ.

Въ статьи, помѣщаемыя въ „ТРУДАХЪ“, будутъ входить, по мѣрѣ надобности, литографированные рисунки и политипажи. Кроме того, при нѣкоторыхъ выпускахъ будутъ разсылаемы по прежнему подписчикамъ разныя сѣмена болѣе замѣчательныхъ культурныхъ растений.

„ТРУДЫ“ будутъ выходить два раза въ мѣсяцъ книжками, каждая не менѣе пяти печатныхъ листовъ, но обыкновенно болѣе. Подписная цѣна изданія — **ТРИ РУБЛЯ СЕР.** съ пересылкою во всѣ города и доставкою на домъ.

Подписка на „Труды“ на 1868 годъ принимается въ С.-Петербургѣ: въ домѣ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества (на углу 4-й роты Измайловскаго полка и Обуховскаго проспекта) и въ конторѣ С.-Петербургскихъ Полицейскихъ Вѣдомостей, на Адмиралтейской площади, между Гороховой улицей и Вознесенскимъ проспектомъ, въ домѣ Гамбса, № 8, кв. № 25. Иностранцы благоволятъ адресоваться въ С.-Петербургъ, въ *Императорское Вольное Экономическое Общество*.

Для желающихъ изъ гг. подписчиковъ Редакція извѣщаетъ готовность высылать издаваемые Обществомъ конструкторскіе чертежи сельско-хозяйственныхъ орудій, машинъ и построекъ, по мѣрѣ вы-

хода этого изданія. Въ настоящее время такихъ чертежей изготовлено четыре: 1) небольшая саксонская вѣялка; 2) ручная мялица для льна; 3) двухколесная англійская телѣга и тачки, и 4) приборы молочнаго хозяйства. Всѣ четыре чертежа, съ подробнымъ къ нимъ описаніемъ, упаковкою на скальѣ и пересылкою, стоятъ 1 рубль, а каждый чертежъ отдѣльно 25 коп.; безъ пересылки 20 коп.

Редакторъ А. Совѣтовъ.

~~~~~

ВѢСТНИКЪ РОССІЙСКАГО ОБЩЕСТВА САДОВОДСТВА, ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

БУДЕТЬ ИЗДАВАТЬСЯ ВЪ 1868 ГОДУ ПО ПРЕЖНЕЙ ПРОГРАММѢ.

Въ годъ будетъ выдано шесть книжекъ по 3¹/₂ листа текста и шестнадцать хромолитографированныхъ рисунковъ, кромѣ неопредѣленнаго числа политипажей.

Къ „ВѢСТНИКУ“ будутъ приложены сѣмена садовыхъ и огородныхъ растений.

Сверхъ 16-ти рисунковъ, будетъ дана большая хромолитографія для подписчиковъ, возобновившихъ подписку.

Подписная цѣна, съ пересылкою, **четыре рубля сорокъ коп.**

Подписываться можно въ С.-Петербурѣ: въ редакціи (Выборгская стор., по Симбирской, № 8), въ книжномъ магазинѣ Я. А. Исакова (Гостинный дворъ), въ сѣмянныхъ торговляхъ П. Бука (Малая Конюшенная, № 8), И. Сима (Караванная, № 14) и А. Ушакова и А. Запѣвалова (у Казанскаго собора, домъ Лѣсникова); въ Москвѣ — въ сѣмянномъ депо общества (Петровка, д. Раевской).

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗЪ КАТАЛОГА ПРЕДМЕТОВЪ ДЛЯ НАГЛЯДНАГО
ОБУЧЕНІЯ, НАХОДЯЩИХСЯ ВЪ ПРОДАЖЪ ВЪ КНИЖНОМЪ
МАГАЗИНѢ

ЯКОВА АЛЕКСѢЕВИЧА ИСАКОВА,

Коммисіонера министерства народнаго просвѣщенія, министерства государственныхъ имуществъ, главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній, учебныхъ заведеній, находящихся подъ покровительствомъ Ея Имп. Вел. Государыни Императрицы и проч.

Въ Гостиномъ дворѣ, по Суконной линіи, № 24.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

КАБИНЕТЪ
ИГРЪ, ЗАБАВЪ, ОПЫТОВЪ И ЗНАНІЙ.

Я. ФОССЪ.

Съ 1861 года, подъ фирмою Я. Фоссъ, предпринято изданіе кабинетовъ, учебныхъ пособій и дѣтскихъ наставительныхъ игръ, съ основною мыслию замѣнить съ одной стороны, бесполезныя, а иногда и вредныя дѣтямъ игрушки изъ игрушечныхъ лавокъ, а съ другой стороны вмѣсто выписываемыхъ изъ за границы, дорогихъ, часто непонятныхъ для нашихъ нянюшекъ и воспитательницъ, игрушекъ и занятій дать, съ приличными объясненіями, приготовленныя здѣсь, поэтому болѣе понятныя, болѣе соответствующія нашимъ нравамъ, и болѣе дешевыя, — средства полезно занять дѣтей, особенно въ возрастѣ, предше-

ствующемъ систематическому учению. Успѣхъ изданій оправдалъ наши ожиданія. Ни одно изъ приготовленныхъ занятій для дѣтей не залежалось, и несмотря на то, что изготовляемые Я. Фоссомъ предметы продавались въ одномъ нашемъ магазинѣ (безъ содѣйствія постороннихъ торговцевъ), требованіе на нихъ постоянно возростало, такъ что часто магазинъ не могъ своевременно удовлетворять требованіямъ. Это побудило насъ дать большее развитіе дѣлу и съ начала наступающаго года ознакомить нуждающихся въ этихъ пособіяхъ разсылкою „Подробнаго Каталога предметовъ для нагляднаго обученія“, заготовляя предметы фабрично, въ большемъ количествѣ экземпляровъ, дабы, съ увеличеніемъ сбыта, удешевить и цѣны на предметы, первоначальное изготовленіе которыхъ обходится чрезвычайно дорого по новости дѣла въ Россіи.

Поставивъ себѣ задачу *удешевить* какъ учебныя пособія такъ и наставительныя игрушки, мы однакоже не позволяемъ себѣ *нисколько* *измѣнить* той *акуратности* и *изяществу* въ *отдѣлкѣ*, которыя характеризовали до сихъ поръ наши предметы, считая что для *воспитательныхъ цѣлей* акуратность и изящество гораздо дороже той полтины, на которую можно было бы удешевить предметъ, если бы приготовленіе было проще и небрежнѣе, потому что въ послѣднемъ случаѣ предметъ вовсе не достигнетъ цѣли, для которой предназначается.

Для уясненія мысли скажемъ только, что даже основныя идеи математическихъ величинъ прямаго угла, окружности круга, куба, призмы, шара и т. п. только тогда будутъ правильны, если играющій *во всѣхъ* данныхъ ему съ этою цѣлью игрушкахъ видитъ математически правильныя тѣла, плоскости, линіи, углы и т. п. Эта правильность важна и для усвоенія математическихъ истинъ, касающихся равенства, подобія, равномерности и т. п., сколько и для развитія чувства изящнаго.

Конечно, акуратное изготовленіе этихъ предметовъ гораздо дороже *здѣланныхъ кое-какъ*; послѣдніе мы не *рѣшимся* *дать своимъ дѣтямъ*, а *потому не посмѣемъ предлагать ихъ и чужимъ*, несмотря ни на какую конкуренцію, понижающую цѣну *въ ущербъ* дѣтскаго развитія.

Однако цѣны на предметы, изготовленные нами, ни коимъ образомъ не выше, а всегда ниже цѣнъ привозныхъ предметовъ изъ за границы, и при этомъ, ни сколько не уступаютъ имъ и изяществомъ въ *отдѣлкѣ*, а потому смѣло надѣмся, что наши изданія будутъ предпочтены публикою *заграничнымъ*.

**ЗАНЯТІЯ СЪ ДѢТЬМИ,
ПРЕДШЕСТВУЮЩІЯ СИСТЕМАТИЧЕСКОМУ УЧЕНІЮ
И ДОПОЛНЯЮЩІЯ ЕГО.
ДЛЯ ВОЗРАСТА ДО 14 ЛѢТЬ.**

ФРЕВЕЛЬ. Игры дѣтскихъ садовъ. Въ большомъ ящикѣ заключаются слѣдующіи дары Фребеля. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 10, 14 и одинъ изъ 7—8. Цѣна за всѣ 9-ть даровъ 6 рублей сер.

Каждый даръ заключается въ особомъ деревянномъ ящикѣ, согласно основной идеѣ Фребеля: не давать вдругъ слишкомъ много матеріала; каждый ящикъ можетъ быть купленъ и отдѣльно.

1 даръ. **Мячики.** 3 основныхъ и 3 производныхъ цвѣтовъ съ цвѣтными шнурочками и качелью. Цѣна 1 р. 40 к.

Это первая игрушка, пригодная всѣмъ дѣтямъ, начиная отъ трехмѣсячнаго возраста.

2 даръ. **Кубъ, шаръ и цилиндръ.** Цѣльный кубъ, просверленный и съ крючками. Цѣна 80 к.

(За бокъ куба мы приняли вершокъ). Цѣль: противопоставленіе формъ и свойствъ мячика; вращеніе тѣлъ).

3 даръ. **Кубъ,** раздѣленный на 8 кубиковъ. Ц. 75 к.

4 " " " " 8 плитокъ, имѣющихъ форму кирпичиковъ. Цѣна 75 к.

(Бокъ куба есть дюймъ). Обѣ игрушки служатъ: 1) какъ матеріалъ для различныхъ построекъ, по усмотрѣнію дѣтей, начиная съ трехлѣтняго возраста; 2) счетъ отъ 1 до 8 и отъ 1 до $\frac{1}{8}$; 3) для ознакомленія съ равенствомъ объемовъ при разныхъ высотахъ и основаціяхъ.

5 даръ. **Кубъ,** раздѣленный на 27 кубиковъ, изъ коихъ 3 раздѣлены, каждый на два, и 3 раздѣлены каждый на 4 равныхъ трехгранныхъ призмъ. Ц. 1 р. 25 к.

6 даръ. **Кубъ,** раздѣленный на 27 плитокъ, изъ коихъ 3 раздѣлены вдоль на двое и 6 раздѣлены поперегъ на двое. Ц. 1 р. 25 к.

Оба эти дара даютъ не только болѣе обильный матеріалъ для построекъ, которыя здѣсь уже могутъ быть весьма разнообразны, но и знакомятъ дитя наглядно съ свойствами призмъ, многоугольниками,

съ подобіемъ и равенствомъ тѣлъ и со множествомъ тѣхъ свойствъ тѣлъ и чиселъ, которыя въ послѣдствіи, при систематическомъ ученіи, они должно будетъ узнать какъ понятія отвлеченныя. Измѣреніе объемовъ.

(Кубики отъ этихъ даровъ могутъ быть съ большою пользою употреблены для обученія ариѳметики. См. Обязательная ариѳметика).

7 даръ. **Прямоугольные треугольники**, равнобедренные. Ц. 75 к.

8 " **Тупоугольные треугольники**, " " Ц. 75 к.

9 " **Остроугольные треугольники**, равносторонніе. Ц. 75 к.

Кромѣ раскладыванія геометрическихъ, изящныхъ различныхъ фигуръ, треугольники знакомятъ съ плоскостями: квадратомъ, ромбомъ, трапеціею, съ многоугольниками и т. п.; съ ихъ формами, измѣреніемъ, подобіемъ, равномѣрностію и т. д.

При занятіяхъ каждаго отъ 3-й до 9-й игръ, Фребель упражняетъ дѣтей 1) въ построеніи предметовъ общежитія или обыкновенныхъ вещей, знакомыхъ дѣтямъ по ихъ собственной жизни, 2) въ складываніи формъ и фигуръ изящныхъ или артистическихъ, на которыхъ слагается и развивается чувство изящнаго и 3) въ наглядномъ ознакомленіи съ математическими истинами.

10 даръ. **Лучины**. Ц. 30 к.

Плетеніе рамы, перелеговъ, звѣздъ и т. п., какъ занятіе, развивающее соображеніе. Понятіе о плоскостяхъ и линіяхъ.

11 даръ. **Спички Фребеля**. Ц. 75 к.

Выкладываніе изъ 2, 3, 4 и т. д. палочекъ различныхъ предметовъ общежитія въ контурахъ; понятіе и свойства о прямыхъ и ломанныхъ линіяхъ; упражненіе въ счетѣ; понятіе о цѣломъ и о дробяхъ.

12 даръ. **Дуги и круги**. Ц. 75 к.

То же, что 11 даръ, формы изящныя, ознакомленіе съ окружностію круга, дугами и проч. Дѣтя, играя этими проволоками, пріучаетъ глазъ къ симетріи и къ отличію правильно круговыхъ линій отъ кривыхъ всякаго рода. Болѣе взрослые могутъ этими дугами составлять множество узоровъ, служащихъ моделями для фестоновъ, высѣчекъ и т. д. приложенийъ къ жизни.

Соединяя игру полукругами съ игрою со спичками и съ перегибными бумажками, легко показать обязательно не только значеніе радіуса, діаметра, сектора, сегмента, но и ознакомить съ понятіемъ о сравнительной величинѣ дугъ и съ измѣреніемъ угловъ.

13 даръ. **Азбучный ящикъ**, заключающій разноцвѣтными, разной величины полоски и дуги для составленія пестрыхъ буквъ, а также для выкладыванія различныхъ предметовъ. При послѣднемъ занятіи особенно развивается глазомѣръ, такъ какъ длина полосокъ правильно возрастаетъ. Ц. 75 к.

14 даръ. **Строитель** изъ гороха или пробки и деревянныхъ спичекъ. Развиваетъ глазомѣръ и ловкость руки. Ц. 75 к.

15 даръ. **Плетеніе** изъ разноцвѣтныхъ полосокъ бумажки, съ объясненіемъ и таблицами. Ц. 75 к.

Начиная съ трехъ лѣтъ, дитя не только пріучается къ *гармоническому сочетанію цвѣтовъ*, знакомится съ *работою тканія* холста, суконъ и т. п., но, что въ его возрастѣ особенно важно, *научается счету осязательно*. Пропуская свой утокъ черезъ одну, двѣ три, четыре и т. д. полоски, онъ изучаетъ числа ощупью, а не одни только названія ихъ.

16 даръ. **Перегибаніе бумаги**. Изъ этого любимого дѣтскими занятіями, система Фребеля извлекаетъ весьма полезныя результаты, не отнимая нисколько ея занимательности. Подобіе и равенство площадей. Ц. 75 к.

17 даръ. **Выкалываніе**. Пріучаетъ глазъ къ правильнымъ размѣрамъ, развиваетъ твердость ручной кости и пальцевъ; весьма удобное занятіе для упражненія лѣвой руки. Ц. 75 к. Линій.

18 даръ. **Вырѣзываніе**. Всегда самое легкое и самое пріятное дѣтское занятіе при вырѣзываніи формъ общежитія, столько же и полезно по методу Фребеля въ отношеніи развитія чувства изящнаго и математическихъ понятій. Ц. 75 к.

19 даръ. **Рисованіе по клѣткамъ** въ контурахъ. Польза и рациональность метода заслуживаетъ полное вниманіе. Ц. 75 к.

Съ тетрадью сѣтей. Цѣна 1 руб.

20 даръ. **Лѣпщикъ изъ глины**. Дитя, усиливаясь воспроизводить видимые имъ предметы, невольно глубже вникаетъ во всѣ мелочныя отличія воспроизводимого предмета; высшее развитіе вниманія и усидчивости, необходимыхъ при всякомъ систематическомъ ученіи и трудѣ. Ц. 1 р. 25 к.

Игры Фребеля тогда только приносятъ ожидаемую отъ нихъ пользу, когда при употребленіи ихъ руководятся мыслями самого автора.

Мысли эти и пріемы игръ, употребляемые Фребелемъ и его послѣдователями, изложены въ сочиненіи Я. Фоссъ: **Практической руководителю къ употребленію игръ Фребеля, дома и въ дѣтскихъ садахъ**. С.-Петербургъ, 1867 года, съ 90 таблицами. Ц. 3 р.

Рисунки для вырѣзыванія изъ бумаги ножницами съ наставленіемъ *для малыхъ дѣтей*. Ц. 75 к.

Копировщикъ, матовое стекло въ рамкѣ, съ 8-ю рисунками, для копированія. Цѣна съ 8-ю таблицами рисунковъ 75 коп., съ 16-ю рисунками 1 рубль.

Игрушка эта имѣетъ цѣлю, при возбужденіи желаніи ребенка рисовать, дать ему возможность получать болѣе или менѣе правильный рисунокъ, который окружающіе дѣтя могутъ ему называть. Черезъ это трудъ ребенка становится въ глазахъ его опредѣленнымъ и имѣющимъ значеніе. Этимъ онъ пріохочивается къ занятію, а вмѣстѣ съ тѣмъ механически пріобрѣтаетъ твердость въ рукѣ и первыя основанія линейнаго черченія контуровъ.

Употребленіе игрушки весьма легко: подъ матовое стекло подставляется рисунокъ и дѣти очерчиваютъ контуры по стеклу карандашомъ. Когда рисунокъ готовъ, онъ снимается, замѣняясь бѣлой бумагой, на коей нарисованное становится ясно виднымъ.

Строитель проволочныхъ моделей Кина. Ц. 4 р. 50 к.

Въ ящикѣ находятся пробочки кубическія, цилиндрическія, коническія и проч. и проволоки заостренныя съ двухъ концовъ семи разныхъ величинъ. Помощію этого матеріала дѣтя строятъ модели множества предметовъ, начиная отъ простѣйшихъ, какъ, на примѣръ, столъ, стулъ, лѣстница, до самыхъ сложныхъ, какъ, на примѣръ, домъ, церковь, висячій мостъ, формы кристалловъ и т. п., сначала по приложеннымъ оригиналамъ, а потомъ сообразно своей фантазіи. Полная русская азбука.

Игрушка эта никогда не надоѣдающая, развиваетъ въ дѣтяхъ глазомѣръ, вниманіе, терпѣніе и воображеніе. Первый шагъ къ тому, чтобы пріучить рисовать съ натуры.

Рисовальныя модели изъ дерева. Практическая строительная игрушка, для первоначальнаго упражненія въ строеніяхъ и рисованіи. Ящикъ краснаго дерева съ большимъ количествомъ деревянныхъ частей, крышекъ и рисунками, показывающими какъ накладывать тѣни. Ц. 3 р. 50 к.

Китайскій кубъ. Архитектурная головоломка съ 18-ю хромированными таблицами, наклеенными на отдѣльныхъ панкахъ. Ц. 2 р.

Кубическій вершокъ разрѣзанъ на 7 частей, находящихся въ извѣстныхъ отношеніяхъ. Изъ этихъ частей строится до 500 различныхъ моделей.

Переплетчикъ и футлярщикъ. Деревянный ящикъ съ приборами переплетнаго и картоннаго искусства. Ц. 7 р.

Выпильщикъ изъ дерева сквозныхъ узоровъ, съ приборомъ и литографированными узорами для подставки часовъ, портретныхъ рамокъ, корзинокъ, бумвъ и т. п. Ц. 5 р.

Клееніе изъ картона или толстой бумаги съ хромофотографированными листами. Ц. 1 р. 50 к. с.

Комнатная гимнастика, складная, въ деревянномъ ящикѣ. Цѣна 25 рублей.

II.

УЧЕБНЫЯ ПОСОБІЯ.

ЧТЕНІЕ.

Подвижная азбука. Ящикъ краснаго дерева съ подвижными русскими буквами, знаками препинанія, квадратиками для раздѣленія одного слова отъ другаго и цифрами. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Употребленіе этихъ буквъ слѣдующее:

I. *Обученіе чтенію.* Изъ различныхъ игрушекъ, придуманныхъ для обученія чтенію, наиболѣе занимаютъ дѣтей подвижныя буквы; онѣ наиболѣе полезны тогда, когда это простыя буквы, безъ всякихъ фигуръ и рисунковъ, развлекающихъ только вниманіе дитяти, и потому неумѣстныхъ, когда хотятъ научать буквамъ.

Легчайшій, наименѣе для дѣтей утомительный, изъ извѣстныхъ способовъ для обученія чтенію есть слѣдующій: дитя запоминаетъ первоначально гласныя буквы а, е, і, о, у. Потомъ, постепенно даютъ ему не болѣе какъ по одной согласной, приставляя каждую изъ нихъ безразлично впереди и позади каждой изъ гласныхъ. Конечно, слѣдуетъ начинать съ такихъ согласныхъ, сочетаніе которыхъ съ гласными можетъ дать смыслъ звукамъ, напримѣръ: па-па, ма-ма, дя-дя, ня-ня, и т. д.; далѣе уменьшительныя дѣтскія имена: Ба-тя, Пе-тя, Ко-ля, Ми-тя, и т. д.

Когда дитя узнало три, четыре согласныхъ и уже научилось составлять изъ нихъ нѣсколько словъ, тогда трудности преодолѣны, потому что дитя само, по временамъ, будетъ играть, составляя слова любимыхъ именъ и названій, и само будетъ спрашивать, какъ написать то или другое слово, какъ называется та или другая буква. Ребенокъ пяти лѣтъ легко выучивается такимъ образомъ читать; не

должно, однако, его принуждать, но только заинтересовывать разгазками по поводу того или другого слова, составленного имъ изъ буквъ.

Впрочемъ, подвижныя буквы полезны и при всякой другой методъ обученія чтенію, какъ, на примѣръ, по методъ Золотова и другихъ.

II. *Буквенныя загадки.* Нѣсколько играющихъ садятся къ столу; одинъ изъ нихъ составляетъ какое-либо слово, на примѣръ, *Александръ*, такъ, чтобъ другіе этого не видѣли; потомъ перемѣшиваетъ всѣ буквы и даетъ отгадать другимъ, какое слово было собрано. Тогда, каждый изъ играющихъ беретъ изъ ящика тѣ же буквы, какія находятся между предложенными въ загадкѣ, и старается разгадать вопросъ.

Кто ранѣе всѣхъ подберетъ искомое слово, тотъ имѣетъ право задать загадку на слѣдующій разъ.

III. *Подборъ словъ.* Одинъ изъ играющихъ составляетъ какое-либо слово, на примѣръ, *машина*; другіе, изъ буквъ, входящихъ въ это слово, составляютъ другія слова, какія только могутъ быть изъ нихъ собраны. Выигры ваетъ тотъ, кто составитъ большее число словъ; на примѣръ, изъ слова *машина* навѣрное будутъ составлены *Машина*, *шина*, *наши*, *ниша*, *Миша*, *мани*, *маши* и т. д. или изъ слова *мѣльница* — *составляются* *лѣнь*, *нѣмъ*, *мнѣ*, *мѣль*, *мила*, *лица*, *цѣль*, *цѣна*, *цѣла* и т. д.

IV. *Знаки препинанія.* Когда дѣти научатся такимъ образомъ составлять по одному или по нѣсколько словъ, то не лишнимъ будетъ ознакомить ихъ и съ употребляемыми въ письмѣ знаками препинанія. Заставивъ ребенка составить фразу изъ трехъ или четырехъ словъ, на примѣръ, *Саша былъ прилеженъ*, объяснить ему, что на концѣ, послѣ слова „*прилеженъ*“, ставится точка и показать ему этотъ знакъ. Потомъ взять нѣсколько словъ для вопроса: *Который часъ? Которое сегодня число?* Послѣ этихъ словъ поставить знакъ вопроса и т. д., постепенно переходя къ различнымъ фразамъ, съ разными знаками препинанія и, по возможности, объясняя ему употребленіе ихъ.

V. Когда ребенокъ научился свободно составлять отдѣльныя слова, и небольшія фразы, тогда полезно предлагать ему составлять подвижными буквами цѣлыя изрѣченія, вводя въ нихъ и знаки препинанія.

Чтобы буквы не разсыпались и не раздвигались, для этого можно употреблять доски съ нѣсколькими наклеенными линейками.

VI. Этотъ ящикъ, кромѣ вышеприведеннаго употребленія, можетъ служить какъ буквенное лото для механическаго обученія дѣтей чтенію.

Дѣтямъ задають каждому по какому-нибудь слову, или написанному отдѣльно для каждаго на особой бумажкѣ изъ взятому изъ книгъ. Потомъ изъ ящика выбираютъ одну полную азбуку, смѣшиваютъ ее и даютъ одному изъ играющихъ, по очереди, вынимать эти буквы и произносить ихъ. Тотъ, у котораго въ заданномъ словѣ находится произнесенная буква, беретъ ее себѣ. Если же одна кака-нибудь буква находится и у другихъ въ ихъ словахъ, то имъ выдаются тѣ же буквы изъ ящика. Въ случаѣ же недостатка и въ ящикѣ — вышедшую букву можно замѣнить маркою. Первый, получившій всѣ буквы, нужныя для составленія заданнаго ему слова, выигрываетъ партію.

Подвижныя буквы для обученія чтенію на нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ. Цѣна каждому ящику 2 руб. *Притовляются къ изданію.*

ФРЕВЕЛЬ. Азбучный ящикъ, заключающій разноцвѣтныя, разной величины полоски и дуги для составленія нестрыхъ буквъ, а также для выкладыванія различныхъ предметовъ. При послѣднемъ занятіи особенно развивается глазомѣръ, такъ какъ длина полосокъ правильно возрастаетъ. Ц. 75 коп.

Коллекція къ предметнымъ урокамъ, составленная по методѣ Песталлоци, выраженная въ книгѣ *Перевальскаго*. Этажерка съ 5-ю коробками подъ стекломъ 35 рублей.

ПО ГЕОГРАФИИ.

Складныя географическія карты:

	ц ѣ н а.
1) Всей Россіи	1 руб. 75 коп.
2) Европейской Россіи	1 „ 25 и 3 р.
3) Европы	1 „ 25 коп.
4) Азіи	1 „ 25 „
5) Африки	1 „ 25 „
6 и 7) Америки сѣверной и южной	по 1 „ 25 „
8) Австраліи	1 „ 25 „
9) Полушаріе	1 „ 75 „

Каждая карта въ ящикѣ краснаго дерева.

Складной атласъ всѣхъ частей свѣта и Россіи съ книгою географіи, по методѣ Корнеля, въ коробкѣ. Цѣна 7 рублей.

Всѣ эти карты разрѣзаны по контурамъ государствъ (Россія по губерніямъ), такъ что складывая ихъ дѣти незамѣтно выучиваютъ очертаніе и границы каждаго государства.

На картахъ частей свѣта означены только главные рѣки, горы и столицы, поэтому эти данныя рѣзко впечатлѣваются въ памяти учащихся.

Путешествіе по Европѣ. На большой раскрашенной картѣ Европѣ (длиною 1 аршинъ 2 вершка), содержащей главнѣйшія географическія данныя и желѣзныя дороги, дѣти по особеннымъ указаніямъ костей (какъ въ обыкновенномъ *гуськи*) переѣзжаютъ изъ одного города и государства въ другой. Плата, взимаемая съ путешествующихъ по картѣ при переходѣ ихъ чрезъ границы государствъ, при переѣздѣ чрезъ рѣки и горы, легко впечатлѣвается въ памяти дѣтей эти географическія данныя.

Это совершенно новая игра, столько же интересуеть дѣтей какъ и извѣстная скачка съ препятствіями (Steeple-Chasse), но имѣеть громадное передъ нею преимущество своею научно-полезною цѣлью.

Цѣна карты, наклеенной на панку складную, съ марьями, костями и билетами 5 рублей.

Путешествіе по европейской Россіи. Подобно предыдущей. Дѣти узнаютъ всѣ достопримѣчательности природы въ Россіи и ея произведенія. Цѣна съ приложеніями 5 рублей.

ГЛОБУСЫ, ТЕЛЛУРИИ И ПЛАНЕТАРИИ

ВСѢХЪ РОДОВЪ И ВЕЛИЧИНЪ,

ПРИГОТОВЛЯЕМЫЕ ВЪ РОССІИ И ЗА ГРАНИЦЕЙ СЪ РУССКИМИ НАДПИСЯМИ ЦѢНА ОТЪ 1 ДО 120 РУБЛЕЙ.

Глобусы изданія Шотте.

		Цѣны продажныя.
Въ	3 дюйма безъ меридіана	1 руб. 75 коп.
"	— " съ полумеридіаномъ	2 " 50 "
"	5 дюйм. безъ меридіана	3 " — "
"	5 " съ полумеридіаномъ	5 " 25 "
"	7 " безъ меридіана	5 " — "
"	9 " " "	7 " 50 "
"	9 " съ полумеридіаномъ	10 " — "

Въ 12 дюйм. рельефныя безъ мерид. и надписей.	13 руб. — коп.
„ 12 „ рельефныя безъ мерид. съ надпис.	20 „ — „
„ 12 „ рельефныя съ полумеридіаномъ . . .	27 „ — „
„ 12 „ съ надписью и съ меридіаномъ . . .	35 „ — „
„ 26 „ на отл. станкѣ	75 „ — „

Изданія Реймера.

Въ 12 дюймовъ съ полумеридіаномъ	16 руб. — коп.
„ 12 „ на станкѣ	10 „ — „
„ 12 „ съ полнымъ меридіаномъ	22 „ — „

Нюрнбергскія изданія.

Въ 2 дюйма съ полумеридіаномъ	1 руб. 25 коп.
„ 4 „ „ „	3 „ — „
„ 4 „ „ полнымъ меридіаномъ	5 „ 50 „
„ 8 „ „ полумеридіаномъ	5 „ 50 „
„ 8 „ „ полнымъ меридіаномъ и пр.	7 „ 50 „

Петербургскія изданія.

Въ 5 дюймовъ въ $\frac{1}{2}$ меридіана	5 руб. 50 коп.
„ 4 „ „ — „	4 „ 50 „

Издѣльемъ отдѣлки нисколько не уступають заграничнымъ.

Телурія.

Радіусъ. Орбиты земли 30 дюймовъ.	10 руб. — коп.
„ „ „ 40 „	15 „ — „
„ съ часовымъ механизмомъ	40 „ — „
Планетарій съ часовымъ механизмомъ	100 „ — „

ТЕХНИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦІЯ, или собраніе главнѣйшихъ естественныхъ произведеній изъ трехъ царствъ природы и различныя степени обработки ихъ, въ шкапикѣ краснаго дерева, съ 8-ю ящиками 100 руб.

Та же коллекція съ образцами меньшаго формата 50 руб.

Предметы расположены въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) ЯЩИКЪ — содержитъ МАПУФАКТУРНЫЯ ИЗДѢЛІЯ: хлопчато-бумажныя, шелковыя, льняныя, шерстяныя ткани; образцы деревъ, кожъ и желѣзныхъ издѣлій: всего не менѣе 90 образцовъ.

2—5) ЯЩИКИ — РАСТИТЕЛЬНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ, не менѣе 200 образцовъ: корней, стеблей, листьевъ, цвѣтовъ, плодовъ, сѣмянъ, смоль, камедей и т. п., наиболѣе употребительныхъ отечественныхъ и ввозныхъ продуктовъ, а также образцы хлѣбныхъ растений, засушенныхъ и нашитыхъ на папкѣ.

6) ЯЩИКЪ—ЖИВОТНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ, не менѣе 40 образцовъ, и коллекція 12 — 15 замѣчательнѣйшихъ мѣховъ пушныхъ звѣрей.

7) ЯЩИКЪ—САМОРОДНЫЕ МЕТАЛЛЫ и различные виды ихъ обработки и сплавовъ.

8) ЯЩИКЪ—МИНЕРАЛЫ, преимущественно русскіе, употребляемые въ общежитіи, при постройкахъ и т. п.

Коллекція эта одинаково необходима, какъ для преподаванія естественной исторіи, такъ и географіи, потому что содержитъ главнѣйшіе продукты трехъ царствъ природы, какъ отечественные, такъ и ввозные.

По заказу могутъ быть составлены и болѣе полныя коллекціи деревь, мѣховъ, хлѣбовъ и т. п., равно и образцовъ той или другой мануфактурной промышленности.

Пособія въ изученію минералогіи:

Минералы, ихъ свойства и употребленіе. Текстъ. . . — р. 75 к.

По тексту этого сочиненія, составлены слѣдующія коллекціи:

1) Минералогическій кабинетъ, въ 30 минераловъ съ текстомъ.	3	»	—	»
2) То же въ 60 минераловъ	5	»	—	»
3) Коллекція въ 30 минераловъ, въ ящикѣ подъ стекломъ съ текстомъ	6	»	—	»
4) Коллекція въ 63 минерала, въ ящикѣ подъ стекломъ съ текстомъ	10	»	—	»
5) То же, лучше, въ 70 минераловъ.	15	»	—	»

Сообразно потребностямъ гимназическаго курса составлены:

1) Собраніе минераловъ во 100 штукъ; каждый въ 4 □ дюйма.	25	»	—	»
2) Собраніе въ 120 штукъ; каждый въ 9 □ дюймовъ въ шкапикѣ краснаго дерева	50	»	—	»

Образцами породъ въ этихъ коллекціяхъ взяты преимущественно въ Россіи находимые минералы, и обращено вниманіе, чтобы каждый образчикъ былъ хорошимъ представителемъ своей породы.

Приборъ для испытанія напильною трубкою, съ реактивами . . . . . отъ 5 до 9 р. — к.

Образцовыя тѣла твердости минераловъ:

съ алмазомъ . . . . . 8 " — "
безъ алмаза . . . . . 5 " — "

3) Девять стеклянныхъ моделей кристалловъ изъ всѣхъ системъ съ показаніемъ свойствъ осей и реберъ, посредствомъ цвѣтныхъ шелкочинокъ внутри и бумажекъ по ребрамъ . . . . . 13 " 50 "

За каждую форму отдѣльно . . . . . 1 " 50 "

Геологическія коллекціи, или собранія горныхъ породъ и окаменѣлостей, числомъ отъ 100 до 400 экземпляровъ, цѣною . . . . . отъ 25 до 150 " — "

ПО МАТЕМАТИКѢ.

1) *Кубъ двухъ* — за единицу принять кубическій вершокъ . . . . . 2 р. 50 к.

2) *Кубъ двучлена* $(a + b)^3$. Вершокъ и дюймъ . . . . . 2 " 50 "

3) *Кубъ трехъ* — за единицу принять вершокъ . . . . . 3 " 50 "

4) *Кубъ трехчлена* $(a + b + c)^3$. (Количество a , b и c находится въ отношеніи 1:2:3) . . . . . 5 " — "

5) Кубическая четверть аршина, состоящая изъ 64 кубическихъ вершковъ (*кубъ четырехъ*) . . . . . 10 " — "

Всѣ эти модели необходимы для представленія наглядно элементарныхъ истинъ алгебры и приложенія ея къ геометріи.

Изготовляются:

Большіе стѣнные и стоячіе счеты цѣлыхъ чиселъ и счеты для долей, циркуль, транспортиръ, масштабы, модели мѣръ и вѣсовъ въ настоящую величину, квадратный футъ, раздѣленный на квад. дюймы, многогранники, коническія сѣченія.

П Е Ч А Т А Ю Т С Я :

ПОДРОБНЫЙ КАТАЛОГЪ

ВЫШЕДШИХЪ ВЪ ПОСЛѢДНІЯ 30 ЛѢТЪ

РУССКИХЪ КНИГЪ, АТЛАСОВЪ, КАРТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

КАТАЛОГЪ ПРЕДМЕТОВЪ ДЛЯ ПАГЛЯДНАГО ОБУЧЕНІЯ.

Въ каталогахъ будутъ напечатаны также подробныя условія по выпискѣ книгъ и предметовъ изъ магазина.

Гг. иногородные, желающіе получить означенные каталоги, благоволятъ заявить свои требованія теиерь же, съ приложеніемъ 6 почтовыхъ марокъ; также желающіе получать аккуратно ежемѣсячно каталогъ вновь выходящихъ книгъ на французскомъ языкѣ прилагаютъ за годъ съ пересылкою 50 коп.

Каталоги иностранныхъ книгъ магазинъ получаетъ изъ-за границы ежемѣсячно. Полный каталогъ французскихъ книгъ также печатается.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНЪ
ИВАНА ИЛЬИЧА ГЛАЗУНОВА,

въ Большой Садовой, въ домѣ Публичной Библиотекы, №№ 21 и 22

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ УЧЕБНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

Д. СЕМЕНОВА:

Уроки географіи. Годъ 1-й. Приготовительный курсъ. Изд. 6-е. Сиб. 1867. Цѣна 50 коп.

Уроки географіи. Годъ 2-й. Физическое описаніе частей свѣта. Изд. 6-е. Сиб. 1867. Цѣна 50 коп.

Уроки географіи. Годъ 3-й. Этнографическій и политическій очеркъ частей свѣта. Изд. 1-е. Спб. 1867. Цѣна 60 коп.

Всѣ три книги составляютъ полный курсъ всеобщей географіи, назначенный для прохожденія въ трехъ низшихъ классахъ военныхъ и гражданскихъ гимназій, и снабжены рисунками, политипажами и таблицами для повторенія, которые облегчаютъ дѣтямъ изученіе географіи.

Отечественвѣдѣніе. Россія по разсказамъ путешественниковъ и ученыхъ изслѣдованіямъ. Т. 1-й. Сѣверный край и Финляндія. Цѣна 75 коп. сер. *Содер.* Историческій очеркъ. Тундра. Сѣверное сіяніе. Водопадъ Кивачъ. Вѣлуга. Зыряне. Самоѣды. Лапландцы. Пустозерцы. Олончане. Бѣломорскія женщины. Архангельскъ. Соловки. Геологическій очеркъ Финляндіи. Водопадъ Иматра. Саймискій каналъ. Рускіяльскія мраморныя ломки. Финскій пасторъ. Финны. Гельсингфорсъ и Свеаборгъ.

Отечествовѣдѣніе. Т. 2-й. Южный край. Цѣна 1 руб. Общій характеръ Малороссіи. Черноземная полоса. Каменноугольный Донецкій бассейнъ. Днѣпровскіе пороги. Жизнь въ степи. Донскія степи. Буранъ. Чабанъ. Среди саранчи. Южный берегъ Крыма. Сельскій бытъ Малоросса. Характеръ Малоросса. Богата Кута. Донскіе казаки. Пластины. Казакъ-хуторянинъ. Тюменевка. Крымскіе Татары. Молдоване. Папи Кентуки и Масзачузетсъ. Колонія Кичказъ. Украинскія ярмарки. Чумаць. Кіевъ. Одесса. Бахчисарай. Чуфуть-Кале. Екагеринодаръ.

Отечествовѣдѣніе. Т. 3-й. Кавказъ и Уралъ. Цѣна 75 коп. сер. Историческій очеркъ. Природа и человекъ на Кавказѣ. Вершины и проходы. Абхазъ въ семьѣ. Джигитовка. Абрекъ. Женщины въ Дагестанѣ. Грузины. Армяне. Огнепоклонники. Пятигорскъ. Тифлисъ. Уральскія горы. Золотыя росыни. Илецкая защита. Рыболовство. Уральскія казаки. Башкиры. Киргизы.

Отечествовѣдѣніе. Т. 4-й. Востокъ и западъ. Цѣна 1 руб. сер. Историко-этнографическій очеркъ Сибири. Сибирская тундра. Тайга. Горы. Остяки. Обдорскъ. Якуты. Буряты. Чукчи. Русскіе. Рудникъ. Сибирская торговля пушнымъ товаромъ. Якутскъ. Кяхта. Амуръ. Туркестанъ. Ура-Тюбе. Вѣлоруссія. Вѣловѣжская пуща. Эсты. Литовцы. Евреи. Цыгане. Польскіе магнаты. Поляки. Варшава.

Цѣль изданія „Отечествовѣдѣнія“ дать матеріалъ для чтенія, какъ учителю, такъ и ученикамъ, чтобы тѣмъ осмыслить и оживить преподаваніе географіи отечества по сухимъ учебникамъ. Въ „Отечествовѣдѣніи“ собрано все лучшее, что было когда-либо написано по географіи Россіи и что разбросано по разнымъ отдѣльнымъ сочиненіямъ, періодическимъ изданіямъ, газетамъ и губерпскимъ вѣдомостямъ. „Отечествовѣдѣніе“ есть пока единственное учебное пособие для болѣе основательнаго изученія отечества, подобное тому, какое существуетъ для изученія всеобщей географіи въ сборникахъ Груббе и Шютца.

Печатаются сост. А. Семеновымъ.

**Учебныя пособія для нагляднаго обученія въ
связи съ изученіемъ роднаго языка :**

- 1) Времена года. Четыре большія хромолитографированныя картины*
- 2) Книга для упражненій въ родномъ языкѣ — принаровлена къ содержанію картинъ.

3) Дидактическое руководство для учителей, заключающее практическое применение картин и книги къ преподаванію.

Этимъ издаціемъ авторъ желаетъ удовлетворить современному требованію педагогики, соединить (для дѣтей отъ 8—11-ти лѣтъ) наглядное обученіе съ обученіемъ родному языку. Такое преподаваніе преслѣдуетъ слѣдующія цѣли: научить дитя правильно смотрѣть на предметъ, правильно пересказывать видѣнное, вести къ яснымъ понятіямъ о предметѣ, давать полезныя знанія, научить сознательно читать, правильно писать, толково произносить стихи, практически познакомиться съ грамматикой и, какъ слѣдствіе этихъ упражненій, развить въ ребенкѣ логическое мышленіе.

Вамъ же продаются слѣдующія книги:

Географическія стѣнные карты. Сост. *Симанко*. Изд. И. Глазунова. Европа. Азія. Африка. Америка. Печатается Австралія и Россія. Спб. 1867 г. Цѣна каждой карты 2 руб. съ перес.

Эти карты вполнѣ могутъ замѣнить дорогія рельефныя карты, потому что на нихъ посредствомъ разныхъ красокъ показано различное возвышеніе поверхности надъ уровнемъ моря. Такъ напримѣръ, совершенно чернымъ цвѣтомъ обозначены мѣста, поднимающіяся надъ уровнемъ моря на 500 ф., совершенно бѣлымъ горы, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ. Различными оттѣнками коричневаго цвѣта обозначены мѣстности, поднимающіяся надъ уровнемъ моря на 1.000, 2.000, 4.000 и болѣе 6.000 ф. Кромѣ употребленія при классномъ преподаваніи, эти карты могутъ служить весьма хорошимъ руководствомъ для учениковъ, которые бы захотѣли сами сдѣлать рельефныя карты. — Карты Симанко, поэтому, при меньшей цѣлѣ, могутъ вполнѣ замѣнить карты Спдова, на которыхъ высота мѣстъ показана неопредѣлительно.

Начальный курсъ географіи по американской методѣ Корнелия. Изд. 6-е. И. Глазунова. Спб. 1867. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Это руководство въ короткое время разошлось въ числѣ 80.000 экземпляровъ. Главное отличіе этого руководства состоитъ въ томъ, что посредствомъ постоянныхъ вопросовъ учителя ученикъ усвоиваетъ различныя географическія понятія и знакомится съ различными странами и народами, не заучивая безсознательно сухихъ опредѣленій и описаній. Чтобъ сдѣлать руководство нагляднымъ и избѣгнуть необ-

ходимости приобрести географический атласъ, въ немъ помѣщено 11 географическихъ картъ и множество политическѣй, на которыхъ изображены формы суши и воды, всѣ государства и ихъ столицы, а на картахъ Россіи всѣ губернскіе города.

Предварительныя свѣдѣнія изъ математической и физической географіи, изложенныя по американской методѣ Корнеля, для 1-го класса гимназій и прогимназій. Изд. И. Глазунова. Цѣна 1 руб.

Въ этой книгѣ заключаются общія понятія изъ географіи математической и физической и этнографіи, съ общимъ обзоромъ частей свѣта. Къ книгѣ приложенъ атласъ изъ 9 картъ и 72 рисунка въ текстѣ. Въ предисловіи сказано: Прииспособляя „Систематическій курсъ географіи Корнеля“ къ распредѣленію учебныхъ предметовъ по классамъ и къ потребностямъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, мы признали нужнымъ каждый вопросъ науки, составляющій отдѣльный урокъ, излагать сначала въ видѣ разсказа учителя (*содержаніе урока*), потомъ въ видѣ дѣлаемыхъ учителемъ вопросовъ, на которые ученики сами должны приискивать отвѣты (*уроки*), и наконецъ, свести въ видѣ краткихъ положеній свѣдѣнія, приобретенныя ученикомъ изъ урока (*повтореніе кратце*). Каждый изъ этихъ способовъ изложенія соответствуетъ особому методу преподаванія; изъ самаго оглавленія каждаго изъ нихъ видно, что эвристическій методъ мы признаемъ главнымъ, хотя не единственнымъ, которымъ ученіе достигнетъ вѣрныхъ результатовъ.

Учебный курсъ географіи Россійской имперіи. Сост. Я. Кузнецовъ. Изд. 6-е, значительно исправленное. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Предисловіе къ 6-му изданію. „Въ настоящемъ изданіи моего учебника сдѣланы, сравнительно съ предшествовавшими, значительныя перемѣны. Изъ находившихся въ прежнихъ изданіяхъ передъ каждою губерніею описаній мѣстности, почвы, климата, промысловъ жителей и проч. я составилъ теперь общія обзоренія нѣсколькихъ губерній по бассейнамъ морей, и даже ихъ частямъ, и предпослалъ такия описанія частнымъ описаніямъ губерній, исключилъ всѣ числовыя таблицы на томъ основаніи, что заключающіяся въ нихъ данныя, кромѣ того, что подвергаются частымъ измѣненіямъ, почти всегда ускользаютъ изъ памяти, и сохранилъ историческія примѣчательности при описаніи городовъ, какъ не входящія прямо въ область географіи. Надѣюсь, что всѣ эти и многія другія измѣненія, внесенныя мною въ учебникъ, дадутъ учащимся болѣе точныя понятія о наукѣ и во многомъ облегчатъ изученіе фактовъ“.

Руководство къ изученію латинскаго языка. Сост. по Кюнеру. Изд. 7-е. Цѣна 1 руб. 15 коп. Принято въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, въ Императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія и въ Императорскомъ Александровскомъ лицейѣ.

Cornellii Nepotis liber de excellentibus ducibus exterarum gentium et ex libro de latinis Historicis vita Catonis et Attici. Съ примѣчаніями и словаремъ. Сост. П. Н. Спб. 1866. Цѣна 60 коп.

Изъ произведеній Корнелія Непота до насъ дошла незначительная часть труда, который онъ посвятилъ Атикѣ, подъ заглавіемъ: „De viris illustribus“. Цѣлью этого сочиненія было представить изъ исторіи разныхъ временъ и народовъ рядъ великихъ мужей, замѣчательныхъ какъ по дѣяніямъ, такъ по уму, характеру и образованію. Изображая знаменитыя историческія личности, Непотъ хотѣлъ оживить въ своихъ согражданахъ вѣру въ человѣчество, воскресить въ нихъ умершій патриотизмъ и показать всю ничтожность жалкихъ цѣлей тогдашней римской знати.

C. Julii Caesaris Commentarii de bello Gallico. Съ географическимъ указателемъ и примѣчаніями. Сост. П. Н. Спб. 1867. Цѣна 1 руб.

Высшее достоинство сочиненія Цезаря въ литературномъ отношеніи признаю Цицерономъ, самымъ компетентнымъ судьей въ этомъ отношеніи.

При настоящемъ направленіи нашихъ гимназій, отдѣльныя изданія латинскихъ классиковъ, надобно надѣяться, принесутъ существенную пользу нашему учащемуся юношеству.

Eutropii breviarium historiae romanae. Цѣна 20 коп.

Латинско-русскій словарь, приспособленный къ употребленію въ гимназіяхъ. Сост. П. Н. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. Спб. 1867 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

При изданіи этого словаря составитель имѣлъ главнымъ образомъ въ виду, чтобы дать возможность ученику безъ затрудненія находить точныя и необходимыя значенія словъ и выраженій, встрѣчающихся у тѣхъ писателей, которые признамы лучшими и удобнѣйшими для первоначальнаго чтенія. Образцами при составленіи словаря служили словари Шеллера и Мюльмана.

Пособіе для практическихъ запятій при первоначальномъ изученіи русскаго языка въ гимназіяхъ. Книга 1-я, для 1-го класса. Сост. М. Николенко. Спб. 1867 г. Одобрена ученымъ комитетомъ Мин. Народн. Просв. для употребленія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ. Цѣна 60 коп.

Книга раздѣляется на 4 отдѣла, согласно главному общему раздѣленію занятій по русскому языку, а именно: заучиваніе наизусть, чтеніе съ изложеніемъ содержанія прочитаннаго, бесѣды о составѣ русской рѣчи и чтеніе на языкѣ церковно-славянскомъ; разнаго рода письменныя упражненія идутъ неразлучно съ тѣми же упражненіями, какъ это изложено въ примѣчаніяхъ при самыхъ статьяхъ.

Сельское чтеніе. Сост. *Одоевскимъ* и *Заблоцкимъ*. Цѣна за всѣ 4 книжки 1 руб.; отдѣльно каждая книжка по 30 коп.

Несмотря на множество появившихся въ послѣднее время книгъ для чтенія народа, „Сельское чтеніе“ до сихъ поръ составляетъ любимое чтеніе простаго народа; да и не удивительно: онъ найдетъ тамъ живые рассказы Дала, Одоевскаго, Заблоцкаго, Карновича, басни Крылова, Вельтмана и др.

Всеобщей географіи учебная книга, принятая для употребленія въ учеб. завед. мин. народн. просв. Сост. *А. Ободовскій*. Изд. 12. испр. Цѣна 1 руб.

Краткая всеобщая географія. Сост. *А. Ободовскій*. Изд. 10-е, испр. Спб. 1866. Цѣна 70 коп.

Краткій курсъ физической географіи. Сост. для высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній *П. Павловымъ*. Содержаніе: Образованіе земли, суша, вода, воздухъ, климатъ, распредѣленіе органической жизни на земномъ шарѣ. Цѣна 60 коп.

Приготовительный курсъ всеобщей географіи. Сост. *Я. Кузнецовымъ*. Изд. 2-е. Цѣна 75 коп.

Учебная книга сравнительной географіи. Курсъ гимназическій. 3 ч. Изд. 5. Цѣна за 3 части 1 руб. 60 коп.

Земля, растенія и животныя. Картина природы. *И. Ф. Скау*. Перев. со втораго нѣмец. изд. Цѣна 1 руб.

Учебная книга русской исторіи. Соч. *С. Соловьева*. Изд. 6-е. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Новая нѣмецкая азбука, заключающая въ себѣ, кромѣ обыкновенныхъ началъ, наставленіе для самоучащихся въ правильномъ произношеніи буквъ, разныя рѣченія, полезныя разговоры, нравоучительныя басни и повѣсти, съ показаніемъ первыхъ правилъ нѣмецкой этимологіи. Цѣна 20 коп.

Новый французскій букварь, заключающій въ себѣ, кромѣ обыкновенныхъ началъ, наставленіе для самоучащихся въ правильномъ произношеніи буквъ, разныя рѣченія, полезныя разговоры, нравоучительныя басни, избранныя повѣсти и ручной словарь, въ которомъ

помѣщены самыя употребительнѣйшія существительныя и прилагательныя имена, также глаголы, мѣстоименія, союзы и предлоги. Цѣна 30 коп.

Азбука, уроки чтенія и постепеннаго развитія мышленія. *Евгеніи Бутлеръ*. Цѣна 30 коп.

Первоначальное обученіе письму и чтенію. Сост. *И. Шарловскій*. Изд. 3-е, съ карт. Одобрено ученымъ комитетомъ мин. народн. просв. Цѣна 20 коп.

Дѣтскій міръ и христоматія, книга для класснаго чтенія, приспособленная къ постепеннымъ умственнымъ упражненіямъ и наглядному знакомству съ предметами природы. Изд. 7-е, исправл. и дополн., съ 105 рисунками въ текстѣ, въ 2-хъ частяхъ. Сост. *К. Ушинскій*. Спб. 1867 г. Рекомендована ученымъ комитетомъ, состоящимъ при 4 Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, „какъ прекрасное учебное руководство для низшихъ классовъ“. Цѣна каждой части 60 коп.

Родное слово. Для дѣтей младшаго возраста. Годъ первый. Азбука, и первая послѣ азбуки книга для чтенія, съ прописями, образцами для первоначальной рисовки и картины, въ текстѣ. Сост. *К. Ушинскій*. Изд. 4-е. Цѣна 35 коп.

То же. Годъ второй. Вторая послѣ азбуки книга для чтенія, съ карт. въ текстѣ. Изд. 4-е. Цѣна 35 коп.

То же. Книга для учащихся, совѣты родителямъ и наставникамъ о преподаваніи роднаго языка по учебнику „Родное Слово“. Годъ первый и второй. Изд. 4-е. Цѣна 40 коп.

Руководство къ умственнымъ упражненіямъ при преподаваніи отечественнаго языка, въ трехъ курсахъ, изд. *Е. Гуелемъ*. Изд. 3-е. Цѣна 75 коп.

Другъ дѣтей, книга для первоначальнаго чтенія. Сост. *П. Максимовичемъ*. Изд. 14-е, исправл. и дополн. Одобрено мин. народн. просв. для употребленія въ подвѣдомственныхъ ему учебныхъ заведеніяхъ. Цѣна 20 коп.

Книга для чтенія, учебное пособіе для преподаванія русскаго языка. Сост. *П. Бенедиктовъ*. Изд. 2-е. Цѣна 60 коп.

Русская грамматика. Младшій трехлѣтній гимназическій курсъ. Сост. *А. Антоновъ*. Изд. 4-е, исправленное. Цѣна 70 коп.

Сокращенная русская грамматика. *Востокова*. Изд. 14-е. Цѣна въ бум. 10 коп., въ кор. 14 коп.

Французская грамматика, съ упражненіями въ переводѣ и разговорѣ, или теоретико-практическое изученіе франц. языка съ ключемъ. Сост. *В. Иржибыльскій*. 2 части. Цѣна каждой части 75 коп.

Французская христоматія, съ отрывками для перевода съ русскаго, краткой этимологіей, синтаксисомъ, примѣчаніями и словаремъ, для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Сост. *Н. Фену*, преподаватель 1-й С.-Петербургской военной гимназіи. Спб. 1867 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Эта христоматія составлена по современнымъ педагогическимъ требованіямъ и приоровлена къ преподаванію французскаго языка въ высшихъ классахъ русскихъ гимназій. Сборникъ начинается краткимъ *resumé* этимологій, какъ для повторенія вкратцѣ пройденнаго въ нисшихъ классахъ, такъ и для справокъ въ случаѣ надобности. При выборѣ статей авторъ обратилъ особенное вниманіе на историческій отдѣлъ, который богатъ превосходными статьями, весьма интересными и содержащими цѣлыя эпизоды, такъ что сообщая полезныя историческія свѣдѣнія, онѣ весьма удобно могутъ служить матеріаломъ и для письменныхъ работъ: изложеній, сокращеній, сравненій и т. п. Есть также не мало статей дидактическаго содержанія; статьи по физикѣ, химіи и физиологій знакомятъ учащихся съ номенклатурой и научнымъ языкомъ этихъ наукъ. Отдѣлъ стихотвореній заключаетъ самые лучшіе образцы французской поэзіи. Статьи расположены въ строгой системѣ по трудности языка и слога. Каждая статья снабжена краткими біографическими свѣдѣніями объ авторѣ, его главнѣйшихъ сочиненіяхъ и ихъ содержаніи; за тѣмъ въ выноскахъ указаны всѣ входящіе въ статью галлицизмы и нужны для текста объясненія. Кромѣ того, для первыхъ 20 статей приложены въ концѣ книги синтаксическія правила, сравнительно съ русскимъ языкомъ, такъ что воспитанникъ, кромѣ объясненія преподавателя въ классѣ, имѣетъ подъ рукою все нужное для самаго легкаго и вмѣстѣ съ тѣмъ добросовѣстнаго приготовленія урока, ибо ему остается только сдѣлать справки по поставленнымъ въ текстѣ цифрамъ. Систематическое оглавленіе правилъ синтаксиса въ концѣ книги даетъ возможность въ каждомъ случаѣ, безъ потери времени, найти нужную справку и примѣры. Между французскими статьями вставлено не мало русскихъ отрывковъ изъ авторовъ, близкихъ русскому сердцу; статьи эти снабжены полнѣйшей фразеологіей и назначаются для переводовъ съ русскаго съ цѣлью повѣрять, отъ времени до времени, степень усвоенія воспитанниками синтаксическихъ правилъ языка, а равно и успѣховъ ихъ въ

изученію его. Къ сборнику приложенъ словарь, заключающій весь матеріалъ, входящій въ статьи (болѣе 6.500 словъ). Объясненія къ статьямъ, біографическіе очерки и синтаксическія указанія изложены для удобства воспитанниковъ учебныхъ заведеній, на русскомъ языкѣ. Такимъ образомъ хрестоматія заключаетъ въ себѣ одной все, что требуется для серьезнаго изученія французскаго языка.

Русская хрестоматія. Сост. *А. Галаховъ*. Изд. 11-е, съ перемѣнами, въ 2-хъ томахъ. Цѣна за 2 тома 1 руб. 75 коп.

Исторія русской словесности, древней и новой. Соч. *А. Галахова*. Т. 1. Цѣна 3 руб. съ подпискою на 2-й томъ.

Басни И. А. Крылова, въ 9-ти книгахъ. Изд. 9-е, полное Ц. 1 р.

Ручная книжка для грамотнаго поселянина. Изд. 7-е Цѣна 50 к.

Французскіе, нѣмецкіе и русскіе общественные разговоры, съ приспособленіемъ употребительнѣйшихъ словъ и краткихъ рѣченій для упражненія, изданные въ пользу юношества. Изд. 5-е. Цѣна 50 коп.

А. Бекетовъ. Бесѣды о землѣ и тваряхъ, на ней живущихъ. Въ 2-хъ книжкахъ. Изд. 3-е. Цѣна 50 коп.

Самоучитель живой нѣмецкой рѣчи, или руководство къ изученію нѣмецкаго языка безъ помощи учителя. *Дюбуа*. Цѣна 50 коп.

Самоучитель живой французской рѣчи, или руководство къ изученію французскаго языка безъ помощи учителя. *Дюбуа*. Цѣна 50 к.

Руководство къ зоологій, составленное по порученію министерства народн. просвѣщ. для гимназій Юліаномъ Симашко. 3-е, испр. изд. 2 части. Цѣна 2 руб.

Народная книга. В. Санина. (Счетъ). Цѣна 15 к.

Руководство къ арифметикѣ, изданное для употребленія въ уѣздныхъ училищахъ. 2 отдѣла. Цѣна 1-му въ бум. 6 к., въ кор. 10 к., 2-му въ бум. 10 к., въ кор. 18 к. Изд. 15-е.

Руководство къ элементарной геометріи, для употребленія въ уѣздныхъ училищахъ. Изд. 6-е. Цѣна въ кор. 27 к.

Основанія геометріи. Руководство, составленное для гимназій. Изд. 3-е. Цѣна въ кор. 45 к.

Собраніе арифметическихъ задачъ, расположенное по руководству къ арифметикѣ, составленному для уѣздныхъ училищъ. Изд. 13-е, испр. Цѣна въ кор. 18 к.

Упражненія въ геометріи, съ подробными рѣшеніями. Сост. *И. Хмыровъ*. Книжка первая. Ц. 1 р.

Приложеніе алгебры къ рѣшенію опредѣленныхъ геометрическихъ задачъ, въ такомъ объемѣ и порядкѣ, какъ требуется въ IV классѣ

гимназій, по послѣднему распредѣленію въ нихъ математическихъ наукъ. Сост. *А. Н. К. Больманъ*. Изд. 3-е Ц. 40 к.

Практическія упражненія въ алгебрѣ, составленныя по послѣднему распредѣленію преподаванія математики въ гимназіяхъ, *А. Н. К. Больманомъ*. Въ 3-хъ частяхъ. Изд. 5-е. Ц. 1 р.

Полная ариометика на счетахъ, или новыя и легчайшія способы для производства всякаго рода ариометическихъ вычисленій на счетахъ, съ нѣкоторою перемежною въ нихъ обыкновенномъ устройствѣ. Въ двухъ частяхъ. Сост. *А. Н. К. Больманъ*. Изд. 2-е. Ц. 75 к.

Собраніе ариометическихъ примѣровъ и задачъ. Сост. *Ө. Ожаровскій*, въ 2-хъ отдѣлахъ. Изд. 4-е, испр. Ц. 75 к.

Собраніе примѣровъ, формулъ и задачъ изъ бузвеннаго вычисленія и алгебры. Соч. *М. Гирша*. Перев. съ нѣмец. Изд. 6-е, въ 3-хъ отд. Ц. 1 р.

Учебное пособіе для военно-учебныхъ заведеній. Интегральное исчисленіе. Сост. *В. Беренсомъ*. Ц. 2 р. 50 к.

Курсъ начальной алгебры. Состав. для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. *К. Краевичъ*. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

Собраніе алгебраическихъ задачъ. Сост. для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. *К. Краевичъ*. Изд. 2. Ц. 75 к.

Руководство къ физикѣ *Э. Ленца*. Для русскихъ гимназій. Изд. 7-е исправленное. Спб. 1867. Ц. 82 к.

Краткое изъясненіе на лютургію, собранное изъ разныхъ писателей *Г. Мансветовымъ*. Изд. 8-е. Ц. 35 к.

Историческія чтенія изъ книгъ Ветхаго завѣта для употребленія въ училищахъ. Ц. въ кор. 17 к.

Тоже на славянскомъ языкѣ. Ц. 30 к.

Изъясненіе воскресныхъ и праздничныхъ евангелій, для употребленія въ училищахъ. Изд. 16-е. Ц. 19 к.

Краткая священная исторія церкви Ветхаго и Новаго Завѣта, издано для народныхъ училищъ Россійской имперіи. Изд. 24-е. Ц. въ кор. 10 к.

Священная исторія Ветхаго и Новаго Завѣта, *М. Богданова*. 2 ч. Ц. каждой по 60 к.

Краткая ботаника, курсъ гимназическій, по порученію Министерства Народнаго Просвѣщенія сост. профессоръ ботаники *И. І. Шиховскій* съ атласомъ 20 таблицъ изображеній и рисунками въ текстѣ. Изд. 4-е. Ц. 1 р.

Основанія физики. Съ 290 полнотипажамъ въ текстѣ. Состав. *К. Краевичъ*. Изд. 2-е, печатано съ 1-го изд., одобреннаго Учеб. Комит. по учрежденіямъ Императрицы Маріи. Ц. 1 р. 75 к.

Учебникъ физики. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ двухъ частяхъ, съ 664 полнотипажамъ въ текстѣ и литограф. таблицей. Сост. *К. Краевичъ*. Ц. за обѣ части 3 р. 25 к.

Общепонятная физика. Сост. *И. Писаревскимъ*. Изд. 2-е, вновь обработанное и умноженное. Въ 3-хъ частяхъ, съ 1.715 рисунками въ текстѣ. Ц. 7 р.

Очеркъ русской исторіи. *В. Санина*, вып. 1-й. Ц. 15.

Исторія Россіи. *Сергѣя Соловьева*. 16 том. Ц. 32 р.

Разказы про старое время на Руси отъ начала русской земли до Петра Великаго. *А. Петрушевскаго*. Удостоено Комитетомъ грамотности первой преміи. Изд. 2-е. Ц. 50 коп.

Курсъ ариметики и собраніе ариметическихъ задачъ. Соч. *А. Лева*. Изд. 7-е. Ц. 1 р.

Ариметика. Сост. *Н. Т. Щелловымъ*. 11-е изд. Ц. 75 к.

Руководство къ ариметикѣ. Сост. *В. Волесъ*. Изд. 2-е. Ц. 60 к.

Leçons de lecture à l'usage des classes inférieures des écoles par P. Tchépcefsky. Ouvrage approuvé par le Ministère de l'instruction publique. Ц. 50 к.

Musterstücke. Ein Lesebuch zum Gebrauch in den mittleren und oberen Klassen Russischer Lehranstalten. Mit Erläuterungen, erklärenden Anmerkungen und einem Wörterbuche, von *Moritz Masson*. (Образцовыя статьи). Ц. 75 к.

Prosaische und poetische Lesestücke. Ein Hilfsbuch beim Unterricht in der deutschen Sprache. Zum Gebrauch in den unteren und mittleren Klassen bearbeitet und mit einem Deutsch-Russischen Wörterbuche versehen von *Moritz Masson*. 7-е изд. (Сборникъ статей въ прозѣ и стихахъ. Книга сія одобрена для употребленія въ училищахъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, Комитетомъ военно-учебныхъ заведеній и главнымъ совѣтомъ женскихъ учебныхъ заведеній). Цѣна 75 коп.

Практическое руководство для постепеннаго упражненія въ переводахъ съ русскаго языка на нѣмецкій. Съ грамматическими примѣчаніями и русско-нѣмецкимъ словаремъ. Сост. *М. Массонъ*. 5-е исправ. изд. По опредѣленію Главнаго Правленія училищъ, принято въ руководство для гимназій и въ женскихъ и военно-учебныхъ заведеніяхъ. Спб. 1867 г. Ц. 75 к.

Генеральная карта Европы, съ показаніемъ почтовыхъ и желѣзныхъ дорогъ, составленная *Л. Ланцеромъ*, изданная *И. И. Глазуновымъ*. Съ дозволенія Военно-Топографическаго Дено, гравированная на мѣди и раскрашенная, на 4-хъ листахъ большаго формата шириною $2\frac{1}{2}$ аршина, длиною $1\frac{3}{4}$ аршина. Съ показаніемъ новой границы между Россією и Турцією. Составитель этой карты, коллежскій совѣтникъ *Л. П. Лангеръ*, извѣстный уже публикѣ изданными прежде картами пяти частей свѣта и всеобщимъ атласомъ, употребилъ на этотъ трудъ болѣе двухъ лѣтъ, руководствуясь самыми новѣйшими иностранными картами, также послѣдними картами Географическаго Общества и Военно-Топографическаго Дено. Гравированіе ея поручено было лучшимъ художникамъ и исполнено такъ, что въ этомъ отношеніи не остается желать лучшаго, и смѣло можно сказать, что такъ хорошо изданной карты на русскомъ языкѣ еще не было. Карта эта въ учебныхъ заведеніяхъ можетъ съ большою пользою замѣнить прежде изданныя, несовсѣмъ вѣрныя, стѣнные карты, и также служить отличнымъ пособіемъ для каждаго образованнаго человѣка. Цѣна ей въ листахъ 5 р., накл. на холстѣ и въ футлярѣ 8 р.

Училище благочестія или примѣры христіанскихъ добродѣтелей, выбранныя изъ житія святыхъ. 2 т. Изд. 9-е. Спб. 1864 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бесѣды краткія о Божественной Литургіи св. Іоанна Златоустаго, сост. свящ. *В. Разумовскимъ* и произнесенныя имъ въ церкви св. Ап. Павла, что на Александр. мануфактурѣ. Спб. 1857 г. Ц. 75 к.

Опроверженіе на выдуманную жизнь Іисуса, соч. *Эрнеста Ренана*, сост. аббатомъ *Гѣте*, пер. съ франц. *Тимковскаго*, 4 ч. Спб. 1864—1866 г. Ц. 60 к. за каждую часть.

Сочиненія епископа Игнатія: Аскетическіе опыты. 2 т. Спб. 1865 г. Ц. 6 р. Тожд., томы 3-й и 4-й. Спб. 1867 г. Ц. 5 р.

Сочиненія, письма и избранныя переводы Д. П. Фонъ-Визина. Съ портретомъ автора, гравированнымъ въ Лейпцигѣ, со статьею *А. П. Пятковскаго*: „О жизни и сочиненіяхъ Фонъ-Визина“, съ его же пояснительными примѣчаніями къ тексту и библиографическими замѣтками *П. А. Ефремова*, которымъ былъ приготовленъ къ печатанію самый текстъ. *Большой томъ въ 700 страницъ* убористой печати. Спб. 1866 г. Ц. 2 р.

Почти половиною этого тома не было въ составѣ послѣдняго собранія сочиненій Фонъ-Визина, изданномъ *А. Ф. Смирдинымъ*. *Дополненія* взяты изъ разныхъ старинныхъ изданій и изъ рукописей, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, Академіи Наукъ

и у частныхъ лицъ. Всего добавлено: 1) 39 писемъ къ гр. П. И. Панину, 2) болѣе 20 писемъ къ роднымъ, 3) пять писемъ къ разнымъ лицамъ, 4) письмо къ „Стародуму“, 5) дополненіе къ жизни гр. П. И. Панина, 6) два драматическіе отрывка, 7) два отрывка прозаическихъ статей и одинъ въ стихахъ, 8) предисловіе Фонъ-Визина къ его переводамъ, 9) два полные большіе перевода и два отрывка изъ переводовъ и др.

Томъ этотъ составляетъ первый выпускъ предпринятаго изданія „Собранія сочиненій замѣчательнѣйшихъ писателей XVIII и XIX столѣтій“. Многія изъ лицъ, специально занимающихся исторіею русской литературы, обѣщали свое содѣйствіе въ настоящемъ изданіи, а общую редакцію его, по просьбѣ издателя, принялъ на себя П. А. Ефремовъ. Изданіе будетъ продолжаться безъ перерывовъ.

Сочиненія Кантемира съ біографіею его, сост. Стоюнинымъ. Спб. 1867 г. Ц. 2 р.

Сочиненія Василія Майкова съ біографіею его, сост. Л. Майковымъ. Ц. 2 р.

Руководство къ осушенію и воздѣлыванію болотъ. П. Введенскаго. Изд. 2-е. Спб. 1861 г. Ц. 1 р.

Философскій лексиконъ. Томъ 1-й А. В. В.—С. П. Изд. 2-е. Спб. 1859 г. Ц. 2 р. 50 к.

Телемакъ. Abrégé des aventures de Télémaque d'après l'ouvrage de Fénelon. Edition classique, à l'usage des gymnases, corps des cadets et pensionnats par S. Einerting. 8-е изд. Спб. 1860 г. Ц. 1 р.

Д. Н. Зейденштюкера начальныя правила для обученія французскому языку въ пользу русскаго юношества сост. и доп. Я. Ланеномъ. Изд. 7-е пересмотр. Спб. 1858 года. Ц. 50 к.

Margot. Cours élémentaire et progressif de la langue française à l'usage des classes inférieures et moyennes des écoles. 13-me édition. St.-Pet. 1867. Ц. 80 к.

Носель и Шапсаль. Nouvelle grammaire française sur un plan très-méthodique, avec de nombreux exercices d'orthographe, de syntaxe et de ponctuation, tirés de nos meilleurs auteurs et distribués dans l'ordre des règles; par M. Noël et M. Chapsal. Спб. Ц. 75 к.

Шмидта. Карманный французско-русскій и русско-французскій словарь. Сличенъ съ новѣйшими словарями и дополненъ по нимъ П. Кондыревъ. Изд. 2-е. Спб. 1865 г. Ц. 2 р.

Шмидта I. Карманный русско-нѣмецкій и нѣмецко-русскій словарь. Дейшигъ, Ц. 1 р. 25 к.

Учебникъ нѣмецкаго языка, сост. *В. Пржибыльскимъ*, по методѣ *Оллендорфа*, 2 кн. Спб. 1867 г. Ц. 1 р. 50 к.

Фишера, Ад. Начальная книга нѣмецкаго языка для русскаго юношества. Спб. Ч. 1-я. 1867. Ц. 25 коп. Ч. 2-я. 1866. Ц. 50 к.

Маака, А. Учебникъ нѣмецкаго языка. Курсъ 1-го класса. Спб. 1866. Ц. 25 к. То же курсъ 2-го класса. Изд. 2-е. Спб., 1864. Ц. 35 к. То же курсъ 4-го класса. 1866. Ц. 50 к.

Сочиненія Лермонтова. Приведенныя въ порядокъ и дополненныя *С. С. Дудышкинымъ*, 2 тома. Изданіе второе, свѣренное съ рукописями и дополненное. Съ 2 портретами поэта, гравированными на стали въ Лейпцигѣ, и двумя снимками съ почерка Лермонтова. Ц. 3 р. 50 к.

Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалаго купца. Калашникова. *М. Ю. Лермонтова*. (1837). Съ 12 рисунками Шарлемани и съ новымъ портретомъ Лермонтова, гравиров. въ Лейпцигѣ. Ц. 50 к.

Учебная книга географіи. Соч. *Даніеля*. Перевель съ 11-го нѣмец. изд. *А. Корсака*. 8 д. л. Ц. 2 р. 50 к.

Физиологическія картины. *Людвика Бюхнера*; Перев. съ нѣмец. *А. С. Усовъ*. 8 д. л. 2-е изд. 1 р. 25 к.

Троицескій міръ въ очеркахъ животной и растительной жизни. Соч. *Гартмана*, автора „Море и его жизнь“. Перев. съ нѣмецк. *С. А. Усовъ*. Въ 8 д. л., съ шестью хромофотограф. картинами. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 50 к.

На берегу моря. Зоологическіе этюды въ Ильфракомбѣ, Тенби, на Сицилійскихъ островахъ и на Джерзи. Соч. *Г. Г. Льюиса*, автора „Физиологіи обывденной жизни“. Перевель съ англійскаго втораго изданія *Андрей Минъ*. Съ 7-ю литограф. рис. 8 д. л. Ц. 2 р.

Растеніе и его жизнь. Популярныя чтенія профессора *Шлейдена*. Перев. съ 5-го послѣдняго нѣмец. изданія профессоръ Московскаго университета *С. А. Рачинскій*. Къ этому переводу прибавлены: предисловіе, написанное Шлейденомъ, и статья Рачинскаго: „По поводу картины де-Геема“. 8 д. л., съ превосходными хромофотограф. карт., полтипажами и таблицами, исполненными Бахманомъ. Ц. 3 р.

Содержаніе книги: Два предисловія Шлейдена, одно изъ нихъ къ русскому переводу.—По поводу картины де-Геема. Статья С. Рачинскаго.—Глазъ и микроскопъ.—О внутреннемъ строеніи растеній.—О размноженіи растеній.—Морфологія растеній.—О погодѣ.—Вода и ея движеніе.—Море и его жители.—Чѣмъ живетъ человѣкъ?—О молочномъ сокѣ растеній.—Нѣсколько словъ о кактусахъ.—Географія растеній.—Исторія растительнаго царства.

Этюды (Studien). Популярныя чтенія профессора *Шлейдена*. Перевелъ съ 2-го послѣдняго нѣмец. изданія ординарный профессоръ Московскаго университета *Я. Н. Калиновскій*. 8 д. л., съ портретомъ Шлейдена, хромолиитограф. картиною, картою и таблицами. Ц. 2 р. 50 к.

Содержаніе книги: *Миражъ*, вмѣсто введенія. — Переселеніе въ органическомъ и неорганическомъ мірѣ. — Франклинъ и экспедиціи въ полярныя страны. — Природа звуковъ и звуки въ природѣ. — Душа растений. — *Свенденборгъ* и *суевѣріе*. — *Валенштейнъ* и астрологія. — Мечтанія естествоиспытателя при дунномъ свѣтѣ. — Волшебство и вѣра въ явленія духовъ.

Руководство къ изученію садоводства и огородничества. Сост. *Э. О. Рено*. Изд. 3-е, исправленное, съ рисунками въ текстѣ. 8-ю д. л. Ц. 2 р. 50 к.

Огородничество. Соч. *Люкаса*. Перевелъ съ послѣдняго нѣмец. издан. профессоръ Московскаго университета *Я. Н. Калиновскій*. Съ политипажами. Цѣна 2 р.

Оглавленіе 1-й части: Введеніе. — Общія понятія объ огородничествѣ, степень его доходности и опредѣленіе прибыли. — Распоряженіе и устройство огорода. — Орудія и прочая утварь, употребляемая въ огородничествѣ. — Обработка огородной земли. — Удобреніе огородовъ. — Поливка, посѣвъ, пересадка на мѣсто. — Перезимованіе овощей въ огородѣ. — Бѣленіе овощей. — Уборка и сбереженіе огородныхъ продуктовъ. — Уничтоженіе вредныхъ для огорода животныхъ и насѣкомыхъ.

Оглавленіе 2-й части: Однолѣтнія овощи. — Однолѣтнія салатныя астенія. — Десертныя овощи. — Двухлѣтнія овощи. — Многолѣтнія овощи. — Многолѣтніе десертные плоды.

Руководство къ химическому изслѣдованію важнѣйшихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Соч. доктора *Э. Вольфа*, профессора въ королевской сельско-хозяйственной академіи въ Гогенгеймѣ. Перев. съ нѣмец. *Иванъ Похвисневъ*. Цѣна 50 к.

Сборникъ математическихъ задачъ для межевыхъ учебныхъ заведеній. Составленъ *А. Ламовскимъ*. Изд. 3-е. Цѣна 1 р. 50 к.

Генеральныя карты пяти частей свѣта, какъ-то: Европы, Азіи, Африки, Америки, Австраліи и полушарія. Сост. *С. Лангеромъ*, съ при-совокупленіемъ географическо-статистическихъ таблицъ. На 6-ти листахъ большаго формата. Цѣна за всѣ 6 картъ 6 р., наклеенныя на холстѣ и въ футлярѣ 10 р.

Судьба. Романъ въ трехъ частяхъ. Сочин. Софьи 3—ной. Цѣна 1 р. 50 к.

Жизнь графа Сперанскаго. 2 т. въ 5-ти ч., исправленное изданіе. Цѣна 3 р.

Атласъ географическій и всеобщій, сост. по Дюфуру и приспособленный къ географіямъ: *Бланка, Арсеньева, Шульгина, Соколовскаго, Ободовскаго* и другихъ, *Лангеромъ*, состоящій изъ 30-ти картъ въ полулистъ большаго формата. Изд. 3-е, исправ. и дополненное. Цѣна 3 р.

Медицинская физика. О теплотѣ, производимой живыми существами. Соч. *Ж. Газарре*, перев. съ франц. *Вертоградовымъ* подъ ред. проф. *Чистовича*. Съ 41 полит. въ текстѣ. Цѣна 1 р. 75 к.

ЗЕМНЫЕ ГЛОБУСЫ

РАЗНЫХЪ ФОРМАТОВЪ.

Цѣна отъ 3-хъ до 20-ти рублей.

ОКОНЧЕНА ПЕЧАТАНІЕМЪ

Систематическая роспись книгамъ, продающимся въ С.-Петербургѣ у *Ив. Ил. Глазунова*, въ д. Публичной Библиотеки № 21 и 22. Составлена за послѣднее десятилѣтіе (1857—1866 г.), съ указаніемъ находящихся нынѣ въ продажѣ книгъ, вышедшихъ до 1857 г., всѣхъ изданій Св. Синода и Императорской Академіи Наукъ и всѣхъ книгъ, изданныхъ въ первое полугодіе 1867 г. Къ росписи приложенъ алфавитный указатель по именамъ авторовъ, переводчиковъ и редакторовъ. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться за всѣми вообще книгами, какъ вновь выходящими, такъ и прежде изданными, въ С.-Петербургѣ, на имя *Ивана Ильича Глазунова*. Пересылку книгъ и картъ магазинъ *И. И. Глазунова* принимаетъ на свой счетъ (кромя казенныхъ изданій и книгъ, выходящихъ по выпускамъ) при требованіи не менѣе какъ на одинъ рубль.

Для учебныхъ заведеній дѣлается значительная уступка.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

1. По вопросу о способахъ образованія крымскихъ Татаръ.
2. Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университетовъ, б) гимназій и в) начальныхъ народныхъ училищъ.
3. Пренія во французской законодательной палатѣ по вопросу о начальномъ обученіи.
4. Открытіе Императорскаго историко-филологическаго института.

Редакторъ А. Георгіевскій.

(Вышла 29-го ноября.)

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
ВЪ 1867 ГОДУ

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогич и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (по Николаевской улицѣ, домъ Губиныхъ, № 13) по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ отъ 10 до 12 часовъ утра, въ С.-Петербургской и Московской газетныхъ экспедиціяхъ и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. Иногородные адресуются прямо въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ пересылкой или доставкой тринадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ. Книжки выходятъ въ концѣ каждаго мѣсяца.